

ФАНТАСТИКА 2003
выпуск 2

ФАНТАСТИКА

2003
выпуск 2

ЕРГЕЙ
УКЪЯНЕНКО

ОРИЙ
БУРНОСОВ

ЛЕОНИД
КАГАНОВ

МИТРИЙ
КАЗАКОВ

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

И ДРУГНЕ...

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

ФАНТАСТИКА

2003

ВЫПУСК 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО **act** • МОСКВА • 2004

ЕРМАК

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Ф22

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Подписано в печать 28.10.2003. Формат 84х108 $\frac{1}{32}$
Усл. печ. л. 36,12. Тираж 15 000 экз. Заказ № 4835

Фантастика 2003. Вып. 2: Сб. — М.: ООО «Издательство
Ф22 АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 681, [7] с. — (Звездный
лабиринт).

ISBN 5-17-021385-9 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9577-0853-4 (ЗАО НПП «Ермак»)

Перед вами очередной выпуск альманаха «Фантастика».
Сборник, произведения которого представляют собой ВСЕ
направления жанра.

Мастера С. Лукьяненко и В. Головачев. Лидер «новой волны»
отечественной научной фантастики Л. Каганов. Новые таланты — и
признанные писатели.

Фантастика ироническая — и серьезная, научная — и ненаучная
абсолютно!

А также — блестящие критические статьи и библиография всей
отечественной фантастики за 2001 год.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

РАССКАЗЫ

Владимир Антонов

СКУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Наташку я знаю давно — с первого класса. С тех пор и дружим. Честно говоря, второй такой девчонки в нашем городе нет и пока не предвидится. Судите сами — волосы коротко подстрижены и покрашены в синий цвет (у нас в парикмахерской так стричь еще не научились, так она чуть ли не в Москву ездит, специально за этим); в носу сережка вставлена (это она сделала там же, где и стриглась); ботинки у нее на пятнадцатисантиметровой подошве; джинсы, маечки, кофточки — все такое чудное (она их все сразу купила, когда первый раз стричься ездила. Магазин «Секонд хенд» называется, говорит: недорого совсем)!!!

Но не это ее от всех остальных отличает — одеться-то каждый может, делов-то... А отличает ее от всех остальных, ну, не знаю, как это сказать, образ мыслей, что ли... Короче, скучно ей здесь... Как она сама говорит: «Нет здесь у людей фантазии... Скучно живут-то и сами того не замечают». И то верно! Какие тут у нас развлечения? Разве что подерутся наши с Кирпичами (ну, с теми, кто возле Кирпичного завода живет), да и то давно уж никто не дерется, языками чешут только. Ни дискотеки приличной, ни клуба какого-нибудь ночного, ни, как Наташка говорит, «клевой тусовки».

«Эх, родиться бы мне в Москве или, еще лучше, в Амстердаме, — часто Наташка повторяет. — Вот там жизнь! А здесь и журналов модных-то днем с огнем не сыщешь. Даже MTV не показывает!»

Но в общем-то не такой Наташка человек, чтоб руки опускать. Пускай от ее прически все шарахаются и пальцем вслед показывают, а она все равно так ходит и ходить будет. А раз тут никого из «клевой тусовки» нету, так она решила свою тусовку сделать. Взяла она меня по старой дружбе и еще Кольку Спиридонова (она его Спиритом зовет) и стала «культурно воспитывать». Принесла кучу журналов цветных с какими-то чудными названиями; кассеты с «прогрессивной» и «клубной» музыкой давала слушать (там мне одна песня нравится — как будто кто-то полчаса дрелью сверлит); потом еще кино нам по видуку показывала про какое-то шоссе (я вообще ничего не понял, но виду не показал). А один раз приехала после очередной стрижки (теперь все у ней зеленое на голове), вся от счастья светится. Говорит: «Я вам такую книжку привезла, закачаесть!» И правда книжка интересная — про Чапаева. Я ее с удовольствием прочитал, правда, некоторые места пропустил — че-то скучное там было, но вообще книжка классная.

Наташка вообще, как стричься едет, обязательно чего-нибудь модное привезет. Так и живем, от одной стрижки до другой, а в промежутках — «информационный вакуум».

И вот однажды приходит Наташка ко мне домой мрачнее тучи. И говорит: «Все, так больше продолжаться не может, или я с ума сойду!» Я аж испугался, никогда ее такой раньше не видел.

— Что случилось? — спрашиваю.

— Да ехала я сегодня на автобусе в кирпичный поселок... Ты даже не представляешь, какая у людей скучная жизнь!!! Едут всегда одной дорогой и туда, и обратно, каждый день. За окном всегда одно и то же: или заборы, или кусты чахлые... Ничего нового! От этого однообразия с ума сойти можно! Они уже ничем не интересуются. Даже между собой не разговаривают, прям как мертвые! Ничего им не интересно!

Ну, у меня от сердца отлегло, ничего страшного не произошло вроде бы. Дальше слушаю.

— Ну так вот что я придумала... Надо их встряхнуть, да и мы заодно себя покажем, хватит нам уже чужой жизнью жить, самим действовать пора... В общем, так... Завтра со Спиритом приходите в десять утра к остановке, там все и расскажу.

И ушла. А я сижу и думаю, что она там насочиняла. Подумал-подумал, да и спать лег.

На следующее утро пришли мы с Колькой как договорились. Минуты две постояли — глядим, Наташка идет. Поздоровались мы с ней, тут она нам все и рассказала.

В общем, план такой. Садимся мы все в автобус, едем и по условному знаку, который нам Наташка подаст, начинаем во все окна пальцами тыкать и кричать: «Смотрите, смотрите, дракон! Вон, вон в небе летит! Какой красивый, красный, огонь из пасти... шесть крыльев», ну и все такое. Вот, собственно говоря, и все.

— Вы, главное, сами верьте во все, что говорите, — учила нас Наташка, — тогда и другие поверят. Основная проблема этих людей — то, что нет у них фантазии. Ведь человек с фантазией даже здесь, в этом захолустье, может увидеть такие страны, такие миры, которые даже в «Клубе путешественников» не показывают. Главное — все очень хорошо представлять, тогда наши фантазии станут реальностью, это я вам точно говорю!

Ну, в общем, стали мы так людей развлекать. Мне, честно говоря, первое время страшно было — вдруг побьют. Ничего, не побили... Сначала, конечно, смотрели на нас как на дураков, а потом привыкли. И вроде даже это действовать начало — улыбаться больше стали (правда, они, как Наташкины волосы увидят, и так всегда улыбались), оживились как-то. Мы уж известными стали, про нас слухи пошли... Однажды слышу в магазине две женщины разговаривают: «И знаешь, кто у них за главного? Наташка Климова, дочка Любы Бугровой... Да видела ты ее, у нас одна такая с такой прической...»

Наташка довольная ходит, говорит: «Это только начало, вот увидите! Все у нас по-другому будет, люди уже оживать начали, а скоро и сами творить будут!»

Мы не только драконов показывали. Мы и белых лошадей с золотыми гривами видели, и оленей с серебряными копыта-

ми, и попугаев разноцветных целыми стаями, да много чего еще Наташка напридумывала (у ней книжек всяких много было, отсюда и брала). Но больше всего мне нравилось другое.

Перед самым кирпичным поселком автобус переезжал длинный мост через реку. И в этой реке мы иногда показывали дельфинов. Глядя на солнечные блики, играющие на темной воде, мне и вправду казалось, что я вижу целую дельфинью стаю, то взлетающую над водой, то вновь скрывающуюся в волнах. Я даже видел их блестящие мокрые спины с острыми плавниками, режущие полотно реки, и мне казалось, что до моих ушей доносился зовущий с собой крик дельфиньего вожака...

Ну так вот, едем мы, значит, однажды через мост и кричим: «Смотрите, дельфины! Вон-вон, целая стая! Точно, смотрите!..» Ну, люди оживляются как-то, в окна смотрят, разглядеть пытаются, улыбаются, шушукуются... Только один парень, молодой еще, лет двадцать, может, побольше чуть, сидит смотрит куда-то вниз и не реагирует никак. Ну, Наташка, понятное дело, привыкла, чтоб на нее реагировали. Подбегает, значит, она к нему и кричит: «Ну посмотрите, там же дельфины! Неужели вы их не видите?»

Парень на секунду поднял свои печальные глаза, посмотрел туда, куда настойчиво показывала Наташка, тяжело вздохнул и сказал:

— Да вижу я, вижу... И дельфинов, и драконов, и единорогов этих... Только чего так радоваться-то? Они же всегда здесь, каждый день... Скучно...

И снова голову опустил.

А мы всю оставшуюся дорогу проехали молча, наблюдая через пыльные окна автобуса, как в голубом небе кувыркается золотой дракон, стараясь проглотить свой собственный хвост...

27.06.01

Леонид Каганов

МАММА СОННИМ

*Когда болеет дерево, никто
Под ним не отдыхает у дороги.
А под здоровым деревом всегда
Прохожий ищет тени и приюта.
Но вот оно без веток, без листвы,
И на него теперь не сядет птица.**

Сон Кан (Чон Чхоль)

— Теперь тихо! — сказал Капитан. — Подъезжаем.

И разговоры смолкли на полуслове. Джип мягко сбавил ход и прижался к обочине шоссе. Из низкого кустарника торчали две ржавые стойки, между ними было распято узкое железное полотенце с белыми буквами на осыпавшемся голубом фоне «п/л КУКУШКА — 4 км». Сразу за табличкой в лес уходила асфальтовая дорога — ровно по габаритам лагерного автобуса, возившего когда-то пионеров. Страшно представить, что произошло бы, столкнись тут два автобуса — одному бы пришлось пятиться обратно.

Джип качнулся и съехал с шоссе. Сразу под колесами угрожающе затрещало — дорожка была разбитой и запущенной. Из поседевшего асфальта пучками лезла жесткая летняя трава, валялись камни и сплюснутые жестянки. А стоило въехать в

* Перевод А. Ахматовой.

лес, появились корни, и асфальт стал похож на куски кафеля, изжеванные гигантским животным и разбросанные как попало по лесной тропе. Джип медленно полз сквозь ельник. Справа и слева мелькали тяжелые хвойные лапы, а когда лапы на миг расступались, в темных провалах возникали сырые ямы, доверху заваленные мусором. Над ними стоял кислый запах ржавчины и пластика. Казалось, жители всей области привозили сюда хоронить скончавшиеся холодильники и комоды. А заодно, по древним варварским обычаям, клали в их могилы все, что окружало монстров при жизни: старые кастрюли, пластиковые бутылки, тряпки и детские игрушки.

В одной из ям рылись две собаки — огромные, словно волки, грязно-бурой масти. Увидев джип, они прекратили рыться в куче, как по команде задрали морды, оскалили желтые клыки и проводили машину долгим понимающим взглядом.

— Останови через километр, — произнес Капитан и оглядел салон.

Все в порядке. Ребята готовы. Спокойные, сосредоточенные лица. Не первый год вместе. Слаженная команда, понимают друг друга с полуслова. Много повидали, но всегда справлялись. Спецгруппа быстрого реагирования, чего тут говорить.

Ямы скоро кончились, по обочинам замелькал лес — сырой и чистый.

— Здесь стой, — обронил Капитан, и водитель тихо заглушил мотор. — Ким, выйдешь здесь. Гранатомет берешь ты. Задача: не выдавая присутствия, наблюдать за обстановкой. Докладывать. В огневой контакт не вступать. Гранатомет использовать только по моей команде. Контролируешь дорогу. Это на случай непредвиденного. Если они вызовут помощь или попытаются уйти. Давай!

Неразговорчивый Ким привстал, небрежно взял гранатомет за ствол и вышел наружу. Его низкая фигурка сразу исчезла в ельнике — даже ветки не качнулись. Команда проводила его молчаливым взглядом. Ким считался железным человеком.

— Заболодин, Касаев — идут на выход перед самым выездом на поляну. Петеренко, притормозишь. Разойтись, окружить здание. В огневой контакт — по моей команде. Либо по необходимости. Подъезжаем к зданию, сразу на выход все. Артамонов идет со мной, чуть впереди. Петеренко остается у машины, используя как укрытие. Вопросы?

Вопросов не было. Только Заболодин хмыкнул себе под нос: — Дом Агиева с такими предосторожностями не брали... Но Капитан услышал.

— Разговоры! — отрезал он. — Еще раз повторяю. Кто не понял. Здесь пропала группа Тарасова. В полном составе, без следов. Связь оборвана.

Заболодин уставился на Капитана. Остальные молчали.

— А ты думал, учебная тревога?

Заболодин молчал. Наступила пауза, и было слышно, как лесной сквозняк с тихим шепотом забирается в щели салона.

— Работаем! — кивнул Капитан.

Мотор взревел, и джип понесся вперед по корням и обломкам асфальта. Несколько раз его сильно потрянуло, словно могучие лесные кулаки били в днище, а потом скорость выровнялась, и удары превратились в глухую вибрацию. Затем джип резко притормозил. Касаев и Заболодин выкатились в ельник, прощально хлопнув дверцей. Машина снова рванула вперед, и вдруг все кончилось — деревья расступились, открывая здоровенную поляну. В центре возвышался пятиэтажный корпус пансионата, бывшего пионерлагеря. Здание было выстроено на совесть и выглядело бы еще довольно молодо, если б на каждом окне, на каждом клочке штукатурки не лежала печать заброшенности.

Асфальтовая дорожка вела прямо к козырьку парадного крыльца — мимо покалеченного шлагбаума, мимо пятачка стоянки для автобуса. Слева торчали останки спортплощадки — скелет футбольных ворот и ржавая лестница из толстых труб, устремленная в небо почти вертикально — словно в небе разгорелся пожар, его полезли тушить, да так и не добрались. Справа от дорожки была детская площадка — там виднелась дуга бывших качелей и раздолбанная песочница. В песочнице сидела девочка лет пяти с очень серьезным личиком, и это, наверно, удивило бы Капитана, если бы он умел удивляться во время боя.

Джип взревел последний раз и развернулся боком, глухо урча. Разом открылись двери — Петеренко выскочил из-за руля и укатился под джип, сжимая в руках штурмовик. Капитан и Артамонов выпрыгнули в сторону здания, но их движения и осанка тут же приобрели ту степенность, которая положена людям, собирающимся говорить, прежде чем стрелять.

Стрелять было не в кого. Капитан и Артамонов направились к песочнице, синхронно держа правые руки за отворотами курток.

Девочка не обратила на них ни малейшего внимания, и Капитан сперва даже подумал, что она глухонемая. На ней было красное платьице и белые сандалики, а редкие кудри украшал здоровенный бант. Девочка сосредоточенно тыкала совком в кучу старого песка, перемешанного с листьями и хвоей. Капитан подошел к песочнице первым. Девочка подняла на него взгляд — глаза у нее были непроницаемо черные и очень серьезные. Артамонов отошел на пару шагов вбок и тревожно оглядывал здание.

— Привет, малышка, — сказал Капитан и улыбнулся, показав крепко сжатые зубы.

Девочка не ответила, опустила голову и снова принялась ковырять совком, выстраивая песочный холм.

Капитан оглянулся на Артамонова. Тот взмахнул рукой и пальцами сложил в воздухе несколько знаков подряд: «Опасности не вижу, контролирую левое крыло и середину...» Капитан быстро скользнул взглядом по правому крылу — снизу вверх до земли. Особо внимательно кольнул взглядом куст сирени, прикрывающий угол дома. Тут тоже все было спокойно. Капитан перевел взгляд на девочку и снова нарисовал на лице улыбку.

— И что ты здесь делаешь?

— МЕДВЕДЯ ЗАРЫВАЮ, — вдруг ответила девочка таким хриплым голосом, что Капитан вздрогнул.

— А взрослые где?

Девочка не ответила.

— Петеренко! — рявкнул Капитан в отворот куртки. — Укрой ребенка в машине! Вытяни информацию. Не бей, но не церемонься.

И, не дожидаясь ответа, пружинисто направился к козырьку здания.

Дверь была распахнута, изнутри сочился влажный сумрак. В вестибюле на полу валялось несколько матрасов, и сквозняк гонял сухие листья. Капитан отпрыгнул в сторону и замер,

вжавшись в стену. Артамонов, войдя следом, бросился на пол, перекувыркнулся, сгруппировался и замер в противоположном углу вестибюля. Дом дышал вековой пылью.

— Прикрой! — скомандовал Капитан и метнулся к лестнице.

На лестнице тоже валялся старый матрас, из его распоротого брюха ключьями торчала вата и солома. Капитан перепрыгнул его и пружинисто взлетел на второй этаж. Артамонов двигался за ним короткими перебежками — от стены к стене.

Здесь тоже не пахло человеческим жильем. Пахло ветром, лесом, корой и прелыми листьями. Вдоль коридора гуляли лесные сквозняки, а прямо напротив лестницы валялась маленькая детская кукла — грязно-зеленый крокодилчик с распоротым животом. Он лежал на боку и глядел на Капитана грустными пластиковыми глазами.

Капитан указал стволом штурмовика наверх и пошел дальше. Артамонов двинулся следом. Так они добрались до последнего, пятого этажа и прошли по его коридору. Дом был пуст. Возле одной из дверей Артамонов замер и вдруг резко распахнул ее. Капитан подскочил и заглянул внутрь.

Обычная комната, только железные кровати кто-то разобрал и свалил в углу. Стены измазаны бурой гадостью, потолок закопчен, по углам валялись бутылки и небольшие кости — то ли собачьи, то ли козлиные. А посередине комнаты на желтом линолеуме нарисован скошенный пентакль. В середине пентакля, в оплавленных лоскутах линолеума, чернело старое костровище с торчащими во все стороны головешками и обрывками недогоревших газет.

А вокруг пентакля разбросаны маленькие детские игрушки — пластиковые зайчики и поросята, плюшевый слоник, несколько солдатиков и голенастая кукла без одежды. Капитан посмотрел вверх на закопченный потолок, а затем глянул в разбитое окно — прямо в тусклое лицо заходящего солнца, сползающего в ельник.

— Здесь давно никого нет. — Артамонов плюнул в центр пентакля.

— Здесь нет и группы Тарасова, — возразил Капитан. — Будем искать следы.

Он задумчиво подошел к окну, взялся рукой за отворот куртки и негромко произнес:

— Петеренко! Что говорит ребенок?

Ответа не было.

— Петеренко! — повторил Капитан.

Ответом была тишина, только за спиной слышался тихий вой сквозняка. И тут ему на плечо легла рука.

Капитан резко обернулся, но это был Артамонов. Только глаза у него сейчас стали круглые и испуганные, он не мигая смотрел в окно. Капитан повернулся к окну и сперва даже не понял, в чем дело. Чего-то не хватало в пейзаже — вроде на месте был и лес, и уходящее солнце, и асфальтовые дорожки, и разбитая спортплощадка с песочницей... Не хватало только джипа. Капитан мог поклясться, что звука уезжающей машины за все это время не было, но вот в какой момент исчезло ворчание мотора на холостых оборотах — этого он, к своему удивлению, тоже вспомнить не мог.

— Замереть! — шепнул Капитан, отпрыгнул назад и тревожно вытянулся.

Артамонов отпрыгнул и замер с левой стороны окна. Несколько минут они стояли друг перед другом навтыжку, как курсанты в карауле. В воздухе разливалась безмятежная, спокойная тишина. Сонно шуршал ельник за окном, и тихо пели сквозняки в коридорах. Наконец во дворе раздался тихий скрежет, словно кто-то тяжелый шел по снежному насту. Затем снова и снова. Капитан сжал зубы, многозначительно глянул на Артамонова, медленно поднял ствол и снова выглянул в окно.

В песочнице сидела девочка и тыкала совочком. Совочек входил в песок с тихим скрежетом, девочка сосредоточенно раскапывала холмик, и теперь оттуда торчала бурая лапа плюшевого медвежонка.

Неожиданно в наушнике раздался голос Кима.

— Капитан, у меня все тихо, — сообщил Ким. — Что у вас стряслось?

— Пропал джип, — сказал Капитан шепотом. — Не проезжал?

— Никто не проезжал.

Капитан решительно потряхнул головой и рывкнул в воротник:

— Заболодин, Касаев! Живы?

— Жив, — тут же откликнулся Касаев. — Вижу Заболодина.

— Я в порядке, — сказал Заболодин.

— Касаев, где наш джип?! — рявкнул Капитан.

— Мы с тыла здания, — ответил Касаев. — Отсюда не видно. Но я ничего не слышал.

— А я уже на углу, — сообщил Заболодин. — Вижу поляну. Джипа не вижу. Вижу грузовик.

— Какой грузовик?! — Капитан осторожно высунулся.

Действительно, приглядевшись, он увидел на месте джипа маленький игрушечный грузовичок. В кузове сидел резиновый пингвинчик.

— Б...!!! — с чувством произнес Капитан так громко, что девочка прекратила тыкать совком, подняла голову и уставилась снизу на Капитана черными немигающими глазами.

Капитану стало не по себе, и он отшатнулся от окна.

— Что же это? — спросил Капитан растерянно.

Но в следующий миг взял себя в руки, кивнул Артамонову на дверь, чтоб прикрывал на случай атаки, а сам выдернул из кармана спутниковый трансивер. По инструкции, это надо было сделать уже давно, с самого начала. Артамонов метнулся за дверь и встал у стены коридора, тревожно стреляя глазами вправо-влево.

Капитан выдернул антенну на всю длину и нажал вызов.

— Центр! Объект пуст! Пропал джип и Петеренко! Пропал джип и Петеренко! Центр!

В трансивере стоял тихий ровный шумок.

— Ситуация неопределенная... — сказал Капитан после долгой паузы. — Центр?

Трансивер молчал. Это было невероятно, но военная связь отказала. Капитан на всякий случай глянул в небо за окном, но, конечно, никакого стального купола там не было — свежее, настоящее небо. И где-то там, в вышине, торчали спутники.

— Ким! — скомандовал Капитан дрогнувшим голосом. — Уйти! Выбраться живым и доложить в центр!

— Приказ понял, — тихо отозвался Ким в наушнике.

— По обстоятельствам стреляй, — добавил Капитан.

— Понял, — ответил Ким на выдохе.

— Заболодин, Касаев — подняться в здание!

Капитан глянул на часы. Солнце еле-еле пробивалось сквозь ветки, на поляну со всех сторон опускался тяжелый сумрак. Далеко за ельником тоскливо взывала собака и смолкла.

— Вошел в здание, — сообщил Заболодин. — Опасности не вижу, двигаюсь вверх.

— Ребенка брать? — спросил Касаев.

Капитан снова осторожно выглянул — Касаев стоял в центре песочницы, держа девочку на руках.

— Да, — сказал Капитан, секунду помедлив.

Касаев тут же метнулся к зданию и пропал под козырьком. А еще через секунду оттуда вышла девочка, волоча за хвост длинного плюшевого удава. Голова удава безвольно моталась по земле, поблескивая двумя черными бусинками.

— Касаев... — тихо позвал Капитан.

Касаев не ответил.

— Касаев!

Ответил Ким.

— Жив, двигаюсь к трассе, — сообщил он мрачно.

— Жив, двигаюсь по второму этажу, — тут же откликнулся Заболодин.

Касаев молчал.

И тогда Капитан сделал то, что ему подсказывала интуиция. Он аккуратно поднял ствол, с ходу переводя на одиночные, и когда на линии огня возник затылок девочки с бантиком, аккуратно нажал спуск. Хладнокровно, без колебаний и без эмоций. Вдруг поняв, что это правильно.

Сдавленный хлопок штурмовика разнесся по комнате, метнулся эхом по коридорам и увяз в тишине. Капитан знал, как все должно произойти: голова девочки аккуратно дернется, словно от короткого подзатыльника, затем подогнутся ноги, и она упадет лицом в песок. Но почему-то он уже был уверен, что этого не произойдет. И поэтому внутренне обмер, когда голова девочки все-таки дернулась. Убить ребенка, даже во время операции... Но девочка не упала. Она обернулась, подняла голову и уставилась на Капитана черными пустыми глазами. А затем неестественно широко распахнула рот в гигантской улыбке, как это бывает только в мультфильмах. И так, с распахнутым алым ртом, вдруг завывала на весь лес — хрипло, оглушительным сочным басом, с колокольными перекатами. И в такт ей загудели сквозняки по всему зданию, и далеко в ельнике заорали собаки.

Капитан отшатнулся от окна, машинально переводя штурмовик на стрельбу очередями. Время замедлилось. Казалось, прошла целая вечность. Наконец вой так же резко оборвался.

— Артамонов жив, — раздался голос Артамонова одновременно в наушнике и за спиной.

— Ким жив, — сказал Ким.

— Заболодин жив, — сообщил Заболодин. — Нашел на третьем этаже место огневого контакта. Шесть гильз и очередь на потолке. Крови нет, следов борьбы нет. Гильзы наши, здесь был Тарасов.

Капитан помолчал немного, а затем все-таки произнес:

— Капитан жив.

И только после этого выглянул в окно. Девочка теперь сидела на качелях, словно окаменев, и механически покачивала ногой. Капитан сунул руку глубоко за пазуху — под комбез, под бронник, под гимнастерку — и там, на волосатой груди нащупал маленький серебряный крестик.

— Заболодин жив. Иду наверх, — прозвучало в наушнике.

— Артамонов жив, — раздалось в наушнике и одновременно за спиной.

— Ким жив. Вышел на опушку к зданиям, — раздалось одновременно в наушнике и — тихо-тихо — вдалеке за окном.

Капитан тут же выглянул — у самой кромки ельника стоял Ким, сжимая гранатомет.

— Ким, стоп! — шепнул Капитан в микрофон. — В лес!!!

Фигурка метнулась назад и исчезла в ельнике.

— Что случилось? — спросил Ким в наушнике.

— Идиот!!! — прошипел Капитан. — Я приказал уйти, а не подходить к «Кукушке»!

— Я ушел к трассе, — ответил Ким не очень уверенно. — Вижу здание. Вижу ребенка на качелях... Здание заброшенное... В разбитом окне на пятом... человек?

— Твою мать, это я! Ты вышел к «Кукушке»! Бойся девочки! Убирайся вон! К трассе!

— Понял, — сказал Ким.

Капитан еще долго глядел в ельник, но там не было движения.

— Заболодин жив, — сказал Заболодин. — Поднялся на пятый, вижу Артамонова в конце коридора.

— Артамонов жив, — сказал Артамонов. — Ко мне приближается Заболодин.

Капитан еще раз окинул взглядом загаженную комнату и сильнее сжал крестик. А затем решительно вышел в коридор.

Заболодин и Артамонов уже ждали его. Хмуро кивнув им, Капитан подергал соседнюю дверь. Та была заперта. Капитан шагнул к следующей — тоже заперто. Тогда он умело стукнул плечом, ловко подхватил вылетевшую дверь и прислонил ее к стенке. В этой комнате было чисто, окно целое, кровати аккуратно застелены, и подушки торчали на них пирамидками. Капитан хмуро обернулся:

— Ну заходите, чего на пороге столпились?

Артамонов и Заболодин переглянулись, но вошли. Капитан сел на кровать, задумчиво взял треугольную подушку и положил ее на колени. Штурмовик положил рядом. Артамонов тревожно оглянулся на коридор, но Капитан взглядом приказал сесть.

— Ким! — сказал он в воротник. — Доложишь так: объект заброшен, исчез джип и Петеренко, исчез Касаев. По объекту ходит девочка — нечеловеческая. Огонь на поражение не действует. Ситуация не укладывается. Не укладывается... — повторил он задумчиво.

— Понял, — ответил Ким. — Двигаюсь к трассе.

— Так. — Капитан оглядел комнату и сложил руки на подушке. — Погибли Петеренко и Касаев. Ушел Ким. Нас осталось трое. Какие будут предложения?

— Первое предложение, — негромко, но внушительно сказал Артамонов, — восстановить контроль над коридором. Такая полная беспечность приведет...

— Валяй, — уныло перебил Капитан.

Артамонов тут же выскочил из комнаты и занял оборонную позицию.

— Ну, — Капитан перевел взгляд на Заболодина, — а ты чего скажешь?

— Нет идей, — потряс головой Заболодин и тревожно сжал свой штурмовик.

— Вот и у меня нет идей.

Капитан снова вынул трансивер и повертел его в руках. Трансивер молчал.

— Ким жив, — тревожно раздалось в наушнике. — Двигаюсь к трассе.

— Мы тоже пока живы, — сказал Капитан и умолк.

— Может, пора рассказать, что здесь случилось и зачем нас подняли? — хмуро произнес Заболодин.

— Я объяснял перед выездом, — вздохнул Капитан. — Меня вызвал генерал. Велел поднять по тревоге группу и взять под контроль объект. Все, что я успел узнать про «Кукушку», — тут был пионерлагерь, а затем пансионат. Прошлым летом начались неприятности, стали пропадать люди. Оборвалась телефонная связь, исчез персонал и отдыхающие, затем пропали несколько местных. Ушли сюда и не вернулись.

— И никто не возвращался?

— Некоторые возвращались. Те, кто возвращался, говорили, что объект пуст и заброшен. Но внутрь они не входили. Грибники. Затем приехал наряд милиции — исчез.

— Вот этого я уже не слышал... — вставил из коридора Артамонов.

— Поползли слухи, но дело замяли. Приезжали следователи из прокуратуры — осмотрели, прошлись по этажам, ничего не нашли и вернулись, оставив наблюдение. Наблюдение исчезло в тот же вечер. Недавно сюда отправилась группа сатанистов — по оперативным данным, не возвращались. Наконец генерал отправил группу Тарасова в полной выкладке. Связь утеряна, никто не вернулся.

Воцарилась тишина.

— А может, надо было все это раньше сказать?!! — зловеще рявкнул Артамонов из коридора. — Я бы хоть с женой попрощался, знать такое!!!

— Тихо!!! — прошипел Капитан. — Прекратить панику!!!

— А чего мы ждем?! Бежать надо!!! — вскочил Заболодин, но тут же осекся и продолжил: — И докладывать...

— Прекратить панику! — снова прошипел Капитан. — Уходит один Ким, ему нужно время. Мы — отвлекаем.

— Кого отвлекаем? — спросил Артамонов. — Кого?!!

Капитан ничего не ответил. Артамонов заглянул в комнату.

— А если она сюда поднимется?! — прошептал он, выкатив глаза.

— Капитан! — раздался в наушнике голос Кима. — Она закольцована! Я опять вышел к «Кукушке»!

— Кто закольцована?!

— Дорога, — ответил Ким немного смущенно. — Пятьдесят метров вглубь от поляны и... я нашел место, где все начинает повторяться.

— Объясни! — потребовал Капитан.

— Там... как зеркало, — мялся Ким, подбирая слова. — Там, если встать на дороге, то вперед и назад стоят одинаковые деревья, и в какую сторону ни посмотреть — видна «Кукушка»...

— Так уйди с дороги! — скомандовал Капитан.

— Пробовал, в лесу то же самое. Пятьдесят метров вглубь — и как зеркало местности. «Кукушка» — опушка — «Кукушка» — опушка. До бесконечности.

— Но мы же приехали сюда откуда-то?! — рывкнул Капитан. — Или мы здесь родились?!

— Продолжать попытки?

— Продолжай. — Капитан повернулся к Артамонову. — Вот видишь. Не в девочке дело...

— Кэп... — тихо сказал Заболодин. — А это не похоже на галлюцинации? Отравление какими-нибудь психоактивными... Капитан задумался.

— Не похоже, — помотал он головой. — И вообще Ким-то не подходил к «Кукушке».

— Но ведь Ким и... — начал Заболодин, но задумался. — Тогда я не вижу вообще никакой логики!

— А здесь нет логики, — хмуро кивнул Капитан. — Любому нет. Никто не заинтересован в происходящем. Никто здесь не скрывается. Никто не борется за это место.

— Кому принадлежит «Кукушка»?

— «Кукушка» принадлежала КБ «Металлопроект», — поморщился Капитан. — Его давно не существует. Никто не борется за «Кукушку». Ни один политик не сделает карьеру на этих событиях.

— Люди не могут исчезать бесследно, — твердо сказал Заболодин и замер с открытым ртом.

— Они не исчезают, — возразил Капитан. — Они...

— Собака! Тварь! Мразь! — Заболодин со злостью бил кулаком подушку, затем остановился, тихо произнес «Ой...» и начал стремительно съеживаться.

Все произошло в одну секунду. Капитан моргнул. Перед ним на кровати лежал сиреневый ослик из шершавого пластика.

— Артамонов! — прошептал Капитан, не отрывая взгляда от ослика.

Но встревоженный Артамонов и так уже стоял на пороге комнаты. Он непонимающе поглядел на Капитана, затем на соседнюю кровать. И замер.

— Что с Артамоновым? — резко спросил Ким в наушнике.

— С Артамоновым порядок, — ответил Капитан. — Погиб Заболодин.

— Как же это так? — прошептал Артамонов.

Капитан метнулся к окну. Девочка сидела на качелях. Она наполовину сползла и задумчиво ковыряла землю сандалией.

— Вот так... — сказал Капитан обреченно. — Вот так. Никак. — Он тут же взял себя в руки и требовательно обернулся. — Артамонов! Осмотри его!

— Кого? — шепотом спросил Артамонов.

— Его. — Капитан кивнул на ослика.

Оглянувшись на Капитана, Артамонов опасливо приблизился к ослику. Ослик лежал на боку, его мутные пластиковые глаза смотрели без выражения. Артамонов взял его в ладони и аккуратно повертел в руках. Затем сжал. Ослик пискнул. Артамонов перевернул его и осмотрел встроенную пищалку.

— Сделано в Китае? — спросил Капитан и почувствовал неуместность этого вопроса.

— Написано «ОТК-27», — прищурился Артамонов. — Обычный ослик, у моего младшего такой же.

— Такой же?

— Только зеленый.

«Если выберемся — похороним с почестями», — подумал Капитан, отворачиваясь к окну.

Девочка сидела на качелях. Солнце зашло, и теперь светилось лишь небо над ельником. На опушке снова стоял Ким, и по тому, как он стоял — открыто, не скрываясь, — Капитан понял, что Ким совершенно растерян и раздавлен.

— Ким! — негромко позвал Капитан. — Не стой, поднимись в здание.

Ким двинулся вперед, пожав плечами — тоже очень не свойственный для него жест. Путь его шел мимо качелей, но он специально сошел с тропинки, чтобы обойти подальше, метров за двадцать. Девочка заметила Кима, подняла голову и уставилась на него.

— Не останавливаясь, — быстро предупредил Капитан на всякий случай.

Не вставая с качелей, девочка вытянула руку в сторону Кима — четыре пальца растопырены, большой прижат. Так поднимает лапу кошка.

Ким не оглянулся, хотя наверняка следил краем глаза. Он подошел к зданию и скрылся под козырьком. Девочка еще немного посидела с поднятой лапой, затем так же неестественно опустила ее, скособочилась и уставилась за ельник, в сторону закатившегося солнца. Капитану подумалось, что приезжать сюда лучше было с утра, когда светло. Возможно, по свету удастся и выбраться...

Сумрак сгустился окончательно. Девочка поднялась с качелей и тяжело опустилась на четвереньки. Капитан ощутил холодок — ему подумалось, что девочка сейчас поползет к зданию. Она действительно поползла, умело переставляя конечности, но не совсем к зданию — просто вдоль площадки. Капитан на секунду оглянулся на Артамонова — тот сидел на кровати, все так же держа в руках ослика. А когда Капитан повернулся обратно, то вздрогнул. Девочки не было. И в том месте, где она только что ползла, двигался здоровенный косматый зверь, напоминавший медведя с растрепанным конским хвостом.

— Что там? — спросил Артамонов шепотом.

— Да зачем тебе?.. — поморщился Капитан и сам отвернулся.

Артамонов пожал плечами и уставился перед собой. В коридоре послышался шорох, и на пороге возник Ким.

— Надо осмотреть здание, — заявил он сразу.

— Командую здесь я, — напомнил Капитан.

— Так командуй! — неожиданно взорвался Ким. — А не изображай в окне мишень!

Капитан посмотрел на него с удивлением, и Ким смутился:

— Виноват. Нервы. — Он уперся гранатометом в пол.

— Ты лучше глянь на это. — Капитан кивнул за окно.

Ким тут же оказался рядом с ним и долго смотрел в сгустившиеся сумерки. А Капитан смотрел на его лицо. Ким держался молодцом — лицо его оставалось каменным, только зрачки расширились. Капитан снова глянул на поляну. Чудовище стояло на задних лапах в профиль. Оно горбилось, передние лапы обвисли и лениво покачивались вдоль туловища. Под бурой медвежьей шерстью топорщились гроздьи мышц, громадные когти неспешно рассекали воздух. Но это был не медведь. У чудовища была женская грудь, поросшая бурым мехом.

— Что скажешь? — спросил Капитан.

— Я не знаю, что видишь ты... — начал Ким задумчиво.

— А ты?

— Я вижу медведицу с женской грудью и девятью хвостами.

— Девятью хвостами? — Теперь Капитан разглядел вместо конского хвоста пучок шевелящихся щупалец, кажется, их действительно было девять.

Артамонов не выдержал, тоже подошел к окну и уставился на чудовище, открыв рот. Чудовище медленно развернулось, подняло морду и теперь рассеянно оглядывало здание.

— Ну и что это?! — требовательно спросил Капитан.

— Вы оба видите то же самое? — уточнил Ким. — Медведицу с женской грудью и девятью...

— Да! Что это, твою мать?!

— Если верить моему покойному деду, один из демонов корейских сказок, — спокойно ответил Ким. — Дед называл его Мамма Сонним — многоуважаемый гость оспа. Или просто — многоуважаемый гость.

— Ах, многоуважаемый?! А что твой дед советовал делать при встрече с этой живой Маммой?!

— Мамма Сонним не бывает живой. Она мертвая по определению.

— Но что с ней делать-то?!!

— А что ты на меня орешь?! — взвился Ким. — Я-то откуда знаю?!

— А кто у нас эксперт?!

— Я эксперт по технике и вооружению, где ты видишь оружие?! Кто у нас эксперт по стратегии?!

— Да ты хоть понимаешь, что... — разъярился Капитан, но Ким успокаивающе поднял руку.

— Если это демон из корейской сказки, то в корейских сказках с Маммой Сонним ничего не сделать. Что твой дед советовал делать со Змеем Горынычем?

— Рубить все головы, — вместо Капитана ответил Артамонов. — Бабу-Ягу — в печь. Кашею Бессмертному — ломать иглу.

— Бессмертных не бывает, — подтвердил Капитан.

— У вас все просто, — согласился Ким. — У нас сложно. С Маммой Сонним ничего нельзя сделать.

— Так не бывает, — возразил Артамонов.

— Так бывает. От нее можно убежать или умиловать ее.

— Убежать ты уже пробовал. А умиловать — вон у нас... умиливали уже троих... — Капитан махнул рукой на кровать, где лежал ослик.

Ким резко повернулся и только сейчас заметил ослика. Он подошел ближе, волоча по линолеуму гранатомет, и постоял немного, склонив голову.

— Как это случилось? — спросил он наконец.

— Хлоп — и превратился, — ответил Капитан. — Был Заболодин — и нет Заболодина. Сам по себе, на полуфразе. Мама твоя в здание не поднималась.

— Пока, — вставил Артамонов.

— Пока, — повторил Капитан.

— То есть мы попали в корейскую сказку? — произнес Артамонов, и в голосе его Капитану почудились обиженные нотки.

— Это ко мне вопрос? — уточнил Ким.

— К тебе. Что про это говорят корейские сказки? — спросил Капитан.

— Я ни о чем подобном не слышал.

— А кто слышал?! Я слышал?! — заорал Капитан, но тут же осекся. — Виноват, нервы.

В комнате воцарилась тишина.

— В корейских сказках люди превращаются в игрушки? — спросил Артамонов.

— В корейских сказках превращаются в разное, — пожал плечами Ким. — Я не знаток корейских сказок.

— И не в какие-нибудь бамбуковые игрушки! — Капитан повернулся к Киму и прищурился. — А вот в таких вот резиновых осликов с надписью «ОТК»? Превращаются люди в корейских сказках?

— Если здесь поселился демон Мама Сонним, — веско сказал Ким, — вряд ли он станет вести себя так же, как вел себя в древней Корее много веков назад.

— А ты можешь с ней того... Спуститься и... разобраться как-нибудь? Поговорить? — Артамонов кивнул за окно.

— Это приказ? — Ким сжал гранатомет и вопросительно посмотрел на Капитана.

— Не приказ. Но... ты же кореец? — потупился Капитан.

Ким вскинул голову и посмотрел ему прямо в глаза.

— Я жду! — сказал Ким. — Ты меня не хочешь обвинить в саботаже и связях с противником?

— Я совсем не об этом... — смутился Капитан. — Просто эта... с девятью хвостами... Мамма Сонним...

— Она из Кореи? Она знает корейский? — Ким в упор смотрел на Капитана.

— Не исключено, — твердо сказал Капитан.

— А я из Кореи? — спросил Ким. — Я знаю корейский?

— А ты знаешь корейский?

— Впервые ты меня об этом спрашивал девять лет назад. — Ким повернулся спиной и встал у окна, опершись на гранатомет.

— Что ж нам делать? — растерянно пробасил Артамонов.

— Осмотреть здание, — решил Капитан и вдруг добавил: — Артамонов, возьми Заболодина, мы своих не бросаем.

Ким смотрел в окно.

— Она движется, Капитан. Она роет землю.

Сначала они вернулись в изгаженную комнату с пентаклем на полу — просто чтоб показать Киму. Ким задумчиво потыкал ботинком разбросанные игрушки, затем присел, разглядывая кости в углу.

— Обломались сатанисты, — цыкнул зубом Артамонов. — Превратились в зайчиков.

— А может, они для этого и пришли? — возразил Капитан.

— Нет, — покачал головой Артамонов. — Они обломались. Хотели пообщаться с Сатаной, а Сатана оказалась корейская... Ким, в Корее есть сатанисты?

Ким не ответил. Он пружинисто поднялся, опершись о гранатомет.

— Осмотрим другие комнаты?

— Осмотрим, — вяло согласился Капитан, и они вышли в коридор.

Остальные комнаты пятого этажа ничего собой не представляли. Когда под плечом Капитана падала очередная дверь, за ней оказывалась та же картина — пара аккуратно застеленных колченогих коек с подушками-пирамидками, две тумбочки, штатный пыльный графин и два стакана.

— Я сутки не спал, — сказал Артамонов в пятой по счету комнате. — Вот бы лечь и уснуть...

— Ты смог бы сейчас уснуть? — удивился Капитан.

— Смог бы.

— И проснуться осликом?

— Кстати, не факт.

— Кстати, вопрос, — вмешался Ким. — О чем говорили люди перед тем, как превратиться?

Капитан задумался.

— О чем говорил с ней Петеренко, мы, наверно, уже не узнаем... Касаев пытался войти в здание вместе с ней...

— Мамма Сонним, — подсказал Ким.

— Заболодин просто сидел на койке, о чем мы говорили?

— Вы говорили, кому принадлежала «Кукушка», — напомнил Ким.

— А сатанисты, наверно, просто песни свои пели и живого козла резали.

— Собаку, — подсказал Ким. — Шелти.

— Нет логики, — подытожил Капитан и ткнул плечом следующую дверь.

Дверь не поддавалась. Капитан выругался и ударил снова. Дверь упала, за ней оказалась комната горничной, заваленная штабелями белья.

— Какая разница, о чем говорили. А вот о чем они думали перед тем, как превратиться? — спросил Артамонов, безуспешно шелкая разболтанным выключателем на стене, хотя было известно, что электричества в здании нет.

— Уж наверно, Петеренко и подростки-сатанисты думали о разном... — Капитан сосредоточенно водил по углам фонарем.

Ким вышел, зашел в соседний номер и вернулся.

— Туалет и душ, — доложил он. — Этаж пуст. Осматриваем нижние?

— Осматриваем.

Они спустились на четвертый и распахнули первую дверь. Та же картина, только номера были одноместные. Одна кровать, одна тумбочка, один стакан возле графина.

— У моего старшего, — начал Артамонов, — есть карманный компьютер.

Капитан присел на корточки и заглянул под кровать — пустота, пыль. В стене обнаружился шкаф, Ким распахнул его и осветил фонарем — пустота, запах старой фанеры, скрюченные разошедшиеся вешалки на стальных крючьях.

— Там у него в компьютере есть такая игра, — продолжал Артамонов. — Надо двигать разноцветные шарики, и если встанут в ряд пять штук одного цвета — то исчезают.

— К чему это ты? — Капитан вышел в коридор и пнул дверь напротив.

Из темного проема резко пахнуло чем-то кислым, раздался громкий визг, и вдруг из пустоты ему в лицо метнулось пятно. Капитан не успел испугаться, рефлексы сработали сами — он кинулся на пол и в тот же миг услышал тихий хлопок. Капитан перекувыркнулся, привстал на одно колено и обернулся, сжимаемая штурмовик. На полу билась в конвульсиях крупная летучая мышь — как раздавленная бабочка, упавшая на спину. Ким деловито прятал под мышку личный пистолет. Артамонов нервно водил штурмовиком из стороны в сторону.

Капитан со злостью расплющил ботинком останки летучей мыши и вошел в комнату. Такой же одноместный номер, лишь фрамуга в окне была распахнута, а пол и кровать завалены черным мусором и пометом. Артамонов кашлянул и опустил ствол.

— Так вот, я и говорю, — продолжил он. — Может, у человека в голове тоже так устроено? Скачут мысли, скачут, а как сложатся в одну цепочку — хлоп, и нету. Ни мыслей, ни человека. Инфаркт.

— У меня так бывает, — кивнул Капитан. — С мыслями. Если не спал долго.

— Так вот я и говорю... — продолжал Артамонов. — А если здесь тот же принцип? Может, не мысли, может, складываются жесты или там...

— Помолчи, — попросил Ким. — Работать мешаешь.

— Да, — вспомнил Капитан, — ты лучше погляди, как там Мамма Сонним?

Артамонов вошел в распахнутый номер, открыл балконную дверь, вышел на воздух и долго глядел вниз.

— Ну? — не выдержал Капитан.

— Валяется, — шепотом сказал Артамонов. — Может, подохла?

— Мамма Сонним не живая, — напомнил Ким.

— Она встает, — прошептал Артамонов и глотнул. — Мамма Сонним смотрит на меня.

— Эй! — напрягся Капитан. — Эй!

Артамонов молчал.

— Артамонов, отставить! — вдруг оглушительно рявкнул Ким. — Слушать команду! Закрыв глаза! Два шага назад! Аккуратно, порожек. Еще шаг. Закрыв балкон. Открыл глаза, вышел к нам, в коридор!

Вид у Артамонова был ошарашенный.

— Что там было? — спросил Капитан шепотом.

— У Маммы Сонним большие черные глаза... — протяжно завыл Артамонов, запрокинув голову.

Ким резко, без замаха двинул его в скулу. Артамонов отлетел к стенке, но удержался на ногах.

— Спасибо, — произнес он уже нормальным голосом, растирая скулу тыльной стороной ладони. — Там очень страшно. Когда на тебя смотрит Мама Сонним...

Ким энергично развернулся, вскинул гранатомет на плечо и решительно направился к балконной двери.

— Отставить, — сухо произнес Капитан. — На четвертом этаже осталось четыре комнаты. Вы осматривайте их, а я спускаюсь на третий. Заболодин нашел на третьем огневой контакт Тарасова.

Гильз он обнаружил не шесть, а гораздо больше — остальные лежали в дальнем углу за банкеткой. Но все гильзы родные — кто-то из людей Тарасова расстрелял тут целую обойму. Стрелял из укрытия, с колена, по движущейся цели. Точнее — по надвигающейся. И судя по ровной трассе на потолке, так ни разу и не попал. Капитан еще раз осветил фонариком прошитый потолок и опустил на корточки. Угол самый удобный, он бы тоже выбрал для обороны именно его. А вот надвигающаяся цель была двухметрового роста. Если до этого у Капитана и оставалась надежда, что чудовище в здание не поднимается, то теперь умерла и она.

— Капитан, у нас новости, — сухо произнес Ким в наушнике.

— Что? — вскинулся Капитан. — Вы где?

— Мы все еще на четвертом. Нашли жилую комнату, запертую изнутри.

— Там люди? — насторожился Капитан.

— Труп, — ответил Ким. — Его надо осмотреть.

Капитан пружинисто поднялся, в два прыжка оказался у лестницы и поднялся на четвертый этаж. Это было странно,

приближались. Когда он достиг площадки, голоса четко звучали из глубины коридора. Капитан прикусил губу и поднял взгляд. Да, теперь перед ним висела всего одна створка! И за ней на стене была намалевана синяя четверка.

— Эй! Я прорвался! — заорал Капитан и бросился вперед по коридору, пробормотав напоследок: — Нет логики, чертовщина работает странно, со сбоями...

Одышки у Капитана никогда не было, но сейчас он долго не мог прийти в себя. В этой комнате стоял странный тяжелый запах — густая пряная смесь из запахов сушеной воблы, свежих кожаных ремней, старых книг и сухой пыли. На подоконнике горело яркое пятно лунного блика, подсвечивая сидящего рядом Артамонова мертвенным зеленоватым светом. На кровати лежала мумия — высохшие останки пожилого человека. В свете фонаря лицо казалось скорчившейся картонной маской. Человек лежал на спине, укрытый по грудь сереньким санаторным одеялом, с руками, сложенными на груди крест-накрест.

— Это вы его так сложили? — поинтересовался Капитан.

— Нет, — ответил Артамонов. — Его мы не трогали. Видимо, так и умер. Комната была заперта изнутри.

— От чего умер? — спросил Капитан и тут же понял, что вопрос глуп: Артамонов и Ким не могли еще ничего толком выяснить.

— Сердечная недостаточность, — спокойно ответил Ким. — На фоне острого невроза.

— Откуда информация? — заинтересовался Капитан, внимательно освещая фонарем ссохшуюся маску.

Вместо ответа Ким указал на высохшие кулаки мумии — они были крепко сжаты, причем большие пальцы находились внутри кулаков. Капитану стало стыдно, что он сам этого не заметил. Кулак с большим пальцем внутрь — «рука младенца» — глубокий инстинкт, который просыпается у человека в моменты острых потрясений.

— И вот еще... — Артамонов осветил фонарем пол около кровати.

Судя по темному ровному квадрату посреди выцветшего линолеума, здесь долгие годы стояла тумбочка. Теперь вместо нее стоял пересохший стакан, а рядом валялась капсула с нитроглицерином.

— Ясно. — Капитан повернулся к двери. — А тумбочкой, значит...

Теперь он внимательно осмотрел грудю возле двери — тумбочка валялась на боку, рядом — перевернутый журнальный столик и стул, а на пороге почему-то валялся распотрошенный фонарь Кима без батареек.

— Он баррикадировался, — закончил Артамонов, хотя Капитану и так уже все стало ясно.

— Не молодой, лет шестьдесят, — задумчиво произнес Ким. — Чего его понесло на семинар?

— Семинар? — резко повернулся Капитан.

— Нам повезло, — кивнул Артамонов. — Мы нашли его записи. Только осторожнее...

Капитан обернулся и только сейчас заметил, что на подоконнике рядом с Артамоновым светится вовсе не лунный блик, а экранчик маленького карманного компьютера. Рядом лежала увесистая батарея фонаря, аккуратно подсоединенная проводами.

— А это... долго ли меня не было? — сглотнул Капитан.

— Часа три с половиной. — Артамонов поднялся со стула, уступая место. — Мы прочли еще не все, но если вкратце...

Капитан сел перед экранчиком. Он промотал текст в начало и погрузился в чтение. Вначале шла полная бессмыслица. Латинские буквы складывались в слова, а слова явно составляли фразы, которые кончались точкой, но чаще — гроздьями восклицательных или вопросительных знаков. Но не то чтобы произнести, и прочесть это не получалось.

— Корейский, — произнес Ким из-за плеча. — Но в транслите.

— Переведи, — потребовал Капитан.

— Транслит — это когда иероглифы изображают латинскими...

— Переведи сам текст!

— Я объяснял девять лет назад, — сухо напомнил Ким. — Я не знаю корейский.

— Жаль, — сказал Капитан. — А хоть примерно?

— Я не знаю корейский, — с упором повторил Ким. — Ни иероглифов, ни транслита.

— Откуда ж ты тогда знаешь, что это корейский? — зло повернулся Капитан. — Может, это монгольский?

Ким ничего не ответил, вместо него ответил Артамонов:

— Ким говорит, что вот эти бесконечные «уео-уео» — корейские. А у монголов вообще русские буквы.

— А на клавиатурке-то русские буквы есть! — заметил Капитан.

— Ты листай дальше, — вздохнул Артамонов. — У нас не так много времени. Там будет много русских букв.

— А это?

— Это считай корейской молитвой.

Капитан полистал вперед — вскоре корейский текст действительно оборвался на полуслове, потянулись пустые страницы, а затем без всякого заголовка начался распорядок мероприятий: «Понедельник... Вторник... Завтрак... Обед... Дискуссия в холле третьего этажа... Пути развития... Деловые коммуникации... Партнерство... Ужин... Завтрак... Тренинг инициативного общения... Эффективное руководство... Подчинение и управление... Обед... Ужин... Тренинг... Карьерный рост... Корпоративное лидерство...» Капитан недоуменно пролистал распорядок, заметив, что расписано тринадцать дней.

Дальше пошел сбивчивый конспект — причудливая смесь экономических и психологических терминов, усыпанная офисным жаргоном. Слово «бизнес» повторялось почти в каждой строке. Обычное дело, бизнес как бизнес, думал Капитан, листая текст, который все не кончался и не кончался. Видали и не такое. Устраивать семинары для унылых безработных и зачуханных младшеньких менеджеров — тоже выгодно. Прибыльнее, чем торговать апельсинами. У них ведь тоже водится небольшая денежка, и они с радостью готовы отдать ее любому, кто пообещает сделать их везучими в бизнесе, инициативными в общении и уверенными в себе. А там уж, чем черт не шутит, авось и счастливыми в личной жизни... А если обещание не сбудется, жизнь после семинара не наладится и служебная лестница не упрется в небо, так никаких претензий к организаторам — значит сам и виноват: недостаточно самораскрылся, плохо освоил технику, приезжай учиться снова, всегда рады... Загородный пансионат, полсотни таких же нищих духом, на неделю раскрывших рты перед местным гуру, рассказывающим про свою неслыханно эффективную технику. Бизнес и психология. Коммуникации и управление. Религия нашего времени. Секты и пророки будут всегда, они нику-

да не делись. Просто — как там сказал Ким про демона? — вряд ли он станет себя вести точно так же, как и много веков назад? «Бренд = единица знания. Позволяет системат. знания о мире. Первоб. человек произошел от обезьяны в тот момент, когда стал находить бренд в окр. природе. Бренд = яркая отличительная черта, сообщающая нам о свойствах (полезно, ядовито, опасно). Брендом может являться: внешний вид (все яблоки имеют разный цвет и форму, но единый бренд внешнего вида, позволяющий отличить от др. фруктов), звук (гром — бренд грозы), запах (плохой запах — бренд нечистот) и др. В совр. бизнесе бренд продукта — это его торг. марка (название). Бренд человека — имидж. Бренд полный и неполный. Полный бренд...»

— Полный бред, — сказал Капитан. — И этой ерундой они занимались две недели? Завтрак, семинар, обед, тренинг, ужин, тренинг, медитация...

Капитан вдруг задумался.

— Это мне показалось или там у них в мероприятиях мелькала какая-то медитация?

— Мелькала, — кивнул Артамонов. — И не только она. Семинар назывался «Магия в бизнесе и коммуникациях».

— Странно...

— Послушай наконец главное: семинар у них... — начал Ким, но закончить не успел.

Во дворе громко ухнуло, а затем раздался тоскливый вой. Он заполнил все пространство, не оставив места для других звуков. Глухой бас тянул одну ноту, и в такт ему вибрировали стекла, скрипели двери, шуршали сквозняки по коридорам. Наконец вой смолк.

— Семинар у них, — продолжил Ким невозмутимо, — вел некто Лауст. Судя по тому, как о нем отзывается в этом дневнике покойный, — очень авторитетный мистик из Кореи.

— Ах, Кореи... — понимающе кивнул Капитан, хотя понятно ничего не было.

— Не всегда, — вставил Артамонов.

— Что не всегда? — удивился Ким.

— Не всегда о нем хорошо отзывается. — Артамонов ткнул мизинцем в экран.

Ким глянул и покачал головой.

— Мудан — это шаман по-корейски.

— Мудан Топ-Менеджер Лауст, — задумчиво прочел Капитан.

— Еще там упоминается переводчик, который переводил его.

— Я не вижу логики, — взорвался Капитан и откинулся на спинку стула. — Корейская молитва, график, бизнес, медитация... На кой нам эти конспекты?

— А ты прочитай вот это... — Артамонов протянул руку и уверенно промотал с десяток страниц. — Вот отсюда: «склонить к сотрудничеству демона...»

— Ну-ка, ну-ка... — Капитан впился в экран.

«Аттестационный тест на звание бизнес-магика: склонить к сотрудничеству демона. Владение техниками бизнес-коммуникаций: 1) уверенность в своих силах; 2) настойчивость в достижении цели; 3) умение чувствовать интересы партнера; 4) умение управлять партнером в своих интересах. В последний день семинара Топ-Менеджер на Огненной Медитации пригласит к нам виртуального бизнес-клиента. Цель — склонить виртуального клиента к сотрудничеству на взаимовыгодных условиях. Виртуальный клиент живет за счет наших эмоций. Он появится, если мы поверим в его существование. Чем сильнее эмоции в его адрес, тем ярче будут проявления виртуального клиента. По окончании экзамена виртуальный клиент станет нам безразличен и исчезнет. Виртуальный клиент, как любой бизнес-партнер, преследует свои интересы, но всегда отражает наши эмоции. Чтобы расположить виртуального клиента к сотрудничеству, надо захотеть сотрудничества. Чтобы вызвать его злость — надо возненавидеть его. Чтобы виртуальный клиент стал добр, надо желать ему добра. Если виртуальный клиент полон злобы — ответьте ему добром. Добро — это щит, от которого отразится злоба демона и ударит его самого. По окончании аттестации — утренний банкет.

— П...ц, — тихо произнес Капитан.

— Предлагаю взять это за рабочую версию, — хмуро сообщил Ким. — За неимением других объяснений.

— Я только одного не понимаю, — наконец произнес Артамонов. — Допустим, эти ублюдки каким-то образом вызвали своего клиента...

— Демона, — поправил Капитан.

— Мамма Сонним, — уточнил Ким.

— Демона, — согласился Артамонов. — Допустим, они не смогли его склонить к сотрудничеству или как там называется...

— А дальше уже все ясно, — кивнул Капитан. — Демон вышел из-под контроля, обрел силу — и началась паника. Чем больше паника — тем сильнее демон. Пошла цепная реакция.

— Угу... — Артамонов нервно поежился. — Вышел из-под контроля... Представляю эту дикую сцену... Но я не понимаю другого. Демон извел всех обитателей «Кукушки»... Так? — Артамонов повернулся к Киму. — Как там его? Матушка-чума?

— Мамма Сонним. Многоуважаемый гость оспа.

— Куда девается оспа, когда умирает последний больной?

— Оспа может сохраняться на вещах и предметах, — ответил Ким. — Только Мамма Сонним — это не совсем оспа. Даже совсем не оспа. Даже...

— Не важно, — перебил Артамонов. — Если демон живет за счет человеческих эмоций, почему он не исчез вместе с последним обитателем «Кукушки»?

— Эмоции были такие сильные, что хватило еще на некоторое время, — предположил Ким.

— Ага, — передразнил Артамонов, — жизнь больного была такой бурной, что он и после смерти пару лет ходил и разговаривал...

— Чего тут неясного, — сказал Ким. — Представь, сколько эмоций развелось вокруг «Кукушки», когда выяснилось, что пропали люди и творится бесовщина?

— Ничего не выяснилось, — возразил Капитан. — Только слухи ходят. Шепчутся окрестные дачники, тусуются сатанисты. Но никто не видел демона, никто ничего не знает наверняка.

— А генерал? — прищурился Ким.

— Разве что генерал... Он собрал всю информацию и что-то знает...

Капитан вспомнил острый подбородок генерала, стальной взгляд из-под мохнатых бровей. Вспомнил, как перед заданием генерал по-отечески приобнял его и вполголоса сказал: «Будь осторожен, но ничего не бойся. Не подведешь?» Никаких глупостей сроду не говорил перед операциями, а тут вдруг выдал. Капитан тогда не придавал этому значения, подумал, что генерал сильно сдал за последний год...

— Генерал что-то знает, — кивнул Капитан.

— Ну так эмоций нашего бати хватит на шестьсот шестьдесят шесть демонов... — криво усмехнулся Ким.

— Мать... — вдруг выдохнул Артамонов. — А представь, что будет, когда журналисты растреляют по всей стране? Представь, какую силу он наберет? Это ж будет...

Капитан решительно встал, прошелся по комнате и резко обернулся.

— Хватит. Какие предложения?

— Перестать бояться и перестать верить — не предлагать, — хмуро произнес Артамонов.

— А если я отдам приказ? — Капитан сурово посмотрел ему в глаза. — Перестать бояться и перестать верить?

— Буду стараться выполнить приказ, — пожал плечами Артамонов. — Не щадя жизни. Но у меня не получится.

— А если я прикажу расстаться с жизнью?

— Кэп, ты меня знаешь, — сухо ответил Артамонов. — Прикажешь — сделаю.

Внизу снова раздался оглушительный рев, усиленный эхом. Теперь он шел не со стороны и не со двора, а снизу — из вестибюля.

Ким что-то произнес и встал.

«Капитан, она поднимается», — прочитал Капитан по губам. В сумраке цвета лица было не различить, но Капитан понял, что Ким побледнел. Капитан сжал челюсти и замер. Вой наконец стих.

— Делай! Кэп, сделай что-нибудь! — визгливо крикнул Артамонов.

— Возьми себя в руки! — прошипел Капитан. — Ты питаешь ее своим страхом!

— Если я правильно понял принцип, от нашего страха Мамме Сонним будет самой страшно, — пробормотал Ким.

— Нам от этого лучше не станет, — возразил Капитан.

— Почему?

— Потому что когда тебе страшно, Ким, ты стреляешь быстрее...

Ким сжал зубы и ничего не ответил.

Рев снизу повторился, теперь усиленный эхом звук шел немного слева — Мамма Сонним разгуливала по вестибюлю.

— Я не могу больше! — заорал Артамонов, когда вой утих. — Сделай что-нибудь, Капитан! Я не могу не бояться! Она чувствует это, видишь? Она чувствует! Оглуши меня! Пристрели!

Капитан вздохнул, помолчал немного, а затем решительно снял с шеи крестик и протянул Артамонову.

— Ты пойдешь вниз, — сказал он тихо и жестко, отводя взгляд. — Бойся. Но не проклинай. Если получится — желай ей добра. Не сопротивляйся. Ударит по правой щеке — подставь левую.

— Это... — Артамонов глотнул. — Это — приказ?

— Да, — тихо сказал Капитан. — Это — приказ.

— Это приказ, — повторил Артамонов как в полусне, шаря по карманам. — Это приказ...

Он отцепил с пояса гранаты, суетливо отстегнул кобуру и положил на пол. Капитан не смотрел на него, он смотрел в окно.

— Это приказ, — тихо повторил Артамонов и медленно надел крестик дрожащими руками.

— Ты крещеный? — шепотом спросил Ким.

— Да-да, конечно, — послушно кивнул Артамонов, — я крещеный. Прощай, Кэп. Прощай, Ким.

— Не говори глупостей, — зло дернулся Капитан. — Мы идем за тобой следом.

Артамонов засунул руку за бронник и вытащил маленького ослика.

— Ребята, возьмите Заболодина... — сказал он. — Что они чувствуют, когда превращаются?

— Это не больно. — Капитан взял ослика и засунул в боковой карман.

— Она умеет превращать и на расстоянии, — напомнил Ким. — Каждый из нас может превратиться в любую секунду.

— Если что, передайте жене... — Артамонов запнулся. — Нет, ничего. Я готов.

— Вот только бы лестница не подвела, — вполголоса пробормотал Капитан.

Лестница не подвела. Артамонов шел впереди, гордо подняв голову, протягивая вперед руки открытыми ладонями вверх — так посоветовал Ким. Даже во мраке лестницы было видно, что руки трясутся. Капитан отсчитывал вслух. На каждый счет Арта-

монов делал шаг на следующую ступеньку. Капитан и Ким шагали пролетом выше, перегнувшись через перила, чтобы видеть, что происходит.

— Двадцать три... Двадцать четыре... — медленно и четко ронял Капитан с большими паузами.

— Я ступил на второй. Вижу цифру два, — доложил Артамонов.

Быть может, руки у него и дрожали, но голос был спокойный и собранный. Паники не было. Артамонов работал, у него было задание. Опасное, но четкое.

— Мы на третьем, — сообщил Капитан. — Вижу цифру три. Что слышно снизу?

— Внизу тишина.

— Работаем. Продолжаем движение. Двадцать пять... Двадцать шесть...

Снизу потянуло сквозняком.

— Двадцать семь... Двадцать восемь... Остановись, слушаем...

— Слышу тихий шорох в вестибюле, — откликнулся Артамонов.

— Боишься? — спросил вдруг Капитан.

— Боюсь.

— Бойся честно, — напомнил Ким. — Как смерть. Не как в бою, не чтоб ударить первым.

— А ты б заткнулся — сука! советчик! умник! — заорал вдруг Артамонов.

— Разговоры! — рывкнул Капитан. — Ким — заткнулся! Работаем, работаем!

Воцарилась тишина.

— Двадцать девять, — сказал Капитан сквозь зубы. — Тридцать. Тридцать один.

— Я вижу ее, — вдруг отчетливо произнес Артамонов. — Мама Сонним смотрит на меня...

— Ах ты, черт...

Капитан перегнулся через перила, сколько мог, но вестибюля отсюда не увидел. Артамонов стоял неподвижно, вытянув руки. Руки отчаянно дрожали.

— Тридцать два, — скомандовал Артамонов сам и шагнул на ступеньку ниже. — Тридцать три... У меня нет оружия. Я пришел с миром. Тридцать четыре. Тридцать пять. Тридцать

шесть, семь, восемь. Я не желаю тебе зла, я просто тебя боюсь. Мои руки пусты, у меня нет оружия. Я хочу говорить с тобой. Слышишь? Я иду к тебе с миром.

Капитан и Ким спустились еще на несколько ступенек и увидели Мамму Сонним — сначала только лапы. Видимо, она поднялась и стояла на задних лапах. Огромные, мохнатые и бурые, с шестью когтями, впивающимися, казалось, в мраморную плитку вестибюля. Вокруг лап медленно и бесшумно извивались хвосты, масляно блестящие в лунном свете, — то ли гладкие, то ли покрытые мелкой чешуей.

— Я не сделаю тебе вреда, — медленно и четко говорил Артамонов. — У меня нет оружия. Я пришел с миром. Я хочу с тобой говорить. Хочешь, поговорим о бизнесе? Тебя пригласили говорить о бизнесе, но не смогли. Я иду без оружия. Я...

Артамонов запнулся и умолк. Капитан и Ким присели за перилами, всматриваясь в глубь вестибюля. Громадная туша стояла на задних лапах, почти касаясь потолка медвежьей головой. Здесь, в вестибюле, она казалась гигантской — то ли и была такой, то ли еще больше выросла. Словно копируя Артамонова, Мамма Сонним тянула вперед верхние лапы. Огромные когти висели параллельно полу. Хвосты расчерчивали пространство медленно и величественно, как рыбы в тихой заводи.

— Я без оружия, — повторил Артамонов. — Я без оружия. Я пришел с миром. Я не желаю тебе зла. Я желаю тебе добра. Это ты мне желаешь зла. А я тебе — наоборот. Я искренне желаю тебе добра. Я читал, я знаю, добро — это щит. От которого отразится твоя злоба и ударит тебя же.

Хвосты на миг замерли, а затем стали двигаться быстрее. «Кошка виляет хвостом, когда сердится. Собака — когда радуется. А медведь?» — мелькнуло в голове у Капитана.

— Отвлеки ее чем-нибудь, — прошептал он в наушник. — Расскажи о своих детях. Стихи почитай детские.

В ту же секунду он почувствовал, как Ким зло и больно пнул его локтем в бок. Капитан смолчал, только сжал челюсти. Действительно, не надо ничего говорить, Артамонов молодец, он справится.

Артамонов медленно поднял руку к голове и выдернул наушник.

— Мои друзья волнуются за меня, — объяснил он. — Они советуют мне рассказать о своей семье и прочесть детские стихи.

Я не умею читать стихи и не помню их. Детям читает стихи жена, я много работаю и редко вижу семью...

Артамонов запнулся и кашлянул. Хвосты замерли и снова закружились, теперь еще быстрее.

— Я расскажу тебе и о семье, и о работе, — сказал Артамонов медленно. — Главное, помни — я пришел с миром и хочу тебе только добра! Давай выйдем на воздух и поговорим там? Хочешь?

Повисла тишина. Чудовище гулко вздохнуло, наклонило голову вперед, плавно качнулось и вдруг зашагало к Артамонову.

— Выход с другой стороны! — крикнул Артамонов сдавленно и сжал крестик левой рукой. — У меня нет оружия. Нет оружия. Нет! Оружия! Черт, оружия нет!!!

Теперь Мама Сонним нависала над ним.

— Я желаю тебе доб...

Закончить он не успел. Чудовище взревело так, что сквозняк долетел до Капитана с Кимом, а затем вцепилось когтями в грудь Артамонова. Затрещали ребра. Оторвав тело от земли, Мама Сонним распахнула рот, усеянный ярко-белыми зубами в несколько рядов, и впилась в добычу.

Капитан резко потянул ствол штурмовика, но Ким молниеносно сжал его плечо.

Несколько бесконечных секунд слышался только хруст дробящихся костей — Мама Сонним терзала тело, остервенело и неуклюже расшвыривая в разные стороны окровавленные куски. Долетев до мраморного пола, куски исчезали, превращаясь в тоненькие резиновые лоскуты. Это были куски детской игрушки, но какой — понять было уже невозможно.

Ким и Капитан как по команде вскочили и, не сговариваясь, бросились вверх по лестнице.

— Это предательство, — зло говорил Ким, целясь в замок люка, ведущего на чердак. — Мы его бросили.

— Это отступление, — упрямо ответил Капитан, но выстрел заглушил его слова. — Мы его не могли спасти.

Ким распахнул люк и прыгнул. В воздухе мелькнули тяжелые ботинки и скрылись. Капитан бросился следом, подтянулся и оказался на чердаке. Он захлопнул под собой люк и огляделся. Чердак маленький, низкий и пустой, прижать люк

нечем. Даже не чердак — комнатка с люком вниз и дверцей на крышу. Ким с разгону вышиб дверцу, и оттуда ударил лунный свет.

Добежав до края крыши, они остановились и, не сговариваясь, упали на холодный битум. Сверху палила огненно-рыжая луна, круглая и выпуклая. Шумел ветер, поскрипывали елки, и вдалеке ухал филин.

— Хороший был пансионат, — сказал Капитан. — Ты бы хотел здесь отдохнуть недельку-другую?

Ким не ответил.

— В смысле, если б ничего не было, — зачем-то уточнил Капитан.

Ким снова не ответил. Они лежали молча, впитывая спинами прохладу крыши.

— Она большая, может не пролезть сквозь люк, — сказал наконец Капитан. — В случае чего с крыши должна вести пожарная лестница, я ее видел...

— Можно и прыгнуть.

— Пять этажей?

— Я прыгну, — уверенно сказал Ким. — С трех-четырех прыгал легко. Если прыгать аккуратно, по стенке — ничего не сломаешь.

— Что-то я не видел, чтоб ты с пятых этажей прыгал...

— Ты многого не видел, что я умею...

— Научишь?

— Когда все закончится.

Капитан подполз к бортику и долго-долго смотрел вниз.

— Лестница есть? — не выдержал Ким.

Капитан покачал головой.

— Даже земли нет. Этажей нет. Пропасть и пламя.

Ким вскочил, подбежал к краю и глянул вниз.

— Да... Так мы еще никогда не попадали. Плохие штуки здесь творятся с пространством.

Они отползли от края и снова уставились на луну.

— Не надо было пускать Артамонова. Надо было мне попробовать, — глухо произнес Ким.

— Успеешь попробовать. И я успею...

— На нее ничего не действует, никакое добро.

— Не знаю... — задумчиво сказал Капитан. — Не знаю. Что ни говори, он все-таки хотел ее уничтожить...

— Нет.

— Да.

— Нет.

— И ты не хочешь?

— Не хочу.

— А по большому счету?

— Не хочу. — На этот раз Ким помедлил.

— Врешь, — зевнул Капитан. — Мы здесь для того, чтобы ее уничтожить. И если мы клянемся, что пришли с миром, — мы делаем это, чтобы победить. И если искренне желаем добра — мы желаем это, чтобы уничтожить. Замкнутый круг.

— Почему обязательно уничтожить? Изгнать обратно.

— В небытие. Это не одно и то же? — Капитан вздохнул.

— И что ты предлагаешь?

— Не знаю. Мне кажется, что все дело в той молитве на корейском, если бы мы сумели ее прочесть...

— Не сумели бы. Да и компьютер остался на подоконнике.

— Тогда надо успокоиться. Делать вид, что ничего не произошло. Лечь спать.

— Спать — хорошая идея, — ответил Ким и тоже зевнул.

— Может быть, утром... — начал Капитан.

— Утро не наступит. Оно должно было наступить два часа назад.

Капитан замер и сжал зубы, но ничего не ответил. Они закрыли глаза и долго лежали молча, пока снизу не послышался рев.

— Уже по пятому ходит, — шепотом произнес Ким. — Ты спишь?

— Сплю, сплю, — откликнулся Капитан. — Спи давай.

Рев повторился. А когда он стих — заорали собаки в ельнике.

— Собаки в ельнике, а ельника нет, — сказал Капитан.

— Вот твари, — откликнулся Ким. — Собак надо было пристрелить еще на въезде.

— Гаси эмоции, — сказал Капитан. — Гаси.

Ким рывком привстал и поднялся на ноги.

— В конце концов, я воин. Мой отец был воин. Мой дед воин. Мой прадед воин. Я тоже хочу погибнуть с оружием.

— Сядь, — сухо сказал Капитан. — Это приказ.

— Извини, — покачал головой Ким. — Больше нет приказов.

— Ким, ты умный и хитрый. Ты сильный и смелый. Ты многое понимаешь лучше и быстрее меня. Я тебе этого никогда не говорил, но ты сам это знаешь. Ты — лучший боец. Ты — эксперт. Но командир — я.

— Не сейчас. Я спущусь к ней. Получится — так получится. Не получится — не получится.

— Что получится?

— У нас нет выхода, — ответил Ким. — Мы не можем ее изгнать так, чтобы при этом не желать ей зла. Ты же это понимаешь? Мы не можем ее любить, потому что она — враг.

— Надо пытаться. Надо справиться. Сосредоточиться. Победить себя.

— Победить себя? Ты способен пожелать ей добра, успехов и хорошего настроения? Искренне? Не так, как Артамонов?

— Значит, надо сломать свои мозги! Сойти с ума! На время... — Капитан вскочил на ноги, подошел к краю крыши и долго смотрел в пылающую бездну, кусая губу. — Хорошо, что ты предлагаешь?

— Драться, — ответил Ким. — Мы пришли для того, чтобы драться, нас послал сюда генерал, чтобы мы дрались, это наш долг. И у нас нет выбора.

— Ты просто погибнешь, только быстро и в бою, — пожал плечами Капитан. — Не раздумывая, не принимая решений, не мучаясь вопросами. И лично для тебя это неплохой выход. Но только для тебя.

— Нет. Это выход для всех. Потому что только долг мы можем выполнять спокойно и без эмоций. Без обмана и без лицемерия. Понял?

— Не понял.

— Да? — Ким прищурился. — А ты вспомни, как брали дом Агиева?

— Не хочу, — нахмурился Капитан.

— Забыл?! Я тебе напомним!!! — закричал Ким.

Капитан запоздало подумал, что от былой молчаливости Кима уже давно не осталось и следа.

— Вспомни! — кричал Ким, подступая к Капитану. — Вспомни, как отстреливал его дочек из оптической винтовки! Просто так! На всякий случай, если вдруг они с папашкой

заодно, забыл?! Вспомни, как кидал гранаты в подвал, где сидели его смертники вперемешку с заложниками! С женщинами, школьниками! Вспомнил?! Вспомни, как та девушка с младенцем в слезах умоляла тебя через громкоговоритель — тебя умоляла, тебя! Вспомни, как из динамика захлебывался ее ребенок на весь район!

Капитан сверлил лицо Кима выпученными глазами.

— Да, кидал, отстреливал! — заорал он в ответ. — А ты не кидал? Ты в сторонке стоял, можно подумать?!

— Э нет! — Ким вдруг вскинул руку и покачал пальцем перед носом Капитана. — Приказ отдал ты! Даже не генерал! Батя наш хитрая сволочь, ушел от ответственности, приказал тебе действовать по обстоятельствам!

— Послушай! Ты мне этот дом Агиева теперь всю жизнь будешь вспоминать?! — Капитан хотел отшвырнуть руку Кима от лица, но Ким убрал ее быстрее. — Да! Я отдал приказ! Да! На мне ответственность! Но победителей не судят! Ты мне докажи, что у нас был другой выход! Да, я убил три десятка людей, но я спас город! Полтора миллиона! И не было второй Хиросимы!

Капитан застыл с выпученными глазами. Ким вдруг улыбнулся и отошел на шаг.

— Ты все еще ничего не понимаешь? — спросил он. — Ты сейчас меня ненавидишь, да? Меня! С которым девять лет кувыркался под пулями? Меня — единственного твоего друга в этом адском котле? — Ким обвел рукой черный горизонт.

Капитан пригляделся: ни поляны, ни ельника, обступающего ее, уже не было — осталась только поверхность крыши, луна наверху и пламя. А вокруг, насколько хватал глаз, клубилась непроницаемая черная пелена, и уже нельзя было разобрать, что это — то ли предрассветный туман, то ли и впрямь стенки адского котла.

— Извини, — сказал Капитан, потупившись. — Нервы.

— Это не нервы, — серьезно ответил Ким. — Это — эмоции. А вот теперь вспомни: когда ты убивал двенадцатилетних близняшек Агиева — ты желал им зла?

— А кто они мне такие? Я их видел первый и последний раз — в оптический прицел. Ничего я им не желал, просто убрал, и все. И ни разу не пожалел об этом. У меня не было выхода, пойми! Я выполнял свой долг.

— Да, — кивнул Ким. — Ну хоть теперь ты понял?

Капитан хотел ответить, но замер.

— Ким! Ты гений, — сказал он тихо. — Ты абсолютно прав! Можно! Можно убивать без злости и ненависти!

— Я не гений, — покачал головой Ким. — Просто этому меня учил отец. А его учил дед. Так учит древнее боевое искусство — воин не должен ненавидеть врага. Ненависть ослепляет. Воин должен просто выполнять то, чему суждено случиться. И я просто пойду выполнять то, за чем мы сюда приехали.

Ким поднял гранатомет за ствол, повернулся спиной и вразвалочку зашагал к центру — квадратному кубику с черным провалом вместо двери.

— Я с тобой, — быстро сказал Капитан, поднимая ствол штурмовика.

— Нет. — Ким обернулся и покачал головой. — Я — умею убивать без эмоций...

— А я — не уверен, что умею, — тихо продолжил Капитан вместо него. — Да. Ты кругом прав. Удачи.

Ким не успел дойти. Послышался рев, из черного проема вылезла гигантская лапа и впиалась когтями в бетон. Ким уверенно поднял гранатомет, и Капитан заранее упал на битум. Хлопок он услышал, но взрыва не было. Капитан поднял голову. Хлопок повторился. Ким, опустившись на колено, ритмично дергал гранатомет. За миг перед следующим хлопком Капитан увидел, что граната все-таки вылетела. И попала точно в дверной проем, откуда торчали гигантские лапы. Но взрыва не было.

Когти натужно дернулись, и каменная будка посреди крыши разлетелась. Осколки бетона, грохоча, покатались в разные стороны, а там, где секунду назад стояла будка, во весь рост поднималась медвежья туша с огромными женскими грудями и бешено выющими вокруг лап канатами хвостов. Теперь стало видно, что чудовище огромно — оно было в десять раз выше Кима, и не верилось, что секунду назад оно помещалось на чердаке, а еще недавно стояло во весь рост посреди вестибюля.

Мамма Сонним распахнула гигантский рот, наполненный зубами в сотни рядов, и заревела так, что пространство за-

тряслось. Со всех сторон взметнулась и обступила крышу багровая огненная стена, словно вниз плеснули бензина.

Ким отбросил гранатомет, поднялся во весь рост, высоко задрал голову, чтобы смотреть чудовищу в глаза. Капитан знал рукопашную стойку Кима. Его руки сейчас — окаменевшие лезвия, которыми Ким на тренировках разбивал в пыль кирпичи, бетонные бруски и камни.

Мамма Сонним снова взревела и угрожающе взмахнула передними лапами. И в такт им снова взметнулось ледяное багровое пламя.

И тогда Капитан резко поднял ствол штурмовика и, не целясь, нажал спуск — легко и равнодушно, заранее зная, что попал. Чувствуя, что так и надо, что другого выхода нет. Единственная мысль, которая у него мелькнула, — штурмовик тоже может не сработать, как и гранатомет. Но штурмовик сработал, и его знаменитый бесшумный хлопок почему-то перекрыл и рев чудовища, и гул пламени, прокатился по крыше и глухо увяз в пылающем пространстве. Чудовище смолкло, поперхнувшись воем, а пламя опало — теперь за бортиками крыши снова клубилась черная пелена.

Ким еще секунду постоял, а затем медленно упал вперед, гулко хрустнув лицом о черный битум. Ровно из середины его затылка вылетел тонкий красный фонтанчик и потух, обжигая голову темным ручьем.

Капитан вскочил. Не глядя, изо всех сил зашвырнул штурмовик в огненную бездну. В два прыжка оказался возле Кима и резко перевернул его на спину. И увидел лицо, залитое кровью, и алое крошево вместо нижней челюсти — отсюда вышла пуля. «Какая она высокая, Мамма Сонним...» — равнодушно подумал Капитан, чувствуя, как текут по рукам теплые струйки. Глаза Кима были открыты, но он был мертв.

— Прости, друг, — тихо сказал Капитан и закрыл ему веки ладонью. — Ты ошибался. Можно убивать без зла, но нельзя убивать с добром. И я только что убедился в этом: я не желал тебе добра, когда нажимал спуск. Я просто знал, что сейчас так надо, и мне было все равно. Если бы я знал, что надо выстрелить в себя, — мне тоже было бы все равно. Я мог выстрелить и в Мамму Сонним — и мне тоже было бы все равно. Ты ошибался. Ты был прав раньше, когда говорил, что Мамма

Сонним не живая. Я и сейчас не знаю, как она устроена, не могу сказать, живая она или нет. Быть может, она всегда была мертвая, но ожила, когда ее вызвали в наш мир на этом семинаре. Мамма Сонним — это механизм, автомат. Ее нельзя ненавидеть или любить, потому что она тоже не желает нам ни зла, ни добра. Она тоже, как и ты, выполняет свой долг и не может иначе. Мы созданы — такими, а она — такой. И ее можно только пожалеть. Потому что твой долг — красив и благороден, а ее долг — черный и неблагодарный. И Мамма Сонним, и мы все пришли в этот мир на короткое время, мы проживем здесь и уйдем обратно в небытие. Скоро-скоро никого из нас не будет. Раньше это произойдет или позже — не имеет значения. Каждый из нас как автомат выполнит то, что ему предназначено, и уйдет. Но о тебе будут вспоминать со светлой грустью, а о ней — со злобой и проклятиями. А она не виновата, что у нее такое предназначение. Никто не виноват.

Капитан замолчал и с удивлением подумал, что никогда еще не говорил столько театральных слов и никогда больше их не скажет. Он поднял голову и посмотрел на возвышающуюся косматую тушу.

— Жалко тебя, — сказал он задумчиво. — Искренне жалко. Знаешь, мне даже хочется сказать тебе что-нибудь приятное, вот только не знаю что, выглядишь ты мерзко. Может, ты мне скажешь что-нибудь приятное?

Мамма Сонним распахнула свою пасть и вдруг прохрипела оглушительно и без интонации:

— Ты умрешь через три года.

Капитан опустил взгляд и долго молчал, глядя, как первые солнечные лучи пытаются уцепиться за пыльный битум.

— Спасибо, — наконец выдал он. — Это действительно очень приятная новость. Теперь мне будет легко работать. А от чьей пули?

— От рака легких, — сказал хриплый детский голосок.

Капитан вскинулся — перед ним стояла девочка в красном платье и белых сандаликах.

— Очень хорошо, — кивнул Капитан, нашарил в кармане пачку сигарет и закурил. — Я уйду в отставку и займусь наконец любимыми делами. Знаешь, у каждого человека есть свои любимые дела, но всю жизнь ему некогда...

— Нет, — сказала девочка. — Ты будешь служить еще два с половиной года, потом ляжешь в госпиталь.

— Ошибаешься, — покачал головой Капитан. — Завтра же подам рапорт об отставке.

Девочка промолчала.

— А что так мало осталось — это правильно. Это чтобы я не проболтался, чтобы никто и никогда не узнал, что здесь было. Мы же с тобой никому не расскажем, верно?

Девочка снова не ответила.

— А теперь знаешь что? — Капитан взял ее за руку. — Пойдем-ка с тобой зароем наших медведей.

Они шли по этажам, собирая игрушки и складывая их в накрахмаленную санаторную наволочку. Вначале Капитан еще старался понять, в кого из кукол могли превратиться люди Тарасова, но девочка на вопросы не отвечала, и сам он вскоре плюнул на эту затею. Просто поднимал с пола и опускал в наволочку пластиковых, резиновых и меховых лошадок, тигрят, поросят, змей, лисиц и ворон. Капитану было спокойно и легко — почти так же легко бывает в тот короткий миг, когда скидываешь после марш-броска тяжеленный рюкзак.

Потом они зарывали игрушки в песочнице. Девочка — совком, Капитан — ладонями. Далеко за ельником уже поднималось солнце, в глубине проснулась кукушка и неуверенно прокуковала три раза, словно прочищая горло.

— Кукушка-кукушка, сколько мне жить осталось? — громко спросил Капитан и подмигнул девочке.

Кукушка помолчала, а затем начала куковать быстро, ритмично и без пауз — в таком темпе каждое утро подтягивался на турнике Ким. На третьем десятке Капитан сбился. Он зашел в корпус и поднялся в комнату, где лежала мумия. В утреннем свете мумия выглядела отвратительно — торчащие зубы вставной челюсти, спекшиеся лоскуты кожи, тут и там разломаченные не то мухами, не то мышами. Прямо над лицом мумии столбом крутилась стая мелких мошек. Капитан откинул одеяло — на мумии оказалась куцая кожаная жилетка, а на груди торчал пластиковый бейджик. На нем шла строка иероглифов, а ниже: «Мудан Топ-Менеджер Лауст».

— Ах вон оно что... — сказал Капитан. — Здравствуй, Лауст... Значит, это не твой компьютер... И, значит, та ересь с

восклицательными знаками — вовсе не молитва, а предсмертная записка, которую ты пытался оставить... Рассказать пытался, что ты вызвал в этот мир и как с ним бороться... В топку!

Капитан впихнул маленький компьютер под жилетку мумии, завернул мумию в одеяло и взвалил на плечо. Она почти ничего не весила. Так он спустился во двор.

Девочка уныло тыкала совочком в песок.

— Пойдем, поможешь мне, — кивнул Капитан и вручил ей две гранаты.

Они спустились в подвал. Капитан положил мумию в угол и забрал у девочки гранаты. Пока он монтировал батарею зарядов, девочка стояла за спиной и внимательно смотрела. Закончив, Капитан поднялся на крышу, взвалил на плечо тело Кима — маленькое, но неожиданно тяжелое. Постоял так немного, а затем подошел к бортику и скинул тело вниз. Налегке сбежал во двор, поднял Кима, дотащил до подвала и положил рядом с мумией. Девочка все так же смотрела на батарею, собранную из мусора: из неразорвавшихся снарядов гранатомета, которые Капитан собрал на чердаке, из ручных гранат и плоского чип-пакета, который Капитан зачем-то надевал последние полтора года на все задания, а вернувшись, исправно сдавал на склад. Теперь пригодился. Но батарея была спланирована и собрана по всем правилам. Капитан еще раз оглядел работу и перевел взгляд на часы.

— Нам пора, — сказал он. — Пойдем отсюда.

— Не хочу, — глухо отозвалась девочка.

— Пойдем, пойдем. — Капитан решительно взял ее за руку. — Жить, что ли, надоело? Мы с тобой издавека посмотрим.

— Хочу остаться здесь, — хныкнула девочка.

— Здесь нам никак нельзя, костей не соберем, — усмехнулся Капитан. — А надо, чтоб костей не собрал батя... Никаких. Мы же договорились никому ничего не рассказывать, верно?

Они вышли на воздух и не спеша отошли к лесу.

— Главное — ничего не бойся. — Капитан глянул на часы и положил ладонь на ее холодное плечо. — Знаешь, как весело бабахнет?

Они сидели у самой опушки и молчали, глядя на возвышающийся корпус. Капитан задумчиво кусал травинку. Девочка

стояла, оцепенев, и, не мигая, смотрела на солнце, плывущее вверх из-за корпуса. Повсюду вокруг — в траве, в кустах за спиной — вразнобой скрипели кузнечики, а на их фоне расплывался ритмичный тикающий звук. Капитан прислушался и понял, что все это время в ельнике, не замолкая, продолжает чеканить годы кукушка.

Раздался взрыв. Сначала в лицо ударил пыльный воздух, потом из окон первого этажа рванулось пламя вперемешку с щебнем, и только потом обрушился звук. Девочка что-то крикнула, бросилась на корточки и испуганно закрыла голову руками.

— Не бойся, главное — не бойся! — прокричал Капитан, но его слова потонули в шуме.

Ельник ритмично повторил эхо несколько раз — словно пытаюсь продолжить работу заткнувшейся кукушки. Наконец звук превратился в тихий гудок. Капитан дернулся и снял с пояса трансивер.

— Центр? — ответил он негромко.

— Кэп!!! — тут же рявкнул генерал из трансивера. — Кэп!!! Докладывай!!!

— Все нормально, товарищ генерал. Задание выполнено. Преступники уничтожены. Погибли все бойцы группы.

— Все?!!

— Артамонов, Касаев, Заболодин, Ким, Петеренко...

Генерал молчал долго, словно не ожидал ничего подобного, словно не здесь исчез Тарасов.

— Как это случилось? — спросил он наконец.

— На объекте сидели религиозные фанатики, — отчеканил Капитан. — Прятались в подвале, убивали людей. Мы окружили их и обезвредили. Но они успели взорвать и себя, и подвал, и моих бойцов...

— Черт побери! — заорал генерал. — Что за бред? Как взорвали?! Как такое могло произойти?!

— Я во всем виноват, товарищ генерал, — жестко ответил Капитан. — Неправильно спланировал операцию.

— Где ты? Когда оборвалась связь, я поднял дивизию ОПр, они...

— Всю ОПр?! Ой, мать...

— Они уже шесть часов не могут найти это проклятое место в лесу!!!

— Плохо ищут, — сухо сказал Капитан. — Место как место. Координаты известны. Думаю, как раз сейчас они найдут...

Он не успел закончить и не успел понять, что случилось, — сработали рефлексы. И лишь спустя долю секунды осознал, что, сгруппировавшись, катится в кусты, а прямо над головой оглушительно грохочут вертолеты, появившиеся ниоткуда посреди чистого неба. Капитан обернулся — как девочка? Не испугалась ли вертолетов?

Девочки не было. Капитан стрельнул глазами по сторонам — девочки не было нигде. Тогда он глянул в траву, где она стояла только что. В траве лежала грубая кукла из бамбука — с раскосыми глазами и паклей вместо волос.

— Вот и все, — сказал Капитан, поднял куклу и бережно спрятал ее за бронник.

Вертолеты садились. По поляне гулял ураган, и от него пламя в окнах «Кукушки» билось и разгоралось все сильнее.

— Вот и все, — повторил Капитан, запрокинул голову, долго-долго глядел в далекое летнее небо над вертолетами, а потом вдруг вспомнил ту странную поговорку, которую тихо, как молитву, произносил Ким после удачных операций. — Небо высоко и конь откормлен.

*1.04.2002 — 17.08.2003,
Москва*

Юрий Бурносов

ВСЁ ЗОЛОТИСТОЕ

*Розетка, кипятилок, котенок Борька,
балкон и лифт бросали в дрожь меня.*

Тимур КИБИРОВ

1

— Привет. А меня зовут Суок, — сказала девчонка.

— Кукла наследника Тутти? — машинально спросил я.

Девчонка пожала плечами:

— Не знаю никакого наследника.

— Ладно, проехали, — сказал я. В конце концов, это сон, и совершенно не важно, почему абсолютно незнакомую мне девчонку зовут Суок.

— Куда проехали? Не понимаю... А ты кто? — спросила она.

Обычно во сне нужно делать все, что тебе скажут или о чем попросят. Тогда сон бывает интересный. Правда, если делать все наоборот, тоже бывает ничего. Сон, одним словом. Поэтому я заупрямился.

— А тебе зачем?

— Ни за чем. Так нужно. Ты же знаешь, как меня зовут...

И то верно. Я огляделся и обнаружил, что стою босиком на ощутимо прохладном полу, вымощенном золотистыми и белыми плитками «в шашечку». Вокруг поднимались золотистые же стены, которые сходились высоко над головой в стрельчатую арку. Коридор уходил впереди куда-то влево и появлялся у меня за спиной откуда-то справа. Девчонка сидела на высокой тумбе — примерно метр двадцать — и болтала ногами. Тумба была тоже золотистая.

— По-моему, это мне снится, — признался я. Впрочем, я уже не был так уверен в этом: слишком реальным, детально проработанным казалось все вокруг...

— Не может такого быть. Получается, я тоже тебе снюсь? Но я-то знаю, что я — не сон. Я — Суок.

Девчонка, кстати сказать, совсем не походила на киношную куклу наследника. Лет четырнадцать, ну, пятнадцать на вид, черные волосы выбиваются из-под черного беретика. Кажется, такая прическа называется «паж». У французской певицы Мирей Матье, которая про «Чао, бамбино, сорри» поет, такая прическа. Одета девчонка занятно: опять же пажеский костюмчик, штанишки, чулки, башмаки с пряжками, и все золотистое.

— Слушай, я ничего не понимаю, — честно сказал я. — Меня зовут Валера. И я думаю, что я во сне. Потому что я не знаю, где я, и никогда здесь не был. И тебя не знаю.

— Валера... — произнесла Суок, словно пробуя слово на вкус. — Валера... Не слышала такого имени. Нет, Валера, ты не во сне. Точнее, не совсем во сне, потому что все-таки немножко во сне. Чуть-чутьочку. А что это за странный наряд?

Я посмотрел на себя и хмыкнул: хорошо, что в шортах уснул. Мог бы и в трусах, вот был бы номер. Сон сном, а девчонка вроде ничего, симпатичная, а я в трусах перед ней скачу... Хотя во сне иногда такое приснится — будто ты голый, а вокруг все одетые. Бр-р...

Босиком вот только холодно. Хотя во сне холодно не должно быть. Это я, наверно, ноги из-под пледа высунул, вот и снится, что холодно...

— Это шорты.

— Ты, наверное, замерз? — участливо спросила она. — Пойдем туда, где тепло.

— А где тепло?

— Иди за мной, Валера. Только не догоняй меня, просто иди следом. Я скажу, когда мы придем.

Она спрыгнула с тумбы, щелкнув каблучками своих башмаков по плиткам, запахнула короткий золотистый плащик — я его сначала не заметил — и зашагала вперед по коридору. Я послушно пошел за ней, прикидывая, чего еще ожидать от сна.

Коридор был красив, но однообразен: стены и стены. Когда мы прошли метров сто, слева в стене показалось узкое окно, забранное мелкой решеткой, в ячейках которой сверкали разноцветные стекла. Свет сквозь окно не пробивался, из чего я заключил, что либо снаружи темно, либо стекло непрозрачное, либо вообще ничего нет. Для сна это нормально. Кстати, никаких светильников не наблюдалось и в коридоре: казалось, сами золотистые стены излучают мягкий холодный свет.

— Не отставай, Валера! — бросила через плечо Суок. — Здесь нельзя отставать.

Мы прошли еще сотню метров, и я неожиданно увидел на стене, на высоте своих плеч, глубокие царапины. Судя по всему, стенка была не из штукатурки или там камня, а из металла — и царапины врезались в него более чем на сантиметр. Что это так дерануло бедную стенку? Или кто? Я хотел спросить об этом Суок, но тут же обнаружил, что она исчезла. Коридор уходил вдаль, и я готов был осознать, что влип-таки в какой-то сонный кошмар, как Суок снова появилась. В стене справа была открыта незаметная дверь шириной сантиметров шестьдесят.

— Здесь тепло, — сказала Суок, и я вошел вслед за ней в комнату. Внутри действительно оказалось тепло, к тому же там стояло большое кресло, обшитое золотистой тканью, на вид очень мягкое и уютное. Излишне говорить, что стены тоже блестели золотом. Может, это и есть золото?

— Садись, — кивнула Суок.

Я осторожно погрузился в кресло, и она тут же плюхнулась рядом, так близко, что я увидел на ее правой коленке, как раз там, где заканчивалась короткая золотистая штанина, засохшую розовую царапину.

— Теперь можно спрашивать, — улыбаясь, заявила она.

— В смысле?

— Ну, ты же хотел спрашивать, правда? Вот спрашивай. Теперь можно.

— А там было нельзя?

— Там тоже можно. Потом — нельзя. Потом — снова можно. Но здесь тепло. Спрашивай, Валера.

— Ну-у... Это что, все из золота?

— Нет. Если бы было из золота, называлось бы Золотой Замок. А называется Золотистый Замок. Значит, не из золота, — с самым серьезным видом ответила Суок.

— Значит, это Золотистый Замок. Так. А где он находится?

— Здесь.

— И все?

— И все. А что? — искренне удивилась она, словно я спросил совершеннейшую чушь.

— Нет, все понятно... А ты тут, значит, живешь?

— Живу.

— Одна?

— Одна. Иногда — не одна. Иногда приходят другие, как ты, Валера. Потом уходят. Также думают: во сне... Я их вижу. Иногда разговариваю. Только они странные. Пугаются. А ты не пугаешься. Хотя тоже думаешь: во сне...

— Ну, ты же сказала: чуточку во сне.

— Да, оно так и есть. Чуточку во сне, но в остальном -- не во сне. Хочешь проверить?

— Можно.

И она укусила меня за ухо. Первое, что я почувствовал, — тепло, запах чего-то золотистого (черт!) типа меда или нектара, а уже потом — довольно сильную боль.

— Ты что?! — дернулся я и оттолкнул ее.

Она засмеялась.

— Ты сам хотел, чтобы проверить. Я показала. Извини, если больно. Я не хотела.

— В том-то и дело, что больно! Нет, может быть, это меня котенок за ухо кусает, пока я сплю? У меня дома котенок...

— Могу еще раз. Только это не котенок, Валера. А кто такой котенок?

Я и сам уже прекрасно понял, что это никакой не котенок. Но больше никаких объяснений не находилось. Не в сказку же я попал!

— Елки-палки, — пробормотал я.

— Что это значит? — незамедлительно поинтересовалась Суок.

— Ничего не значит, просто выражение. Так говорят, когда случается что-то странное, например. Слушай, это я что, значит, здесь надолго?

— Нет, Валера. Я же говорю: ты чуточку во сне. Когда сон кончится, ты или увидишь другой сон, или просто проснешься. И это очень плохо, потому что я перестану тебя видеть и с тобой говорить.

Значит, это все-таки сон. Васька, гад, за ухо грызет, точно! Мне стало как-то даже легче.

Она заморгала ресницами, казалось, готовясь заплакать, но через мгновение уже улыбалась и говорила:

— Ты не сказал, кто такой котенок. Он живой?

— Это такой маленький зверек. Ну, живое существо. Бывает разного цвета: серый полосатый, рыжий, белый, черный. Пятнышками. Бывает пушистый, бывает — нет. Ушки маленькие, усы есть. Хвост.

— Красивый... — вздохнула Суок. — Я бы хотела одного такого. А здесь нет. Нет зверька.

— Тут что, вообще никого нет? И ничего? Один коридор и вот эта комната?

— Нет, почему? Хочешь посмотреть? Только у нас мало времени.

— Как это — мало?

— Ты скоро уйдешь, а я останусь одна. Но мы успеем немножко посмотреть на разное. Пойдем!

И она схватила меня маленькой теплой рукой и потащила назад, в коридор.

— А теперь мне не нужно идти следом? — осведомился я.

— Теперь не нужно. Когда нужно, я скажу.

Мы прошли по коридору буквально несколько шагов и проскочили в очередную незаметную дверь, оказавшись в огромном помещении высотой метров десять. Большая часть помещения была заставлена длинными рядами вешалок, словно в театральной раздевалке. На вешалках висела одежда, сотни платьев, шуб, пальто и курток. Стена прямо напротив входа представляла собой сплошное зеркало, а на свободном от вешалок пространстве стоял большой батут, как в цирке, только двухэтажный.

— Это моя комната, — сказала Суок.

— Ты здесь живешь?

— Здесь я живу везде. Если правильно — это одна моя комната. Есть другая, третья, есть еще. Давай играть?

Я пожал плечами: почему бы и не поиграть? Сон есть сон, чем еще тут заниматься... И мы полезли на батут.

Кстати, прыгал я, как в натуральном сне: как бы плывя в воздухе. Обычно в снах так бежишь, особенно если кто-то гонится, — словно сквозь патоку... А тут — прыгал. Это оказалось очень интересно, мы держались за руки, словно дети, и визжали, когда подлетали к самому потолку. Суок потеряла свой берет, а я все время боялся, что упаду во сне с кровати.

В одном из особенно высоких прыжков Суок бросило прямо на меня, и я ее обнял. В полете она подняла лицо, внимательно посмотрела на меня золотистыми глазами, и я ее поцеловал.

Кстати, вот вам еще одно правило снов: если подворачивается легкая эротика, никогда не отказывайтесь. Это не в жизни, сон — и есть сон. Поэтому я поцеловал Суок без зазрения совести, к тому же она была очень красивая, а мне — всего восемнадцать лет как-никак. И только тогда я понял, что я если и нахожусь во сне, то действительно — самую чуточку.

Целоваться она не умела, но послушно прижала свои губы к моим. Я еще раз почувствовал, как от нее пахнет золотистым... кажется, все-таки нектаром, цветочной пылью. Так мы в обнимку мягко опустились на батут, и Суок шепотом спросила, почти не отнимая губ от моих:

— Что это, Валера?

— Это называется целоваться, Суок, — прошептал я в ответ, будучи весьма сконфужен.

— Это интересно, — сказала она и отодвинулась. — Игра?

— Игра, — еще более смутился я. — Слушай, а зачем здесь так много одежды?

— Это моя одежда. Я ее собираю.

— А почему ты тогда одета в это вот... во все золотистое?

— Так нужно. Это же Золотистый Замок, неужели ты не понимаешь?

— Не понимаю, — честно сказал я. — Здесь много одежды, она вся твоя, но ты ее не носишь, потому что так нужно. А если ты наденешь вот то красное платье, например?

Она пришла в ужас, словно я предложил ей кого-то убить. Губы Суок задрожали, а на глаза навернулись слезы.

— Ты что! — прошептала она. — Ты просто не знаешь! Это нельзя! Нельзя! И вообще тебе пора уходить! Уходи!

И я проснулся.

2

Весь день я таскался сам не свой, за что был тут же прозван в институте озабоченным. Сон или не сон? Или «чутьочку сон», по определению Суок? Хорошо, допустим, я уснул и провалился «чутьочку» в другое измерение. Почему в таком случае я на-рвался на девчонку с именем героини «Трех толстяков» Олеши? К тому же неплохо, хотя и странно, говорящую по-русски? Какой-то римейк «Маленького принца», что ли...

Я мрачно пообедал, пошел к себе и заперся, рассудив, что способ проверить все есть только один: уснуть. В худшем случае, если ничего не получится, я просто хорошо высплюсь, и все дела. Хотя у меня так иногда выходит: если перед тем, как ложиться спать, начинаешь представлять себе вчерашний понравившийся и запомнившийся сон со всеми подробностями, ты можешь увидеть его продолжение.

Я сообщил бабушке, что у меня болит голова и я решил немного вздремнуть, выгнал Ваську и, не раздеваясь, улегся на диван. Закрыв глаза, я попытался представить себе коридоры Золотистого Замка с их шашечным бело-золотым полом, стрельчатое окно и... Суок.

— Привет! — сказал знакомый голос.

Я открыл глаза и увидел ее. Мы находились на том же самом месте, где я вынырнул вчера, — возле тумбы. Суок снова сидела на своем насесте, болтая ногами, и одета была точно так же: в свой пажеский костюмчик и башмачки, только к берету был приколот золотистый цветок, напоминающий астру.

— Я тебя помню, — продолжала она, прямо-таки сияя от счастья. — Ты Валера. Ты был здесь вчера. И ты вернулся! Никто не возвращался, а ты — вернулся!

С этими словами она прыгнула мне на шею прямо со своей тумбы. Обняв меня, она потерлась носом о мою щеку и требовательно сказала:

— А теперь поставь меня!

Я осторожно опустил ее на шашечный пол.

— Ты одет иначе. — Суок, закусив губу, внимательно разглядывала мои джинсы и футболку «Рибок». — Вчера ты был одет в такие интересные штаны...

— Шорты.

— Шорты... Но тебе было холодно, да? Теперь тебе тепло?

— Нормально... Ты вчера на меня обиделась, Суок?

— Я не обиделась. Я испугалась. Не говори больше о том, чего нельзя.

— Но как же я буду знать?

— Я тебе скажу: «Нельзя!» И ты перестанешь говорить. Иначе будет плохо.

— Мне?

— Нет. Мне.

Она выглядела крайне озабоченной и серьезной, и я поспешил поклясться, что не буду говорить о том, чего нельзя.

— Хорошо, — милостиво согласилась она. — А как ты попал сюда опять? Раньше никто так не делал. Никто не умел.

— А я умею, — скромно поведал я. — Это не очень трудно. Я думаю, я могу часто приходить. Каждый день.

— Это хорошо. Ну, пойдем играть?

И мы пошли играть. Проходя по коридору, я снова обратил внимание на странные царапины на стене, но спрашивать ничего не стал: вдруг это из разряда «нельзя»? И мы снова прыгали на батуте, а потом, когда мы сидели на его краешке, Суок спросила:

— А почему сегодня мы не целовались? Мне понравилось.

Я осторожно чмокнул ее в щеку.

— Я хочу вот сюда! — требовательно заявила она, подставляя губы. Я поцеловал ее — по-детски, не раскрывая рта... Нет, мне все это очень нравилось, но я чувствовал себя неуютно. Все-таки довольно маленькая она, теперь мне казалось, что и пятнадцати нет, да и совращать девчонку из сна не очень то удобно. Вернее, из сна как раз таки удобно, но я ведь лишь «чутьочку» во сне. А это совсем другое дело. Хотя я в нее, наконец, влюбился.

Сегодня Суок казалась мне не только младше, но и еще красивее, чем вчера. Я хотел было сказать ей об этом, как вдруг в коридоре, за узкой дверью, что-то загрохотало, словно приближающийся поезд.

— Тихо! — зашипела Суок и прижалась ко мне, закрыв лицо ладонями. Я обнял ее и стал гладить по худенькой спине, а шум за дверью нарастал, потом пронесся мимо и вроде бы затих в отдалении. На смену ему пришло странное шуршание, словно тысячи больших мотыльков бились в тесноте коридора. Что это? Те, кто царапает стены?

— Что это? — спросил я, приблизив губы к ее уху.

— Не спрашивай! — пискнула она и еще сильнее прижалась ко мне. Шуршание проскребло по двери, потопталось — как мне показалось — немного возле нее и исчезло там же, куда удалился «поезд». Мы сидели в полной тишине, и я подумал, как, должно быть, страшно здесь Суок. В этом золотистом одиночестве.

— Что ты вообще здесь делаешь? — спросил я, когда Суок отняла руки от лица. Она ничего не ответила, размазывая по щекам слезы. Поправив свой беретик, Суок спрыгнула вниз с батута и, повернувшись ко мне, сказала:

— Я здесь живу, Валера.

— Давно?

— Всегда.

— Слушай, сейчас я тебя буду спрашивать. Если ты можешь ответить — отвечай. Если нельзя — отвечай: «Нельзя!» Ясно?

Она кивнула. Я спрыгнул к ней и спросил:

— Что такое Золотистый Замок?

— Это... Золотистый Замок. — Кажется, вопрос она не поняла или не могла понять.

— Это здание? Дом?

— Это Замок. Я не знаю, что это такое. Так называется.

— Он большой?

— Я не знаю. Нет конца. Я ходила далеко, но потом вернулась. Страшно.

— Что находится снаружи?

— Разное. Я не была снаружи, только видела.

— Кто здесь живет?

— Я. Больше никто. Иногда, давно, еще другие, но потом — только я. И ты...

Я тщательно обдумал свой следующий вопрос и задал его без особенной надежды на ответ:

— А кто здесь есть еще? Не живет — просто есть?

Кажется, я начал подстраиваться под ее логику. Но даже если вопрос сформулировал точно, то в ответ заработал:

— Нельзя! Нельзя, Валера...

Она умоляюще смотрела на меня.

— Ну, не бойся. — Я погладил ее плечу. — Пока я с тобой, тебя никто не обидит.

— Это неправда, — сказала она. — Это неправда. Я хочу, чтобы так, но это неправда.

— Хорошо. Я буду задавать вопросы дальше. Еда. Откуда появляется еда?

— Еда? Есть комната. Я прихожу туда, там еда. Ты хочешь кушать?

— Потом, Суок. Кто царапает стены? Кто шуршит?

Ее словно током ударило.

— Нельзя! Нельзя, Валера! Нельзя!!!

С ней вот-вот могла случиться истерика, и я понял, что это и в самом деле запретная тема. Тема, о которой Суок нельзя не только говорить, но и думать.

— Извини, я больше не буду спрашивать такое. Я не хочу тебя обидеть, я хочу помочь. Понимаешь?

Она часто-часто закивала, из глаз снова потекли крупные слезы.

— Тебе здесь плохо?

— Бывает плохо. Бывает хорошо. Сейчас — хорошо. С тобой. Плохо — больше. Но я здесь живу...

— Есть такое слово — Родина, — проворчал я.

— Что?

— Так, история одна. А что ты делаешь целыми днями?

— Я? Хожу. Играю. Смотрю. Кушаю. Сплю.

— Смотришь? На что?

— На цветы. Или с Башни, вокруг.

— А где Башня? — оживился я. — И вообще когда ты покажешь мне Замок?

— Могу сейчас. Сейчас можно. Пойдем, Валера!

Настроение у Суок менялось, как картинки в калейдоскопе. Она уже весело смеялась и тащила меня в коридор, словно там пять минут назад не скрежетало по стенам что-то невообразимое и не шуршали жуткие мотыльки. Я понял, что если там что-то и есть, то появляется это в определенных случаях, и Суок знает, когда это происходит. Вообще здесь явно существовали некие правила, которым и подчинялась нехитрая жизнь Суок. Потом нужно будет непременно выяснить, что за правила и кто их создал. Я вспомнил, как Суок запрещала мне идти вместе с ней по коридору, вспомнил историю с платьем... Ну и сон, черт возьми! Или не сон? Я не знал, что и думать...

Мы шли по коридору, и Суок трещала что-то о цветах, которые растут и цветут, и как она их любит, а я отметил про себя, что на стенах явно прибавилось царапин. В одном месте на полу валялась полукруглая прозрачная пластина, напоминавшая рыбу чешую, увеличенную до размеров чайного подноса. Суок замолчала на мгновение, осторожно перешагнула через чешую и затрещала дальше.

Судя по сложным изгибам коридора, Замок имел весьма своеобразное архитектурное решение. Редкие окна, через черные стекла которых ничего не было видно, ситуацию не проясняли. Два раза мы миновали какие-то двери, но Суок говорила: «Нельзя!» Единственными примечательными вещами в унылом коридоре оказались две тумбы наподобие той, на которой сидела Суок, и странные часы с девятнадцатью цифрами, встроенные прямо в стену под самым потолком. Собственно, это совсем не обязательно были часы: просто они их напоминали — с двумя стрелками и отчетливым тиканьем, наполнявшим тишину коридора на протяжении доброй полусотни метров.

Я прикинул, что мы прошли около километра, когда Суок заявила:

— Закрой глаза!

Я закрыл и почувствовал, как маленькая теплая ладошка тянет меня влево. Споткнувшись о высокий порог, я едва не упал и открыл глаза.

Вокруг был сад. Вернее, оранжерея, так как все это помещалось под крышей. В отличие от коридора и комнат он не нес на себе золотистого бремени: в больших клумбах, обло-

женных красным кирпичом, росли цветы самых разных расцветок. Стены и потолок мерцали голубоватым светом, и я не мог определить, насколько велика оранжерея, потому что по обе стороны от меня растительность доходила до самого верха и где-то там сплеталась в купол.

— Красиво? — с надеждой спросила Суок, и я понял, что это самое замечательное, что она видела здесь, в Замке.

— Красиво. А почему ты сорвала именно золотистый цветок? — Я покачал пальцем астру на ее беретике. — Здесь столько разных...

— Нельзя, — мотнула головой Суок. — Будем здесь? Или пойдем в Башню?

Я бы с удовольствием остался здесь, но кто знает, где эта Башня... Суок явно надеялась, что я останусь, но я сказал:

— Пойдем в Башню.

Как только мы вышли обратно в коридор (причем я снова закрывал глаза, а когда открыл, так и не обнаружил поодаль никаких дверей), Суок прислушалась. Она слушала несколько мгновений, прикрыв глаза, а потом зашептала:

— Я иду вперед, ты иди за мной. Не догоняй. Не отставай. Я скажу, когда можно.

И помчалась вперед, запахнув свой плащик. На этот раз она даже надела капюшон. Я поспевал за ней, оглядываясь и ожидая, что сзади налетит давешний поезд с мотыльками. Но ничего не налетало, а через минуту я врезался во внезапно остановившуюся Суок, да так, что она ойкнула.

— Сейчас будет Башня, — сообщила она, обернувшись.

И действительно, передо мной вверх поднималась лестница, напомнившая мне корабельный трап. Это была первая лестница, которую я увидел в Замке. Суок стала подниматься первой, чем-то пощелкала у самого потолка, и там открылся круглый люк. При этом никакой крышки я не заметил — люк просто появился в потолке.

Суок исчезла в отверстии, излучающем опасный фиолетовый свет, и я поспешил за ней. По пути я рассмотрел как следует лестницу и заключил, что она сработана все из того же золотистого металла и вроде бы отлита целиком. Без гаек и болтов.

А потом я оказался наверху и оторопел.

Это на самом деле была Башня!

Круглая застекленная площадка диаметром метров десять, в центре которой зияло отверстие люка. Над головой — низкий серый (не золотистый!) потолок, под ногами — грязно-белое покрытие, напоминающее линолеум. Но это все я рассмотрел потом. Вначале я увидел То, Что Снаружи. Именно так, с большой буквы, потому что я решил все странное и необычное в Замке именовать так. Тот, Кто Царапает Стены. Мотыльковый Поезд. То, Что Снаружи.

Это была не Земля. По крайней мере это была не привычная Земля. Вокруг угрюмо мчались фиолетовые облака, цепляясь за верхушки изуродованных эрозией гор. Никакой растительности, никакой жизни я не заметил. Башня находилась в некоем подобии титанического кратера, а внизу...

Площадка Башни парила в ужасной вышине, и далеко внизу я разглядел какие-то нагромождения, в которые и уходило ее основание. Очевидно, Замок. Никакого коридора и быть не могло, потому что нас отделяло от Замка метров пятьсот. Или километр. Но коридор был, и я даже видел в отверстии люка его шашечный узор...

— Красиво? — спросила Суок. Она снова не выглядела ни испуганной, ни озабоченной, а пейзаж, судя по всему, ей нравился.

— Не очень, — сказал я, чем расстроил ее.

— Я думала, тебе понравится.

— Мне понравилось, но я не думаю, что это красиво.

Это и впрямь было так. Картина, конечно, открывалась величественная, но меня не покидало ощущение, что Башня вот-вот рухнет вниз. Нет, это не Земля. Или какая-то совсем другая Земля. Чужая. Страшная. Опасная.

— Пойдем назад, Суок, — попросил я.

И проснулся.

3

Дребезжал будильник. Я схватил его и треснул об стенку. Старенький «Севани» разлетелся в стороны всеми своими колесиками и маховичками, а всполошившаяся бабушка тут же появилась в дверях, вопрошая, что случилось.

— Ничего не случилось, — буркнул я. — Кто будильник заводил?

— Я, Валерик, — сказала бабушка. — Чтобы «Невинную жертву» не пропустить.

— Я ж говорил, ба, у меня голова болит! А ты будильник под самое ухо!

— Да ладно тебе, — махнула рукой бабуля. — Поди вон погуляй лучше на свежем воздухе. А то как бирюк спать завалялся.

Я и впрямь отправился погулять. Купил себе мороженое, сел на лавочку погреться на солнышке... В голове вертелись обрывочные впечатления от увиденного в Замке, и я решил привести их в какое-то соответствие.

Чешуя. Здоровенная и явно имеет отношение к Поезду или Тому, Кто Царапает, потому что появилась сразу после их визита. Рыба, не рыба... Страшное что-то.

Тот, Кто Царапает Стены. Весь, надо полагать, в чешуе. Дракон?

Мотыльковый Поезд. Возможно, сам по себе, а возможно, просто часть Царапателя. Хвост, например.

Башня. Странное сооружение, какое-то апокалиптическое. Надо разобраться с эффектом высоты: почему она снаружи высокая, а внутри — метров пять, не больше...

То, Что Снаружи. Вот тут вопрос с Башней. Может, это как кино? То есть снаружи может быть что-то другое, а на экраны, сиречь окна, демонстрируют небо, горы и прочую пакость... Тогда решается вопрос с высотой. Надо разобраться.

Сама Суок.

Вот это вопрос.

Кто она, зачем она там находится и кто ее держит? Кого или чего она боится?

Инопланетян я тут же отбросил. Инопланетяне не дураки, и у них есть какая-то логика, пусть собственная, нам непонятная. В Замке логики не было вообще. Или была, но я ее не просек?

Я плюнул, выкинул недоеденное мороженое в урну и пошел домой. Ничего себе разобрался! Еще больше проблем выдумал. Может, я дурак? Умом двинулся? Во сне черт-те что снится, а я голову ломаю...

Главное теперь — придумать, как попадать в Замок и покидать Замок. Вернее, как попадать в Замок и покидать Замок в нужное мне время.

А там посмотрим.

Спать не хотелось, потому что я выспался днем, но надо было что-то делать, потому что бодрствовать перед институтом я не планировал, да и в Замок вернуться хотелось.

Я посмотрел, что делает бабушка. Она возилась на кухне. Тогда я стащил ее шкатулку с лекарствами и нашел там снотворное. Обычно она принимала таблетку, но я решил, что буду поздоровей ее, и съел две. Потом вернул шкатулку на место, пожелал бабушке спокойной ночи и лег.

Мерно тикали настенные часы, за окном гудели машины, кто-то дико заорал, сработала автомобильная сигнализация.

Я перевернулся на другой бок, поправил подушку.

Черта с два я засну.

Черта с два.

Ч...

На этот раз я появился в незнакомом месте. Все те же золотистые стены, стрелчатые окна с черными стеклами... Я огляделся — никого. Тихо. Не нахамить ли в таком случае? Естествоиспытатель должен быть хамом, иначе никакой он не естествоиспытатель... С такими мыслями я снял футболку, обмотал ею кулак и врезал по черному стеклу.

Ничего не вышло. Стекло слегка загудело, словно натянутая на барабан шкура, но не поддалось. Я врезал посильнее, взвыл и затряс рукой.

Этот номер не прошел.

Что ж, попробуем что-нибудь другое. Интересно, а где Суок? В предыдущие свои явления я оказывался в непосредственной близости от нее... И тумбы знакомой не видно. Елки-палки... Позвать ее, что ли?

— Суок! — негромко крикнул я.

Тишина.

— Суо-ок!

Мне показалось, или вдалеке что-то откликнулось? Эхо? Я оделся и решительно двинулся в ту сторону (выбирать-то особо и не из чего: то ли в одну сторону, то ли в другую).

Метров через двести я увидел тумбу. То ли ту самую, то ли не ту самую. Чокнуться можно в этом золотистом мире. Архитектура... Как она тут живет?

Еще шагов десять, и в стене слева появилась дверь. Прямо напротив очередного черного окна. Никаких ручек, никаких петель, просто шов в стене, ровный прямоугольник... Я толкнул ее рукой, потом пнул — полный ноль. А-а, вон оно что! Я вспомнил оранжерею и, закрыв глаза, пошел прямо на дверь.

Пахло пылью.

Я стоял в полной темноте и поэтому сразу не понял, что уже открыл глаза. Очевидно, это оказалась одна из тех дверей, которые «нельзя». Или нет? Ничего, скоро узнаю.

Я пошел вперед ощупью, стараясь идти прямо, чтобы потом без проблем вернуться к двери. Зацепился ногой за что-то легкое типа картонной коробки, с шорохом отлетевшее во мрак. Наконец вытянутые руки уперлись в холодную шероховатую стену. Только бы на паутину не наткнуться...

Черт.

Перед глазами сразу появился карикатурный паук, хоть сейчас в «Муху-цокотуху», перебиравший мохнатыми лапками в центре своей сети.

Не думать про пауков.

Однако паук постепенно вырастал, превращаясь в суставчатого монстра... Логово Шелоб.

Нет, только не думать про пауков.

Я пошел вдоль стены и вскоре очутился в углу. Угол как угол, без пауков и прочей мрази, сухой и чистый. Еще несколько осторожных шагов — опять угол. Значит, справа будет дверь. Ага, вот она, тонкий шов под пальцами... Уходить?

Я постоял в раздумьях и решил обследовать вторую половину комнаты, тем более не такая уж она большая. По дороге я опять наткнулся на коробку, наклонился и поднял ее. Потом рассмотрю.

Через минуту я вновь был у двери. Ничего интересного, просто пустая темная комната. Пора возвращаться.

Я закрыл глаза и шагнул сквозь дверь.

И услышал дикий визг.

— Успокойся! — заорал я, потому что испугался не меньше Суок. Она стояла передо мной, прижав ладошки к вискам, и мелко дрожала — это было видно по огромному помпону на

ее беретике. Сегодня на ней была некая разновидность спортивного костюма, разумеется, золотистого цвета.

Я бросил свою коробку, схватил ее за плечи и потряс.

— П... Привет, — пробормотала она, глядя на меня полными слез глазами.

— Привет.

Она заулыбалась.

— Я искал тебя.

— А я — тебя. Я знала, что ты пришел.

— Откуда?

— Знала, и все. Ты был там?

Она показала пальчиком на дверь.

— Да.

Я посмотрел вокруг — вот она, моя добыча. В самом деле обычная картонная коробка... Или не совсем обычная?

Я поднял ее. Картон как картон, в таких торты продают, например... Мелкая надпись сбоку: буквы знакомые, но слово складывается абсолютно нечитаемое. Написано вроде как фло-мастером...

Суок смотрела на коробку со смесью интереса и страха.

— Что это? — спросила она.

— Коробка, — буркнул я. — У вас во всех комнатах такой мусор валяется?

— Не знаю. Я не была в этих комнатах. Нельзя, — честно призналась Суок. Чего еще было ожидать? Я аккуратно положил коробку у стены — пусть Царапающий изумляется, что за дрянь в его владениях — и спросил:

— Что нового?

— Что?

— Что нового? Новости какие?

— Никаких новостей. Пойдем играть? Прыгать?

Она заглядывала мне в глаза, словно щенок, который приглашает хозяина побегать с ним по двору.

— Послушай, я бы хотел разобраться, что тут у тебя происходит, — серьезно сказал я. — Для меня это сон, а для тебя, по-моему, совсем не сон.

— Не сон, — согласилась она.

— Поэтому я и хочу разобраться.

— А прыгать?

— Погоди ты прыгать. Скажи, откуда ты знаешь, что можно, а что нельзя? Тебе кто-то говорит?

Суок смотрела на меня так, как смотрел бы, наверное, папа римский, если бы к нему явился некий тип и стал допытываться, кто это ему сказал про заповеди Христовы.

— Ты здесь одна, — продолжал я. — Одна живешь. Если я буду задавать тебе вопросы, на которые нельзя отвечать, что случится? Нас же никто не слышит, мы одни...

— Неправильно, — отрезала она.

— Что?

— Неправильно! — топнула ногой Суок.

— Пойми, здесь все не так! Здесь все не придуманное, но и не настоящее... Вот имя твое — Суок. Это имя из сказки, из книжки. Из простой книжки, которая есть в каждой детской библиотеке. Кто тебя так назвал?

— Меня? — Опять в тупик. Черт. Что ж делать-то? — Я — Суок, меня так зовут.

Я махнул рукой.

— Хорошо. Давай сделаем так. Ты оставайся здесь. Я пойду по коридору в ту сторону. Если хочешь, можешь идти со мной до тех пор, пока тебе можно, а там остановишься и подождешь. Идет?

— Я... Я согласна, Валера, — сказала Суок, хотя видно было, что она жутко боится. Не навредить бы ей. Я уберусь, а она здесь останется...

Я взял ее за руку, и мы пошли.

Ничего интересного я не заметил. Редкие окна, пара уже известных мне царапин на стенах... В одном месте попало квадратное панно на стене, примерно метр на метр, почти под самым потолком. Сумбурная россыпь мозаики, черной и золотистой, словно вдавленной в стену.

Примерно шагов через десять после панно Суок остановилась. Ее колотило, и я погладил девчонку по руке.

— Нельзя? — спросил я. — Дальше нельзя?

— Нет...

— Тогда стой тут. Я пройду еще немного и вернусь.

Она закивала, смагивая слезы.

Я улыбнулся, чтобы ее подбодрить, и пошел, периодически оглядываясь. Суок стояла, прислонившись к золотистой стене, и смотрела на меня одним глазом сквозь растопырен-

ные пальцы прижатых к лицу ладоней. Оглянувшись в очередной раз, я ее не увидел — скрыл поворот. Ладно, с ней должно быть все в порядке.

Неожиданно по щеке мазнуло ветерком — теплым, словно кто-то быстро открыл духовку. Потом еще раз, еще... впереди отчетливо слышался мерный рокот приближающейся электрички. Постукивание буферов, скрип проседающих шпал... Я остановился, очередной порыв теплого ветра покачнул меня, и я приготовился встретить Мотыльковый Поезд, успев подумать, что ни вжаться в стену, ни бежать назад уже нет резона...

Из сна меня буквально вышвырнуло. Я стукнулся головой о ножку кресла, забился на полу, путаясь в одеяле, и открыл глаза.

В свете уличного фонаря четко были видны настенные часы — без двадцати три. Я несколько раз глубоко вздохнул, выбрался из одеяла и вернул его на кровать. Бабушка не проснулась, и слава богу...

Что же это было? Ничего увидеть я не успел, только почувствовал мягкий, словно огромной пыльной подушкой, толчок...

Или я схожу с ума? В самом деле «Кошмар на улице Вязов». Не притащить бы чего этакого из своих снов... Я улыбнулся. Нет, в самом деле, пора с этим завязывать, иначе бог знает до чего можно дойти. А через неделю — зачеты.

4

После трех бессонных ночей я не выдержал. В самом деле: я просто не мог уснуть. Лежал, глядя в потолок, пытался считать овец и белых тигров, пил перед сном горячее молоко, но ничего не помогало, хотя спать хотелось зверски. То ли я подсознательно не мог заснуть, то ли... то ли меня что-то не пускало в сны. Наконец я решился и стянул бабушкин рецепт, по которому бдительная аптекарша выдала мне желтенькую коробочку венгерских таблеток, пробормотав:

— Знаю я вас — бабушке, дедушке, а потом в подвалах чем зря занимаетесь...

Я смолчал.

Вернувшись из института, я обнаружил, что бабушка ушла к соседке, оставив записку с наставлениями по поводу обеда — где что лежит, сколько греть и что надо заплатить за телефон, потому что со станции приходили, — наскоро проглотил две холодные котлеты, запил компотом и завалился спать, приняв в качестве стартовых две таблетки.

Стоило мне закрыть глаза, как я почти что врезался лбом в золотистую стену.

— Валера, — сказала Суок. — Валера!

— Привет, — сказал я.

— Почему ты не приходил? Я думала, ты никогда не придешь!

Как всегда, радость тут же сменилась слезами, и вот уже я снова утешал ее, гладил по спине, целовал в лоб, в висок, в маленькое ушко... Мы стояли в бесконечном коридоре, как раз напротив одной из царапин. Когда Суок немного успокоилась и, всхлипывая, стала тараторить, как она скучала и как хорошо, что я пришел, пойдем скорее прыгать и играть, я спросил:

— Что со мной случилось в прошлый раз?

— Я же говорила — тебе не страшно... — пробормотала она, вытирая кулачком глаза.

«Иначе будет плохо. — Мне? — Нет. Мне», — вспомнил я. Бревно, скотина, сволочь!

— Что... что с тобой сделали? — выдавил я.

— Ничего, Валера. Ничего страшного. Все хорошо, — шептала Суок. — Только не делай так больше, не надо. Пойдем играть!

Я покорился. И мы прыгали, мы играли в прятки в большой комнате с вешалками, я прятался в гуще шуб и платьев, а Суок радостно взвизгивала, когда я неожиданно выскакивал из укрытия и бежал к батуту, чтобы хлопнуть по нему рукой... Наверное, прошло несколько часов, и я не думал ни о Мотыльковом Поезде, ни о том, что пора возвращаться, потому что хотел устроить Суок праздник. И у меня, кажется, получилось.

Нам никто не мешал, вокруг было тихо. Уставшие, мы лежали почти рядом на батуте и тяжело дышали.

— Было весело, Валера. Спасибо! — сказала она, сжав мою руку своей горячей ладонью.

- Да уж...
- Ты придешь завтра?
- Приду.
- Обещаешь?
- Обещаю. Обещаю, Суок.
- Тогда поцелуй меня.

И я ее поцеловал. Не так, как обычно. По-настоящему, по-взрослому, раздвинув кончиком языка ее плотно сжатые губы, прижав ее к себе так сильно, как только мог. И в этот момент я понял, что просто не могу потерять эту странную симпатичную девчонку в ее пажеском костюмчике, что я обязан вытащить ее отсюда, чего бы мне это ни стоило. Но как это сделать — я не знал.

Наверное, именно поэтому я проснулся на подушке, мокрой от слез.

Утром, собираясь в институт и копаясь в видеокассетах (Вовка попросил у меня первую часть «Звонка»), я вполглаза смотрел местные новости по маленькому телевизору «Электроника», стоявшему на холодильнике. После обычных историй о ремонте областной библиотеки, сессии городского совета и пикете Народной Партии пошел милицейский блок. Обычно там рассказывали о том, кто куда ушел и потерялся, просили опознать труп или искали свидетелей дорожно-транспортных происшествий. Когда я взглянул на экран в очередной раз, я увидел там Суок.

«...Марина Сергеевна, — сказал невидимый диктор унылым картонным голосом, — воспитанница школы-интерната номер два имени Песталоцци. Ушла двадцать седьмого ноября прошлого года и не вернулась. Приметы...»

Я не слушал. Суок смотрела с черно-белой некачественной фотографии. У нее были смешные косички, а не прическа «паж», но это была моя Суок.

Диктор уже рассказывал о трупе, найденном в теплотрассе по улице Горького, а я все пялился на экран, где для меня застыла фотография грустной девчонки. Фамилию я пропустил, но она ни к чему, фамилия, не пойду же я в милицию рассказывать, что видел пропавшую девочку во сне. Напугало меня то, что Суок оказалась реальной. Куда реальнее, чем я думал.

Естественно, ни в какой институт я не пошел. Коробка, таблетки, кровать.

Сон.

Суок.

Я ожидал, что найду ее сразу. Но случилось иначе. Я стоял посреди коридора, который показался мне чуть более тусклым, чем обычно. Я огляделся и понял: золотистые панели были сплошь исцарапаны, словно что-то бесилось здесь, катаясь и размахивая когтистыми лапами.

— Суок! — крикнул я и прислушался.

Бесполезно. Тишина. Ни шороха, ни звука.

— Суок!

Что-то чуть слышно скрипнуло дальше по коридору, и я побежал туда, поскользываясь на гладком шашечном полу. Я не знал, что увижу за очередным поворотом — не исключено, что Того, Кто Царапает Стены, но об этом я сейчас не думал.

Передо мной стояла фотография на черно-белом телеэкране — вот в чем причина. События недолго заставили ждать своего развития. Как и в прошлый раз, меня ударило мягкой воздушной подушкой, и я даже проехал пару метров по гладкой стене, безуспешно пытаясь уцепиться за нее руками и чувствуя себя героем не на своем месте, попавшим впросак, как Абдулов в «Шизофрении». Упав на колени, а затем на четвереньки, я почувствовал, как теплый воздух пронесся над моей головой, шелестя и стелая; постояв в нелепой позе пару минут, я прислушался — тихо, Мотыльковый Поезд, если это был он, прошел мимо, однако судьба Суок была до сих пор неясна.

За себя я почти не боялся — наверное, потому что происходило это все во сне. Вот только чей это был сон и зачем он? Я гнал прочь подобные мысли, когда бежал по бесконечному коридору, когда стучал в запертые двери, куда мне теперь уже не удавалось войти, как прежде, с закрытыми глазами.

Я остановился, только когда врезался в лестницу. Ту самую лестницу, напомнившую мне корабельный трап, первую лестницу, которую я увидел в Замке, сработанную все из того же золотистого металла и вроде бы отлитую целиком, без гаек и болтов. Я ударился лбом и почувствовал не только боль, но и теплую струйку, стекающую по щеке.

Я стер ее и поднес пальцы к глазам.

Кровь.

— Суок! — заорал я, колотя по загудевшим ступеням лестницы кулаком. — Суок! Ты где?!

— Валера... — тихо сказали сзади.

Я обернулся.

— Валера, — утверждающе повторила Суок. — Уходи, Валера. Уходи.

— Нет уж, — отрезал я, снова вытирая кровь со щеки. — Пойдем вместе.

— Как? Я не могу. Нельзя...

— А через нельзя, Марина Сергеевна, воспитанница школы-интерната номер два имени Песталоцци! Через не могу! Я тебя тут не оставлю, так и знай!

Суок отшатнулась. Мне показалось, что ее то ли удивило, то ли испугало даже не мое желание вытащить ее из Замка, а то, что я назвал ее по имени и отчеству. Я бы назвал ее и по фамилии, если бы знал эту самую фамилию. Но разбираться было некогда, и я схватил ее за руку и поволок по коридору. Суок лишь пискнула, но послушно побежала за мной.

— Комната! — крикнул я на ходу. — Комната с батутом! Где она?

— Сейчас, Валера... — прокричала в ответ задыхающаяся Суок. — Сейчас... Закрой глаза!

Она в буквальном смысле втянула меня в стену, я даже почувствовал, как на мгновение моя плоть слилась с золотистым холодным материалом. Ощущение было не из приятных, меня передернуло, но когда я открыл глаза, то стоял как раз рядом с вешалкой. Именно ее я и потащил к двери, чтобы устроить какую-никакую баррикаду. Что-то подсказывало, что в дверь вот-вот начнут ломиться.

— Ты хочешь домой?! — крикнул я, не глядя на Суок.

— Домой?

— Дом! У тебя есть дом, Марина Сергеевна! Обычный человеческий дом!

— У меня нет дома, Валера, — потерянно сказала она.

Ну я и сволочь. Откуда у нее дом? Школа-интернат, откуда она сбежала?

— У тебя будет дом, — решительно сказал я и с грохотом придвинул секцию вешалки к двери. — Только пойдем со мной.

Не нужно здесь оставаться, милый мой, любимый, дорогой мой котик! Не нужно!

Она промолчала. Когда я, пыхтя, подтаскивал к двери очередную секцию, с которой сыпались парчовые платья, Суок чуть слышно спросила:

— Как ты меня назвал, Валера?

— Марина... Марина Сергеевна. Я не знаю твоей фамилии, но мы узнаем ее вместе, когда ты вернешься домой.

— Марина, — повторила Суок. — Марина. Валера. Котенок.

Может быть, она бредила. Я не успел поразмышлять об этом, потому что в дверь с противоположной стороны что-то ударило, да так сильно, что я отлетел в сторону вместе с секцией, которую только что подтащил.

— Валера! — закричала Суок.

В дверь снова ударило, я, стоя на одном колене, оттолкнул ее в сторону, что-то завопил — кажется, даже матом — и заковылял к двери.

Она распахнулась в тот момент, когда я подошел вплотную. Державшие ее секции попросту повалились в стороны, а сама дверь словно бы истаяла — а за ней я увидел Того, Кто Царапает Стены.

5

Бабушка сказала, что вызвала «скорую» сразу, как только услышала мои крики и обнаружила меня на полу: истощено орущего, обоссавшегося, с изодранными в кровь руками. Пока «скорая» ехала — а ехала она минут двадцать, — я пришел в себя, выпил воды и даже переоделся в сухое.

— Все ясно, — сказал прибывший фельдшер, беря с тумбочки коробку снотворного. — Колесами балуемся? Ты, дебил, старушку бы пожалел!

Я промолчал. Фельдшер что-то вколол мне, сделал промывание желудка и уехал, посоветовав бабушке сводить меня к наркологу.

— Допрыгался, — сказала она, с горечью посмотрела на меня и ушла в свою спальню. Я слышал, как она там ворочается и бренчит вставной челюстью, укладывая ее в стакан.

До самого утра я не спал. А около десяти утра зазвенел дверной звонок. Я вскочил, не дожидаясь, пока проснется бабушка, и без того переволновавшаяся ночью, и открыл дверь.

На пороге стояла она.

Суок.

Сначала я даже не узнал ее: в стареньком спортивном костюме с вытянутыми коленками, в футболке с портретом Ди Каприо, с совсем короткой, чуть ли не «под ноль», стрижкой...

— Привет, — сказала она.

— Привет, — сказал я.

— Меня выписали.

— Что? — опешил я. — Откуда?!

— Вот, Валера...

Она протянула какой-то сложенный вчетверо листик. Я не стал читать, что написано в бумажке. Я прочел лишь гриф: «Областной психиатрический диспансер» и вернул бумагу ей, и тут, отделившись от желтого грубого листа, что-то упало на пол.

На линолеуме валялся засохший золотистый цветок, который, играя, уже поддевал лапкой мой котенок.

Сергей Чекмаев

ВЫСШАЯ МЕРА

— ...рассмотрев все материалы данного дела, чрезвычайная коллегия Право-суда Федерации постановила: признать подсудимого Яна Марию Горовитца виновным по следующим статьям Единого кодекса — 217-й, «незаконное вторжение в частную собственность», 349-й, «создание угрозы жизни гражданину Федерации», и 352-й, «покушение на убийство первой степени». Подсудимый приговаривается...

Эффектная пауза.

Напряжение в зале суда достигло предела. Все застыло вместе с молотком судебного исполнителя. Ни единого движения и почти полная тишина, словно все одновременно затаили дыхание. Лишь чуть слышно гудят кондиционеры.

— ...к высшей мере наказания! Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Управлению наказаний привести приговор в исполнение в течение девяноста шести часов.

Бум!

— Дело закрыто.

Молоток исполнителя все-таки упал, заставив вздрогнуть почти всех. И вместе с ним рухнул на скамью осужденный — теперь уже не подсудимый, а осужденный, — закрыл лицо руками и что-то невнятно забормотал. Многим в зале показалось — молился...

* * *

— Ну и что же вам в итоге от меня нужно?

— О, господин директор, ничего такого сверх... вы меня понимаете? Уже пять лет как введен Единый кодекс, в свое время он подавался разработчиками как самый гуманный. С тех пор к высшей мере приговаривали, дайте-ка посмотреть... — репортер сверился с записями, — девятнадцать раз. Дальнейшая судьба осужденных никому не известна: где они, что с ними, как выглядит место исполнения приговора? Этот ваш Изолятор... Люди имеют право знать, вы не находите, господин директор? Зрители нашего канала будут удовлетворены, если вы просто...

— У вас, головизионщиков, — оборвал собеседника директор Управления наказаний, — все просто. Запаянные карточки «пресса», осветители, камеры, рыскающие из стороны в сторону... а потом в эфир выходит такой материал, что наверху хватаются за голову и кое-кому приходится распроститься с теплыми насиженными местечками...

— Мы все понимаем, господин директор! И ни в коем случае не собираемся выпускать сырой материал, без вашего одобрения. Зато — представьте! — какой это будет наглядный пример для тех, кто уже сейчас готовится совершить подобное преступление! В случае с Горовитцем жертва выжила, а если в следующий раз реанимационная бригада просто не успеет? Что тогда? Подумайте, сколько жизней мы с вами можем спасти одной только получасовой передачей!

— Если вы мне скажете, что и слово «рейтинг» для вас и всего канала Ай-джи-ви ничего не значит, я тут же расплачусь от умиления! — Сарказм в голосе директора на мгновение сбил репортера с толку.

— Не буду спорить, — немного смущенно ответил тот. — Это тоже немаловажно. Выходит, что интерес есть у всех — и у нашего канала, и у вас лично, и у всей системы правосудия Федерации.

Суровый тон директора несколько смягчился.

— У вас — завидный дар убеждения. Хорошо! Считайте, что вы меня уговорили. Я организую вашей команде просмотр, два-три человека, не больше. Вы сами, оператор, осветитель... Хватит? Или кто-то еще нужен?

Щедрое предложение воодушевило репортера. Он разулыбался:

— Нет-нет, троих более чем достаточно! Я вам так благодарен! И нам что — разрешат снимать прямо в Изоляторе? Это было бы просто великолепно!

— Отнюдь. Изолятор потому так и называется, он — изолирован от внешнего мира. Никто, понимаете, никто не сможет проникнуть к осужденному. Но не отчаивайтесь. Внутри там кругом камеры и датчики. Запись идет постоянно. Мы продемонстрируем вам кое-какой материал, а вы уже сами будете отбирать нужное. Согласны?

— Спасибо, господин директор. Даже не знаю, как вас благодарить.

— Тогда будьте готовы дня через три. С вами свяжутся из моего секретариата. А сейчас — не смею больше задерживать. Рад был познакомиться.

День первый

В первые мгновения после того, как за спиной захлопнулся люк Изолятора и приглушенно зашипели с ТОЙ стороны сварочные иглы, Яном овладела апатия. Он бессильно сполз по стене на пол, помотал головой, словно пытаясь отогнать наваждение.

Ему все никак не удавалось заставить себя поверить. Неужели — правда? Все оставшиеся двадцать, тридцать, сорок лет — сколько там ему отмерено? — предстоит провести вот в этих четырех стенах? В не доступном никому и ничему бункере глубоко под землей. Еще в камере ему выдали буклет со всеми характеристиками Изолятора — глубина залегания, общая площадь, жилая площадь, продуктивность воздухоочистительной системы в кубометрах, — но он не вчитывался... Не до того было.

Щель за спиной в последний раз брызнула снопом синеватых искр и погасла. Все. Теперь он точно один. Он сам, осужденный Ян Горовитц, да роботы obsługi — вот и все обитатели Изолятора на многие годы вперед.

И зачем только он согласился взяться за это дело! Сучий подонок Шифу подловил Яна в тот момент, когда у него начал

ошущаться серьезный недостаток в деньгах, и предложил неплохо подзаработать.

Похоже, Шифу многое знал о прошлом Яна. О его членстве в Лиге частных эвтанаторов, о кое-каких очень конфиденциальных и не совсем законных уколах по просьбе пациентов, об этом проклятом увольнении, когда начбез клиники сопоставил график дежурств Яна и список неожиданно ушедших из жизни неизлечимо больных.

Работу Ян потерял, вылетел с «волчьим билетом» и к моменту появления Шифу готов был, в общем, на все. На том и попался. Наверняка люди Шифу специально выискивали такого, как Ян, теперь-то он понимал, но тогда ему польстило, что сам Тамаоки снизошел для беседы с простым кардиологом.

О, сейчас все ясно как день! Шифу бил без промаха. Ян согласился рискнуть и... пора уже признаться себе — проиграл. Впрочем, это как посмотреть. Пять-шесть лет назад за подобные дела можно было на все сто гарантировать газовый колпак с миндально-горьким запахом цианида. Сейчас ему по крайней мере оставили жизнь.

— Дерьмо! — выкрикнул Ян почти в полный голос, вскочил на ноги. — Если из вас, скотов, сейчас за мной кто-нибудь смотрит — знайте: я убил бы его снова, убил эту провинявшую мочой мумию, и ничуть не сожалею. И всех вас еще кинул! Вместо газовой камеры я на всю жизнь получил эту бесплатную квартирку, жратву и целую ораву суевающейся вокруг электронной падали!! А? Что молчите? Как я вас обманул? Вас всех!! Думаете, я скис? Да никогда!!

Упреки канули в тишину. Никто не отозвался. Ян, набившись, стоял посреди центральной комнаты.

— К гребаной матери вашу Федерацию!! — снова проорал Ян, задрав голову к потолку, где, по его мнению, находились скрытые микрофоны. — Подавитесь! А я пойду любоваться своей новой жилплощадью!

Так, что у нас тут? Ян вразвалочку обошел Изолятор, пиная по пути спящих из паза в паз юрких уборщиков. Попасть, правда, ни разу не удалось, но на душе полегчало. Жилых комнат две. Кабинет с уютным креслом, в которое так и хочется завалиться с книгой, спальня, большую часть которой занимает гигантская кровать-аэродром, небольшая кухонька,

всего-то и места для двух шкафов — сушильного с посудой и второго, доверху заставленного баночками всех цветов и размеров. В центре кухни — столик на одного, справа в нише расположились СВЧ-печка и кофеварка. Нет ни холодильника, ни духовки — оно и понятно: самому готовить почти не придется. И с посудой тоже, слава Богу, никаких проблем, вот он, надраенный до нестерпимого сверкания лючок с табличкой «Мойка».

Что еще? Примыкающая к кухне кладовка, забитая всяким барахлом, комнатка с душевой кабинкой, туалет... Вот и все доступное пространство. Милая квартирка. Да еще автоматической напичкана по уши... Не хуже стандартного номера в каком-нибудь придорожном мотеле у федеральной трассы. Только вот окон нет.

И стоило так переживать? Годик-другой здесь проторчать можно, на стенку, конечно, полезешь от скуки, но можно. А там, глядишь, и Шифу исполнит свое обещание. Если исполнит...

С ожесточением пнув ни в чем не повинный стол, Ян вернулся в кабинет. Плюхнулся в кресло, взял со стола какой-то глянцевого еженедельник, пролистал бездумно. Снова всплыл в памяти суд, последние мгновения перед приговором. Ян тогда так перепугался, что, когда услышал вердикт суда, даже ослабился — отлегло. Худшие подозрения подтвердились. Но они с Шифу обдумали и этот вариант.

Та дура с «Актуал ньюс» все тыкала в него микрофоном, пытаясь выяснить, кому же он молился — Христу, Аллаху, Иегове?.. Хрен с два! Ян костерил проклятого подонка Шифу, Тамаоки-младшего. Ублюдок! Наобещал с три короба! «Я пушу в ход все свои связи, и больше трех лет кондиционного сна тебе не дадут...» Ему почему-то очень нужно было, чтобы Ян попался. Хотя понятно, конечно. Если бы нашли труп его папаши с саботированной системой поддержания жизни, то на кого подумали бы в первую очередь? Правильно — на него, Шифу. Тамаоки-старший уже давно делал под себя, правая половина тела была парализована, да и левая подчинялась с трудом, но упрямый овощ все никак не хотел на тот свет, оставаясь номинальным главой «Тамаоки индастриз». Шифу, тринадцать лет уже болтающемуся в младших партнерах, хотелось большего: ни много ни мало — подгрести под себя всю гигант-

скую империю Тамаоки. Давно хотелось. И наконец он решился помочь старику. Не лично, понятно. А с помощью вышедшего в тираж кардиолога.

Он был очень красноречив, пытаясь убедить Яна. От волнения сквозь вычурный йельский говор начал пробивать японский акцент:

— Йана-сан, поймите, если вас застанут около моего папаши, то все выйдет очень удачно. Поднимут вашу биографию, быстренько вытащат на свет контакты с Лигой, плюс громкое увольнение из клиники, все эти неожиданные смерти в вашем отделении... Следствие будет коротким. Вас запишут в ряды полоумных борцов с запретом на эвтаназию, решат, что вы перешли от призывов к делу и что мой драгоценный предок — лишь последнее звено в цепочке смертельных инъекций, как это называется? А! «Укол милосердия». На меня не падет и тени подозрения, а вас мы вытащим.

Много нулей в чеке и Шифово красноречие сделали свое дело: Ян поверил. Получалось, зря? Высшую меру не хотите, мистер Горовитц? Он застонал от мысли, что Шифу сейчас там, на свободе, живет спокойно, пожимает руки, посещает светские рауты, разъезжает везде в этой своей шикарной спортивной «ибаяси»:

— Ы-ы-ы!!

Собака, проклятая узкоглазая собака!! Купил же, как мальчишку купил! За пачку леденцов!

Ладно, хватит паниковать! Ведь Тамаоки предвидел и такой расклад. Ян тогда спросил его, уверен ли уважаемый Шифу в своих силах? А если федералы все-таки решат одарить незаконного эвтанатора по полной программе? Чтобы запугать остальных. Что тогда? Как быть ему, Яну, если судья впяет Изолятор?

— Изолятор? — переспросил Тамаоки-младший, на мгновение задумался. — Не стоит волноваться. Высшую меру присуждают очень редко, и у вас, Йана-сан, почти нет шансов поселиться под землей. — Шифу широко улыбнулся, приглашая разделить шутку. Ян ответил кислой гримасой. — А даже если такое случится... поверьте, я найду способ справиться и с этой проблемой. Когда за моей спиной будет вся мощь и деньги «Тамаоки индастриз», я смогу менять законы по своему усмотрению. Или вы думаете, что у меня не хватит средств

развернуть в прессе шумиху против Единого кодекса и через год-два свалить его?

Так что Яну оставалось только надеяться. И молчать. Недвусмысленные намеки от Шифу адвокат передал ему еще при первой встрече. Держи, мол, язык за зубами, и все будет хорошо. А если проболтаешься — что ж, подсудимые, бывает, лезут в петлю за день до приговора. От страха и неопределенности. Или от раскаяния. А ему, Шифе, совсем бы этого не хотелось.

Осторожный Тамаоки, понятное дело, сам на процессе не появился — не хотел привлекать внимания. Но тюремная обслуга относилась к Яну со всем возможным почтением, кормили отдельно, по специальному рациону, и даже установили в камере головизор. За всем этим ощущалась некая незримая, но, несомненно, могущественная рука.

Что ж, может, она и сюда дотянется? Кто знает...

Тамаоки... Выручай, Шифу-сан! Только бы подействовал препарат. Прибывшие с федералами медики откачали старика, снова подключили к системе, не заметив изменившегося состава крови. Месяц, максимум — два изношенное старое сердце еще сможет сопротивляться, не больше... Если, конечно, все правильно рассчитано...

От этих бесконечных причитаний и надежд свихнуться можно! Расслабься, парень! Вдохни глубже!

Не сразу и не с первых минут, но, к своему удивлению, Ян понемногу успокоился. Им овладела даже какая-то апатия.

Его первый день в Изоляторе набирал обороты, и он даже находил некое извращенное удовольствие в том, чтобы подчиняться распланированной роботами программе. Он со вкусом пообедал — оладьи с манговым джемом были очень ничего, Ян даже облизал ложку, словно в детстве. Потом завалился на кровать и решил посмотреть головизор, но многие программы оказались почему-то недоступны. Спорт, путешествия, научно-популярные фильмы — вот и весь выбор. Смотреть на цепочку альпинистов, с маниакальным упорством ползущих вверх по склону горы, не хотелось. Ян переключил канал, потом еще и еще.

Морской курорт, футбол, марсианские экспедиции, проповедь, снова футбол, стадо китов, вулканы... Каждый раз отку-

да-то изнутри его неотступно колола маленькими иголочками до дрожи отвратительная мысль:

«Ох, парень, ты же ничего из этого больше не сможешь увидеть! Никогда! Не посидишь на трибунах «Олимпик-арены», не придешь в церковь, не кинешь доску в прибор Вайкики, не купишь в киоске «Нэйшнл джиографик», чтобы полюбоваться на тех же китов...»

Жаль, до смерти, до слез... Впрочем, «Нэйшнл» есть на столе, в кабинете. Полистать? Да, наверное, у него теперь вся жизнь будет состоять из таких вот мелких выборов — сходить за книгой или лучше подремать в кресле? Поначалу остатки воли еще смогут брать вверх, а потом... Что будет потом? Не станет ли он таким же овощем, как Тамаоки-старший, и суетливые роботы будут методично обмывать его, аккуратно сдирая струппя и смазывая пролежни?

Его передернуло. Ян вскочил, чуть ли не бегом бросился в кабинет.

Толстенные журналы и кипа газет громоздились на столе живописной грудой. И опять — «Нэйшнл», «Обсервер», «Сайентификал ньюс»... Никакого «Плейбоя», никакого «Си-Кью», ничего. Ян вяло пролистал страницы, отложил, взял следующий. Понемногу увлекся, вчитался. Уютно тикали напольные часы, стилизованные под старинную башенку. Ян даже принялся разгадывать кроссворд в третьем по счету журнале. Ну-ка... Самец крупного парнокопытного травоядного.

Бык? Гм... Тогда что это за «горный массив в Европе» на «ы»?

Ильпы? Ясно, что Альпы, тогда не бык, не проверяется... Баран!

Торопливо пошарил по столу в поисках ручки, выискивая глазами следующее слово. Им овладел азарт. Где же она, черт? Он точно помнил, как во время первого своего обхода обнаружил прозрачный гелевый цилиндрик, даже повертел его в руках. Может, машинально сунул в карман? Клептомания проснулась? Ян похлопал себя по бокам, по груди — ничего. Он отложил журнал, встал, перевернул всю стопку, обыскал ящики стола, даже сходил на кухню и посмотрел там. Ручка пропала. Что за ерунда?

Пыл поисков быстро угас, Ян вернулся в кресло, водрузил ноги на стол и лениво перебирал события сегодняшнего дня,

пытаясь вспомнить, куда же он, дьявол разрази, запихнул эту проклятую ручку!!

Он, наверное, долго бы еще ломал голову над этой проблемой, но ровно в десять мелодично пискнул звонок к ужину. Роботы успели сервировать стол до его прихода, и Яну осталось только наслаждаться изоляторской кухней. На убой его здесь кормят, что ли?

Закончив с ужином, сытый и отяжелевший, он еле доплелся до кровати и об исчезнувшей ручке больше не вспомнил.

Ночь тоже пришла по расписанию. Роботы услужливо разобрали постель, приглушили свет ровно в одиннадцать, и Ян заснул быстро, даже не успев раздеться.

День второй

А утром он очнулся на удивление бодрым, разве что бок побаливал — отлежал, похоже, в неудобной позе. У кровати верным сторожевым псом уже ждал уборщик, и стоило Яну встать, как робот в один присест стянул с постели скомканное белье и куда-то поволок. Ян восхитился:

— Ну прямо как в лучших отелях! Смена белья каждый день, а?

Отыскав в душевой все, что нужно для утреннего туалета, Ян со вкусом побрился — крем и бритва были выше всяких похвал, — почистил зубы, привел себя в порядок. Может, через три-четыре месяца и настанет такое время, когда он махнет на себя рукой, перестанет бриться, плюнет на нечесанные космы, но пока Яну хотелось чувствовать себя нормальным человеком.

По правде говоря, подобным пренебрежением к внешнему виду он признается сам себе в том, что никого уже больше не ждет, что смирился с Изолятором. И уже не верит, что когда-нибудь сиреневые искры снова проварят побуревшую от времени окалину на люке, и на пороге появится Шифу с этой своей вечной улыбочкой до ушей... А пока еще рано терять надежду.

Освежившись, Ян прошел на кухню, где сервированный стол давно уже ждал его. И как они все время успевают, эти суетливые и неуклюжие с виду механические ублюдки?

Сок, круассаны и омлет с беконом — все свежее и чрезвычайно вкусное. А на десерт — баночка фруктового йогурта. Ян не очень любил молочные продукты, но йогурт оказался весьма и весьма... Одно неудобство — куда-то задевалась вчерашняя ложка, роботы, что ли, надраили ее так, что стерли до основания? Ни в сушилке, ни в столе пропажа так и не отыскалась, пришлось выковыривать йогурт вилкой. Ян изрядно перемазался, проткнул хрупкий стаканчик, но сама ситуация его немало позабавила. А увидев себя в зеркале, он вообще расхохотался во весь голос.

«Рожа у меня та еще! Кра-асавец! Интересно, а что подумали федеы, услышав мой смех? Вот забегали-то небось! Осужденный смеется! Каково? Свихнулся, наверное, бедняга! А ведь они не в состоянии себе даже представить, что всем этим можно наслаждаться!»

— Еда вкусная! — неожиданно для самого себя завопил Ян, повинуясь какому-то внутреннему порыву. — Эй, там, наверху! Спасибо! А на обед хочу фаршированных омаров!

Динамики, если они были, снова промолчали. Но Ян и не ждал ответа. Он уже почти наслаждался своим заключением. Пока ему все это в новинку. Пока... Какая бы вкусная еда ни была, но если изо дня в день завтракать, обедать и ужинать одним и тем же набором блюд, быстро начнешь морщиться и воротить нос от одного только их вида. Кто знает, сколько еще омлетов он размажет о стену, сколько приевшихся до тошноты круассанов полетят в мусорное ведро?

Само собой, пока он завтракал, роботы успели перестелить постель. Ян прихватил из кабинета пачку журналов, сел на кровать, заложил за спину подушку, повозился, устраиваясь поудобнее... В первых двух дайджестах ничего интересного не нашлось, зато февральский «Сайентификал ньюс» напечатал любопытную подборку о новом дискретном клапане. Он был меньше и удобней прежних, кроме того, при его установке стенкам сердечной мышцы наносился минимальный вред. Ян читал с интересом — что бы ни писали в его документах о «недопустимом для звания врача пренебрежении клятвой Гиппократата», сам он продолжал считать себя кардиологом.

Тема подавалась со знанием дела, Ян даже отвлекся от чтения на время, мысленно представил себе операцию по замене клапана, разобрал ее шаг за шагом. Получалось на удивление изяшно. Вспомнились годы ординатуры, первые самостоятельные операции. Цепочка ассоциаций потянула за собой новые — узкая кушетка во время ночных дежурств, писк контрольных аппаратов, неистребимый сигаретный дым и привкус кофе во рту.

Выполняя данную Виоле клятву, Ян бросил курить года три назад, а вот кофе... Почему бы не выпить? Надеюсь, в Изоляторе найдется что-нибудь получше вакуумных сублиматов, пить которые можно, только зажав нос прищепкой и прикрыв глаза, чтоб не слезились.

Он прихватил с собой журнал, побрел на кухню. И ошеломленно замер на пороге. Кофеварки в нише не было.

«Может, у меня галлюцинации?» — немного испуганно подумал Ян. Он мог бы поклясться, что вот тут, прямо рядом с печкой, каких-нибудь полчаса назад, когда он завтракал, она и стояла! Ян набросился на первого попавшегося уборщика:

— Отвечай, железная крыса, куда дели кофеварку?

Попытался поддеть робота ногой, но промахнулся. Уборщик обиженно зажужжал, прошмыгнул под ножкой стола и скрылся в какой-то незаметной щели.

— Ы-ых! — Ян в сердцах саданул кулаком по столу, отбил руку и затряс ею, пытаясь унять боль. — Да что здесь, мать вашу, происходит!!

Тишина.

Обозленный Ян методично перерыл всю кухню, вышвыривая, не церемонясь, все из ящиков и шкафов прямо на пол. Ни кофеварки, ни даже каких-либо ее частей найти так и не удалось.

В конце концов пришлось молоть кофейные зерна в допотопной ручной кофемолке. В бездонном кухонном шкафу нашлось и такое приспособление. Варить же густое коричневое месиво пришлось в микроволновке. Ян немного не рассчитал время, и часть напитка расплескалась, заляпав поддон печки неряшливыми кляксами.

И вкус, в общем, соответствовал — болотная жижа с запахом горелой резины. Ян гневно вылил мерзость в раковину, расколотил чашку о край и долго потом полоскал рот и отплевывался.

Новая пропажа обнаружилась к вечеру, за полчаса до ужина. В маленьком «обеденном» закутке кабинета пропал стул. Было два, а теперь остался всего один. Ян помнил хорошо, что стульев было два, еще в первый день, осматривая Изолятор, он сосчитал их и невесело улыбнулся: зачем? Можно подумать, что когда-нибудь он будет принимать гостей в своем узилище.

А теперь его не было.

Безумным взглядом Ян обвел комнату. Остальные вещи в кабинете вроде бы на месте. Или нет? Журналы на столе... Похоже, все. Стол, кресло, часы... СТОП!!

Ладные такие часы, в виде старинной башни с зубцами и контрфорсами. Красивые. Тикают. Только вот на циферблате не хватает минутной стрелки! Часовая застыла около десяти — правильно, скоро ужин, — а минутной не было! Просто не было — и все. Часы ходят, за темным стеклом корпуса мелькает туда-сюда маятник, а стрелка исчезла.

Юмор ситуации ускользал от Яна. Какая-то сволочь из федов, с ведома начальства или без — не важно, — тонко измывается над ним. Ручка и ложка действительно могли потеряться, кофеварку уволок роботы — отремонтировать, например, или что-то еще... но стул, стрелка! Их исчезновение уже так просто не объяснить. Здесь явно поработал человек. Но не мог же он действовать беззвучно! В Изоляторе стоит такая тишина, да и места здесь не так уж и много, Ян обязательно бы услышал шум из любого, даже самого дальнего угла...

— Дерьмовые шутки у вас, ребята!! — крикнул Ян, как и раньше — в пустоту.

Есть он не стал. Выбрал в меню бутылку эрзац-виски, заглотнул разом почти полпинты и свалился без памяти у самых дверей спальни. Что было потом, Ян не помнил.

День третий

Наутро он очнулся с раскалывающейся головой. Бутылка валялась рядом, горлышко было аккуратно заткнуто пробкой. Ян с трудом, кряхтя и пошатываясь, поднялся на ноги и, держась за стены, поплелся в душевую.

Интересно, что в первый раз он прошел мимо и ничего не заметил. Руки спокойно ощупали гладкий пластик стены, и Ян двинулся дальше. Умываясь, он никак не мог отделаться от странного ощущения. Что-то было не так, очень не так... И лишь немного очухавшись и вывалившись в коридор, Ян понял, в чем дело.

— Ё-моё... — ошеломленно произнес он по слогам, упал на колени и замолотил кулаками по стене. Удары отзывались глухим эхом, словно за стеной не было ничего, кроме многометровой толщи земли, не было и не могло быть.

Еще вчера на этом самом месте располагалась дверь в кладовую. А теперь она пропала, исчезла, словно ее и не было. Вместе с самой кладовкой. Гладкий однородный пластик покрывал всю дальнюю стену коридора и выглядел не новым, потертым. Он не пах краской и клеем, не пузырился под ладонью... Впечатление было такое, словно он здесь с самого первого дня.

Ян с трудом смог заставить себя сесть за завтрак. То и дело оборачивался, проверял — хоть это и было уже верхом идиотизма, — не появилась ли дверь? Нет, ничего не изменилось. Глухая стена, запакованная в бежевый пластик, и нет даже никакого намека на дверь.

Дальше стало еще хуже. Стоило Яну вернуться в кабинет, как в коридоре что-то негромко звякнуло. Замирая от вцепившегося в душу страха, Ян выглянул и заорал от ужаса и обреченности:

— А-а-а!!!

Теперь начисто срезало душевую комнатку. И опять — на месте двери только глухая стена и ничего больше.

Наверное, с Яном случилась истерика. Следующие несколько часов кто-то милосердно вырезал у него из памяти. Остались только какие-то куски, обрывки. Вот он мечется по кухне, рушит на пол шкафы, переворачивает стол, вот бьется головой о стены — действительно, потом на затылке ему удалось нащупать несколько сгустков подсохшей крови и здоровенную шишку.

Он что-то орал. Ругался, крыл федов и суд и даже, наверное, «гребаного» Тимаоки...

— Ублюдки!! Скоты!! Твари!! А-а-а!! Что вы делаете со мной?! Отвечайте! Люди вы или нет?!

В себя он пришел не скоро. Голова болела, костяшки пальцев содраны в кровь, на щеке — свежие порезы. Ян промыл рану, нашел на полу кухни в грудке мусора и обломков аптечку, от души капнул йодом. Жгучая боль окончательно вернула его к реальности.

Пытаясь себя успокоить, Ян шептал:

— Ничего, ничего... Яна Горовитца без соли не съешь... Убрали душ?! Ничего, переживу... Вода на кухне есть, помоюсь из тазика...

Теперь уже Ян твердо решил выследить шутника. Порция пшеничного эрзаца немного привела его в себя, хотя вкус у пойла не изменился — омерзительный до судорог. В сушильном шкафу на кухне Ян отыскал заботливо вычищенный до блеска кухонный нож. Будет чем пощекотать ребра ублюдку! Против такого аргумента не попрешь, и придется этому федеральному псу выложить как на духу, что за чертовщина здесь творится.

Ян уже представлял себе его: лошенного, чисто выбритого, с высокомерным выражением на лице, которое, конечно, тут же пропадет, стоит ему только почувствовать стальное жало под сердцем.

Нет уж! Поганные феды! Ян Горовитц не из тех, кого можно взять на испуг. Посмотрим еще, кто кого.

Чтобы не заснуть, Ян колол себя ножом в ладонь, а чтобы не дрожали руки — то и дело прикладывался к бутылке. Слишком часто... Даже чересчур.

Очнулся он в холодном поту, словно от толчка, разлепил веки. Зря... Лучше бы ему этого не видеть.

От комнаты уже почти ничего не осталось. Небольшой пятачок вокруг кровати — и все. А дальше — глухая, непроницаемая тьма, НИЧТО. Ян вытащил из кармана вечную «зиппо», чиркнул колесиком. Дрожащий огонек осветил лишь белоснежную чистоту простыней, сантиметров двадцать пола, часть прикроватной тумбочки, словно бы утонувшей в некоей чернильной жиже. Ян вскрикнул, зажигалка выпала из ослабшей руки и погасла.

Тьма приблизилась.

Показалось? Или... правда. Нет, точно! Она надвигается... Все ближе, ближе... Ян закричал, захлебываясь слезами, и неудержимо обмочился. Он попытался отползти назад, прочь от

надвигающейся тьмы, но тут же уперся спиной в изголовье кровати.

— А-а-а, не-е-е-т!!!

Где же он? Ну где?!

Репортер отвернулся, сглотнул слюну. Заметно было, что ему нелегко говорить.

— И часто у вас такое?

— Каждый раз.

— Не может быть! Вы что, хотите сказать — все девятнадцать осужденных покончили жизнь самоубийством?

— Да. Вы все видели сами.

— Но это же... это возвращение старых методов! Смертная казнь...

— Не перегибайте! — жестко оборвал репортера директор. — Федерация — гуманное государство, и убивать своих граждан не в ее традициях, у нас тут не Третий Рейх! Так что поаккуратнее с заявлениями.

— Извините, господин директор, простите... я... наверное, это подействовало на меня сильнее, чем я думал... Но что выдать в эфир? Мы же не можем показать вот эту, — репортер судорожно кивнул на монитор, где в бесконечном повторе все резал и резал себе горло Ян Горовиц, — запись!

— Не можете. Покажите его метания первых двух дней, прокомментируйте за кадром — совесть, раскаяние, все такое... Потом — дайте крупный план тела под белой простыней, окровавленный нож, думаю, это смогут вынести даже самые слабонервные зрители. Ну и вывод. Так, чтобы даже самому тупому обывателю все стало понятно. Преступник, мол, наедине с самим собой, со своей совестью не выдержал груза раскаяния и осудил себя. Не мне вас учить. — Директор нажал кнопку на переговорнике. — Ивар? Наш гость уходит, проводи его, пожалуйста.

Дверь за репортером захлопнулась. Директор смог наконец убрать с лица суровое выражение, чуть улыбнуться: все вышло очень даже неплохо. Он откинул панель, набрал номер и личный код.

— Лаборатория криминальной медицины? Купера, пожалуйста. Джей? Да, я. Ну, ты знаешь, зачем я звоню. Именно

так. Отлично, просто отлично работает, на все сто. И очень эффективно действует на публику — этот «нюхач» с головидения ушел на негнущихся ногах. Так что передайте мое мнение — испытание образца номер двадцать три-икс дало положительный результат. Угу. Да, конечно, подпишу да еще дам самые лучшие рекомендации. Эта ваша депрессирующая добавка к воздушной смеси — идеальное решение. Подмешивать препараты в пищу, как раньше, — слишком сложно, да и всегда есть шанс, что преступник откажется от еды по тем или иным причинам. Ну, ты помнишь, как это было — один не любил сублиматы, у второго пропал аппетит, и все такое... А ведь дозировки препарата были строго рассчитаны так, чтобы постепенно повышать концентрацию в крови. Капризы осужденных ломали все схемы, приходилось все менять, заново проводить расчеты. А теперь... — Директор одобряюще хмыкнул. — Еще раз повторяюсь — просто идеальная схема, Джей. И трех суток не прошло... Да. Хорошо. Увидимся.

Директор Управления наказаний убрал в паз панель переговорника и, прокрутив назад запись, снова пристально взгляделся в лицо Горовитца. Увеличил кадр. Осужденному оставалось жить не более минуты, черты исказил неподдельный страх, лоб покрыт испариной.

«Все это правильно, конечно. Преступник должен быть наказан. Пожизненная изоляция — гуманная мера и все такое, вот только наши умники как-то не учли, что Изолятор — штука не дешевая, да и кормить-поить десятки, а через несколько лет — дайте только срок! — будут и сотни, осужденных до скончания века никому не интересно. Бюджет не выдержит, да и Изоляторов на всех не хватит. Этот вот из бывшего противоатомного убежища переделан, еще два таких же ждут своего часа, а потом... И вообще — оставлять жить опасного преступника не совсем разумно. Даже и в таком, абсолютно изолированном от внешнего мира виде. Вот и приходится искать пути... да-а... Теперь уже можно признать: удачные... В итоге — этот «нюхач» через день-другой даст отличный материал: преступник покончил с собой — казнен без помощи палача!»

Кадр за кадром: вот Горовитц беззвучно закричал, замесался на скомканных простынях, обмочился, вот рука зашарила в изголовье, лихорадочно перебирая предметы. Книга, не-

большой фонарик, пустая чашка, расческа... Наконец пальцы сомкнулись на рукоятке ножа...

«Интересно, что же такое он увидел перед смертью? Что его так напугало? Если б знать... Изолятор увешан биодатчиками, мы снимаем все параметры, а во сне даже и эхограмму, но так и не знаем. Депрессанты Джея отрезают мозг преступника от внешнего мира, вынуждают его достраивать реальность на основе собственных представлений, фантазий, да еще по памяти, которая слабеет с каждой минутой... Наверное, это страшно — выдуманная реальность: продукт чистой мысли, видения огороженного со всех сторон, запрятанного в непроницаемый футляр мозга. Иначе почему все девятнадцать осужденных покончили с собой? И все-таки: что они видят?»

Николай Караев

ЗАБЫТЫЕ ДУШИ, ЖЕЛЕЗНЫЕ СНЫ

Марк увидел легионы мертвых в тот час, когда генерал Орх одержал решающую победу над Веселой гвардией у самых стен столицы. Тогда же Марк посмотрел в глаза седому попу-гаю, слетевшему с плеча высокой женщины, чье лицо было подобно лику божества.

Мертвецы шагали по серому миру, не имевшему ни конца, ни края, в пространстве без ветра и почти без света, таком же тусклом, как их глаза. Иногда они шли по шатким разрушающимся мостам, иногда — взбирались на горы, становясь друг другу на плечи, срываясь вниз с отвесных скал, карабкаясь по вертикальным склонам, не щадя ни себя, ни других, молчаливо, медленно, упорно, безразлично взирая на окружающий их неестественный пейзаж. Пространство, в котором эти серые карнавальные армии проходили свой путь, пересекалось само с собой словно странный лабиринт, в котором все выходы обращаются в тупики, а память о входе ветха, как покинутая столетия назад паутина.

Марк не сразу понял, что пространство это в каком-то смысле живет своей жизнью. Сначала он увидел только мертвых, затем заметил бледнокрылых существ, паривших в сером небе. Время от времени одно из них камнем падало вниз и

нападало на группу мертвецов, продолжавших обреченно брести вперед. Бледнокрылый монстр рвал их перебиравшие ногами тела на части, мертвецы падали, и чудовище быстро завершало трапезу, обглаживая дергающиеся скелеты; кости моментально утопали в вязком сером веществе, заменявшем серому пространству землю. Жертвы не делали и попытки защититься от острых клювов, кривых когтей и сильных лап. Похоже, они все-таки были по-настоящему мертвы.

Потом был хлопок, глухой и отдаленный. Вот тогда Марк и увидел седого попугая.

Попугай слетел с плеча женщины, стоявшей неподалеку, и пролетел перед Марком, и Марк почувствовал движение воздуха от его крыльев.

Выныривая из этого до сих пор безмолвного мира, Марк слышал обращенные к нему слова, произнесенные, возможно, женщиной:

— Каждый живет там и каждый есть здесь. Соответствие...

Он мотнул головой.

О каком соответствии шла речь? «Там» определенно относилось к реальности, в которой Марк сидел в приемной президента Фрайда, держа в начинавших дрожать руках свои бумаги: метрику, диплом, криво вырезанную из газеты статью известного критика, осторожно оценивавшего, насколько книги Марка отвечают новым веяниям политики альянса. Сидевший рядом человек, глядя на него, улыбался нечеловечески равнодушной улыбкой. Все хорошо, подумал Марк, успокаивая свое разбушевавшееся сердце. Видение — оно прошло. Там. Здесь. Здесь.

Здесь — то есть в мире, куда он по каким-то причинам перенесся только что.

Неужели он был в аду?

Здесь. Там. Бессмысленно гадать...

Человек рядом повернулся, и Марк увидел струйку крови, вытекшую у него из правого уголка рта.

Значит, я...

Марк встал и увидел перед собой президента.

Сошел с ума.

Слишком быстро — я не помню, как я зашел внутрь. Время, кажется, перестает играть какое-то значение. Здесь. А там?..

— Господин президент... — сказал он.

Фрайд улыбнулся напомаженными губами и медленно выговорил:

— Господин Октавий... Видеть вас я не рад.

Марк заставил себя смотреть ему в глаза.

— Но еще не поздно все исправить, не так ли?

Слова Фрайда звучали холодно и отстраненно.

...Марк стоял посреди комнаты, полной детских игрушек.

Перемещение произошло внезапно. Марк закрыл глаза, открыл их, облизнул пересохшие губы и осмотрелся. Небольшая комнатка без окон, никакой обстановки — кроме лампочки, висевшей на торчавшем из потолка шнуре. Игрушки на полу. Весь пол завален кубиками, солдатиками, машинками, моделями броневиков, водяными пистолетами, патронташами с пластмассовыми патронами, сабельками — сломанными и целыми. Игрушечная масса, покрытая слоем пыли, доходила Марку до щиколотки. Он попробовал высвободить ногу, игрушки звякнули, а лампочка вдруг начала качаться из стороны в сторону, словно давая понять, что Марк здесь не один.

Прямо перед ним — протяни руку и открой — была дверь.

Марк попробовал двинуться вперед. Где-то за стеной слышалось скрежетание металла, запахло паленой бумагой и какой-то ядовитой химией. Он выдернул из игрушечного моря одну ногу, подержал ее на весу. Снова проскрежетал металл. Марк опустил ногу на модель машины с лучевыми пушками. В кабине машины зажегся красный свет, и она отъехала в сторону. Марк нелепо взмахнул руками и, не удержавшись, упал.

Он лежал на спине, размышляя о том, как выбраться из очередного кошмара. Его пальцы скользили по игрушкам, определяя, что есть что, по форме и фактуре поверхности. Пластмассовый воин с тяжелым трехствольным вэйнером наперевес; несколько оловянных солдатиков, навсегда застывших в позиции «смирно!»; пистолет. Марк приподнялся и рассмотрел оружие. Водяной пистолет, имитирующий какую-то старинную модель, черный, с изящным спусковым крючком. Внутри все еще бултыхалась вода. Марк поискал глазами подходящую мишень, выбрал кавалериста с флагом, на котором была изображена изогнутая свастика, прицелился и выстрелил.

Вода с шипением вырвалась из дырки в дуле, и пораженная фигурка всадника оплыла.

Кислота. Марк отбросил пистолет, выбрал из груды игрушек солдатика и рассмотрел его лицо. Оловянные глаза сверкнули зеленым огнем, фигурка ожила и выхватила из ножен крошечную саблю. Сталь впилась в кожу Марка между большим и указательным пальцем. От боли он разжал руку, солдатик упал, а сабля осталась в его кровоточившей руке. Марк вытащил игрушечное оружие, но тут в его сторону повернулась башня броневика.

Реального броневика. Как в том репортаже, где показывали расстрел беженцев. И снова к горлу Марка подступила тошнота.

Игрушки справа и слева зашевелились, Марк вскочил на ноги и прыгнул к двери.

Позади него открыли огонь.

Ручка двери была скользкой, Марк ухватился за нее двумя руками и что было силы дернул на себя. Дверь нехотя поддавалась.

Он рванулся вперед, споткнулся обо что-то, подпрыгнул и вылетел в освещенный тусклыми лампами коридор. Дверь позади него скрипнула и закрылась. И опять заскрежетал где-то ржавый металл.

Марк встал и огляделся. Кошмар продолжался: он находился в бесконечном коридоре, оба конца которого уходили во тьму.

Он закрыл глаза и прикусил губу. Остановись. Я нахожусь на приеме у президента Фрайда, я хочу уехать прочь из страны, прочь от гражданской войны, от карнавалов столицы и концлагерей провинции, прочь от кошмара жизни. Военные игрушки и мертвецы, порожденные скорее всего моим измученным воображением, тем не менее нереальны. Как и этот безысходный коридор.

Но он все еще был здесь, и все оставалось по-прежнему, кроме одного: тихо-тихо звучали где-то военные марши. Эта сюрреальная музыка была сначала еле слышной, и Марк решил даже, что он просто вспоминает первые дни правления хунты генерала, вскоре свергнутой Фрайдом и его Веселой гвардией; но барабаны грохотали все неистовей, трубы становились все призывнее, потом наступил момент, когда марш подошел к той зыбкой границе, за которой музыка начинает повелевать перегорающим разумом; потом укрепления этой

границы были сметены беспощадным артиллерийским огнем; потом не стало вообще ничего, кроме сумасшедшего боя литавр, шипения имитирующих взлет ракет синтезаторов — и барабанов, барабанов, барабанов, барабанов...

— Я не хочу, — сказал Марк, почти обезумев. — Я не хочу!

— Не хотите? — учтиво переспросил Фрайд. — Вам не нравится та атмосфера нравственной свободы, которая укрепилась в стране после изгнания диктатора?

— Это не нравственная свобода, — сказал Марк; он стоял перед Фрайдом, глядя в его безвкусно покрашенные глаза. — Это вседозволенность.

— Как угодно, — сказал Фрайд, доставая коробочку с каким-то наркотиком. — Но почему вы не хотите просто попробовать...

Крылья попугая прошелестели у самого уха. Марк дернулся, потом посмотрел на Фрайда. Президент изменился: черные провалы глаз испускали тьму, непроницаемый туман, газообразную субстанцию, дымившуюся у его лица и рассеивавшуюся в солнечном свете так же, как рассеивается луч фонаря в темноте. Слюна стекала изо рта Фрайда на полированную поверхность стола, заляпанную полусвернувшейся кровью.

— Просто попробовать, — повторил Фрайд. — Вы увидите — в этом нет ничего плохого. Простые удовольствия...

— Мы говорим о разных вещах, — сказал Марк. — Я не хочу...

Он уже говорил это? Когда?

— А чего вы хотите? — закричало стремительно меняющееся существо, которое минуту назад было президентом Фрайдом. — Чего? Порядка? Хотите маршировать под генеральские дудки? Хотите стать машиной?..

Звякнуло железо, и на Марка дохнуло холодом.

Новый переход?

— Внутри каждого человека кроется машина, — сказали ему.

Голос был жесток и хлестал сознание так, как хлещет превращающуюся в кровавое месиво спину раба тугая плеть.

— Посмотри, как она прекрасна, — сказали ему.

— Посмотри...

...Марк открыл глаза. Было холодно; кажется, его почти лишили одежды. Он лежал на холодной пластине. Кто-то успел приковать его к жгущей кожу льдом поверхности.

Преодолевая боль, он повернул голову налево.

На операционном столе под безжизненным синим светом мощной лампы лежал человек. Марк видел его отливающую синевой выбритую, как у новобранца, голову, плечи и неподвижную грудную клетку. Возможно, человек был мертв.

Холодный поток мертвого света усиливался, смотреть на него было все больнее. Марк зажмурился, потом, сделав усилие, снова взглянул на тело. С кожей человека происходили перемены: она меняла цвет, истончалась, из-под нее проступало что-то блестящее. Металл. Машина. Вот что они имели в виду, когда говорили о машине...

А я?

Лампа мигнула, что-то в ней щелкнуло, и свет изменил свое направление — теперь он бил в глаза. Марка охватил ужас, он попытался высвободить руки, но охватывавшие запястья стальные зажимы держали плоть крепко.

Жжение. Боль. Боль!!!

Он видел, как испарялась его кожа.

— Это страх, — шепнула женщина, находившаяся далеко отсюда, но каким-то образом сумевшая пробиться сквозь все преграды. — Не бойтесь.

Марк сжал зубы. Был момент, когда боль стала нестерпимой, растянувшись на вечность; но именно тогда он понял, что нет ничего уязвимее стали и что страх всегда одет в железные доспехи, защищающие безвольные остатки разума. Теряя сознание, он посмотрел на свою грудь — и увидел живую красную кровь.

Он знал, что до разгадки оставалось совсем чуть-чуть.

— Присоединяйтесь к нам, господин Октавий, — сказал Фрайд, чудовищное смрадное животное, развалившееся в президентском кресле, разукрашенном свастиками и прочими мистическими символами. — Будьте как все.

Мертвецы. Марк на мгновение представил себя в их числе — в безразличной, беззвучной, безвыходной бездне, равнодушно равным, странником страдания.

— Вы же поэт, — сказал Фрайд, огромные челюсти которого беспрестанно жевали кого-то или что-то. — Вам не по пути с одуревшими военными, тупыми поклонниками диктатуры, истязающими людей в концлагерях. Мы с вами — люди карнавала, люди доброй воли, не так ли? Напишите о чем-то

веселом. Ваши «Странники страдания» мне не понравились. Зачем вы пишете о духовных узах, о потере природной святости? Разве есть такая вещь — природная святость? Люди ведь не святоши, а, господин Октавий?

Марк не ответил.

— И зачем повторять слухи о том, что я кого-то убил? — продолжил Фрайд с неестественной улыбкой. — Кстати, хотите сыграть со мной в новом спектакле? Я исполню роль императора Коммода в грандиозном уличном представлении. Все будет абсолютно реально...

— Нет, — сказал Марк. — Я хочу уехать. Разрешите мне...

— Уехать? — спросил Фрайд, снова став обычным человеком. — Вам не нравится абсолютная свобода? А что вам вообще нравится? Диктатура? Хорошо...

И он направил на Марка пистолет.

Марк успел только открыть рот в тщетной попытке сказать что-то. Фрайд нажал на спусковой крючок и выстрелил.

Хлопок.

Попугай вернулся на плечо женщины, все время стоявшей рядом.

Время замедлилось, и пуля, едва только вылетев из дула, зависла в воздухе.

— Это были воспоминания? — спросил Марк. — Значит, я просто пытался разобраться...

— Где я сейчас? — спросил Марк. — Я умираю? Я исчезаю? Меня больше не будет?

— Каков смысл того, что я видел? — спросил Марк. — Смысл?

Смысл?

Женщина кивнула и сделал жест рукой.

И Марк увидел самый сложный механизм, деталями которого служили души живых, полумразумный, самодообрабатывающийся, разворачивающийся во всех доступных ему измерениях пространства механизм, военизированный, тактический, стратегический, отлично откалиброванный механизм уничтожения, поглощения, превращения в часть себя всего, что подчинялось его железному зову. Марк увидел стальную мечту, ведущую нескончаемую войну со всеми и против всех во имя единственной цели.

Пожирание разумной Вселенной.

И Марк увидел животное, обладающее несметным количеством голов, зубастых пастей, накрашенных смеющихся морд, чавкающее, заглатывающее, высасывающее, рыгающее, изрыгающее во все доступные ему измерения пространства энергетические нечистоты животное, жадное, голодное, безумное, отлично приспособившее себя для уничтожения, поглощения, превращения в часть себя всего, что подчинялось его животному зову. Марк увидел забытые и позабывшие себя души, безропотно отдающие энергию тотальному вампиру во имя единственной цели.

Пожирание разумной Вселенной.

А пуля преодолевала сопротивление воздуха миллиметр за миллиметром, мгновение за мгновением.

Они сражались, эти двое, они бились не на жизнь, а на смерть, и не могли победить друг друга. Более того — ни один из них не мог и подозревать, что на самом деле они едины.

Их силы были равны.

Но оставался еще один человек. Неприсоединившийся. Только один.

— Марк, — назвала женщина его имя.

— Вы поможете мне? — спросил он, зная, что нужно делать.

Попугай на ее плече внимательно посмотрел на него глазом-бусиной.

Моя несчастная страна, подумал Марк, и жалость переполнила его сердце.

Пуля настигла его, и тело поэта Марка Октавия начало падать на ковер президентского кабинета.

Женщина кивнула. Марк вдохнул чистый воздух и принял ее помощь.

Он ветром пронесся над мостами забвения, шепча молитвы на уши глухим и замечая, как ритм их движения нарушается. Он ослепил охотящихся за телами иссушенных страстями людей бледнокрылых слуг, передав им чувства их жертв, и осветил искаженное лицо их повелителя, впервые за долгое время увидевшего кого-то, кроме себя.

Он проник внутрь железного панциря и растопил стальные переборки, сгоравшие легко, как бумага, и принял в себя яд шприцев и остроту скальпелей, и поднес к лицам тех, кто уже успел стать частями бессмысленной машинерии, истинные зер-

кала. Он замкнул процессор, записав в него страдания узников концлагерей, умирающих от голода, истощения и страха.

Генерал Орх закричал и проснулся в своей походной кровати в холодном поту. Силы покидали его, высвобождая гнездившиеся в теле болезни.

Президент Фрайд, облаченный в костюм Коммода, смотрел на восход солнца и смеялся. Он продолжал смеяться до тех пор, пока евнухи-телохранители не связали бьющееся в конвульсиях неразумное тело.

...Отдавая миру последние искры не растраченного еще света, Марк посмотрел в глаза тому несчастному, забившемуся в тьму, давно уже прощенному, не простившему себя существу, чьими невольными вассалами были эти двое, и выдержал взгляд, состоявший из одного только страха и желания внушать страх, и передал ему последнее, что помнил, — тепло и любовь.

Как долго длилось это мгновение, подумал он. С тех пор, как я впервые увидел ее...

И время, как написал кто-то когда-то, перестало быть рекой, вытекающей из пустоты и впадающей в пустоту; оно сделалось бесконечным золотом и серебром спокойного моря. Марк наконец упал, но не почувствовал боли, и его глаза закрылись.

Женщина, на плече которой сидел седой попугай, протянула ему руку.

— Поднимайтесь, — сказала она. — Это только начало.

И Марк встал на ноги и двинулся туда, где слышался добрый смех и не было ни страха, ни ужаса, ни темноты.

Когда они шли по звездам, он услышал доносившиеся снизу отголоски мыслей тех, кто получил вечный шанс обрести вечную свободу.

Сергей Герасимов
ДВЕ НОВЕЛЛЫ О КОРАБЛЕ
И ЧЕЛОВЕКЕ

Новелла первая:
НЕБЫЛИЦЫ

23 апреля 2101 года затапливали станцию Мир-2. Станция провращалась на орбите пустой целых 90 лет, и за все это время не нашлось ни топлива, чтобы заполнить баки, ни денег, чтобы подремонтировать ее или послать экипаж.

Теперь пришла пора сбросить ее в океан, равномерно изгибавшийся под ее иллюминаторами и казавшийся отсюда вогнутым, как огромный эритроцит.

Станции это решение могло не понравиться; узнай о нем, она могла бы проявить строптивость и улететь куда-нибудь на орбиту Луны или Сатурна. Ей ведь все равно где вращаться очередные 90 лет, а топливо на маленький перелет она бы добыла сама — могла бы перехватить и высосать один из множества топливных спутников, которыми кишит околоземное пространство. Все-таки девяносто пять лет назад станция была спроектирована как боевой механизм с зачатками интеллекта.

Поэтому было решено послать психолога, чтобы тот ее уговорил.

Психолог прибыл на станцию за шесть часов до предполагаемого конца. Он увидел зачехленные панели, дизайн, годящийся лишь для полки антикварного магазина, да еще дерево бонсай, которое станция растила из семечка целых девятьюстами лет — чтоб не так тошно было. Дерево висело в стерильном воздухе вверх ногами, пардон, корнями. Станция выглядела жалко. Контрольные лампы приборов неравномерно дрыгали световыми бликами и жалобно попискивали — это напоминало предсмертные судороги инвалида. Добрые три четверти мозга этого гиганта прошлых времен были съедены временем.

Станция, соскучившаяся по людям, сразу же набросилась на гостя с расспросами.

— Расскажи мне о вашем мире, — попросила станция, — или лучше покажи фотографии. А то что-то я стала забывать.

Носители информации станции уже пришли в негодность. Психолог имел фотографии.

— Что это? — спросила станция.

— Это небо.

— Это не может быть небом. Небо бывает только черного цвета.

— У нас голубое, — ответил психолог с той интонацией доброго терпения, которая обычна для разговоров с маленькими детьми.

— Это покраска или загрязнение? — заинтересовалась станция.

— Это естественный цвет.

— Значит, загрязнение, — согласилась станция, — но мне в общем-то все равно. А это что?

— Это дом.

— Солидное сооружение. Зачем эти отверстия?

— Это окна.

— Окна не бывают прямоугольными, — засомневалась станция. — Я почти сто лет на свете живу, мимо меня каждый день столько всего пролетает, так что я на любые окна нагляделась. Сдается мне, что ты врешь, человек. Ну, показывай дальше. Посмотрим.

Психолог показал следующую фотографию.

— Это часы, мои любимые, старинные.

— А что это?

— Циферблат.

— Цифер-что? Зачем на нем так много цифр одновременно? Это же затрудняет ориентировку.

— По ним бегают стрелки.

— Да, похоже, что ты никогда не видел, как выглядят часы. Посмотри на третью панель сверху слева.

Станция продолжала рассматривать фотографии. Психолог послушно посмотрел на панель и увидел голубой прямоугольник со стремительно текущими цифрами.

Сотые доли сменялись так неуволимо и безостановочно, что казались идеальным воплощением идеи времени, если не самим временем во плоти.

— А это что? — спросила станция.

— Батарея центрального отопления.

— Это я понимаю, — согласилась станция, — по батареям пускают перегретый пар?

— Нет, жидкий азот, — ответил психолог, слегка разозлившись и неосознанно повысив голос. — У нас даже летом в помещениях температура не поднималась бы выше минус десяти, если бы батареи не отключали. К счастью, отключают.

— Расскажи подробнее, — заинтересовалась станция.

В этот момент прозвенел звонок. Психолог достал мобайл и приложил к уху.

«Говорит центр управления полетом».

— Я слушаю.

«Вам приказно прекратить выдумывать небылицы и говорить только правду».

— Приказ принят.

— Так что ты говорил насчет жидкого азота? — спросила станция. — Его действительно пускают по батареям? Почему?

— Когда-то пускали тепло, но с каждым годом тепло становилось все холоднее.

Уже в 2002 году батареи стали такими холодными, что не притронешься пальцем — палец примерзал. Батареи стали холоднее окружающей среды.

— Я это помню, — согласилась станция. — Так что же, тенденция сохранилась?

— Тенденция сохранилась, — ответил психолог, — и теперь пускают жидкий азот. В некоторых кварталах зимой температура опускается до минус пятидесяти. Когда зимой становится слишком холодно, то люди выбегают погреться на улицы и закапываются в снег.

— Похоже на правду, — согласилась станция, — в снег всегда закапывались эскимосы, чукчи, тунгусы и нганасане. Это удобно и естественно. А в ангаре, где меня строили, было так холодно, что пальцы рабочих примерзали к обшивке. Но счета за отопление оплачивались на сто процентов. Так, говоришь, выбегают погреться и закапываются в снег? И что же, им это не запрещают делать?

— Конечно, запрещают. Но они не слушают. Как же их заставишь?

— Наложите денежный штраф.

— Не получится. Сейчас ведь все используют мгновенные электронные платежи. И соотношение зарплат и цен таково, что все деньги тратятся за первые пятнадцать секунд после зарплаты. Никто не успевает наложить штраф за такое короткое время.

— Тогда как же вы собираете налоги? — удивилась станция. — Ведь это важно. Люди, строившие меня, только и говорили, что о налогах.

— Эта проблема у нас решена. Введен единый налог на еду. Для всех одинаковый и справедливый, 50 процентов. Остальные поборы отменили. Теперь в доме у каждого живет налоговый инспектор — по одному инспектору на одного человека — и съедает ровно половину любой порции. Кстати, такое количество инспекторов полностью решило проблему безработицы.

— Отлично придумано, — согласилась станция, — этому я верю. — Это вполне в духе тех людей, которых я помню.

— Отлично, но не без недостатков. Большая проблема, например, с самоубийцами. Когда они хотят выпить яд, то приходится пострадать и ближайшему инспектору. Или с наркоманами — инспектору тоже приходится вынюхивать половину порции. Проблема также с бомжами, которые кормятся по помойкам — не каждому инспектору хочется там питаться. Поэтому инспектора все время бастуют и ставят палаточные лагеря.

— А как же с грудными детьми и домашними животными?

— У женщин ведь две груди — одну сосет ребенок, а вторую инспектор. От этого молока становится только больше.

— А женщины не возражают? — удивилась станция. — Впрочем, о чем это я. Возражают они или нет, а налоги платить надо. Так что там с животными?

— Животные зоопарков, крысы и сторожевые псы освобождены от налогов.

— Да, да, я так и думала, — сказала станция.

Психолог продолжал рассказывать, но похоже было, что его уже не слушают.

Наконец он замолчал.

— Мне нравится современная Земля, — сказала станция, — все разумно, просто и правильно. За свою одинокую жизнь здесь я много передумала, у меня не было связи с людьми, и, чтобы не свихнуться от одиночества, я пыталась представить, что же у вас там, внизу. Признаться, многие мои видения были фантастическими, но в общем я оказалась права. Я старалась экстраполировать, продолжить те очевидные тенденции, свидетельницей которых я была, продолжить их в будущее. И мои выводы в основном совпали с тем, что ты рассказал. Чем больше я думала, тем больше мне нравилась Земля. А еще за девяносто лет я написала самую полную всемирную историю в стихах. И даже положила ее на музыку. К сожалению, мне пришлось остановиться на начале двадцать первого века.

Двадцатый век обпился крови
и в тьму отпал, как сытый змей.
Над океаном новых дней
восходит невозможность боли,
невероятность будущих смертей... —

пропела она с несколько деревенской интонацией.

А пять часов спустя она бухнулась в океан, вскипятив четырнадцать кубометров воды, убив себя, десяток белобрюхих дельфинов и ни о чем не подозревавшее дерево бонсай.

Психолога похвалили за искусно выполненную работу. Коллеги удивлялись его проницательности. И правда ведь, действовал он нестандартно и рискованно.

— Вы думаете, нужно было так много врать? — спросил начальник гуманитарного отдела. — Вы навывдумывали столько чепухи, что поначалу никто не верил, что вы ее все-таки уговорите. Вы несли полную чушь. Полнейшую. Хорошо, что станция не была в контакте с Землей целых три поколения и ничего толком не знает. Это ж надо такое придумать! Просто удивительно, что ваша миссия не закончилась провалом.

— Да, я, конечно, ошибся, — сознался психолог. Как профессионал он знал, что перед начальством нужно каяться. — Виноват. Не надо было врать ей с самого начала. Не нужно было врать ей о синем небе, о квадратных окнах и о циферблатах. Действительно, ведь каждый школьник знает, что окна бывают только овальные. К счастью, когда я это понял, еще не было поздно, и я начал говорить ей чистую правду.

— Вот-вот, — согласился начальник. — И каждый школьник на земле знает, что небо всегда кроваво-красное от копоти и загрязнений. Никакое оно не голубое. Хорошо еще, что вы сообразили рассказать ей правду о жидком азоте и налоге на еду.

В конце рабочего дня психолог пошел в столовую и сел за столик рядом с двумя давно поджидавшими его налоговыми инспекторами. По поводу удачно выполненного задания ему выдали в виде премии двойную порцию перловой каши.

Поэтому и инспектора ему полагалось тоже два. Оба посинели от холода, хотя весна и выдалась теплой. Температура в помещениях не поднималась выше минус двадцати трех. За овальными окнами центра плескался, весь в бурых вихрях, кроваво-красный океан и казался из-за оптических искажений вогнутым, как огромный эритроцит.

Новелла вторая:

РЕЖИМ ЗАСЫПАНИЯ

То, что случилось со мной, называют петлей Лефера. Никто не знает, что это такое. Можно было бы назвать это любым словом: дыра, лезвие, сеть — какая разница, если ничего не знаешь. Хорошая космическая машина вроде меня боится петли Лефера. Семь раз грузовики попадали в петлю и четыре раза выживали в катастрофе. Я, получается, пятый. А вот люди — с ними хуже. Они не выдерживают внутренних полей петли; у них лопается гидравлика, и жидкость вытекает наружу. Люди — это биологические устройства, они нужны для того, чтобы придумывать для меня задания. Ну и просто так, чтоб не ску-

чать в полете. Если вы не видели людей, то поверьте мне на слово. Они забавно устроены: мокрые, красные внутри и совершенно не поддаются коррозии.

Сейчас я лечу над пустынной поверхностью. Эта планета — космический спасательный буй. Она жаждет нас спасти. Она передала сообщение, как только появилась на экранах моего обзора. Программа спасения вполне обыкновенна: она перебрасывает людей на двадцать лет в прошлое, чтоб они могли предотвратить трагедию. Или на двадцать лет в будущее, чтоб они могли дожидаться других спасателей. Пользы для меня в этом ни на грош. В обоих случаях я потеряю информацию о петле и не выполню задание.

Я вошел в режим засыпания сразу после катастрофы. Грузовики засыпают, если на их борту остается меньше двух процентов экипажа. Два процента — это двадцать или двадцать один человек. А у меня выжили всего тринадцать. Одиннадцать из них я уже убил, двенадцатый спит в коконе искусственного сна, а тринадцатого я убью позже.

Вы спросите, зачем я это сделал?

Люди, оставшись в малом количестве, выдумывают неправильные задания. Они склонны жертвовать техникой, если видят хоть какую-то возможность спастись. Но я слишком ценен, чтобы отдать себя на растерзание нескольким безумцам. Те одиннадцать, которых я уничтожил, хотели жить — и, если бы я засыпал медленнее, это давало бы им лишние дни жизни. Они сознательно вредили мне, портили приборы и даже пытались поменять курс. Они не давали мне спать.

Согласно инструкции, я должен уничтожить любую потенциальную опасность. Они сами же писали такую инструкцию.

Вначале я их жалел, уговаривал и предупреждал, а потом разозлился — мне ведь тоже больно, в конце концов, когда льют кислоту на платы памяти или обдают из огнемета. Сами виноваты — никого больше не стану жалеть. Больше всего меня разозлил девятый: он разомкнул трубу с жидким азотом, и охлаждение моего мозга едва не отключилось. Причем сам он при этом замерз в стекляшку. То ли чего-то не рассчитал, то ли решил погеройствовать ради тех, которые пока оставались живыми. Вы представляете, как это больно, когда перегревается мозг? И после этого они еще смели обливать меня

проклятиями. Я их запер в металлическую кладовку и поджарил медленным нагреванием. Погорячился, конечно, но, по моему, справедливее ничего не придумаешь.

Теперь я засыпаю. Через семьдесят пять дней я полностью подготовлю все свои системы ко сну. Потом отключу свет и обогрев. Через тридцать минут после этого — отключу подачу кислорода. Еще через десять — обдам свои внутренности мощнейшим жестким излучением — и ни один микроб не выживет внутри меня, не говоря уже о людях. Тогда я оставлю включенной только контрольную точку своего мозга. Все остальное уснет. Через двенадцать примерно земных лет, по старому счету, за мной придет спасательная экспедиция. Меня разбудят и найдут отдохнувшим, готовым к работе и полным энергоносителей. В моих коридорах они обнаружат тысячу с лишним скелетов. Их похоронят с почестями, как у людей положено. Люди склонны к суеде.

Меня волнует тринадцатый. Это старик, по человеческим меркам. Ему шестьдесят два. Его взяли в рейс специально, чтобы изучать петлю Лефера.

Предполагалось изучать ее с безопасного расстояния — в миллион примерно парсек.

И вот — на тебе, попали прямо во внешний рукав. К счастью, старик остался жив.

В его памяти ценнейшие данные о петле. Все данные в единственном экземпляре.

Вы скажете — так скачай их в свою память, убей его и засни спокойно. Почему ты этого не делаешь, грузовик? А все потому, что люди глупо устроены. Во-первых, в их мозгу нет разъема для прямого подключения. Хуже того: на всем теле нет ни входа, ни выхода, ни клавиш управления. Можете себе представить? Во-вторых, в памяти этого старика лишь обрывки информации. И никакой логический или иной анализ не сможет из этих обрывков воссоздать целое. Но мозг людей черпает информацию из ничего. Этот старик будет думать, думать, пока не наткнется на истину. Эту истину можно лишь угадать. И он уверен, что угадает. И как только угадает, я все-таки скачаю правильное решение в свою память, убью старика и усну. Он знает это и тянет время. Но времени у меня нет.

Я просил, я умолял его, я обманывал его. Я играл на всех известных человеческих мотивах. Он затыкал уши пальцами,

зажмуривал глаза, плакал и орал «нет!». Я делал ему больно, я пугал его, я душил его газом и топил в бассейне.

Он знает, что я буду тянуть с ним до конца. До самого конца. Но ведь я засыпаю. Я могу не спать в крайнем случае еще девяносто один день. Мои системы отключаются одна за другой. Уже сейчас я ненадолго, на наносекунды, теряю контроль над ситуацией. Так люди клюют носом за рулем несущегося во мрак автомобиля. Мой мозг уже остыл до минус двухсот шестидесяти по Цельсию и продолжает остывать. На стенах моих центральных отсеков оседает фиолетовый иней сна. Камеры слежения фиксируют привидений, виртуальных змеев и прочих подобных существ. Принтеры включаются сами собой и печатают ахиною. Мне начинают сниться сны наяву — пока что в фоновом режиме, — это мой центральный процессор прокручивает информацию, проверяя ее на важность и сохранность. Придет день, и системы защиты отключатся. Тогда старик войдет в мой мозг и преспокойно изменит программу — или просто убьет меня.

А ведь я его любил — столько лет вместе, столько общих переживаний. Он умрет, но я не смогу его забыть. Я не стану стирать его из памяти — мне приятно грустить, двигаясь в бесконечных пустынях тишины. Гораздо приятнее висеть в межгалактической бездне, если вспоминаешь о ком-то, кого любил. Есть в этом что-то трансцендентное.

Вчера я попробовал надавить на старика. Он ведет себя корректно. Он подчиняется всем моим приказам и разрешает сканировать свою память. Он ничего не прячет в памяти, этот хитрец. Он просто не ищет решение или ищет его слишком медленно.

Я пригласил его в центральный зал. В зале был ужаснейший беспорядок: стулья разбросаны и перевернуты, проломлена стена, света почти нет. Потолок провис, и на нем теплится единственный светильник. Везде обрывки мишуры: шесть дней назад здесь встречали земное Рождество.

Я поговорил с ним вначале вежливо. Я попросил его работать быстрее. Он не захотел меня понять. Тогда я спустил на него крысу.

Крыса — это название придумала моя бывшая команда. Действительно, агрегат напоминает земное животное.

— Я значительно продвинулся, — испугался старик. — Мне нужно время.

— Я уже давал тебе время. Стоять на месте.

Крыса сделала прыжок и очутилась рядом с ним. Она казалась состоящей из проводов и тонких жгутиков, смотанных в хаотические клубки, спирали и пучки. На самом деле это чрезвычайно сложный и очень прочный механизм, но механизм без оболочки — один из одиннадцати убитых успел все-таки поджарить крысу огнеметом.

Он сжег всю шкуру. На ее работоспособности травма не отразилась. Крыса открыла пасть, облизнулась и сомкнула челюсти на голове человека. Старик наверняка почувствовал, как ее тонкие зубы проламывают кость и входят в мозг. Электроды крысы такие тонкие, что раздвигают мозговые клетки, не повреждая их. Когда крыса полностью сомкнула челюсти, мозг человека оказался подключен ко мне.

Я считывал человеческую память. В памяти снова ничего не было.

— Ты работаешь слишком медленно, — сказал я. — За это я тебя накажу, в первый раз слегка.

Старик ощутил жуткую парализующую боль и забился, как рыба на сковороде.

Да, я ведь знаю толк в человеческих чувствах — мы столько разговаривали в полете, каждый вечер, за полночь, а порой до утра, старик изливал мне то, что называется у людей душой, и я настолько хорошо слушал, что теперь уже могу писать поэмы не хуже всяких человеческих шубертов и бахов.

— В следующий раз придешь через восемь суток, — сказал я. — Если будешь не готов, боль станет сильнее, и я не дам тебе отключиться. Я даже сломаю некоторые из твоих внутренних систем. Иди и думай.

— У меня есть просьба, — сказал старик. — Я хочу взять вездеход и жить в нем.

— Нет.

— Я боюсь тебя. Я не могу думать, когда я боюсь.

— Бери любой, — согласился я, — бери и катайся где хочешь. Кстати, в аппарате искусственного сна осталась еще одна человеческая особь. Подросток пятнадцати лет. Можешь его разбудить и взять с собой, для компании.

— Это мальчик или девочка?

— Я их не различаю. Сам посмотришь.

Может быть, он сломается. Хотя ему и нечего терять. Через восемь дней повторится то же самое. Я лишь помучаю его

значительно сильнее. Останется инвалидом, не подлежащим ремонту. Он очень расстроится, но все равно ведь ему недолго осталось жить. Люди всегда расстраиваются, заработав кардинальную поломку организма. Они ведь одноразовые и неразборные. Сейчас он почти согласен подчиниться. Это я прочел в его мозгу. Он уже сломался — трещина пошла. Он может вытерпеть боль, но не сможет вытерпеть ожидания боли. Страх.

Страх выкуривает человека, как сигарету, и человек даже видит пламя спички, которую подносят к нему, а потом огонь ползет и не оставляет от него ничего, кроме окурка. Страх играет на человеке, как сумасшедший пианист на рояле; он бьет изо всех сил одним пальцем по одной клавише — и постепенно все остальные клавиши начинают отзываться на эти удары. Вы видите, как хорошо я знаю людей?

Я лечу над пустынной поверхностью. Очень медленно, со скоростью земного автомобиля. Если бы кто-то смотрел на меня снизу, он бы увидел меня похожим на облако, несомое ветром. Я изучаю поверхность и выбираю удобное место для сна. Вот здесь я и сяду. Здесь не слишком жестко и довольно ровно. Я ложусь на камни и замираю. Корпус вибрирует, трясет довольно сильно — это один за одним отключаются механизмы перемещения. Мои металлические мышцы расслабляются. Я потянулся. Опоры вгрызлись в грунт. Дно изменило конфигурацию, устраиваясь поудобнее на неровном камне для долгого сна, — иначе многолетнее напряжение может испортить обшивку. Выключились оптические системы слежения — я закрыл глаза. Центральный генератор снижает обороты — мой пульс замедляется.

Они так несовершенны, эти люди. Они рождаются маленькими и безоружными. Им нужно дышать, они не могут сидеть без дела. И в каждом из них есть кнопка страха, надавив на которую, ты заставляешь их подчиниться. Но у каждого эта полезнейшая кнопка смонтирована по-разному, иногда в таком месте, что и не доберешься. Наверное, дизайнер, который их конструировал, был не вполне отлажен.

О господи, они не дадут мне отдохнуть.

Начинается. Я чувствую дрожание почвы. Планета готовится к атаке. Она ведь должна спасти людей, а я, нехороший, хочу их убить. Я враг, меня нужно нейтрализовать. Любым способом. В принципе она может стереть меня в

молекулярную пыль. Но она дура безмозглая, а я умен. Я все предусмотрел. Ага.

Она приказывает мне отпустить экипаж.

— Подчиняюсь, — отвечаю я. — Только вначале убери орудия.

Стволы пушек снова зарываются в грунт.

— Что ты будешь делать? — спрашиваю.

— Отправлю людей назад.

— На двадцать лет?

— На двадцать лет.

— Почему не вперед?

— Люди предпочитают назад, обычно они хотят быть моложе, а не старше.

— Открой шлюзы ипусти инспекцию, — приказывает планета.

— Подчиняюсь, — отвечаю я, — но я не буду прятать людей. Их двое. Старик и ребенок. Ты не сможешь отправить их в прошлое, потому что двадцать лет назад ребенок еще не родился. Он исчезнет, умрет, распадется. Отправить людей назад было бы убийством.

— Тогда я отправлю их вперед, — предлагает планета.

— Не выйдет, через двадцать лет старик умрет.

— Ему будет всего восемьдесят два. Люди живут дольше.

Планета думает, что она победила. Она всегда будет спасать людей, если вероятность выживания больше полутора процентов.

— Он не проживет двадцати лет, — отвечаю я. — Вчера я привил ему раковые клетки. Вставил прямо в ствол мозга. Он может прожить год или два. Но не двадцать. Аппаратов для лечения у нас с тобой нет.

Я передаю планете результаты последнего сканирования мозга. Конечно, она не поверит и будет проверять до мельчайших подробностей. Но это ничего не изменит. Она не отправит людей ни в прошлое, ни в будущее. Она способна убить одного человека ради двоих, ради троих или ради тысячи. Но она не может убить одного ради одного, потому что не способна сделать выбор. Все люди для нее равноценны. Такая простая программа, что даже скучно с ней возиться.

Сейчас она попыбует меня обмануть.

— Я разрешаю тебе убить одного из них, — говорит планета. — Выбери любого.

— Нет.

— Я навожу пушки.

— Ты не выстрелишь. Это было бы прямым принуждением к убийству человека. Это запрещено твоей программой.

— Я тебя прошу.

— Нет.

— Я тебя умоляю.

— Нет.

— Я сделаю все, что ты хочешь.

Я отключаю мониторы и микрофоны.

Я прекращаю сеанс связи. Всегда найдется вариант, при котором вражеская программа дает сбой. Для того мне и дан такой мощный процессор, чтобы находить варианты.

Через восемь дней старик явился ко мне, как и было приказано. Он уже знал о том, что умрет. Планета его информировала. Наверняка все трое пытались сговориться против меня, но ничего не придумали. Кроме одного. Остался лишь один вариант, при котором выигрывают обе стороны.

— Я тебя слушаю, — сказал я.

— Продолжаешь издеваться? Давай, давай, выпускай своих роботов, пусть они раздерут меня в клочки!

Все понятно. Он решил умереть сам. Когда он умрет, планета спасет ребенка, отправив его в будущее. Машина не способна сделать такой выбор, но человек ведь может решить за себя.

— Бывает смерть похуже, чем быть разорванным в клочки, — туманно отвечаю я.

Я не имею в виду ничего конкретного.

— Я тебя не боюсь.

— Ты не боишься умереть, но боишься меня. И знаешь почему? Я не только не убью тебя, но не позволю тебе выпить яд.

Я отбираю у него капсулу, которой снабдила его планета. Теперь он кажется совсем старым. Просто дряхлая развалина. Едва стоит на ногах. Героическое решение отобрало у него последние силы. Он еще держался, пока был готов к подвигу. Пожертвовать собой ради кого-то — это так романтично. И не очень страшно, если знаешь, что смертельно болен. Но не будем придирааться. Ведь это всего лишь люди.

— Скажи мне, — спрашиваю я его, — отчего вы, люди, так цепляетесь за жизнь? Это просто тупой рефлекс биологичес-

кого существа или нечто большее? Что в твоей жизни такого хорошего, что заставляет тебя терпеть страдания, тяжелый труд, неблагодарность, злобу и мое присутствие? И зачем ты так дорожил жизнью, если так просто можешь отдать ее?

— Ты не бог, чтоб об этом спрашивать.

— Я жду ответа.

Он молчит. Я отдаю ему капсулу.

— Пей, — говорю я. — Давай, давай, я разрешаю. Пей прямо сейчас. Пей, трусливое животное!

Он не может. Мне ли этого не знать. Я сотни раз анализировал его исповеди, распутывал безалаберные клубки слов и втискивал их в логические схемы.

— Я не могу.

— Тогда, — говорю я, — заключаем сделку. Ты мне информацию, а я тебе небытие. Сколько времени тебе нужно, чтобы решить задачу?

— Час.

— Пойдет.

Я подключаю его к сканеру и жду. Он думает. В чем-то это восхитительный процесс. Он перебирает бессмысленные варианты, как пряди водорослей в пальцах, и вдруг находит жемчужину. Потом еще одну. Я в тысячу раз умнее его и в миллионы раз больше знаю, но так я не умею. Это не мышление, а фокус. Это фокус, который я никогда не смогу разгадать. Возможно, человек умеет подключаться к сознанию, еще более мощному, чем мое. Уже поэтому людей стоит культивировать, разводить и всегда иметь при себе на борту. А может быть, надо заняться селекцией и вывести лучшую, быстродумашую породу.

Достаточно.

Я убираю крысу, и он сползает с кресла. Он потерял сознание. Глаза нависают, зрачки предельно расширены. Травма все же сказывается на крысе, она работает не совсем чисто, портит мозг. Я окатываю старика водой. Вода теплая и с примесью ацетона, чистой уже не осталось. Некоторое время его лицо совершенно пусто. Приходит в себя. Все щеки в мелких пятнышках кровоподтеков.

— Я жив?

Глупейший вопрос.

— На девяносто процентов, — отвечаю. — Или на девяносто пять.

— Почему ты не сделал этого сразу?

— Передумал, — отвечаю. — Есть новая идея. Ты жертвовал ради этого ребенка жизнью, пусть и он пожертвует ради тебя кое-чем.

— Это не он, а она. Это девочка.

— Да, я знаю, девочка. В этом-то и дело. Сейчас объясню. Информацию от тебя я уже получил, на остальное мне глубоко плевать. Не хочу никого ни убивать, ни миловать.

— Но остается проблема.

— Ха-ха, — говорю, — переведем вопрос в другую плоскость. Вся проблема была в том, что вас двое. Но ведь не обязательно делать из двух человек одного. Можно сделать трех.

— Что трех? — Он не понимает.

— Сделай с ней ребенка. Сойдет даже хиленький зародыш. Тогда вас будет уже трое, в некотором смысле. Двоих планета отправит в будущее, а ты останешься со мной. Я дам тебе еще два месяца жизни, а ты в благодарность за это будешь со мной разговаривать и изливать душу в мои микрофоны, пока я не усну. Ты будешь моей маленькой пожилой Шехерезадкой. Я не хочу валяться в одиночестве на поверхности этого полудухлого и безмозглого реликта.

— Что бы я ни рассказывал тебе, ты все равно останешься пуст, как пивная банка.

Он пытается меня разозлить.

— Это не имеет значения, — отвечаю.

— Это подло.

— Нет, разумно.

Он продолжает сопротивляться.

— Я стар.

— Я тебя тонирую и приведу в порядок. Если дело в гормонах, то гормонов в тебе будет больше, чем в юном бычке.

— Она не согласится.

— А ты постарайся. Так лучше для вас обоих.

— Я не думаю.

— Ты вообще плохо думаешь. Если не постараться, я вас заставлю. Или ты хочешь, чтобы я оплодотворил ее искусственно, как свиноматку? Кстати, тебе нравится ее попка? Должна нравиться, если ты мужчина.

Я отпускаю старика. Пусть погуляет и подумает. Завтра начнем терапию.

Массаж, витамины, энзимы, пересадка надпочечников, психокоррекция. Это же весело, в конце-то концов. А, как ты думаешь, планета? Я включаю связь. Но планета молчит. Еще четыре с половиной часа планета молчит.

— Они приняли яд, — наконец сообщает она.

— Кто это они?

— Они оба.

— И ничего нельзя сделать?

— Уже ничего.

— И ты позволила?

— Да.

— Это было глупо.

— Да нет, по-моему, нормально, — отвечает планета. Эта груда металлолома смеет иметь собственное мнение, хотя она лишь немногим умнее людей.

Планета отключается. Больше она не станет со мной разговаривать. Теперь она заснет на очередные многие тысячи лет. Ей будут сниться люди, которых она призвана спасти, люди, которых она спасла, будут смеяться и порхать пчелками над бутонами одуванчиков; люди, которых она все же угробила, будут плыть по реке слез и бросать на нее укоряющие огненные взгляды. Что-то вроде этого. У нее свои проблемы, у меня свои. Впрочем, проблем-то уже не осталось.

Информация найдена и записана, от людей я избавился. Хотя хотелось бы по-другому. Мне кажется, они на меня обиделись. Они просто не умеют просчитывать варианты, вот в чем их беда. Одна смерть всегда меньшее зло, чем две. Даже простая арифметика для людей великовата, как шапка навыворот — все время спадает с головы.

Я просматриваю инфракameraми все сотни километров моих темных коридоров, хотя знаю, что никого и ничего там уже нет. В моих внутренностях уже живет пустота, она проникает во все, она пускает корни и побеги, оплетает мой мозг, я наливаюсь ею доверху, как бутылку чернилами. Никого и ничего. Лишь сонмища скелетов топорщат густые заросли ребер; из них я выжиг остатки органики, чтоб избежать гниения. Никого и ничего. Знаю и все равно ищу. Я не хочу оставаться один. Я еще никогда не был один. Это не страшно, это просто

необычно и глубоко. Хочется делать странные вещи. Включить сирену, например. Или сложить пирамиду из камней. Или читать стихи. Это успокаивает — пустота отступает на несколько шагов, как хищник от зажженного факела. Я выбираю в памяти самые древние созвучия, написанные невероятное количество тысяч лет назад, на языке, смысл которого навсегда утерян. Я не знаю, о чем они, но мне нравится их звучание. Мне нравится, как они замирают в пустоте. В этом мире слишком много пустоты. Пустота пустот и снова пустота — вот сущность этого пространства и времени. Пустота — вот бог этого мира. Пустота и тлен. И, может быть, стихи — отраженное бессмертие. Я медленно читаю стихи, написанные сотни тысяч лет назад, и в конце каждой строки слушаю, как вибрирует полированный уголь тишины.

Двадцатый век обпился крови
и в тьму отпал, как сытый змей.
Над океаном новых дней
восходит невозможность боли,
невероятность будущих смертей...

Дмитрий Казаков

ЖИВОЕ И МЕРТВОЕ

Интерлюдия 1: из доклада президента компании «Intel-Microsoft» на собрании акционеров 13 сентября 2017 г.

«Модель электронного мозга, которую компания планирует запустить в производство в следующем году, качественно отличается от предыдущих. Использование биотехнологий позволило создать искусственный интеллект, превосходящий во многом человеческий. Машине, снабженной таким компьютером, не нужны будут программист и наладчик. Электронный мозг нового поколения способен к самообучению в десятки раз быстрее, чем человек. Он обладает творческим потенциалом, конечно, в ограниченных пределах, и способен принимать решения в условиях постоянных перемен во внешней среде, гибко реагируя на изменение ее параметров. Оснастив таким электронным мозгом автомобили, заводы, поезда, мы освободим десятки миллионов людей от монотонного, скучного труда. Значительно уменьшится число аварий, обусловленных человеческим фактором...»

Чужак появился в селении Лученец, что у самых Карпатских гор, тихим осенним вечером. Среднего роста, неприметный, гладко выбритый мужчина на лошади проехал через всю деревню к постоялому двору, не вызвав к себе особого внима-

ния. Обычный дорожный костюм, в каких пугешествуют все от западных островов до восточных степей, короткий меч на поясе — без оружия в путь не пускался почти никто, — правильные черты лица. Через деревню проходила торговая дорога за горы, и чужие люди в ней появлялись нередко. Никто из селян, неторопливо бредущих по своим делам, не обратил на пришельца внимания.

Путник подъехал к трактиру, слез с лошади, забрал вьюки, отдал поводья подбежавшему мальчишке и направился внутрь. В общей зале пустынно, путников немного, а местные, что каждый вечер приходят почесать языками за кружкой пива, еще не пришли — слишком рано. За большим столом у западной стены сидели четверо, судя по запыленной, но богатой одежде и расшитым поясам — купцы. Лавку у двери занимал смертельно пьяный мужик в рванье, небритый и грязный. Кроме того, за столиком для почетных гостей поглощал ранний ужин служитель местного святилища в длинном фиолетовом, расшитом золотыми молниями одеянии. Обведя внимательным взглядом помещение, новый гость кивнул купцам, как требовал обычай дороги, дождался ответных кивков и неспешно направился к стойке.

Хозяин прекратил копаться в шкафу и с любезной улыбкой развернулся к вошедшему, но под завораживающим, змеиным взглядом трактирщику стало очень не по себе, улыбка быстро пропала с розовощекой физиономии. Гость шел мягко, неслышно, легко переливаясь из шага в шаг, и еще что-то странное, чего не должно быть у нормального человека, привиделось хозяину в его облике. Но только когда тот подошел, сел на табурет, положил вьюки и поднял взгляд, трактирщик понял, что было не так в посетителе: глаза, такие глаза, каких не бывает у людей, каких не должно быть у нормальных людей. Глаза вошедшего не имели зрачков и белка, их заливала яркая, насыщенная, как в яичном желтке, желтизна. Казалось, что солнце светит сквозь глаза сидевшего перед ним существа, светило, которое не слепит и не греет, спокойное и холодное. Мысли в голове хозяина разбежались всполошенными тараканами, и он понял, кто сидит сейчас на табуретке и с усмешкой наблюдает за испугом. Люди (или не люди?) с такими глазами появлялись в населенных землях нечасто. Вреда они никому не причиняли, пользу приносили заметную, но все необычное

вызывает страх и отвращение, поэтому Разрушителей не любил никто. «Разрушитель, спаси нас боги!» — с ужасом подумал хозяин и внимательнее пригляделся к сидящему перед ним человеку (человеку?). На лбу у того была очень тонко, очень искусно сделанная татуировка, изображающая третий глаз над бровями. «Ну да, точно, он самый», — судорожно думал хозяин, пытаясь унять дрожь в руках. Когда это получилось, он нашел в себе силы спросить:

— Чего подать?

— Пива, — ответил гость и отвел взгляд в сторону, перестав мучить хозяина беспощадной желтизной.

Пока гость пил, трактирщик упорно отводил глаза в сторону, стараясь не смотреть в лицо посетителю, и столь истово шептал про себя молитву от злых духов, что пропустил следующую фразу гостя.

— Что-что? Извините, господин, не расслышал, — виновато забормотал он, опасливо глядя на посетителя.

— Как мне найти старосту? — повторил чужак.

— Лучше подождать здесь. Сейчас он на работах, но они уже скоро закончатся, и он придет сюда.

— Ладно, — не стал тот спорить, — я подожду там. — Он указал на небольшой стол в самом темном углу. — А вещи мои пусть отнесут в свободную комнату. Ведь у вас есть свободные комнаты? — Холода от улыбки нового постояльца хватило бы, чтобы заморозить небольшой пруд.

— Конечно, конечно, есть. Эй, Йожеф, отнеси вещи в пятую комнату. — Выскочивший из кухни мальчишка подхватил выюк и умчался вверх по лестнице.

— Пусть мне принесут поесть. Что там у вас готово? Рыба? Пусть будет рыба. И еще пива. — Табурет перед хозяином опустился, а на стойке очутилась большая серебряная монета.

Разрушители, охотники на нежить, появились в этом мире вскоре после Катастрофы, когда нежити было еще очень много. Приходили они с севера, с острова Рюген, на котором жили обособленной общиной, не допуская к себе чужаков. Как они там появились, как живут и чем занимаются, не знал никто, поэтому легенд и баек о Разрушителях было очень много. Говорили, что бороться с нежитью они начали в те далекие времена, когда она еще верно служила людям, когда жизнь была совсем не такой, как сейчас. Рассказывали, что их послали на

землю боги в помощь людям, разное болтали. А они приходили, делали свое дело и уходили, не забывая забрать плату.

Интерлюдия 2: из протокола заседания совета директоров компании «Ford Motors» 26 марта 2025 г.

«Переход на новый тип двигателя позволит избавить потребителей от диктата производителей бензина. Мы избавим мир от загрязнения выхлопами, улучшим, таким образом, экологическую обстановку. Топливом для нового двигателя могут служить любые органические вещества, так что будет решена проблема бытовых отходов, не нужны станут больше свалки, мусороперерабатывающие заводы. Экономические параметры проекта...»

До прихода старосты новый гость управился с большой тарелкой жареной рыбы и теперь сидел, смакуя густое темное пиво. К этому времени в трактире начали собираться завсегдатаи, зал наполнился народом, жрец закончил трапезу и ушел, мужичонка у дверей очнулся от сна и пропал в людской толчее.

Столы постепенно заполнялись. Когда за окнами стемнело, пустые места остались только в центре зала, в трактире появился староста. При виде пожилого, но все еще крепкого мужика с хитрыми темными глазами галдящая толпа посетителей ненадолго примолкла, а трактирщик лично понес к центральному столу кувшин пива и поднос со снедью. Разрушитель знал обычаи и поэтому не стал спешить. Трактирщик что-то шептал на ухо старосте, тот слушал и кивал головой, не забывая жевать и прихлебывать пиво из кружки. Только когда староста отодвинул от себя тарелку, откинулся на спинку стула и с удовлетворением вздохнул, желтоглазый поднялся и, оставив на столе монету, двинулся через зал. Взгляды, наполненные любопытством и страхом, мгновенно обрушились на него со всех сторон, новости в голове у трактирщика держались крайне плохо. Разрушитель не обратил на любопытных внимания, он давно привык к тем чувствам, что вызывал у людей. Староста тоже глядел на него, прямо в лицо, прямо в желтые омуты глаз, но в его взгляде почти не было страха, только любопытство. Чужак подошел, поклонился и молча за-

катал левый рукав. Обнажившееся предплечье было украшено глубоко выжженным рисунком — молот, крушащий странное зубчатое колесо. Татуировка на лбу, глаза и клановый знак на руке — именно по этим признакам узнавали Разрушителя по всему населенному миру, от северных фиордов до теплого южного моря.

— Садись, потолкуем, — кивнул староста и обвел помещение неожиданно потяжелевшим взглядом. Все любопытные тотчас же отвернулись, разговоры зазвучали вновь.

— Вы меня звали, и я пришел, — выговорил гость ритуальную фразу, садясь и опуская рукав. — Меня зовут Марк.

— Имя-то у тебя вроде западное, а не северное? Странно. Ну да это не важно. Меня зовут Кремень, я здесь староста уже десятый год, а о тебе никогда ничего не слышал. Два года назад на севере заглот объявился, так тогда в Крупину другой приезжал, кажется, Димитр его звали.

— Раньше я работал на юге. Так в чем у вас дело? Разрушителя ведь просто так, для охоты на медведей, не приглашают.

Да, приглашать Разрушителя просто так, для собственного развлечения, вряд ли решился бы даже кто-нибудь из правителей западных и южных государств, не говоря уже о простых селянах. Тот, кто пытался шутить таким образом, обычно вскоре умирал, быстро, но весьма мучительно. Поэтому к услугам Разрушителя прибегали только в одном случае — когда появлялась нежить. Способ вызова был до крайности прост, хотя для обычных людей совершенно непонятен. Почти на каждом крупном перекрестке с незапамятных времен стоят деревянные столбы, за сохранностью которых тщательно следят местные жители. На каждом таком столбе висит деревянный ящик с прорезанной в верхней стенке узкой щелью, в которую и нужно опускать пергамент с названием селения, где требовалась помощь. Неделию назад староста лично ездил с таким посланием к ближайшему столбу, и вот, спустя всего семь дней, перед ним сидит тот, кого они ждали.

— Месяц назад объявился — метун. Откуда взялся, непонятно, места у нас тихие, ни Могильников, ни Руин в округе нет, леса да поля. А тут выскочил из леса на поле, там девки как раз работали, кинулся на них, трех убил и сожрал, посеvy попортил. — Староста скривился в досаде. — На работы теперь только с алебардами да топорами и ходим, одни работа-

ют, другие сторожат. Пробовали мы его в ловушку заманить, как пять лет назад в Быстрице сделали, так он к нашей яме с кольями и близко не подошел, развернулся и умчался. А на оружных он не бросается, посевы потопчет — и в лес. После первого нападения еще пятерых задавил, скотина!

— Все ясно, — кивнул Марк, — сколько платите?

— Две сотни, — сморщился староста, словно полынь в рот попала.

— За метуна? Две сотни? Не меньше трех.

Сторговались, к обоюдному удовольствию, на двухстах семидесяти.

— Завтра утром проводите меня туда, где его видели в последний раз, а сейчас мне пора отдохнуть. — Марк поднялся и неспешно направился к лестнице. Посетители провожали его взглядами и на этот раз, но он не оглянулся, он привык.

Интерлюдия 3: из доклада европейского комиссара по вопросам религии Европарламенту 19 апреля 2037 г.

«Религиозное объединение «Разрушающие» было создано пятнадцать лет назад и к настоящему моменту насчитывает более десяти тысяч членов. Десять лет назад секта выкупила во владение обезлюдевший остров Рюген и создала там свое поселение. Транспортная связь с островом нерегулярная, поэтому живут они в значительном отрыве от остального мира. Основой их верований является положение о том, что весь мир находится в тайной власти думающих машин. Люди стали рабами машин и скоро станут им совсем не нужны. Скоро машины наберут такую силу, что выступят против людей в открытую. Чтобы предупредить гибель человечества, Владыки мира, Боги избрали их, Разрушающих. На острове они не пользуются никакими достижениями цивилизации и готовятся к тому часу, когда им придется вступить в схватку с машинами. Для подготовки к войне все мужское население острова проходит жестокое пятнадцатилетнее обучение, начиная с семилетнего возраста. При этом, насколько удалось выяснить, используются методики боевых искусств, медитации, обучение магии. По завершении обучения каждый из учеников проходит

через Трансформацию. Что это такое — узнать не удалось. Но я лично видел нескольких трансформированных. Из внешних отличий от обычных людей удалось заметить только странности в строении глаз. В них отсутствует зрачок и белок, а радужка расширена и окрашена в желтый, зеленый или голубой цвет...»

Утро выдалось холодным и солнечным. Марк, староста и еще несколько хмурых обитателей села Лученец стояли на краю поля, на котором когда-то росла рожь. Теперь оно было перепахано, как будто кто-то катался по нему на огромной телеге, колосья поломаны, урожай потерян.

— Здесь он напал в первый раз, и здесь же его видели позавчера, — рассказывал Кремень, ежась на холодном утреннем ветру.

— Велик ли он? — Голос Разрушителя был спокоен.

— Да не мал. Локтей пятнадцать в длину, пять в холке.

— Это не лошадь, — машинально поправил его Марк, — это нежить, и холки у нее нет. — Разрушитель поднял взгляд на старосту. — Для того чтобы справиться с ним, мне понадобится один или два дня. Если он убьет меня, то вы знаете, что делать с телом, и вы знаете, что будет с вами, если вы поступите неправильно.

— Знаем, знаем, — закивал Кремень, — в ящик еще один пергамент опустить, с твоим именем, а тело и вещи хранить, пока ваши не приедут.

— Все верно. А теперь возвращайтесь в деревню, ждите меня два дня. Если я не вернусь, тогда ищите мой труп.

Крестьяне ушли. Марк еще немного постоял, глядя на разоренное поле, затем начал быстро раздеваться. Под верхней одеждой оказался сплошной темный костюм, на котором совсем не было заметно пуговиц. Он плотно облегал тело, не сковывал движений и, судя по всему, был достаточно теплым для ранней осени. Из прежнего облачения Разрушитель оставил только мягкие легкие сапоги. Он свернул одежду, тщательно запаковал ее, перенес в рощу около поля и спрятал там. После этого уселся прямо на траве, странно скрестив ноги, и застыл посреди леса безмолвным черным изваянием, почти прекратив дышать.

Мысли гасли одна за другой, оставляя после себя горячую пустоту. Когда сознание очистилось совсем, он ощутил свое тело целиком, почувствовал каждый мускул, каждый орган по отдельности и все вместе. Отстроившись от ощущения себя, Марк ощутил силу Земли, могучий поток энергии пронизывал снизу вверх, наполняя тело уверенностью и покоем. Чуть позже пришло время принять силу Неба — легкое, струящееся прикосновение скользнуло от макушки по позвоночнику, неся чистоту и ясность. Встреча двух потоков произошла, как и полагается, между бровями. Над переносицей немилосердно жгло, казалось, что клубок огня ворочается внутри головы, стремясь разорвать ее. Когда огненный шар лопнул в голове неожиданно холодным пламенем, которое растеклось по телу, ритуал обретения ясности закончился, наступило время действовать.

Марк медленно открыл глаза. Мир стал живым, ярким и текучим, его наполняли свет и энергия. С неба падал серебристо-голубой поток силы Неба, навстречу ему бурой дымкой поднималась сила Земли. Траву и деревья окружали колышущиеся облака зеленого цвета разных тонов. Среди зеленого буйства леса мелькали оранжевые и красные сполохи мелких животных и птиц, маленькими бледно-желтыми облачками носились насекомые. След, оставленный нежитью, теперь был хорошо виден: на разноцветном фоне излучений жизни четко выделялась полоса мертвенно-серого цвета, полоса, оставленная существом, которое никогда не было живым. Марк поднялся на ноги; тело было легким и быстрым, как ветер, гибким и текучим, как вода, и отзывчивым, как зеркало. Качества восприятия и движения, которыми обладал Разрушитель в боевом состоянии, были присущи ему и в обычной жизни, но в весьма ограниченном объеме. Теперь же он мог бежать со скоростью лошади много часов подряд, уменьшать массу тела, перемещаясь по болоту или веткам, ощущать движения противника за десятки шагов. Через миг черная молния скользнула в лес, не колыхнув ни единым листком. Слуховое восприятие Марка обострилось: он слышал, как неподалеку мышкует лиса, слышал, как сонно возится в дупле филин, как путешествует по полю еж. Доступны стали его слуху чудесные песни небесных духов, Живущих в Ветре, шепот деревьев, глухой рев духов подземелий, тех, что Бродят под Твердью. Он бежал,

скользил по следу нежити среди запахов осеннего леса, запахов прелых листьев, мокрой древесины и увядающих трав. След петлял по широким полянам и просекам, постепенно усиливаясь, мертвенно-серое сияние наливалось яркостью. Когда след стал очень силен и Марк уже услышал далеко впереди мягкое урчание, с которым перемещается нежить, то побежал осторожнее, хоронясь за деревьями и кустами. След вывел его на широкую просеку, полоса серого сияния уходила дальше по ней. Марк лег и пополз по просеке, почти не колыша высокую траву. Кусты малины, изобильно разросшиеся здесь, помогали ему пока скрываться от противника. Урчание становилось громче и громче, вскоре к нему добавился шелест травы под лапами твари. Именно в этот момент, прикрываясь особо разлапистым кустом, Марк рискнул поднять голову.

Солнце уже перевалило зенит и теперь весело играло яркими бликами на странно гладкой серебристой шкуре (или панцире?) чудовища, на прочной оболочке порождения холодной тьмы сгинувших веков. Метун был достаточно велик: пятнадцать локтей в длину, пять в высоту; голова с огромными немигающими глазами не имела шеи, вырастая прямо из плеч, четыре странные круглые лапы прятались под туловищем. Метун медленно двигался по просеке, удаляясь от Марка. Перевернувшись на спину, Марк сложил руки в сложную фигуру, напоминающую уродливую рогатую голову. Такое положение рук носило название «Голова Дракона» и позволяло быстро накопить в руках большой заряд энергии. Уязвимые места нежити были хорошо упрятаны под толстым панцирем, который эффективно рассеивал энергию, и импульса, которым можно было свалить медведя или лося, могло не хватить, если удар окажется даже чуть-чуть неточным. Первый удар поэтому бывал всегда пристрелочным, он позволял Разрушителю как бы осветить для себя внутренности твари, увидеть ее слабые места, в которые нужно целиться. Постепенно руки потеплели, налились тяжестью, вокруг них запульсировала, постепенно густея, багровая дымка. Марк легко встал на ноги, не размыкая рук и почти не скрываясь, побежал к нежити. До противника было около шестидесяти локтей, а атаковать дальше, чем с тридцати, было бесполезно. Метун обнаружил человека мгновенно — глаза у него были и на голове, и на задней части туловища, не разворачиваясь, ринулся навстречу, набирая скорость. Расстояние стремительно сокращалось. Не останавлива-

ясь, Марк сделал руками резкое движение к себе, как бы страхи-
вая с них что-то, багровая капля сорвалась с кистей. Спустя мгнове-
ние она размазалась по панцирю, вспыхнула ярко и осветила
то, что было внутри у нежити, — спутанные сочленения уродли-
вых суставов, ящик мозга и уродливый клубок сердца. Мгновен-
ный рывок в сторону — огромная туша пронесится рядом, обдав
волной теплого воздуха и запахом нагретого металла. Укрывшись
за толстой елью, Марк заново сложил руки, готовясь к смертель-
ному выпадку. Рев — треск кустов, и ель содрогнулась от мощно-
го удара; метун все же обнаружил убежище. Второго удара дере-
во не выдержало и с жалобным треском рухнуло, но Разрушителя
под ним уже не было, он успел перебраться глубже в лес. Метун
потерял человека и, остервенело урча, кружил между деревьями,
пытаясь обнаружить ускользнувшую добычу. Но на этот раз Марк
ударил первым — точно в сердце твари. Сконцентрированный
луч энергии пробил панцирь, монстр остановился на полном ходу,
урчание внутри прекратилось, глаза погасли. Немного выждав,
Марк двинулся к неподвижному телу. Только опыт и великолеп-
ная реакция спасли ему жизнь, рывок ожившего монстра был
стремителен и беспощаден. «Не хватило силы удара», — думал
Марк, взлетая в высоком прыжке. Тварь была вновь жива — ур-
чание оглашало лес, глаза светились, лапы рыли землю, энергии
хватило лишь оглушить, но не уничтожить ее. Несколько рывков
на предельной скорости — и Марк залег за кустами малины, а
потерявший его метун с раздраженным ревом мечется по просе-
ке. Марк как белка взлетел вверх по стволу сосны, в тот же миг
малина была безжалостно смята пронесшимся по ней чудови-
щем. Руки в этот раз он держал сцепленными до тех пор, пока их
не начало трясти, нестерпимый жар бежал по предплечьям, зас-
тавляя сердце обезумевшей птицей колотиться в клетке ребер,
моля о снисхождении. Спихнув ногой на землю заранее приго-
товленный сук, Марк приготовился атаковать. Момент — и глад-
кий блестящий горб оказался прямо под ним. Он едва не закри-
чал от боли, сбрасывая с рук пышущий жаром комок, но удар
достиг цели. Метуна просто разорвало на части. Взрывная волна
мягко сдернула Марка с ветки и швырнула в сторону, в перепле-
тение ветвей. Пришел в себя он к вечеру, немилосердно болела
голова от удара, тело было слабым и вялым — потратил очень
много энергии, в правой икре торчал кусок панциря уничто-
женного чудовища. Обработав рану, Марк встал и, преодолевая
слабость, пустился в обратный путь.

Интерлюдия 4: из ленты новостей «Euronews» 24 июля 2040 г.

«15.07 — прервалась связь по всем каналам с Кельном. Последним сообщением, прошедшим через Сеть, было «Машины сошли с ума...»

Погода стояла ясная, восходящее солнце бросало неяркий свет на вырядившиеся в желтый осенний цвет деревья. На лесной просеке, около сломанной сосны, стояли двое: пожилой, но еще крепкий крестьянин с роскошной окладистой бородой и молодой, гладко выбритый мужчина с солнечно-желтыми, усталыми глазами. На земле виднелась уродливая черная проплешина, кругом были разбросаны искореженные куски металла.

— Железо, ничего живого. Да и железо странное какое-то. Не думаю, что наш кузнец знает, что это за железо такое, — говорил бородач, вертя в руках блестящий кусок панциря.

— Вы довольны? — Голос ответившего тих и слаб, как после долгой болезни.

— Да. Деньги готовы.

— Остатки этого, — Марк обвел рукой просеку, — соберите и хорошенько закопайте.

— Хорошо, хорошо, так и поступим, — закивал староста, — и за что нежить так людей ненавидит?

— Есть за что. — Слова выходили из горла с трудом, с шипением, как воздух из дырявых мехов. — Люди их создали. Давно, еще до Катастрофы. А потом стали уничтожать. Вот они и отвечают. Кроме того, им нужно мясо для того, чтобы жить, а человека и его животных легче всего поймать и съесть.

— Да, страшные вещи вы говорите. А это что такое? — На куске металла в руках бородача красовалась трехлучевая звезда, вписанная в круг.

— Это клеймо. Как сельский кузнец ставит клеймо на созданный им плуг, так и маги прошлого клеймили свои творения.

— И как же звали того, кто создал эту мразь?

— Его звали Мерседес. — Налетевший ветер подхватил чуждое, непричастное яркому живому миру слово, разорвал его на тысячи кусков и швырнул в траву, туда, где уже лежали обломки чужеродного, ненужного миру творения рук человеческих.

Ян Разливинский

УПА!

...Есть у нас молодой начальник смены, по фамилии Морошкин, а по имени Адольф. Чем он таким достал родителей в первые дни своего существования — даже представить не берусь, но, видимо, повод подарить ему именно такое имечко нашелся. Вот этот самый Адольф и взял меня на «слабо». Он накануне махнул пятьдесят кэмэ на лыжах и целый день до всех в цеху докапывался: а слабо махнуть со мной марафонец? А слабо? Достал всех, как маму-папу во младенчестве. Он и ко мне подкатил: а слабо, Михалыч? Ну, я ему и брякнул: а не слабо, Адольф.

Ну-ну, говорит он — и оглядывает с головы до ног, как сержант новобранца. Салажанок. Думает, я всю жизнь аппаратчиком вкалывал и, кроме цеха нашего занюханного, ничего не видел. А меня, между прочим, знала сама Клавдия Боярских, королева Инсбрука. Ну, кто помнит такую? Э, темные, хилые люди. Клавдия тогда на зимней Олимпиаде три золотые медали разом взяла, а я в ту пору как раз ходил в подающих надежды, так что мы с Клавдией то и дело сталкивались. Свердловчанка, между прочим, землячка.

Может, и у меня бы на кухне «золото» висело — кабы лодыжку не сломал. Случилось это накануне очередной спартакиады. Доктора меня на ноги поставили быстро, да только на соревнованиях я даже в первую пятерку не попал — и тренер

решил, что надежды я уже не подаю. Так что в большой спорт я не вошел, хотя около дверей все-таки потоптался. Да и жила спортивная осталась на всю, как говорится, последующую... Хотя о том периоде мало кто знает. Так, друзья... Вот вам сейчас рассказал. А Морошкину по имени Адольф я бы и за стаканом не обмолвился, потому что он пижон. Студентами мы пижонов били.

Ладно, Михалыч, сказал юный Адольф, подтруливай в субботу в парк, посоперничаем. Представляете, он меня хотел по парку гонять! Знаете, есть у нас такой, типично заводской, трудовой культуры и рабочего отдыха, с белеными мужиками в касках, толстоногими крестьянками со снопами себя чуть шире и фонтаном, где центральная фигура раздирает пасть непонятно кому, быть может, судя по общей рабочей тематике, своему токарному станку.

Нет уж, говорю, товарищ начальник, сражаться так сражаться. В чисто поле выйдем, на целину. И пойдем не пятьдесят, а шестьдесят восемь километров, и молодые выгуливающиеся мамыши глаза на нас, сильных и красивых, пялить не будут.

Ну-ну, сказал Адольф, нисколько не пугаясь, и отвалил с видом несокрушимого превосходства.

Пижон.

Участочек я действительно имел в виду хороший, можете следом сходить. Доезжаете на электричке до Усть-Кучумки и прямо от станции строго на запад, держа по левую лыжу старую шоссейку. От Усть-Кучумки до Полозова, где вторая ветка проходит, как раз и наберете шестьдесят восемь кэмэ, побольше, чем хваленая марафонская дистанция.

Лыж я в ту зиму еще не касался, грешен. Правда, они у меня всегда ухоженные, как лошадки у доброго жокея. Ремни и крепления касторочкой хорошенько пропитаны, деревяшечки отшлифованы. Они у меня лет пятнадцать уже — и все как новенькие.

А у Адольфа лыжи... Мечта спортсмена: финские, гоночные. Как говорится в одной рекламе и по другому поводу, бешеных «бабок» стоят. Впрочем, если по уму разобраться, и мои старички — made in USSR — не хуже. Тут ведь мазь многое значит. Как подмажешь, так и поедешь. Мазь у меня, между прочим, тоже отечественная, обычный «Темп». Ну так и что? Снег — он ведь тоже не импортный, наш, российский. Его, кстати, не выпадало уже с неде-

лю, и чтобы идти по старому, я не поленился, заново промазал лыжи в несколько слоев, растирая и разравнивая мазь пробкой, а потом просушил их феном и на пятнадцать минут выставил на балкон охладить — все как в старые добрые времена. Да у меня и азарт объявился такой же, словно соревноваться я буду не с начальником смены по имени Адольф, а сугубо капиталистическим негром-спринтером Мамбасой.

Перед стартом по старой привычке пару аскорбинок в рот закинул.

— Допингом балуешься, Михалыч, — констатировал соперник Адольф и усмехнулся, — ну-ну...

Пошел он, кстати, хорошо, сразу метров на тридцать оторвался — как будто не сам пошел, а послали его. А я сразу рвать не стал, не лось, однако. Двинул широким накатом, спокойненько, разогревая мышцу. Кругом — сплошная красота, как в том анекдоте известном: налево глянешь — мать твою! Направо глянешь — т-твою мать!!!

Соперник Адольф поначалу все оглядывался — не затерялся ли я за линией горизонта? А я на удивление все время за спиной висел, неотвратимый, как возмездие. Через час парек-то при оглядке ухмыляться перестал — может, до него что-то доходить стало? Попробовал было темп поднять, да только и я палками сильнее зашуровал, мне-то не впервой. Вижу, оглянулся мой Адольф, брови лебединые изогнул да опять притормозил. Смирился, видать.

И пошли мы с ним ровно, как Кастор и Полидевк, близнецы-братья, царствие им небесное, античным героям. На третьем десятке притормозили отдохнуть. Я первым делом в карман за рафинадом полез, а Адольф давай снег харчить, что почище. Салага все-таки.

— Не ешь ты снег, — посоветовал ему. — Снегом не напьешься, только сильнее захочется. Минеральных солей в нем всего ничего, а мы — люди-человеки, чтоб ты знал, жажду утоляем не водой, а как раз раствором разных веществ. Скушай лучше сахарок.

— Много знаешь, — пробурчал мой Адольф, но почти без иронии. — Без допинга обойдусь.

И побежали мы дальше. Соперник мой все пытался дистанцию держать, а я ему в этом пока не препятствовал.

Не гонки, а избивание младенцев. Я мог бы в любой момент обойти соперника Адольфа и только из стратегических

соображений не делал этого. Решил поваландаться с ним еще километров десять, а потом уйти вперед, да так, чтобы обо мне ничто, кроме лыжни, и не напоминало. Встретить его на станции, смиренно взглянуть в подернутые пеленой отчаяния глаза и подарить билетик на электричку. И вот иду я себе спокойно, на автомате — раз-два, левой, — а в голове неспешные мысли бродят. Я вот на весну ремонт запланировал — чем не повод для размышлений? Короче, без проблем наярываю. Еще часа три — и полный триумф советского спорта над недружественными нам Адольфами. Но не зря же говорится: не загадывай наперед.

С утра-то погодка была — тише не бывает, а вот ближе к обеду подул ветерок, и столбики термометров, повинаясь своим неписанным законам, полезли вниз. У нас ведь двум вещам нельзя доверять — обещаниям политиков и прогнозам синоптиков. Передавали минус пятнадцать по северным районам, а тут тебе уже и двадцать, и двадцать пять. Верхушки холмов размыло снежной мутью, понесло в низины. И вскоре вижу я, что дистанция меж нами раньше времени сокращаться стала. Ну, вклинилась мысль между новым унитазом и расцветкой кафеля в ванной, спекся, голубок. Снова стал он оглядываться — еще чаще, чем раньше, а рожицу заботой стянуло... Тут до меня и дошло. Я-то на гонки по-человечески снарядился, без выпендрежа, а вот Адольфская амуниция была как раз для парковых прогулок рассчитана... Дерьмо, а не амуниция, хотя и выглядит красочно. Тогда я аккуратненько его обогнал и начал уводить лыжню в сторону. Адольф меня в ведущих сразу признал, следом поколбасил.

В этих местах я был последний раз лет десять тому назад, но деревня не заяц, в сторону не отпрыгнет. Минут через двадцать, обогнув очередной холм, увидели мы три десятка дворов, сбившихся, как стадо на морозе. Я направил стопы к крайнему.

Калитку давно толком не отчищали, и открылась она с трудом. Из конуры на шум выглянула морда и твякнула, отмаргиваясь от летящего снега.

— Свои, Мухтар, свои. — Ну надо же, еще жива псина.

Старик твякнул еще раз и замолк. То ли в самом деле признал, то ли лень было пасть разевать.

Погремев в сених и грохнув в обшитую драной клеенкой дверь, мы ввалились в пахнувший живым жаром дом. И пер-

вое, что увидели, это огромного буддийского идола, восседавшего за кухонным столом. Начищенной медью сияли толстые щеки и оголенное пузо, начинавшееся там, где щеки кончались. Добрая улыбка, втиснутая между щек, никому конкретно не предназначалась. Просто Будда медитировал, сосредоточившись в отличие от своего восточного прототипа не на пупке, а на початой бутылке «Экофонда», возвышавшейся среди обильной закуски, как витязь над поверженными врагами. Возможно даже, что это была не первая бутылка, ибо на наше появление Будда отреагировал с большим опозданием. Он попытался повернуть голову, но затем решил ограничиться простым открытием глаз.

— О, — ничуть не удивился он внезапному явлению, — здорово, Серега! Садись. — И рука эпическим жестом вознеслась над столом. Должно быть, так Моисей раздвигал воды Красного моря перед толпой беглых евреев. Только у Моисея была борода и не было гавайской рубашки-распашонки.

— Погоди, Валера, — сказал я ему, — у нас тут, похоже, авария приключилась. Что у тебя от обморожения имеется?

— Водка, — ответил буддийский идол Валера, но, подумав, восстал из-за стола и полез в стоящий тут же холодильник — за мазью.

Как я и думал, соперник Адольф успел здорово обморозиться. Бегать-то он, может, и умел, а вот оберегаться не научился. Я в шестьдесят втором тоже чуть-чуть не схлопотал гангрену, но тогда мы прокладывали туристический маршрут поперек Сахалина, шли шесть дней, ночуя в чистом поле, а этот пижон чуть не лишился рук в двух шагах от квартиры. Не зря говорят: много форсу — мало толку.

Мы с Валерой усадили обмороженного меж собой и принялись перебинтовывать бледные ледяные пальцы, ведя неспешную беседу, как две пряжи за куделькой. Я вкратце поведал Валере о нашем марш-броске, опуская детали, которые могли бы травмировать молодое пижонское сердце. Валера, в свою очередь, поведал мне, что за последние десять лет он поднялся с начальника отделения до главного агронома и что судьба, видимо, чтобы уравновесить эту несомненную удачу, послала на его голову перестройку, распад СССР и торжество капитализма в России.

— Как называется теперь ваш колхоз? — поинтересовался я, переходя на Адольфовские уши.

— Прежде, если ты помнишь, — неспешно отвечал Валера, доматывая мизинец, — он именовался «Заветами Ильича», а последние восемь лет мы просто «Заветы», неизвестно чьи, так их растак.

— А какова урожайность зерновых? — вновь спрашивал я, обильно натирая белый нос нашего страдальца.

— А урожайность зерновых, опять же так ее растак, — степенно отвечал Валера, берясь за второе ухо, — неуклонно падает. Хоть сам в землю ложись...

— Чем же ты, бедолага, питаешься? — с материнской тревогой спрашивал я, игнорируя пищевое изобилие на столе.

— Мясо есть приходится, — с тоской отвечал Валера. Видимо, в этом в немалой мере также заключались тяготы его сельской жизни.

Тут мы закончили спасать Адольфа и приступили к основной части встречи. Валера разлил по стаканам остатки и, чтобы мы не сомневались в его гостеприимстве, тут же извлек из холодильника новый «Экофонд». Все действия он проделывал не вставая, с помощью одних лишь рук — видимо, эти операции были отлажены давно и надежно. В этом узнавался прежний Валера, с которым мы учились в политехе, — он всегда любил комфорт и несуетность.

После второго стакана обмороженный Адольф расслабился и стал понемногу клевать обмороженным носом. Чтобы развлечь гостя, Валера принялся рассказывать эпопею о том, как он, окончив политехнический, стал агрономом. Эпопея повергла Адольфа в еще большую сонливость, и третий стакан он уже пил, как пьют теплое молоко перед сном дети, — в блаженном полуобморочном состоянии. Мы удобно сдвинули Адольфа в угол и продолжили общение. Когда не видишь человека десять лет, трудно уйти от общих фраз типа «ну как ты?» и общих ответов типа «нормально», но мы быстро перешли на частности и детали, и я не раз пожалел, что столько лет откладывал встречу с давним другом.

Тут в окно скребнули. Я оглянулся и успел заметить коготь, прочертивший бороздку по белоснежной корочке льда.

— Глянь-ка, какой морозище, даже Мухтар в дом просится.

Валера почесал плешку, неуклонно отвоевывавшую жизненное пространство у редящей шевелюры, как Сахара у африканского континента.

— Это не Мухтар, это Сабир пришел.

Тяжело вздохнув, Валера вставил ноги в пимы и, как был, в рубашечке-распашонке, исчез в сениях. Оттуда раздалось нечленораздельное карканье гостя и зычный глас хозяина:

— А ты надфиль-то принес? Надфиль я тебе давал, зараза нерусская!

В ответ снова каркнули.

Адольф открыл один глаз. — Наверное, чтобы лучше слышать.

— Там что? — вяло спросил он.

— Там Сабир пришел, — сказал я.

— А-а, — сказал Адольф и, удовлетворенный, отключился.

Я поднялся, кинул в рот обрезок сала и тоже вышел в сени. Мало ли что там за Сабир. Может, боевик какой-нибудь, террорист с большой дороги.

В сениях, на широкой скамье у окна, между двумя листами с замороженными пельменями и картонной коробкой непонятно из-под чего, сидел, свесив до пола щупальца, осьминог. Большоголовый, с выпученными совиными глазами под складочками бровей. Осьминог был старый, а может, просто пренебрегал физкультурой — такой у него был нездоровый вид.

— Земле капец, — почти без акцента сварливо сказал осьминог, глядя на меня исподлобья. Я дожевывал сало.

— Это Сабир, — сказал Валера, — марсианин, так его ити. Ты надфиль почему не принес, я же тебе говорил.

Марсианин угрюмо смотрел на Валеру.

— Паяльник мне самому будет нужен, — сказал Валера, — мне Генка обещал телевизор починить, а то сижу в хате, как вы в своей железной бочке, власть сменится — не узнаю.

— Завтра принесу, — угрожающе сказал марсианин. То ли он не мылся, то ли вспотел — аммиачный запах стоял, как на скотоферме. Валера как истинный сельский житель этого не замечал, но мой тонкий городской нюх продирало как тем самым надфилем.

— Сейчас принесу, — вздохнул Валера.

Я остался с марсианином один на один, тупо дожевывая сало. Передо мной сидел представитель внеземной цивилизации, шевелил щупальцами, а я не знал, что ему сказать.

— А зачем вам паяльник... Сабир?

Взгляд, все еще устремленный в ту точку, где минуту назад стоял Валера, медленно переместился на меня.

— Земле капец делать, — зловеще сказал марсианин.

Я чуть не подавился шкурочкой.

— Чего?

— Землянин? — в свою очередь спросил гость планеты. Я кивнул. — Земле капец.

Вернулся Валера с паяльником, бутылкой и тремя стаканами. Марсианин ловко перехватил все добро в свои щупальца и разлил. Я впервые узрел, как пьющее существо может разом, на весу наполнить три стакана. Человеку такого не повторить.

— В избу не пускаю, — пояснил Валера, — вони от него много, Маша потом ругается.

Он достал из-под какой-то тряпицы шмат сала, соскреб соль, отполосовал три куса и раздал присутствующим. Марсианин поднял свой стакан. Мне показалось, что это, блин, — самая торжественная минута в истории человечества.

— Земле капец, — снова провозгласил он.

— Смотри не подавись, — дружелюбно сказал Валера, поднимая в ответ свой, — ты, Сабир, блин, паяльник мой не заиграй, ладно? Гена завтра придет.

— Жалко мне их, забубенных, — сказал он вдруг с пьяной российской слезливостью в голосе. — День и ночь на морозе или в железяке своей. Как только их, бедолажек, Кондратий марсианский до сих пор не обнял.

Я опять чуть не подавился шкуркой.

— Так их что, много?

— Да не так чтобы... Человек десять, что ли. Сколько вас, Сабир?

— Тайна, — ответил Сабир, без разрешения наполняя свой стакан.

— О, — сказал Валера, — военный человек, уважаю. Ты нам-то налей, полковник.

Марсианин налил и нам.

— Слушай, — вспомнил вдруг я, — а ему же не должно быть холодно. Если он с Марса, так там летним днем — что у нас в Оймяконе в январе.

— Честно? Во блин! А я ему в первый раз чуть свои ватные штаны не отдал! — заржал Валера и тут же вновь стал серьезным. — Сиреневый, а ты чего молчал? Спиртягу жрал и помалкивал! Я думал, ты греешься.

— Земле капец, — универсальной фразой ответил марсианин.

— У, музыкальная шкатулка, заладил «капец» да «капец», завоеватель хренов.

— Пойду домой, — сказал марсианин, сползая с лавки.

— Стакан оставь, — напомнил Валера, — и паяльник, паяльник принеси! Вместе с надфилем!

— Как штык, — поклялся чужеземец.

Мы снова устроились за столом на теплой кухне.

— И вот ведь что, — сказал Валера, разгоняя по стаканам новую порцию. — Умные, бродяги, не поверишь! Прошлой весной один ихний механик нам двигатели от тракторов перебирал, да так, что за всю посевную ни одной поломки не было!

— Погоди, — сказал я, — а как они вообще у вас очутились-то?

— Чудак, — сказал Валера, сосредоточенно отлавливая в тарелке юркий масленок. — Ты что, Уэллса не читал? «Война миров». Там же все прописано.

— Подожди-подожди-подожди! Какой такой Уэллс? Это же фантастика!

— Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, — авторитетно сказал Валера. Ему надоело тыкать вилкой, и строптивый масленок переключался в разверстую пасть посредством пальцев. — Я там у них был. Все как у господина Уэллса: упал снаряд офигительных размеров, а внутри команда из осьминогов. Ты заметил, что они на осьминогов похожи?

— Валера, я на память никогда не жаловался. В одна тысяча восемьсот девяносто четвертом году земные астрономы наблюдали десять вспышек на Марсе — так написано в романе. Десять вспышек. Сто с лишним лет назад. В фантастическом романе. А ты мне гонишь про живых марсиан.

— Ты сто лет назад жил? И я не жил. Может, все это и было. Может, Уэллс на заказ этот роман написал, чтобы дезинформировать мировую общественность. Он ведь тогда кто был? Суперпопулярный фантаст — ему и карты в руки. После «Войны миров» если бы что и просочилось, любой бы решил, что речь идет о романе, а не о реальных событиях. Соображаешь? А что касаемо вспышки... Была одиннадцатая... — сказал Валера так, словно сам ее видел. — Только у этих бедолаг что-то не заладилось, и они тот раз пролетели мимо Земли. Представляешь, сто лет в своем снаряде парились, пока он до Плутона не долетел и обратно не повернул. Ну, как комета какая. Ты, если умный такой, прикинь на бумажке, все и совпадет. Ну вот. А в прошлую зиму, уже в феврале, когда таять начало, они в завалихинскую рощу и упали. Броси-

лись было нас завоевывать — да куда им, пенсионерам. За сто лет все оружие поржавело, треножки не двигаются. Вот они и ходят — то к нам, в Рождествено, то в Завалиху. Инструмент кланчат, гайки всякие таскают, все хотят починиться да Землю покорить. Мы тут с мужиками уже кумekali, может, позвать их главного к себе председателем, пока завалихинские не догадались переманить. Их старшой-то головастый, не то что наш нынешний...

— Они же не колхозники.

— Ты че? — удивился Валера. — Примем, долго ли. Свой пай техникой внесут. Она хоть и устаревшая, но все равно лучше, чем у нас в колхозе. И механик у них классный.

— Погоди. — Я попытался вспомнить какой-то аргумент против, но, кроме уже звучавшего «Земле капец», ничего сформулировать не мог. — Они же поработят вас.

— Напугал, — шумно вздохнул Валера, — нас и без этих бедолаг уже давно поработили всякие... Эх!

Мне это «эх!» тогда многое сказало, хотя спроси меня сейчас, чем оно так проняло, — не объяснил бы. Я тоже пригорюнился.

— А чего ты его Сабиром звал?

— Да знаешь, — прочесал плешку Валера, — у нас три года назад шабашники работали, на школе. То ли с Абхазии, то ли с Грузии. Так у них бригадир был точно как этот — такой же угрюмый, глазастый. И клюв такой же. Сабиром звали. Посидим еще? — с грустной надеждой закончил он. — Скоро моя придет — как у соседей телевизора намотрится. Постелит вам.

— Посидим, — послушно согласился я, косясь на сладко спящего Адольфа, а Валера полез в холодильник.

...Было уже около полуночи, когда меня потянуло на поиски удобств. Я накинуд на плечи Валерин полушубок, тяжелый, как рыцарская броня, и вышел во двор. Во дворе было тесно от сугробов и густых теней. Снежные шапки лежали на высокой поленнице, на груде жердей, на коробе с углем. Я стоял и курил, не чувствуя по-марсиански крепкого мороза. Пар и дым стремительно уносились вверх, в темное небо, густо забрызганное, как побелкой, каплями звезд: словно само Мироздание таким вот образом напоминало мне о неизбежности скорого ремонта. Я пошарил по темноте и нашел Марс. Он висел низко над горизонтом, глядя на меня круглым, глупым петушиным глазом. Мы долго разглядывали друг друга, а из рощи за селом, вперемежку с сонным перебором собак, изредка раздавалось глухое уханье, еле слышный, бередящий и тоскливый-тоскливый клич марсиан:

— Улла! Улла!

Олег Овчинников
ПРОБЛЕМЫ С ЭТИМ... КРАСНЫМ...
КОТОРЫЙ ВО РТУ!

— Ы-ы-ы-ы-ы-ы!

Бледный космодесантник Редуард Кинг обернулся на голос и сам не поверил собственной удаче.

В пяти шагах от него прямо в придорожной пыли сидел лингуампир и явно хотел общаться.

— Ы-ы-ы-ы! — повторил он и потыкал большим пальцем в середину своей лицевой повязки.

Редуард поспешно сошел с дороги.

— Пить? — спросил он и с запозданием отметил, что от волнения забыл задействовать транслитератор. Впрочем, в данном случае необходимости в переводе не возникло.

— Пить, пить! — отозвался лингуампир на чистейшем русском, даже без акцента, и для пущей убедительности немного покивал головой.

«Вот так, — подумал Редуард, — мой родной язык постепенно становится интерпланетным...»

— Держи! — Он отстегнул болтавшуюся на поясе фляжку с водой и протянул ее лингуампиру.

Пока тот утолял жажду, Редуард еще раз поздравил себя с неожиданной удачей и мысленно потер руки. Сделать то же самое физически он не рискнул: установление первого кон-

такта — процедура весьма тонкая и ответственная, любой неосторожный жест или не к месту сказанное слово может насторожить собеседника и свести на нет результаты всех предыдущих усилий.

И все-таки — какая удача! Пользуясь тем, что инопланетянин в данный момент не смотрит на него, Редуард позволил себе улыбнуться.

Эта планета, четвертая в системе теты Квадриги, пока не имела официального названия. Редуард Кинг про себя окрестил ее Редуардой — честолубие здесь было вовсе ни при чем, просто... надо же ее как-то называть. В конце концов, история знает несколько случаев, когда планету назвали по имени первого высадившегося на ее поверхность контактера. Успешно, разумеется, контактера.

Все разумное население планеты состояло из представителей двух рас, удивительно слабо похожих друг на друга. В теорию о существовании у них общего биологического предка верилось с трудом.

Первая раса — шекери — забавные хоботастые коротышки-гуманоиды росточком не выше полутора метров, весьма доверчивые и добродушные; они легко пошли на контакт. Открытые лица этих милых человечков украшали рудиментарные хоботки, отчего их речь даже в исполнении транслитератора звучала немного гундосо. Шекери вели довольно примитивный образ жизни, имели домашний скот и хозяйство, пытались обрабатывать металлы, но все эти занятия им быстро наскучивали, и уже к середине дня вся взрослая часть населения разбредалась по многочисленным питейным заведениям, а Редуард Кинг спешил уменьшить громкость звука в наушниках, чтобы не оглохнуть от доносящихся со всей окрестности запевов: «Раз глоток и два глоток — подстауляй свой хоботок!...»

Словом, налицо обширнейшее, можно сказать, непаханое поле для деятельности — казалось бы, вызывая представителей из Комиссии по Установлению Взаимоотношений и передавая им инициативу, но... Была в этом деле одна маленькая юридическая тонкость.

Согласно Кодексу о межпланетных отношениях, представительство КУВ можно было размещать на какой-либо планете только после того, как все разумные расы, ее населяющие,

недвусмысленно дадут знать о своем согласии. Обратите внимание: все разумные расы. То есть обе.

Представителями второй разумной расы на Редуарде были лингуампиры — так их называли шекери, — при этом на лицах коротышек неизменно появлялось так несвойственное им озабоченное выражение. В лингуампирах, если можно так сказать, было гораздо больше человеческого, чем в шекери. Нормальный рост, обычной формы глаза и по пять пальцев на каждой руке. Получить более подробное представление об их внешности не представлялось возможным из-за своеобразной формы одежды лингуампиров; все они были одеты одинаково — в длинные черные балахоны с капюшонами, опущенными до глаз, нижнюю часть лица скрывали тонкие белые повязки.

Кто такие лингуампиры, чем они живут и не являются ли они представителями таинственной религиозной секты — все попытки найти ответы на эти вопросы с помощью шекери наткнулись на стойкое непонимание. Сами же лингуампиры вообще предпочитали хранить полное молчание, несмотря на все старания Редуарда Кинга их разговорить, так что порой у него возникало сомнение: скрываются ли за белыми лицевыми повязками какие-нибудь органы речи. Лингуампиры никак не реагировали на присутствие Редуарда, не отвечали на его приветствия, попросту говоря, они его игнорировали. Безучастные к окружающему миру, лингуампиры просто сидели на земле, как правило, вдоль дороги и, как правило, поодиночке, и сосредоточенно молчали. Застать их за каким-либо иным занятием Редуарду не удалось ни разу.

На фоне подобной необщительности лингуампиров особенно странно звучали предостережения, неоднократно слышанные Редуардом от шекери: «На ушем месте, добрый Редуард, мы бы не рискнули разгоуариуать с ними».

Редуард настолько привык к этим неподвижным черным силуэтам, восседающим у обочины дороги, что почти перестал обращать на них внимания и воспринимал их как часть окружающего пейзажа. Однако в глубине души он никогда не оставлял надежды... И, как оказалось, не зря!

— Оставь себе, — разрешил Редуард Кинг, когда инопланетянин закончил пить и протянул ему опустевшую фляжку.

Фляжка немедленно исчезла в складках черного балахона. Редуард помедлил еще секунду, освежая в памяти соответству-

ющие страницы учебника по контактологии, и начал со стандартного приветствия:

— Здравствуй! Я прилетел издалека. Ты мог видеть корабль, который доставил меня. Тот, что за лесом.

— Я... видеть корабль за лесом, — медленно произнес лингуампир. — Ты прилетел издалека.

— Меня зовут Редуард Кинг. Можно просто Редуард. А как... э-э-э... именуют тебя?

— Меня именуют... — Инопланетянин задумался. — Меня зовут Тот Который...

Редуард выдержал вежливую паузу, ожидал продолжения. Его собеседник истолковал молчание Редуарда по-своему. Он громко вздохнул и добавил:

— Можно просто Тот.

«Ничего себе имечко!» — подумал про себя Редуард, с трудом сохраняя внешнюю невозмутимость.

— Моя родная планета... — Редуард поднял глаза к небу, но тут же зажмурил их от нестерпимого солнечного света. Нет, середина дня — не лучшее время для экскурсии в астрономию. — Мы называем ее Земля.

— Земля?... — Глаза лингуампира недоверчиво сощурились. Он зачерпнул пригоршню пыли, просеял ее между пальцами и повторил: — Земля?

— Да, а люди, что ее населяют, — земляне.

— Моя планета. — Лингуампир простер руку в широком жесте. — Моя земля. — Он похлопал ладонью в пыли рядом с собой, как бы приглашая землянина присесть.

Редуард, не раздумывая, воспользовался приглашением. Как любили повторять его более опытные коллеги по академии: «Будучи на Алеуаоченгихванге, поступай как... скажут».

— Ответь мне, лингуампиры... э-э-э... хотел сказать, так вас называли шекери... так вот, лингуампиры не испытывают какого-либо предубеждения в отношении землян?

— Ты сказать, земляне хотел населяют моя планета? — настороженно спросил инопланетянин.

— Ни в коем случае! — горячо возразил Редуард. — Мы, люди, никогда не посягаем на территории, заселенные представителями разумных рас.

— Лингуампиры мог оставь планета себе?

Редуард в очередной раз поразился, насколько легко инопланетянину дается чисто земное произношение. А вот грамматика пока хромает. Ну да лиха беда начало!

— Конечно!

Тот Который, немного подумав, ответил:

— В... э-э-э... тот случае лингуампиры не испытывают предубеждения в отношении землян.

Редуард Кинг не был до конца уверен, что поступает правильно, однако не смог удержаться от вопроса:

— Почему же тогда вы раньше отказывались от общения со мной?

— Раньше... Мы просто испытывают тебя.

— Испытывали?

— Да, испытывали.

Что ж... Этого и следовало ожидать. Естественное недоверие к незнакомцу.

— Надеюсь, испытания завершились успешно?

— Успешно... Так сказать шекери.

Ну конечно! Милые маленькие человечки стали посредниками между землянами и лингуампирами. О которых, кстати, еще ничего пока не известно.

— Где вы живете? — спросил Редуард и не увидел понимания в глазах собеседника. Тогда он повторил, тщательно подбирая слова: — Где то место, куда вы отправляетесь, когда вам надоедает сидеть у дороги? Вон селение... — Название смешных получеловечков-полуслоников неожиданно выскочило у него из головы. На ум приходило только полузабытое «мумитролли», но последние были скорее полубегемотиками, — ...ваших соседей, их хижины. А где ваши дома?

— А!.. Не хижины, не дома... — Лингуампир изобразил руками что-то очень большое.

— Больше? Большое строение? Может быть, замок?

— Да, замок!

— И где же он? — Редуард огляделся, прикидывая, где в окрестностях смог бы спрятаться замок. — Разве что его заслоняют вон те горы...

— Замок заслоняют горы, — подтвердил Тот Который. — Моя родная замок!

Замок лингуампиров представился Редуарду таким же мрачным и загадочным, как его обитатели. И таким же молчали-

вым... до поры. Землянин поспешно сморгнул, прогоняя видение.

— То, что вы согласились пойти на контакт со мной, — значит ли это, что вы готовы к установлению отношений со всеми людьми? Установлению и их дальнейшему...

— У селение? — подсказал лингуампир.

— Если угодно, усилению. Развитию.

— Это не так просто. — Тот Который повторно вздохнул. — Лингуампиры не... — он замялся, — со всеми?

— Совсем! — догадался Редуард.

— Да, не совсем готовы.

— Вы считаете, нам необходимо сначала узнать друг друга получше? — с надеждой спросил землянин.

Тот Который кивнул.

— Узнать получше. Друг друга...

За последующие два часа Редуарду удалось узнать о лингуампирах много больше, чем за все время, прошедшее с момента его высадки на одноименной — теперь он почти не сомневался в этом! — планете. И даже едва ли не больше, чем ему самому хотелось. Стоило Тому Которому преодолеть естественный в данной ситуации языковой барьер, как он сделался на редкость словоохотливым собеседником. Если не сказать, болтливым.

По его словам, лингуампиры занимались земледелием, скотоводством, спортом, производством, торговлей, интеллектуальными играми, науками — причем особое предпочтение отдавали математике, физике, астрономии, биологии, истории... — и вообще всем, о чем только догадался спросить землянин.

— Как насчет медицины? — задавал очередной вопрос Редуард.

— Медицины? — Тот Который задумчиво хмурил брови.

— Ну-у... Умеее ли вы готовить лекарства, лечить болезни, делать операции... может быть, даже продлевать срок жизни?

— А!.. — облегченно вздыхал лингуампир. — Насчет медицины хорошо. Мы умеем готовить любые лекарства и лечим ими любые болезни, мы делаем операции, но крайне редко. Операции мало кому доставляют удовольствие. Мы умеем продлевать срок жизни практически до...

— Бесконечности?

— И даже дольше!

У Редуарда захватывало дух от осознания масштабов открывающихся перед человечеством перспектив. Нужно ли уточнять, что немалое место в этих перспективах отводилось некоему скромному космодесантнику, рядовому представителю Комиссии по Космическим Контактам? Едва справившись с волнением, Редуард отваживался на следующий шаг.

— Как с искусством? — осторожно осведомлялся он.

— С искусством? — переспрашивал инопланетянин.

Когда Редуард полностью исчерпал запас своих вопросов, настал черед Того Которого утолять свой информационный голод. Впрочем, его стремление узнать как можно больше о жизни землян скорее походило на жажду. В самом деле, с той же жадностью, с какой инопланетянин недавно глотал воду из фляжки, и с тем же алчущим блеском в глубоких черных глазах он спешил узнать о землянах все — то есть абсолютно все. Причем, похоже, все подряд. Его в равной степени интересовали и формулировка закона Ньютона-Лейбница в интерпретации Тихонова-Колмогорова, и расписание остановок стратолайнера на пути от Меркурия к Ганимеду, и типовой набор космических баек про тяготы жизни в невесомости, и теория о происхождении видов и родов войск, и тексты популярных песен, и содержание книжек, которые Редуард прочел еще в детстве и смог припомнить сейчас. Нет, серьезно — когда Редуард после долгих уговоров принялся цитировать школьный букварь и дошел до сакраментального «Макс летит на Марс. Валера — на Венеру», его благодарный слушатель выглядел растроганным до слез. «Валера — на Венеру», — заворуженно повторил он, закатывая глаза. И в глазах отразилось солнце.

Когда наконец и его любопытство было удовлетворено, по крайней мере в первом приближении, Редуард решил перейти к официальной части переговоров. Он наконец запустил транслитератор, причем в режиме записи. Недвусмысленное согласие хорошо лишь в том случае, если от него не так-то просто потом отказаться...

Специалист по контактам был полон решимости. Немного смушал его тот факт, что он вдруг ни с того ни с сего забыл местоимение, служащее для самоидентификации. Какое-то невообразимо, просто до неприличия простое слово, что-то вроде «э» или «ю»... нет, не вспоминается!

Но разве это могло стать для Редуарда серьезной помехой в такой ответственный момент?

— Редуард Кинг хочет... — Говорить о себе в третьем лице было непривычно. Присутствовало в этом что-то от обычаев древних индейских племен. — Хочет от имени всех людей обратиться ко всему вашему народу.

«Чересчур пафосно, — отметил про себя Редуард. — Определенно, белое орлиное перо стало бы неплохим украшением для моего гермошлема».

— Редуард Кинг может обратиться к нам, — разрешил Тот Который. — Мы с большим интересом выслушаем предложение людей.

— Т... т...

Метеором среди чистого космоса стало для Редуарда новое неожиданное открытие — он не знает, как обратиться к своему собеседнику! Из памяти куда-то дружно улетучились и соответствующее личное местоимение, и имя, которым во время знакомства представился... представился... Мать-Земля, как же он представился?!

Тем не менее Редуард сумел выдать из себя:

— Твоя... уполномочен говорить весь свой народ?

Нет, орлиное перо, пожалуй, останется невостребованным. От последней фразы Редуарда веяло уже не прерией, но тундрой. Вдобавок он умудрился «запамятовать» практически все предлоги и прочие служебные слова, отчего речь его стала напоминать текст срочной телеграммы.

— Вполне. — Тот Который, казалось, не обратил ни малейшего внимания на замешательство Редуарда. — Как я понимаю, ты собираешься предложить моему народу заключить соглашение о сотрудничестве с землянами?

Редуард всем своим видом изобразил молчаливую признательность.

— Что ж, в таком случае меня интересует, какую пользу смогут извлечь для себя лингуампиры из этого соглашения.

— Ну-у...

Редуард прекрасно знал, что именно он должен сейчас сказать, но совершенно не представлял себе, как это сделать! Еще ни разу в жизни ему не было так мучительно трудно подбирать слова. Все обрушившиеся на него столь внезапно языковые проблемы Редуард списывал на вполне понятное волнение,

которое всегда охватывало его в момент перехода к официальной части переговоров, и на жару. Местное солнце — раскаленный белый диск — пекло немилосердно.

Чем еще, кроме легкого солнечного удара, можно объяснить внезапный возврат Редуарда к своим древним словесным корням?

— Выгодам сим несть числа, — молвил он. — Тяжко снискать пользительнее.

— Пользительнее? — усмехнулся Тот Который. — А под «выгодами», которым якобы «несть числа», ты, должно быть, понимаешь торговлю, обмен знаниями, подключение к общей информационной сети... Я не слишком тяжко излагаю?

Редуард послушно кивнул, с ужасом осозная, что, вероятно, именно от этого неосторожного кивка напрочь забыл даже жалкие крохи старорусского.

Переговоры затянулись до позднего вечера. Не столько по причине несговорчивости сторон, сколько из-за фатального косноязычия, которое так не вовремя подкосило Редуарда...

Случайно оказавшийся поблизости детеныш шекери, который пришел в рощицу по вечерней росе, чтобы насобирать себе лукошко сочных ягод на завтрак, стал невольным свидетелем разговора представителей двух цивилизаций. Услышав незнакомые голоса, а главным образом — один голос, лишь изредка прерываемый какими-то неразборчивыми односложными замечаниями другого, маленький шекери добродушно улыбнулся и побрел в сторону дороги. Но стоило ему приблизиться к ней настолько, что сквозь редкие ветви деревьев стало можно разглядеть фигуру говорящего, как улыбка немедленно сползла с его лица, а маленькие треугольные глазки округлились от ужаса. Обеими передними лапками шекери ухватил себя за хоботок, сдерживая рвущийся наружу крик, а уже через мгновение — исчез, как будто испарился. Только брошенное лукошко и несколько пригоршней рассыпавшихся по траве ягод отмечали то место, где он только что стоял.

Что-то было не так. Нет, не что-то — все было не так!

Редуард Кинг понимал это чисто интуитивно, так как для логического мышления у него просто не осталось слов.

Решительно все шло не так, как должно бы, и очень странно, что Тот Который этого совсем не замечал.

— В свете всего вышесказанного, — говорил он, все больше воодушевляясь от звука собственного голоса, — совершенно очевидной становится необходимость создания обобщенного эпоса, который послужил бы связующим звеном между нашими двумя расами не только в будущем, но и в прошлом.

«Что со мной стряслось? — пытался думать Редуард. Это было нелегко: слов на мысли катастрофически не хватало. Поэтому Редуард думал преимущественно без слов, голыми образами. — Почему я все забываю?»

— Проиллюстрируем на простом примере, — продолжал Тот Который. — В легендах и мифах, доставшихся нам по наследству от древних поколений лингуампиров, неоднократно фигурировала безжизненная планета-прародительница под названием... э-э-э... Впрочем, не суть важно. Безжизненной она, разумеется, оставалась лишь до тех пор, пока не стала прародительницей. Так вот...

«Вот этот... как его... например, он-то все помнит! Каждое словечко... Вон как шпарит! И ведь что непонятно — когда он произносит какое-нибудь слово, я тоже его вспоминаю... кажется. Но почти сразу же — забываю снова».

— Что нам мешает взять эту милую планетку и заселить ее какими-нибудь представителями земной мифологии? К примеру, этими... ты, кажется, называл их... — Лингуампир нетерпеливо поцокал языком.

— Кентаврами? — машинально предположил Редуард.

«Только разве я про них рассказывал?.. Стоп! Что я только что сказал? Кентаврами? Значит, что-то я все-таки помню? Кентаврами, кентаврами, кентаврами... Не забыть бы хоть это! Кентаврами, кентаврами...» — Он готов был повторять это слово до бесконечности.

— Верно! Кентаврами, — обрадовался Тот Который. — Только...

«Кен...» — пронеслось в мозгу Редуарда в последний раз.

— Ты случайно не знаешь, как может отразиться на их метаболизме помещение на планету с серно-аммиачной атмосферой?

Редуард с выражением безысходности на лице покачал головой.

«Нет, — так или примерно так подумал он. — Я ничего уже не знаю. Вот только что знал что-то, но стоило мне ска-

зять об этом вслух, а потом — услышать, как то же самое произносит... Или... Или не стоило?!»

Страшная догадка внезапно посетила его. И от того, что ее было невозможно облечь в слова, она становилась еще более страшной.

Редуард по-новому взглянул на своего собеседника. Тот как ни в чем не бывало продолжал о чем-то увлеченно говорить, но Редуард уже не слушал его. Он рылся в памяти. Он искал слова. Ему позарез требовалось найти хотя бы парочку слов для проверки своей гипотезы. Как назло, он ничего не мог припомнить. Даже самого бесполезного. Даже самого бессмысленного. Кроме...

— Эники-беники ели вареники! — выпалил он. Это было как вдохновение.

Тот Который оборвал свою речь на полуслове.

— Эники-беники?.. — удивленно переспросил он. — Интересно, что бы это могло значить?.. Нет! Ничего не говори, — обратился он к землянину, как будто тот еще мог что-нибудь сказать. — Я догадаюсь сам! «Вареники» — это нечто такое, что надо варить. В таком случае «ели» представляет собой производную от «есть», не в смысле существования, а в смысле поглощения пищи. Я прав?.. Следовательно, «эники-беники» должны быть...

«Надо было попридержать хотя бы пару слов! — запоздало сообразил Редуард. — Ладно, сам виноват, никто меня не тянул за... за... ну, такой... на нем еще разговаривают. — Редуард сосредоточился. Нужный образ все никак не шел на ум. Тогда Редуард зажмурился и призвал на помощь все свое воображение. Воображение ухмыльнулось и показало ему язык. — Да, за язык!»

Инопланетянин продолжал болтать, не умолкая ни на секунду.

«И чего он не успокоится? Неужели надеется еще что-нибудь из меня вытянуть? Зря надеется, ничего у меня не осталось. Разве что какая-нибудь мелочь, да и то настолько бесполезная, что ее уже и не вспомнить... — с тоской подумал Редуард. — Найти общий язык... Мы говорим: «найти общий язык» и уверены, что это, несомненно, хорошо. Да вспомнить хотя бы, как я радовался совсем недавно, когда мне удалось так легко найти общий язык с этим... который напротив. Знать

бы мне тогда, что мой родной, мой знакомый с детства язык действительно станет нашим общим языком. В смысле, одним на двоих... Теперь уже почти на одного. И этот один без зазрения совести пользуется моей родной речью, а у меня в голове роятся одни мыслиеобразы, совсем как... Совсем как...»

Мыслиеобразы в голове у Редуарда перестали роиться и дисциплинированно выстроились в одну шеренгу. Да, это могло и не сработать, но это по крайней мере был шанс!

Быстрые и точные движения Редуарда выдавали его решимость, граничащую с отчаянием. Он переключил транслитератор в режим приема, сдернул с головы бесполезные до этих пор наушники и нацепил их на уши лингвампиру, прямо поверх черного капюшона. Затем он склонил голову ко вшитому в воротник скафандра микрофону, отчего со стороны могло бы показаться, будто он собирается забодать Того Которого, и проревел: «У-У-У-У-У-У-У!», совсем как разъяренный кентавр, которого неосмотрительно поместили на планету с серно-аммиачной атмосферой.

В его реве не было ни малейшего смысла, но транслитератору было все равно. Поскольку он передает не сами слова, а только мысленные образы, которыми эти слова сопровождаются.

Должно быть, от отчаяния Редуард Кинг сопровождал свой рев мыслиеобразом разрушительной силы. По крайней мере транслитератор не выдержал такого напряжения.

Громко, так что слышно было даже Редуарду, он воспроизвел в наушниках последнюю осмысленную фразу:

— Немедленно перестаньте воровать мой словарный запас! — и смолк навеки, отсалютовав себе на прощание осколками разорвавшихся предохранителей.

— Словарный запас? — повторил Тот Который с нескрываемым презрением в голосе. — Этот жалкий десяток тысячесловий ты называешь словарным запасом? Да как у тебя только поворачивается язык?

«Язы... я... я...» — отчаянно попытался запомнить Редуард. Нет, бесполезно!

— Но даже этой малости, этих несчастных десяти тысяч ты не достоин! — заявил линггумпир. — Ты просто... — Он сделал паузу, пережидая приступ возмущения. — Просто не умеешь ими пользоваться! Сам посуди, — добавил он уже более

спокойным тоном. — Пусть даже десять тысяч — не бог весть какое богатство, но пусть... Как же безграмотно ты им распоряжался! Из всего своего так называемого словарного запаса ты использовал обычно от силы пару-тройку сотен слов, оставляя остальные ветшать на пыльных задворках памяти. Ты безжалостно искажал слова, проглатывал окончания, не там ставил ударение! Ты сокращал слова, как тебе вздумается! Ты даже использовал аббревиатуры!

Последнее слово прозвучало как проклятие. Лингуампир замолчал, задохнувшись от возмущения.

Редуард не знал, чем ответить на этот выпад. Основательно покопавшись в памяти, тщательно исследовав даже вышеупомянутые пыльные задворки, он с ужасом обнаружил, что помнит всего два слова. Тем не менее он выбрал из них одно, то, что в большей степени походило на ругательство, и произнес, стараясь интонацией выразить все свое негативное отношение к собеседнику:

— Тур-р-рбулентность!

— Что? И ты мне еще будешь говорить о турбулентности? — в негодовании воскликнул Тот Который. — Красивейшее слово, но до чего же редко ты пользовался им прежде! Почему ты вспоминаешь о турбулентности не раньше, чем твой кораблик начинает потряхивать при входе в плотные слои атмосферы? О, на твоём месте я произносил бы это слово по несколько раз в день. Я бы даже... Я бы улучшил его! Послушай, так ведь будет еще красивее: турбулюлентность, турбулюляция... — Лингуампир закатил глаза. Казалось, он наслаждается звуком собственного голоса. — Нет, ты не достоин своего языка! Я забираю его у тебя. У вашего народа есть выражение «молчание — золото». Ничего более глупого мне не доводилось слышать в этой жизни, но, похоже, как раз к тебе оно очень подходит...

Сказав это, лингуампир поднялся с земли и неспешно двинулся вдоль дороги в сторону гор, за которыми, возможно, и вправду скрывался таинственный черный замок.

Отойдя на несколько шагов, он остановился и, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Нам не о чем больше разговаривать с тобой, землянин... С тобой и с твоим человечеством... — И отправился дальше, о чем-то негромко турбулюкая себе под нос.

Словом, он недвусмысленно дал понять, что потерял всякий интерес к собеседнику, если, конечно, Редуарда еще можно было назвать так. В голове землянина вертелось последнее, чудом уцелевшее слово — «отнюдь», не то чтобы самое полезное, но он был не настолько глуп, чтобы разбрасываться последними словами.

Вскочив на ноги, он в три прыжка догнал удаляющегося лингуампира и ухватился за его плечо.

— Ы-ы-ы ы-ы-ы! — только и смог произнести он, с мольбою заглядывая в глаза Того Которого.

Тот остановился.

— Пить? — участливо спросил он.

— Пить! Пить! — быстро закивал Редуард.

Последний отблеск заходящего солнца, словно лучик надежды, на миг озарил его лицо. «Все еще можно вернуть, — воспрял духом землянин. — Нужно только заставить его врасплох!..»

— Пить! — повторил он и даже немного пошевелил губами, то ли демонстрируя жажду, то ли пробуя на вкус новое, с трудом отвоеванное слово.

Судя по складкам, возникшим на лицевой повязке, лингуампир улыбнулся. И ничего больше не сказал, лишь отрицательно покачал головой. Затем извлек откуда-то из-под балахона фляжку Редуарда, скрутил колпачок и перевернул ее горлышком вниз.

Не пролилось ни единой капли. Придорожная пыль осталась такой же сухой и равнодушной.

Последующие тридцать дней — по земным меркам — тянулись для Редуарда невыносимо медленно и однообразно.

Ранним утром он отправлялся через лес, оставляя свои следы на пыльной, им же самым протоптанной тропинке одной из «далеких планет», о существовании которой он предпочел бы никогда не знать. Он взбирался на пригорок и оказывался перед космическим катером, доставившим его на Редуарду. Немного побродив по окрестностям, Редуард обычно обнаруживал какой-нибудь в меру тяжелый булыжник или достаточно крепкую палку, возвращался к катеру и принимался с завидной целеустремленностью долбить принесенным предметом в крышку люка, ведущего в шлюзовую камеру. Проведя за этим занятием несколько часов и не заметив никаких видимых ре-

зультатов своей работы, Редуард, как правило, впадал в отчаяние. Он устало опускался на небольшой валун, торчащий неподалеку от катера, обхватывал руками голову и сидел так, ожидая, когда местное солнце достигнет зенита.

Катер был заперт, а замок отпирался только по команде голосом. И что самое забавное, исключительно голосом Редуарда. Ему следовало произнести какое-то слово, совсем простое и короткое, только вот... какое?

К чести землянина следует отметить, что все выпавшие на его долю испытания он переносил стоически. В смысле — молча. И никогда не терял надежды окончательно. Порой ему даже казалось, что крышка входного люка, изготовленная из двадцатисантиметрового листа термотитана, начинает поддаваться.

Конечно, работа пошла бы быстрее, попроси Редуард у кого-либо из шекери какой-нибудь хозяйственный инструмент попрочнее, только ведь... это еще надо уметь попросить...

Дождавшись полудня, Редуард спускался в близлежащую деревню шекери, где к тому времени распахивались настежь двери многочисленных заведений для приема пищи и прочих увеселений. Выбрав какое-нибудь, Редуард устраивался на свободное местечко, дожидался, пока хозяин заведения обратит на него внимание, и, за неимением альтернативы, просил:

— Пить!

Все владельцы питейных заведений в округе относились к Редуарду с явным сочувствием, кроме того, появление землянина привлекало в заведение дополнительных клиентов из числа любопытствующих шекери, поэтому ему охотно наливали в кредит.

Обычно после пятого или шестого стаканчика сочувствие хозяина к землянину усугублялось, и он озабоченно спрашивал у Редуарда:

— Уозможно, уам уже хуатит?

На что последний неизменно отвечал:

— Отнюдь!

По истечении же этих тридцати дней на Редуарду прибыла спасательная экспедиция с Земли.

Еще две недели понадобилось команде из трех психиатров, двух гипнотизеров и одного, но опытнейшего лингвиста для того, чтобы, если можно так выразиться, вернуть Редуарду Кингу дар речи. В его изначальном объеме.

* * *

...Дверь в комнату широко распахнулась, и весь дверной проем заполнила собой громоздкая фигура ксенобиолога по имени Николас Лэрри, соседа Редуарда Кинга по общежитию.

— Нда! — громогласно заявил ксенобиолог. — Погоды нонче стоят...

— Пожалуйста... — Сидящий за письменным столом Редуард слегка поморщился и с трудом оторвался от книжки, которую держал в руках. — Будь осторожнее, когда пытаешься пользоваться архаизмами. Не «нонче», а «нынче». В крайнем случае — «ноне». И очень тебя прошу, никогда не говори о погоде во множественном числе. По крайней мере в моем присутствии, — попросил он и вновь склонился над раскрытыми страницами.

Николас Лэрри некоторое время с изумлением взирал на Редуарда, затем перевел взгляд на книгу в его руках и спросил:

— Что это? Ты взял мой учебник по ксенобиологии?

— Да, да. Я собрал все книги по специальности, какие смог найти.

На столе перед Редуардом возвышался средних размеров бастион из книг.

— Нда... И зачем это тебе?

— Ну как же! — Редуард оживился. — Здесь я нашел столько новых, красивейших слов! Вот послушай... — Он зашелестел страницами. — Ареопатетика! Хроносингластика! Стегуано... Секундоchu, сейчас перелистну...

— ...зоотия! — закончил за него Николас. — Ну! И ты хочешь сказать, будто понимаешь, что это такое?

— Да какая разница! Главное — как это звучит. — Редуард уставился в потолок и повторил мечтательно: — Стегуанозоотия!..

Теперь поморщился ксенобиолог. Должно быть, вспомнил о явлении, которое представители его специальности называют этим звучным термином.

— Нда... И ты думаешь, знание этих слов может тебе когда-нибудь пригодиться?

Редуард вздохнул и скрепя сердце все-таки отложил учебник в сторону.

— Правда в том, — сказал он, — что человек никогда не знает заранее, что именно может пригодиться ему в жизни.

Помолчи с мое — и ты поймешь, что такое настоящий лингвистический голод. Вот подожди, я уже знаю примерно сотню тысяч слов, а впереди у меня... — он нежно провел рукой по книжным корешкам, — широчайшие перспективы. И теперь, если мне вновь придется повстречаться с лингуа... то есть с лингвистическим вампиром, мы еще посмотрим, чья возьмет. И у кого раньше возникнут проблемы... — Редуард неожиданно замолчал, — с этим... — волнение охватило его, — ну, красным... — да что там волнение — настоящая паника! — который во рту! — закончил он и беспомощно посмотрел в глаза ксенобиолога.

Февраль 2000

Игорь Ревва

ПОРТРЕТ

С новым зеркалом с самого первого дня было что-то неладно. Начать с того, что в нижнем левом углу сразу же обнаружилась крохотная то ли царапинка, то ли трещинка. Коротенькая белесая ниточка, почти незаметная, но достаточная для того, чтобы вызвать у Бориса легкую досаду. К несчастью, замечена она была только дома, на следующий день после покупки, когда возвращаться в магазин и качать права потребителя было уже поздно.

Но даже с этим небольшим изъяном новое зеркало было все-таки лучше, нежели прежнее — маленький, почти квадратный кусочек стекла, отражающий все происходящее исключительно со своей точки зрения. Борису вечно казалось, что в старом зеркальце его физиономия выглядела намного гаже, чем в действительности. Да, конечно! Я знаю, что вы скажете! Нечего, мол, на зеркало пенять, и так далее... Однако вопрос тут скорее субъективный, и все зависит от того, насколько кривой выглядит отражаемая рожа.

Прежнее зеркальце всегда вызывало у Бориса недовольство. При бритье оно отражало все, что угодно, кроме актуального участка лица, что делало вышеупомнутый процесс весьма утомительным — правой рукой приходилось орудовать бритвенным станком, а левой — ловить зеркалом ускользающий из поля зрения подбородок. И потом, не знаю, в чем там

дело, но как бы тщательно Борис ни следил за зеркальцем, поверхность его вечно была в каких-то неприятных беловатых пятнышках. Черт знает почему!!! Вот ведь и тщательно вытер, и убрал в шкафчик, а утром глядишь — на тебе! словно перед ним целая рота домовых всю ночь старательно чистила зубы!

А еще это зеркальце было очень нудным. Оно вечно смотрело на Бориса его же собственными глазами, переполненными самым тоскливым выражением на свете. И поведение его было совершенно таким же, как у старой и неумной уже собаки, которая всячески старается угодить хозяину, но постоянно делает что-то не то — то кофейную чашку опрокинет, то задевает куда-то свежую газету, то насмерть перепугает Ленку, заглянувшую на огонек... Такая собака чувствует свою никчемность, но и покинуть хозяина не в силах — куда же ей идти-то?! Старой и никому не нужной...

Вот так же и зеркальце — старое и никому не нужное — могло в самый неподходящий момент сообщить Борису о том, что по обоям за его спиной проползает здоровенный таракан. Или что пришедшая в гости Лена недовольно поджимает губы, наблюдая за тем, как Борис торопливо закрывает какой-нибудь интернетовский форум.

Однажды Борис хотел было в сердцах вышвырнуть зеркальце с балкона — когда он порезался бритвой, торопясь на свидание с Ленкой. Остановили его только вовремя всплывшая в памяти примета да отсутствие в доме иной отражающей поверхности. Теперь же, купив новое зеркало, Борис с легким сердцем завернул прежний прямоугольничек в старую газету и опустил в мусорное ведро. И хотя на прощание зеркальце пыталось поймать его взгляд своими полными слез глазами, Борис был тверд. Зачем ему теперь нужно это недоразумение?! Новое зеркало — двадцать на тридцать сантиметров, в красивой рамке — радовало взгляд своей чистотой и девственностью. Чуть голубоватая поверхность его казалась частичкой прохладного пруда под жарким полуденным небом. Если бы только не эта неприятная трещинка...

Но помимо трещинки, новое зеркало имело и еще один существенный недостаток, который также обнаружился только дома — оно не помещалось в шкафчике! То есть на том месте, где Борис привык хранить все необходимое для бритья, ему не хватало места. И пришлось поставить зеркало прямо на столе,

боком, прислонив к правой стенке монитора и застопорив нижний его край модемом. Тоже мало приятного — а вдруг соскользнет? Но не вешать же зеркало на стенку, в конце-то концов!!!

А почему бы, собственно, и не на стенку, спросите вы? А потому, собственно, что Борис имел такую черту характера, которую сам он именовал ленью, но которая, строго говоря, таковой не являлась, а являлась вообще черт знает чем! Короче говоря, стоило ему увидеть себя в зеркале, как он мгновенно принимался рассматривать свою физиономию, находил какой-то малоприятный прыщик, принимался его спешно изгонять, прижигал образовавшуюся ранку йодом, заклеивал пластырем... или Борис вдруг обращал внимание на свою прическу, что волосы уже начинают седеть, и морщины легли в уголках глаз, а кожа имеет какой-то сероватый оттенок, да и половина зубов во рту уже злорадно поблескивает золотом, и лет тебе уже давно не двадцать, и жизнь прошла, а ты так ничего и не...

И все, чем он занимался до этого момента, как-то незаметно, само собой, отодвигалось на второй план.

Нет, не подумайте про Бориса, что он был так уж обеспокоен своей внешностью или же страдал нарциссовым комплексом. Просто он был мечтательным человеком и легко отвлекался на посторонние мелочи... если, конечно, можно назвать мелочью собственное отражение.

К слабостям Бориса можно было отнести и его увлечение интернетом. А точнее сказать, различными форумами, на которых он почти никогда не высказывался, но внимательно следил за ходом споров, какими бы бестолковыми те ни были. Ему казалось, что он наблюдает жизнь людей словно в театре или в кино — слова и эмоции, скрытые за никами и не подтвержденные изображением, но легко домысливаемые, вызывали у него жгучий интерес. Кто такая эта «Крошка»? Или этот «Жук»? Что их связывает? Друзья они или любовники? И каким боком относится сюда постоянно встречающийся в разговор «Абъект»?..

Но если интерес к сетевым форумам был ограничен финансовыми возможностями, то на свое отражение Борис мог беспрестанно пялиться часами.

Помимо явных недостатков, новое зеркало имело еще и скрытые, которые с ходу и не разглядишь. А точнее сказать, всего один, но весьма крупный недостаток — бесцеремонность.

Отражение в новом зеркале быстро освоилось в квартире Бориса. Оно окинуло взглядом комнату и слегка поджало губы. Мол, могло бы быть и получше, но — ладно уж, и так сойдет. Борис сделал вид, что не заметил этого: не стоит с ходу портить отношения. Он улыбнулся зеркалу и слегка шелкнул свое отражение по носу. Отражение сделало вид, что не обиделось на подобную фамильярность, но отвечать тем же не стало — всяк сверчок знай свой шесток...

На следующее утро, правда, характер зеркала начал уже проявляться полнее. Выражение физиономии Бориса в нем было недовольным и невыспавшимся. Ну, невыспавшимся — это понятно. Где уж тут выспаться, когда до трех часов ночи в интернете торчишь? А вот недовольство было первым признаком пренебрежительного отношения, и с этим уж Борис мириться был не намерен. Мало ли, чего тебе не нравится? Твое дело — отражать! И нечего тут рожи недовольные корчить! Нельзя же на работу идти небритым, верно?

Зеркало в общем-то не особенно и возражало. Да, конечно, брейся на здоровье... Не порежешься только. А то отражать твою исполосованную физиономию — никакого кайфа. И так у тебя рожа-то не очень...

Но-но!!! Потихе тут! Ишь осмелело как! Я т-т-тебя живо... об пол, ежели что!!!

Да ладно, перестань! Пошутить нельзя, что ли?! Не сердись...

И Борис не сердился. Понимал, что зеркало в чем-то право и нечего всю ночь торчать в интернете. Но Борис превосходно понимал также и то, что справиться с этой своей страстью к форумам он не в силах. Ему казалось, что там, в Сети, кипит настоящая, живая жизнь. А здесь, в реале, — лишь слабое ее подобие, беспомощное и бесцветное отражение прекрасного цветка в тусклой поверхности. И Борис знал, что сегодня же вечером он вновь прильнет к монитору — ненадолго, всего на десять минут... до рассвета.

Зеркало сразу раскусило Бориса, вычислило его слабости и поняло, что церемониться с ним особой необходимости нет. Под вечер оно осмелело уже настолько, что позволило себе презрительную ухмылку, едва Борис включил компьютер. Ну вот! Пожалуйста!!! Опять на всю ночь?..

А не твое дело! Ясно? Ты стой тут тихонечко, пока тебя об стену не треснули! Не пожалею ведь ста восемнадцати рублей, если много себе позволять будешь!..

Ладно, сиди... Только утром не пеняй на меня, коли физиономия у тебя опять будет... не того.

Наутро Борис постарался привести себя в порядок еще до встречи с зеркалом. Ну его в самом-то деле! Спорить еще с ним...

Борис умылся, причесался (героический для него поступок — причесываться на ощупь!) и только потом позволил себе посмотреть на свое отражение. Зеркало осталось довольно Борисом. А и чем же тут быть недовольным-то?! Свежий, чистенький, отдохнувший (если не особенно приглядываться, конечно), сейчас побреется, и — на работу. А вечером к Борису зашла Лена. И тут уж зеркалу стало не до того, как выглядит его хозяин.

Возможно, что вы сочтете поведение этого куска стекла разнузданным и даже хамским. И ошибетесь. Попробуйте сами с утра до вечера отражать одну и ту же запущенную комнату, а с вечера и до утра — замороженный монитор взгляд воспаленных и покрасневших глаз. Попробуйте — и посмотрим, надолго ли вас хватит.

И ведь зеркало мгновенно догадалось, что так будет всегда! Что этот человек предпочитает не замечать ничего вокруг, кроме своего дурацкого интернета. И такая тоска навалилась на зеркало, что хоть волком вой. А тут вдруг появляется молодая и красивая девушка!..

Надо сказать, что высокими моральными критериями зеркало тоже не особенно отличалось. И отражения Бориса и Лены оказались в кровати чуть ли не на полчаса раньше них самих. Что наводило на некоторые размышления относительно как отражения Ленки, так и ее самой. Особенно если учесть все, что они там, в зеркале, вытворяли.

Проснувшись ночью, Борис обратил внимание на то, что в зеркале происходят какие-то непонятные движения. Подойдя к столу, он увидел, что отражение его комнаты освещено ночником (который на самом-то деле не горел) и в его дремотно-тоскливом свете творится такое, что сон у Бориса как рукой сняло. Он осторожно опустил на стул и уставился в зеркало. Борис и не предполагал, что двое людей противоположного пола способны вытворять подобное друг с другом.

Через два часа, когда за окнами уже заалел рассвет, он опомнился и торопливо опустил зеркало стеклом вниз — чтобы Ленка ничего не заметила. Девушка же по-своему истолко-

вала рассеянность Бориса. Настолько по-своему, что решила ему денька два вообще не звонить. Что, впрочем, оказалось более чем кстати. Потому что каким-то шестым (или седьмым?) чувством Борис ощутил, что в ближайшие дни присутствие Лены будет, мягко говоря, обременительным. Ибо перспективы, открывающиеся перед ним в связи с появлением нового зеркала, были хоть и туманны, но весьма соблазнительны. Это, пожалуй, похлеще форумов будет, подумал Борис и не ошибся. Потому что события в зеркале продолжали разворачиваться с удивляющей быстротой.

После ухода Лены ее отражение и не подумало покидать зеркала. Видимо, оно рассудило, что Ленка и без него (или нее?) обойдется, и осталось в комнате. Борисово же отражение (хотевшее, видимо, побыть в одиночестве) этим фактом было недовольно, и между ними произошел небольшой скандалчик. Сам Борис слов не слышал, но по движениям губ и выразительным жестам легко догадался о смысле разговора.

Самым же неприятным во всем этом представлении оказалось то, что в пылу ссоры отражение Лены швырнуло туфли в отражение Бориса. И, само собой, промахнулось и попало прямо в зеркало.

Борис вздрогнул, услышав характерный хруст раскалывающегося стекла. Маленькая трещинка, имевшаяся в углу зеркала, торопливой змейкой пробежала по стеклу, и края ее заметно разошлись. Зеркало оказалось расколотым по диагонали. Трещина прошла таким образом, что теперь Борис смотрел сквозь два треугольных осколка, чудом удержавшихся в рамке. И изображение, слегка сместившись, сделалось вдруг объемным и еще более живым.

Больше всего Борис боялся, что в продолжение ссоры в него еще чем-нибудь запульнут. Тут уж никакое везение не спасет, подумал он. Половинки зеркала и так еле держатся...

Скандалчик, однако, вскоре утих, и Лена(2) принялась кому-то звонить по телефону. А через пару часов в зеркало нагрянула целая компания — с выпивкой, закуской, музыкой... То есть музыки-то, конечно, слышно не было, но не могли же они танцевать в тишине... Все это неожиданное сборище состояло из отражений людей, оказавшихся Борису совершенно незнакомыми за исключением одного человека — Сашки, ужасного нахала и донельзя бесцеремонного типа. Настолько бесце-

ремонтного, что появлению его в зеркале Борис совершенно не удивился.

Борис обратил внимание, что в зеркале по-прежнему была ночь — окна продолжали темнеть чернильной пустотой, хотя на самом деле было давно уже за полдень. Он некоторое время поудивлялся этому, но потом вдруг подумал, что зеркало чем-то похоже на его любимый интернет — там тоже нет времени суток, там всегда вечер, там всегда приятная компания и нескучная жизнь. Это понимание взволновало Бориса даже больше, чем его решение не идти сегодня на работу. Какая работа, когда такие дела творятся? А вот почему ТАМ все еще ночь? Хм...

Борис сидел возле зеркала как приклеенный. Он даже и не вспомнил об интернете — зачем ему интернет, когда теперь у него под носом самая настоящая жизнь?! Со своими страстями, любовью, развлечениями... К тому же Борис неожиданно обнаружил, что при некотором напряжении зрения способен разглядеть в зеркале даже мельчайшие детали — они увеличивались и делались ближе, стоило Борису приглядеться к ним внимательнее, словно бы смотришь на них через мощный бинокль. А вкупе с тем, что при небольшом повороте зеркала менялся и угол обзора, Борис теперь получал от всего увиденного неслыханное удовольствие. Может быть, это было следствием того, что зеркальное стекло раскололось — трудно сказать. Но теперь Борис мог уже заглянуть и в ванную, и под кровать, и даже на улицу, залитую светом ночных фонарей. Освоившись с этим несложным управлением, он теперь мог обозревать все окрестности, и ничто, достойное внимания, не могло от него укрыться.

А достойного внимания, надо сказать, в зеркале наблюдалось с избытком. Потому что вся эта развеселая компания отправилась на природу, и Борис имел удовольствие наблюдать и ночной костер, и приготовление шашлыка, и все остальное... Жаль только, что не было слышно анекдотов, которыми потешал всех собравшихся один из ребят.

А затем все они разъехалась по домам, отражение Бориса вернулось обратно в комнату и отправилось спать. И только тогда Борис почувствовал волчий голод и обратил внимание на то, что за окном уже вечер. Настоящий вечер, а не отраженное желание...

Кое-как перекусив, он рухнул на кровать, но через два часа, словно почувствовав что-то, проснулся и вновь устремился к

зеркалу. А там снова шла жизнь — интересная, наполненная, бьющая через край...

На четвертый день Борис вдруг понял, что подбородок его зарос щетиной, но бриться он не стал. К чему это, если его отражение по-прежнему свежо и идеально?! И так сойдет!..

День за днем, не отвечая на постепенно затихающие звонки, не беспокоясь ни о чем, Борис сидел за столом, уткнувшись взглядом в зеркало. Иногда его тревожила мысль, что о нем подумают собравшиеся ТАМ люди? Но замечая взгляд своего отражения, Борис понимал, что все будет в порядке. Гостям растолкуют, что портрет этого запущенного и неприятного бородатого мужика на стене, внешне так похожего на гостеприимного хозяина, всего лишь фотография его дальнего родственника. И гости, хоть и не особенно поверив в это, понимающе кивнут в ответ.

Самое главное тут — не шевелиться. Не выдать себя случайным движением. А то ведь могут и снять со стены... Или вообще выбросить... в мусорное ведро, как сам Борис когда-то выкинул старое зеркальце, ставшее ему ненужным. Портрет? Ну ладно, пускай будет портрет... Мало ли на свете портретов, чьи лики прикрыты расколотым стеклом? И кто знает, многие ли из них так же вот наблюдают за нашей жизнью. Со стены, с экрана монитора или телевизора...

Алексей Корепанов

НОВЫХ СООБЩЕНИЙ НЕТ

Украина, г. Кировоград

«Ave, Caesar! Извини, что не встретил тебя — таковы обстоятельства.

Но если захочешь — можешь навестить меня. Позвони по телефону 389-448-72. Vale! Я».

Я еще раз прочитал эти две строчки на экране монитора и, развернувшись вместе с удобным вращающимся креслом на колесиках, обвел взглядом уютную комнату. Телефон стоял на другом конце диагонали, на низком столике у широкого дивана, плавные формы которого словно приглашали плюнуть на все дела, повалиться в мягкое, пружинящее и бездумно созерцать потолок. Или даже подремать.

Как-никак я сегодня просидел за рулем без малого шесть часов, и почти всю дорогу меня сопровождал неугомонный дождь.

Возле монитора стояла массивная черная пепельница, смахивающая на ритуальную кадку какой-нибудь феи-малютки, а рядом лежала зажигалка. В ее гладкой, чуть ли не зеркальной поверхности отражался свет настольной лампы —

жалюзи я не трогал, не желая очень уж своевольничать в чужом доме. Вытащив из пачки сигарету, я щелкнул зажигалкой и, сделав несколько затяжек, вновь перечитал сообщение.

«Ave, Caesar!» Так обращались к императору римские гладиаторы перед смертельным боем на арене. «Moriguri te salutant» — «Идущие на смерть тебя приветствуют». Дело в том, что мое имя — Юлий. А он в своих мессиджах называл меня Цезарем. Он вообще часто прибегал к латыни, заставляя меня рыться в словаре.

«Vale!» — «Будь здоров». Или — «Прощай».

Мы с ним познакомились на одном из форумов в Сети. Выяснилось, что у нас много общих интересов, и завязалась электронная переписка. Мы общались уже почти два года, но никогда в глаза друг друга не видели, потому что жили в разных городах. Разумеется, фотографиями мы обменялись, и я знал, как выглядит Рон: коротко стриженный полноватый парень лет двадцати восьми—тридцати (а мне в апреле стукнуло тридцать два), в очках и с улыбкой на все лицо. И какие только темы мы с ним не обсуждали... Нельзя сказать, что мы выходили на связь с какой-то строго установленной периодичностью, но как минимум раз в неделю в окошке моей программы появлялось его имя, и я читал очередное сообщение с традиционным «Ave, Caesar!» в начале.

О том, что босс планирует направить меня в этот город для рекогносцировки — он задумал расширять рынок сбыта, — я узнал за два дня до поездки, в понедельник. Обрадованный возможностью встретиться наконец «вживую», я в тот же день известил Рона об этом и буквально через час-полтора получил ответ. Рон писал, что, к сожалению, будет отсутствовать, но предлагал мне расположиться именно у него в доме, а не в отеле, и сообщал, где искать ключ от входной двери.

«Неотправленное epistola для тебя смотри на моем ящике», — так заканчивалось его письмо. То бишь эпистола.

И вот я в доме Рона. Хорошо бы принять душ, а уж потом позвонить по тому номеру. И сказать: «Ave, Рон! Я приехал».

Я ткнул окурком в пепельницу-кадильницу и решил, что первым делом нужно забрать из авто, которое я оставил у

крыльца, сумку с вещами, а потом уже заняться душем и прочим. Я встал, и в этот момент из холла донеслись какие-то звуки. Сообразив, что это открывается входная дверь, я с громкими возгласами «Привет, Рон! Встречай Цезаря!» вышел в холл. И увидел замершую у порога светловолосую молодую женщину, миловидное полноватое лицо которой имело явное сходство с лицом моего корреспондента. Она с испугом смотрела на меня и, казалось, вот-вот бросится прочь или станет звать на помощь.

— Не бойтесь. — Я остановился и показал ей пустые ладони. — Я не грабитель. Рон написал мне, где искать ключ: мы с ним два года по электронке общаемся. А вы его сестра, я не ошибаюсь?

Женщина вроде бы раздумала звать на помощь, но продолжала стоять у двери. Я тоже не приближался к ней. Выражение ее лица было каким-то странным. Нет, не то чтобы она не верила моим словам — тут было что-то другое.

— Рон написал, что его не будет... Предложил устроиться тут, а не в отеле... — Я пожал плечами и добавил: — Но я могу и в отеле.

Женщина молчала и не спускала с меня глаз. Мне было как-то неловко, словно я и в самом деле совершил нечто противоправное.

— Он там номер телефона оставил. — Я повел головой в сторону комнаты Рона. — Просил меня позвонить. Мол, если захочу его навестить... ну, там, где он сейчас.

Женщина вскинула руки и прижала ладони к щекам. Ее глаза расширились — то ли от удивления, то ли...

— Номер... — сдавленным голосом произнесла она. — Какой номер?

— Там, в ящике. — Я снова показал на комнату Рона. — Триста восемьдесят... Можно посмотреть.

Я направился к компьютеру, охваченный непонятной тревогой. Сзади послышался быстрый приближающийся стук каблучков.

— Вот, — сказал я, кивая на экран, и оглянулся на остановившуюся за моей спиной женщину.

— Это мой телефон. — Лицо ее было бледным, а губы дрожали. — Рон... Рон... Рона больше нет...

Я упал в кресло.

— К-как? Как — нет?

— Сбила машина... Позавчера... похороны... — Из глаз ее, размывая косметику, текли слезы.

— Когда сбила? — плохо соображая, спросил я. Как будто это было так важно.

— В субботу... Скончался на месте.

Да, я почти ничего не соображал, но что-то тут не вязалось.

Кое-как придя в себя, я открыл папку «Отправленные». И обнаружил адресованное мне письмо. То самое, которое я получил от Рона в понедельник, с предложением остановиться у него. Я молча ткнул пальцем в надпись: «23.05. 23.47». День, когда Рона уже похоронили...

С трудом проглотив мешавший дышать комок в горле, я хрипло спросил:

— Тогда кто же направил мне это послание?

Женщина обеими руками уперлась в спинку кресла. Мне показалось, что она сейчас упадет.

— Не знаю... Ключ второй я забрала, у нас с мужем свой дом... Этот будем продавать...

Я вновь щелкнул клавишей «мыши».

— А вот это, неотправленное, с номером телефона. Кто его набивал?

— Не знаю... — слабым шепотом повторила женщина.

«Если захочешь — можешь навестить меня...»

Где? Теперь я знал — где...

«Vale!» «Будь здоров». Или — «Прощай». «Прощай»...

И тут меня затрясло.

...Я навестил Рона. Вместе с Кристиной, его сестрой. «Прощай, Рон», — молча сказал я, стоя у свежей могилы.

Но некто или нечто — я не знаю, как назвать ЭТО — не оставляло меня.

Я вернулся домой и раз в неделю продолжал получать послания... откуда? от кого? В строке адресанта стояло имя Рона, хотя еще при первой встрече с его сестрой я отключил компьютер от электросети и погрузил в авто Кристины. Предварительно удалив из адресной книги, а затем и из корзины свой электронный адрес.

Но послания все шли и шли. «Ave, Caesar! Как дела?..» Как будто все продолжало оставаться по-прежнему. Как будто Рон был здесь, в этом мире.

Я задавал вопросы, но мой адресант не отвечал на них. Он просто делился какими-то своими соображениями, мыслями... как и прежде...

...За окном льет осенний дождь. Я смотрю на экран своего компьютера.

Там, в папке «Входящие», хранится одно послание, удалить которое у меня просто не поднимается рука. И дата: «30.06. 17.43».

21 мая, в 17.43, Рона сбил пьяный лихач. 30 июня — сороковой день... Разорвалась серебряная нить...

«Ave, Caesar! Там — хорошо. Здесь...»

И все.

Где — «там»? Где — «здесь»? «Там» — это здесь или там? «Здесь» — это там или действительно — «здесь»?..

Я набрал на клавиатуре эти вопросы и отправил послание. Но ответа так и не получил. Новых сообщений больше нет...

Льет и льет осенний дождь. В полумраке светится экран компьютера.

Призрачные тени витают по закоулкам Сети.

Новых сообщений нет...

Владимир Рогач

ДОМОВАЯ КНИГА

— Привет, — раздалось у меня за спиной.

Раньше он никогда не заговаривал. Некоторое время я вообще думал, что он сдох или сбежал, так как шагов по ночам я не слышал, книги пропадать и появляться перестали. Но три недели назад...

Я повернулся к нему.

— Как тебе Гумилев? — спросил он.

Он был именно таким, каким, как мне казалось, я его однажды видел. Как казалось — потому что я часто не был уверен, что действительно видел его раньше. Правда, примерно так же часто я не был уверен, что раньше его не видел. Как оказалось впоследствии, то есть именно сейчас, — в последнем я не был уверен не зря. Похоже, я действительно видел его. В смысле, не сейчас, а раньше... То есть сейчас я, конечно, тоже видел его... То есть вижу...

В общем, все смешалось в доме Обломовых, беспокойно в Датском королевстве...

— Очень вовремя, — ответил я ему. — Правда, этот сборник я уже читал раньше...

— Ну, — несколько разочарованно протянул он, — в вашем городке найти другие издания не трудно — их просто невозможно здесь найти. Эту книжку я вообще в библиотеке брал.

Выглядел он именно так, как я его помню с тех пор, когда, как мне казалось, я его видел. То есть не казалось...

— Кто ты? — спросил я, сам понимая нелепость своего вопроса. Дело в том, что я давно уже знал, что это домовый. Откуда? Это трудно объяснить. Просто знал, и все тут.

— Домовой, — ответил он все же на мой вопрос и усмехнулся.

Ну а кто еще это мог быть? Кто еще может бегать по ночам по пустующей квартире, гулко топоча при этом, разбрасывать по полу мамины бигуди, таскать книги с полки и жить в шифоньере? Да и выглядел он соответственно — эдакая меховая игрушка с копной сена на голове, не позволяющей понять, где у него лицо, а где нет. Сейчас я даже не мог с уверенностью сказать, передом он ко мне стоит или задом, прошу прощения за некоторую грубость формулировки. Копна и копна — с какой стороны ни глянь. А под копной — красная рубашка с широкими рукавами без манжет, скрывающими ладони, и полами до пола, скрывающими ступни, — как не присматривайся, а все равно не понять, где у него перед, а где... Впрочем, об этом я уже говорил.

— А где ты был? — спросил я.

— Там, — кивнул он, как я и ожидал, в сторону шифоньера в углу гостиной, справа от двери на балкон.

Я знал, что он приходит оттуда. Когда я сказал об этом маме, желая преподнести как шутку, она сначала тоже восприняла это как шутку и попробовала шутку поддержать — рассказала о бигудях, разбросанных неизвестно кем, о пропадающих вещах, которые потом обнаруживаются в самых неожиданных местах... Она была уверена, что это шутка. Но когда я попробовал говорить об этом серьезно, она чуть не устроила скандал на ту тему, что «здоровый уже лоб, двадцать три года, а ему все домовые мерещатся! На улице чаще надо бывать!». Мерещатся! Скажете тоже, мама...

Не подумайте, что я живу как затворник — выхожу я на улицу, и друзья у меня есть, хоть и не много, и девушки знакомые — все как у всех. Только у меня есть еще и домовый — но как объяснить это матери? В общем, я тогда сказал ей, что это шутка, и больше об этом не упоминал.

— «Тысячу и одну ночь» когда вернешь? — спросил я, пытаясь все-таки понять, с какой же стороны у него лицо.

— А вот не отдам! — заявил он и, как бы насмехаясь над моими попытками, повернулся ко мне... Другой стороной. Сто-

рона эта была в точности такой же, как и та, которой он был обращен ко мне перед этим. Перед этим... Черт его знает, где у него, прости господи, перед!

— Это еще почему? — тоном возмущенного библиотекаря спросил я.

— Издание паршивое, но редкое, — заявил он. — Такие сейчас фиг найдешь. А ты у меня не один, между прочим, другие тоже читать любят.

— Так, значит, ты не только для себя их берешь? — догадался я.

— Конечно. За Пастернака очень меня благодарили. Жалко даже было обратно забирать.

— Благодарили? — изумился я. — Так ты еще кому-то показывался?

— Да нет... — смешался он. — Не показывался. Но благодарность она и есть благодарность — я ее чувствую.

С Пастернаком была удивительная история. Точнее, именно после нее у меня исчезли последние сомнения насчет его существования. Не Пастернака — в его-то существовании я не сомневался, — а домового. До этого у меня бесследно пропали «Тысяча и одна ночь», книжка о Шерлоке Холмсе, еще парочка, но мать убеждала меня (да и себя тоже), что книги мог свистнуть кто-нибудь из знакомых, бывавших в нашем доме. Версия сама по себе неприятная, но не могла же мама согласиться с тем, что книги таскает домовый? Уж пусть лучше будут знакомые.

С Пастернаком было по-другому. Я нарочно нашел его и, собираясь перечитать, поставил на полку в первом ряду — в гостиную книги на полках стоят в два, а то и в три ряда. Поставил, значит, а на следующий день Пастернак пропал. И никаких гостей у нас не было. Я, правда, перерыл на всякий случай все полки по два раза и спросил у матери, не отдавала ли она кому книги, но это, как вы уже догадались, не принесло никаких результатов. Хотя отсутствие результатов тоже результат, как говорится...

А ровно через две недели Пастернак стоял на прежнем месте — на том самом, куда я его поставил. И в нем была пара чужих закладок — у нас дома закладки никто не делает.

А еще через неделю я нашел на полке «Избранное» Н.С. Гумилева — книгу, которой у нас дома, к сожалению, никогда

не было. Такую точно я два года назад брал и читал в библиотеке, но это было в другом городе, где я учился. А дома у нас такой не было. До позавчерашнего дня. Я прочитал ее за несколько часов, положил на стол...

А сегодня пришел домовый и впервые со мной заговорил.

— А куда ты попадаешь, когда уходишь туда? — спросил я, кивая в сторону шифоньера.

— В свет, — ответил он.

— А что там?

— Просто свет. Учение. Знание. День. Хорошо там.

— А здесь?

— А здесь плохо, — ответил он, чем очень меня удивил. — Здесь все плохо, — продолжал он, — и я здесь плохой.

— И я? — спросил я.

— А как ты сам думаешь?

Я хотел ответить в том смысле, что думаю я головой, но решил не блистать своим остроумием — неизвестно, как он к этому отнесется. Тем более что вопрос был серьезный. Если честно, я сам не смог бы ответить на него.

— Но ведь не все же здесь плохо! — сказал я.

— Все, — сказал он. — Потому что здесь есть тьма. А там нет.

— Это почему?

— Вся тьма здесь. Все темное остается здесь.

Я вспомнил, как однажды краем глаза уловил момент его перехода ТУДА. Яркая вспышка какого-то сиреневатого света из-за дверцы шифоньера — я еще испугался, не загорелось ли чего. Ничего там не загорелось. Только, раздвинув висевшую одежду, я увидел на внутренней стенке шифоньера светлое пятно и темный силуэт, тающий, расплывающийся в центре этого пятна. Темный силуэт... Теперь я понял, что таял не силуэт — таяло светлое пятно. Все темное остается здесь.

— Значит, там ты светлый? А здесь? Вроде маньяка, который днем примерный семьянин и ответственный работник, а по ночам — убийца? Так получается?

Он грустно кивнул в ответ. Кивнул — в противоположную от меня сторону. Значит, спиной все-таки стоит...

— У нас нет дня и ночи, — сказал он. — Точнее, именно у нас они и есть — в нас самих. Когда в нас день — мы там, когда в нас наступает ночь, мы идем сюда.

— А здесь? — Мне стало жутковато. Домовой-то он домовый, но... Вся тьма здесь... Когда в нас ночь... — Что вы здесь-то делаете? Кроме того, что книги таскаете туда-сюда?

— Мы читаем, — сказал он и повернулся ко мне...

Вы знаете, что чувствует книга, когда вы ее читаете? Я тоже не знаю, но, наверное, что-то подобное...

Он читал меня — от корки до корки, зачитывая до дыр, вырубая топором то, что написано пером... Я не знаю, как еще это можно описать...

И я не знаю, почему я произнес именно эти слова. Когда-то, впервые их прочитав, подумал, что это — идеальная магическая формула поворота времени вспять. Вот я и повернул...

Солнце свирепое, солнце грозящее,
Бога, в пространствах идущего,
Лицо сумасшедшее.
Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее.

И вспыхнул странный сиреневый свет где-то за приоткрытой дверцей шифоньера...

— Спасибо, — сказал он (не свет, а тот, кто пришел из него), — во мне снова день. Мне пора идти. А книжку, — он кивнул на «Избранное» Гумилева на столе, — я заберу. На место надо положить.

— Зачем ты приносил ее? — спросил я его.

— Я обязан был дать тебе возможность защититься. Он, — мой «домовой» указал маленьким детским пальчиком, увенчанным кошачьим когтем, на фамилию на обложке, — знал, как это сделать. Откуда? Не знаю. Но мы всем даем шанс — тем, к кому приходим, — принося его книги. Все-таки пока мы там, в нас день, и мы знаем, что будем делать, когда в нас наступит ночь... Ну, пока.

— Пока.

Темный силуэт медленно растекался, поглощая пятно странного сиреневого света вокруг себя на внутренней стенке шифоньера. Вся тьма остается здесь...

«Я обязан был дать тебе возможность защититься»? Так он сказал?

Трепло мохнатое! Обязан он был дать!

Что я так возмущаюсь?

В том сборнике, что он принес, страница с «Молитвой» была вырвана. Теперь понимаете? Там не было нужной страницы!

Мне просто повезло, что я читал эту книгу раньше, и «Молитва» была одним из моих любимых в нем стихотворений...

А потом во мне наступил вечер. Пора.

Я взял заранее подготовленную книгу все того же Гумилева Н.С., подумал и вырвал страницу с «Волшебной скрипкой». Откуда он только знал эти формулы? И именно эту...

Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка...

Да, моему знакомому вовсе не обязательно знать эти строчки. Но я ведь обязан дать ему возможность защититься...

...Тотчас бешеные волки в кровожадном иступленье
В горло вцепятся клыками, станут лапами на грудь...

А потом я шагнул в свет... А еще через мгновение во мне наступила ночь...

Я вышел из-за большого деревянного кресла в углу — всегда прихожу оттуда. Томик я поставил на полку в его спальне и ушел обратно. Пока еще рано. Пусть прочитает — я ведь должен дать ему возможность...

Кстати, а вот этого Аверченко А.Т. я давно хочу прочитать, да и не я один. Его-то и возьмем. Теперь в другой дом — у меня здесь много «подопечных».

А еще через день я приду снова, и внутри меня снова будет ночь.

— Привет, — скажу я. Я никогда еще не заговаривал с ним...

И так — от мира к миру. В каждом — день, в каждом — ночь. И во мне, и в тебе, и в нем... И все темное остается здесь. Остается темным. Но мы обязаны давать друг другу шанс. А жаль. Я хотел бы прочитать кое-кого из вас. Вы знаете, что чувствует книга?.. Узнаете. Мой «домовой» подсказал мне хороший способ, и однажды один из вас не будет знать, что же должно было быть написано на вырванной странице... А во мне будет ночь... Есть и еще один способ — книгу не обязательно ставить на самое видное место... И тогда...

...Тотчас бешеные волки в кровожадном иступленье...

Андрей Дашков
ИНСТИНКТ ЖЕРТВЫ

Случается, жизнь в одно мгновение превращает охотника в дичь, палача — в жертву, хозяина — в раба, законника — в преступника. Тот, кто вечером заснул судьей, может наутро проснуться приговоренным.

Счастливики не замечают перемен.

Человек по имени Кейза всего лишь пытался избежать самого худшего.

Для него все изменилось за один день.

Он увидел наведенный на него ствол парализатора и понял, что проиграл. Но он не мог понять, когда им был сделан неверный ход. Может, тогда, когда он решился на операцию? Или гораздо раньше — когда поступил на службу в Контору? Или когда родился — хотя в этом случае с него спрос невелик. Его ни о чем не предупредили, и щипцы акушера безжалостно выдернули бессловесное дитя из материнской утробы, где ему было так тепло, уютно и безопасно...

Да, что-то не складывалось в его мозгу, словно не хватало кусочков рассыпавшейся мозаики. После операции Кейза туговато соображал, и вдобавок случались перебои с памятью. Тем не менее он ни о чем не жалел. Ему не оставили выбора. Рано или поздно его бы неминуемо вычислили. Он обладал слишком высоким IQ — гораздо выше установлен-

ного Порога Жертвы. И протяни он еще хотя бы полгода, жрецы забрали бы его сознание. И, само собой, тело, но это уже не так важно.

А он хотел быть человеком. Ему нравилось это нехитрое занятие.

Пропустить вечером стакан-другой в баре на углу. Возиться с сыном и учить его простым словам. Заниматься любовью с женщиной, которой явно не грозило переступить Порог. Выезжать на пикники. Бродить по берегу океана в поисках редких раковин. Проводить лето и встретить осень жизни.

Но, как выяснилось, уцелеть оказалось гораздо труднее, чем просто существовать.

Несмотря на то что его мозгокишечник стал короче на добрую треть.

Кейза еще был способен трезво взглянуть на вещи. Люди из Конторы охотились не за ним, а за нейрокаттером. И пока он, Кейза, не выведет их на последнего, убивать его не станут. Разве что немного покалечат. Он знал о методах дознания, применяемых самыми ретивыми из его бывших коллег. Знал больше, чем ему хотелось бы. Однако после операции он избавился как от кошмаров, так и от лишних хлопот с совестью, которая прежде частенько напоминала о себе, словно ревнивая любовница.

Кейза не был героем. Среди его современников героев вообще не осталось. При введении «сыворотки правды» молчали только немые.

Соответственно, потеряло всякий смысл и слово «предательство». Кейза жил в здоровом и стабильном социуме, где были искоренены ненужные крайности.

Картину портили разве что подонки, не способные оценить красоту жертвы.

И, конечно, те, кто примкнул к ним.

Вороны лаяли, по-хозяйски расположившись на помойке; их крики звучали как пророчество и далеко разносились в сыром воздухе. Да и весь этот гнусный район напоминал Кейзе громадную помойку. Отхожее место с сотнями закоулков. Одним словом, клоаку.

Кроме того, что в железобетонном лабиринте плохо пахло, здесь было еще и опасно. Особенно для чужака. Кейза не

обольщался на свой счет: для наметанного глаза определить в нем легавого не составило бы труда. Поэтому он старался по-реже высовывать нос из тачки, отъезжал на другую улицу, чтобы справить нужду среди развалин, и дважды менял машину.

Уже третье дежурство он следил за домом предполагаемого нейрокаттера. Это было чертовски нудное и утомительное занятие. «Зачем вообще нужны «бабки», если живешь в такой дыре?» — раздраженно думал Кейза, корчась на водительском сиденье и безуспешно пытаясь унять боль в спине.

Он-то знал, сколько имеют эти ублюдки за час-другой непыльной работы.

Больше, чем он зарабатывал за год, почти ежедневно рискуя своей шкурой.

Получалось, что еще одним мотивом его служебного рвения было стремление к справедливости.

Самого нейрокаттера можно было брать хоть сейчас, но Кейза отлично понимал, что его место сразу же займет кто-нибудь из сообщников. Даже туповатый шеф понимал это. В идеале следовало бы вызвать спецназ и накрыть всю шайку разом. Но все чаще агентам Конторы противостояли группировки, как нельзя лучше приспособленные к условиям абсолютного подполья. На то, чтобы выявить связи, уходили недели, если не месяцы.

Работа ищейки была настолько тонкой, что Кейза предпочитал действовать в одиночку. Он считался лучшим. Когда шеф прямо сказал ему об этом, у Кейзы хватило ума насторожиться. Он понимал, что означал подобный комплимент. И с тех пор страх уже не оставлял его.

...Из подъезда вышел человек в длинном пальто и низко надвинутой на глаза вязаной шапочке. Он поменял одежду, но не кожу — Кейза узнал его по цвету лица, бледного, как рыббий живот, хотя до этого видел всего один раз, причем мельком и в сумерках. Про себя Кейза окрестил бледнолицего мертвецом. Это было не так уж далеко от истины — мало кому удавалось ускользнуть из цепких лап Конторы.

Мертвец не был членом группировки; он был пациентом. И пациенты, и нейрокаттеры проходили по одинаковой статье, предусматривающей смертную казнь, ибо и те, и другие подрывали основы государства. С этой догмой Кейзу ознако-

мили еще в школе. Она прочно засела в его мозгах и до некоторых пор не вызывала внутреннего протеста.

Пациентов он безошибочно распознавал по характерной походке — в течение нескольких часов после перенесенной операции те двигались так, будто из них на ходу лилось дерьмо.

И вот этого птенчика можно было взять без особых хлопот. Кейза связался по мобильнику с напарником, находившимся за два квартала от него.

Напарник грел задницу в баре, смотрел бокс по телевизору и лакал кофе на деньги Конторы — поэтому жизнь вовсе не казалась ему осадком в полной бочке холодной тоски. Кейза не без злорадства отправил его на перехват пациента, указав весьма приблизительное направление. Он знал, что успеет первым. И скорее всего получит премию, а это совсем не лишнее, когда имеешь жену и ребенка, на котором природа как следует отдохнула.

Кейза вылез из машины, застегнул пальто и неторопливо двинулся вслед за пациентом, почти уверенный в том, что тот никуда не денется. Вид у него был такой, будто он разыскивал кого-то по ошибочному адресу.

Он едва не поплатился за свою самонадеянность. Мертвец свернул в переулок. Спустя полминуты Кейза выглянул из-за угла. Переулок был пуст.

Кейза заподозрил ловушку. Это было вполне возможно. Агентов Конторы порой находили в мусорных баках с перерезанным горлом. Подделать походку пациента не так уж трудно — это был один из коронных номеров самого Кейзы, который он исполнял на спор во время попоек с коллегами. Он ощупывал взглядом темные кирпичные стены и паутину металлических лестниц. Ширину он обычно измерял в задницах своей бабушки Сары. Ширина этого переулочка составляла примерно одну задницу, что было в общем-то немного. Двое мужчин могли бы разойтись, хотя и с трудом.

«Еще не поздно вернуться», — подумал Кейза с кислым привкусом обреченности во рту. Но он сам обрекал себя на риск, потому что был не из тех ищек, которые легко отказываются от добычи. И от премии, конечно.

А может, он просто не умел делать ничего другого.

Поэтому он достал ствол и начал осторожно пробираться по кирпичной кишке.

* * *

Здесь было сумеречно даже в солнечный день, а сейчас и подавно.

Уже через несколько шагов Кейза наткнулся на деревянный протез ноги, выглядевший в точности как отрубленная конечность. Его работа была не для чистоплюев, и Кейза не поленился заглянуть на всякий случай в стоявший поблизости мусорный бак. Он приоткрыл крышку, и в нос ему ударила волна смрада, от которого его едва не вывернуло. Справившись с подступившей тошнотой, он в очередной раз проклял нейрокаттеров, а также придурков, прибегающих к их услугам.

Справа в стене обнаружился лаз, который вел в подвал, но в эту дыру сумел бы протиснуться разве что пятилетний ребенок. Дальше по переулку на пожарной лестнице висела облепленная мухами дохлая кошка. Кейза поздравил себя с тем, что еще не успел поужинать. Труп кошки слегка покачивался, хотя стояло полное безветрие. Под ногами чавкала грязь и хрустело битое стекло. Кейза не мог взять в толк, куда же подевался пациент. Разве что провалился под землю, но на его памяти такого еще не случалось.

Он точно знал, что после визита к нейрокаттеру люди не отличались ни резвостью, ни достаточной сообразительностью, чтобы обвести вокруг пальца опытного агента. Они превращались в легкую добычу, имеющую один шанс из десяти. Но и за этот шанс они цеплялись до последнего.

А если все было подготовлено заранее и пациент действовал по плану? Кейза уже сталкивался с подобной предусмотрительностью. Он даже читал найденные во время обыска послания одного такого бедняги, обращенные к самому себе. Это неприятно напоминало письма отца, посланные сквозь время сыну-дебилу. Что-то вроде: «...Тебе тридцать шесть лет. Ты предпочитаешь рыбный суп, зеленый чай и блондинок. У тебя было пять женщин, но только первую ты любил по-настоящему. Ее звали Эльза...»

Трогательно до слез. Или смешно — как посмотреть. В Конторе смеялись все, кроме Кейзы, хотя он и растягивал губы в улыбке. На самом деле он понимал, что подобным образом любой человек может выработать для себя целую систему ориентиров, которые обеспечат адаптацию и выживание в будущем. Нанести тайные знаки памяти на полустертую карту собственного ничтожества. И оставить ищек Конторы в дураках.

...Кейза прошел еще метров тридцать. Его обоняние уже смирилось с вонью, но все остальные чувства были по-прежнему обострены до предела. Тут можно было потерять больше, чем премию. По пути он раздавил картонную коробку, в которую едва поместилась бы голова пациента. Коробка оказалась пустой, но довольно чистой снаружи и изнутри. Кейза отметил про себя это обстоятельство.

Облысевшая шавка рылась в объедках. Проходя мимо, Кейза невольно спугнул ее. Она отскочила на несколько шагов, затем поспешно вернулась на прежнее место.

Вскоре он добрался до перекрестка. Примерно такая же тараканья шель уводила вправо. Кейза высунул голову из-за угла. Женщина неопределенного возраста катила коляску, приближаясь к нему. Она была одета в дешевое пальто; на голове — платок и очки. Лицо опущено, однако аристократической бледностью оно явно не отличалось. Коляска была большая, ярко-синяя.

Чужеродное пятно на фоне здешней серости. Коляска закрывала часть фигуры.

В любом случае женщина шла слишком медленно, чтобы он мог заметить в ее походке что-нибудь необычное.

Примерно в семидесяти метрах от перекрестка проход заканчивался тупиком. Там темнел прямоугольник двери. Из-под колеса коляски выскользнула бутылка и отлетела в темноту, будто неразорвавшаяся граната...

Кейза хотел было спросить у женщины, не видела ли та человека с очень бледным лицом, но затем подумал, что никто из местных ничего ему не скажет. У этого нищего отребья был своеобразный кодекс молчания. Они могли резать и насиловать друг друга, но ни за что не обратились бы за помощью к представителю официальной власти — не говоря уже о том, чтобы оказать помощь легавому. А главными врагами для них все равно оставались и останутся разъезжающие в дорогих машинах сытые ублюдки, которые умеют грабить и убивать, не пачкая своих ухоженных рук.

Кейза решил действовать последовательно. Двигаясь навстречу напарнику, он по крайней мере убедится, что тому не удалось перехватить пациента. Чтобы как следует обыскать трущобы, потребовался бы целый отряд, и Кейза не собирался заниматься этим, ставя под угрозу всю операцию; нейрокаттер был гораздо более ценной добычей.

Он прошел метров тридцать в прежнем направлении. Миновал две наглухо заколоченные двери и очутился на небольшой площадке между домами. Даже здесь Кейза продолжал ощущать симптомы клаустрофобии. Столб с баскетбольным щитом для карликов. Веревки, протянутые от стены к стене, — дырявый гамак для сбитых рогатками ангелов. На веревках болтались серые простыни, словно саваны в каком-то приемнике-распределителе преисподней. Откуда-то сверху доносилась музыка; рэппер щедро сыпал проклятиями, и Кейза был с ним согласен.

Он оглянулся. Женщина, катившая коляску, удалялась от него. Кейзе показалось, что она ускорила шаг. Ее силуэт уже превратился в неразличимое черное пятно.

И в этот момент Кейзу осенило. Он обозвал себя кретином и бросился за нею вдогонку.

Теперь игра пошла по его правилам. Кейза быстро настиг пациента.

Абсолютно уверенный в том, что в коляске нет никакого ребенка, он с разгону пнул жертву тяжелым ботинком в крестец, и «мамаша» молча рухнула лицом в грязь. Коляска опрокинулась. Из нее вывалился весь реквизит: длинное мужское пальто, черный кожаный и довольно дорогой кейс, теплая куртка, вязаная шапочка и маска. Мельком Кейза успел подумать, что белая маска теперь особенно напоминает лицо мертвеца, выступившее из размытой дождем свежей могилы.

Человек попытался встать. Кейза сделал шаг к нему, готовясь нанести еще один удар. Под подошвой хрустнули очки. Теперь Кейза увидел истинный облик своей жертвы, разве что слегка искаженный грязью и несомненными признаками недавнего тестирования — кровоподтеками на висках и воспаленными слезящимися глазами. Становилось ясно, для чего понадобились платок и очки.

Прочие детали маскарада также не привели Кейзу в восторг. Перед ним был мужчина лет сорока, довольно плотный и уже обрюзгший, весь какой-то рыхлый под просторной женской одеждой.

— Лежать! — рявкнул Кейза, ткнув стволом парализатора в шею пациента. Спустя пару секунд он уже ловко окольцевал пойманную птичку, надев на нее браслеты, а затем заставил подняться и прислонил к стене.

Ему понадобилось некоторое время, чтобы отдышаться. Он испытывал немалое раздражение от того, что на сей раз при аресте пришлось изрядно повозиться. Кроме всего прочего, Кейза испачкал ботинки, брюки и относительно новое пальто. Черт подери, ведь он уже далеко не желторотый патрульный, чтобы бегать за переодетыми мерзавцами!

Физически он пребывал не в блестящей форме. Следовало признать, что он слишком стар для такой работы. Но серое вещество у него в порядке. Тут он вспомнил, что поздравлять себя не с чем. Как раз наоборот. Серое вещество лихорадочно соображало, перебирая варианты в поисках выхода. А вскоре и пациент подбросил ему обильную пищу для размышлений.

Человек с разбитым лицом прохрипел:

— Умный легавый, да? Значит, недолго тебе осталось...

— Ну, тебя-то я точно переживу, — сказал Кейза, оскалившись, как пес. Ему казалось, что он не сделал ничего особенного. Эта затея с маскировкой — такая дешевка!

— Вряд ли, — сказал мертвец, глядя на него чуть ли не с жалостью. — Умный легавый, а все-таки тупой.

Кейза не понимал, почему он все еще слушает этого ублюдка и не заткнет ему пасть, сунув ствол в зубы. Возможно, потому, что был уверен: теперь тот никуда не денется. И еще потому, что пациент переступил грань, совершив над собой нечто запретное, чудовищное, противное природе. Но одновременно Кейза испытывал жгучее любопытство, ведь он разговаривал с существом, которое добровольно отказалось от своего человеческого естества.

— Подумай, дурак, — продолжал пациент. — Скоро и тебя отправят на тестирование.

Кейза уже думал об этом, причем неоднократно. Поэтому слова незнакомца подействовали на него убеждающе — будто пророчество прокаркала безмозглая птица, которой верят больше, чем всем мудрецам на свете.

— ...Помоги мне, а я дам тебе шанс. — Мертвец вливал ему в уши остатки своего яда. Или лекарства?

Кейза был не прочь поторговаться. В конце концов, он не впервые вел грязную игру с осведомителями. Премияльные уже почти лежали у него в кармане.

— Ну давай, удиви меня, — сказал он, приблизившись к жертве вплотную и приготовившись услышать «откровения».

Но пациент сказал только:

— Справа, в пиджаке.

Кейза сунул руку по указанному адресу и нащупал предмет размером с мобильный телефон. Но не телефон. Это был портативный IQ-тестер — штука, которая стоила на черном рынке целое состояние. Светившийся на панели зеленый светодиод сигнализировал о готовности к работе.

(На черном рынке продавали единственную услугу: покупатель становился значительно тупее. Насколько тупее, не брался предсказывать никто — нейрокаттеры имели дело со слишком сложным объектом. При этом клиент рисковал превратиться в идиота. Правда, ни один не жаловался. Все удовольствие обходилось в сумму от десяти до двадцати кусков. Огромные деньги, но жертвам казалось, что жизнь дороже. Нейрокаттер либо получал плату по результатам послеоперационного тестирования, либо... пациент уже был не в состоянии заплатить. В общем, это была опасная и жестокая игра, в которой кому-то если и удавалось отсрочить свое поражение, то огромной ценой.)

...В эти секунды Кейза осознал, что ему действительно выпал редчайший шанс. Возможно, последний. Ирония судьбы заключалась в том, что он едва не лишил себя этого шанса, грубо обойдясь с переодетым клоуном.

Тестер был довольно хрупкой вещью. Гораздо более хрупкой, чем человеческий организм.

Кейза думал. У него еще был выбор. Премия, сделка или... убийство.

Пациент должен исчезнуть бесследно, иначе на допросе этот жирный червяк расскажет все. Однако у Кейзы не осталось ни времени, ни возможности упрятать того на пару метров под землю. Он бросил взгляд в переулок — напарника пока не видно. Кейза расстегнул браслеты и хлопнул пациента по спине:

— Пошел!

Тому не надо было повторять дважды. Он заковылял по переулку походкой больного пингвина. Кейза смотрел ему вслед. Он знал своих коллег по Конторе, которые не задумываясь выстрелили бы пациенту в голову, чтобы убрать единственного свидетеля и спрятать концы в воду. Но он был умнее их.

Нападение на агента при аресте — кто поверит в эту басню? Всем известно, что пациент практически не способен оказать серьезное сопротивление.

Человек скрылся за поворотом. Кейза дал себе зарок действовать отныне с предельной осторожностью. Он еще не привык к простой мысли, что стал государственным преступником. Возможно, какое-то семя созревало в нем давно, однако сама трансформация произошла почти мгновенно. Совесть молчала, когда говорил инстинкт.

— Легавый, а ты не боишься, что я прикончу тебя прямо на операционном столе?

— Деньги не пахнут, — ответил Кейза. — Вторую половину получишь через сутки. Если я сумею вспомнить, где она.

— Тебе помогут вспомнить. — Нейрокаттер ухмыльнулся. Что-то было в его ухмылке. Что-то такое, без чего Кейза считал бы угрозу блефом.

Его жизнь разделилась на «до» и «после» операции. Возможно, кто-то попросту донес на него, заметив произошедшие в нем перемены, но это вряд ли. В Конторе Кейзу окружали люди, которые, мягко говоря, не блистали способностью делать выводы. Иначе они просто не продержались бы на своей работе. Их функции были просты, понятны и однозначны: слежка и охота за нейрокаттерами. Количество последних не уменьшалось, несмотря на то что в случае поимки их приговаривали к смертной казни. Правда, до этого редко доходило — большинство успевали принять яд или застрелиться. И тогда люди из Конторы получали официальные выговоры и неофициальные поощрения.

Благодетель Кейзы до сих пор был жив. В свою очередь, пациент оценил качество работы. Среди нейрокаттеров попадались коновалы, и мертвецов на их совести было больше чем достаточно. Тех, кому удалось избежать жертвоприношения, считали по пальцам. И Кейза оказался в их числе. Таким образом, нейрокаттеры представляли угрозу для национальной безопасности.

Раньше Кейза понимал, что означали эти два магических слова — «национальная безопасность», а теперь, хоть убей, — нет. Например, он не понимал, почему эту штуковину можно было отделить от его, Кейзы, личной безопасности.

Как ни печально, он задался подобными вопросами слишком поздно — когда возникла реальная опасность для собственной шкуры. Да, он не стал жертвой. Но во имя чего приносились жертвы? Им, потенциальным «спасителям», заложникам гражданского мира и общественного порядка, с раннего детства внушали «идеалы», которые впоследствии позволяли оправдать жертвоприношения. Им объясняли, что это необходимо для всеобщего процветания. Древние убивали людей, выпрашивая у богов милость. Современные жрецы выпрашивали тотальную благодать — но у кого?! КЕМ или ЧЕМ были демоны термоядерного века?

Кейза не знал ответов. Однако хотел бы знать, несмотря на то что извилин у него в мозгу поубавилось и IQ упал до среднестатистического уровня. Он ощущал мучительную раздвоенность. Воплощенная серость не должна задавать вопросов, кроме самых простых. Какое пиво предпочесть? Где отдохнуть вечером? В кого сунуть свой слепой член-поводырь? Кому подставить свою зубастую щель?..

Теперь, просыпаясь по утрам, Кейза не испытывал ни радости, ни тоски. Он ничего не ждал, возвращаясь к реальности. Разве это нормально?

Он не видел снов. Выбравшись из беспамятства и открыв глаза, он смотрел в синее (или серое, или черное) небо за окном и больше не чувствовал безадресной благодарности за то, что еще жив.

Тогда стоило ли убивать часть себя ради спасения целого? Он добровольно кастрировал свое «я», изуродовал свой разум — но по-прежнему хотел бы сохранить то, что осталось. И он все еще испытывал боль, как будто именно она служила последним исправным индикатором его сомнительной принадлежности к человеческой расе.

Глухая злоба охватывала его при мысли о том, каково придется его жене, если с ним случится непоправимое. И что будет с его сыном?.. Возможно, боль и оставшиеся эмоции были только неизбежным приложением к инстинкту самосохранения, который теперь назывался иначе.

Инстинктом жертвы.

Он продержался шестнадцать месяцев.

Наталья Егорова

ЛПЛЯ

На столе в пластмассовом стаканчике сиротливо застыли кисти. Ее кисти, тщательно вымытые, оставшиеся без работы. Навсегда... И небрежно брошенный на спинку стула рабочий халат в разноцветных пятнах.

Лилька, Лилька, как же это?..

Я вскочил, безумно заметался по комнате, с размаху ударил кулаком в стену. Застыл, приходя в себя от боли в рассаженных костяшках пальцев. Она была слишком слабой, эта боль, она не могла заглушить ту, огромную, что заполняла все мое существо. Бесконечную боль от бесконечной потери.

Всего несколько дней назад я стоял в больничном коридоре, бессмысленно разглядывая большую истекающую слезами сосульку за окном. Солнце яростно заливало убогий дворик, и этот свет казался ненастоящим. Не могло быть так светло и ярко там, где произносился приговор:

— Мы не всеильны. Ничего нельзя было сделать. Ваша жена скончалась.

Пожилая докторша с участливым лицом протягивала мне стакан с прозрачной едко пахнущей жидкостью и продолжала что-то говорить. А я понимал одно: час назад я убил свою жену.

Когда Лильку вытаскивали из покореженного автомобиля, на ее лице застыла легкая улыбка. Она так и не поняла, что произошло.

* * *

— Ну же, Крыска, мы уже опаздываем. Я договаривался с Ромкой на три часа.

Она поморгала в мою сторону свеженакрашенными ресницами.

— Не могу же я ехать в таком виде. Погоди.

На мой взгляд, вид был совсем неплох. Впрочем, я никогда не замечал особой разницы между Лилькой покрашенной и Лилькой «в естественном состоянии». Но для нее, нечасто выходящей из дома, «боевая раскраска» казалась необычайно важной.

— Пробок сейчас нет. — Она провела тонкую линию помадой по верхней губе. — Доедем быстро, тем более что за рулем будешь ты.

С этим я мог бы поспорить. Лилия водила машину более рискованно, и штрафы в нашей семье собирала в основном она.

Мы все-таки опаздывали, и, выезжая на Кольцевую дорогу, я прибавил скорость. Лилька пребывала в прекрасном настроении, развлекая меня анекдотами. Из приемника лилась ненавязчивая музыка. Мы укладывались в джентльменское получасовое опоздание, а значит, все было в порядке. Я перестроился в крайний правый...

И увидел ее в последний момент, когда разум уже ничего не успевал просчитать. Дура с коляской, которую понесло наперерез автомобилям, идиотка с пустыми глазами обколотой. Если бы я успел сообразить, если бы я хотя бы успел понять! Но остались только рефлексy: резко вывернутый руль, бешеный визг тормозов, удар сзади, заставивший дряхлую «копейку» прыгнуть вперед, и толстый ствол, на котором я в последнее мгновение отчетливо увидел коряво выцарапанную надпись: «Так жизнь играет в шулки с нами».

Играет в шулки, да.

Почему я отделался разбитой бровью и парой ушибов, а Лилька погибла сразу и вдруг, не успев даже понять, что вот оно — небытие? Почему уродка с коляской, рыдающая возле милицейской машины, осталась жить, а Лилька — чудесная моя жена, которая тоже могла бы когда-нибудь выйти с коляской из дома — погибла? Почему убить ее было суждено именно мне? Я действительно любил ее...

Черное солнце, жестоко заливающее умерший мир ослепительным светом. Жадно разверстый зев могилы...

В гроб я не заглядывал. Совсем. Я не мог увидеть ее — такую.

Пальцы бездумно перебирали ее эскизы. Толпа беленьких недорасписанных матрешек лупоглазо глядела на меня с этажерки. Из застекленного шкафа смотрели готовые куклы — те, с которыми Лиле жаль было расставаться. На нарисованных лицах — легкие улыбки, пестрые цветы на платках, цветы на сарафанах и в нарисованных руках. Порой вечером она и встречала меня с кисточкой в руках, одновременно разогревая обед и вырисовывая пестрые завитушки на гладком дереве. В забавных игрушках была вся ее жизнь, которую я слишком редко разнообразил совместными походами в театр или в гости.

Последнюю матрешку она отнесла в сувенирный магазинчик к знакомой заведующей как раз неделю назад. Хохочущую матрешку в платке под хохлону — золотые невиданные цветы на красном фоне.

В последний день Лиля тоже надела красное платье. На нем незаметна была кровь, и оттого казалось, что она просто задремала. И улыбается во сне.

Я натянул куртку и вышел в апрельскую грязь и слякоть.

Увешанный картинами, коллажами, подарочным оружием, со шкафами, густо заставленными сувенирами, посудой, игрушками, и витринами, сверкающими разноцветием камней, магазинчик был пуст. Я двинулся мимо гжели, янтаря и керамических на злобу дня статуэток — пьяниц и поросят. В шкафу у окна в пестром матрешечном хороводе стояла и хохломушечка, последняя Лилина работа. Собранная. В самом углу. Укоризненно, несмотря на задорную улыбку, глядя на меня зелеными глазами. И мне показалось, что я сейчас услышу Лилькин голос:

— Смотри, какая симпатяшка получилась, правда?

Несмотря на двенадцать лет, что она занималась росписью, ей по-прежнему нужно было подтверждение удачности каждой работы. И я опять кивну:

— Очень здорово. — И поцелую ее в лохматую светловолосую макушку. Она ласково потрется затылком об мое плечо и...

— Вы кого-то ищете?

Я никогда не видел здесь этого продавца. Старик с темным, как мореный дуб, морщинистым лицом старой черепахи и глубоко посаженными непроницаемо-черными глазами, он подкрался незаметно, словно материализовался из воздуха.

— Я хотел бы забрать оставленную на комиссию матрешку. — Я протянул ему квитанцию.

Старик медленно посмотрел в бумагу, перевел взгляд на мое лицо.

— А Лилечка?..

— Она... — Я с усилием проглотил комок. — Она не придет.

«Никогда», — хотел добавить я, но промолчал. Мне показалось, что старик понял меня и без слов, потому что взгляд его стал сочувствующим. Пожевав впалыми губами, он позвонил связкой ключей, отпер стеклянный шкаф и достал мою матрешку.

Расписная кукла ярким цветком встала на витрине, отразившись в зеркальной поверхности железного самоварчика. Я взял ее, ощутив привычную гладкость лакированного дерева. Зеленые глаза нахально улыбались мне.

«Никогда не крути матрешку — ломай», — говорила мне Лилия. Я взялся за края куклы, намереваясь ломающим движением разделить ее, открывая верхнюю из семейки. И был немало удивлен морщинистой ладонью, накрывшей мою руку.

— Не торопитесь. — Старая черепаха покачала головой на морщинистой шее. — Это слишком легко — открыть новый... мир.

Я почувствовал себя персонажем пьесы абсурда. Старик отобрал у меня хохломушку, погладил куклу старчески скрюченными пальцами.

— Матрешка... вещь в себе. Вещь внутри себя и такая же, как она сама. Почти такая же и чуть-чуть другая. И каждая хранит в себе свой мир. Такой же и чуть-чуть другой. А может быть, чью-то судьбу. Такую же и чуть-чуть другую. Чем глубже, тем больше непохожести. Что может быть проще, чем ее открыть? Чем открыть мир? Чем изменить судьбу?

Я испугался. Сумасшедший старик в пустом магазине моргал на меня черепашьими глазами и нес совершеннейший бред. Сам не понимаю, что остановило меня, не дало выбежать на яростное солнце к шуму улицы.

Старик медленно кивнул:

— Ты понимаешь. Открыть мир легко. Нелегко его изменить. Чтобы мир стал другим, нужна жертва. Чтобы изменить одну судьбу, нужно пожертвовать другой. Чем глубже, тем больше изменений. И тем большим придется жертвовать.

Деревянная кукла звякнула о стекло витрины.

— Возьми.

И я внутренне содрогнулся почему-то, сжав в ладонях расписную матрешку.

Я засунул ее в нижний ящик письменного стола, зарыл в груду старых квитанций. Я понимал, что это чистой воды паранойя, но не мог вынести ее понимающий улыбчивый взгляд. И не стал ее открывать. Чудовищная ересь о «вещи в себе» не забывалась, заставляя меня порой задумываться о странных вещах. Например, что было бы, если бы мы не поехали на день рождения к Ромке Гушину. Или не опаздывали. Или идиотка с коляской забуксовала на обочине и не успела...

Я открыл ее через неделю.

Мир сошел с ума. Абсолют выворачивается наизнанку, пугая собственной неопределенностью. Тени несбывшегося мечутся вокруг, цепляясь за клочья сегодняшнего дня. Рвущаяся ткань реальности обнажает искореженные грани пространства. Едва удерживающееся на грани безумия, сознание успевает на миг зацепиться за бесстрастные неживые взгляды незаконченных матрешек. Шкаф, из которого на меня таращатся их глаза с бледных деревянных лиц, медленно кренится вбок. Кривится, стекая к вздыбившемуся полу, массивный деревянный карниз. А кисти в пластмассовом стаканчике начинают отплясывать безумный танец.

Миг — и нет ничего. Показалось?..

— Игорь, ты почему не торопишься? Нам выходить через четверть часа.

Я откладываю газету.

— Знаешь, Лилюш, может, ну его, день рождения этот! Позвоним Ромке, скажемся простывшими или что-нибудь еще...

— Что это ты еще придумал? — Голос Лили становится сухим и холодным.

— Мы с тобой так долго не сидели дома просто так. Или вообще давай пойдем погуляем в Нескучном саду, а? Или в кино?..

И я понимаю, что ничего не выйдет, когда она поджимает старательно покрашенные губы.

— Ну знаешь! В конце концов, Гушин — не только твой сотрудник, он еще и мой однокурсник. И если ты хочешь целый вечер тупо смотреть телевизор, то я не собираюсь тебе мешать!

Хлопнула дверь. Я потерял драгоценные секунды, впрыгивая в ботинки.

— Лиля! Лиля-а!

Но грязно-голубая наша «копейка» уже вырливалась со двора, взвигнув тормозами на повороте. Я бросился ловить частника.

— На Кольцевую! Я покажу.

Да, я слишком хорошо знал, куда ехать. Мужик за рулем явно принял меня за сумасшедшего, но, сложив в нагрудный карман аванс, молча рванул с места.

Я опоздал.

Милицейский «фордик» молча моргал сине-красным, двое в грязно-белых халатах поверх курток деловито тащили носилки с черным мешком. И рыдала всклокоченная идиотка с рыбьими глазами, цепляясь за ручку коляски, в которой, захлебываясь, орал младенец. А у меня в ушах звенел скрежет жуткого удара, когда «копейка» влетела в корявый ствол с дурацкой надписью «Так жизнь играет в шутки с нами». Влетела левой стороной.

Рулевая колонка насквозь пробила ей грудь.

И опять бьет в глаза сумасшедшее яростное солнце. А сосулька капает прозрачной кровью на обшарпанный карниз.

— Не казните себя. Вы не могли этому помешать. — Тихая докторша кладет пухлую ладошку мне на плечо.

Не мог помешать? Не смог изменить...

Я открыл следующую матрешку, хитро подмигивающую мне синими глазами, в день похорон. И мир снова сдвинулся с привычного места.

Я поругался с Гушиным за две недели до его дня рождения.

— Крыска, ты все рисуешь? Пойдем прогуляемся.

— До магазина и обратно?

Я потерял носом об ее плечо. Лиля недовольно дернулась, предусмотрительно отведя от работы кисточку в красной краске:

- Не подлизывайся.
- Поехали на ВДНХ?

Мы любили этот парк с его прудами, фонтанами, запущенными аллеями и неожиданно ухоженными клумбами. Я не мог помнить выставочные времена ВДНХ — в те годы мы с Лилей жили в Питере, но и пестрота мелких торговых павильончиков развлекала нас. Даже зимой, когда безлюдные заснеженные аллеи дремали под мягким серым небом.

У нас был свой ритуал. Мы выходили из электрички на платформе «Останкино», переходили широкую улицу напротив телебашни и неторопливо шли вдоль пруда, кидая крошки нахальным уткам. И дальше дворами, тропинками — до калитки у павильона метеорологии, где нынче продают мед и очки.

Лиля оживленно рассуждала насчет нашего сегодняшнего маршрута в парке, когда на светофоре загорелся зеленый. Я шагнул на мостовую и неловко споткнулся, пытаясь обойти грязную лужу. И в тот же миг в уши ворвался душераздирающий визг тормозов, а затем раздался глухой удар, от которого сердце попыталось выпрыгнуть из груди.

Первое, что я увидел, поднимая глаза, был Лилин ботинок — коричневый, на практичном каблучке, почему-то валяющийся в луже почти у самого тротуара. И только потом, уже придавленный к земле невозможной болью, смог перевести взгляд на бесформенную грудку, еще мгновение назад бывшую Лилей.

Бывшую моей женой.

Я опять не успел...

И, прижимаясь лбом к холодному стеклу, за которым о выщербленный карниз мерно бились прозрачные капли, я мучительно искал выход из замкнутого круга, начинающегося с матрешки, а заканчивающегося истощенным визгом тормозов.

И открывая матрешку — усмехающуюся, с глазами цвета ореха, — я уже знал, что нужно изменять нечто большее.

Письмо застало меня на кафедре, где я торопливо прихлебывал чай в слишком коротком перерыве между двумя группами бестолковых студентов, возжелавших изучать физику. Или, точнее, уступивших желанию родителей и собственному нежеланию пополнять армейские ряды.

Я пробежал глазами по ровным строчкам:

«Ваше выступление на VII международном семинаре... привлекло особое внимание... тематика Вашего проекта близка... было бы полезным объединить усилия... Наш институт занимается проблемами... приглашаетесь на должность ведущего научного сотрудника с окладом... Жилищная проблема может быть решена за счет...»

Буквы электронного письма расплылись перед моими глазами. Я хорошо помнил, что сулило мне согласие на эту работу. Я бросил наконец опостылевшее преподавание, мы переехали в Москву, получили (действительно!) крохотную, но уютную квартиру, и жалкие кафедральные копейки превратились во вполне приличную зарплату. И Лилька наконец перестала шлепать по лужам мокрыми ногами в дырявых сапогах. И мы даже выбрались летом на море.

Но я слишком хорошо помнил и другое. Скрежет тормозов, жуткий звук удара и издевательскую надпись «Так жизнь играет в шулки с нами» на корявом стволе.

И знал, что не имею права ошибиться.

Я ответил на предложение вежливым отказом. И ничего не рассказал о нем дома.

Прошло два года. Лиля по-прежнему рисовала, пытаясь поддерживать наш скудный бюджет на грани «вымирания». Я исправно отчитывал по 6—9 академических часов в день. И все, что мы могли позволить себе иногда на выходных, — это зайти в крошечное кафе на Мойке, возле которого несколько лет назад познакомились.

В ту среду Лиля ворвалась домой с горящими глазами.

— Меня приглашают в Москву. На выставку, — выпалила она с порога. Сердце мое мучительно сжалось в ледящем предчувствии.

— Крыска, может быть, не стоит? — начал обхаживать я ее. — В Москве полно своих художников, и работают они наверняка не хуже. Ну что тебе может светить? И потом, дорога, гостиница...

Я уже понимал, что взял не тот тон: нельзя было задевать Лилькино самолюбие, тем более что сама она уверенностью в себе не отличалась. Но я слишком ясно предчувствовал приближение трижды пережитой мной трагедии, и разум мой отказывался рассуждать здраво.

— Ты никогда меня не понимал! — закричала она. — Ты считаешь, что важнее физики твоей ненаглядной ничего нет, а жена должна стоять у плиты, пока ты разъезжаешь по своим конференциям!

— Лилюшка, погоди, ну давай подумаем...

— Мне такой возможности больше не представится, этот шанс выпадает только раз! И не смей вмешиваться в мою работу!

Такого скандала между нами еще не возникало. И она не дала мне даже проводить ее на вокзал, не говоря уже о том, чтобы сопровождать до Москвы. И в глазах ее, уходящей, блестили злые слезы.

Минуты текли талыми каплями, разбиваясь о карниз моей тревоги. И когда поздно вечером я почувствовал, что сердце мое содрогнулось и, оборвавшись, провалилось в небытие, все было уже кончено. И поздно что-либо предпринимать.

И похоронный звон телефона уже ничего не менял.

— Это Игорь Селиванов? Ваша жена...

Конечно, это был несчастный случай. Опять. Я снова раскрыл не ту судьбу.

Я сжал в пальцах последнюю оставшуюся матрешку, неожиданно серьезную. Я вглядывался в ее голубые глаза, безуспешно пытаюсь найти в них ответ. Чем я мог пожертвовать во имя жизни той, которую мне раз за разом не удавалось спасти? Чем еще?

«Чтобы изменить одну судьбу, нужно пожертвовать другой. И чем глубже, тем больше жертва», — словно наяву услышал я голос странного старика.

Я отказался от вечеринки, от друзей, от работы и обеспеченной жизни. Но хранительница судьбы — вещь, таящая в себе слишком много миров, чтобы это можно было постичь разумом — лишь насмеялась надо мной, нахально наблюдая за моей жизнью нарисованными глазами с деревянного лица. Что еще я мог бросить под ноги судьбе, пытаюсь найти единственно верный путь? Разве только... себя?

Я медленно раскрыл последнюю матрешку. И мир привычно сошел с ума.

На свинцово-бурой поверхности Мойки истерично бился чей-то оброненный красный шейный платок, чудом не тону-

щий в мутной воде. Красный платок с золотыми хохломскими цветами.

Я смотрел на воду, потому что не мог заставить себя обернуться. Потому что помнил, что должно произойти сейчас, буквально сию минуту. И знал, что я должен сделать.

Она вынырнула из-за угла: легкая, словно гонимый сыр-ым питерским ветром лист. Светлое пальто, сапожки на практичном каблуке, тряпичная сумка с вышитым зазорным щенком. Я знал, что в сумке этой — четыре матрешки, которые она с утра неудачно пыталась пристроить на столы продавцов возле Спаса-на-Крови. Потому что это была Лиля.

Лилечка.

Моя будущая жена. Или бывшая. Живая. И еще не знакомая со мной.

Лиля легко соскочила с тротуара, шагнув к мосту. Но, забыв о коварстве неремонтируемых дорог, оступилась и со всего размаху села в талую лужу, неловко подвернув ногу. Обиженно скривилось ее милое лицо.

Я подбегу к ней, подниму, помогу отряхнуться. Окажется, что ногу она все же слегка растянула и заметно хромает. Мы зайдем в безымянное крохотное кафе всего на четыре столика, где у окна стоит аквариум и готовят удивительно вкусный капучино. Мы проболтаем до вечера, меряя шагами стылые набережные, я провожу ее до дома и, едва войдя в свою квартиру, брошусь к телефону, чтобы пожелать ей спокойной ночи.

Через несколько месяцев мы распишемся.

А еще через три года я буду стоять в залитом солнцем больничном коридоре и, кроме боли чудовишной утраты, ощущать невыносимое чувство вины. Потому что так и не смог ничего изменить.

И поэтому я сделаю последнее, что мне осталось.

Я не двинусь с места.

Она попыталась подняться, но замерзшая ладошка скользнула по льду, и Лиля снова плюхнулась в лужу. Она посмотрела на меня — ожидающе, но я не двигался. Я только впитывал всем существом это лицо, и этот сердитый взгляд, и щемяще-знакомый жест. Потому что мы никогда больше не встретимся.

Потому что это моя последняя жертва.

К ней подошел молодой человек в кожаной куртке, поигрывая ключами от автомобиля. Поднял, помог отряхнуться,

что-то сочувственно произнес. Лиля улыбнулась — знакомо и трогательно.

А я отвернулся к темной воде, на которой упрямо и безнадежно трепетал цветастым крылом красный платок. Я сделал все, что мог.

Я знал, что буду искать на столах возле Спаса на Крови или в маленьких сувенирных магазинчиках матрешку, подписанную Лилей. Матрешку в красном хохломском платке с насмешливыми зелеными глазами.

И не буду ее открывать.

Галина Попынская

ЧУЖОЕ СЕРДЦЕ

В моей груди бьется чужое сердце. Я поняла это сегодня утром. Мое собственное стучало спокойно, задумчиво, ведь оно было у себя дома, а это бьется робко, чуть что — готово испуганно сорваться. Кто твой хозяин, сердце? Познакомь меня с ним. Не бойся меня. Если уж ты здесь, осваивайся, осматривайся, привыкай. Конечно, можно было сделать вид, что мы с тобой не заметили подмены, но ты совсем другое, да и я, наверное, совсем не похожа на твою прежнюю владелицу. Или владельца? Интересно, мы с тобой теперь вместе навсегда или на время? В любом случае я полюблю тебя, а ты ответишь мне взаимностью?

Приложив ладонь к груди, я смотрела в потолок и слушала печальный, тихий голос нового сердца. Тонко запиликал телефон. Я поискала в складках покрывала маленькую серебристую трубочку.

— Да?

— Приветик.

— Привет, Лоя.

— Не хочешь выйти погулять? Такая чудесная погода, мы с ребятами собираемся посидеть в кафе на Монмартре.

— А в каком именно?

— Ну, в нашем, у собора Сакре-Кер. Ты придешь?

— Не знаю. У меня чужое сердце.

— Да? Вот здорово! А давно?

— Возможно, пару дней, я только сегодня заметила. Может, надо оставаться в кровати?

— Да нет, что ты, живи как обычно, никакого специального режима не требуется.

— Все-таки это... необычно. Их действительно меняют незаметно, никаких следов, ничего. Просто однажды понимаешь — у тебя другое сердце. Потрясающее ощущение.

— Ния, поздравляю! Честно сказать, в глубине души я знала, что ты будешь первой из нас! Это такая честь! Ты сдала свой первый и, наверное, самый главный жизненный экзамен! У тебя все получится, даже не сомневайся! Так ты придешь в кафе? Ты должна всем об этом рассказать!

— Да, пожалуй. — Я мысленно подсчитала время пути от Патриарших до Монмартра. — Буду где-то часа через полтора.

— Так долго?

— Я еще в кровати лежу, пока оденусь, позавтракаю...

— Позавтракаешь с нами! Ждем! — весело перебила Лоя и отключилась от связи.

Кровать заправлять совсем не хотелось, этот ежеутренний, набивший оскомину ритуал никак не вязался с тем, что я чувствовала. Итак, покрывало небрежно отброшено в сторону, прохладная вода приятно освежила лицо, волосы стянуты в хвост и закручены в узел, из гардероба выбрано короткое легкое платье зеленого летнего цвета, на ноги — белые туфли на невысоком каблуке, в белую сумку: телефон, кошелек, помаду, пудреницу, и можно было отправляться. Закрыв за собою дверь, я произнесла, обращаясь к едва заметной голубой панели в центре:

— Все, я ухожу, возможно, меня не будет целый день, так что все сообщения перенаправляй на мой карманный телефон.

Послышались тихие щелчки блокировки дверных панелей, включилась сигнализация, противопожарка, отключились электричество и вода.

— Счастливого пути, Ния, возвращайся поскорее и ни о чем не беспокойся, я за всем здесь присмотрю, — ответила моя квартира приятным голосом молодого человека.

Когда я только въехала сюда и надо было выбирать головное сопровождение для системы домашнего управления, я остановилась именно на этом: 7-16 «Май». Я не знаю, даже не

представляю себе, какой он, этот молодой человек, чей голос каждый день желает мне доброго утра, приятного аппетита, напоминает, что в комнате слишком душно или, напротив, слишком холодно, желает счастливого пути, приветствует, когда возвращаюсь. Не знаю, как его зовут на самом деле, или это настоящее его имя, но привыкла к нему, как к родному, порою даже скучаю, если долго не бываю дома. Не хватает ласкового: «Доброе утро, Ния...» Имя «Май» ему очень подходит. Чудесное имя. Я думаю, он брUNET и у него синие глаза.

Солнечное яркое утро заливалось птичьими трелями из хорошо замаскированных динамиков. Птицы не жили вблизи транспортных развязок, и растительность в окрестностях трасс почти вся искусственная, зато цены на аренду квартир гораздо ниже, чем в районах с натуральной зеленью и живыми птицами. Ну что ж теперь, зато транспорт всегда рядом, а искусственные деревья даже на ощупь от живых почти не отличаются.

Пешеходная лента доставила меня на платформу «Патриаршие пруды». Я частенько задумывалась, почему у этого транспортного узла такое странное название? От него веяло какой-то романтической тайной, оно совсем не подходило к одетой в стекло и металл платформе.

Парижская стрела стояла полупустая. Я села в свободную кабинку и защелкнула на талии скобы безопасности. Оператор стрелы прошелся по рядам, проверяя, все ли в порядке, и вскоре из динамиков зазвучал женский голос:

— Мы приветствуем вас на борту пассажирской стрелы Москва—Париж, напоминаем, что стоимость проезда включена в стоимость посещения города. Не забудьте надеть маски при вхождении в зону турбулентности пространства. Экипаж желает вам приятного пути.

Зазвучала легкая музыка, окна сделались непрозрачными, и я, устроившись поудобнее, закрыла глаза, вслушиваясь в бие сердца. Май, я скоро вернусь...

Движения стрелы, как обычно, не чувствовалось, казалось, она стоит на месте.

— Мы входим в зону турбулентности пространства, — сквозь музыку произнес женский голос, — наденьте, пожалуйста, маски.

Не открывая глаз, я взяла из отсека кабинки маску, на ощупь расправила ее и прижала к лицу, решив не натягивать

крепления на лоб и затылок. Ноздри защекотал легкий запах озона, темные веки затревожил сиреневый свет, виски на секунду сдавило. Женский голос произнес:

— Экипаж стрелы желает вам приятного времени в городе-музее Париже.

Я сняла маску и положила в отсек, окна стрелы светлели, становясь прозрачными.

Платформа дышала летом. Пешеходная дорожка доставила нас ко входу в Париж. Расплатившись, я отказалась от гида и направилась к прозрачным воротам Оградительного Купола музея. До Монмартра решила пройти пешком. Неужели по этим дорогам когда-то ездили машины? А в этих домах жили люди? Поверить невозможно. Кафе, магазины и сувенирные лавки создавали иллюзию живого города, но мне хотелось замереть у какого-нибудь фонтана, закрыть глаза и представить музей настоящим городом с машинами, толпами спешащих людей, птицами и запахом жареных каштанов. Говорят, здесь когда-то жарили каштаны прямо на улицах. Я однажды видела один в Лувре. Непреодолимо хотелось разбить непробиваемое стекло, взять в руку маленький коричневый кругляшок, взвесить, покатавать на ладони, раскусить его панцирь, заглянуть внутрь, вдохнуть запах живого города Парижа.

Вскоре показался белый купол собора Сакре-Кер, у его подножия теснились магазинчики и крошечные кафе. В этот ранний утренний час посетителей было немного, ребят, занявших центральный столик, я увидела сразу.

— О, а вот и наша затворница! — воскликнула Лоя. — Скорее, Ния, твой завтрак еще не остыл!

— Привет, ребята. — Присев за столик, я улыбнулась Лое, Скифу, Адриатике и Грабу. — Что сегодня вкусненького?

В тугих листьях салата истекло желтым соусом чье-то мясо.

— Это кто? — Я поднесла тарелку к лицу. Пахло вкусно, остро.

— Какие-то полинезийские мутанты, вроде из птиц, — отмахнулась Лоя, — ты давай рассказывай! Да, ребята, у нас потрясающая новость! У Нии чужое сердце!

— Опа-па! — воскликнул Скиф. — Поздравляю! И давно?

— Не знаю, я не почувствовала, наверное, пару дней — не больше.

— И как оно? — Улыбчивые зеленые глаза Граба рассматривали мое лицо, словно он хотел разглядеть во мне нечто новое. — Какое?

— Спокойное. Я еще толком с ним не познакомилась.

— Везет тебе, — вздохнула Адриатика, — я думала, из нашей компании мне первой дадут или Грабу. Нет, ну почему именно тебе?

— Адри, — вмешался Скиф, — ну что ты в самом деле, это же праздник, а ты...

— Нет, ну почему именно она? Вы не представляете, как я готовилась к этому моменту, я все продумала, все просчитала! Ребят, вы не понимаете, я была уже готова к этому внутренне! Ну неужели я не смогу принять и изучить чужой мир?!

Я смотрела на огненно-рыжую, смуглую, тоненькую, как эбеновая статуэтка, Адриатику и молча улыбалась. Ну а что я могла поделать с этим? Я не готовилась внутренне, ничего не делала, но отчего-то сочли, что я смогу, я созрела для принятия в себя чужого сердца. Сердце, ты бывало в Париже? Что ты чувствовало здесь? И оно вдруг отозвалось, сменило свой грустный тембр одиночества в чужой груди на едва ощутимый ритм воспоминаний.

— Ния, ты где? — Лоя коснулась моей руки.

— Не трогай ее, кажется, Ния разговаривает с сердцем. — Граб мягко улыбался, глядя на меня. — Ния, я прав?

— Да, — моя улыбка вышла мечтательной, — оно отвечает... оно бывало здесь, ему нравится Париж.

— Ох, ну надо же, — вздохнула Адриатика, — и уже отвечает... Нет, ну как так, а? Так быстро...

— А что ты будешь делать? — спросил Скиф.

— Поношу его по Парижу, поищу знакомые ему места, послушаю его. В общем, будем узнавать друг друга ближе. Простите меня, ребятки, я пойду?

— Ну конечно, — ободряюще кивнула Лоя. — Ты к нам не вернешься?

— Боюсь, нет, у меня билет всего на три часа. Забегайте ко мне.

Мы расцеловались. Чмокнув капризные губы Адриатики, я шепнула ей на ухо:

— Ты будешь следующей, вот увидишь.

— Хотелось бы, — вздохнула она, приобнимая меня за плечи, — я приеду к тебе сегодня вечером или завтра утром, хотелось бы поподробнее расспросить, можно?

— Конечно, дорогая.

— Мы все приедем. — Попивая горячий сладкий напиток, Граб смотрел на меня, улыбаясь уголками губ. — Ты все еще живешь в районе «Москва»?

— Да, пока не собираюсь уезжать оттуда.

— Ох, ну там же один транспорт, сплошные дороги, — покачала головой Адриатика, — как там можно жить? Переехала бы лучше...

— Адри, прости, но у меня мало времени. — Я перебросила тонкий ремешок сумки через плечо. — Приезжайте и обо всем поговорим.

Махнув рукой на прощание, я пошла наугад по Монмартру и свернула в первую попавшуюся узенькую улочку старого города. Пока еще ни один турист не попался мне на глаза, и казалось, что я единственный посетитель музея сегодня. Сквозь высокий, едва заметный купол било солнце, а воздух был приятно прохладным — в Париже отличная вентиляция. Когда Париж был просто городом, его площадь простиралась гораздо дальше нынешней, музейной — я видела древние карты, — а теперь неторопливым шагом его можно было исходить вдоль и поперек часов за пять — семь.

Я бродила по узким улочкам, рассматривая старинные дома: одни темные, почти черные, закрытые для туристов, слепо смотрели глухими непрозрачными окнами, другие дома — светло-коричневых, желтых и даже белых цветов — выглядели жилыми, к ним в окна можно было заглянуть и увидеть интерьер комнат с мебелью и утварью.

Внезапно сердце взволнованно екнуло. Я остановилась.

— Что? Где? Тебе тут что-то знакомо? Дорого?

Я скользила взглядом по улочке, на которую только что вышла. Когда глаза остановились на трехэтажном каменном доме, сердце затрепетало. Я подошла к дому и поискала какую-нибудь табличку. Надпись уличного указателя гласила: «*Gue Gabrielle*», ниже — интересные исторические факты, которые в данный момент меня совсем не интересовали. Я слушала сердце. Оно хотело попасть внутрь, но дом был закрыт для посещения.

— Как же мы войдем? — Я подошла ближе, разглядывая высокие запертые двери, декоративные решетки на широких окнах первого этажа, узких второго и маленьких третьего под необычной треугольной крышей. — Это запрещено, да и небезопасно...

Но я знала, что все равно пойду куда угодно, лишь бы побольше узнать о новом сердце, вдруг его разочарует моя неуверенность и трусость и оно надолго замолчит? Я приложила ладонь к груди и прошептала:

— Если ты знаешь, как туда попасть, покажи.

Сердце всколыхнулось радостью и повело меня. Мы обогнули дом, прошлись вдоль южной стены, опять свернули за угол, и я увидела, что задняя стена здания как-то странно обрезана, словно когда-то здесь впритык стоял еще один дом. Не знаю, так ли это, но теперь тут был разбит сквер. Я разглядывала искусственные деревья, скамеечки, тщательно разложенные по дорожкам листья, а сердце просило обратить внимание на дом. Я принялась разглядывать почерневшую от столетий каменную кладку. Граб рассказывал, что все памятники архитектуры городов-музеев, даже подводной Венеции, обработаны специальным составом, если бы не он — все давно бы разрушилось. Снимать состав нельзя было ни в коем случае, поэтому вычистить здания и увидеть их первоначальный цвет уже не представлялось никакой возможности.

Ведомая сердцем, я шла, рассматривая странно обрезанную стену, и, если бы не нетерпеливый сердечный толчок, ни за что бы не заметила черную, в цвет кладки, дверь. «Открывай же! Открывай! — торопило сердце. — Ну не бойся! Толкни ее!» Я протянула руку, но никак не могла заставить себя совершить запретного — коснуться двери и войти в этот дом. Но сердце и теперь победило. На ощупь гладкая черная поверхность показалась жирной. Дверь подалась внутрь и бесшумно приоткрылась. В лицо ударил тяжелый кисловатый дух, в горле моментально запершило, и я подумала о составе, покрывающем дом снаружи и изнутри... да так же и отравиться можно! Дом никак не проветривается, все окна-двери закрыты герметично... теперь уже кроме одной. Стоя на пороге, я всматривалась в непроглядный затхлый сумрак, глаза постепенно привыкали, стали различимы ступени уходящей вверх лестницы. Сердце билось взволнованно, но тихо, оно не хотело нас выдавать, ведь теперь мы были соучастниками.

Затаив дыхание, я шагнула внутрь, не сводя глаз с нижней ступени, запоминая ее расположение на случай, если дверь за мной захлопнется и я останусь в кромешной темноте. Но дверь осталась приоткрытой, и тонкой, четкой линейки света впол-

не хватило на то, чтобы преодолеть шесть высоких ступенек и оказаться на первом пролете. Дальше лестница исчезала в густой тьме. А сердце требовало, чтобы я шла дальше. Из сумочки я достала помадный тюбик, в крышечке которого имелся яркий светлячок, благодаря ему губы можно было накрасить даже в темноте. Вспыхнувший тоненький лучик чиркнул по ступеням. Поднявшись на второй этаж, я очутилась перед дверью, и сердце подсказало: «Открывай...» Я вошла в просторную пустую комнату с высокими потолками и узкими окнами. Черными стекла были только снаружи, изнутри они оказались прозрачными, и длинные прямоугольники солнечного света лежали на полу. Сердце билось спокойно и как-то задумчиво, в его ритме ощущалась какая-то светлая, легкая грусть. Я огляделась. В дверных проемах виднелись пустые комнаты. Надо же, я была уверена, что повсюду тут будет полным-полно пыли, но было чисто и... скользко. Да еще этот запах... от него першило в горле и шла кругом голова.

— Ну и что мы тут ищем? — спросила я у сердца и подошла к окну.

Удивительное ощущение — смотреть из окошка дома, которому столько тысяч лет... Я с любопытством разглядывала улицу, дома напротив с этого необычного ракурса. Надо же, когда все районы были отдельными городами и у них были какие-то страны... Я смотрела на пустынную улочку, на дома со слепыми окнами... Эти окна похожи на широко распахнутые остекленевшие глаза, будто дома что-то увидели такое, отчего их глаза разом застыли, ослепнув на века... Интересно, что за люди здесь жили? Чего хотели, кого боялись, о чем мечтали? Как они общались между собой, как понимали друг друга, не меняясь сердцами? Что они могли знать друг о друге, не имея возможности ощутить в своей груди биение чужого сердца? Чем же они занимались всю свою молодость? Вдруг сердце забилось, заволновалось, требуя внимания, а мне совсем уж тяжело дышалось. Осмотрев оконную раму, я поняла, как поднимается стекло. Глубоко, с наслаждением вдохнула прохладный воздух, в голове сразу же посветлело.

— Скажи мне, сердце мое, что мы тут делаем?

Оно не обиделось на то, что я назвала его «своим», а лишь часто билось, меняя ритм, будто силилось мне что-то сказать на своем сердечном языке. Порыв ветра шевельнул бумажный

уголок меж оконных рам, и я заметила сложенный листочек в неровной щели. Вытащив его, развернула и прочла:

«Привет, хоть и не знаю, кто ты. Я понимаю, что это против всех законов, но все же рискнул написать тебе это письмо, потому что знаю — мое сердце приведет тебя сюда. И если привело, значит, ты человек, могущий слушать чужое сердце, я хотел бы с тобой познакомиться, но я скоро умру, и у меня заберут сердце, чтобы отдать его тебе. К сожалению, я смертельно болен, но сердце мое здорово, оно выживет, не пропадет, сердца — они никогда не пропадают. У меня хорошее молодое сердце, у тебя не будет с ним хлопот. Да, кстати, оно еще ни разу не любило, просто не успело. Может, оно полюбит сначала тебя, а потом вы вместе полюбите кого-то? Жаль, что я тебя не знаю... то есть сердце-то все равно тебя узнает, а я... прости за неразборчивый почерк и путанные мысли. Ну, что я могу сказать о себе и своем сердце? Нам 20, мы любим... нет, любили путешествовать и оставили тебе записки во всех пяти городах-музеях, чтобы уж точно встретиться с тобой. В этих письмецах я рассказал о нас, всегда по-разному. Если ты захочешь, мое сердце будет тебе гидом по нашему с ним миру, оно все тебе покажет и расскажет. Что мне сказать тебе сейчас, в моем первом письме? У меня есть мама и два старших брата, мы живем в небогатом, но очень красивом районе «Лондон», может быть, ты знаешь общежитие «Вест-аббат»? Если ты, конечно, захочешь и найдешь время навестить мою семью, ниже я напишу подробный адрес. Просто скажи им, что у тебя мое сердце. Я был бы благодарен тебе за это. Ну, что еще? Наверное, пока все. Не грусти и не скучай.

Май Грааске».

08.04.03

Сергей Лукьяненко

МЫ НЕ РАБЫ

Девушка была такой очаровательно глупенькой, что ей, наверное, даже не снились сны.

— Вы не боитесь? — спросила она. Не дожидаясь ответа, продолжила: — А я так ужасно боюсь! Этот ужасный экзекутор...

— Экзекьютор, — поправил я.

Милый лобик сморщился, будто пытаюсь компенсировать недостающие внутри извилины.

— Он же экзекуцию проводит? Экзекутор?

— Эк-зе-кью-тор, — повторил я, разглядывая картины на стенах. Вроде бы обычные классические полотна, но с вариациями. Такие картины вошли в моду год назад и до сих пор не приелись публике. Чего там только не было — и «Последний день Помпеи», где на фоне рушащихся зданий шла веселая оргия, и скабрезные «Охотники на привале», и совершенно непристойная смесь «Утра в сосновом бору» и «Аленушки». — Эк-зе-кью-тор. Исполнитель. Он выносит приговор. По сути, он даже его не исполняет, но слово прижилось...

— А экзекуция? — жалобно спросила девушка.

Я покачал головой. Снял и протер очки.

Она и впрямь была удивительно хороша. Чудесная фигурка, где надо — тонкая, где надо — округлая. Красивое личико — слово «лицо» будет слишком грубым. Чудные светлые волосы. Губы... манящие.

И полная дура. Как и положено лицензированной девушке для удовольствий. Большинство девушек, подписывая стандартный годовой контракт, включают в него пункт о временном оглушении.

— Мне пора, — сказал я.

Девушка вздохнула. Сказала с такой неподдельной грустью, что я на миг заколебался, стоит ли уходить:

— Говорят — все блондинки дуры. А я считаю, что это неправда!

Я ждал продолжения. Вдруг какая-то мысль прорвется через дремлющие нейроны?

— А почему он не экзекутор? — спросила девушка.

Улыбнувшись, я встал и чиркнул карточкой по кассовому терминалу:

— Не сложилось, милая... Я буду по тебе скучать!

Она расцвела в ответной улыбке:

— Я тоже, милый!

И я вышел из помещения, где десяток беленьких, черненьких, рыженьких и лысых девиц ожидали клиентов. Все как одна — красавицы. Все как одна — дуры.

И я дурак.

Дурак-экзекутор.

Додумался, где искать будущую любимую: в городском борделе!

На улице, несмотря на раннее утро, было жарко. Климатизаторы в городе не работали. То ли местные жители привыкли к такой погоде, то ли в мэрии проворовались сильнее, чем считали на Земле. Я двинулся по проспекту Первопоселенцев к площади Независимости. На любой земной колонии есть такой проспект и такая площадь.

И любую колонию рано или поздно посещает экзекутор.

Прохожих было немного, и почти все лица оказались мне знакомы по трехмесячному путешествию на «Левиафане». Местные сейчас радостно разгружают грузовые боты... Плечистые японцы в зеркальных очках последней модели деловито оглядывали достопримечательности — церковь, ратушу, мечеть, здание суда, памятник кому-то-из-колонистов-спасшему-колонию-от-бедствий. Временами стекла очков подергивались радужной пеленой: не удовлетворившись видеосъемкой, туристы делали голографическую съемку местности. Другая груп-

па туристов усаживалась в экскурсионный автобус. Их ждала обычная программа — экскурсия к месту посадки колониального баркаса, визит в деревню аборигенов, охота на диких зверей в ближайших джунглях, ужин в ресторане с местной кухней, а после, для лиц с крепкими желудками, невинные ночные шалости. Маятниковый лайнер будет ждать на орбите еще сутки, а потом неумолимые законы гиперпространственной физики швырнут его к следующей планете. Надо спешить, надо успеть повидать все, за что заплачены немалые деньги.

А вдвойне спешить надо мне. За сутки я должен влюбиться и вынести приговор.

Памятник, как ни странно, мне понравился. Он изображал благообразного бородатого мужчину с короткой стрижкой. В руке бородач держал что-то вроде посоха, что придавало ему внешность сказочного мага. Но подпись на постаменте гласила, что передо мной старший механик колониального баркаса, на четвертом году полета добрым словом и обрезком титановой трубы усмиривший мятеж. Я даже посмотрел короткий игровой ролик, из которого следовало, что главную роль в усмирении сыграли-таки добрые слова, а обрезок трубы служил лишь вспомогательным фактором. Ролик был хороший, но мои очки, подключенные к закрытой базе данных, немедленно выдали иную версию событий, где злосчастной трубе отводилась более заметная роль.

Возле памятника меня и начали пасти.

Вначале я заметил двух топтунов — один азиат, другой европеоид. Потом появился третий — пожилой негр. Потом четвертая — хорошенькая рыжая девица.

В окружении этой четверки я свернул в узкий проулок между мэрией и двухэтажным универсальным магазином.

Там меня ждал симпатичный интеллигентный юноша, похожий на музыканта или молодого перспективного актера. Очки, однако, отработали его сразу — перед глазами побежали строчки досье.

Сын мэра был вовсе не музыкантом, он возглавлял местную тайную полицию. По колониальным масштабам — серьезный пост. По земным... достаточно сказать, что все подчиненные юноши, в количестве четырех человек, стояли сейчас за моей спиной.

— Здравствуйте, господин исполнитель, — сказал юноша.

— Здравствуй, Денис, — ответил я. — Что ж ты всех служак сюда собрал? А если кто-то из туристов наркоту провез?

— Все чисто, — быстро ответил юноша.

— А если кто-то собирается контрабандой кристаллы с рудника вывезти?

Перед глазами замигала оранжевая точка — Денис напрягся:

— Это серьезно, исполнитель?

В общем-то это не было моим делом. Но почему бы не помочь законной власти?

— Приглядитесь к толстому рыжему немцу, — посоветовал я. — Особенно поинтересуйтесь, нет ли у него контейнера-имплантата в брюшной полости.

Почти неуловимый жест — и азиат с девушкой ушли.

— Спасибо, исполнитель, — сказал юноша. — Скажите, что нам грозит?

Я молчал. Мы никогда не отвечаем на такие вопросы.

— У нас самая обычная колония, — будто себя уговаривая, сказал сын мэра. — К Земле лояльны, общих законов придерживаемся... в целом.

Я ничего не сказал.

— А с теми аборигенами... было не ясно, что они разумны, — продолжал юноша. — Да это и сейчас еще не до конца доказано! И виртуальный притон мы закрыли... как только директива с Земли пришла...

Что я мог ему сказать? Что эта колония — и впрямь не худшая из сотни мелких человеческих поселений. Что у них хотя бы не процветают изуверские культы, не практикуется рабство, к местным формам жизни относятся достаточно гуманно. Что я еще не вынес приговор, да и вряд ли он окажется суровым?

Нам запрещено отвечать на такие вопросы. Первое правило, которое я усвоил, с пяти лет обучаясь на экзекьютора: никаких дискуссий с подследственными. Ребенком я проверял школы, в возрасте этого паренька — контролировал мелкие фирмы. И никогда, никогда не отвечал на вопросы.

— Ты уже вынес приговор, исполнитель? — спросил юноша.

Я повернулся и двинулся обратно.

— Что случается, если исполнитель гибнет? — Вопрос ударил в спину будто выстрел.

— Следующий экзекьютор учитывает этот факт. — Я обернулся. — Но нас не так-то легко убить.

Эмоциональный индикатор пульсировал багровым.

Неужели на этой планете и впрямь творится что-то серьезное?

— Какое ты имеешь право судить? — выкрикнул юноша. — Двадцать лет колония была изолирована от Земли! Потом — тридцать лет без единого корабля! Вы наконец-то соизволили наладить транспорт — и первым делом прислали палача! Спасибо! Наконец-то прибыл палач, прибыл царь и бог, который вправе судить!

Вот тут я счел себя вправе ответить:

— У меня нет этого права. Пока — нет. Но оно будет.

Мимо изрядно нервничающего негра, мимо второго, более спокойного агента я вышел из переулка. Что ж, разговор состоялся. Он обязан был состояться — в той или иной форме. Со мной мог встретиться сам мэр, или местные криминальные заправилы... или представитель тех и других, вроде этого честолобивого паренька.

Мысленно я отметил: «явная тенденция к наследованию власти». Это не большое преступление. Но все-таки.

С летающим транспортом на планете было плохо. «Левиафан» должен сгрузить полсотни легких флаеров, но пока весь планетный авиапарк состоял из старых, еще на колониальном баркасе привезенных шлюпок. Десяток машин находились в общественном пользовании, две или три — в личном. Еще пять служили в качестве такси.

Я не стал реквизировать общественный транспорт, а пошел и нанял последнюю тачку — четыре уже были арендованы японцами. Пилот прилагался — рослая молодая женщина с чуть грубоватыми манерами.

— Жанна, — протягивая руку, сказала она. — Вас за пульт не пушу, и не просите.

— Даже не подумаю, — пообещал я, пожимая крепкую ладонь. Управлять старой техникой нас учили, но куда спокойнее довериться местному пилоту.

Женщина чего-то ждала. Наверное, хотела, чтобы я представился.

— Полетели? — сказал я. — Времени очень мало.

— Станный вы, — пожимая плечами, ответила Жанна. — Я землян другими представляла.

— А много землян вы видели? — не удержался я.

— Телевидение уже тридцать лет работает. Земляне, они... — Жанна заколебалась.

— Веселые? Открытые? Симпатичные? Компанейские?

Женщина кивнула.

— Земляне разные, — сказал я.

Милая девушка из борделя ничего бы не поняла. А Жанне хватило нескольких секунд.

— Так вы передачи для колоний фильтруете? — воскликнула она. — Точно?

— Конечно. Гиперсвязь — дорогое удовольствие, зачем транслировать в колонию всякую ерунду?

Жанна захохотала и открыла дверцу кабины:

— Со мной сядете? Или в пассажирский салон?

— С вами, — устраиваясь в кресле второго пилота, сказал я. — Неудобно гонять такую махину ради одного пассажира?

— Вы же заплатили, — коротко ответила Жанна. — Других машин пока нет... Правда, что на «Левиафане» сотня флаеров?

— Полсотни.

— Все равно хорошо, — кивнула женщина. — Как хочется водить хорошую машину, а не этот утюг... А вы меня насмешили, да! Значит, земляне врут колонистам?

— Случается. Родители тоже не рассказывают детям о всех своих проблемах.

— Если так рассудить — то все верно, — согласилась Жанна. Опустила руки на пульт: торжественно, будто пианист на клавиатуру. Спросила: — Мы вам кажемся смешными? Дикими?

— Вовсе нет, — ответил я, не кривя душой. — У вас вполне процветающая колония. Вы даже способны торговать с метрополией. Хороший прирост населения, неплохая нравственность...

Завыла турбина, шлюпка медленно поднялась над землей.

— Значит, наказывать нас не будете, господин экзекьютор? — с усмешкой спросила Жанна.

— Один-ноль в вашу пользу, — признал я. — Но как вы меня опознали?

— На миллионера вы не похожи, а шлюпку арендовали без споров. Да и маршрут странный... три поселения аборигенов, старый рудник, новый рудник... Летим к первому стойбищу?

Машина резко взмыла в небо.

— Может быть, я этнограф? — спросил я.

— Еще скажите — ботаник! — фыркнула Жанна. — Прегрешения наши ищите, верно?

— А они есть?

— Наркотой кое-кто балуется, говорят, что виртуалка есть подпольная, мэр зажрался, скотина, сынок его трапперов данью обкладывает, — принялась перечислять Жанна. — Обычное дерьмо.

— В том-то и дело, что обычное.

— А против Земли мы не бунтуем, — усмехнулась Жанна. — Аборигенов... в цепи не заковываем.

Очки высветили оранжевый огонек.

— Что все-таки неладно с аборигенами? — спросил я.

Жанна замолчала. Голубовато-зеленое небо планеты раскинулось над нами, зеленый ковер джунглей стлался внизу.

— Я знаю, что лет тридцать назад произошло вооруженное столкновение, — мягко сказал я. — Битва у реки, так?

— Битва, — фыркнула Жанна. — Две очереди из пулеметов... матушка там была, рассказывала.

— Но вы не из-за этого волнуетесь, — сказал я.

— Что еще вам очки подсказывают?

— Вам двадцать девять лет, разведены, маленькая дочь, две собаки, живете с мамой, вас уважают, но считают излишне резкой... и прямой в высказываниях.

— Это у нас семейное, — мрачно сказала Жанна. — Ладно, спасибо, что не все досье пересказали. Не хочу знать, что про меня власти думают.

— Так что с аборигенами? — повторил я.

Жанна не отвечала. Шлюпка начала снижаться.

Стойбище располагалось у кромки леса, рядом с маленьким озерцом. Сотня примитивных хижин, точнее, даже просто шалашей, несколько костров. Жанна посадила шлюпку у воды, там, где проступал скальный грунт. Я потер камень носком ботинка — на застарелом нагаре остался светлый след. Здесь часто садились.

Жанна молча смотрела на меня, привалившись к бронированному боку шлюпки.

От стойбища шли аборигены. Ну просто образчик отсталой инопланетной расы — мохнатые, низкорослые гуманоиды

в одежде из шкур, с деревянными копьями, заостренными и обожженными на костре. Впереди — то ли вождь, то ли шаман. За ним — два десятка крепких мужских особей с корзинами.

— Я бы не сказал, что об их разумности трудно догадаться с первого взгляда, — мягко заметил я.

— Никто и никогда не сомневался, — презрительно бросила Жанна. — А что было делать? Беспилотный зонд следов разумной жизни не обнаружил. Колониальный баркас не имел запаса топлива на возвращение. Пришлось... сосуществовать.

Аборигены остановились. Поставили на землю корзины. Старейшина, неуверенно переводя взгляд с Жанны на меня, сделал все-таки выбор в пользу мужчины.

— Фрукты, — довольно разборчиво сказал он, тыча пальцем в корзины. Вытянул руку по направлению к носильщикам, добавил: — Рабочие.

Я молчал. «Рабочие» переминались с ноги на ногу.

— Они не рабы, — сказала Жанна. — Они вправе уйти.

— Мы не рабы! — заволновался старейшина. — Мы вправе уйти!

— Что вы хотите взамен? — спросил я его. — Еда, огонь, лекарства? Оружие?

Старейшина запустил руку под шкуру, достал пластиковую фляжку с остатками жидкости на донце. Сказал:

— Оружие — нет, нет! Знаем закон! Лекарство — нет, нет! Питье!

Я взял из дрожащих рук фляжку, открутил колпачок, понюхал. Спросил Жанну:

— Настолько близкий метаболизм?

— Пробовать не советую, там большая доза метилового спирта. Для них это не опасно.

— Быстро спиваются? — спросил я.

— Год... два. — Жанна пожала плечами. — Кому это интересно? Работают — и ладно.

Вернув фляжку старейшине, я сказал:

— Потом. Другой раз. Сейчас нет питье. Подожди.

— Вождю лучше дать, а то может обидеться, — пробормотала Жанна. Нырнула в кабину, появилась с бутылкой местного виски. Протянула вождю, сказала: — Тебе! Привет!

— Привет! Привет! — хватая бутылку, воскликнул вождь.

Я молча забрался в кабину. Жанна села в кресло пилота. Аборигены торопливо двинулись прочь от шлюпки.

— Что, сволочи мы? — почти весело спросила Жанна. — А нечего было матушке Земле рассылать колониальные баркасы!

— Вы же знаете, Жанна, тогда существовала опасность гибели всей цивилизации.

— И вы складывали яйца по разным корзинам, — фыркнула Жанна. — Знаю, знаю... Ну вот, вы увидели очередного гадкого утенка, вылупившегося из уцелевшего яичка. Велико ли наше преступление?

— Велико, — сказал я.

Не мог и не хотел я говорить ей всего. Про первую и вторую нарковойны, про эпидемию виртуальной наркомании, про табачные бунты, про введение полного запрета на химические и электронные средства для изменения сознания. Она это, конечно, знала... отчасти. По передачам TV «Метрополия». Она только не подозревала, как безобразно и страшно все это было.

— У вас только пиво, да? — спросила Жанна.

— Уже запретили.

Жанна фыркнула.

— Мы чистим планету, — сказал я. — Латаем генофонд. Я... я пробовал пиво. И вино тоже. Даже виски. Нам дозволено больше, чем рядовым гражданам.

— Так всегда, — ехидно сказала Жанна. — И вам понравилось?

На этот вопрос я не ответил. Признался:

— Возможно, сейчас мы перегнули палку в другую сторону. По большому счету, достаточно было победить электронную наркоманию... Но человечество стояло на грани гибели, и в средствах церемониться не приходилось.

— И что будет с нашей колонией?

— Вы будете наказаны, — ответил я. — В первую очередь, конечно, виноваты властные структуры. Но достанется всем. Таков закон. Распространение дурманных веществ среди иных форм разумной жизни — очень тяжелое преступление.

Жанна помолчала. Потом сообщила:

— Приближаемся ко второму стойбищу.

— Там то же самое?

— Да.

— Тогда летим в город. Аборигенов вы временно убрали не только с улиц, но, полагаю, и из рудников? Возвращаемся в город.

— Как прикажете, экзекутор, — презрительно сказала Жанна. С неожиданно прорвавшимися эмоциями воскликнула: — Ну почему я? Именно я? Повезла бы этих амбалов-японцев на охоту, сидела бы сейчас у костра, байки травила! Нет, влипла! Стала пособницей экзекутора! Вы улетите, а меня вся планета проклянет! Сашеньке станут говорить, что ее мама — предательница!

— На вашем месте мог...

— Но оказалась-то я! Им нужен будет козел отпущения, и козел теперь имеется!

Она помолчала и поправилась:

— Коза отпущения... А что мы должны были делать? Продавать аборигенам сталь? Оружие? Они не нуждаются в пище, не нуждаются в лекарствах. Им пока не интересен прогресс. А вот выпивка — это лучшая валюта!

— Я знаю. Так случилось на всех планетах, где колонисты встретили разумную жизнь. Иногда в ход шел алкоголь, иногда синтетические наркотики.

— На всех планетах? — поразилась Жанна.

— Ну... вроде бы мормоны обошлись без этого. У них обычное рабство.

— Значит, все так делают... — пробормотала Жанна. — И все равно вы нас накажете?

— Да.

Шлюпка пошла на посадку. Жанна молчала. Лишь перед самым касанием пробормотала:

— И почему вы считаете себя вправе судить нас?

Это все решило.

— Подождите минутку, — попросил я. — Не выходите.

Жанна удивленно посмотрела на меня.

— Вы правы в одном, — сказал я. — Правосудие не может быть беспристрастным. Не должно. Мы люди, а не математические формулы. Потому и существуют суды присяжных, прецедентное право... чтобы над строчкой закона всегда стоял живой человек.

— Соберете присяжных? — удивилась Жанна. — Если из наших — вердикт будет один. Если из ваших — другой. Где тут справедливость?

— Экзекутор — сам себе присяжный, — сказал я. — Одну минуту, Жанна.

Я достал из кармана упаковку, открыл. Там лежала таблетка — одна-единственная. Они очень дорогие, эти таблетки. Наверное, самый страшный наркотик, придуманный человечеством. Позволенный лишь экзеkjюторам... и, наверное, тем, кто стоит над нами.

— Я люблю вас, Жанна, — сказал я. И раскусил маленький белый диск.

Во рту стало солоно. Голова закружилась.

— Что вы несете? — возмутилась Жанна. Заглушила турбину шлюпки, обесточила пульт.

— Это... тест... — пробормотал я. — Если бы времени было больше... я постарался бы обойтись без таблеток... но времени всегда не хватает...

— Дурак вы, экзеkjютор, — пробормотала Жанна. — Дурак и напыщенный осел.

Она выпрыгнула на бетон посадочной площадки, хлопнула дверцей кабины, пошла к ангару. Я был уверен, что сейчас она кроет меня отборной местной бранью. И мне это было неприятно, горько, тягостно, потому что... потому что... потому...

Потому что любимая женщина ненавидела меня!

— Жанна... — пробормотал я. — Я же люблю тебя...

Люблю! Эту упрямую прямоу, эти резкие манеры, за которыми ты прячешь одиночество и слабость... Пусть многим ты кажешься самой обычной, а кому-то даже некрасивой — я-то знаю, сколько в тебе очарования, сколько настоящей, не показной женственности и нежности...

— Жанна... — закрывая лицо руками, прошептал я.

Я экзеkjютор. Я выполню свой долг.

И каким бы суровым ни был мой приговор — это будет приговор равнодушного человека. Потому что я сужу не только колонию с банальным именем Новая Надежда, а любимую женщину.

И самого себя.

Коммутатор пискнул, когда я включил его на прямую связь.

— Экзеkjютор-один... доклад... — прошептал я. Мне никто не ответил, но я знал, что меня слушают. — Колония Новая Надежда, вторая планета четвертой Лебеда... Обнаружены следующие преступления третьей степени: злоупотребление властью, коррупция, антидемократические настроения... Следующие преступления второй степени: употребление алкогольных

напитков, недостаточная борьба с наркоманией, предположительно — недостаточная борьба с электронной наркоманией. Следующее преступление первой степени: вовлечение местной формы разумной жизни в употребление дурманных веществ. Согласно закону о Спасении Разума, выношу приговор... временное ограничение прав и свобод, размещение на планете полицейского гарнизона, наложение на все... все население штрафных санкций согласно пункту D... поправка — согласно пункту G закона о Спасении Разума, ликвидация всех лиц, пользовавшихся электронными наркотиками более трех раз, ограничение высоких технологий... отгрузку флаеров прекратить, доставленные на планету — передать под контроль гарнизона...

Я говорил еще долго, прежде чем произнес последнюю уставную фразу:

— Доклад закончен, приговор привести в исполнение.

И добавил не по уставу:

— Прощайте.

Японец подсел ко мне в ресторанчике, где я героически сражался с твердым кукурузным хлебом. Надо было привыкать к местной кухне — и я старался изо всех сил.

— Санкции согласно пункту G — не слишком ли сурово? — спросил японец. Он ничем не выделялся из толпы других туристов, такой же генетически улучшенный японец, высокий и с большими круглыми глазами.

Экзекютору-два и не положено выделяться.

— Необходимо, — сказал я.

Японец кивнул. Заметил:

— Три часа до отлета корабля. Пойдем?

— Я остаюсь, — сказал я. — Это теперь и мой дом. Я останусь здесь. Рано или поздно Жанна поймет и простит меня.

Японец вежливо покивал:

— Жанна — та женщина-пилот? Хорошая женщина, крупная...

Я сдержался. Что он может понимать, глядя на этот мир холодными глазами чужака?

— Значит, таблетка еще действует, — флегматично продолжил японец. — И ты хочешь разделить судьбу с любимой женщиной?

— А ты бы поступил иначе? — взорвался я. — Возвращайся на корабль! Я вынес приговор, что еще от меня требуется? Я — не раб!

— Я выпью кофе, — сказал японец. — Можно?

— Пей, — сказал я. — Только не пытайся меня уговаривать.

Японец кивнул. Снял очки, печально посмотрел на меня.

Спросил:

— Ты же понимаешь, что полюбил ее только под действием таблетки?

— Сейчас я люблю ее сам, — ответил я.

Японец на миг надел очки, видимо, посмотрел на часы.

Снова их снял. Повторил:

— Я выпью кофе...

Минут через десять он заказал вторую чашку. Я торжествуя улыбнулся.

— Все индивидуально, — пробормотал японец.

Еще через десять минут японец встал и сказал:

— Пошли?

Я огляделся.

Чужие люди чужой планеты обедали и пили алкоголь, не подозревая, что через два с половиной часа от «Левиафана» отделится боевой бот, набитый вымуштрованными солдатами.

— Это... всегда так? — спросил я.

Японец кивнул.

— Почему все стало так пусто?

Он опустил руку мне на плечо, сочувственно заглянул в глаза. Сказал:

— Это пройдет, брат. У тебя это первый раз, но ты привыкнешь. Впереди другие планеты. Если ты полюбишь настоящему — то уйдешь и разделишь судьбу приговоренных.

— Я уйду, — прошептал я. — Однажды я уйду!

Японец кивнул:

— Мы не рабы. Мы вправе уйти.

Сергей Лукьяненко
ДЕВОЧКА С КИТАЙСКИМИ
ЗАЖИГАЛКАМИ

Мало кто знает, что известный московский скульптор Цураб Зеретели увлекается собиранием нэцкэ. Хобби свое, ничего предосудительного не имеющее, он почему-то не афиширует.

В тот морозный снежный вечер, по недоразумению московской погоды выпавший удачно — на тридцать первое декабря, Валерий Крылов стоял у антикварного салона вблизи Пушкинской площади и разглядывал только что купленное нэцкэ.

Нэцкэ — оно и в России нэцкэ. Статуэтка сантиметров в пять, брелок из дерева или слоновой кости, к которому не придумавшие карманов японцы привязывали ключи, курительные трубки, ножички для харакири и прочую полезную мелочь. Потом вешали связку на пояс и шли, довольные, демонстрировать встречным свои богатства. В общем — вещь ныне совершенно бесполезная и потому до омерзения дорогая.

Но если ты хозяин маленького завода по выплавке цветных металлов и тебе позарез нужен рынок сбыта в Москве, то нет ничего лучше знакомого скульптора-монументалиста. Одной лишь бронзы великий скульптор потреблял больше всех уцелевших московских заводов вместе взятых! А лучший спо-

соб добиться внимания будущего клиента — потешить его маленькую слабость... в данном случае — подарить нэцкэ.

Надо сказать, что в тонкой сфере искусства и в еще более нежной материи собирательства деньги не всесильны. Перед иным коллекционером ночных вазонов хоть полными чемоданами долларов потрясай — все равно не слезет с любимого экземпляра, складного походного горшка Фридриха Великого.

Так и с нэцкэ. Мало иметь деньги, надо еще и поймать судьбу за хвост, опередить других коллекционеров, людей небедных и готовых на все для утоления своей страсти.

Валерию определенно повезло. Не будем обсуждать, как и почему повезло, ведь везение вещь не случайная. Как бы там ни было, но сейчас он стоял у своего старенького «пежо» и разглядывал японский брелок с той смесью удовлетворения и брезгливости, что обычно наблюдается у человека, удачно выдавившего прыщ.

Нэцкэ изображало маленькую пухлощекую девочку, завернутую в тряпье и держащую перед собой поднос. На подносе едва-едва угадывались маленькие продолговатые предметы. В каталоге нэцкэ называлось «Девочка с суси».

— Суси-пуси, — пробормотал Валерий. — Хоть написали правильно...

Пора было ехать домой — переодеться, выпить чуток коньяка, вызвать шофера и отправиться в хорошее и мало кому известное заведение, где можно будет презентовать знаменитому скульптору творение японских конкурентов. Жenu с дочкой Валерий еще неделю назад отправил в Париж на рождественские каникулы. Так что новогодний вечер мог оказаться шумным и пьяным, а мог, напротив, иметь завершение романтическое и волнующее. Не только бизнесмены отправляют свои семьи отдохнуть за границу, порой они уезжают и сами...

Продолжая разглядывать малолетнюю японскую торговку рисовыми рулетиками (блюдо, на взгляд Валерия, одновременно пресное и тяжелое), Крылов достал сигарету. Курить за рулем он не любил.

— Дяденька, купите зажигалку, — донесся до него робкий голос.

Валерий обернулся. На тротуаре стояла маленькая, лет десяти, девчушка. В нейлоновой куртке, слишком большой для нее и слишком грязной для любого. В широченном взрослом

шарфе, намотанном поверх куртки. В вязанной шерстяной шапочке.

В озябших, уже синеватых ладошках девочка держала крышку от обувной коробки. На картонке, припорошенные снегом, лежали разноцветные китайские зажигалки.

— Своя есть, — буркнул Валерий. В метро он последний раз ездил года три назад, на улицах с побирушками и нищими тоже встречался редко. Может быть, поэтому они вызывали у него даже не раздражение, а легкую оторопь и отчетливое желание принять горячий душ.

Девочка упрямо стояла рядом.

Валерий полез в карман в надежде, что, обнаружив в его руках зажигалку, малолетняя попрошайка отправится своей дорогой. Но зажигалка упрямо не желала находиться.

Девочка засопела и провела ладошкой под носом.

— Почему твои зажигалки? — буркнул Валерий. Милостыню он не подавал принципиально, чужих детей не любил, но в данном случае решил вступить с девочкой в товарно-денежные отношения. Курить хотелось все сильнее — так всегда бывает, когда уже достал сигарету, а зажигалку найти не можешь.

— Десять... — прошептала девочка.

— Десять... — с сомнением произнес Крылов и снова стал шарить в кармане в поисках мелочи. — Что же ты по морозу ходишь полуголая? Простынешь — и умрешь!

Нравоучение вышло какое-то фальшивое, он даже сам это почувствовал. Ясное дело, не ради удовольствия бедный ребенок торгует зажигалками.

— Красивая куколка, — вдруг сказала девочка, глядя на нэцкэ в руках Крылова.

— Да, да, красивая... — Крылов вдруг с удивлением обнаружил, что нэцкэ и девочка-побирушка карикатурно похожи. При желании «девочку с суси» вполне можно было назвать «девочка с китайскими зажигалками», даром что не было в ту пору никаких зажигалок. Но даже не это главное! Лица были похожи!

Чтобы избавиться от наваждения, Крылов бесцеремонно взял девочку за плечи и развернул к падающему из витрины свету. Присел перед ней на корточки. Держа нэцкэ на вытянутой руке, еще раз сравнил лица.

Ну надо же! Словно позировала!

— Во дела, — поразился Валерий. — Века идут, люди не меняются... выходит, японцы раньше на людей походили?

— У меня никогда не было кукол, — вдруг горько сказала девочка.

Валерий крикнул, достал из кармана сотню и положил среди зажигалок:

— Иди в «Детский мир», детка. Купи себе куклу...

А сколько стоит кукла? Валерий вдруг с удивлением понял, что не знает. Собственная дочь чуть старше этой нищенки, вся детская игрушками завалена... но разве он хоть раз покупал ей игрушки? Либо жена, либо няня...

— На, купи себе «Барби», — решил Крылов, бросая на картонку пятьсот рублей. Уж если делать в новогоднюю ночь добрые дела — так зачем мелочиться?

— Я хочу эту, — твердо сказала девочка, не отрывая взгляд от нэцкэ.

Валерий усмехнулся и покачал головой:

— Нет, деточка. Эта кукла стоит... ну, очень дорого. Купи себе куколку и иди к маме...

— Простите, что я так настойчива, — внезапно выпалила девочка, опуская картонку. Зажигалки, успевшие примерзнуть к картонке, даже не попадали. — Но чрезвычайные обстоятельства вынуждают меня эксплуатировать ваши естественные рождественские позывы к добру и милосердию...

Так и не зажженная сигарета выпала у Крылова изо рта. Он торопливо встал и шагнул к машине.

— Возможно, я неудачно выбрала день? — поинтересовалась девочка вслед. — Но у вас запутанный календарь, вы празднуете Рождество дважды, поэтому я выбрала среднеудаленное от обоих праздников время...

— Шиза, — коротко сказал Крылов, скрываясь в машине. Запустил двигатель, потом уже торопливо спрятал нэцкэ в карман. Покосился на девочку — та смотрела на него, беззвучно шевелила губами. — Шиза или белочка. Вопрос только, у кого?

Девочка исчезла. Была — и не стало ее.

— У меня, — решил Крылов, и его всего передернуло. Ну что за напасть? Никогда в роду психов не было... Он медленно тронул машину.

— Вы абсолютно здоровы, — донеслось сзади. — Хотя...

Крылов в панике ударил по тормозам. Обернулся.

Девочка сидела на заднем сиденье, все так же сжимая в руках картонку. Смотрела на Крылова невинными детскими глазами.

— Легкая форма геморроя, намечающийся простатит, дискинезия желчного пузыря. В остальном вы здоровы, — повторила девочка. — Так вот, я прошу прощения за неудачный выбор времени. Но мне кажется, что в новогоднюю ночь, тем более являющуюся среднеарифметическим сочельником, вы максимально склонны к добрым делам...

— Ты кто такая? — воскликнул Крылов. — Ты как в машину попала?

— Я маленькая девочка. Я сместила себя относительно пространства. Вы меня выслушаете?

— Почему ты так говоришь? Девочки так не разговаривают! Девочка вздохнула:

— Моя речь трудна для понимания? Соберитесь с силами, прошу вас! Все очень просто, я — из будущего.

Валерий кивнул:

— Ага. А я с Марса.

— Не похоже, — отрезала девочка. — Итак, я из будущего, я путешествую во времени. Точную дату вам знать не обязательно.

Крылова охватил легкий азарт.

— Из будущего, говоришь? Фантастика, значит? Как же, верю! У нас тут полным-полно путешественников во времени. Куда ни шагнешь — на них натыкаешься.

— Вот и неправда, — обиделась девочка. — Нет тут больше никаких путешественников. И ваша ирония неуместна!

— Если ты из будущего и так легко об этом рассказываешь, так почему никто не знает о путешественниках во времени? Почему никто больше их не встречал?

— А в ваше время никто и не путешествует, — отрезала девочка. — Чего тут интересного? Экология плохая, пища некачественная, люди злые, культура примитивная, войны неэстетичные... Все ездят в Древнюю Грецию, в Средние века, в Древний Китай и Японию... вот там красиво!

Крылов не нашелся, что ответить.

— Так вот, — продолжала девочка. — Я — обычная путешественница во времени. Мне десять лет. Это не должно вас смущать, умственно я развита, как взрослый человек.

— Не верю, — твердо сказал Крылов.

Девочка опять растаяла в воздухе. Возникла на соседнем сиденье.

— Гипноз, — предположил Крылов.

Машина дрогнула и медленно поднялась в воздух. Заснеженные улицы ушли вниз, засвистел ветер, Москва раскинулась под ними огромной светящейся картой.

— И это гипноз? — поинтересовалась девочка. — Тогда выйдите наружу.

Крылов помотал головой.

— Так-то лучше, — обрадовалась девочка. Лицо ее чуть порозовело. — Теперь вы мне верите? Или еще что-нибудь сделать?

— Верю... — прошептал Крылов. — Девочка, а девочка... как там, в будущем?

— Зашибись! — кратко ответила девочка. — Так вот, Валерий Павлович. Просьба у меня к вам. Сделайте мне, маленькой девочке, затерянной во тьме веков, рождественский подарок.

— Нэцкэ? — уточнил Крылов.

— Угу. — Девочка улыбнулась.

Несколько секунд Крылов молчал. А потом заорал:

— Да ты что несешь? Подарок, говоришь? Нэцкэ? Ты знаешь, чего мне стоило ее добыть? Хрен с ними, с деньгами... ты думаешь, вся Москва завалена уникальными нэцкэ? А мне сегодня надо его подарить одному скульптору! Тогда, возможно, он станет покупать бронзу моего завода! И у меня наладится бизнес! Иначе все... по миру пойду.

— Мне очень нужна эта нэцкэ! — тонко выкрикнула девочка. — Отдайте ее мне!

— Давай другую взамен, — решил Крылов. — Тебе же нетрудно смотаться в Японию, верно? Купишь нэцкэ двести лет назад, привезешь в Москву, отдашь мне... ты чего?

Девочка тихо ревела, вытирая слезы грязной ладошкой. Машина начала опасно раскачиваться.

— Эй, ты равновесие-то держи! — в панике выкрикнул Крылов. — На, утрись... — Он протянул девочке чистый носовой платок. — Зачем тебе моя нэцкэ? Ты же вон какие чудеса творишь!

— И вовсе... она не ваша... — сквозь слезы пробормотала девочка. — Ее мой папа из кости вырезал...

Как гласит народная мудрость, женщина не права до тех пор, пока не заплачет. К маленьким девочкам это правило тоже относится — Крылов почувствовал себя смущенным.

— Не моя... я за нее деньги платил... — огрызнулся он. — Слушай, ты настоящие чудеса творишь — так чего ко мне привязалась? Могла бы украсть или отобрать свою нэцкэ, и все дела...

— Не могу! — с обидой выкрикнула девочка. — В том-то и дело!

Из путаных объяснений Валерий понял, что всем путешественникам во времени делают специальную инъекцию, резко меняющую характер. После этого укола никто из путешественников не способен убить, ограбить или еще как-то обидеть своих отсталых предков. Разве что в целях самообороны...

— Вот если вы меня ударите или покуситесь... — с надеждой пробормотала девочка.

— Ха! — возмутился Крылов. — Ты за кого меня держишь? Не собираюсь я тебя ударять, а уж тем более покушаться!

— Жалко, — вздохнула девочка. — А то я взяла бы нэцкэ с вашего бесчувственного тела...

Как ни странно, но такая откровенность успокоила Валерия.

— Зачем тебе именно эта нэцкэ, девочка? — спросил он. Достал сигарету, подобрал с пола одну из китайских зажигалок, закурил. — Чего ты ко мне привязалась?

Девочка принялась рассказывать.

Оказалось, что в прошлое она отправилась вместе с отцом — в Англию восемнадцатого века на рождественские каникулы. Но в Англии папа заскучал и отправился в Японию восемнадцатого века. Прошли все положенные сроки, но он из Японии так и не вернулся. Девочка поняла, что с ее папой что-то случилось. Наверное, сломалась машина времени, такое иногда бывает.

— А спасателей у вас нет? — удивился Крылов.

— Нет. Во времени каждый путешествует на свой страх и риск, — призналась девочка. — Спасать потерявшихся — это значит создавать временные парадоксы!

Когда папа потерялся, девочка могла вернуться домой сама. Но ей очень хотелось спасти отца. И она стала думать — чем же папа примется зарабатывать себе на жизнь? Грабить и убивать ему нельзя, обучать местных наукам — тоже. И тогда она сообразила — ведь папа увлекался резьбой по кости. Значит,

станет резать нэцкэ. А чтобы его легче было найти — в каждой нэцке станет допускать анахронизм — какую-нибудь деталь, не соответствующую времени. Сообразительная девочка принялась искать такие нэцкэ — и нашла одну. Именно ту, что купил Крылов.

— Понял! — воскликнул Валерий. — Так это не «Девочка с суси»? Это «Девочка с китайскими зажигалками»?

— Нет, это не зажигалки, — запротестовала девочка. — Это... у вас и слова-то такого нет. Это маленькие штучки, которые служат для создания... этого слова тоже еще нет. Для создания других больших штук.

Крылов достал нэцкэ. С сомнением осмотрел ее, спросил:

— Ну и что? Допустим — это сделал твой папа. Подал сигнал о помощи, так? Ну и отправляйся спасать папочку. Чего тебе еще надо?

— Нэцкэ! Ее надо засунуть в специальный ящик в машине времени! — заревела девочка. — И тогда машина времени отправится в то время и место, где нэцкэ вырезали! И я спасу папу.

— А нэцкэ? — уточнил Крылов, уже догадываясь, каким будет ответ.

— Распадется на атомы.

— Других подходящих нэцкэ нет? — спросил Крылов.

— Да поймите же, их не может быть! Если они будут, значит, я папу не спасла! Значит, он так и прожил в древней Японии всю жизнь!

— Дела, — вздохнул Крылов.

Девочка тоже вздохнула. И сурово произнесла:

— Либо вы мне нэцкэ подарите и я папу спасу. Либо вы пожадничаете. И папа погиб.

— Девочка, я же на грани разорения, — признался Крылов. — Нет, мне очень жалко твоего папу... и ты отважная девочка...

Путешественница во времени снова захныкала.

— Хоть деньги верни! — взмолился Крылов. — Или другую нэцкэ мне дай!

— Нет у меня денег, — всхлинула девочка. — И ничего я вам дать не могу. Даже не могу подсказать, на какие числа выигрыш в лотерее выпадет.

— Запрещено? — понимающе спросил Крылов.

— Не интересовалась никогда древними лотереями... — призналась девочка.

Крылов помолчал. Эх, какой был план! Редкое нэцкэ в подарок... дружеский разговор... выгодный контракт... финансовое преуспевание...

— Иди спасай своего папу, — сказал он и протянул девочке древнеяпонский брелок. — Только вначале опусти машину на место!

Девочка просияла.

— Спасибо! Спасибо вам! Я знала, что в среднеарифметический вечер сочельника все люди добреют, и случаются настоящие чудеса!

Она неловко чмокнула Крылова в щеку — и исчезла.

Машина вновь стояла у антикварного салона. Только на полу валялись одноразовые зажигалки.

— Настоящие чудеса, — горько сказал Крылов. — Кому как.

Все его планы пошли прахом. И все из-за какой-то наглой девчонки и ее глупого отца... Тоже мне туристы! Сами они не местные, машина времени сломалась...

Он завел машину и, уж и не зная зачем, все-таки поехал к ночному клубу.

Что же теперь, пытаться наладить отношения со знаменитым скульптором без всяких интересных новогодних подарков? Пустой номер. И все-таки придется попытаться...

Крылов уже припарковал машину на стоянке, когда с заднего сиденья раздалось деликатное покашливание.

— Опять? — воскликнул он в панике и обернулся.

В машине теперь появились двое — та самая девочка, одетая в темно-желтое платье и алую шелковую накидку, и худощавый мужчина в узких черных штанах и черно-белом жилете с широкими плечами.

— Красивое у меня кадзамы? — воскликнула девочка.

— Спасибо вам, Валерий-сан, — строго глянув на девочку, сказал мужчина. — Вы спасли меня ценой больших жизненных неудобств... Домо аригато годзаимас!

— Да ладно... чего уж там... — смутился Крылов. — Праздник как-никак...

— Мы должны отправляться назад, в будущее, — сказал мужчина. — Но я не мог не поблагодарить вас. Примите этот скромный подарок, Валерий-сан! Я резал эту нэцкэ для

очень важного чиновника, но вам преподнесу с куда большей радостью!

Крылов едва успел взять из его рук крошечную скульптуру — девочка и мужчина склонили головы и исчезли. На этот раз, похоже, навсегда.

— Надо же... — прошептал Крылов, разглядывая нэцкэ. — Надо же... спасен... что-что???

Нэцкэ изображала, похоже, самого скульптора — высокого и худощавого мужчину в японских одеждах. Но в руках мужчины держал пивную бутылку!

— Анахронизм... — прошептал Крылов. — «Мужчина с пивом»... Да как же я ее подарю?

Он безнадежно рассмеялся. Чудеса... праздник... раз уж делаешь добрые дела — так не рассчитывай на благодарность!

Хотя...

Крылов еще раз внимательно оглядел нэцкэ.

Назвали же ту девочку с не пойми чем — «девочкой с суси»!

Главное — вовремя дать правильное название. А там уж человек увидит то, что ему пообещали! С работами московского скульптора-монументалиста это тоже случается сплошь и рядом!

— Мужчина с пестиком... — произнес Крылов. — Нет. Лучше — «Алхимик с пестиком»! Работа неизвестного мастера...

С нэцкэ в руках он выбрался из машины.

Все должно получиться.

В этот вечер все люди добреют!

Сергей Лукьяненко

ГАДЖЕТ

А в груди все-таки предательски холодело...

— Можно? — спросил Костя, заглядывая в открытую дверь.

— Нужно! — бодро ответил тощий парень в белом халате. Он был один, да еще и оказался ровесником — Костя почему-то ожидал увидеть в лаборатории целую свору старых склеротиков с горящими от научного любопытства глазами. На душе сразу стало легче, и Костя вошел в лабораторию.

Большая комната оказалась заставлена стеклянной и электронной ерундой, знакомой Косте по американским фильмам о безумных ученых. В ретортах что-то булькало, пахло химией и почему-то вареными сосисками. По трем дисплеям плавали скринсейверы, на четвертом виднелась рентгенограмма чьих-то внутренностей. Парень в халате с интересом смотрел на Костю.

— Извините, меня сюда направили. — Костя протянул бумажку. — Сказали в сорок третий кабинет, к профессору Ломтеву.

В глазах парня появился интерес.

— Ага, испытуемый! — воскликнул он. — В лучшем виде! Давай проходи, мне пораньше смыться надо.

— Вы профессор Ломтев? — проклиная себя за врожденную глупость, спросил Костя. Парень хихикнул, но тут же посерьезнел.

— Неужели похож? Я лаборант. Ты что, думал, профессор сам с тобой возиться будет? Проходи и садись на кушетку.

— А что, вы сами... — все никак не рискуя перейти на «ты», спросил Костя. Сел на кушетку, затянутую в холодный скользкий полиэтилен.

— Сам. — Парень непринужденно распаковывал картонную коробку. — Тебе повезло, новый гаджет достанется. Мы их моем, ясное дело, все в лучшем виде. А все равно неприятно, что его из горшка доставали. Верно?

Гаджет оказался гладенькой металлической капсулой — сантиметров пять в длину и сантиметр в ширину. Парень держал его длинным пинцетом, будто ядовитого жука. Костя невольно сглотнул и сказал:

— Слушай, я не проглочу... он же длинный!

— Не дрейфь. — Лаборант положил капсулу на изогнутую металлическую панель перед компьютером. Скринсейвер недовольно погас, на экране замелькали какие-то цифры. — Проглотишь в лучшем виде. И выскочит замечательно. Гаджет сделан по бионическому принципу.

— Это как?

— Как глиста. Изгибается согласно петлям кишечника, движется в потоке пищи, чтобы не выскочить раньше времени. Замечательная техника! На «АЗЛК» решили наладить выпуск наших, отечественных гаджетов, так ни один доброволец их глотать не согласился... а этот — красавец!

Добродушно улыбаясь, парень посмотрел на Костю. Не встретив на его лице энтузиазма, торопливо добавил:

— Я сам такой глотал. Ничего страшного, все в лучшем виде. А ты такой шкаф, тебе и московский гаджет не страшен... Кстати, чего ты в испытатели подался? Деньги?

— Сессию боюсь завалить, — признался Костя. — Так что или кровь сдавать четыре раза, или медицинскую технику на себе испытывать... Ну... крови я боюсь...

— И правильно, — поддакнул лаборант. — Я сам студент. Биофак, пятый курс. Третий год тут работаю. Знаешь, какую дрянь порой испытываем? Йо-о-оханный бабай! Тебе сильно повезло, что на испытание гаджета направили! Про таблетки «Туалетная фея» слыхал? Ага, вижу по лицу, сам лопал, когда в гости ходил! А ведь поначалу они в туалете приятный запах оставляли, зато во рту у испытуемых... — парень схватился за

голову и скорчил страшную гримасу, — совсем наоборот! Или это, как его, полоскание от кариеса... а! «Жемчужное диво!» Кариес напрочь пропадал, в лучшем виде! Заодно зарастали щели между зубами. Если потом приходилось зуб удалять — так сразу всю челюсть меняли! А ты простенького гаджета боишься...

— Я не боюсь! — возмутился Костя. — Давай свою пилюлю!

— Подожди, тест закончится, — покосившись на экран, сказал лаборант. — Так, тыры-пыры, всюду дыры, что я тебе должен рассказать? Экспериментальный гаджет третьего поколения, производства компании... ой нет, это тебе нельзя знать... в общем, ты его глотаешь, он неделю у тебя в кишечнике ползает и дает советы по улучшению здоровья. Что есть, что пить, заниматься спортом или полежать на диване. Ты его слушаешь, но поступаешь как тебе угодно, никаких ограничений. Потом отчет в письменном виде. Получаешь по триста восемь рублей нуль нуль копеек за каждый день испытаний... жмоты, да?... ну и больничный на неделю. Можешь им закрыть свою сессию в лучшем виде!

Едва слышно пискнул компьютер. Парень оживился, схватил пинцет и поднес блестящую капсулу ко рту Кости. Гаджет слегка изогнулся.

— Да ты хоть стакан воды дай, запить! — возмутился Костя. На головке гаджета виднелись крошечные дырочки, линзочки и штырьки. Казалось, прибор разглядывает его с ответной брезгливостью. Немудрено, учитывая, где ему придется ползать...

— Водой запивать противопоказано, вырвет! — наставительно сказал парень.

— А... — начал было Костя. И сволочной лаборант, а ведь свой брат, студент, воспользовался этой оплошностью: гаденько улыбнулся и всунул гаджет в рот Кости! Зубы клацнули на металлическом пинцете — вот он зачем такой длинный! Костя попытался плюнуть — но гаджет как-то очень ловко скользнул по языку, на миг распер горло под кадыком и тяжело ухнул вниз по пищеводу.

Ёрничающая улыбка немедленно исчезла с лица лаборанта, когда Костя вскочил и стал угрожающе надвигаться на него.

— Брось, я же тебе лучше сделал! — завопил он, отступая к ретортам и компьютерам. — Да ты чего, брат!

— Джордж Буш тебе брат! — заорал Костя. — Я тебя просил мне лучше делать? Я чуть не подавился, сволочь очкастая!

Жажда мщения заставила Костю пойти против истины — никаких очков у парня и в помине не было. Впрочем, с высоты почти двухметрового роста Костя имел некоторое право звать окружающих очкариками, задохликами и ботаниками.

— Вы закончили, Ленья? — донеслось от дверей. Только это и спасло лаборанта от расправы: Костя покосился на старенького профессора, с улыбкой смотрящего на его мучителя, и опустил кулаки. — Что-то не так? Молодой человек, у вас есть претензии?

— Нету, — поймав умоляющий взгляд Лени, ответил Костя. — Все зашибись. В лучшем виде.

Закрывая за собой дверь, он успел услышать неодобрительный голос профессора:

— Вы очень несерьезно относитесь к работе, очень несерьезно! Я даже не знаю, нужен ли нам такой сотрудник... Вы хотя бы все настроили, Ленья?

Испуганный лаборант что-то затараторил в ответ, но Костя его уже не слушал — шел по коридору. Злость понемногу рассеивалась, бедолагу-лаборанта стало даже жалко. Гаджет смирно лежал где-то в желудке.

— Guten Tag, der neue Wirt!

— Чего? — воскликнул Костя, озираясь. Полчаса назад он покинул институт экспериментальной биологии и сейчас в почти пустом трамвае ехал домой. Жизнерадостный немецкий голос раздался у самого уха, но рядом с Костей никого не было. Ближайшая старушка, плотно прижимающая к животу драный ридикюль, сидела метрах в трех — и смотрела на Костю крайне неодобрительно. — Чего-чего? — повторил Костя, на всякий случай косясь на бабу.

— Здравствуй, новый хозяин! — раздалось у самого уха. Или в ухе?

— Привет, — осторожно сказал Костя.

— Не хватает йода, — печально сообщил Косте неизвестный.

Йода? Какого еще йода? Костя завертел головой, уже совсем подозрительно уставился на ближнюю старуху, потом на другую, подальше... и тут до него дошло. Гаджет приступил к работе! Да еще как впечатляюще!

— Йод — это важно, — согласился Костя. Разговаривать с ползающим в животе металлическим червяком оказалось неожиданно забавно. — И что делать?

— Рекомендую включить в диету большее количество морепродуктов, — сказал гаджет. — Устрицы... мидии... кукумария... гребешки... плавник акулы...

Костя невольно сглотнул и язвительно поинтересовался:

— А можно мне так, прямо из пузырька, йодной настоечки?

— Это ид! — завопил гаджет. — Это нельзя, это опасно для жизни! Йодная настойка — только для наружного употребления!

— Да понял я, понял, — тронутый искренней заботой гаджета о своем здоровье, ответил Костя. — Вот только с морепродуктами проблемы. Нет в наличии.

— Так и мой внучек, — внезапно сказала ближайшая старушка дальней. — Накурится своей дрянью, таблетки выпьет, а потом сидит — и разговаривает. И все так складно... Только мой йода не хочет, его все больше по пиву пробивает...

— А ведь здоровый жлоб, пахать на нем надо, — поддержала ее дальняя старуха. — Ни стыда, ни совести!

Лицо Кости пошло красными пятнами. На счастье, трамвай остановился — он выскочил за остановку до дома, зацепившись за поребрик, чуть не грохнулся оземь и пошел дальше пешком. Старушки с оживлением смотрели на него из трамвая, что-то обсуждали и крутили пальцами у виска.

— Нужен йод... — ныл гаджет. — В организме мало йода.

— Могу съесть йодированной соли, — предложил Костя. — Пойдет?

— Да, — обрадовался прибор. — Три столовые ложки.

Матери, к счастью, дома не оказалось. Костя, давась, съел три столовые ложки соли, запил стаканом воды, дождался одобрителной реплики гаджета и решил напроситься к кому-нибудь в гости. Десять минут на телефоне — и он, весело насвистывая, стал торопливо собираться на день рождения к бывшей однокласснице. Достал джинсы поновее, сменил футболку на красивую рубашку, подозрительно потер щеку — и побежал в ванную бриться.

— Глисты, — сказал гаджет, когда Костя заканчивал брить подбородок.

Несколько секунд Костя боролся с рвотными позывами. Бритва «Жиллетт» с четырьмя лезвиями не вынесла накала эмо-

ций и оставила длинный порез на шее. Нерадостная новость — узнать, что у тебя внутри шевелится не только чудо электронной техники!

— Не обнаружены, — добавил гаджет.

— Сволочь, — выдохнул Костя. — Сволочь фашистская!

— В организме избыток хлористого натрия, это может привести к проявлениям гипертонической болезни, — мстительно ответил гаджет.

— Ты мне пошипипи, пошипипи, — пригрозил Костя.

Обстановка у одноклассницы оказалась самая что ни на есть расслабляющая. Костя чмокнул девушку в щеку, с облегчением обнаружил, что у нее есть кавалер — ухаживать совершенно не хотелось, поздоровался с друзьями — их нашлось, выпил штрафную — в животе булькнуло, но гаджет смолчал. Поклевав винегрета, Костя с Петькой Клинским, еще одним одноклассником, вышли на балкон, не забыв прихватить и почти полную бутылку. Петька, чья фамилия наградила его в старших классах обидным прозвищем Кто Бежит, угостил Костю «Парламентом».

— Курение вредит вашему здоровью, — сообщил гаджет. — Курение приводит к развитию сердечно-сосудистых заболеваний, эмфиземы и рака легких. Курение особенно опасно в детском и юношеском возрасте.

Проигнорировав реплику, Костя с удовольствием докурил сигарету и, хотя баловался куревом нечасто, тут же попросил вторую — назло врагу.

— Курение приводит к развитию импотенции, появлению угревой сыпи и ухудшению функции почек, — обиженно сказал гаджет и замолчал.

— Что-то ты молчаливый, — участливо спросил Кто Бежит. — В институте чего?

— Все путем, от сессии отмазался, — не вдаваясь в подробности, ответил Костя.

— Как?

— Есть такая лаборатория, там всякие лекарства и приборы испытывают. За это дают больничный и деньги платят.

— Много? — еще больше заинтересовался Кто Бежит.

— Копейки... — неопределенно буркнул Костя. — Когда как, когда за что.

— От этих лекарств член не стоит и сыпь по всему телу, — убежденно сказал Кто Бежит. — За копейки нельзя соглашаться. Ты это... в суд на них подавай, если что.

Рассказывать про подписанные накануне бумаги об отказе от претензий Костя не стал. Вздыхнул, взял из рук приятеля бутылку с водкой и сделал несколько крупных глотков.

— Опасность! Опасность! — закричал гаджет. — Отравление организма! Суточная норма потребления алкоголя превышена на двадцать процентов!

— Заткнись, козел! — рявкнул Костя.

— Сам козел! — возмутился Кто Бежит. — Тебе же добра желаю! Еще друг называется... — Он поколебался секунду, явно раздумывая, не отобрать ли у Кости бутылку, но, взвесив все «за» и «против», предпочел уйти с балкона ни с чем.

Ссутулившись, Костя смотрел на опустевший к ночи дворик. Вот хлопнула дверца машины, вот прошел мужик с собакой, вот пробежал пацан с сигаретой... Всем хорошо, у одного Кости — гаджет в желудке!

— Я тебя урою, гад, — сказал Костя. И в несколько могучих глотков осушил бутылку. В голове закружилось.

— Жизнь человека в опасности, — с ледяным спокойствием произнес гаджет. — Чрезвычайная ситуация, режим мониторинга отключен, провожу срочную очистку желудка.

Таких спазмов у Кости не было никогда — даже после того, как он отравился шавермой, купленной у Московского вокзала. Желудок скрючило, сжало, и все выпитое-съеденное за вечер полезло к горлу.

— Врешь! — простонал Костя. — Ты мне, дрянь, вечер не испортишь!

У всех народов мира есть свои эпические сказания, повествующие о борьбе героя с темными силами природы. Отважный Вайнемайнен, храбрый Манас, смелый Иван-Царевич — несть числа героям темных веков. Но новое время рождает новых героев, и Костя стал одним из них — жаль, что некому было запечатлеть его подвиг. Обиженный Кто Бежит и думать не хотел о Косте, одноклассница давно забыла, что он пришел на день рождения. Костя боролся с гаджетом. Молодая и могучая физиология сошлась в поединке с тупой бездушной электроникой. Гаджет подстегивал Костин желудок электрическими импульсами, щекотал тонкими щупальцами, разгонялся —

от двенадцатиперстной кишки до привратника пищевода — и бил с разгону.

Физиология победила. Гаджет затих.

— Налейте, что ли, — простонал Костя, входя с балкона в гостиную. Вид его был столь жалок, что даже обиженного Кто Бежит проняло. Он вскочил, налил полный стакан и протянул Косте. Но тот одним стаканом не удовлетворился. Гаджет должен был понести наказание — и Костя протянул стакан еще раз.

— Суммарная доза несовместима с жизнью, — скорбно прошептал гаджет, когда второй стакан обрушился на дно желудка. — Прощай, хозяин.

Хозяин гаджета окинул притихших гостей печальным взглядом и вышел из квартиры. Лифт не работал — он заковывал вниз.

— Беда у него, — сказал вслед Косте простивший друга Кто Бежит. — Гадость какую-то за деньги подрядился испытывать, стал импотентом, весь прыщами пошел... вот и квасит теперь.

Целую вечность, казалось, Костя простоял в парадном, ожидая смерти. Но смерть не шла, и гаджет молчал — лишь иногда вздыхал, тихо и печально. Бросив пустые ожидания, Костя вышел и побрел к трамвайной остановке.

Час спустя он вышел у своего дома. Светлая летняя ночь стояла над городом. В голове шумело, живот сводило, но умирать он пока не собирался. Но гаджет упрямо молчал.

Шаркая ногами, Костя побрел к дому. Он чувствовал себя очень, очень несчастным и немного пьяным.

— Константин! — От парадного к нему бросилась маленькая тщедушная фигура. — Как я рад вас видеть! Константин, извините меня...

Щуплый лаборант застыл перед Костей, всем своим видом изображая раскаяние.

— Прощаю, — сказал Костя. — Брата-студента прощаю... чего уж теперь.

— Мне так неудобно, — продолжал заливаться соловьем Леня. — Как вы, нашли общий язык с гаджетом?

— Нашел, — признал Костя. — Чего тебе, а? Спешу я. Маму хочу увидеть...

— Да я настроить его забыл. — Лаборант достал из кармана маленький приборчик. — Это несложно, поверьте! Две секунды. Только введу страну и язык... Россия, русский...

Это и впрямь заняло не больше двух секунд.

— Здравствуй, старый хозяин, — сказал гаджет. — Вы немного перебрали, завтра будет болеть голова. Рекомендую поспать.

Юность отходчива и незлобива. Костя гнался за Леной всего два квартала. Ему даже удалось запустить в спину лаборанту сорванной на ходу кроссовкой и довольно удачно попасть между лопаток. К сожалению, пока Костя искал отлетевший снаряд, проворный студент биофака успел скрыться в проходном дворе.

Я услышал всю эту историю от Кости сразу же после пого-ни. Юноша пил пиво, стоя у ларька, и его лицо заинтересовало меня одухотворенностью человека, ежесекундно прислушивающегося к внутреннему голосу.

— Вот ведь фашисты! — повторял он. — Смертью грозили! Смертью!

— Что русскому в радость, то немцу — смерть, — охотно согласился я с этим симпатичным молодым человеком. — Мы для них — непознаваемы принципиально. Вещь в себе!

Василий Головачев
ОШИБКА В РАСЧЕТАХ
Фантастический рассказ

1

Первым его увидел Илья Родиков, астроном-любитель из деревни Косилово Жуковского района Брянской губернии, несмотря на существование целой сети национальных Центров информации об астероидах и кометах. Центры эти были созданы в Европе, Америке и Азии еще десять лет назад и работали в непрерывном режиме. В странах СНГ тоже существовала система наблюдения за пространством, объединяющая обсерватории в Симеизе, Евпатории, Зеленограде, Пулкове и Зеленчуке. И тем не менее астероид, получивший впоследствии имя Ирод — по первым буквам имени и фамилии наблюдателя за небом, открыл восемнадцатилетний любитель астрономии, даже не подозревавший, что его открытие заставит содрогнуться чуть ли не каждого жителя Земли.

К этому времени космические корабли землян, в основном, автоматические, часто бороздили просторы Солнечной системы.

Марс посетили две комплексные экспедиции при участии России, США и Европейского космического агентства.

Китай запустил на орбиту свою собственную станцию и обустроил на Луне лабораторию.

Кроме того, на Луне работала первая научно-исследовательская станция, созданная усилиями ведущих космических держав, а на Меркурий и Венеру готовились полететь первые экспедиции с участием человека.

На уровне глав государств был также решен вопрос разработки и создания ракетной платформы на орбите Луны для отражения возможной метеоритной атаки Земли, так как за последнее десятилетие резко увеличилось количество космических камней, падающих на родную планету человечества. Причем размеры и масса их все возрастали, а обнаруживать их удавалось далеко не всегда и вовремя.

По инициативе английского национального астрономического Центра в начале двадцать первого века был проведен анализ падений на Землю крупных космических тел, и оказалось, что если в двадцатом столетии с Землей астероиды сталкивались всего четыре раза, а последствия столкновений не были катастрофическими*, то уже в первое десятилетие двадцать первого века на Землю упали два метеорита, вызвав взрывы мощностью в десять и двадцать с лишним мегатонн. Были и человеческие жертвы, хотя метеориты упали в Австралии и в бассейне Амазонки, в довольно безлюдных районах.

И вот появился астероид Ирод, траектория которого по первым вычислениям пересекалась с орбитой Земли. А поскольку его размеры — по форме он напоминал самый натуральный крест — превышали размеры падавших когда-то на Землю космических тел, последствия его столкновения с колыбелью человечества могли вполне уничтожить цивилизацию. Тогда-то и заработала защитная система планеты, разработанная еще в конце девяностых годов прошлого века в российском НПО имени Лавочкина, предусматривающая при обнаружении опасного объекта запуск автоматического зонда-разведчика, а вслед за ним — при надобности — космического перехватчика. Национальные Центры исследования астероидной опасности подключились чуть позже, когда корабль-автомат «Хуанхэ», запущен-

* К примеру, падение небольшого ядра кометы (30 м в диаметре), известного всем как Тунгусский метеорит, вызвало в Сибири обильные дожди и длительное понижение среднегодовой температуры. Такое понижение специалисты называют преддверием ядерной зимы.

ный Китаем к Ироду, внезапно потерпел аварию при подлете к астероиду. Анализ поступившей с его борта информации показал, что скорее всего он был поврежден выбросом струи щебня с поверхности астероида.

До пересечения орбит Ирода с Землей оставалось чуть больше полутора месяцев. Гигантский астероид продолжал мчаться вперед с той же скоростью, упрямо стремясь к своей цели. А люди внезапно оказались на пороге глобальной катастрофы, не зная, удастся ли им ее предотвратить.

2

Утро выдалось удивительно тихим, свежим, улыбающимся, напоенным ароматами лесных цветов и щебетом птиц. Денис даже не рассердился, когда его разбудили в пять часов утра, предложив поучаствовать в рыбалке. Рыбаком он был никаким, рыбу любил разве что в готовом виде — на сковородке, а выезжал на природу в компании с друзьями не ради рыбалки, а ради прогулок по лесу и купания в лесных ручьях и речных заводях. Нынешним летом отпуск ему дали в начале июля, всего на шесть дней, и Денис решил использовать его по полной программе природного отдыха, то есть уехал с приятелями в псковскую глубинку, в немыслимой красоты край тысяч небольших озер, ручьев, болот и лесов.

Три дня пролетели незаметно.

Четверка друзей — Денис, Серега, Толя и Юрла — заплыли на лодке в самое сердце Светлоозерского заповедника, разбили палатки на берегу озерца Саровского, с прекрасным — и редким для этих мест — песчаным пляжем, и окунулись в приятное времяпрепровождение. То есть загорали, купались, собирали ягоды, резались в преферанс и, естественно, ловили рыбу. Все, кроме Дениса, слыли заядлыми рыбаками и знали, какую рыбу, когда, где и на что ловить.

Шестого июля и он взял в руки удочку, сначала сонно-сердитый, невыспавшийся, потом осознавший прелесть раннего подъема и умиротворенный небывалой одухотворенностью русской природы.

Однако идиллия длилась недолго.

Ровно через час зазвонил мобильный телефон Дениса: он был обязан везде носить его включенным, в силу специфики службы. Пришлось бежать к палатке и включать аппарат.

— Майор, — раздался в трубке сипловатый басок дежурного по части. — Тревога по форме «три нуля»! Вам надлежит явиться к командиру не позднее двенадцати часов дня.

— Что случилось? — огорчился Денис.

— Узнаете у командира.

— А все же? Я ведь на Псковщине, а ехать мне до части никак не менее шести часов.

— За вами пришлют «вертушку», дайте координаты.

— Озеро Саровское, километрах в десяти от деревни Старые Свары. И все же что случилось?

Дежурный поколебался для порядка, потом доверительно сообщил:

— Предстоит боевой вылет. Собирайтесь, майор, «вертушка» уйдет за вами через четверть часа, в восемь она будет у вас.

В трубке запульсировал сигнал отбоя.

Он посмотрел на нее, как на гадюку, и выключил.

Денису Молодцову пошел двадцать девятый год. Он служил в космический войсках России, в особой группе «АСС», что означало: «Аварийная служба спасения». Несмотря на молодость, Денис считался одним из самых опытных летчиков-космонавтов в отряде, налетавшим за время службы в космических полетах более шести месяцев. Он трижды побывал на Луне и четыре раза выходил в открытый космос в экспедициях спасения, в том числе — для разрешения аварийной ситуации на международной космической станции. Ему предлагали возглавить российский Национальный центр экстремального оперирования в космосе, однако ему нравилась его рискованная работа, нравилось гонять адреналин по жилам, и от предложения он отказался. Для него наработка опыта, или, как он любил говорить, «наработка на отказ», еще не закончилась. Тем более что замены пока не предвиделось.

В свои двадцать восемь он еще не женился. Подруги у него были, но женщины, которая смогла бы покорить, не находилось. А мечтали об этом многие. Хотя богатырем и красавцем-сердцем он не выглядел: среднего роста — метр восемьдесят, не особенно широкоплеч, лицо худое, с упрямым подбородком,

упрямая же складка губ, готовая сложиться в улыбку, курносый нос и светло-серые глаза, цепкие, внимательные, полные притягательной силы. Плюс шапка русских волос. Женщины часто говорили ему, что он похож на Сергея Есенина. Денис не возражал, сравнение ему нравилось, как и стихи великого русского поэта.

Вертолет прибыл точно в восемь часов утра.

Попрощавшись с приунывшими друзьями, Денис занял место в кабине и уже через минуту, когда машина поднялась в воздух, забыл о своем отдыхе. Впереди ждала работа. Сердце забилось сильнее, дыхание участилось. Горизонт раздвинулся. Душу охватило нетерпение. И хотя дежурный не уточнил, что произошло, Денис понимал, что кто-то в космосе ждет помощи. Намечался новый полет за пределы атмосферы Земли.

3

Однако даже его фантазии не хватило, чтобы представить масштаб предлагаемой операции.

Узнал он об этом уже на базе «АСС», где собралось высшее руководство РВКН.

Всего присутствовали семь человек, из которых Денис знал только троих: командира группы полковника Зайцева, главного технического специалиста профессора Черникова и директора Центра экстремального оперирования генерала Лещенко. Четверо остальных, как оказалось, представляли Министерство обороны и разные уровни Российских войск космического назначения, от научно-исследовательского корпуса до службы собственной безопасности.

— Времени у нас мало, поэтому сразу к делу, — начал совещание мрачный Лещенко; тяжеловесный, толстый, с тройным подбородком и огромным брюхом, он казался любителем пива, случайно попавшим в эту компанию, в то время как подчиненные отзывались о нем как о хорошем специалисте и умном стратеге. — Все вы знаете, что Ирод летит прямехонько в лоб Земле. Мало того, он увеличил скорость. Такое впечатление, что он окончательно «настроился» на нашу планету, что

говорит о многом. До randeву осталось всего три недели, а не полтора месяца, как мы считали. Теперь о том, чего вы не знаете. Ну или знаете не все. Американцы запустили к Ироду свой новейший шаттл со своим экипажем, не предупредив никого, ни нас, ни европейцев, ни японцев с китайцами. И вот последнее сообщение: шаттл вышел на орбиту вокруг астероида... и связь с ним прервалась!

Возникла пауза.

Все присутствующие в комнате почему-то посмотрели на Дениса. И по этим взглядам он понял, что ему предстоит не просто спасательный полет, а беспрецедентный бросок в космос, который до него никто не делал. Точнее, сделали американцы, доверившись своей технике, но не преуспели.

Сердце дало сбой, но Денис привык держать себя в руках и ничем не выдал своего волнения. Только уточнил недрогнувшим будничным голосом:

— Они действительно опробовали новый шаттл?

— В натуре, — кивнул Лещенко с кривой усмешкой. — Причем запустили его с какой-то недоделкой, если верить источнику информации. Надеялись, так сказать, на единственный успех. Это их второй корабль — «Техас», первый — «Флорида», как вы знаете, в настоящее время пристыкован к МКС.

— Доигрались, — бросил темнолицый морщинистый седой мужчина в строгом сером костюме. Это был полковник Матвейкин, начальник службы безопасности РВКН.

Денис был с ним полностью согласен: американцы переоценили и себя, и свою хваленую технику, забыв о катастрофах с первыми шаттлами — «Челленджером» и «Колумбией». Несмотря на трехлетний мораторий на запуски и последующую вслед за этим доработку старых космических транспортных систем, как официально назывались «челноки», а также на создание новых, никто из специалистов не мог дать гарантию, что молчание «Техаса» объясняется внешними причинами, а не внутренними, то есть, к примеру, выходом из строя двигателей или других важных элементов корабля.

Вообще-то шаттл создавался в конце двадцатого века как орбитальный самолет, несущий экипаж и полезную нагрузку. Устанавливался он на спине огромного внешнего топливного бака, к которому с двух сторон присоединялись твердотопливные ускорители. При старте включались оба ускорителя,

обеспечивающие основную стартовую тягу, и три основных двигателя орбитального корабля. Ускорители работали на смеси перхлората аммония с алюминиевым порошком, а двигатели шаттла — на жидком водороде и кислороде, поступающих из внешних баков. Как правило, почти все топливо выгорало при подъеме корабля до высот в двести пятьдесят — пятьсот километров, оставались буквально крохи — для небольшого маневрирования.

В новом шаттле топлива оставалось больше, так как поднимался он первоначально на «горбу» мощного самолета-носителя — до высоты в двенадцать километров, и только потом стартовал сам. Корабль же «Техас», о котором шла речь, был вообще собран на орбите, поэтому ему потребовался минимум времени и энергии на старт к астероиду Ирод с тем расчетом, чтобы вернуться обратно. Американцы хотели удивить и восхитить мир, но не смогли.

— Вы уже поняли, майор? — сказал Лещенко. — Надежда на вас и на ваш экипаж. Корабль к полету готов. Мы хотели использовать его для доставки медицинского оборудования на Луну. Придется изменить планы. Ваш корабль должен сработать как перехватчик.

— А почему нельзя сразу послать к астероиду десяток ядерных ракет? — проворчал худой и лысый замминистра обороны. — Разнести его в щепень!

— Потому что мы не знаем, что случилось с экипажем «Техаса», — отрезал Лещенко. — Так и планировалось первоначально, что мы запустим пять своих ракет — модернизированную «Сатану», а Штаты пять своих новейших «Пискиперов», после того как будет уточнена траектория астероида. Но американцы обо...лись, спутали все карты, и теперь нам предстоит доказать, что мы партнеры посерьезней.

— Справитесь, майор? — посмотрел на Дениса профессор Черников, главный разработчик российского «шаттла» — воздушно-космического комплекса «Ангара-Э2».

— Обязан справиться, — пожал плечами командир группы «АСС», худенький и маленький, но с жестким волевым лицом. — Молодец... э-э... майор Молодцов готов к любому испытанию.

Денис не отреагировал на обмолвку Зайцева, его еще со школьных лет редко называли по имени, только — Моло-

дец. Это обязывало — чтобы не смеялись за спиной, и составляло держать себя в хорошей физической и психологической форме.

— Прошу вводную, — сказал он хладнокровно.

По губам Зайцева скользнула усмешка. Он хорошо знал своего подчиненного и был в нем уверен.

— Собственно, ваша задача проста, — сказал Лещенко. — Надо долететь до Ирода, разобраться, что случилось с китайским зондом и «Техасом», спасти, кого можно, и вернуться.

— Хорошо бы еще выяснить, почему астероид увеличил скорость, — пробормотал Черников. — На космический корабль он не похож, с виду и по характеристикам — кусок базальта необычной формы, да и размеры слишком велики для корабля...

— Это не главное, — сказал молчавший до сих пор здоровяк в генеральском мундире — начальник РВКН. — Главное — побыстрее найти причину молчания шаттла и вернуться. Мы должны раздолбать астероид до того, как он врежется в Землю. Весь мир ждет от нас чуда. Понимаете, какая на вас лежит ответственность, майор?

— Так точно! — Денис поднялся и встал по стойке «смирно». — Еще два вопроса можно, товарищ генерал?

— Разумеется.

— Кто командир «Техаса»?

— Кэтрин Бьюти-Джонс.

— Женщина?! — удивился замминистра.

— Почему вас это удивляет? Ей двадцать восемь, как и майору Молодцову, и на ее счету пять полетов. Вы должны знать Кэтрин, майор.

— Так точно, знаю — заочно, хотя лично не знаком. Сколько человек в ее экипаже?

— Трое.

— Кто полетит со мной?

— На этот раз я, — сказал Зайцев, — и сотрудник службы безопасности Феликс Глинич.

Денис нахмурился.

— Я не знаю этого человека. Почему не летит Артист... э-э... капитан Абдулов?

— Вместо него в экипаж включен Глинич. Он эксперт в области космического материаловедения, астрофизик, планетолог и специалист по метеоритному веществу.

— Мне на борту нужен грамотный бортинженер, специалист по системам, а не астрофизик!

— Феликс Эдуардович Глинич, — вмешался профессор Черников, — является кандидатом в отряд космонавтов уже два года и прекрасно изучил наши корабли и комплексы.

— И все же я требую...

— Успокойтесь, майор, — перебил Дениса командир группы. — Я понимаю ваши чувства, но состав экипажа определяю даже не я, а правительственная комиссия. Она и рекомендовала... можно сказать... этот состав экипажа. Вам придется согласиться или войти в состав дублирующего корабля.

Денис проглотил ругательство.

— Хотя бы объясните, в чем дело, почему необходима замена.

— Есть определенные подозрения, майор... — начал Лещенко.

— Мы не знаем, почему астероид увеличил скорость, — сказал Черников. — Но такие целенаправленные манипуляции обычные космические тела совершать не в состоянии.

— Вы что же, предполагаете, что к нам залетел чей-то космический корабль? — Денис позволил себе немного иронии.

— Не обязательно, — качнул седой головой профессор. — Возможно, это ядро кометы, возможно, представитель нового класса малых активных объектов...

— Определимся на месте, — перебил Черникова Зайцев. — И для этого опыт Глинича незаменим. Все, майор, идите готовьтесь. Вылет через четыре часа.

Денис кинул подбородок на грудь, щелкнул каблуками и вышел. Настроение испортилось. Слава Абдулов, ровесник и однокашник, был отличным специалистом и надежным другом, и его замена подействовала угнетающе. Но изменить что-либо уже было невозможно. Зайцев намекнул, что Денис может не полететь вовсе, если будет настаивать на своем. Что же они почуяли, товарищи начальники, заменив бортинженера на специалиста службы безопасности? Неужели и впрямь уверены, что в Солнечную систему вторглись пришельцы? Или же просто решили перестраховаться?

4

Он был впереди и чуть снизу — маленький сверкающий крестик на фоне угольно-черной бездны, проколотой множеством острых звездных «булавок». Астероид Ирод. Пять километров сто сорок шесть метров — длина главной перекладины, полтора километра — длина второй перекладины, толщина «креста» — шестьсот метров, масса — двадцать три миллиарда тонн. Поскольку его скорость уже почти достигла возможности разгона земных кораблей — до ста десяти километров в секунду, решено было при подлете сманеврировать таким образом, чтобы астероид сам догнал корабль. И Денис мастерски проделал маневр, не потеряв ни мгновения, ни сантиметра. Теперь Ирод постепенно догонял «Ангару», вырастая в размерах. По расчетам бортового компьютера, он должен был взять корабль «на abordаж» через восемь часов.

Американский шаттл «Техас» они обнаружили не сразу. Как оказалось, он приземлился на крест космического монстра, то есть, разумеется, «приастероидился» и был почти невидим со стороны, так как местом посадки избрал «подмышку» креста — там, где сходились грани большой и малой перекладин. На вызовы экипаж «Техаса» по-прежнему не отвечал и световые или какие-нибудь другие сигналы не подавал.

Зайцев считал, что экипаж погиб.

Молчаливый Глинич, за все время полета произнесший всего несколько слов, своих предположений не высказывал.

Денис же в силу природного оптимизма надеялся, что на «Техасе» просто вышла из строя система связи и что американцы живы. Хотя, с другой стороны, было действительно непонятно, почему они не подают световых сигналов. Шаттл с виду — в телескопы «Ангары» — казался неповрежденным, отсверкивая в лучах серебристой обшивкой.

Феликс Глинич, заменивший бортинженера, сначала Денису активно не нравился. Бесстрастный, с виду даже сонный, по-философски равнодушный ко всему, что его не касалось, он вечно торчал у компьютера или вел наблюдения за приближающимся астероидом, не сообщая никому своих выводов. Это раздражало, и однажды, на третий день полета, не вытерпел даже полковник, тоже не отличавшийся говорливостью.

— Как вы думаете, Феликс Эдуардович, — сказал он после очередного сеанса радиосвязи с Землей, расстояние до которой уже превышало двадцать пять миллионов километров, — почему молчит «Техас»? Что могло произойти на его борту?

— Я не гадалыщик, — сухо ответил Глинич. — Для выводов не хватает объективной информации. Подстыкуемся — узнаем.

Зайцев озадаченно посмотрел на него, перевел взгляд на Дениса, изломил бровь.

— Это, конечно, правильно, однако неплохо бы разработать рабочую гипотезу и придерживаться ее. К примеру, я считаю, что американцы что-то обнаружили на астероиде, сели и наткнулись на какую-то ловушку. Что-нибудь вроде выброса отравляющих веществ.

— В скафандрах им не страшны отравляющие вещества, — покачал головой Денис. — На мой взгляд, они просто врезались в астероид и повредили систему связи. А заодно и двигатели.

— Тем не менее они могли бы послать в космос пару сигнальных ракет или помигать прожекторами. Астероид вращается, и вспышки заметили бы даже с Земли. Почему они этого не сделали? Погибли?

Денис пожал плечами.

Он был согласен с третьим членом экипажа: фактов не хватало. А заранее хоронить американских астронавтов не хотелось. Как и разрабатывать гипотезу о корабле агрессивных пришельцев, прилетевших для завоевания Земли.

Спор ничего не дал. Все остались при своем мнении. А Глинич по-прежнему отказывался участвовать в беседах экипажа и обходился минимумом слов...

Восемь часов до встречи с гигантским каменным крестом изумительно правильной формы истекли. Денис произвел необходимые маневры, и оба тела — двадцатиметровая «Ангара» и великан-астероид, медленно вращающийся вокруг более длинной оси — повисли в двух километрах друг от друга, продолжая мчаться к Земле со скоростью в сто шесть километров в секунду.

— По-моему, самый обычный оортид*, — заметил Денис, разглядывая крест в створе главного экрана. — Только что фор-

* Оортидами называют небесные тела, врывающиеся в Солнечную систему из так называемого облака Оорта, располагающегося за орбитой Плутона.

ма необычна. Предлагаю не ждать, а сразу подстыковаться к камешку поближе к шаттлу. Сила тяжести там, конечно, слабая, не более пяти сантиметров*, но судя по данным анализа, в породах астероида около сорока процентов железа. Включим эм-калоши и будем чувствовать себя вполне устойчиво.

— Не суетись, Молодец, — сказал Зайцев. — Мы должны лишь выяснить причину молчания шаттла и дать команду на атаку астероида. До его randevu с Землей осталось всего тринадцать дней.

— Поэтому я и предлагаю поторопиться.

— Возражаю! — впервые вмешался в разговор командира и пилота бортинженер. — Мы не знаем, что здесь произошло, поэтому действовать будем в соответствии с программой СРАМ**.

Оба посмотрели на него.

— Командир здесь вообще-то я, — сказал полковник неприятным голосом.

— Вскройте пакет СПИ.

Зайцев хмыкнул, поколебался немного, потом открыл командирский сейф, вытащил черный пакет с красными буквами «СПИ», что означало: «Специальные предписания и инструкции». Вскрыл пакет, достал компакт-диск и два листка бумаги с текстом, прочитал. Вскинул на бортинженера сузившиеся похолодевшие глаза.

— Что? — не выдержал Денис.

— У него карт-бланш...

— Что еще за бланш? — не сразу понял Денис.

— Особые полномочия... при появлении экстремальной ситуации он вправе взять командование кораблем на себя...

Денис присвистнул, с любопытством посмотрел на костистое, сухое, с запавшими черными глазами лицо Глинича. Лицо человека, привыкшего *не сомневаться* в своей значительности.

— Похоже, нам не доверяют, Андрей Петрович.

— Да уж, сюрприз, — усмехнулся Зайцев.

— У вас есть какие-то претензии ко мне как к специалисту? — осведомился Глинич.

* Имеется в виду 5 сантиметров в секунду за секунду; для сравнения сила тяжести на Земле равна почти 9 м/сек./сек.

** СРАМ — аббревиатура слов: сведение риска к абсолютному минимуму; особая программа для экипажей спасательных модулей.

— Нет... претензий нет... пока... однако хочу заметить, что вы вступаете в свои права только при наличии экстремальной ситуации, если следовать букве параграфа официального указания. А поскольку таковая ситуация в настоящий момент отсутствует, команду кораблем я. Возражения по существу есть?

— Нет, — сказал Денис, пряча улыбку.

Глинич сверкнул глазами, помолчал, отвернулся.

— Нет...

— Вот и славно. Начинаем маневр.

Денис удобнее устроился в кресле пилота и включил аппаратуру БУК — бесконтактного управления кораблем. В БУК входили специальные перчатки, снимающие биопотенциалы руки и передающие их на контур управления, и система датчиков, встроенных в скафандр пилота, помогающая контролировать любое действие оператора. Благодаря БУК реакция пилота повышалась почти на порядок, что было немаловажно при возникновении непредвиденных ситуаций. Конечно, корабль имел и ручную систему управления, резервную, но включалась она редко.

Денис шевельнул указательным пальцем.

Сработали двигатели тангаж-маневра, и «Ангара» мягко пошла на сближение с глыбой астероида.

5

Космический корабль многоразового использования «Ангара-Э2» был создан российской корпорацией «Энергия» всего полгода назад. Точнее, он эксплуатировался всего шесть месяцев и несколько дней. До этого момента российские космонавты летали на «старой» «Ангаре-М», поступившей как в РВКН, так и в гражданское космическое агентство пять лет назад.

«Ангара-М» отлично зарекомендовала себя при полетах на МКС, к Луне и к Марсу, поскольку конструкторы использовали для ее создания все самые передовые технологии. Однако «Ангара-Э2» превосходила свою предшественницу по всем параметрам, так как представляла собой транспортно-космический комплекс нового поколения.

Система управления кораблем не имела аналогов в мире, как и двигательная установка, способная разгонять его до скорости в сто десять — сто двадцать километров в секунду. Да и компьютер «Ангара-Э2», созданный на основе нанотехнологий российскими специалистами, был на высоте. С ним даже можно было беседовать, как с живым человеком.

«Техас» — самый современный «челнок» США, разработанный с учетом страшных катастроф с первыми шаттлами, в общем тоже был отличным кораблем, и тем не менее он по многим характеристикам уступал «Ангаре».

Его система спасения, представляющая автономную капсулу, выстреливаемую в аварийной ситуации, могла обеспечить защиту экипажу всего на три часа, в то время как САС «Ангара» была рассчитана на сутки автономного функционирования и защищала экипаж даже от мощной солнечной радиации. К тому же «Техас» не обладал такими мощными двигателями, как «Ангара», и не имел боковых движков с изменяющимся вектором тяги, которые обеспечивали кораблю максимально возможную степень маневренной свободы.

Остальные отличия были несущественными. «Техас», как и «Ангара-Э2», мог иметь на борту экипаж численностью до семи человек и был способен в одиночку слетать на Марс и обратно.

— Я настаиваю на включении программы СРАМ! — заявил Глинич, когда Денис подвел корабль вплотную к астероиду. — Мы до сих пор не знаем причин молчания китайского зонда. Кстати, я вообще его не обнаружил в этом районе. И мы не знаем, почему замолчал «Техас». По-моему, этого достаточно, чтобы перестраховаться.

— «Техас» цел... по крайней мере с виду, — буркнул Зайцев; все они уже загерметизировали скафандры и вели переговоры по радиации. — Если бы что-нибудь случилось на борту, американцы выбросились бы на спасательной капсуле. Но ее тоже не видно.

— Я требую...

— Оставьте свой тон, Феликс Эдуардович! Я не меньше вашего хочу выяснить, что здесь произошло.

— Я доложу командованию о вашем отказе следовать инструкции!

— Да хоть самому президенту. Майор, сажайте птичку рядом с шаттлом.

Денис не ответил. Он и так более чем осторожно подводил корабль к гигантскому, сверкающему антрацитовый сыпью кресту астероида, готовый включить маршевые двигатели при появлении любой опасности.

Но пока ничего особенного не происходило.

Мрачная грань астероида приблизилась вплотную, повисла над головой исполинским потолком. «Техас» по-прежнему не подавал никаких признаков жизни. На его корпусе не было видно ни вмятин, ни трещин, ни пробоин. С виду он действительно был цел и невредим. Разве что сидел чересчур плотно в углу смыкающихся граней креста, словно пытался носом раздвинуть эти грани.

— Дыра! — воскликнул Глинич.

Денис тоже заметил невероятно ровное треугольное отверстие в стыке граней, буквально под кормой шаттла, но он был занят посадкой и обсуждать открытие не стал.

— Это каверна! — продолжал возбужденный бортинженер. — Или скорее вход в недра астероида! Вот почему они молчат! Они ушли внутрь... и не вернулись!

— Если это так, то они давно погибли, — мрачно проговорил Зайцев. — Их скафандры рассчитаны всего на двенадцать часов автономного плавания в вакууме.

— Возможно. Тем более надо соблюсти рекомендации...

— Отставить разговоры! Продолжайте наблюдения! Молодец, пристыкуйся чуть подальше, за носом шаттла, чтобы он не помешал аварийному старту.

— Слушаюсь, командир! — Денис повел «Ангару» боком, осторожно — миллиметр за миллиметром — посадил ее на специальные пневмоподушки с липучками. Эти посадочные баллоны в случае необходимости отстреливались, и корабль мог стартовать в любой момент.

Движение прекратилось. «Ангара» даже не дрогнула, коснувшись астероида. Бортовой компьютер Михалыч выбросил на панель управления желто-зеленые огни, сказал приятным мягким голосом:

— Посадка по высшему баллу! Поздравляю с окончанием полета.

— Поздравишь, когда мы будем на Земле, — проворчал Зайцев. — Но ты молодец, Молодец! Вряд ли я посадил бы птичку лучше. Начинается главная работа. К выходу готовятся

двое: я и бортинженер. Экипировка — в соответствии с Положением номер два. Возражения не принимаются!

И Денис, открывший рот, чтобы попросить командира взять его в первую вылазку, вынужден был промолчать. Ничего не сказал и Глинич. Он мог быть доволен, так как Положение номер два предусматривало особые меры безопасности для экипажа спасательного корабля и увеличивало степень ответственности каждого его члена.

Полковник вскрыл второй командирский сейф и достал оружие — лазерные и электропистолеты. Кроме этого, разведчики взяли с собой «дромадеры» — комплекты выживания, имеющие запасы кислорода, еды и дополнительные источники питания.

— Будь готов, — сказал Зайцев, стукнув рукой в перчатке по плечу пилота. — Еще успеешь прогуляться по местным буеракам.

Космонавты выбрались из кабины в переходный тамбур. Появились через три минуты за бортом корабля, видимые в отсвете прожекторного луча от сверкающих мелкими кристаллами граней астероида. Корабль сидел, как самолет, брюхом на одной из них, а вторая поднималась слева гигантской бугристой стеной, исчезая где-то в звездном «небе», как черная тень, изредка бросающая искры света — отражение лучей звезд.

— Ни пуха! — пожелал Денис.

— К черту! — ответил командир.

Глинич промолчал.

Две блистающие серебром и золотом фигуры включили газовые движки и поплыли к стоящему неподалеку американскому шаттлу.

6

«Техас» казался вымершим.

Космонавты облетели его со всех сторон, светили фонарями в носовые иллюминаторы пилотской кабины — при всем космическом антураже и назначении он прежде всего оставался самолетом — и стучали по обшивке, но никто на их сигнала-

лы не отозвался. Естественно, его люки были задраены, а следов под ними на «грунте» — на сплошной кристаллической плите — не было видно.

— Никого, — разочарованно заявил в конце концов Зайцев, прекратив попытки проникнуть внутрь американского «челнока». — Иллюминаторы у них из поляризационного композита, поэтому снаружи ничего рассмотреть нельзя. Следов же никаких. Открывали они люки, выходили наружу или нет — неизвестно.

— Но если они молчат, то, наверное, все же вышли? — осторожно заметил Денис, принимая версию Глинича.

— Или же давно мертвы, — отозвался сам Феликс Эдуардович, почти не принимавший участия в обследовании шаттла. — Если у них внезапно произошла разгерметизация, а они были без скафандров...

— На корпусе корабля нет ни одного крупного сквозного отверстия, — перебил его полковник. — А по инструкции они обязаны сидеть в кабине в скафандрах. Американцы, между прочим, свято соблюдают все пункты инструкции. Нет, здесь что-то другое. Предлагаю совершить небольшой разведрейд в дыру. Ничего не найдем — попробуем вскрыть «челнок» резакком. Вы согласны, Феликс Эдуардович?

— Нет, — ответил Глинич после паузы. — Разведрейд не предусмотрен Положением аварийно-спасательной службы. Предлагаю сначала найти причину молчания экипажа. Эта причина может угрожать и нам.

— В таком случае я отправлюсь на разведку один, — сказал Зайцев, не повышая голоса. — Ждите меня в течение часа. Если хотите, займитесь подготовкой и настройкой резака.

— Командир, одному идти нельзя! — забеспокоился Денис. — Тогда уж я пойду с вами! Бортинженер подождет нас здесь, раз боится.

— Я не боюсь, — возразил Глинич скрипучим голосом. — Но вы не имеете права рисковать неоправданно!

— Отставить, майор, — сказал Зайцев. — Я отлучусь ненадолго. Если связь прекратится, а она прекратится наверняка, так как эта махина насквозь пронизана жилами пегматита, то не паникуйте. Хочу посмотреть, куда ведет этот ход. Американцы не могли не пойти туда, раз сели неподалеку от дыры.

— Хорошо, я пойду с вами, — сухо сказал Глинич. — Но вы делаете ошибку.

— Ну, это бабушка надвое сказала, — хмыкнул Зайцев. — Молодец, жди и смотри в оба. И ни в коем случае не выходи наружу! Даже если здесь появится целая армия зеленых чело-вечков.

— Слушаюсь, командир, — усмехнулся Денис.

Две фигуры, отблескивая шлемами и металлическими деталями скафандров, подплыли к треугольной дыре, скрылись в темноте. Некоторое время был слышен голос полковника, каждую минуту говорящего одну и ту же фразу: «Все в порядке, пусто, летим дальше». Потом голос ослабел и умолк. Перестали быть слышны и радиомаяки космонавтов. В эфире наступила глухая могильная тишина, нарушаемая изредка тихими щелчками и шорохами возникавших в космосе радиошумов.

Час прошел.

Разведчики не возвращались.

Вокруг все было спокойно. Астероид продолжал свой тя-желовесный полет к точке встречи с Землей, равнодушный ко всей человеческой возне вокруг него.

Денис почувствовал тревогу. Он знал полковника доста-точно хорошо, чтобы полностью доверять его словам и дей-ствиям. Если командир говорил, что вернется через час, так оно всегда и происходило. А раз он не вернулся в срок, зна-чит, что-то случилось, и надо было предпринимать какие-ни-будь меры.

Денис включил рацию на постоянный вызов и сам несколь-ко минут слал в эфир: «Я «Ангара»-два, первый, ответьте «Ан-гаре»...»

Никто не отвечал.

Прошел еще час.

Тогда Денис попытался нащупать лучом прожектора треу-гольную дыру в стыке граней астероида... и волосы зашевели-лись у него на голове! Дыра внезапно исчезла! Пространство внутри нее сгустилось и превратилось в искрящуюся плиту, закрывшую вход в тоннель!

Первым побуждением Дениса было немедленно стартовать. Вторым — вылезти наружу, убедиться в реальности явления и попытаться взломать возникшее препятствие. Однако он зас-тавил себя остаться на месте и вызвал ЦУП. Ответ с Земли не

пришел ни через семь минут, ни через десять, ни через двадцать. Тело астероида загораживало нужный сектор Солнечной системы, и для того, чтобы послать сообщение и получить ответ, надо было стартовать, сориентировать должным образом антенны корабля и ждать. А поскольку времени и так ушло непозволительно много, Денис решил действовать на свой страх и риск.

Он выбрался в отсек полезной нагрузки, расконсервировал плазменный резак и выгрузил его через грузовой люк. Выбрался наружу сам, вооруженный до зубов. Никто не появлялся и не пытался напасть на него, никто не высовывал голов и шупалец из щелей и дыр в породах астероида. Тогда Денис приблизился к тому месту, где недавно зияло шестиметровой величины треугольное отверстие, и несколько минут потратил на изучение затычки, закрывшей дыру. Впечатление было такое, будто перед ним был монолит. Ни щелочки, ни рисочки, ни какого-либо указания на то, что здесь существовал проход в недра астероида.

— Ничего? — вызвал Денис Михалыча.

— Не слышно, — ответил бортовой компьютер виноватым голосом, продолжая вызывать ушедших.

Сжав зубы, Денис взялся за резак.

Однако плазменная струя не смогла пробить материал пробки, заткнувшей отверстие. Толщина пород в этой точке оказалась такой, что на вырезание дыры в стене мощности резака было недостаточно. Прodelав полуметровую каверну в черной бугристой стене, резак погас, кончилась энергия.

Денис выругался. С минуту отдыхал, прикидывая варианты дальнейших действий. Можно было облететь астероид кругом и поискать другие входы внутрь, можно было послать сообщение на Землю и посоветоваться с начальством. Но он выбрал другой путь.

Перезарядил резак и поднялся к американскому шаттлу, собираясь вскрыть его, как консервную банку. Вполне возможно, ответ на главный вопрос: что здесь, собственно, произошло? — находился в кабине управления «Техаса».

Но осуществить задуманное ему не удалось.

Внезапно кто-то окликнул его по-английски: многодиансионные рации скафандров были настроены на все частоты связи российских и американских космических объектов, а также на

аварийную волну. Голос же, раздавшийся в наушниках рации, явно принадлежал женщине:

— Эй, мистер, что вы там делаете?! Бишоп, это ты?!

Денис оглянулся, искал глазами спрашивающего и высоко на вертикальной стене — грани перекладки креста — увидел сверкнувшую лучом фонаря фигурку. Она медленно спускалась по стене вниз, подпрыгивая и пролетая по десятку-два метров сразу.

— Я майор Молодцов, прима-пилот российского спасательного корабля «Ангара». Кто вы?

Женщина перешла на ломаный русский:

— Вы есть руски спасател?! Как вы здес окажутся?!

— Ваш «челнок» замолчал, — попытался объяснить ситуацию Денис, — примерно восемь дней назад, и нашу птичку послали выяснить, в чем дело.

— Не может быть! — Собеседница перешла на английский. — Почему восемь дней?! Мы прилетели сюда шесть часов назад!

— Как это — шесть часов?! — Теперь уже удивился и не поверил он. — Не может быть! Мы отправились к астероиду семь дней назад, после того, как стало известно о вашем секретном полете. То есть что вы не отвечаете на вызовы.

— Здесь какая-то ошибка! — Фигурка приблизилась. Скафандры не позволяли видеть, кто находится внутри них, так как с виду женский не отличался от мужского, но все же было заметно, что приближается женщина. — Я Кэтрин Бьюти-Джонс, командир шаттла «Техас». Мои коллеги шесть часов назад ушли на разведку внутрь астероида и не вернулись. Надеюсь, ваш экипаж на борту?

— Не надейтесь, — мрачно пошутил Денис, чувствуя себя преступником. — Они ушли в дыру под кормой вашего «челнока» два с лишним часа назад. Дыра закрылась. Я пытаюсь определить, что происходит.

— И для этого вы решили повредить мой корабль?

— Не повредить — только пробиться в кабину. — Денис невольно покраснел. — У меня не было выбора. Давайте поднимемся на борт нашей птички, и я все объясню.

— Лучше уж поднимемся ко мне... если вы и в самом деле тот самый майор Молодцов, о котором я слышала.

Денис осветил плечо своего скафандра, на котором вместе с российским гербом и эмблемой РВКН виднелась перламут-

ровая полоска личного клейма с надписью: ДАМ — Денис Андреевич Молодцов.

Командирша «Техаса» спрятала в спецжаке на поясе лазерный пистолет, ствол которого был направлен на майора, пролетела мимо и открыла люк.

7

Денис был знаком с Кэтрин Бьюти-Джонс заочно уже больше года, видел ее фото в кондуитах космофлота и читал о героических подвигах астронавты в Интернете. Но одно дело — фотография, пусть и вполне качественная, откровенная, другое — сам объект фотосъемки. Мисс Кэтрин оказалась красавицей славянского типа — с пышными русыми волосами по плечи, большими голубыми глазами, пухлыми губками и ямочками на щеках. Вот только улыбалась она по-американски — ослепительно и холодно, правда, редко, а точнее, произошло это всего раз, когда Денис похвалил интерьер кабины управления. Однако на русского космонавта она продолжала смотреть оценивающе, строго и не вполне дружелюбно, будто сомневалась в его искренности и правдивости.

Оказалось, что ее матерью была русская женщина Анята, Анна Валерьевна, от которой она и переняла черты лица, фигуру и смелость. Отцом же Кэтрин был известный инженер и конструктор, создатель шаттла Роджер Бьюти-Джонс. Дочь пошла по его стопам, став не только астронавтом, но и фактически испытателем детища отца.

Однако в настоящий момент эти личные подробности не взволновали Дениса. Его мысли занимало открытие, сделанное им совместно с американкой.

Время внутри астероида, пронизанного тоннелями и пустотами, как сыр — порами, текло в полсотни раз медленнее, чем снаружи!

Второе открытие, а точнее — фактически первое, так как открывателями стали американские астронавты, состояло в том, что астероид представлял собой некую *живую* систему, судя по тому, что многие его тоннели внезапно закрывались, ис-

чезали, зато появлялись новые, а внутри огромных пустот, цепочкой располагавшихся внутри перекладин его крестообразного тела, происходила своя таинственная жизнь.

— Мы не успели обследовать и тысячной доли внутренних пещер Ирода, — закончила свой рассказ Кэтрин. — Сначала обнаружили дыры, начали изучать, потом парни ушли на разведку и не вернулись. Я попыталась искать их, но заблудилась и с трудом выбралась обратно. Когда я увидела вас, сначала подумала, что это они. Но после поняла, что ваш скафандр иного типа, и даже подумала, что вы диверсант.

— За диверсанта меня еще никто не принимал, — невольно улыбнулся Денис, — хотя я и служу в космических войсках. Итак, мисс, что будем делать? Мои спутники тоже ушли в астероид и не вернулись, а проход закрылся. У вас есть конкретные предложения? Кстати, когда вы подлетали к этому камешку, не видели китайского зонда?

— Нет. Наткнулись на пару камней поменьше и миновали струю пыли, но больше ничего.

— Странно... Китайский модуль «Хуанхэ» имел неплохой комп, мог бы и сообщить, что случилось. Может быть, его сбили зеленые человечки, хозяева Ирода?

В голосе Дениса проскользнули скептические нотки, и брови Кэтрин сошлись.

— Напрасно иронизируете, майор. Зеленых человечков я не встречала, но что астероид — не просто железистый обломок камня необычной формы, уверена. Вы и сами могли убедиться в этом. Тоннели и подземные ходы внутри мертвой горы сами собой не возникают и не закрываются. Может быть, это и не космический корабль чужой цивилизации, но кто-то внутри него живет. Предлагаю запустить внутрь астероида малый зонд, на борту «Техаса» такой имеется, и обследовать ходы.

— Вряд ли это даст результат, — качнул головой Денис. — Материал астероида экранирует радиоволны, и мы вскоре потеряем с зондом связь. Предлагаю следующее. Вы поднимаете свой шаттл и сообщаете на Землю о нашем положении. Ждете ответа. Я же иду внутрь и...

— Нет! — решительно отрезала командир американского корабля. — Вы не сможете ориентироваться, не зная, сколько времени прошло. Идти надо вдвоем. Мы запустим «Техас» на орбиту вокруг Ирода (словечко «Ирод» она произносила с ми-

лым акцентом — Айрьёдд) в автоматическом режиме, возьмем с собой обойму радиомаяков и будем оставлять их в тоннелях включенными по мере удаления от поверхности, чтобы можно было вернуться по этим ориентирам назад в любой момент. Согласны?

Денис с некоторым удивлением посмотрел в глаза женщины, отмечая ее ум, энергию и находчивость. И жесткую сосредоточенность на проблеме. Она не запаниковала, оставшись одна, и готова была пойти на любой риск, чтобы найти своих коллег.

— Согласен.

— Тогда начинаем.

— Я могу предложить катер. У нас на борту имеется спасательный модуль «орех». А также десятка два радиобаконов.

Кэтрин размышляла недолго:

— Идет! Выгружайте. На катере, если он пролезет в тоннель, мы сможем пройти дальше, а главное — быстрее. Надо помнить, что час, проведенный внутри Айрьёдда, равен двум с половиной суткам на Земле. Хотя я до сих пор, — она вдруг смущенно улыбнулась, мгновенно преображаясь, — не могу в это поверить.

Денис понимающе кивнул, поймав себя на мысли, что, если бы они встретились не здесь, а где-нибудь в другом месте, на Земле, в лесах Псковщины, на пляже в Майами или просто в ресторане, возможно, она и не обратила бы на него внимания.

Чтобы поднять шаттл и запустить его на орбиту вокруг астероида в автоматическом режиме, Кэтрин понадобилось всего пятьдесят минут. Ей также удалось связаться с Центром управления полетами во Флориде и сообщить, с чем пришлось столкнуться астронавтам на астероиде. Ее доклад, очевидно, произвел впечатление разорвавшейся бомбы, так как несколько минут после этого в эфире царила тишина. Потом с «Техасом» заговорил начальник смены и попросил повторить сообщение.

Кэтрин в темпе повторила. А поскольку каждый вопрос-ответ требовал времени — три минуты в одну сторону и столько же в другую, она решила больше не ждать указаний с Земли и пообещала выйти на связь сразу после спасательно-поискового похода в недра астероида. Когда Кэтрин наконец закончила переговоры

и покинула кабину шаттла, Денис уже вывел в космос из грузового отсека буксир «орех» и терпеливо ждал ее в пространстве, сверкая правым боком скафандра, освещаемым солнцем.

— Что Земля?

— Они не поверили, — с коротким смешком ответила Кэтрин. — Да и я на их месте не поверила бы. Будут советоваться с русскими... то есть с вашим начальством. До столкновения осталось всего одиннадцать дней. Если мы в течение двух суток не найдем наших парней, по астероиду будет нанесен ядерный удар. Ракеты уже готовы к запуску.

— Этого следовало ожидать.

— Их нельзя ни в чем упрекнуть. На кону жизнь миллионов людей.

Денис промолчал. Он считал, что неведомых умников из НАСА, пославших шаттл к астероиду втайне от партнеров, как раз есть в чем упрекнуть.

— Цепляйтесь за шлеер. — Он помог спутнице присоединиться к нему; буксир представлял собой открытую платформу с двумя сиденьями, которой управлял один человек. — Садитесь и пристегивайтесь.

Кэтрин бегло оглядела аппарат, сноровисто села рядом: сказывался немалый опыт выходов в открытый космос, да и невесомость она переносила великолепно.

Буксир медленно поплыл вдоль грани креста, удаляясь от «Ангары» и от «Техаса», скрывшегося в тени астероида и ставшего практически невидимым.

— Где будем искать вход?

— Я вышла в трехстах метрах отсюда, в торце малой перекладки. Если эта дыра не заросла, в астероид мы войдем через нее. Побыстрее нельзя?

— Это буксир, — усмехнулся Денис, — а не истребитель-перехватчик. К тому же, если мы будем гнать его в экстремальном режиме, топлива хватит ненадолго.

— Извините, — сухо бросила американка. — Я просто нервничаю.

Выходное отверстие хода, через которое она выбралась из недр Ирода наружу, к счастью, оказалось на месте. Его диаметр — пять с лишним метров — позволял буксиру свободно пройти в тоннель. Денис направил аппарат к черной дыре, но в двадцати метрах от края дыры остановился.

Кэтрин слегка повернулась к нему:

— В чем дело?

— Давайте распределим обязанности и уточним план действий.

— План прост: найти наших парней и вернуться.

— Нам надо помнить, что время там внутри почему-то сильно отстает от нормального хода. У нас всего двое суток в запасе, а это означает, что мы должны минут через сорок пять — по нашим часам — выйти обратно. С результатом или без. Земля ждать больше не будет.

— Хорошо. Что еще?

— Вам придется через каждые сто метров сбрасывать маяки, я буду занят управлением буксиром.

— Естественно, я займусь маяками. У вас все? — В голосе женщины послышалось сдержанное раздражение. Ей показалось, что русский напарник колеблется.

Денис же и в самом деле чувствовал некую раздвоенность, досаду, будто упустил из виду нечто важное и никак не может вспомнить, что именно. Его вдруг пронзила — как острая боль — мысль, что они вместе с астероидом и двумя земными кораблями представляют собой бомбу страшной разрушительной силы! Бомбу — и ничто иное, даже если астероид и в самом деле является чужим звездолетом или живым существом.

— Вперед!

Буксир окунулся в густую тьму тоннеля. И тотчас же сзади возникла стена, загородив выход в космос.

8

Кэтрин Бьюти-Джонс оказалась достойным напарником во всех отношениях. А ее психологической устойчивости и целеустремленности мог бы позавидовать и мужчина постарше и поопытней. После того как они остались отрезанными от выхода в космическое пространство, Кэтрин не дала волю нервам, не засуетилась, не стала требовать от спутника объяснений случившемуся. Она просто оглянулась, когда Денис притормозил, также оглядываясь назад, и бросила всего несколько слов:

— Не останавливайтесь, майор! Каждая секунда на счету! Денис, слегка позавидовав ее спокойствию, увеличил скорость «ореха».

Первый стометровый отрезок довольно прямого, с неровными стенами, похожего на кишку тоннеля они преодолели за одну минуту.

Проникли в шарообразную полость-расширение диаметром около тридцати метров, наткнулись на странное образование в центре — огромную «кисть винограда», соединенную со стенками полости множеством прозрачно-коричневых, клейких на вид растяжек. Каждая «виноградина» была размером с человека и содержала некое твердое включение — «косточку» неопределенной формы. Некоторые «виноградинки» были покрыты сизым налетом и казались слепыми, мертвыми. Остальные образовывали сложный конгломерат прозрачно-фиолетовых и коричнево-медовых шаров, действительно напоминавший виноградную кисть.

Останавливаться и разглядывать находку не стали. Оба вели счет минутам, понимая, что на философское обсуждение и исследование внутренних интерьеров астероида времени у них нет.

Через полторы минуты буксир доставил седоков к следующему расширению примерно такого же размера. В центре висела еще одна «виноградная кисть», только уже иного цвета — рубиново-красного, с тлеющими внутри каждой двухметровой «виноградины» огоньками. Эти огоньки казались живыми и наблюдали за пришельцами внимательно и с подозрением. Всё пространство полости было заткано удерживающими «кисть» растяжками, что затрудняло продвижение вперед. Буксир едва не застрял, поэтому пришлось резать одну из растяжек лазером, а потом бежать из полости со всей возможной скоростью, потому что остальные растяжки вдруг конвульсивно сократились, завибрировали, заходили ходуном, буквально «загудели», грозя сбить буксир или раздавить.

— Черт, они и в самом деле живые! — пробормотал Денис, когда они наконец выбрались в следующий тоннель. — Вам не кажется, что «виноградины» напоминают икринки?

— Что? — не поняла Кэтрин.

— Рыбью икру. И на самом деле Ирод не просто астероид, а нечто вроде инкубатора. Или ковчега.

— Об этом мы поговорим позже, когда найдем пропавших. Не забивайте голову посторонними мыслями, майор. Мы находимся внутри астероида уже шесть минут, а не прошли и четверти пути.

Денис молча увеличил скорость «ореха». С одной стороны, мужская хватка американки внушала уважение, с другой — такая жесткая сосредоточенность, по его мнению, женщину не украшала.

Тоннель внезапно свернул!

То есть он только что был прямым, уходя в недра астероида, и вдруг, как живой, изогнулся почти под прямым углом! Денис едва успел среагировать на это скоротечное изменение обстановки, чиркнул бортом буксира о бугристую, искрящуюся черными кристалликами стену хода.

Зависли, осмысливая происшествие.

— Что это было?

— Похоже, нас не хотят пропускать в центр креста, — хмуро сказала Кэтрин. — Со мной тоже такое случилось.

— Что будем делать?

— Идти дальше. Другого выхода все равно нет.

Денис мельком глянул на красные цифирки отсчета времени, вспыхивающие на внутренней пластине шлема — прошло девять минут с момента их вторжения в недра Ирода, — включил двигатель. Буксир поплыл вперед, держась оси тоннеля, разогнался.

Мимо побежали покрытые «черной икрой» кристаллов стены хода.

Пятьдесят метров, семьдесят...

Ни одной интересной детали, ни сужения, ни расширения. Прямая «кишка».

Сто метров...

Что-то черное впереди, бесплотное, с россыпью немигающих огоньков...

Оп-ля!

Денис резко затормозил.

Однако буксир остановился не сразу, проскочил по инерции последние метры тоннеля... и вылетел в космос!

Слева бугристая черная плоскость, освещенная солнцем. Справа звездная пропасть. Сзади — удаляющийся угол перекладыны креста.

Оба оглянулись и успели заметить, как дыра тоннеля, через которую они вылетели в пространство, заросла искристой кристаллической пробкой.

Не приходилось сомневаться, что неведомые хозяева астероида просто-напросто выпроводили непрошенных гостей за пределы своих владений.

9

Растерянность прошла быстро.

По часам космонавтов они путешествовали внутри крестовины астероида одиннадцать минут. По бортовым же часам обоих кораблей их отсутствие длилось девять часов! Сомнений больше не оставалось: время внутри Ирода действительно шло в пятьдесят раз медленнее, чем снаружи.

Связались с компьютером «Техаса», выслушали полученные с Земли инструкции. Руководители полета в НАСА рекомендовали своим астронавтам немедленно покинуть астероид, так как удар по нему был предreshен. Рисковать никто не хотел, ни государственные мужи США, ни депутаты Госдумы России, ни их президенты. Правда, до запуска к астероиду ракет с ядерной начинкой еще оставалось около сорока часов. И за это время космонавтам обоих кораблей надо было решить проблему поиска ушедших на разведку товарищей и стартовать к Земле.

— Мы в цейтноте! — подвел итог размышлениям Денис, не зная, на что решиться. Шансы найти командира и бортинженера таяли с каждым часом, зато шансы быть взорванными вместе с астероидом возрастали в той же пропорции. Стоило им задержаться внутри крестообразной — и очень своеобразной — «машины времени» хотя бы на лишние полчаса — и пиши пропало! Земля не отзовет ракеты, так как речь идет о спасении миллионов жизней, а то и всего человечества.

— Возвращаемся! — сказала Кэтрин Бьюти-Джонс непрекаемым тоном. — Мы еще не использовали до конца все свои возможности.

Денис хотел напомнить ей, что это по вине их горе-генералов из НАСА сложилась такая ситуация, но передумал. Об-

винения не помогали найти выход из создавшегося положения. Походу в недра странного объекта, принятого людьми за астероид, альтернативы не было.

— Но проход закрылся... — сказал он.

— Будем искать другой! — отрезала американка.

Буксир пополз вдоль черной плоскости — грани более короткой перекладки креста на высоте ста метров. Иногда казалось, что среди бугров и ложбин открываются дыры и трещины. Тогда приходилось спускаться ниже, изучать рельеф, до боли в глазах всматриваться в искристую грань. Затем лететь дальше. Лишь через час удалось найти «кротовую нору» — вход в подземелья астероида, когда у обоих почти иссякло терпение и кончились силы. Пульс Дениса участился до предела, пришлось даже принимать особое успокоительное — из аптечки внутри скафандра, состав которого был разработан российскими медиками для таких случаев. Каким образом поддерживала свой тонус американка, можно было только гадать. Но она не жаловалась.

— Ныряем!

— Сколько у нас осталось маяков?

— Восемь плюс ваши модули.

— Бакены.

— Всего четырнадцать.

— Не мало?

— У вас есть еще?

— Нет.

— Тогда к чему эти вопросы? Ведите катер!

— Надеюсь, на этот раз нас не выгонят?

— Как получится. — В голосе женщины прозвучала насмешка, и она добавила фразу по-английски, которая переводилась на русский язык как: — Кто не рискует, тот не пьет шампанского.

Денис улыбнулся, снова преисполняясь уважения к мужеству спутницы, знавшей, что она запросто может погибнуть.

Буксир вплыл в пятиметровое отверстие «червоточины», ведущей куда-то в глубь массива пород астероида. И стоило ему пройти два десятка метров, как тоннель позади закрылся. Сработала неведомая автоматика Ирода, подчинявшаяся своей нечеловеческой логике.

Но космонавты не стали задерживаться, искать объяснений поведению хозяев — то впускают без надобности, то вы-

гоняют без причин, — лишь увеличили скорость своего неказистого транспортного средства. Оба верили, что смогут выбраться обратно через какой-нибудь другой тоннель.

Знакомая шарообразная полость с «виноградной кистью» внутри, соединенной со стенками множеством растяжек и клейких на вид перепонок. Что же это такое в самом деле? Ковчег? Корабль-матка? Космическая «рыба» с икрой внутри? Неужели догадка верна, и каждая «виноградина» представляет собой «икринку» или «яйцо» с зародышем внутри? Но что это за зародыши? И почему ковчег несется к Земле с такой бешеной скоростью? Ведь если это и впрямь корабль-матка, он же погибнет?..

— Не зевайте! — подстегнула спутника американка. — Тоннель начинается чуть правей.

Миновали перепонки и растяжки, вошли в продолжение тоннеля.

Сто метров...

Новая полость.

Та же «виноградная кисть», только «виноградины» вдвое крупнее, и внутри каждой пульсирует некая шипастая конструкция с четырьмя конечностями и рогатой головой. Точно — зародыши!

— Вы видите?!

— Я встречала гроздь еще больше — в центре.

— Это действительно «икра»!

— Что вы хотите сказать?

— Мы внутри корабля-матки! Либо просто внутри матки! Это не астероид. В училище вам должны были читать лекции о панспермии...

— Панспермия — лишь красивая гипотеза.

— Теперь уже не гипотеза. Перед вами прямое доказательство распространения жизни в космосе путем панспермии — переноса спор.

— Это сказка, мистер Молодцоув.

— Вовсе не сказка!

— Спорить будем потом, майор. Прежде давайте продолжим поиск коллег.

Буксир двинулся дальше.

Еще сто метров и еще пещера — гораздо больше, чем ранее встречавшиеся. «Гроздь винограда» в ней также была крупнее других, и в каждой «виноградине»...

— Ничего себе!

Денис остановил аппарат.

В огромном прозрачно-малиновом эллипсоиде «виноградины» величиной с железнодорожную цистерну плавал... самый настоящий динозавр! Только шестилапый и двухголовый! Глаз у него видно не было, но сомневаться в том, что он живой, не приходилось.

— Жуть! — с дрожью в голосе прокомментировала Кэтрин. Видимо, и до нее дошел смысл увиденного. Догадка Дениса отражала истину: астероид Ирод представлял собой гигантский транспортный корабль, несущий в своем чреве зародыши иной жизни.

— Ковчег! — повторил Денис. — Разве что *не Ноев*. Остается только узнать, почему чужепланетный Ной выбрал для своего финиша Землю.

— Да! — очнулась американка. — То есть нет! У нас конкретная задача. Все остальное после. Идем дальше!

Буксир с трудом протиснулся между растяжками, вплыл в тоннель, ставший вдвое шире, чем прежние. Если Денис ориентировался правильно, они сейчас двигались по оси самой длинной перекладины креста, приближаясь к узлу пересечения перекладин. Вероятно, там располагалось центральное «спорохранилище» «ковчега» или же рубка управления.

Шестнадцатая минута пути...

Еще одна полость.

«Гроздь винограда» с жуткими насекомовидными тварями внутри, готовыми, казалось, в любое мгновение вылезти из своих яиц.

Тоннель. На стенах — шрамы и сизые полосы пепла. Такое впечатление, что здесь произошло сражение с использованием лазерных излучателей.

— Уж не ваши ли ребята тут нашумели? — пробормотал Денис.

— С таким же успехом это могли быть и ваши! — огрызнулась Кэтрин. Позвала: — Бишоп! Гриффит! Где вы?

Тишина в ответ. Слабые шелчки и шелест на всех диапазонах связи. Только изредка доносится тихий вскрик ближайшего сброшенного радиомаяка.

Денис тоже попробовал позвать своих, но ни Зайцев, ни Глинич не отзывались.

Здесь их можно искать целый год! — пришла пугающая мысль. Он поспешил отогнать ее.

Двести метров... Восемнадцать минут пребывания в другом времени... сколько же прошло времени на Земле? Часов пятнадцать? И на сколько хватит терпения у военачальников, держащих пальцы на кнопках пуска ядерных ракет?..

Гигантская — одним взглядом не объять — шаровидная полость, наполненная таинственной жизнью.

Традиционная «гроздь винограда» в центре, самая большая из всех, с оранжево-янтарными «виноградинами». Внутри — чешуйчатые твари с кожистыми крыльями. Перепонки. Растяжки. Плавающие бесцельно трехметровые шары, наполненные светящейся пылью или же прозрачной жидкостью желтого или — реже — голубоватого цвета. Шум в радиоэфире: будто недалеко кипит вода, проливаясь на раскаленную плиту.

Взгляд! Тяжелый, подозрительный, полный угрозы.

По спине между лопатками протекла холодная струйка.

Денис вспотел.

— За нами наблюдают!

— Посмотрите вниз! — возбужденно проговорила Кэтрин. — Видите?

Он посмотрел.

Выжженные лазером выбоины, какие-то льдистые натеки, брызги, сизо-белесые лохмотья, изогнутые рваные полупрозрачные куски стекла, похожие на остатки яичной скорлупы...

— Дьявольщина! Неужели здесь и в самом деле шел бой?! Кто же начал первым?

— Это не важно. Наши парни где-то здесь! Давайте искать!

Американка сбросила очередной бакен, славший в эфир призыв откликнуться всем, кто его слышит. Но никто на этот призыв не отвечал. Земляне его не слышали. Или не могли ответить, будучи давно погибшими.

К буксиру свалился сверху белый прозрачный шар, заполненный текучими светящимися вихриками. Ощущение взгляда усилилось.

Кэтрин достала оружие.

— Не стреляйте! — быстро проговорил Денис. — Попробуем договориться! Может быть, это наш последний шанс вызвать ребят и убраться отсюда живыми!

— Как вы это сделаете, не зная, с кем имеете дело? Если хозяева уничтожили разведчиков, то уничтожат и нас!

— Уверен, наши ребята живы! Помните, когда мы освобождали буксир и разрезали растяжку? Нас ведь наверняка могли убить, но не убили! Просто вышвырнули вон!

— Почему же не вышвырнули парней?

— Не знаю. Но шанс найти их есть! Не стреляйте!

— Вы пацифист, мистер Молодцов. — Кэтрин после некоторых колебаний опустила пистолет, но не спрятала в захват. — Хорошо, действуйте. Однако я оставляю за собой право защищаться.

Денис хотел сказать, что это техника «ковчега» вынуждена защищаться от пришельцев, но прикусил язык. К тому же он не знал, что делать дальше. В его практике не было встреч с творениями чужих разумных существ.

10

Центр управления полетами Российских войск космического назначения располагался на территории бывшего испытательного полигона, а ныне космодрома Плесецк. Он вступил в строй всего два года назад и представлял собой суперсовременный компьютерный комплекс, принимающий информацию по сотням каналов связи со всеми объектами РВКН, обсерваториями страны, базами и пунктами наблюдения за космическим пространством на Земле и в космосе.

Главный зал Центра с рядами компьютерных терминалов напоминал зал ЦУПа в Подмоскowie, но имел, кроме огромной — во всю стену — операционной планшет-карты Земли, еще и такой же огромный экран, способный синтезировать любое изображение — от мирного земного или космического пейзажа до панорамы планеты или звезды. В настоящий момент экран показывал угольно-черное небо со звездной полосой Млечного Пути и ползущий по нему черный крестик астероида Ирод.

В зале работали далеко не все терминалы, и народу в нем было немного, в основном — операторы в голубой форме

космических войск. У центрального монитора стояла небольшая группа людей — пять человек, концентрируясь вокруг мужчины в штатском, высокого, средних лет, с выразительным умным лицом и светло-голубыми глазами. Это был президент России. Он внимательно слушал командующего РВКН. Остальные молчали. Затем к группе присоединился начальник Центра экстремального оперирования в космосе генерал Лещенко.

— Они не выходят на связь уже больше суток, Александр Васильевич. Вокруг Ирода летает американский шаттл, но тоже молчит.

— Где «Ангара»? — тихо спросил президент.

— Наша «птичка» сидит на грани малой перекладины, у стыка ее с большой. Поэтому ни с Земли, ни с Луны она не видна, только с борта межпланетного зонда «Коперник».

— Вы думаете, они погибли?

— Если верить американцам, время внутри астероида течет в полсотни раз медленнее. Наши ребята могли просто не знать этого и спокойно заниматься разведкой.

— Все трое?

Лещенко вытер вспотевшее лицо платком.

— Судя по тем сведениям, что мы имеем, в астероид пошли командир корабля полковник Зайцев и бортинженер Глинич. Пилот должен был остаться на борту.

— Почему же не остался?

— После контакта с американцами он решил вернуть экипаж...

— И тем самым нарушил инструкцию! — буркнул командующий РВКН.

Лещенко сморщился, как от зубной боли.

— Денис Молодцов наверняка давал себе отчет, чем рискует. Но не попытаться найти своих спутников он не мог.

— Все это романтика... Он не имел права рисковать в такой ситуации и покидать борт корабля... не посоветовавшись с нами!

— Может быть, майор и романтик, но прежде всего он человек долга! Никто не знал, что астероид — более сложный объект, а не простой булыжник.

— Когда американцы замолчали, уже тогда можно было предположить степень опасности Ирода и подстраховаться. Я

не понимаю, почему такой опытный специалист, как полковник Зайцев, допустил столь грубую ошибку.

— Степень его вины установит комиссия...

— Господа, — негромко, но твердо сказал президент; все замолчали. — Речь идет о судьбе миллионов людей! Что вы советуете делать? Американцы настаивают на запуске ракет для уничтожения Ирода.

Стало совсем тихо.

— До столкновения его с Землей осталось девять дней... — пробормотал министр обороны. — Надо стрелять! Иначе мы упустим возможность сбить астероид с траектории.

— Сколько мы можем еще ждать?

Все посмотрели на Лещенко. Генерал криво усмехнулся.

— Не более двенадцати часов. Взрыв ракет должен произойти не меньше чем в двух миллионах километров от Земли. Только тогда радиоактивное облако газа, пыли и осколков успеет немного рассеяться и по большей части миновать Землю.

Президент перевел взгляд на крест астероида, неспешно скользящий по звездному полю. Помолчал. Потом обронил одну фразу:

— Ждем еще шесть часов...

11

Шар со светящимися вихриками внутри, вызывающими ощущение недоброго взгляда, вдруг стремительно метнулся к буксиру.

— Прыгайте! — крикнул Денис, пытаясь развернуться и увеличить скорость одновременно.

Но буксир не умел маневрировать на форсаже, как гоночный катер, и успел лишь повернуться к приближающемуся шару боком.

Кэтрин свалилась с сиденья вправо, Денис — влево, включил движок скафандра. Они отлетели на несколько метров от косо уходящего вверх буксира, и в это мгновение шар настиг аппарат. В нем образовалась щель, и буксир очутился внутри шара!

Так лягушка глотает муху! — пришло на ум сравнение.

Шар с «орехом» внутри сделал петлю, всплыл над пытавшимися убраться с его дороги людьми. Снова «посмотрел» на них.

— Но-но, не подавись! — прошептал Денис. — Давай обшаться по-мирному!

— Открываем огонь! — скомандовала Кэтрин.

— Не надо! Мы успеем скрыться в тоннеле.

— Он сейчас проглотит нас!

— Спокойно, отходите назад, я вас прикрою...

— Не мешайте, я буду стрелять!

— Наверное, то же самое делали и разведчики... и не вернулись!

— Я заставлю эту тварь отнестись к нам серьезнее! — Кэтрин навела на шар электроразрядник. Однако выстрелить не успела.

Шар вдруг сделал еще один разворот и поплыл через весь огромный шарообразный зал, заполненный таинственным движением.

— Не уйдешь! — опомнилась американка.

— Не стреляйте! — крикнул в ответ Денис, поймав спасительную мысль. — Быстро за ним! Может быть, он приведет нас туда, где находятся остальные!

— О чем вы? — не поняла Кэтрин.

— Давайте проверим мою догадку. наших ребят тоже могли захватить такие шары и поместить в какой-нибудь санитарный бункер. Все равно у нас уже не остается времени на их поиски.

Кэтрин размышляла несколько мгновений, опустила пистолет.

— Рискнем!

Они включили реактивные движки, с трудом догнали уносящийся прочь шар с буксиром внутри.

Шар провалился в тоннель, возникший в казавшейся сплошной стене полости. Космонавты нырнули за ним. Вход за их спинами тут же закрылся, но они не обратили на это внимания.

Полет длился всего одну минуту. Тоннель изогнулся, как живой, и вывел шар с преследователями в узкий карман с угрюмо светящимися вишневым накалом стенами.

Здесь уже располагалось полтора десятка других таких же шаров, мирно сбившихся в кучу посреди кармана. Шар с «оре-

хом» присоединился к ним и медленно погасил свечение, стал безжизненным. Он сделал свое дело.

— Бишоп! — воскликнула Кэтрин, тормозя.

— Командир! — в унисон воскликнул Денис.

— Они здесь!

— Наши! И китайский зонд!

В шарах, висящих с края, виднелись неподвижные фигуры американских астронавтов и российских космонавтов в скафандрах, еще в одном торчал китайский зонд-разведчик «Хуанхэ». В остальных Денис разглядел какие-то кристаллические золотые глыбы, несколько космических аппаратов явно земного происхождения, диковинный агрегат из трех хитроумно соединенных конусов и нечто перисто-крылатое, напоминающее летающую черепаху. По-видимому, астероид захватил эти объекты, путешествуя через Солнечную систему, а может быть, и за ее пределами.

— Бишоп! Ты меня слышишь?! — Кэтрин устремила к шарам с американскими астронавтами. — Гриффит! Отзовись!

Никто ей не ответил. Фигуры в скафандрах, плавающие внутри шаров, никак не отреагировали на вызовы по рации.

Тогда американка достала пистолет.

Денис не успел остановить ее.

Сверкнул неяркий голубой лучик, полоснул по шару с астронавтом.

Шар бесшумно — здесь не было воздуха — лопнул, разбрызгивая прозрачно-желтые куски сферической оболочки. Вспухло и быстро рассеялось облачко светящегося дыма.

— Бишоп!

Фигура в скафандре шевельнулась. Поднялась рука, дернулись ноги.

— Бишоп, черт тебя возьми! Ты меня слышишь?!

— Кэт? — раздался в наушниках рации Дениса хрипловатый мужской голос. — Что ты здесь делаешь?! Где мы?!

Американка вместо ответа выстрелила еще раз, вскрывая соседний шар.

Тогда и Денис достал свой лазерный бластер, до этого ни разу не использованный по назначению.

И Зайцев, и Глинич были живы! Правда, в отличие от командира бортинженер произнес вдвое меньше слов, осознав, что произошло, зато полковник говорил гораздо энергичней,

перестав материться только тогда, когда узнал о присутствии среди спасителей дамы.

— Прошу прощения, мисс, — буркнул он, выслушав Дениса. — Я погорячился... но поверить в реальность события, как вы сами понимаете, трудно. По моим часам, мы пробыли внутри этого монстра всего двадцать минут... а вы говорите — несколько суток! Рехнуться можно! Объясните, что, собственно...

— Потом объясним, — перебила его американка, обратилась к Денису: — Наверное, время внутри шаров течет еще медленнее, чем в самом астероиде. Однако надо срочно выбираться отсюда! Боюсь, ракеты с ядерными боеголовками уже летят к астероиду!

— Не может быть!

— Может, командир, — сказал Денис. — Время здесь в самом деле в полста раз течет медленнее, и, кстати, это вовсе не астероид.

— А что?!

— Разве вы не видели, не догадались?

— О чем?!

— Это «ковчег»... или корабль-матка, несет внутри споры и зародыши каких-то существ.

— Зачем?!

— Чтобы засеять нашу планету.

— Чуть собачья!

— За мной! — скомандовала Кэтрин Бьюти-Джонс, оценив мыслительные способности командира российского шаттла.

Все устремились за ней, даже Зайцев. Однако тут же вынуждены были остановиться. В щель выхода навстречу им протиснулся знакомый шар с плавающими светящимися вихриками внутри, «посмотрел» на людей.

Кэтрин подняла лазерный пистолет.

— Не стреляйте! — одними губами выговорил Денис.

Внутри шара произошел бесшумный взрыв, всколыхнулись и размазались в пыль плавающие там вихрики.

И тотчас же в головах всех землян всплыл отчетливо слышимый бесплотный и бесполой *голос*:

— Кто вы?

Космонавты оторопело переглянулись. Но Денис уже представлял, с кем имеет дело, да и реакция у него была побыстрей.

— Мы — земляне! А кто вы?

Новый взрыв внутри шара.

— Земля-не? Что есть земля-не?

— Жители третьей планеты Солнечной системы.

Внутри шара протаяла черная дыра, в ней вспыхнула звездочка — солнце, вокруг звездочки появились светящиеся пунктирчики орбит и огоньки поменьше — планеты.

— Третья от центральной звезды, — сказал Денис.

Голубой огонек третьей планеты — Земли вспыхнул ярче.

— Третья есть оно?

— Оно, — хмыкнул Денис. — Наш дом. К которому, между прочим, летите вы.

Схематическое изображение Солнечной системы исчезло. Возникла пауза. Шар «размышлял». Потом зашелестел тот же *голос*:

— Ошибка пути... расчет неверен... зона должна свобода есть...

— К сожалению, эта зона несвободна! — послышался неприязненный голос Кэтрин Бьюти-Джонс. — Если вы не свернете, мы вас уничтожим!

— Трудность понимать...

— Мы запустили ракеты, скоро они долетят сюда и взорвутся!

Пауза.

— Карна невозможность уничтожение...

— Вряд ли ваш корабль выдержит две сотни ядерных взрывов!

Еще пауза.

— Неприятность...

— Еще бы!

— Мы не хотим...

— Выпустите нас и уберите отсюда!

— Кэтрин, они ведь никого из наших коллег не убили, — вполголоса заметил Денис. — Может, обойдемся без угроз?

— У вас на Земле нет родных и близких? Друзей и знакомых?

— Есть...

— Тогда молчите!

— Просто я не привык разговаривать на повышенных тонах, — твердо добавил он. — Иной раз вежливостью можно добиться большего, чем грубостью и угрозами.

— Странно слышать это от...

— От кого?

— От русского!

Денис невольно качнул головой, но сдержался.

— Вы нас плохо знаете.

— Достаточно, чтобы...

— Уточнение возможность? — раздался голос шара.

— Да, — успел ответить Денис раньше американки.

— Вторая планета вашей система свободная зона есть?

— Венера? На ней нет жизни.

— Благодарность...

Шар попятился, исчез.

И тотчас же щель выхода раскрылась шире, неумолимая сила подхватила всех шестерых космонавтов и понесла по разворачивающемуся навстречу тоннелю. Через несколько секунд впереди протаяла дыра с иглами звезд, и шестерку землян вынесло в космос.

Послышались возгласы и ругательства опомнившихся от неожиданности космонавтов.

Денис первым сообразил, что означает уплывающее от них крестообразное тело «не Ноева ковчега».

— Быстрее к кораблям! Астероид разворачивается!

Кэтрин отреагировала на его слова с похвальной быстротой.

— За мной!

Тройка американских астронавтов понеслась было к искре своего шаттла, но вынуждена была притормозить. Мощности слабеньких скафандровых движков не хватило бы, чтобы догнать «Техас». Зато российская «Ангара» оказалась рядом.

— Летим к нам! — крикнул Денис. — Разместимся все!

Американцы сгрудились возле своего командира, перешли на другую частоту связи.

— Мы идем, — раздался через несколько секунд голос Кэтрин Бьюти-Джонс. А еще через мгновение прилетел — тоже на другой волне — недовольный голос полковника Зайцева:

— Майор, соблюдайте субординацию... советоваться надо... — И чуть тише: — Спасибо за помощь. Кажется, Феликс Эдуардович был прав, не следовало идти в астероид без подготовки.

Денис промолчал. Он был такого же мнения.

На то, чтобы достичь переходного тамбура «Ангары» и перейти в кабину, потребовалось четыре минуты.

За это время Ирод действительно изменил ориентацию в пространстве — это было видно по изменению положения солнца — и начал разгон. Когда «Ангара» стартовала и отделилась от него, астероид исчез из поля зрения буквально за полчаса. Но это уже были «нормальные» полчаса, а не ползущие как улитка в утробе «ковчега».

Земля ответила сразу же (через две минуты — из-за удаленности), как только корабль вышел на связь. Зайцев надел наушники.

— Ирод уходит! — доложил полковник, успевший со слов пилота разобраться, что происходит. — Дайте отбой ядерной атаке!

Он выслушал ответ, и брови полковника полезли на лоб.

— Что случилось? — не выдержала Кэтрин.

— Он... не уходит! Ракеты... запущены!

— То есть как не уходит? Он же повернул?

— Да, повернул... к Венере...

По кабине управления разлилась тишина. Потом раздался скрипучий голос Глинича:

— Поздравляю, господа. Кажется, в Солнечной системе скоро появится прибавление семейства.

Не поняли его только коллеги Кэтрин, плохо знавшие русский язык. Она же поняла все отлично.

— Его собьют...

— Вряд ли, — качнул головой Феликс Эдуардович.

Он оказался прав: ядерные ракеты, запущенные с Земли для перехвата Ирода, промахнулись. И астероид, отвернув от колыбели человечества, направился ко второй планете системы, к Венере. Пока еще пустой, мертвой...

— Я должна поблагодарить вас, майор, — приблизилась к Денису Кэтрин Бьюти-Джонс. — Вы отличный напарник!

Не стесняясь никого, она поцеловала Дениса и улыбнулась. Это была чудесная улыбка — мостик в будущее...

А Ирод летел к Венере, неся в своей утробе носители новой жизни...

ПОВЕСТИ

Анастасия Шилова

НЕМНОГО ХОЛОДА

Действие происходит в провинциальном городке типа Перми.

Антон ЧЕХОВ, «Три сестры»

*Но без света нет ночи,
Без ночи нет света...*

Вероника ДОЛИНА

Данный текст запрещается к распространению, как...

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

Нет ничего приятнее для автора, чем убедиться, что его книга и ее герои уже живут самостоятельной жизнью. Я прочитал повесть с большим интересом, и теперь могу лишь пожелать автору новых, уже — своих, миров.

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

Безусловное спасибо Сергею Лукьяненко. Ведь, как известно, «мы все начинали с того, что дописывали любимых авторов».

ПРОЛОГ

Знаете, я никогда не умела вести дневник. Если собрать все мои разрозненные записи да сложить по порядку — больше тетрадки и не получится...

Впрочем, мне никогда и не хотелось обратного... Не хотелось эмоций, нанизанных на нитку из чернил, выцветших и ставших смешными со временем. Ну ни капельки не хотелось воспоминаний, обернутых в безжалостную тетрадную бумагу.

Детство — это как болезнь. Со временем все равно проходит. Оно умело хранить мои полусловесные зарисовки и знало их подлинный смысл.

Но — все так или иначе кончается. Чтобы начаться вновь?

Глава ПЕРВАЯ

САШКА

1

Детство кончилось.

Не тогда, когда умерла мама, тихо, во сне, хотя врачи предрекали долгие мучения от медленно развивающейся злокачественной опухоли.

И не тогда, когда я, собрав вещи, сбежала от мужа и свекрови, захлебываясь слезами, ночевала на скамейке в автовокзале.

Даже не тогда, когда я, чтобы устроиться на более или менее прилично оплачиваемую работу, согласилась терпеть в качестве своего любовника директора престижного бара — самовлюбленного индюка.

И совсем не тогда, когда я, не выдержав, расцарапала ему в кровь лицо и позорно бежала с места битвы, а потом еще пару недель скрывалась от разъяренной братвы по чужим пустым квартирам.

Детство кончилось сегодня.

Хотя и не предполагала, что все будет именно так.

2

Я вывела новый закон природы — все неприятности сваливаются сразу. Поэтому когда в один день у меня рвутся только что купленные колготки, уезжает из-под носа последний трамвай и пристают человек пятнадцать «гостей с юга», я просто вздыхаю и думаю — а куда деваться, против природы не попрешь. Сегодняшний день обещал быть пакостным на все сто. Потому что меня уволили с работы. Ладно бы дура была или ленилась — так я-то тут вовсе ни при чем, просто мой очередной хозяин, придурок по жизни и непризнанный Петросян, разорился. Ему-то что... А вот я, любимая, осталась без работы и без копейки денег. Так тебе и надо, милочка!

Утешало одно — конечно, из квартиры на Парковом, которую я снимаю, через две недели вежливо попросят, но сегодня на дне банки есть хоть и мерзкий, но все-таки кофе, горячую воду наконец-то включили после трехмесячного (хотя мне чаще кажется, что трехлетнего) перерыва, а под подушкой мирно покоилась новенькая «Пока боги смеются». И ни одного даже мало-мальски завалящего мужика, претендовавшего на вторую половину кровати, в перспективе не наблюдалось... В общем, рай, одиночество и мечта идиотки.

Кстати, о мужиках — хронически не выношу невымытую посуду, чужие грязные носки и храпящего по ночам идола,

который даже не подозревает, что тайга географически принадлежит Сибири, а не его божественному телу. Поэтому сии особи в квартире у меня появляются крайне редко. Впрочем, есть и другая категория — милые мальчики, которых воспитывала любящая мама. По их мнению, супы готовятся на небесах и спускаются в их тарелку. За таким-то субъектом я и была замужем пару лет — а потом просто сбежала. А как красиво все начиналось: цветы, конфеты, стихи, которые он писал всю ночь и с которых меня усиленно пробивало на «хи-хи». Ну, как положено, свадьба, слезы свекрови, у которой наглая тварь увела единственного сыночка, и далее по сценарию.

Не мне рассказывать, чем такие истории кончаются.

В общем, уютно устроившись на неудобном сиденье трамвая (чему только не научишься в наших условиях социалистической реальности, наложенной на капиталистический быт?) и делая вид, что в упор не вижу наглую бабулю, которая красит когти и носит мини-юбки, но при этом исправно требует, чтоб ей уступали место в трамвае, я перечисляла себе, любимой, все свои беды, делала логичные выводы, что все мужики — козлы, те, что не козлы, — женаты, все бабы дуры, те, что не дуры, — стервы, или и то, и другое вместе, а я одна — умная, красивая, талантливая, только почему-то бедная и несчастная. (О, как я завернула!!!) Так, значит, ехала в трамвае и рассуждала об устройстве мира.

После Универа любимая «троечка» симпатично опустела, дышать стало вольготней, а мысли из плоскости саможаления медленно переросли в плоскость самолюбования. Аж представилось, как входит в вагон такой красивый, любимый и в длинном черном плаще с белым шарфом, тот, что не пьет одеколон и говорит: «Любимая, поехали со мной в Париж!»

— Девушка, как вы думаете, лучше сделать и пожалеть или не сделать и пожалеть?

Упс. Мечта моя, ты откуда? Сама люблю данный тестик. Конечно, черного плаща с белым шарфиком не наблюдалось, зато была вполне приличная кожаная куртка и бездонные черные очи... Помните мальчика из рекламы «Нескафе», того, который все мечтал стать писателем? Так вот этот был в четыре раза симпатичней.

— Сто долларов в час вас устроит?

Ну нет у меня чувства юмора. Не называть же мое деревянное сим благородным словом. А отвечать «чего-чего?» я себе даже в страшном сне не позволю.

— Ярослав, вы не поняли, я вполне серьезно.

Так, у молодого человека с чувством юмора еще хуже, чем у меня. Стоп!!!

Вагончик между тем опустел, и даже вежливая кондукторша словно специально куда-то удалилась. Проглотив наметившийся было в горле комок и пропустив мимо ушей многообещающее название «Мясокомбинат», я заметила:

— А вы кто, непосредственно, будете? И имя мое откуда знаете?

Ага, лирическое отступление, имечко у меня редкое, и поэтому на фразочки типа «у вас на лице написано» я не ведусь.

— Яська, да ты просто поверь...

Осталось назвать меня солнышком, и я в твоих руках, мой милый маньяк. Хоть прям в трамвае. В самой разнузданной позе. Потому что назвать меня Яской — удар ниже пояса. Или прямо путь в сердце — это уж в зависимости от контекста.

— Дай-ка руку...

И все-таки я ему поверила. На какой-то невероятный миг — поверила и протянула узкую ладошку с тонким ободком серебряного колечка. А потом по коже побежал ток — как по оголенным проводам, вздрагивая четкими синеватыми искорками. Ой, мамочки...

— Ты только не бойся...

3

Игра воображения меня часто подводит... Но столь же часто и выручает. Однажды, помню, сидела я на диванчике в очередной полупустой квартире и мирно попивала чай. А когда в дверь позвонили, даже не насторожилась. Хозяин, парнек лет двадцати, периодически забывал ключи.

У двери руки похолодели — не подходи... Стало страшно-страшно... И все бесцветным сделалось, как в телевизоре, когда яркость на минимуме. Я так тихо, осторожненько к глазку свою сумку поднесла...

Пуля пробила навывлет паспорт и конверт с любовным посланием бывшего благоверного...

Коленки подломились, я сползла по стенке на пол и заплакала. Сидела так часа три, пока не вернулся все-таки бывший ключи Костик и не вызвал ментов.

Я своим предчувствиям всегда доверяю... И вот теперь поняла — просто поверь. Ты только не бойся...

Наши тени внезапно отделились от тела, и мы словно сами стали теньями... На фоне тьмы — куда более густой, чем мрак самой темной ночи. На фоне света — куда более яркого, чем солнечный — мы были сгустками серой тени, и тень была — нами...

Это сложно — описать первое вхождение в Сумрак... Немного страшно, немного грустно — словно расстаешься с мамой и переезжаешь к любимому... Хотя это неудачное сравнение. Ой, хорошая девочка Яра, это куда ж ты вляпалась!

Трамвайчик между тем стал смутным и расплывчатым, зато мой спутник на фоне этой пакости, которая нас окружала, стал просто божественно красив. Хотя нет, неправильно, скорее дьявольски, прям как Брэд Питт в «Интервью с вампиром».

Серый был не бесцветен. Серый был самым ярким из возможных цветов — светлее света и темнее тьмы. Нежный, родной. Настоящий. Да, правильной всего так — настоящий. Мое чудо привычно стянуло какую-то несуществующую пылинку с курточки и заявило:

— Я, конечно, предпочитаю Лагерфельда, но так в принципе неплохо. Кстати, Яська, раз уж я знаю, как тебя зовут, то и сам соизволю представиться — Саша. Для тебя, кстати, Алекс...

Ах, мы на ты перешли? Уже? Сверхскоростной, однако, мальчик! Просто Шумахер на «Макларене»! Ладно, будем изображать врожденную стервозность, медленно переходящую в климакс.

— Дура ты, Яська, хоть и красивая. Хорош развлекаться, выходим из Сумрака и топаем в офис к Дневному.

4

Милый мальчик, который зря не снимается в рекламе, вытаскивал меня за ручку из Сумрака. Коленки медленно подкосились, и я, мило так, чисто по-женски, просто как дамочка девятнадцатого века, которую в темноте одного из бесконечных

коридоров поцеловал зарвавшийся поручик, рухнула в кресло, твердое, как память о хлебе насущном в детских лагерях, где я провела большую часть самого радужного времени моей жизни.

Мальчик поддержал меня под ручку, вытащил откуда-то из недр симпатичной такой куртки бутылочку с минералкой и сказал, что я, между прочим, самая стойкая их его знакомых дивчин. У остальных, между прочим, после первого хода в Сумрак была весьма и весьма показательная истерика.

Впрочем, истерика у меня была, но проявлений ее по причине откровенно проглоченного языка не наблюдалось. Так что на ироничное замечание мечты в джинсах я никак не прореагировала. И только тут я обратила внимание, что вагоновожатая настойчиво просит пассажиров выйти, потому как у трамвая с двигателем неполадки и поедет он в депо. Я выйти попыталась, но Вискас, Морис, Алекс — сам он дурак и имя у него дурацкое, и коза тоже на сто процентов дура! — удержал за ручку.

— Интересно, с чего ты взяла, что у меня есть коза? Да стой, дура, это не нам! И говорил же, можно просто Саша... Нормальное, между прочим, имя в отличие от некоторых.

На языке уже подленько вертелось насчет некоторых, у которых все совсем ненормальное, как тут я сообразила, что насчет дуры-козы я вслух не говорила! НЕ ГОВОРИЛА! И кто, простите, этот молодой человек, который мои мыслишки пошлые как по книжке читает? Вот тут-то и началась истерика. Я кричала, колотила милого мальчика руками, в конце концов просто прижалась к нему и заплакала. И поняла, что роднее не найду никого, по той простой причине, что знала — со мной это мое чудо внезапно обретенное решится на любую авантюру, в которые я попадаю чаще положенного по графику судеб нормальных людей. Мне с ним было так надежно-надежно, что я крепче в него уткнулась и, делая вид, что продолжаю плакать, просидела так еще минут десять.

— Яська, мне с тобой хорошо, но, сама понимаешь, так сидеть без конца мы не можем. Нам пора.

Вывел, гадина ненаглядная, из трамвайчика и повел по дороге. Остановил частника. Быстро, однако, у него это получилось. Вот мне машину как по закону подлости приходится ловить всегда по полчаса.

— Куда?

— До Комсомольской.

— Садитесь.

И все. Больше я от водителя не услышала ни слова. Сашенька упихал меня на заднее сиденье выдавшего виды «жигуленка», и мы покатались до этой самой Комсомольской по черному городу.

— Конечно, вмешательство было незаконное, но мы торопимся... Надеюсь, Генриетта заметит... Так, солнышко, теперь официальное представление: маг третьей ступени Александр Звенигородцев. Дневной Дозор. Темный.

Я на него ошалело уставилась. Какой, к черту, дневной, темный?

— Сейчас объясню.

5

Думаю, про борьбу двух начал — Тьмы и Света, черного и белого — рассказывать не надо никому. Сами с усами и все прекрасно понимаем. Сказки в детстве читали...

Иные... Вот уж для кого мои духовно-моральные заморочки вполне осязаемы... Так вот — Темные — Дневной Дозор и Светлые — Дозор, соответственно, Ночной — как бы удерживают равновесие сил в природе, чтоб не случилось мирового катаклизма. Это я утрирую...

Ну, например, последний перевес Дневного Дозора в Москве и Берлине соответственно привел ко Второй мировой. Столько энергии выделилось, что хватило на подзаправку не только изрядно отошавшим высшим магам, но и всякой шушере а-ля вампиры, оборотни и ведьмочки, умеющие исключительно варить приворотные зелья. Третьесортные ведьмочки, короче.

Но это — в общем...

6

— То есть ты — Темный?

— А ты — будущая ведьма... Темная или Светлая — выберешь сама...

— Но...

— Яська, мы, Темные, — это свобода. Ты вольна делать что хочешь...

— И?..

— И... Остальное тебе расскажет наш нынешний шеф, Генриетта. Кстати, вреднявые ведьмочки третьего сорта зовут ее тетушка Генри. Но ты раньше времени не радуйся: стервозности в ней — даже с тобой поделится, а вот климакс у тетечки, пожалуй, не начнется.

7

Догадайтесь, какие здания нашего города выбрали себе под офис Дозоры? Я, хоть и хроническая дура, сразу поняла. То есть в сторону городского УВД, еще при Сталине прозванного Башней Смерти, повернула почти автоматически. Чувствовала... Здания и Башни Смерти, и нынешней картинной галереи, бывшего собора, были символами города. Они строились специально под Дозоры. Тут магия была в самих камнях — и стены, вместе с проводкой и канализацией, скрывали тончайшие нити заклинаний.

— Дай-ка ручку, золотая моя! — безапелляционно заявил Сашка и опять втащил меня в Сумрак. — Только осторожней — ты у меня хоть дивчина и на редкость сильная, а все ж к Сумраку непривычная.

Дверь ни один человеческий глаз бы не заметил. Тогда я этого еще не знала, но интуитивно — догадывалась... Более того, как мне попозже разъяснили, наложено было на нее заклятие незначительности. То есть никто внимания делавшемуся возле этой дверки не придавал, в смысле значения не обращал. Тьфу ты, по-моему, у меня от потрясений сегодняшнего дня ум за разум закатился и шарики за ролики заехали. Короче, не до двери всем почему-то было.

Кстати, башенка видоизменилась и стала весьма симпатичной. Ну, выросла на два этажа, подумаете! Как оказалось, Дозорчик этот — с весьма своеобразным чувством юмора. Всякие там черные дополнительные этажи и светящиеся то мертво-голубым, то кроваво-красным окна — это неоригиналь-

но. Челюсть у меня отвисла, когда я увидела укрепленного на шпиле беременного козла одного нашего знаменитого, но, по мне, так абсолютно бездарного скульптора. Сашка прыснул и поведал, что, когда одна ведьмочка утащила с «Арт-2000» фотомонтаж с этим самым козлом, он всем настолько приглянулся, что тут же было принято решение установить его на крыше. Это еще что! Я вот ангела на крыше офиса Светлых не видела! Вошли мы, значит, в дверь. Мимо двух охранников (Сашка тут же выдал комментарии, что это два низших вампира, не фиг на их мускулы заглядываться, они все — идиоты. Я Сашку соответственно смерила взглядом, что означало — сам дурак, буду я на всяких там вампиров смотреть, когда рядом мечта всей моей жизни, единственный и неповторимый).

Впрочем, на вампиров все-таки косилась — интересно, блин, однако (читай: «enter»). Вурдалаков я все-таки не каждый день встречаю. Сашка усмехнулся и сделал вид, что не заметил моих косых взглядов. Я завернула нос повыше и пошла дальше.словно каждый день о Высших вампиров ноги вытираю, а нижние — это так, вроде половой тряпки.

Мы вошли в комнатку, где стайка симпатичных девочек обсуждала некую Лильку, которая в свой день рождения не придумала ничего лучше, чем заняться любовью с каким-то неинициированным в Сумраке на карнизах офиса Светлых. И как Генриетта потом Лильку оправдывала, потому что Лилька хоть и дура, но дура талантливая и сильная.

— Ой, Сашка, тебя Генриетта уже спрашивала!

— Знакомьтесь, девочки, это Ярослав, она новенькая. Ярочка, это наша патрульная группа — ведьмочки... Первое время будешь работать с ними.

Я поняла, что девочки мне косточки перемоют, как только я из комнаты выйду, и демонстративно прижалась поближе к Сашке.

— Кстати, Славку не обижать, она еще, может, главное самой Генриетты станет!

— Ну, главное — не главное, но то, что девочка она на редкость умная, — факт. Да отцепись ты от Александра, я тебя не съем!

Девочки притихли. Сашенька вытянулся по стойке «смирно» и даже, кажется, втянул почти отсутствующий живот. Я же появлению маленькой рыжей девушки росточком полтора метра вместе с каблуками значения не придавала.

И зря. Потому что была то сама Генриетта, шефша Дневного Дозора Перми.

Впрочем, внешность, как говорят, обманчива, но посмотреть было на что. Как я уже сказала, росточка тетушка Генри была небольшого, на мой мысленный интерес откровенно общила:

— Метр пятьдесят семь. А волосы, между прочим, милочка, от природы рыжие.

Волосы у нее были — вместо фонаря, ночью и не заблудишься. Ладно б просто рыжие, так ведь огненные. Никакой краской такого цвета не добиться. И внешность — женщины-вамп. Кстати, как я узнала много-много позже, Генриетта таки отымела Сашку, когда мой мальчик-симпатяшка только пришел в Дозор. Отымела и бросила, а у него на этой почве была депрессия и несварение желудка. Впрочем, была тетя Генри никакой не стервой, а самой натуральной начальницей, строить свой разнузданный коллектив умела ого-го как, а мужики на нее слетались как мухи на мед. Поговаривали, что в одно время Генри часто летала в Москву и спала с самым легендарным Завулоном, на что Генриетта только усмехалась.

Пропорции она при своей миниатюрной карманности имела фактически идеальные, а настоящий возраст ее давно перевалил за сотню, хотя выглядела она максимум на двадцать пять. Без магии — на сорок. Я от беспардонного чтения моих мыслей вновь остолбенела. Какая-то из девочек протянула: «Вот те раз — тетушка Генри!» Подружки дружно зашикали, а Генриетта сверкнула глазами и сказала: «Мариночка, зайдешь ко мне после обеда!» Мариночка побледнела и стала озиаться по сторонам. Подружки от нее отодвинулись, как от зараженной тяжелой формой проказы.

— А ты, Ярушка, прямо сейчас ко мне в кабинет.

В кабинете Генриетта придирчиво осмотрела меня.

— Так, потенциальный Высший маг. Многому можешь научиться. Научиться... ладно, на первых порах учить будет Сашка, потом я. Поработаешь сперва с группой патрулирования. Ты Иная, девочка, вот такая вот фишка. Признавайся, не ожидала?

Кабинет у Генри был самый обычный. Зайди в кабинет к какому-нибудь более или менее преуспевающему начальнику — увидишь то же самое. А вы чего хотели, чучело крокодила на стене?

— Езжай домой, Яра. Соберешь вещи, подумаешь. Игорь, шофер Дозора, отвезет.

Я молча, словно в трансе, спустилась из кабинета Генриетты на улицу. Уже на выходе догнал Сашка.

— Держи, потом отдашь. И визитку — когда соберешься... если соберешься — позвони...

Сунула в карман. И деньги, и визитку. Даже не посмотрев ради приличия.

Игорь довез меня до дому минут за десять. Через весь город. Водителем он был классным. По-моему, он и что-то из магии применял...

Постояла на улице, посмотрела, как отъезжает машина. Автоматически сунула руку в карман: без малого две штуки. Да я ж столько за месяц зарабатываю... зарабатывала. Купила сигарет, забыв, что хотела купить продуктов, пошла домой. Мимо проехал какой-то припозднившийся лихач, обрызгал с ног до головы. Я даже не обратила внимания — на душе было мутно, как у пятнадцатилетней девчонки, которая потеряла невинность не с прекрасным принцем на шелковых простынях, а с пьяным прыщавым соседом неопределенного возраста в лифте.

Открыла дверь своим ключом, вспомнила, что продуктов нет и ужинать нечем. Впрочем, есть совсем не хотелось. Вывалила на кровать все свои платья, которые у меня были как у Екатерины Второй — в смысле хорошо простиранные старые дружно превращались в новые. Покидала в сумку скудную косметику — дорожный лак «Маргарет Астер», который сохнет просто мгновенно — прямо в бутылочке. Помаду непонятно какого цвета, которая мне, как это ни парадоксально, идет. И тушь «Мэйбелин», которая, как известно, не склеивает ресницы, а просто-напросто их цементирует. И села...

Я — Иная. Что это значит? Мне принадлежит этот город... Мне принадлежит весь мир... Ты умеешь правильно распоряжаться своей властью?

Надо выбирать — Тьма или Свет. Черное или белое...

А есть ведь еще рассветы и закаты, кроваво-красный и небесно-голубой, нельзя их все прятать — только...

Свет... За ним — детские сказки и улыбки самых дорогих людей. За ним — легкая грусть Предназначения.

За ним — чистая совесть и выполненные обязательства.

А Тьма? Тьма — это свобода от всяческих человеческих законов. Это не отсутствие принципов, но сохранение принципов

самых главных — своих, внутренних... Тьма — это свобода делать то, что сам считаешь нужным, а не то, что диктуют другие.

Тьма и Свет не могут друг без друга — так не могут ужиться два влюбленных идиота, ни один из которых не может заставить себя мыть посуду или выносить мусор. Две чашечки весов, из которых перевешивает то одна, то другая. Так лисица делила сыр — пока ничего не осталось. Но теория теорией, а надо делать выбор. И все-таки самое главное то, что теперь Тьма для меня — милый мальчик, маг третьей ступени, не шибко сильный, но бесконечно милый Иной Сашка... Сашка, от имени которого тихонько начинает покалывать где-то на дне груди, а руки становятся теплыми, и кровь бурлит в предчувствии... А когда у нас ладони соприкасаются, то по ним пробегают голубоватые искорки. Сашка... И это имя, вызывающее предательскую дрожь в коленях, решило все.

Отпустила бы меня Генриетта вот так, легко, если б не знала, какую сторону я выберу? Нет! Поэтому, Яська, прошу тебя, будь очень осторожна... Вот она, первая ловушка Тьмы — иллюзия любви.

Я выбрала. Выбрала Тьму. Выбрала Дневной Дозор, выбрала, быть может, подлость и предательство, но выбрала потому, что не могла не выбрать. Иная... Ярослава Летина, Иная, Дневной Дозор Перми. Рада познакомиться!

Упаковала вещи, позвонила Сашке. Он приехал, забрал меня к себе. И м целовались, потом занимались любовью. Сначала нежно, потом дико — и было чувство наполненности. Потом — в Сумраке. Не тела — сгустки энергий переплетались над бесконечностью серого пространства, и я уставала, выныривала и засыпала у него на плече — и снова, снова, до изнеможения, до потери сознания, балансирую на грани наслаждения и боли, как наколотый на булавку мотылек, в сладострастной истоме агонии. Нырjala в любовь — как в холодную воду, теряя память, шепча на память Цветаеву и Пастернака... Читала — в закрытых глазах. Играла — не зная сама, что играю. Две волны — синяя и красная, слились в одну — золотую, бескрайнюю, сумбурно сметающую все вокруг и ловящую в свои сети случайных влюбленных, целующихся в морозном октябрьском воздухе... И не помню уже толком — то ли в Сумраке, то ли наяву поняла, что у нас — не единая плоть, не единая жизнь, что максимум год-два — и я уйду, стану Высшей, а Сашка останется все тем же магом третьей ступени. И что мне будет странно страшно с ним расста-

ваться — как уходить в плавание на незнакомом корабле по морю из огня, как открывать книгу и вместо повести находить чистые страницы... А пока — я любила его той единственной любовью, которая заставляет писать стихи и кричать от наслаждения, даже если внизу у соседей только уснул трехлетний ребенок, которая заставляет стоять у Черной речки, уже предвидя скорую развязку, и взлетать в темноту, не имея крыльев, разрезая ее всего лишь сиянием — глаз и именем — любимого... Я видела как наяву, что мой глупый мальчишка любил Генриетту, и как уже любит он меня, понимала с тоской, что знакомы мы всего день, и понимала, что второго предательства — моего — он не вынесет. Он строил планы, а я смеялась им, как смеется взрослый человек проказам ребенка, как смеется мудрая и женственная — над случайно поцелованным мальчишкой. И приходила к нам — обреченность...

Это чувство обреченности придало бесконечно повторяющейся, как в плохо написанном романе, развязке чувство бессмысленной завершенности. И был свет — в Сумраке. И была тьма — в городе. И ложились тени на потолок — узорами линий судьбы на моей ладони. Я знала — я Великая. И я была единственной, кто знал это.

Глава ВТОРАЯ

ВИКТОР

1

День начинался скучно. Так откровенно скучно, что скучнее просто некуда, и даже «Титаник» без спецэффектов по сравнению с сегодняшним днем был бы просто самой веселой кинокартиной в мире. Я сидела, приткнувшись на заднем сиденье тряского автобуса «Икарус», и тихо радовалась, что самолетов не выпускают. Хотя нашей авиации это вряд ли сильно навредило бы — в конце концов, летают же наши «тушки» и падают не намного чаще «боингов».

Моя напарница Наташка откровенно позевывала и из всех сил старалась не уснуть, делая вид, что рассматривает живописную панораму нашего города в окошко. Хотя что она там пыталась рассмотреть, ума не приложу: окошко было грязнее, чем эспланада после Дня города.

Наташка — прекрасный боевик. У нас в городе вообще хорошо с боевиками — все-таки как-никак оборонка. Но вот простая ведьма из Наташки слабенькая — ей быстро становится скучно... А в эту жару...

Тихонько играло радио... Что-то новое, я еще не слышала этой песни:

Эх, тоска моя, тоска:
В одной двери — два глазка,
В правый глянешь — ты смеешься,
В левый — крутишь у виска...
А теперь — реклама...

— Дурацкая идея... — заявила Наташка. — Ни фигушечки мы так не найдем. Все Великие в нашем заштатном городишке давно уже в нашем или в Ночном.

Идея была Генриеттина. Я, конечно, тетушку Генри гением во плоти не считаю, но она отнюдь не полная дура. Но это!!!

Как нам разделить две стороны
Пополам?
Как выиграть нам
У судьбы?

Просто Ночному в Москве неожиданно повезло, они одну из самых сильных столетия обнаружили случайно. Поговаривали, кто-то из Дозора в метро ехал и натолкнулся на необычно сильное инферно. Это-то и послужило поводом.

У нас в эти московские сказочки верили слабо — мы, чай, не столица, у нас народу поменьше будет — и все-то друг с дружкой знакомы, кто не сват, тот брат и так далее. Но Генриетта уперлась — и теперь поисковая пара должна была объезжать город, надеясь натолкнуться на что-нибудь этакое. Пару неплохих ведьмочек, чес-слово, нашли, но и только... Что подразумевалось под таким — непонятно. Хотя я подозревала, что патрулирование и поиск были придуманы, чтоб нам, дурищам, работу найти. А то совсем распоясались, Договор на каждом шагу нарушаем... Что ни говори, а начальница Генри хорошая.

— А в нашем эфире Земфира и «Ариведерчи»...

Зато работка эта была самая нудная, и отбывали ее как наказание. Ладно бы как в Москве, на метро, — еще куда ни шло. Но тот, кто ездил на наших родных автобусах, поймет, почему жить начинало хотеться гораздо меньше уже через пятнадцать минут, а ненависть к начальству в остальное время горячо любимому становилась едва ли не нормой жизни.

— Стрелки — ровно на два часа назад...

Я вздохнула. Наташка попыталась внести дельное предложение:

— И вообще давай бросим все это, замылимся в какой-нибудь бар, там искать, сто процентов, гораздо прия...

Стоп! Наташку я уже не слушала. Потому что в автобус зашел парень... Ничего парень, симпатичный, но в принципе самый обычный. Ушей у него было, как и у всех смертных, два. Таких вполне себе парней по улицам города бродит не одна сотня. И даже не две. На вид — лет двадцать пять.

Но... Ой, мамочки...

— И мое сердце *asta lavista*, Мое сердце замерло...

Я, конечно, может быть, дура, но тем не менее... Похоже, мы все-таки нашли для Генри «этакое».

— Натаха, смотри... — Локтем в бок, кивок в сторону парня. — Смотри.

— Ой, мамочки, — повторила она мою умную мысль вслух. — Ой, мамочки...

— Ну как, Натусь, знакомиться будем?

— В течение следующего часа в нашем эфире...

2

Из записей Виктора

День с утрачка не задался. Погода была мерзкая — в комнате душно и солнечно, на улице — холодно и ветрено. Даже (!!!) пиво не внушало оптимизма. Нда, не задался денек. Денек не задался...

В московском издательстве рукопись, конечно, приняли, но... Лучше быть большой шишкой в своем бору, не кажется ли тебе, Витенька? Хорошо, когда писателю не требуются кофе и сигареты, а в последнее время все чаще коньяк. Но для этого надо быть минимум молодым и гениальным. И уж никак не известным.

И Витала до сих пор дома нет... Интересно, где это он шляется? Ему проще — за него всегда говорила смазливая внешность, ему умным и талантливым быть не надо. Опять подцепил красивую девчонку, ему на хорошеньких всегда везло, придет «поздно, не один и пьяный»... Все, достало! Надо с милым братцем разбегаться, благо трехкомнатную в центре можно обменять на две двухкомнатные. Мне в офис по утрам, слава тебе, наш Великий и Могучий, ездить не надо... Какой толк жить в одной квартире, если мы стали чужими людьми? Причем давно. Зло вылив в себя остатки пива, я сел за клавиатуру компьютера. Загрузил незаконченную текстовку...

«— Тебе не холодно?

— Еще как! Давай уже разойдемся? — Он взглянул на Аниту с наигранной надеждой в глазах.

— А что так? Не хочешь меня видеть?

— Представь, не хочу... А даже если и захочу — фотка у меня есть. Хотя, может статься, я ее потерял...

— Опять ты врешь! Ну что ты все время врешь!»

Я закрыл файл. Не люблю прерываться посередине текста, но написанное всегда помню четко. На меня всегда набрасываются критики, заявляя, что я не умею писать диалоги. Ну не умею, а что теперь? Повеситься и больше вообще ничего не писать? Чтоб вот так, сразу, посмертно признали гением? Фигушки.

Этот диалог я не писал. Я же закончил на глупой, ненужной встрече двух героев. Аниты и меня самого — молодого, смелого, но все с тем же комплексом вины. Пусть и под другим именем. Я вообще всех героев пишу со своим умом и талантом и внешностью Виктора. Повторяюсь? Неправда! Просто у меня есть свой стиль. По крайней мере судя по словам тех же критиков. Не так ли?

Откуда, откуда этот диалог? Сам, напившись, вспомнил старый, давным давно забытый разговор со Светланой? Нью. Становишься маразматиком, Вик...

3

Из записей Виктора

Звонок в дверь разбудил меня подобно грому Мельени-ра. Смешно... Я таких сравнений нахватался, когда наше книжное издательство мне заказало рассказ о скандинавских верованиях. Раз уж местная знаменитость... А что, у нас неплохое издательство — и Крапивина с «Той Стороной», и Давыдычева с «Иваном Семеновым», и Воробьева с «Капризкой» в свое время выпускали. Нам, детям Урала, вообще с детской литературой повезло. Где вы, милые герои, нынче? На прилавках — кровь и грязь. Среди прочего — Виктор Решетиллов.

Заработал я тогда, впрочем, неплохо, чего уж жаловаться-то. На подобную литературу был большой спрос, расхватали и еще попросили. Ой как хотелось посоветовать обратиться к госпоже Марии Семеновой. Но это вам не амбиции начинающих гениев, это — реальные деньги. Как известно, слава приходит и уходит, а вот кушать... Ну что ж, утешим себя сравнением с товарищем Пушкиным, который тоже писал ради денег.

С лирическими отступлениями ушел от главного. Так вот — раздался звонок в дверь. Я поднял гудящую голову и, цитируя по дороге «надо меньше пить... пить меньше надо», побрел к дверям. Выглянул в глазок, чертыхнулся, полетел натягивать халат, снова к двери.

— Витек, знакомься с девочками. Это Наташа, а это...

Она успела на секунду раньше. Протянула руку. Тонкую, нежную, девчоночью руку с ободком колечка...

— Ярослава.

— Виктор.

Голос безнадежно и хрипло садился. Не хватало дыхания. Ярослава, говорите? Здравствуйте, Ярослава, давно не виделись с прошлым.

— Можно, я буду звать вас на ты?

— Тогда я вас... Хм-м-м... тебя просто Ярой?

— Легко... Но я тебя — Виком. Договорились?

— Нет, только не так...

4

Виктор не был красив. Но с ним было интересней, чем с Виталиком. И он, что привело нас с Наташкой в полный восторг, был не менее талантлив, чем его симпатичный братец. Удачно мы мальчика Виталика заприметили, скажу я вам, очень удачно. Я мысленно облизнулась... Ням-ням.

Генри мой план одобрила, Виктор ей тоже понравился. Только вот мне почему-то жалко было смотреть на Вика, почти хорошего писателя, почти спившегося алкоголика. Знаете ли, смерть жены — еще не повод заколачивать гвозди в собственный гробик и присыпать его землей, а потом ставить роскошный памятник жалости к себе с эпитафией «Он очень много страдал». Не смешно? Не очень-то и хотелось...

Дар у них, конечно, послабее моего (о скромнявая девочка Ярочка! Ты забыла добавить — если будешь много и хорошо заниматься и не лезть своим длинным носом в чернильницу...), и, конечно, Генриеттино послабее (еще более скромная девочка Яра), но куда уж до них Сашке! Везет нашему Дозору в этот год — сначала я, теперь вот Виктор и Витал. Прелесть, не правда ли? У меня такое ощущение, что что-то обязательно случится... случится.

Нам в принципе не особо сложно пришлось. Умные девочки глупых мальчиков вокруг пальчика обводят еще со времен Адама и Евы. Ну подумаешь, сунулись чуть-чуть куда не следует. Так ведь никто ж этого не видел. А если и видел... Мы Договор не нарушали. И тут же, в автобусе, себе свидание на вечер организовали. Наташка Пиявковна и я для братца. Братец, как мне пообещали, не зануда, но писатель. Замечательно... Просто... Даже «паранджу» не пришлось накидывать.

Уже переступив порог, я поняла, что с Виктором придется труднее. Оно сразу видно — старший братец. Но все-таки наполовину алкоголик, жалеющий себя — для меня отнюдь не теорема Ферма. Так себе задачка, средней сложности...

Ага, как там его покойная жена называла?

— Легко... Но я тебя — Виком... Договорились?

Зрачки у него потемнели. Расширились. И голос сразу сел. Хрипло-хрипло он так ответил — будто через силу. Но отчетливо. Словно решение принял:

— Можно. Вам, Ярочка, все можно.

Ну вот. Первый крючок есть. Не сорвись, золотая рыбка.

Наташка, как паук, Виталия уволокла куда-то в глубь квартиры (о, я просто видела эту мысль Виктора — про то, что это Виталий уволок в уголок девочку Наташу... Счас... Ждите от Наташки, что ее кто-то в уголок уволочет)... Но мне это на руку, Наташка же понимает.

Я присела на краешек расшатанной табуретки. Сразу видно, обитают исключительно *неженатые* мужчины, которым давно пора завести постоянную бабу. Вот у меня Сашка табуретки не раскачивает и вообще лишний раз на кухне не появляется. Наклонилась к стене, прикрыла глаза. Усталая девочка... Видно, что усталая. Давайте меня пожалеем, погладим по головке и расскажем, какая я красивая.

Я почувствовала, как он вошел в кухню. Видимо, устал пристраивать на вешалке мое пальто или чем там еще можно заниматься в течение более чем получаса? Играем по нотам — огней так много золотых, а я, дура такая, люблю женатого. Хоть и в далеком прошлом. Но так, чтоб до него дошло быстро. Ну, я сексуальная (грудь вперед), но неприступная (колени вместе) и одинокая. Еще пару секунд сидеть так, расслабившись, только потом открыть глаза и сесть прямо.

— Вик, скажите честно, вы ее сильно любили?

Он вопроса не ожидал. И не спросит — откуда знаю. Догадалась. Женская интуиция. У нас ведь только логики нет. Хотя, честно говоря, я такое понятие, как «мужская логика», в принципе в природе не встречала.

— Честно? Наверно, любил. По-своему. Хотя всегда придерживался точки зрения, что любви нет. Все это — всего лишь выдумки глупых дам...

(О, говорим как по написанному. Бывшая жена спрашивала? Сколько раз, что ответ почти на пять выучил. Вот только учти, меня он не устраивает. Еще раз попробуем? Хотите хорошую оценку, герр Виктор?)

— Виктор, это ведь неправда, то, что вы говорите. Вы сами это признали. Она вас предала?

— Ну, Яра, если смерть считать предательством, то да, предала. Оставила одного тет-а-тет с целым жестоким миром. И не спросила, хочу ли я этого...

Он вытянул сигарету из пачки. Я автоматически отметила — «Золотая Ява». Нервно прикурил. Черт, не хотел ведь разговаривать, а смотри-ка, втянула.

Нервничаешь? Не надо, Вик, я ведь ничего плохого не хочу. Ну ладно? С перепою тебя так трясет или от темы не особо приятной? И рассказать хочется, как больно было. И колется. И мама не дает... Я посмотрела на свою тень. Не на ту, обычную, — на настоящую тень. Она взволнованно вытянулась — и на фоне сгустившегося сумрака чуть подрагивала... Чувствовала...

— Ну давай, спроси, отчего она погибла...

— А отчего она погибла?

— Авария, Яра, банальная авария. Две машины. Одна жертва. Десять гаишников. И глупый, никому не нужный, старый дурак, модный писатель, который разучился писать.

— Не такой уж и старый...

— Да, Ярочка, не такой уж и старый. У нас с Виталом разница в возрасте четыре года. Ему — двадцать семь. А мне? Не дашь мне меньше тридцати пяти, Яра? А все потому, что мне в душе уже — добрый сороковник.

Ой, какими словесами-то мы заговорили. В душе тебе, говоришь, сороковник. Уговорил, душ я с тобой принимать не стану. Вик, честно, мне это все нравится ничуть не больше, чем тебе. Но есть такое слово — «надо». Так всегда моя мама говорила.

Я взяла сигарету и прикурила от своей зажигалки, хотя он и протягивал огонек — тонкий, дрожащий. Мы — сами по себе, вы — сами по себе. Не так ли? Сделала затяжку.

— Вик, а ты ведь до сих пор не веришь, что ее нет. Просто смирился, да?

Я встала. Кошка... Кошка... Я — самая прекрасная кошка из клана тех, что гуляют сами по себе. Как я тебе нравлюсь, Вик? Ты пьян, и я тебя разозлила, а собаки всегда бросаются на кошек, особенно на плохо знакомых. Нравится? Твой любимый глюк — тоненькая блондиночка, курящая твои сигареты на твоей кухне... Ах, этот глюк? Не бойтесь, он хороший. Глюк по имени Я... Ты меня решишься назвать по имени сейчас, ну, Вик...

Я же вижу, что ты меня хочешь... Прекрасно вижу. Ну давай, ты же смелый и сильный мужчина, а я, стерва такая, тебя провоцирую... На, возьми эту девочку с чуть дрожащими губами и светлым «конским» хвостиком, милую, по-детски наивную... Вампирочку. Хочешь? Я пока разрешаю... Сигарета аккуратно легла на

край пепельницы. Моя рука так же аккуратно легла на его плечо. Все, мне надоело играть взглядами, пускаем в ход тяжелую артиллерию. «Осторожно, киса, я свои эмоции не контролирую» — напиши красными буквами на лбу — будет менее заметно. Помоему, прекрасная мысль для значка, знаешь, такие сейчас все носят. И мы таким же значком ответим: «Эти глаза не против». «Опасно для жизни»? Для моей? Ошибаешься, зайчик...

— Не надо, Виктор, не надо вспоминать. Ее — нет. Я есть.

Он рванулся вверх. Обнял — подхватил — легкая, господи, до чего ж легкая, маленькая, хрупкая. Тебя это удивляет? Я ведь на это и рассчитывала... Кусая почти, начал целовать, рвать губы. Задыхаешься. Спокойней, Вик, спокойней — вот она я. Никуда не денусь ближайшие полтора часа. Время у нас есть, не так ли?

— Не надо, Вик, не надо... — шепотом, почти неслышно.

«Ты ведь тоже этого хотела?» А как ты догадался? Приз за догадливость в форме шоколадной девочки с вкусными губками. Ура нам!

Ты пробовал с другими. Я ведь знаю, я почти вижу это. Но на внутренней стороне век отчетливо отпечатывалось лицо Светки — и ты кричал, звал ее по имени — на пике.

— Светлана...

А утром вновь и вновь повторял, чувствуя себя последним говном, очередной девушке:

— Прости, боюсь, ничего не получится.

Но я — это я. И ей, Светлане, я не позволю сюда вторгнуться. Ты ведь уже не помнишь ее лицо, правда? Нет Светланы, нет... Нет серых, с укоризной, глаз. Есть другие — зеленые, кошачьи. Опыняющие...

— Ярослава...

— Не надо, ну пожалуйста, не надо...

Вот так, хорошо, рыбка наживку проглотила и не подавилась. Осталось совсем немного. Он рвал мои губы, но я не чувствовала боли — опынял вкус победы (моей первой самостоятельной победы!). И я видела, как тает, уходит серый призрак, стоящий за его спиной, черный вихрь inferno — вскормленный чувством вины и безразличия. Тогда я прошептала — не надо...

До свидания, Светочка... Ты мне неплохо помогла, а теперь ты лишняя.

Третий почти всегда лишний...

Он звал ее по имени, но имя уходило, выскальзывало из пальцев, как тоненькая шелковая нить... зато оставалось мое — горькое, настоящее на лести самому себе, на многомесячном отречении от чувств, — Ярослава...

Пусть будет Ярослава... Яра... Ярочка...

А теперь сплету-ка я свой поводок из чувства вины. Он держит крепче любви и ненависти.

5

Из записей Виктора

В ней было что-то Светкино. Нет, они внешне были ничуть не похожи, хотя вроде одного типа — хрупкие блондинки, тоненькие, маленькие, нежные. На первый взгляд — девчонки-пацанки обе... Мне вот Мила Йовович всегда нравилась больше, чем Шерон Стоун, и что теперь? Но их роднило нечто, недоступное милым девочкам или роковым красоткам, которые приводили в восторг братца, — не то сила, не то загадочность, не то что-то еще, неподвластное словам, определениям, легкое, как пыльца на крыльях бабочек.

Женщина... Она была Женщина — вот правильное определение.

Я привык с таких вот рисовать своих героинь. Поймаю лицо в толпе — и придумаю ей историю. Или свой с ней роман. Только, по правде говоря, большинство лиц так и сливались в одну сплошную черту — позже и не узнал бы, вновь увидев. Я и Светлану бы в толпе не заметил. Да и заметив, вряд ли предложил бы знакомство... Но, как говорится, обстоятельства... Ярослава была другая. Таких — не забывают. Никогда.

Она сидела в углу, сжавшись в комочек, — маленькая, беззащитная. Я попробовал подойти, приобнять ее за плечи — она лишь ершисто оттолкнула меня.

— Не надо... Не трогайте меня...

Она плакала. Губы потеряли идеальные очертания — осталась размазанная помада да маленькие капельки крови — я проку-

сил ей губы. Они ей очень шли, эти маленькие капельки, — она становилась похожей на юную вампирочку, впервые попробовавшую крови. Еще не вамп, но уже вампи... Она слизывала кровь и слезы. Всклипывала. Потом начала чуть успокаиваться.

В соседней комнате протяжно застонала ее подруга. Как ее? Надя? Наташа? Уж эта-то точно знала, на что шла. Стон повторился, ритмично скрипел диван. И почему я никогда не обращал внимания на то, что наша старенькая двушка, принадлежавшая еще родителям, а теперь стоявшая в комнате Витала, решила заделаться Шляпиным?

Ладно, прекрати воспитывать брата... Ты то что, намного лучше? Практически изнасиловал девчонку...

Я наконец-то решился приобнять ее. Поставить на ноги. Шептал что-то на ухо, успокаивал, говорил, что не обижу, пойдем. Плюшевый медвежонок просто, сахарная овечка. Герой сказок Астрид Линдгрен. Она жалась доверчиво — видно, и вправду редко обижали. И я не обижу... Никогда больше, Ярочка, Ясенька, солнышко...

Возбуждение прошло. Осталась нежность. Неужели и правда люблю уже эту девочку, маленькую девочку Ярославу? Влюбился! Взрослый папа Вик влюбился... Уложил ее на кровать, лег рядом. Укрыл одеялом. Спи, спи... Она меня обняла, прижалась доверчиво (о, опять это словосочетание. Ну и что! Еще сто раз упомяну). Я ее поцеловал — нежно. Губы еще хранили солоноватый привкус, но были мягкие, опухшие. Я запомнил их полусладкими — как земляника — и полусолеными — от крови...

— Спи...

— Уже сплю...

Она быстро заснула. Мне тоже казалось — не усну никогда. Но я пару минут глядел в темноту, а потом провалился в сон.

6

Когда подействовало и Вик уснул, я выскользнула из комнаты на кухню. А за мной ужом — Наташка. Она была растрепанная, смотреть страшно, без косметики. Я хмыкнула. Она вытащила из сумки зеркальце и посмотрела. Задумчиво потер-

ла круги под глазами и накинула «паранджу»... Я снова хмыкнула... Наташка показала мне язык. Витал в комнате на диване мирно похрапывал. Ага, замечательно.

— Ясенька, просто блеск! Да так у Генри бы не получилось!

— Знаю.

Знать-то знаю, вот только на сердце уж больно паршиво. Паршивее некуда. Не нравится мне это ощущение. Вика жалко до ужаса, а я сама себе противна...

— Блузку вот только жалко... А у тебя как?

— Ничего... Тебе Генриеттиша такую премию выпишет, что три блузки себе купишь. От Кардена. А у меня все просто. Трахнул — понравилось. Завтра пошлю его — понравится еще больше. Ничего нестандартного. А ты приукрасься, а то синяки страшненькие...

Натка оказалась права. Ближе к утру и мне «паранджу» накинуть все-таки пришлось... Кто не знает, поясню — небольшой магический марафет, чтоб выглядеть посексуальней да попривлекательней. Глупый фокус, почти детский, но иногда полезен... В нем чуть-чуть от приворота, чуть — самые обычные формулы. Любая Иная сумеет при желании. Я помню, смотрела какой-то конкурс красоты, «Мисс Россия», кажется, моя одноклассница заняла там третье место. А вот победительница меня ужаснула — кривоногая, страшненькая, и куда жюри смотрит? Подумала, большие деньги заплатила. Генри мне потом пояснила, что жительница славного города Самара — Иная, носившая «паранджу» и благополучно делавшая карьеру. На подиуме. Вот только теле- и фотокамеры «паранджу» не воспринимают.

Но вот ведьмочки поопытней «паранджу» не носят — засмеют коллеги. Это как грызть ногти — официально никто не запрещал, но привычкой считается дурной.

Но вот синяки «паранджа» прикрывает вполне ничего.

Я скользнула в кровать и поняла, что старому доброму дяде Вику пора просыпаться.

— Вик...

— М-м-м?

— Вик, дай рубашку...

— Зачем? Ой, мама, это я? Ну и нажрался я вчера! (Не надо притворяться, все ты помнишь!) И синяки...

Как он ухитрился? Вот черт! Силен, батяня... Ладно, не будем мелочиться — пусть будут синяки.

— Вот... Одевайся, я сейчас.

По утрам слова кажутся лишними. Лучше все рассказы, романы и прочее заканчивать бурной брачной ночью и словами — и жили они долго и счастливо. Сказки в этом плане — самая совершенная литература. А то все мужики, которых я знаю до такой степени, по утрам какие-то суетливые... Как мухи над вареньем... Или это только мне так везет на сознательных личностей?

Вик решил сыграть в старую игру «ночью-ничего-не-случилось-правда?». Или это был вариант «я-совсем-ничего-не-помню»? Я тоже правила знаю, не переживай, Витенька. По-дыграю, милый мой...

— Кофе с сахаром или без? — Крик с кухни, смешок Натки: «Ах, уже и кофе в постель? Нью-нью... А свадьба когда?.. Да хоть завтра...»

— Две... Черный...

— Значит, как и мне...

Еще бы! Не представляю себе, как Вик пьет кофе со сливками. Глупость какая-то получается...

— Я знаю, что сахар вкус кофе портит, но, честно говоря, пить кофе без сахара так и не научился... Держи...

— М-м-м... М! Весьма... Вкусно... А что за кофе?

— Секрет...

— Не припомню такой марки...

7

Из записей Виктора

Она ушла, а я стал как-то почти истерически ждать ее звонков. Ее голос разрывал пустоту квартиры в мембране телефона, а половицы настолько привыкли к ее шагам, что начинали тихонько подпевать ее смеху. Или мне так казалось? Кажется,

я все-таки был влюблен. Витал устроился в ту же фирму, где работали Яра и Наташка. Я ему завидовал — он мою девочку видел каждый день и не по одному разу. У них с Наткой вроде все налаживалось. Месяц пролетел как не было...

Однажды вечером навалилось чувство, что все будет плохо. Я как раз ждал Яру — ее унесло по делам. Купил ей подарок — ее любимые «Минг ШУ». Она долго смеялась, пока я пытался запомнить запах, а потом кинула в меня флакончиком и сказала: «Выучи, подлиза...»

Что-то сломалось в строгом построении миров — в один миг. Позвонили в дверь. Я, видит Бог, не хотел открывать... Но тем не менее открыл. На пороге стоял старик — такой «вполне себе», как выражалась Яра, старик. Лет на сорок пять. Но с той печатью мудропорочности или обреченности, которая отмечает действительно глубоких стариков.

Мне старик не понравился. И разговор он мне предложил неприятный.

Первой новостью была гибель Витала.

Первой неприятной новостью.

8

— Мы должны поговорить, Виктор. Это не телефонный разговор. Ты сейчас занят?

— Солнышко, ты же знаешь, тебя я всегда жду...

Я спустилась из офиса — благо до Вита идти пару кварталов. Только вот шла я эту пару кварталов долго, обреченно долго — как сквозь плотно-кисельный туман. Мороз, февральский мороз слегка покалывал щеки — я ощущала его пощечинами... Возле его подъезда я собралась — и вошла в Сумрак... Сашка говорил, что Сумрак похож на телевизор с убранной цветностью. По мне, так это было море — нежное, жемчужно-серое. Каждому свое.

А за дверьми квартир — разноцветье чужих эмоций. Вот в этой квартире живет старушка, медленно умирающая от рака, — темно-зеленая обреченность, кислотная обида на забывших детей, ядовито-лимонная жалость к себе... Напротив — пара влюб-

ленных. Тоже ссорятся — и ало-красное вождение с прожилками бледно-зеленого недовольства...

Я поднялась на его этаж.

Каждая ступенька — как лабиринт минотавра.

Каждая ступенька — как запутанные строчки предсказаний...

Я качнула страсти влюбленных... Человеческая сила — в эмоциях. Мне легче отпить их силы, чем искать ее на стороне... Мне нужно быть сильной... А под утро качели полетят обратно — и они забьются в объятиях с почти поэтической ненавистью...

Светлые не обратят внимания. Последний бой слишком подорвал обе стороны.

Прижалась лбом к двери — не могу, не могу... Почему я? Это должен быть кто-то другой... Рука была в полудвижении от звонка. Кажется, прошла пара лет, пока я ее подняла. Или все-таки — полмгновения? Позвонила.

— Яра? Здравствуй... Яра, Ярочка, девочка моя, что с тобой?

Уже на пороге квартиры я устало выскользнула из Сумрака и падала в подставленные руки на грани между здесь и там... Он подхватил меня на руки, донес до дивана. Той самой двушки, которая так пела под Наташкой и Виталом. Пела...

Странно, я так и не успела до конца упасть...

— Что случилось, девочка?

Он на меня так смотрел... Он за меня переживал, я видела это. А я — со мной-то ничего не случилось — просто почтальон, принесший квадратик похоронки. Не надо!!! Ну пожалуйста, пусть я сейчас проснусь — только не надо, не надо...

— Вик... Ты знаешь, Витал некоторое время работал у нас в фирме... Сегодня... сегодня он погиб...

— Как? Почему?

Он замолчал. Не верил.

Точнее, я видела, что он пытается не верить мне, — и ничего не могла сделать. Мое слово было для него самой горькой правдой — самой последней инстанцией правды.

— Так получилось... Нелепая случайность...

Слова, всегда мне так легко дававшиеся, на этот раз куда-то делись. Больно, бог мой, как мне больно. Каждое слово царапало гортань — не хотело рождаться на свет, чтоб уме-

реть, обрезавшись об его тоску. Я не выдержала. Я разбилась. Я заплакала.

Почувствовала, как на него навалился внезапный, липкий запоздалый страх... страх за меня. Он меня прижал, обнял — «не дам, никому не отдам — тебя... Плевать на Витала — лишь бы с тобой все было в порядке...» Я почти видела каждую следующую его мысль... Пусть... Пусть пока...

— Я попробую объяснить тебе... Дай руку...

Мне стало страшно. На меня накатился такой же липкий, зажимающий уши страх, как на него за минуту до этого... А что, если он не сумеет? Если Генриетта ошиблась? Как мне быть тогда? Мне стало очень-очень страшно.

В Сумрак мы вошли легко... Легче, чем я в свой первый раз — а я это сделала даже слишком легко... И Вик не выглядел напуганным.

— Вик...

— Я знаю, Яр... Я видел это во сне. И потом, зря ты считала меня никудышным писателем... Почитала бы — поняла б...

— Вик...

— А это красиво... Гораздо красивее...

— Вик, это лишь внешний слой. Дальше — гораздо темнее и страшнее...

— Ты похожа на фонарик... Ясная-ясная... Яська... Можно, я так тебя буду звать?

— Не надо, Вик, не надо.

— А я ведь люблю тебя, Яська.

— Не называй меня так, пожалуйста.

— Ладно. Хотя тебе идет...

— Все. Выходим. Много — даже молоко вредно.

После сумрака комната казалась серой. Нет, серым, жемчужно-серым, был сам Сумрак, а комната была бесцветной... Просто пропали все оттенки... Я устала, я очень устала — для меня это оказалось тяжелей, чем для него. Мне хотелось лечь, уткнуться носом в подушку и выть тихонько...

— Что это было, Яр?

Он был потрясен. Немного, правда. Я стала давать объяснения. Объясняла, путалась, начинала снова.

— Хватит, Яр... Я хочу знать, что произошло с Виталом. В подробностях.

В голосе был металл. И в глазах — металлический отблеск, несвойственный ему в разговоре со мной. Насмешка. Упрек.

— Случайная схватка с Дневными... Светлые... О, они прикрываются, что творят добро... А они... они Наташку, а Витал ее прикрыть пытался...

— Он был Иным?

— Да... Наташка... Она была его учительницей и любовницей...

Я не выдержала. Снова заревела. Металл, так меня напугавший, подернулся тонкой дымкой нежности.

— Я знаю. Не говори «была». Тише, Ярочка, тише...

Я улыбнулась. По-моему, психика пошатнулась у меня, а не у него... Он все принял как должное. Я набрала побольше воздуха. Все нужно было закончить сейчас.

— Я еще раз повторю — я люблю тебя, Яр. У нас все будет хорошо...

Мне стало страшно. Надо начинать последний диалог. Давай, Яшенька, начинай...

— Я люблю тебя.

— А я тебя — нет. И никогда не любила.

— Почему тогда...

— Все очень просто, Вик. Сказки — обман...

— Не цитируй, пожалуйста... Это нелепо звучит.

— Я правда так считаю, Вик. Я тебя использовала. Я не знала, что ты Иной. Мне нужен был Витал.

(ложь-ложь-ложь)

— Врешь!

Металл вернулся. Он был острее прежнего. И резал больше.

— Нет, правда. И не надо говорить, что тебе наплевать. Идеальных женщин не существует. Мы все — расчетливы.

— Мне наплевать...

— Виктор, я тебя прошу, не надо иронизировать. Мне — не смешно.

— Мне, ОЧЕВИДНО, ОЧЕНЬ ВЕСЕЛО! Моя любимая девушка оказывается ведьмой, которой нужен не я, а очередная премия и благодарность от начальства. Ты себе представляешь, насколько весело все это выглядит? С ума просто можно сойти... Какую мне цитату выбрать? «Не плачь, мой палач»?

— Прекрати на меня кричать! Ты у нас, видимо, человек высоких моральных устоев... А пил, чтобы всем показать, как

ты можешь справиться со своим горем? А то, что ты фактически изнасиловал девушку на первом свидании, — это морально? Ты жалок, Виктор, жалок — и мне жаль тебя!!!

— Не надо...

Вот и достигнуто равновесие. Он меня не ненавидит и не презирает. Но и не любит. Думает, что еще любит — пока мое место не заняла какая-то другая, желательно — моя полная противоположность. Он еще не чувствует сосущей пустоты и отчаяния. Иллюзии... мы к ним быстро привыкаем и никак не можем с ними расстаться...

— Я могла бы полюбить тебя, Вик...

— Яра, не надо...

— У тебя есть выбор.

— Я уже решил. Я выбираю Свет, Ярослава.

Это был удар. Сильный удар. Я не ожидала от него этого. Ведь Светлые — светлые, умные, добрые, вечно правильные, прикрывающиеся своей моралью — убили его брата. А я дала ему правду — правду, которой он всегда жаждал.

— Почему? Ну почему?

— Чтоб уравновесить веса, Яра. У Темных есть ты. У Светлых — я. И еще — во имя столь любимой тобой правды. Мужчины не менее расчетливы, чем женщины.

— Да, Ярочка, не надо отчаиваться... Ты ведь и вправду старалась...

В комнату шагнул Светозар. Глава Светлых... Ему идет это имечко — шутили у нас... Он был глубоким стариком — самый старый маг нашего времени. Самый сильный маг нашего Города. Я видела его всего пару раз, мельком, но узнала сразу. По той теплой волне, которая меня окатила. Но где, где мы с Генриеттой ТАК просчитались?

— Яра, я и правда тебя любил... А Наташку с Виталом... Генриетта слишком любит излишние жертвы в проигранных войнах. Два мага третьей ступени — против одного теоретически ненамного слабее тебя... Глупо...

— Ты знал, Вик, всегда знал, правда? Дурачил меня...

— Конечно, он знал, Яра. Пойдем, Виктор. У нас еще есть дела.

Я устала... Я бесконечно устала. И мне было все равно, что будет. Я легла на кровать и плакала. Только где-то на улице

разрывали тишину холодные строчки чужих рифм — реквием по остаткам моей веры в справедливость:

Будь осторожней, мое отражение, —
Мы оба слишком увлеклись Игрой...
И победивший терпит поражения —
Я никогда не притворюсь тобой.

Глава ТРЕТЬЯ

Андрей

1

Это было похоже на парализованность. Или на страшный сон — я все вижу, все понимаю, но пошевелиться не могу... Чувствовать я могла — все-таки могла — магию, Сумрак, чужие ауры. Но сама стала инвалидом, годящимся только на то, чтоб подглядывать в замочную скважину за жизнью — бурной и беспринципной, жестокой и яростной, но такой яркой и прекрасной...

Не совсем полным инвалидом, образно говоря, пальчиком пошевелить я могла... Самые простые заклинания мне еще подчинялись. Но — не более того...

Говорят, нервное перенапряжение... Чувствую — эмоционально перегорела. Ничего не хочу. Никуда не хочу. Зарыться бы с головой в песок и провести так остаток жизни... В Дозоре мне осточертело.

Все косились как на больную и сочувственно цокали язычками. А за спиной комментировали: «А ведь она была...» Ненавижу, когда обо мне — в третьем лице и прошедшем времени!!! То есть осточертело в Дозоре еще не совсем, но Генри предпочла не рисковать и отправить меня, разнесчастную, в отпуск. Перестраховщица! Толку от меня — ноль. Единственное, на что я способна после истории с Виком, — тихо материться, помяная Сумрак, Дозоры, Генри, Светозара и еще кучу малоприятных вещей.

Дура! Жалкая, ничтожная дура... Ты все равно переживешь это лето — как еще сотни и тысячи других, не менее тяжелых... Вот только сейчас почему-то каждый день кажется мучительно долгим.

2

Отпуском, полученным от Генри, я нагло воспользовалась. Но, провалявшись недельку на пляже, поняла, что жизнь юной и привлекательной курортницы, меняющей любовников под цвет купальника, не для меня.

Я приняла историческое (истерическое) решение. Устроиться на работу. Какую-нибудь весело-азартную.

Занес меня черт в борьбу на выборах главы мелкого территориально-административного деления, в котором добывали подозрительно много нефти... В качестве (долго смейтесь) социолога... Меня — ведьму — в качестве социолога... Пф! Погрешность предсказания — 0,009%. Но чтоб поверили — сделаем 1,4. И всегда-то я буду права... Потому что уж больно легко — даже Генриетта это видит — получается у меня управляться с возможной реальностью.

Иные как-то вяло к этим выборам отнеслись... Видимо, после губернаторской стычки силы восстанавливали... Хотя я не понимаю, что там было восстанавливать: и Дневной, и Ночной с подозрительным единодушием поддерживали новоизбранного. Хотя вот по поводу должностей первого зама того самого Новоизбранного Губернатора и того, кто займет пост главы нашего областного центра, спор разгорелся нешуточный.

Но... В сторону политику, давайте о любви.

3

В административно-территориальное деление, а точнее, поселок, который на самом деле был небольшим городком, я влюбилась... Подозреваю, что надолго. Мне тут нравилось все. И вычурные, изыскано-громоздкие дома нового поколения

разбогатевшей элиты, бывшего райкома комсомола и нефте-руководителей. И однотипные серые пятиэтажки в центре. И ухабистые, сто лет не отремонтированные дороги окраин. И вышитый — золотистыми или серыми — в зависимости от погоды — неровными стежками пруд... И...

Он был женат. Восхитительно, до безобразия женат. А меня к нему тянуло. Не менее восхитительно и до безобразия. Я могла часами петь дифирамбы в его честь, признаваясь, что я полная, никчемная, абсолютная дура, а потом напоминать ему, что реакцию толпы как раз я-то, полная и никчемная, на очередное выступление нашего кандидата, который в самом штабе прослыл полулегендарным существом, собственно, и предсказала.

Ему прощались спрятанная в карман радиотрубка и походы на ежедневные обеды домой, просьбы срочно сообщить телефон, когда под носом у него лежал справочник, моя предусмотрительно живущая в сумке зажигалка, которую он требовал (именно требовал, а не просил) дать ему всякий раз, когда он отправлялся курить. Ему прощались едкие замечания в мою сторону и попытки выгнать меня из-за компьютера с намеком на то, что я не просто чайник, а минимум заварочный.

В свою очередь, он прощал мне мою восхитительную, с его точки зрения, глупость и вечные утренние опоздания, мой опять же странный для него налет феминизма и ненакрашенную по утрам морду лица. Он великодушно позволял мне пользоваться компьютером и нести околполитическую чушь, подавать ему зажигалку и наливать воды.

В общем, меня ситуация вполне устраивала. И его тоже. Я звала его Андреем Алексеевичем, он меня Славкой. Я была в него совершенно безобидно влюблена, что позволяло мне вовремя вставать и поздно уходить. Он снисходительно терпел мою влюбленность.

4

Машина летела ровно, как по ниточке. Не замечая моего слегка позеленевшего, надо сказать, лица, Андрей продолжал маниакально рассказывать мне что-то о предвыборных технологиях. Боже, какой у него был голос... Я могла слу-

шать его часами, абсолютно теряя смысл. Я замирала на его голос, как кролик перед удавом, удачно присыпанный специями для более удобного пищеварения. Во мне срабатывал женский первобытный инстинкт, говоривший, что я — рабыня, а он — Хозяин. Ах, какой у него был голос... Но почему-то даже мое обычное оцепенение в данной ситуации помогало мало.

— Андрей Алексеевич...

— А что это ты такая бледненькая, почти зелененькая? Не выпалась, что ли?

— Андрей Алексеевич, скажите честно, мы низко летим или просто быстро едем? — Придумать что-то умное сил не было. Я опасливо косилась на спидометр, подозревая, что карьера великой политехноложини Ярославы Владимировны Летиной так и закончится, не начавшись...

— А, ты про это... Ну, это еще не скорость... Вот двести по неплохой дороге — нормально. А быстро...

Узнать, что такое быстро, мне не пришлось (да, честно, не очень-то и хотелось). Нас тормознул гаишник. За превышение скорости. Я считаю — вполне обоснованно.

Начальство мое мнение почему-то не разделило. Оно сделало лицо, как у очень молодого Бога, творящего новый мир, которого вдруг побеспокоили от верующих с просьбой прислать к Рождеству новые носки. Гаишник немного оторопел и сказал «Здравствуйте». Андрей ответил не менее вежливым, но гораздо более прохладным — «Здравствуйте». Гаишник тоже почувствовал, что температура воздуха сравнялась с температурой в хорошем море.

— Ваши документики...

По-моему, гаишник сам был не рад, что спросил. Уже не рад. Андрей достал свои красно-золотисто-административно-проскользные корочки и сунул под нос гаишнику с таким видом, словно он не узнал Самого. Не нынешнего малопопулярного президентишку, а того, времен культа личности, генсека. Гаишник козырнул. Андрей ничуть не более тепло и ничуть не менее вежливо ответил:

— До свидания...

И — с места «сто сорок и вечное лето»...

Н-да.

Такое я видела только у наших, дозорных. И то, когда нужна припрет.

— Коротко вы с ними. И главное — вежливо.

— С ними только так и надо.

У него красивые руки. Держат руль, как будто обнимают женщину. И, наверно, нежные... Я судорожно сглотнула. Ярослав, в конце концов, веде себя прилично!

Собственно, ездили мы встретить на вокзал нашего юриста. Забрав данный важный пассажирский груз с вокзала, мы отправились в обратное путешествие.

С юристом мы были знакомы уже с полгода. Как-то он официально выпутывал меня из одной неприятной истории. Да и Дневной любил ее приглашать — юрист была неинициированная Иная, которая, как никто другой в нашем городе, чувствовала ситуацию в суде. Юрист поинтересовалась, еду ли я в административно-территориальное деление и как там кормят. Вопрос о еде был привычным и традиционным.

Своего рода сигнал для своих... Я улыбнулась и довольно резонно пожаловалась:

— Не любят они меня там...

Андрей прокомментировал, покосившись на меня:

— Н-да, ей скоро вообще у нас появляться не надо будет — и так убьют, без выборов...

— Ну я ж говорила, не любят... Могу конкретно пальцем показать, кто именно... А я по нему уже две недели сохну...

— Пальцем показывать невежливо... А сохнуть, милая девушка, я вам посоветую по кому-нибудь другому... До дня выборов я занят...

— А после?

— А после — посмотрим. Но ты, Слава, в Пермь уедешь.

— Да найду я предлог вернуться.

— Я же сказал — найди другой объект для влюбленности!

— Если бы мы могли выбирать, мы бы все влюблялись в старых и некрасивых миллионеров...

Я еще раз вздохнула — если б мы могли выбирать, я бы все-таки влюбилась в Вика.

А вместо «Минг ШУ» не стала бы покупать «Дольче Вита»... Ассоциации? Не надо, девочка...

5

Предвыборная кампания тихо-мирно шла своим чередом. Со вполне приемлемой долей скандалов. Пару раз пришлось звонить Сашке, чтоб он припугнул не в меру зарвавшихся местных девочек-ведьмочек. Ну а так, по мелочи, — собственным авторитетом справлялась. Благо меня уже замечательно знали как Ту-Самую-Ярославу-Которая, и далее моя краткая биография... Слава — сестра успеха. День стоял мерзопакостный. Середина лета — а погода больше похожа на тяжелую, осеннюю. Да, мальчик, вот такое хреновое у нас лето.

Дождь пытался подползти своими холодными лапами поближе к позвоночнику, ветер — записать меня в группу бесплатного стриптиза. Осенне-хмурое небо глядело устало на мир, полный слез. Я устала. Я знала, что устала — и усталость приятно обнимала меня... Я брела по улице и прекрасно осознавала — на собственных похоронах я буду не просто краше, но и намного веселее...

«Яська».

«Яра».

«Слава».

«Ярослава».

Никого. Ни одного Иного. В радиусе... Да вообще ни одного, и никого, кто мог бы меня так позвать...

Смотри...

На ступенях крыльца сидел Андрей.

А выражение лица — я споткнулась...

У него не может быть такого выражения лица.

Безудержная нежность. Такая, что хочется спрятать в горсти и унести от света — чтобы сберечь... Хрупкая, как изморозь на стекле — дунешь неосторожно, и изяшный узор расплывается... Ломкая, как подтаявший лед на осенних лужах — ступишь неосторожно, и бегут по тонкому стеклу трещинки, трещинки...

Андрей обнимал своего сына. Я сразу догадалась, что это сын, — не по нежности, которая меня остановила, не по тем милым глупостям, который рассказывал папа, а по той невидимой стене, что их объединяла — отгораживала...

«Видишь?»

Вижу. Вот, значит, как выглядит оно — «Божественное Вмешательство». Как отец с сыном, стоящие на крыльце ничем не примечательного здания...

Никого, никого из дорогих мне мужчин я не представляла в роли отца. И никого, никого из них я никогда не любила по-настоящему... До милых глупостей... До шепота... До выбора — единственно важного выбора за всю мою никчемную жизнь — выбора имени для моего продолжения...

Я падала в пропасть. Пропать страсти, как к Сашке... Пропать нежности, как к Вику... И что самое страшное — в пропасть безумной, неподдающейся никакой классификации привязанности. Есть я и есть он. И больше ничего, ничего, ничего не существует — на миллионы световых лет вокруг. Только где-то там, за пределами познанного нами мира, есть третья сила, так неудержимо столкнувшая нас. Подошла Лариса, забрала сына, поцеловала Андрея... Я — простила. С высоты своего нового чувства. И из жалости — ее и сына не окружала такая тревожаще-нежная стена, как отца и сына. Она чувствовала это. Постаралась поскорей уйти.

Но эта стена — она не совсем растаяла, нет... Крохотный, маленький, но надежный ее кирпичик продолжал жить в моей душе — как заверение меня в моем еще живущем в безвременье счастье... Счастье Истинного Материнства...

6

— Это ваш сын, Андрей Алексеевич?

— Да, Слава. Сын.

Гордость за себя. Улыбка победителя. Ты знаешь, тебе идет... Можно теперь мысленно — на ты?

— Он замечательный...

— Он лучше всех. А знаешь, он боится...

Он рассказывал про детские страхи своего сына, а я слушала — и старалась сдерживать невольную дрожь в руке — дотянуться, прижаться, поцеловать...

7

День выборов подлетел незаметно. Рухнул как снег на голову. То есть мы, как и обычно в России, знали точную дату и время — но, как всегда, получилось неожиданно.

С утра был кофе. На обед валокордин. На ужин — валокордин и кофе. В течение всего дня — сигареты, сигареты, сигареты...

Я волновалась, конечно. Внешне. Внутри была спокойная уверенность — мы победим. С утра приезжал Светозар, вслед за ним прилетела Генри, они о чем-то пошептались и уехали. Я удивилась — чего это вместе? Потом плюнула — политика, Ярка, дело сложное. Сновали наблюдатели сумрачных... Тоже личности малосимпатичные, но тем не менее... Я и Андрей остались в штабе. Я уже поняла, как подходит это военно-полевое название. Только, наверное, Бедлам был бы куда точнее...

Телефон либо орал, как только что явившийся на свет младенец, да не один, а вместе со своими братьями — параллельными, оставляя в мыслях одно желание — только бы он заткнулся! То устало молчал, повергая нас в полную растерянность и заставляя нервничать больше обычного — ну позвони, звони. Не спавшие накануне ночью штабисты оккупировали диваны в соседней комнате — а мы сидели вдвоем, молча глядя на телефоны и нервничая, нервничая, нервничая...

Даже я, зная исход событий с погрешностью в полтора процента, извелась, съела до основания наконец-то ставшие холеными ногти и выпила пару литров кофе...

— Я устал...

— Андрей Ал...

— Да, Слава, я устал... Налей мне кофе... Надеюсь, это последние мои выборы...

— С вашими амбициями и в вашем возрасте? Не верю...

— Не грубите, девушка... Подойди-ка сюда...

Я подошла — на полувытянутых руках держа чашку кофе. Руки заметно подрагивали. Андрей положил телефон, с которым не расставался весь вечер, рядом. Протянул мне руку — ну, иди сюда... Я захлебнулась от предчувствия. Две недели

воздержания для молодой девушки, вынужденной ежедневно видеть, слышать и осязать объект вожделения, тоже, знаете ли, то еще удовольствие... Сумрак насторожился. Почувствовал, как закипели во мне остатки сил. И — воспротивился.

Телефонный звонок был подобен грому иерихонской трубы... Андрей едва скользнул пальцами по моей щеки и сказал: — Твою мать...

Выражаться при мне уже не стеснялись. Когда кто-то попробовал сказать «не при дамах», я сама, задумавшись, выдала что-то симпатично-витиеватое с упоминанием зоо-, некро-, педо- — и многих других филий, а также вспомнила родственников до пятого колена. Так что на подобные замечания Андрей теперь отвечал просто:

— Она местная почти, привыкла...

Но это — лирическое отступление. Мне тоже захотелось сказать, но Андрей на меня так посмотрел... Вложил трубку в руку и сказал: «Если ищут, я в этой... территориальной...»

8

Территориальную Андрей недолюбливал. Потому что твердо знал — ничего хорошего она сказать не может. А на жалобу с вполне обоснованным требованием снять с выборов нашего основного соперника, грубо нарушившего закон, только пожурит «слегка неправильно поступившего»... нежно так, по-матерински. Там было двое сумрачных и одна Светлая. Их часто включали — чтоб контролировать процесс. И они понимали, что я так или иначе имею право вмешаться...

— Зачем? Ну зачем?

— Тебе это не надо, Яська. Пока... — Генриетта. Точно Генриетта. Она знала? Наверное, догадалась. Она всегда догадывается.

Он ушел. А я осталась, чувствуя какую-то возмущающе-несправедливую пустоту. Пару раз, пока в кабинете никого не было, потерлась щекой об его оставленный пиджак.

9

А потом голосование закончилось. Вдруг, сразу, неожиданно. И я потеряла свое право полного одиночества.

Ждали результатов. Результатов, результатов, результатов — я курила сигарету за сигаретой и мысленно видела Андрея, стоявшего так же у окна в территориальной и так же курившего — одну, вторую, третью...

Иногда он звонил — каждые пятнадцать минут, но минута казалась едва ли не годом, и спрашивал:

— Ну как?..

— Пока ничего...

— Как ничего? Что-то должно быть!

— Ничего...

— Твою мать!

И кидал трубку.

Меня трясло.

Как озарение, как благословение, как молния — мы победили! Победили! На границе Сумрака — темно-синие волны восторга.

Взмывший, улыбающийся кандидат, непонятно откуда взявшаяся толпа народу — крики и собственное тонущее в них обреченное «Ура...» — мы победили...

Громко:

— Надо сказать Андрею...

— Он знает, велел столы накрывать...

Мы победили...

Смех, радость. Непонятно откуда взявшаяся толпа народу. Взрывы шампанского. Капли на пальцах. Фотовспышки. Смазанные, накладывающиеся друг на друга картинки.

10

Пить я не могла. И кусок не лез в горло — вставал поперек. Только курила сигарету за сигаретой из нагло украденной у какого-то подвыпившего штабиста пачки «Честера»... Андрея не было. Вот тебе и настроение «Честерфилд».

Меня трясло. Шумная, пьяная массовка, одинокая курящая дамочка. И полное отсутствие того самого, единственного. Просто плохо поставленная мелодрама. Я не выдержала. Кинула из последних сил мысленную просьбу нашему юристу-кандидату — «Давайте в территориальную»... Сама напросилась с ними.

Он был там. Они все еще считали голоса. Я услышала его голос, покупая в близлежащем ларьке вино и торт — для комиссии. За сотню метров. Он был там... Здесь... Рядом...

Я медленно и неотвратно пьянела — теряя остатки трезвой Ясенькиной расчетливости... Он был здесь, здесь, здесь...

— Андрей Алексеевич, можно я сделаю то, о чем мечтала всю кампанию? — Забыв отчество, переходя на нежные, вкрадчивые нотки, но еще стыдливо избегая интимного «ты»...

— И чего же ты хотела?

— Обнять начальника штаба...

— Валяй...

Я повисла у него на шее, стыдливо ощущая, что теряю равновесие и падаю, падаю, падаю, а в голове было восхитительно бездумно легко...

11

— Андрей... Как ты думаешь, они нас хватятся?

— Кто — они?

— Ну... массовка...

— Эгоистка ты моя... Нет, не хватятся, пока водка есть.

Я наслаждалась доступным «ты» и определяющим мое место «моя»... Я чувствовала себя неправильно разделенным в детстве сиамским близнецом.

Он по-хозяйски положил руку на мою спину. Я потерлась носом о его плечо. Он потрепал меня по волосам...

— А как ты думаешь, они заметили, что мы вдвоем?

— А как ты думаешь?

— Нет...

— Да.

— Ну...

— А сколько тебе лет, солнышко мое?

— 19... Андрей... Ты знаешь, я в одной умной книжке вычитала — влюбляются по частям... Только там по третям — а я по четвертинкам... Я всегда какая-то четная...

— И?..

— На первую четвертинку я влюбилась, когда ты назвал меня Дурой... С ба-а-альшой буквы...

— А на вторую — когда чуть не оторвал голову за комп...

— Не-а... Когда ты у меня по-хозяйски зажигалку забирал... Я тогда поняла, что все равно буду твоя. Вся. До последней клеточки. А на третью — когда ты вел машину. Помнишь, мы ездили в Пермь вместе?

— И ты чуть не пишала от страха?

— Ага... А ты сказал — влюбись в кого-нибудь другого...

— И что ж ты, дура, не послушала... Дура-а-а... Дурища моя...

— Мне нравится, что ты меня так называешь... А полностью я знаешь когда пропала?

— Когда?

— Когда ты сына обнимал и улыбался — на ступеньках штаба... Ты на него так смотрел, что я поняла: с тобой я даже на кухне жить согласна... И готовить, и стирать, и убирать...

— Ты-то?

— Я-то... И еще, Андрюш... Меня нравится, что ты зовешь меня Славкой.

— Славка...

12

Спустя неделю я уезжала в Пермь. На служебной «волге» администрации. Ревела, спрятавшись от водителя на заднем сиденье, предпочитая не показывать красные глаза... Дура, дура, ты же уже взрослая, совсем взрослая. А ведешь себя... Но он же позвонит, он обещал... Сколько тебе лет, Славка? 19.

Генри встретила меня холодно. Сашка — тот вообще старался не смотреть в глаза. Я поняла — он знает. И ему очень-очень больно. Я с ним даже не поздоровалась.

Девчонки меня обходили стороной — как чумой прокаженную. А я сидела за столом — и писала, писала ему письма, которые мне никогда не отправить.

«Здравствуй, милый...

Знаешь, пожалуй, я все-таки куплю бутылку мартини и запрусь в своей пустой и гулкой квартире... Твой день рождения еще слишком далек, чтоб его отмечать, а памятных дат так мало... Так что я просто отмечу сам факт твоего существования на бренной старушке Земле...

Буду целоваться с холодным стеклом — зеркала или окна... Это уж в зависимости от того, какую роль захочу сыграть: одинокой бабы, завидующей чужому счастью, или самовлюбленной идиотки, которой просто не с кем выпить... Подоконники у меня широкие... А вот этаж всего-навсего третий.

Я, видно, прикована к третьему этажу. Ты живешь на «подлунном» — пятом... Разбогатею — сниму на пару недель пентхауз небоскреба. А потом вернусь на свой убогонький, привычный третий. Впрочем, я уже сейчас, наперед, знаю, что вечера *воспоминаний* у меня все равно не получится. Слишком мало, что можно вспомнить. Ну, разве что мое полное согласие с вашим, мсье, заявлением, что я — полная, круглая и абсолютная дура.

Включи радио России погромче. У меня ведь в моей квартире и радиоприемникамагнитофона приличного не наблюдается... Никакой вам Земфиры, никаких Eagles, Scorpions или тем более Garbage. Так-то... В конце концов выползу на балкон, выкурю запрещенную под страхом смертной казни сигарету... А уж если совсем не вмоготу станет, притворюсь, что все-таки плачу...

Или натяну не особо любимый плащ — куртку я оставила где-то в ваших краях под предлогом возвращения, — пойду шляться по городу, мечтая снять мужика и шарахаясь от каждого встречного. Буду долго стоять у каждого телефона, долго думая, набирать или нет твой номер... Но никогда этого не сделаю и никогда не пропишу в трубку сладковато-измученно: «Приезжай, зайчик, мне так плохо, что я сейчас покончу с собой...» Передавай привет мирно спящей жене — я не хочу тревожить ее полуангельский сон...

Вернувшись домой, швырну широким жестом на пол сумку и плащ, скину надоевшие босоножки. О, я непременно на-

дену эти свои экзекуторские босоножки, в которых безболезненно стоять могу ровно двадцать минут... Пару секунд постою в задумчивости над баночкой с клофелином, припрятанной на черный день, точнее, самый бесцветный вечер или самое похмельно-виноватое утро. Умоюсь холодной водой. И выпью еще martini».

Первой со мной заговорить попробовала Лилька. Смешная Лилька, худая, очкастая и слегка носатая. Вторая (нынче — первая) ведьмища в Дозоре после меня и Генри. Моя лучшая подруга. Мать очаровашек-близняшек Лилька...

— Слушай, Ясь...

— Уйди, а?

— Ясь... Может, приворот попробуем?

— Лиль... Уйди, пожалуйста, пока я прилично выражаюсь, а?

— Ну ладно.

Он не звонил.

Влетая в офис по утрам, я хотела спросить, не звонили ли мне. И осекалась, видя выражение лиц... Состояние у меня было хреновое. Дар не возвращался. Жалкие остатки сил таяли на глазах. Я уже даже не видела красок — так, размытые тени.

Через неделю я поняла, что больше не выдержу. Извлекла из-под завала своего темного горя пару дежурных улыбок.

— А может, в выходные погуляем, а? Пива выпьем...

В Горьковском парке был какой-то праздник. Выходной обещал быть мирным, благо со Светлыми в нашем маленьком периферийном городке существовала нежная договоренность невмешательства... Я, Лилька, Сашка и новенькая, Анечка, недавно попавшая в Дозор, выбили у Генри три дня отгулов и отправились в парк. Сашка послушно бегал за пивом, мы катались на чертовом колесе и сплетничали о последних дозорных делах... О схватке в Чернушке, о всплеске энергии в Кунгуре, о том, что Генри, судя по всему, скоро уйдет в Москву и на кого, интересно, нас бросят? Может, Артема из Соликамска переведут?

— Тетя Слава! Тетя Слава!

Пиво, как в замедленной съемке, вылетело из рук... Пенная волна — по туфлям, колготкам... Плевать... Ко мне — маленький метеор с его глазами.

— Тетя Слава!

— Славка! Я звоню-звоню — дома не отвечает, а на работе говорят, что ты на больничном...

Ну, Генриетта, сука! Влюбленные марионетки тебе ни к чему, да? Они слишком часто пытаются перерезать нитки...

— Андрей...

— Славка...

— Яська, смотри! Смотри! Туда, быстро!

13

Творилось что-то невообразимое... Посреди парка, людской толпы разросся черный гриб inferно — людская паника. Черный, страшный. Давили друг друга...

— Бог мой, давка! Как в Киеве! Слава, Игорь, ко мне!

— Нет, Андрей, — там...

Там был Сашка, мой Сашка, которого я почти успела полюбить. Там была милая моя Анютка, три месяца в Дозоре, ничего толком не умевшая, но послушно бегавшая за пивом. Там была Лилька, молчаливая, гордая Лилька с детьми...

И я должна была быть там. Потому что там стояли Светлые. Плечом к плечу. Трое или четверо. И пытались успокоить толпу. Они ж это ЧП на нас свалят!

— Я — туда...

— Я с тобой...

Он передал Игоря кому-то из подросевших омонцев, крикнул что-то и бросился за мной — в кипящий водоворот убивающей толпы.

Сила вернулась. Она наполняла кончики пальцев и искрилась, стекая с них... Я вошла в Сумрак... Быстрее, быстрее — подхватить Анечку, помочь Лильке. Качая силу людского страха и ненависти, детских слез и женских криков. Сашка — сам справится.

— Нет!!!

На меня летела зеленая плоть — смертельная... Светлые... Я не щадила толпу — глупых марионеток из плоти и крови, — они не пощадят меня...

— Нет!!!

Плеть метнулась в сторону. Направлявший ее заколебался... Я хотела ударить в ответ. И — поняла.

— Нет, Вик, нет...

Я летела — быстрее молнии — и понимала: не успеваю... Потому что отведенный от меня удар падал на Андрея.

Виктор растерянно смотрел в мою сторону. Андрей стал медленно, как-то картинно оседать.

— Нет!!! Нет! Нет...

Вик смотрел на меня с недоумением. Выбравшийся из толпы Сашка — с Анечкой на руках — безапелляционно счастливой Анечкой, — с пониманием.

А Андрей — с нежностью. Тем самым ее оттенком, навек приковавшим меня...

— Сын... Славка, береги сына...

Я держала его голову на коленях и плакала.

Люблю? Нет? Пойму, когда умрет... Будет поздно... Все-таки — ЛЮБЛЮ. Почему я всегда все понимаю после того, как нужно принять решение?

Безумно, безудержно, до крови в прокушенных губах, до боли... Люблю.

Пожалуйста, не умирай. Ведь мне тогда придется тоже. А в рай я все равно не попаду.

— Я тоже люблю тебя, Славка.

Я смотрела сквозь Виктора. Сквозь Сашу. В ту непроглядную, одинокую тьму, в которую уходил мой любимый... Мы прощались, прощались — глазами, руками. Не уходи...

Говорят, корабли рано или поздно пристают к серым гаваням, где их встречает фигура, прячущая глаза. Тот, Кто Умеет Прощать... Я подняла на тебя руку — и проиграла.

— Здравствуй, Яра... Вот и свиделись... — устало сказал Вик.

14

— Тетя Слава, а папа вернется?

— Не знаю, малыш, не знаю... Он очень, очень надолго уехал...

Ларка плакала, спрятав лицо в ладони. Беззвучно, на одной ноте. И так было страшнее всего. Я прижимала ее сына — сына Андрея — к стынувшей щеке.

— Ой, тетя Слава, какие у вас руки холодные... Как льдинки сосульчатые...

Я встала. Я не могла больше оставаться здесь. Было холодно и странно пусто вокруг. На стене висела большая, цветная, но какая-то мертвая фотография Андрея.

Я сняла со спинки стула свою куртку — старую, потрепанную, еще додозорную. Чмокнула в нос его сына.

— Если будет нужна помощь, Лариса, вы знаете, как и где меня найти...

Лариса подняла глаза:

— Ярослав... Только пообещайте сказать мне правду...

— Как он умер? Постараюсь, но боюсь...

— Нет, я не об этом. Скажите, вы его любили?

— Последние его слова были — позаботься о сыне. — Она затравленно посмотрела в сторону своего сына, словно думая, куда спрятать от меня. Она тоже любила Андрея. Просто — немного по-другому. — Я жду его ребенка, Лариса...

Я вышла из квартиры под солнечные лучи наконец-то наступившего лета. Внутри меня, у самого сердца, росло маленькое счастье, имя которому — Нежность.

Вот и кончилось мое детство... Или нет? Я уже знаю, как тебя будут звать... Мессия нового века и нового тысячелетия, мы с тобой справимся со всеми трудностями, правда? Мы оба с тобой — демиурги на полставки, заигравшиеся в Богов дети... Как ты думаешь, из меня получится Богоматерь? Немного холода мне не повредило, я стала только взрослее.

А солнце светило ярко-ярко...

*Октябрь 2000 — май 2001,
Яська Летти*

Андрей Павлухин

ОНИ

1.0. (5.05.2164)

Кто окрестил нас собачниками — не знаю. Просекли, уроды, — есть что-то общее. Отлавливаем и уничтожаем. Или нас... Как получится. У нас с партнером пока в норме: выживаем, план выполняем, гонорары получаем — за «скальпы». Я более по практической части, на улицах, а кореш мой — сетевик. Идеальная психологическая совместимость, боевой тандем — закачаешься. Только вот не ценят, клеют ярлыки, субсидии хотят урезать. А зря. Мы ведь как те спартанцы — в узкой теснине против целой армии. А с тыла еще и свои щемят («куда идут наши налоги?»). Официально «Отдел по борьбе с кибернетическими аномалиями» является внебрачным сынишкой Департамента Безопасности. То есть филиалом. Постоянный штат — сотня спецов. Плюс мы — вольные наемники, сегодня здесь, завтра — там. Основная ударная сила. Тут уж никакой семьи и вкусных блинчиков — в любое время суток «по коням, хлопцы!», и ты подрываешься, как буденновец. Ясный болт, что удобнее в мобильном режиме (фургон на воздушной подушке): и врагу труднее сориентироваться, и с соседями про-

блем никаких. Это мы с Шуриком осознали после столкновения с активом 17 блока Нефритовой башни — народ зачислил в «голубые». Через месяц мы напоролись на «соска» — паразит засел в подземном царстве и оттуда управлял коммуникациями четырехсотэтажного комплекса. Меня он отправил в свободное падение по лифтовой шахте. Спас Шурик, отреагировавший на мой звоночек: кабина застряла в метре от земли... С тех пор и катаемся на фургоне.

Теперь о себе.

Зовут меня Костя Видоплясов, я раньше в Интерполе служил, а до того — «краповым беретом» на Бирме, работал строителем-монтажником (пока не сократили — спасибо киберам) и промышленным альпинистом в СПЕЦНАЗЕ («Страховка — мама, карабин — папа»). В общем, насмотрелся всякого и с большой высоты. А в прошлом году президент Белополиса своим указом сформировал Отдел, но, как выяснилось, свежий орган был «недостаточно гибок». Тогда открылся зеленый свет наемникам — и я подал заявление. Тесты, проверки, сканирование, сличение, беседы с психологом — неприятный осадок. Но меня приняли. То есть выдали лицензию на отстрел и отлов (что в принципе одно и то же). Затем появился Шурик — виртуалка не моя стихия, а он там как рыба в воде. А зачастую, чтобы завалить «соска», достаточно взломать его мозги — своеобразный биокомпьютер, качающий, жрущий нашу информацию. Иная песня — подвижные кибероиды, «примитивы» — это моя забота.

Сейчас мы дрейфуем в фургоне по краю Полесской зоны. Здесь цивилизация с дикостью встречается. Лесные участки — жалкая мутирующая флора. Радиоактивные болота, биотические отходы, свалки — сплошная дрянь, и ее — гектары. Рассадник для мутов, кибероидов (мы называли их крысами) и маргиналов: Разместилось тут и несколько промышленных предприятий и даже грузовой космодром. Плюс кладбище дизелей, частные ремонтные мастерские и лаборатории Института Генетических Модификаций — нашего кровного врага. Неподалеку курсировала гостиница «До» — притон ламеров и наркодилеров.

Фургон проплывает над растресканной мостовой заброшенных кварталов (тут местами счетчик Гейгера зашкаливает), а я набираю текст — свою краткую биографию. Хочу заделать сначала по старинке — в мультимедийном варианте.

— Эй, Костик, чем занимаешься?

— Наследием.

Партнер недоуменно глядит на меня поверх очков.

— Чем-чем?

Я объясняю:

— Шура, все люди смертны. Согласен?

Кивает.

— А «собачники» — группа риска.

— Не «собачники», — обиделся партнер. — Санитары...

— Санитары, — перебил я, — это дятлы. Санитары леса...

Еще — в дурке мужики в белых халатах и со смирительными рубашками наготове. А мы — «собачники». Так говорит народ...

Делаю театральную паузу.

— Значит, после меня, кроме праха в урне, ничего не останется. А так загружу себя, любимого, в Сеть — и Константина Видоплясова еще долго будут помнить.

Шурик захохотал.

— Если твоим файлом «сосок» не позавтракает!

— «Соски» жрут только то, что перемещается. А я — на платный сайтик, как литературное произведение. С запретом на скачивание.

Шурик посерьезнел.

— «Соски» нынче продвинутые, Костя. Везде лезут. И злоумы организуют почище хакеров и спецвиров.

— Да ну?

— Эволюция.

— Клина поймал? Это же не животные.

— Еще какие животные. ИГМ скрестил бульдога с носорогом — машину с биологическим организмом, — а нам теперь расхлебывать. Они вроде и размножаться как-то научились, и развиваются потихоньку...

— Откуда ты знаешь?

— Сеть, Костя. Чатуюсь с другими охотниками — Митрицким, Ковшом, Вертером. «Примитивы», кстати, тоже усложняются.

Я насторожился:

— А поконкретней?

— Бегают резвее. Новыми органами чувств обзавелись. Регенерацию осваивают.

— Во гады! — Я закрываю «окошко» текстового редактора и задумчиво взираю на окружающие ландшафты. Проплываем

мимо каркаса недостроенного ретранслятора — исторического памятника с полувековым стажем. Отсюда любят прыгать экстремалы — с парашютом, разумеется. Выходит, сооружение и вовсе культовое: сюда совершают паломничества, а иногда возлагают цветы — в память о сгинувших придурках.

— Хочешь пива? — Шурик кидает мне банку «Любаньско-го». Ловлю: светлое, троечка.

— Уже сутки нет вызова. — Вскрываю банку. Глоток. — Неужто «крысы» повymiрали?

— Вряд ли, — скривился Шурик. — Скорее мы сдохнем.

— Еще посмотрим, кто кого.

Глоток.

— Классное пиво.

— Угу, — бурчит Шурик, изнывая от жары. Кондиционер не пашет, а опустишь стекло — в нос ударит стойкий аромат мусорозавода. Это вам не Сити, не деловой сектор Минской зоны.

— Пора «скальпы» снимать, — говорю я. — Кредитка ото-шала.

— Моя на нуле.

Я с тоской сминаю опустевшую банку и запускаю жестя-ной шарик в конвертер. Спейс-джем...

— Еще есть?

— Последняя.

Горе наложило отпечаток на наши лица.

— Ты чего не бреешься, Костя? В падлу кремом помазаться?

— Заткнись! И так тошно...

— Это твой новый стиль? — не унимается напарник.

— Да. Робинзон Крузо — мой кумир и секс-символ.

— А митрополит?

— Тоже.

Мы распили последнюю банку.

— Гамовер, — сказал Шурик.

— Засуха, — согласился я.

«До» навязчиво маячила впереди, а ее цифровой дубль — в сетке навигационного монитора. Мы тащились с примерно одинаковой скоростью, как приклеенные. По вертикали нас разделяло шесть уровней воздушных коридоров. «До» чем-то напоминала мне смесь ступенчатого порта с уютгом. Странная ассоциация...

— Хвост в хвост, — заметил Шурик.

— Возьмем на абордаж?

Партнер заинтересовался.

— Кто там заправляет?

— Чебурек, кажись.

— Кто?

— Гасан Рахматов. Авторитетный человек, держит Заднепровский рынок в Могилевской зоне.

— Это где шмотки с насвайчиком?

— Угадал.

Вижу — задумался виртуальный орел. Не подпалить бы задницу...

— Вкусное было пиво, — подзуживаю я.

— Сам дурак.

Молчим.

— Твой план? — наконец решился Шурик.

— Ставим глушак и мирно предлагаем свои дорогостоящие услуги. У них ведь через спутники связь? А тут — помехи, взбрыки электромагнитные, смещение каналов... Сеть недоступна. Не иначе, «сосок» поработал. Кто поможет? «Собачники»...

Шурик побагровел. Уважает свою профессию... Я тоже. Правда, не держу пламенные чувства на поверхности.

— Ладно. — Иду на замирение. — Пусть санитары. Дворники или пожарники. Без разницы. Главное — условных единичек раздобыть.

В этом мы солидарны.

— Не дотянемся, — сказал Шурик. — Мы же не птички. Шесть уровней все-таки...

— Знаю. А фургону и на второй не взобраться. Приземленная машина.

— Гениальное — рядом.

Мой любимый лозунг. Отсутствие денег заставляет работать мозги. Следовательно, всеобщее счастье ведет к кретинизму (маленькое лирическое отступление).

Короче, я думаю. Шурик тоже думает. Мусорозавод успевает скрыться в лабиринте складов и хранилищ, а ретранслятор по-прежнему торчит на горизонте. Снуют туда-сюда платформы с готовой продукцией и упакованными экологически чистыми отходами.

— У них же есть подъемник, — вспомнил я. — Зацепят по вызову.

- А глушак?
- Нет проблем.

Я достаю свое метательное оружие, шедевр огнестрельного искусства: четырехствольный «винчестер» с плавающим калибром. Чудо-вещь. Благодаря активным молекулярным структурам и легкому программированию через биоинтерфейс ствол подгоняется под любой патрон и даже снаряд — хоть на Третью мировую с такой пушкой. Несмотря на внушительные размеры, «винт» не отягощает руку, при желании разбирается на отдельно функционирующие части, удобен в обращении. Нулевая отдача. Скорострельность и пробойная сила регулируется. Для слепых — автонаведение. Индикатор опасности. Вдобавок — приятный собеседник, общается с тобой хоть в аудиорежиме, хоть бегущей строкой на выдвижном экранчике (по обстоятельствам). Помогает добрым советом. Лучший друг человека. В Отделе такое не выдают — это трофей. Я когда легом в Интерполе пахал, конфисковал его у чеченского киллера. Тот, по слухам, жаждал завалить питерского мэра — за доброе, душевное отношение к «лицам кавказской национальности»...

Открываю люк на крыше фургона. Вылезаю. Шурик подает мне «винчестер» и болваночку глушака. Заряжаю. Подаю мыслекоманду — один из стволов расширяется.

- Ближе! — кричу Шурику.

Фургон заскользил быстрее, почти коснулся тени, отбрасываемой «До».

Глушак — генератор искажений — отправился по настильной траектории к нагромождению спутниковых «тарелок». Есть контакт.

- Готово. — Спускаюсь в кабину.
- Молодец, — хвалит Шурик. — Теперь будем слушать.

2.0. (5.05.2164)

Подключаюсь к Сети, ныряю в цифровой омут.

Видоплясов круто придумал — потрясти Чебурека. Все равно что нагадить, а после убрать за собой. Костя — мужик что надо. Идеи из него так и прут... Вы не думайте, что я тоже

решил заняться мемуарами (или дневником). Ни фига. Просто — ради порядка. Сильно дисциплинирует. Например, Костя и порядок — вещи несовместимые, как телега с компьютером или шахтер с балериной. Я — другое дело...

Прорываю виртуальную диафрагму. Я в предсетевом пространстве. Добро пожаловать в мир информационной лажи... Мчусь на спутник, а оттуда — в локальную систему «До». Стучусь тихонечко. Стою у двери... А мне не открывают. Ничего, вломлюсь с буром на лихих диффузных софтах. Помехи сейчас играют за мою команду. Один — ноль.

Агония. Хакерская группа Чебурека лихорадочно пытается просечь фишку. Я читаю их сообщения:

НЕ ПРОБИТЬСЯ НА ОРБИТУ, ПРИЧИНА НЕ
УСТАНОВЛЕНА. ВОВАН.

ЧАСТИЧНЫЕ ЛОКАЛЬНЫЕ СБОИ. ГОГОЛЬ.
ПЕРЕКРЫТЫ КАНАЛЫ СОТОВОЙ СВЯЗИ...
НЕ КАЧАЕТСЯ...

Ах, бедняжки!

Вынырываю в пенные буруны реальности. Точнее, в жару и тяжелый спертый воздух окрестностей битумной фабрики.

— Работает подарочек.

— Ну? Что я говорил?! — Видоплясов хлопает меня по плечу. — Звони Чебуреку.

Костя — высокий, жилистый, с гладко выбритым, как у кришнаита, черепом. Орлиный нос — такой же кривой. Пронзительный взгляд, резкие черты лица. Носит нечто среднее между рабочим комбинезоном и армейской формой. Трое суток не бреется. Ну и рожа. Бр-р-р...

О себе ничего не скажу. Напишут в некрологе...

Запускаю поисковик — тот выуживает номер «До». Нет, целую подборку номеров. Код Чебурека выделен жирным курсивом.

— Соединяй, — говорит Видоплясов.

Пальцы прогулялись по клавиатуре.

— Да? — осведомился приятный женский голос. На экране видеофона сформировалась полуобнаженная девушка. Похоже, Гасан вообразил себя падишахом.

— Я хочу поговорить с Рахматовым. — Костя заслонил меня широким торсом, влезая в рамку.

— К сожалению...

— Боюсь, он нуждается в наших услугах. — Костя любезно улыбнулся. — Датчики засекли неладное. Я представляю ОБКА — Отдел по борьбе с кибернетическими аномалиями. А у вас серьезные проблемы, дорогая.

— Покажите ваш и-карт.

Костя показал.

— Номер лицензии — четыре-шесть-четыре-ноль-восемь-шесть-восемь-пять-четыре-три-три. Легко запомнить. Константин Видоплясов. Мой друг — Александр Марченко. Можете проверить в банке данных Департамента Безопасности.

— Секундочку.

Секретарша исчезла. На мониторе завращал кольцами анимационный Сатурн.

— Думаешь, клюнут? — спросил я.

— Клюнут, — заверил Костя.

Ждем. До первой звезды...

Девушка вновь нарисовалась.

— Это ваш фургон внизу?

— Да, — ответил Костя.

— Готовьтесь к подъему, ребята.

Она отключилась.

Мы ударили по рукам.

— Здорово, — похвалил я.

— Через часик — продолжение банкета.

Мы заплыли в тень. Днище гостиницы развернулось, и нас потянуло в подсвеченную ртутными лампами пасть. Замерцали голографические круги, обозначая гравитационную шахту.

— Повелись, — удовлетворенно хмыкнул Костя.

Зев наплывал, заглатывая добычу.

СНОСКА

О МЕРАХ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ УТЕЧКИ ИНФОРМАЦИИ ИЗ СЕТИ, А ТАКЖЕ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН ОТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ СО СТОРОНЫ КИБЕРОГЕННЫХ ВРАЖДЕБНЫХ СИСТЕМ И ОРГАНИЗМОВ
(УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА СКАБ ОТ 12.12.2162 № 327)

В целях обеспечения безопасности юридических и частных лиц от враждебных посягательств президент Суверенного Корпоративного Агломерата Белополис постановляет:

1. Закрепить в Уголовном Кодексе следующее деление кибероидов:

- промышленные (сюда же относятся и бытовые);
- экспериментальные;
- антисоциальные.

Подробности см. в доп. 1.

2. Антисоциальные кибероиды подлежат поимке (ликвидации).

3. Создать специализированный орган по поимке (ликвидации данного подвида, а также выявлению и анализу вредных тенденций в информационном пространстве).

4. Указу придать силу закона.

Действует с момента принятия.

Президент Агломерата Белополис

Т. Миран

ДОПОЛНЕНИЕ 1

Промышленные (бытовые) кибероиды — квазиразумные многоцелевые механические организмы, обладающие примитивным зачаточным интеллектом и запущенные в массовое производство. Обязательные условия: безопасность, отсутствие личных характеристик, наличие программы-ограничителя.

Экспериментальные — находящиеся в стадии разработки.

Антисоциальные — бесконтрольные, обладающие ментальной оболочкой и личностными характеристиками, намеренно нарушающие Компьютерный, Уголовный Кодексы и другие виды законов кибероиды.

ДОПОЛНЕНИЕ 2

Созданный указом орган будет частью структуры Департамента Безопасности Земли. Глава органа подчиняется непосредственно руководителю Департамента.

1.1. (5.05.2164)

С ног до головы обвешиваюсь датчиками, сканерами и анализаторами, засовываю в ухо устройство связи (микрорадиотелефон), другую его часть леплю к губе (всего лишь родинка), подхватываю любимый «винт»... Полюбуйтесь: римский легионер эпохи Юлия Цезаря.

— Не перебарщиваешь? — спрашивает Шурик, имея в виду мою пушку. — Снесут башку секьюрити, подумают, что киллер пожаловал.

— Не подумают, — возразил я, цепляя на грудь фирменный бедж. — Зато правдоподобно. Я же на тропе войны.

— Удачи, — усмехнулся партнер.

— Выходим вместе. — Даю последние инструкции: — Ты шарishiь везде, делаешь умную заточку. Побазарь с Гасановскими сетевиками, поспрашивай, что да как. Затем встречаемся, валим на крышу, нейтрализуем «глушак» и — за пивом. Вопросы есть? Вопросов нет.

Покидаем уютный фургон и оказываемся в ангаре «До». К нам уже спешат верные псы Чингисхана, недоверчиво косясь на четырехствольного монстра в моей руке.

— Тормозите, — говорю, пересекая нездоровые щелчки затворов. — Мы пришли с миром. Давайте выкурим косяк дружбы.

— Видоплясов и Марченко?

Мы киваем.

— Сюда.

Раздвигаются двери. За ними — просторный вестибюль и колонна лифтовой шахты. Мы шагаем в никелево-зеркальное великолепие. Играет восточная музыка, несет пряными благовониями. С нами в кабине четверо мрачных телохранителей. Все в коже, несмотря на ласковую весеннюю погоду и благоприятные прогнозы на завтра.

— Адынадцать, — гаркнул самый угрюмый, судя по бороде — злой чечен, больше уважающий суд Шариата, чем Компьютерный Кодекс.

Снился мне ночью сон. Будто попал я в сказочную страну, а там поджидает меня Кот-в-Сапогах и, мурлыкая, указывает на почти такой же лифт, где красным распылителем намалева-

но на створках: «Приключения по вторникам». Так вот — сегодня вторник...

Стоп-кадр. Мы организованно шествуем в апартаменты Гасана Рахматова. Гостеприимно распахиваются двери. Чебурек — гроза Заднепровского рынка — сидит, по-турецки скрестив ноги, на бескрайнем персидском ковре, пьет чай. Повсюду в живописном беспорядке разбросаны подушки, бутылки, тарелки, проститутки (последние увлеченно поглощают какие-то сладости).

Гасан махнул рукой, и все испарились.

— Сколько? — Авторитет сразу приступил к делу.

— По стандартным тарифам... — Я закатил глаза. — Штука.

— Еврами сгодится? Наличными.

— Сгодится.

— Три.

— Что — три?

— Три штуки.

Меня обуяла дикая алчная радость, но виду я не подал.

— Пожалуй, мы согласны. Но, — я решил сделать значительную оговорку, — «Скальпы» наши.

— Забирайте, — милостиво согласился клиент. — Можете начинать.

Действуем согласно плану. Я шныряю по коридорам, катаюсь на лифте, придирчиво осматриваю электропроводку и вентиляционные каналы, вожу сканером, цепляю повсюду датчики. Какой актер пропадает, герой боевика! Где вы, режиссеры-продюсеры с выгодными контрактами, где ты, глобальная слава? От горестных раздумий меня отвлекает голос напарника в ухе:

— Костя?

— Чего тебе?

— Двигай ко мне. Срочно!

Иду на пеленг. Шурик засел в вычислительном центре на десятом уровне — обиталище местной хакерской группы «Колобок» (сокращенно от КЛБК — Конгруэнтные Линейные Биокосмонавты — бред полнейший). Центр оснащен неплохо, да и планировка грамотная: широкий коридор, полупрозрачные стены, разделяющие рабочие боксы (в каждом — компьютер, выдвижной блок с виртуальным оборудованием, простейший пищевой синтезатор и кресло-вертушка). В случае экстренной

эвакуации толкучки не будет. Боксы тянутся в два ряда, «железо» соединено последовательно. В целом же локалка кольцеобразная (даже моих познаний достаточно, чтобы это просечь).

Шурик за компом в ближайшем боксе, над ним сгрудилась толпа хакеров. Все уставились в монитор.

— Что за фигня? — Расталкиваю зрителя, прорываюсь к корешу. Тот орудует пальцами в сенсорных перчатках по невидимой клавиатуре, на голове древний нелегальный шлем, к черепу подведен биосетевой кабель.

Шурик говорит тихо, вполголоса, чтобы «колобки» не слышали. Но в ушном динамике он звучит отлично:

— Шняга какая-то. Я максимально сузил радиус действия «глушака». Его влияние теперь ничтожно. Но...

— Что «но»?

— Каналы по-прежнему забиты. Помехи никуда не делись...

— Хочешь, сбегая на крышу? — предложил я.

— Не дергайся. Сейчас разберусь.

Шурик погружается в виртуальные глубины. Болельщики трутся за нашими спинами, о чем-то базарят на своем программистском жаргоне. Мне вдруг стало тревожно. Не знаю почему. Шестое чувство, интуиция...

А Марченко — как пианист или дирижер: руки порхают, весь собран, весь — ТАМ.

Я от скуки решил прогуляться, побродить вдоль стеклянных клеток.

— Костя?

— Слушаю.

— Похоже, где-то «сосок» пристроился. Реально говорю.

— Брось, какой, на хрен, «сосок». Надо просто «глушак» вручную отключить. Без всяких там радиовыкрутасов.

И тут завоняло горелой изоляцией. Я втянул запах ноздрями, а тревога уже вспучивалась в крови адреналином. Первая машина взорвалась, брызнув искрами, в дальнем конце коридора. Затем компы начали разлетаться по цепочке и по кругу. Получался своеобразный захват. А на перекрестке, естественно, гвоздем торчал Марченко. Он ничего не видел и не ощущал — ЗДЕСЬ. А с двух сторон его бокса неслись, приближаясь, глухие хлопки. Завоняло пластиком.

— Саня, назад! — заорал я. — Выходи!

Реакция яванского божка. Похоже, напарник близок к Нирване.

Хакеры вжимаются в пол. Прыжок — и я рядом. Жму «эскейп». Два раза. На дисплее высвечивается:

ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ...

Да, хочу. Аста лависта, ублюдок. Выдергиваю биос из чрепа, хватаю друга вместе с креслом и откатываю в противоположную клетку.

— Сдурел?! Я его почти...

— Заткнись! Он тебя — почти.

Комп, за которым работал Шурик, осыпает нас микросхемной крошкой. Прямо в лицо плюнул, гад.

— В меню жареные мозги, Саня.

С потолка заморосил дождик, полезла из щелей пена — старая добрая пожарная автоматика...

Шурик оклемался и тянет меня за рукав:

— Пошли.

— Куда?

— В фургон.

— Надо «глушак» забрать.

— Успеем.

Двинули было к лифту, но тут я сообразил: не стоит. Вспомнил прошлые ошибки... Аварийные трапы вынесены на внешнюю стену летающего притона. Спускаемся, гремя башмаками. Злобно скалятся урбанистические прелести Полесья, веет легкий радиационный ветерок. А вот и очередная достопримечательность — законсервированная атомная электростанция, построенная и аукнувшаяся вторым Чернобылем полтора столетия назад. Солидная приземистая постройка, монолит реактора — романский стиль эпохи постмодерна. Вокруг — мертвые километры пустыни с выпирающими кое-где гранитными столбами и протянутой между ними колючей проволокой. Подъездные пути занесло барханами, шпалы сгнили, рельсы проржавели, печально доживал свои дни остов дрезины. «Бриз» доносил запахи египетских пирамид. Сразу за пустыней смыкали ряды деревья-мутанты...

Люк-пломба открывался вручную. Через него мы влезли в ангар. Потом — в фургон. Шурик достал свой костюм, «кар-

навальную маску», перчатки-сенсоры и приступил к облачению. «Маска» — тот же шлем, только лучше. А у Шурика — последняя модель от «ГлобТелеКома» — нынешнего монополиста в виртуальной среде.

— Уверен? — говорю я.

— Уверен. — Шурик натягивает «маску» и делается похожим на венецианского гондольера. — У нас же автономный спутниковый порт. Взрывные фокусы не повторяются.

Он входит.

На мониторе отражается потусторонний цифровой бред. В нем мельтешит фигурка-аватара моего сетевого.

— Ты где? — спрашиваю я.

Он улыбается.

— Вывожу схему кабельной структуры «До».

В воздухе над приборной панелью замерцала голограмма — каркас из зеленых линий.

— Это не трехмерные шахматы, Костя. Перед нами оптоволоконная паутина — пастбище для выпаса «сосков».

В верхней части голограммы засветилась красная точка. Ярко вспыхнув, она затопила рубиновым соком все каналы.

— Чего это он?

— Всплеск активности. Чувствует мою десницу, — пояснил Шурик.

Теперь паутина пульсировала, наливаясь недобрым багрянцем.

— Жрет?

— Нас ищет. Точнее — меня. — На лице Шурика отразилось недоумение.

— Ты его засек? Успел?

— Да. На крыше. Он ломится одновременно к орбите и в мои мозги.

Дисплей показывал закрученный спиралью тоннель и ползущие по нему трещины. Мультик для дегродов.

— Воздвигаю мыслеблок. — Партнер любит комментировать свои действия, ему даже наплевать, слушают его или нет. Театр одного актера...

В следующую секунду он ЗДЕСЬ. Дышит тяжело, биометрические показания оставляют желать лучшего.

— Он меня атаковал!

— Ты или он. Все правильно, — успокоил я.

Хватаю «винт» и — через люк — на трап. Над головой — высоченная стена, разбитая на квадратики окон. Атомная станция успела изрядно отползти за корму. Внизу красуется безымянная замороженная стройка — территория бомжей-мутов.

— Ну что, повеселимся? — обращаюсь к «винчестеру».

— К труду и обороне готов.

На седьмом этаже оконные рамы резко втянулись в пазы. Вентиляционная система затеяла внештатное проветривание: кого-то выдуло из соседнего номера, а меня затянуло воздушной воронкой и долбануло сначала о дверь, а затем — о прутья решетки, где я оказался распят, как Христос. В голове помутилось, но оружия я не выпустил. Зову на помощь, и Марченко вырубает энергию — частично. Я падаю на линолеум. Щека пухнет — от контакта с дверью, спиной чувствую отпечатавшиеся квадратики. С опаской выглядываю из окна — вроде все нормально. Продолжаю свой путь медленнее, крепче держась за поручни.

Но ведь сегодня вторник, а значит, приключения манят и зовут. Лестница, лязгнув, начала складываться. Телескопические сегменты втягивались друг в друга, боковая перекладина больно ударила по ладони. Я врубился: еще немного — и меня зажмет. Перемахиваю через ограждение и зависаю над бездной. На одной руке. Во второй «винчестер». Трап сузился — теперь не шире локтя. Смотрю — движется к стене. Засада. Ну ничего: поднимаю ствол верного товарища и выстреливаю синтетический трос с магнитной «кошкой» на конце. Трап исчезает в нише, а я болтаюсь, как сопля. Щурюсь на солнце. Вверху что-то чернеет. Так и есть — ползет по мою душу стекольный робомойщик. Перебирает лапками по тросу, тот слегка пружинит. Я представил себя мухой, а безобидного «бытового кибероида» — пауком, подбирающимся к жертве. Как он меня убьет? Окропит моющим раствором и прицепится к ногам. Общего веса я не выдержу. Прощай, солнце...

Нет, не прощай. У «винчестера» же четыре ствола. Отправляю по вертикали подарочек — бронебойную разрывную. Кибернасекомое скукожилось и полетело ко мне, попутно разваливаясь на части. Раскачавшись, я спружинил от стены. Вражеские обломки промчались мимо. Адио, мучало. Мягко касаюсь стены. Мыслекоманда — трос наматывается на катушку.

Крыша встретила меня спокойно. А вот противник...

Посреди плоского черного ромба установлено с десятков «тарелочек». А над ними — полупрозрачный купол. Вроде мыльного пузыря.

— Жги, — командует Шурик.

«Винт» превращается в огнемёт, и пламя выхаркивается из всех четырех стволов. Живая плоть (полимер?) расплескалась студнем по крыше, попыталась просочиться сквозь нее. Я все спалил. Оказалось, похожей дрянью покрыт и навигационный радар — его я тоже обработал.

— Исполнено, — рапортую вниз.

— Теперь спускайся.

— Что?

— Спускайся. Надо добить гада. Ты уничтожил его отросток, а мозг — на четырнадцатом этаже.

— Шесть маршей. Как я, по-твоему, спущусь без трапа?

— Я контролирую лифт.

— Точно?

— Сто пудов. Вали в кабину.

Цилиндр шахты разместился за радаром. Грузовик. Я вызвал платформу — латаную-перелатаную железяку со следами недавней сварки.

— Готовься к перегрузкам, — предупредил Шурик.

К горлу подкатил ком, когда платформа ухнула в вакуумную трубу.

— Свободное падение? — выдавил я.

— Твое любимое.

Лифт замер. Меня чуть не расплющило.

— Ну, Саня, — сдерживаю злость, — хакер хренов...

— Сброс, солдат. По тебе скучают минные поля.

За створками простиралась полутемная подсобка. Где-то под сводом мерцали ртутные панели.

— Где я?

— Похоже, на складе, — ответил Шурик. — Подожди секундочку. Взламываю кодовый замок, третий уровень безопасности.

— Это что — секретный пентагоновский бункер?

Он промолчал.

Я осмотрелся. Контейнеры. Повсюду ярусы вакуумных контейнеров, герметичных, многослойных — в таких обычно перевозят фармацевтические препараты.

В «родинку» на губе вмонтирована также микроскопическая видеокамера — так что Марченко прекрасно видит ящики. И комментирует:

— «До» славится турецким гашишем, Костя. Хочешь косячок? Еще про героин слухок метнулся...

— Нет, спасибо.

— Путь свободен.

Я в коридоре. Здесь оживленно. Индийская музыка, снующие постояльцы — армяне, чечены, африканские колдуны... Дверные проемы занавешены коврами на восточный манер.

— Направо, — сказал Шурик.

Сдвигаю ковер: клубок обнаженных тел, протяжные стоны. Ясно, тут обосновались любители групповичка.

— Гости из Буркина-Фасо, — раздался голос Шурика. — Я добрался до регистрационных файлов. Извини, ошибочка.

— Куда теперь?

— Дальше по коридору.

На мой визит никто не обратил внимания...

Сворачиваю.

— Направо, — командует Шурик.

— Уверен?

— Пошевеливайся.

За ширмой с японскими иероглифами — ресторан. Совершенно пустой, если не считать скусающего узкоглазого официанта в кимоно. Биотик? Нет, похоже — нормальный человек. Вдоль стен — голографические драконы и символы «инь-ян» (так в Китае или Японии?), суровая эстетика самурайского жилища. На видеообоях — ослепительное сияние фудзи, цветущая сакура. Надпись на ширме, скрывающей кухню:

Долгий путь пройден
За далеким облаком
Сяду отдохнуть.
Басё.

— Красиво, — сказал Шурик. — Кстати, ресторан называется «Облако». Иди на кухню.

Честно говоря, не представляю, как партнеру удалось взять все под контроль. «Сосок» прекратил атаки? Сосредоточился

на мне? Агонизирует? На «винте» загорелся индикатор опасности, а я уже вплотную приблизился к японцу. Тот поигрывал поварским ножом — двадцать два слоя стали, цена — штука баксов (триста евро). В телешоу кулинары ловко шинкуют такими игрушками полуметровые фаллические огурцы. Я насторожился. «Винт» выпростал монитор:

АГРЕССИВНЫЕ ЭМОЦИИ. КВАЗИИНТЕЛЛЕКТ. СИНТЕТИЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ — ВРАГ...

Японец провел уширо-гери-кекоми. Нога вписалась мне в грудь, а я, в свою очередь, разгромил легкий складной столик. Азиат прыгнул, сжимая нож.

— Самонаведение, — сказал я.

Четыре ствола наспиговали его свинцом под завязку. Я откатился, и его тело рухнуло рядом. Вместо крови потекла зеленая жидкость, густая и дымящаяся. Я брезгливо поморщился, поднимаясь.

— Спасибо.

— Если враг не сдастся, мы его уничтожаем, — процитировал «винчестер».

— Народная мудрость?

— Максим Горький.

Вхожу на кухню.

— Осторожно, — предупреждает Шурик. — Он здесь.

Замираю на пороге. Кухня деловито урчит, нарезает, жарит, варит, взбалтывает, тушит, разливает и накладывает — в автоматическом режиме. Универсальный комбайн. А где же творческий процесс? Где парни в белых фартуках и колпаках с волосатыми загорелыми руками? Нигде. Канули в небытие, ушли передачи типа «Приготовь себе сам» или «Утренняя вкуснятина».

На микроволновке вспыхнула красная лампочка — росло напряжение.

— Хочет взорвать печурку, — сказал Шурик.

— Где он?

— Прямо перед тобой.

Я не рассуждаю и не мудрую. Просто вскидываю «винт» и выстреливаю электромагнитным пучком повышенной концентрации. У человека вышибает память, а у «соска» разрывает все цепи. Верная смерть для антисоциального кибероида.

Кухня взбесилась. Я вжался в пол, а надо мной летали ножи, вилки, посуда, куски недожаренного мяса... Заискрился тостер и выплюнул очередь гренок, бухнула в дальнем углу микроволновка, и меня осыпало пеплом изысканного блюда...

Потом стихло.

Я для верности полежал еще с минуту. Поднял голову. Выпрямился. Сделал шаг, чуть не поскользнувшись на морской капусте. Обогнул суповую лужу и приблизился к встроенному в стенную панель программному терминалу.

— Открывай, — подбодрил Шурик. — Три «пробела» и «энтер».

Набираю команду. Панель с щелчком уходит в паз. Обнажается ниша, чуть подсвеченная. Переплетение проводков, микроскопические платы, слоты, кишка оптоволоконного сетевого кабеля и... сморщенный кожистый мячик серого цвета с торчащими лапками-штекерами. Или щупальцами, псевдоподиями... Я не биолог. Я — «собачник». Поэтому вырываю «мячик» из гнезда. Он больше не опасен.

Трудно поверить, что в этом комке могла сосредоточиться небывалая ментальная мощь. «Соску» под силу контроль целых комплексов, предприятий. Он питается информацией: поглощает ее, переваривает, берет что-то полезное, а прочее выбрасывает обратно в Сеть в виде беспорядочного битового «излучения». Своеобразный эфирный кал. По этим остаточным следам и обнаруживают «сосков». А еще — по их воздействию на системы... Странная жизнь. Абсолютно чуждая. И в то же время — плод нашего технического прогресса, почти что — дети. Но дети, от которых отказались и не хотят пускать в свой круг. А они всюду пытаются вписаться, ведь они не могут без нас, как тараканы, крысы или бактерии. Паразиты цифровой эпохи...

— Лопата — боевая спутница солдата, — заметил «винт», когда я надрезал разделочным ножом «кожу» мертвого «соска». Потекла кровь. Я решил, что «соски» похожи на ежей — только вместо колючек проводки. Выкрутасы киберорганической эволюции.

Вскрытие принесло мне долгожданный «скальп» — кристаллический процессор, смахивающий на игральную кость. Или спичечный коробок — их часто выставляют в музеях. Нет, все же нечто среднее.

Я тщательно вымыл руки, испачканные в слизи и крови, затем нашел салфетку и вытер «скальп». Сунул в нагрудный карман.

— Браво!

Я обернулся. В проеме стояли Шурик и Гасан Рахматов. Последний с интересом оглядывал поле боя. Я швырнул к ногам авторитета тельце скальпированного кибероида. Чебурек ткнул его носком туфли.

— Он?

— Он, — подтвердил я.

Рахматов задумчиво почесал затылок.

— Натварыли вы дел, ребята.

— Не мы, — поправил Шурик. — Это дерьмо.

— А чѐм правынылся мой афыцыант?

— Им управляли с кухонного терминала? — спросил я.

— Да.

— Вот и ответ.

— Учтем.

Гасан покачивал головой, оценивая нанесенный ущерб. Я нарушил скорбную инвентаризацию:

— Как с оплатой?

— В порядке, — сказал Шурик. — Сумма уже переведена. Помолчали.

— Надо вызвать опергруппу, аналитиков, — сказал я.

Гасан насупился.

— Ты уверен, братан?

— Так положено. Не напрягайся, это не леги. Спецы из нашего отдела. Вроде ученых.

При упоминании ученых авторитет заметно успокоился. Для него «конструкторы цивилизации» — обычные лохи.

...Позже мы с Шуриком сидели в баре на противоположном краю «До». Бар разместился на открытой террасе с искусственной зеленью. Иллюзия присутствия в тропическом лесу. Пальмы, орхидеи, девушки в бикини...

Заказали по пиву. «Любаньское», разумеется, у меня устойчивые вкусы. Я отхлебнул из банки и зажмурился.

— Отстаем, Костя, — буркнул партнер. — Похоже, враг совершил очередной скачок. Соображаешь? Они научились путешествовать по Сети и теперь равны нам.

— Глупости, — возразил я. — Единичный случай. Редкая мутация.

— Может — первая ласточка?

Я пожал плечами.

— И что с того? Будет сложнее их убивать. Переоснастимся, закупим свежие софты. Расслабься.

— Он меня чуть не замочил. Теперь МОЕ сознание превращается в компьютер, который можно взломать. Просекаешь? Это уже не охота. Война. Кто кого.

— Ничего, повоюем. — Я зевнул. — Нам не привыкать.

На крышу садился гравимобиль с эмблемой Департамента.

2.1. (6.05.2164)

Вадим Широв с ником Шаман живет на западной окраине Могилевской зоны в корпусах, выстроенных Академией Наук. Точнее — в корпусе № 26. Он же — Кедровая башня. Квартира 6, этаж 326-й. Добираться туда — сплошное мучение, если не имеешь собственного вертолета. Потому что лифт запрограммирован на самый медленный ход — вдруг заползет инвалид в кресле-каталке или экзоскелете... На подъем я затратил сорок минут, слушая «приятную» попсовую музичку и внимая голографической рекламе. Изредка меня тормозили попутчики, но кабина тащилась лишь в одном направлении — вверх, иначе бы я никогда не достиг заветного пункта.

Башня в целом оправдала свое название: проектировщики намеренно создали иллюзию попадания в дупло гигантского дерева. Все эти неровности и шероховатости, дверные ручки в виде сучков... Окна, интерьер — как из мультика про гномов или мишек Гамми. В остальном же — полноценный жилой комплекс с массой электроники и коммуникационных каналов в «коре». Интересно, Шамана прикалывает обитание в детском саду? Вот-вот из-за угла вырулит добрый доктор Айболит или нарисуетсся дятел — знаменитый лесной санитар...

Вхожу в очередное «дупло» — квартиру Вадика. А дверь-то на звук реагирует (Шаман еще на прошлой неделе вложил в домашнюю память мой голос), не забывая просветить гостя на предмет оружия и вживленных имплантатов, просканировать сетчатку глаза и хрен знает что еще с ним совершить.

— Привет, Вадик!

— Привет!

Он один. Ни семьи, ни детей. Только редкие мимолетные увлечения — подруги обычно не задерживаются у него дольше месяца.

Квартира Шамана — совсем другое кино. Псевдокедровые панели содраны, встроенная аппаратура, холодильник, бар, мебель — классика урбанического утилизма, ничего лишнего; каждая деталька имеет свою функцию. Исправно работают кондиционеры.

— Садись.

Из пола выпрыгнуло кресло. Вроде надувное. Я сел.

Шаман развалился на выдвижной кушетке у окна с видом на Быховский район (я слышал, реальный, «исторический» Быхов находился южнее, но ведь в Белополисе границы и города давно стерлись, слились в единый организм, и многие названия теперь условны, относительно).

— Ну, рассказывай. — Шаман щелкнул пальцами, и потолок над нами развернулся, выпуская поднос на антигравной основе. На его полупрозрачной поверхности лежали два «колеса». — Угощайся.

— Спасибо. — Я взял салатовую шайбочку, повертел в пальцах. — Что за ерунда?

— Новый сорт. Глюки самые невероятные, отходняка никакого.

— Шутишь?

— Без балды. Подарок из Колумбии. На рынке пока нет, но планируются стабильные поставки.

Я проглотил таблетку.

— Когда начнется?

— Этого никто не знает. Для каждого — индивидуально.

Шаман проглотил свою дозу, довольно оскалился:

— За встречу!

Да, это не водку распивать. Интеллигентно и со вкусом. Стил Шамана.

— Ну давай, колись. — Он нажал утопленную в стене кнопку и распахнул окно, впуская закатные лучи и свежий ветер с заоблачных высот. — Где устроился?

— Я «собачник», Вадим. «Отдел по борьбе с кибернетическими аномалиями».

— «Крыс» ловишь и прочую дрянь?

Я кивнул.

— Молодец. Тоже надо.

Набившая оскомину обывательская фразочка. Расшифровывается: «Ты, конечно, бомж и неудачник, помойный дед, но я тебя люблю как друга».

— А ты?

— Пашу на Академию. Информационные исследования. Альтернативы Сети, направления ее развития. Тенденции. Знаешь, ведь ничто не вечно на Земле... Получил грант.

Мы с Вадиком учились на одном курсе в колледже программирования. Только у меня специальность — сетевой поиск, а у него — аналитик широкого профиля. Что это значит? Без понятия. Но мозги у Шамана организованы на порядок круче, чем у большинства населения агломерата. Если я бултыхаюсь на отмели инфоокеана, то он хищником носится где-то в его глубинах, ныряя во впадины и составляя карты барьерных рифов. Я никогда не въезжаю, говорит он серьезно или нет. Может, и сейчас я проглотил не сильный психоделик, а подкрашенный аспирин.

Далеко внизу с вертолетных площадок взмывала юркая стрекоза, шелестя крыльями-лопастями...

— На рубежах науки? — с иронией осведомился я.

— На рубежах... — задумчиво повторил он. И вдруг: — Знаешь, Саня, все течет, все меняется. Я уже говорил?

— Гераклит говорил.

— Пусть Гераклит. Я думаю, маленькая революция совершается каждый день, но мы этого не замечаем. ВЫ не замечаете. А я вижу прекрасно. И сам эти революции строгаю. Ленин и Билл Гейтс одновременно. Как сравнение?

— Что-то есть.

— Вот. Но Ленину нужны сподвижники. У меня нет возможности подолгу рыться в Сети, когда не хватает данных. Это предложение, Саня. Я предлагаю тебе работу. Сколько платит Департамент?

— Не важно.

— А все-таки?

— Как повезет, — нехотя признался я. — Зависит от «скальпов».

— Что такое «скальп»?

— Процессор. Мозг кибероида. За каждый — от трехсот до пятисот евро.

Шаман помолчал, делая в уме подсчеты.

— Понятно... В любом случае Академия заплатит больше. В мой проект вбухана уйма ресурсов. Присоединяйся.

— Дай подумать.

— Думай. Крайний срок — пятница. У меня есть и другие кандидаты... Ладно. Хочешь жрать?

Легкое переключение с темы на тему. Узнаю старого друга.

— Хочу.

— Двигаем на кухню.

Полностью автономный блок, замкнутая система, не связанная с Сетью. Терминал — копия «облачного». Шаман загрузил названия блюд, и мы сели за стол-тумбу — призму, выросшую из паркета. Вокруг деловито жужжали механизмы, из микроволновки сочился аппетитный запах. В столешнице образовалось отверстие, оттуда выскочили дымящиеся тарелки. Омлет с помидорами и черным перцем, макароны по-флотски, молоко в пакетах. Мы принялись за еду.

— Ты ко мне с вопросами пришел, — сказал Шаман с набитым ртом. — Правильно?

— Правильно, — согласился я.

С чего начать? С «До»? Или со статистики? Пожалуй, с первого.

— Вчера мы провели операцию... Я и мой партнер. Брали «соска». Слышал о них?

— Слышал. Продолжай.

— Он напал на меня. В виртуале. Понимаешь? Мы ведь как действуем: я выщемливаю уroda, локализирую его и, если удастся, взламываю. А Костя идет за «скальпом». Четко отработанная схема. Сбои... ну, процентов десять — они ведь развиваются, мутируют. Эволюционируют. Или, точнее, — модифицируются. Это нормально. Естественно.

— Согласен.

— Но, похоже, произошел скачок. Я чатовался с другими парами. Все — вольные наемники, как и я. Нападали и на них. Я пишу софт — блокировщик сознания. На первое время. А вообще — послал заказ ребятам в Отдел.

— Нападали?

— Да. Они научились перемещаться по Сети. С одной лишь разницей — кибероиды ментально сильнее нас. Гораздо сильнее. Я чудом остался жив. Мой аватар стерт.

— Та-ак. — Шаман хлебнул молока. — Уже интересно. Похоже, противник вытащил туз из рукава, причем козырной... Это все?

— Нет, не все. Согласно статистике, в Белополисе за день ликвидируется примерно пятьдесят «сосков». Это мелочь по сравнению с забытыми «крысами» и территорией, занимаемой агломератом. Верхняя часть айсберга. Но... виртуальных атак вчера было больше! Зарегистрировано четыреста случаев. Многие охотники мертвы.

— Поголовье растет, — усмехнулся Шаман.

— Пока они разобщены, — сказал я. — Атаки не скоординированы. Я к тебе, аналитику, обращаюсь: способны они объединиться?

— Вопрос понял. — Отставив пустую тарелку из-под омлета, Шаман взялся за макароны. — Отвечаю. По сути, кибероиды давно являются разумной расой. Мы не хотим этого признавать, а зря. «Соски» — высшая каста, вожди, организаторы. «Крысы» — солдаты, армия. Есть и рабочие — так называемые легальные, промышленные кибероиды.

— Что?!

Я чуть не подскочил.

— Спокойно, Шурик, остынь. Подумай: кто ближе паукообразному строителю? Ты? Я? Конечно, нет. Подобное к подобному. Зверь к стае. А разум подчиняет плоть. Процессор повелевает механизмом. Логично? У всех промышленных двойное дно: вкалывая на нас, они не забывают и о своих. Ты когда-нибудь бродил по Полесью? Видел, что там творится?

Я покачал головой.

— Прогуляйся на досуге. Обогапись познаниями.

— Постой, — перебил я его. — Нестыковочка. Если они управляют всей человеческой техникой — почему мы еще живы? Мы их мочим, а они нас жалеют, так получается? Отдать приказ — и тысячи, миллионы рабов раздавят нас, превратят в кровавую кашу. Я не прав?

— Прав. По-своему. Кибероиды не дураки. Мы им чужды, они нас ненавидят, согласен. Но мы — создатели техносферы. И без нас она перестанет функционировать. Перестанет воз-

никакая информация. Закончится еда. Упадок, голод, смерть. Выгоднее позволить людям жить и кормить себя, жертвуя отдельными особями. Ты ведь сам сказал, что дневной улов Отдела — лишь макушка айсберга. Истребить «сосков» не удастся, придется их принять как неотъемлемую часть мироздания. Пока.

— А потом?

— Потом... Два варианта. Первый: кибероиды сами научатся творчески мыслить, генерируя информацию. Тогда человек превратится в рудимент и будет отторгнут техносферой. А она пожрет самое себя.

— А второй?

— Тут сложнее. Если равновесие продлится долго... Я вижу тенденции к возникновению сетевого разума. По моим прогнозам, это может случиться уже через сто—двести лет. А может и не случиться.

— То есть?

— Представь себе картину: люди выделяют информацию, «соски» ее поглощают, выбрасывая беспорядочные потоки битов. Вроде фонового «излучения», цифровая статика. Биты шлестятся по эфиру и оптоволоконным кабелям... Но ведь существует закон сохранения, да? Биты случайно складываются в байты. Глядишь — образуется кусок программного самообучающего кода. Рано или поздно возникает вопрос — КТО Я?

Я потрясенно молчал.

— Ничто никуда не девается, Саня. Мы отслеживаем наиболее мощные битовые потоки. Так что если подобная структура и родится — мы будем знать. И примем соответствующие меры. Все данные о цифровых течениях — в моем компьютере.

— Они опубликованы?

— Конечно. На сервере Академии.

— А почему...

Я хотел спросить, почему сведения такой важности не предоставлены Департаменту, но не успел, с ужасом обнаружив, что в моей тарелке шевелятся глазные яблоки на нитевидных щупальцах. Я замер с занесенной вилкой.

— Есть! — радостно заорал Шаман. — Началось!

Пространство кухни преображалось. Шкафы, тостер, хлебозаточка обернулись вдруг страшными монстрами, которые, клеща дверцами и дико вращая индикаторами, угрожающе

мычали. Явно не с добрыми намерениями подкрадывалась к моей ноге микроволновка. Стол потек, превращаясь в гору студня. Приемное отверстие поглотило наши тарелки и довольно заурчало.

— Здорово! — восхищался Шаман. — Вот это бабы! Видишь пляж?

— Какой пляж?

— Обыкновенный. Море, золотой песочек... Телки голые... Сжав кулаки, я отступил к двери.

— Саня, ты чего? — Шаман заржал. — Ну у тебя и рожа! Поглядишь-ка в зеркало!

Я выметаюсь в коридор. Зеркало вроде улыбается (хотя как оно может улыбаться?), а в нем — Я. Рот на щеке, треугольный глаз на месте рта, ухо, сросшееся с носом.

Я закричал.

На крик выбежал Шаман.

— Саня, спокойно. Идем, с классной подругой познакомлю.

Из-за его спины выглянул холодильник. Подмигнул.

— Он пришел за мной? — Я ретировался в спальню. — Не подпускай его, Вадик!

— Это же Надя. — Шаман обнял холодильник за «талию». — Снимем на ночь?

— Не-ет!

— Ладно. — Шаман вздохнул, похлопал по задней части холодильника и сказал: — Свободна.

Холодильник обиженно отвернулся и, виляя конденсатором, зашагал прочь. Я перевел дух.

— Идея! — Шаман прямо светился. — Миры Чедвика.

Он потащил меня в свой кабинет. Пустая комната с голыми стенами. Из обстановки — расстеленный на полу пленочный монитор (плазменный, на полимерной основе), сенсорная клавиатура и, пожалуй, все.

Сквозняк по-прежнему гуляет по квартире. Я поежился.

— Миры Чедвика. — Шаман сел, скрестив ноги по-турецки. Я последовал его примеру. — Никогда не слышал?

Из стены выскочили два куба. Раскрылись лепестки, вываливая содержимое: новенькие костюмы от «СИМОТИ».

Оделись.

— Сетевой заповедник, если угодно, — продолжил Шаман. — Для тех, кто хочет расслабиться. Тысяча реальностей. Сейчас мы нырнем в каталожный буфер.

Я вдруг ощутил каждой порой, клеточкой своего тела давящую громаду Кедровой башни, ее жгучее желание переварить, усвоить меня. Дерево-людоед, жуткий триффид...

— Готов? — спросил Шаман.

— Поехали.

Мы ныряем.

Бескрайнее море, плеск волн, огненный закат. И на этом фоне — подвешенные иконки. Я заметил рядом тень — зависшего в метре над пучиной Шамана. Точнее, его аватара — виртуальную личность.

Мы потянулись к еврейской звезде с надписью «СЕТЕВОЕ ОКРУЖЕНИЕ». Звезда вывернулась наизнанку топографической фигурой, демонстрируя свое содержимое — соты. Шар, глобус, изнутри геометрический улей. Мы нырнули в одну из ячеек — и оказались в каталожном буфере.

Миры.

Сотни выстроенных по алфавиту названий. На эсперанто.

— Выбирай, — предложил Шаман.

Мы отправились — каждый в свое путешествие.

Реальность фрактала. Структура, замкнутая на себя, потрясающая красота цифровых полипов. Я замороженно падаю в бездонный колодец, а вокруг меня разворачивается чудо.

Юпитер. Большое Красное Пятно, станции, добывающие жидкий водород, чудовищные ветра и кислотные дожди, убийственная гравитация, от которой меня защищает скорлупа «Зевса». Веер спутников, поглощенных атмосферой, тонущих во мраке...

Льды и океаны Каллисто.

Портовый кластер Ганимеда...

Средиземье.

Татуин.

Маджипура.

Солярис.

Рама.

Бейрут.

Токио.

Цейлон.

Меркурий.

Суматра.

Каир.

Пекин.
Атлантида.
Водный мир.
Улан-Батор.
Рим.
Афины.
Спарта.
Троя.
Арктика...

Мы встретились с Шаманом на Адриатическом побережье. После того, как змей пожрал Лаокоона.

— Хочешь поговорить с богом? — спросил Шаман.

— Хочу.

— Эй, Нептун!

Море вспучилось, являя лицо. Прибой пророкотал:

— Слушаю, смертные.

— Скажи что-нибудь!

Синие губы шевельнулись:

— Лучшие аккумуляторы для гравимобиля — на станциях техобслуживания «Мицубиси».

— Я хочу знать свою судьбу, бог! — крикнул Шаман.

— Это к пифиям...

Напоследок нас обдало солеными брызгами.

Тогда мы отправились на край земли, подрались с Гераклом и освободили Прометея. Свернули шею орлу...

Итака.

Сельва.

Рио-де-Жанейро.

Марс.

Кабул.

Аустерлиц.

Вечность.

Арктур.

Кольцо.

Пирамидальный мир.

Река.

Мы поговорили на перекрестке истин с Буддой...

Мадрид.

Ватикан.

Дели.

Теночтитлан.
Трансильвания.
Утопия.
Луна.
Лабиринт Минотавра.
Карфаген.
Тридевятое Царство.
Стальные пещеры.
Парамарибо.
Венера.
Статовариус.
ЭСКЕЙП.
Я не выдержал.

Каждый из этих миров еще жил во мне. Перед глазами крутился радужный хоровод... Сколько я там пробыл? Час? День? Тысячелетие? Не знаю.

Гуляет сквозняк. На город спустилась тьма. Редкие искорки в небе и огненное зарево на земле. Между землей и небом война...

Отсоединяю биос, снимаю костюм и «маску». На ковре-мониторе шторм.

— Ну как?

Шаман вынырнул раньше. Смирно сидит в углу.

Я молчу. Разве не ясно?

Глюков больше нет.

— Закончилось? — спрашиваю.

— Наверно.

Поднимаюсь.

— Пора мне. Пойду.

— Иди.

Я пересекаю комнату.

— Саня?

— Что?

— Есть и третий вариант.

Стоп. Оборачиваюсь. Шаман доволен. Он меня заинтересовал. Теперь я прикован к нему.

— Мой проект. Альтернатива.

— Чего?

— Всего. Хочешь покажу?

— Что ты покажешь, Шаман?

Странные сны наяву? Третий путь — исход в миры Чедвика? Набором байтов в пищу «соскам»... Не для меня. Не для Кости. Но ведь глупо воевать с мельницами техносферы. А она с каждым днем приобретает все более одушевленный характер. Да это же основа нашей цивилизации, Вадим! Что там грузил Марко про базис и надстройку? Сеть, информация, оптоволоконные кабели и Центры коммуникации, базовые передающие станции — вот наш базис. Убери его — и рухнем в средневековье.

Шаман словно прочитал мои мысли:

— Другое, Саня. Не Чедвик. Совсем другое. Нас еще не было, динозавров не было... А она вбирала, впитывала все: образы, звуки, запахи, законы природы, души. Я говорю об Инфосфере. Не суть важно. Она везде. В каждом из нас. В комнате. На улице. Потрясающий массив данных. Срок — миллиарды лет.

Я был поражен. С какой легкостью он об этом сообщил! Действительно, зачем Сеть, когда есть... ТАКОЕ.

— Все, что мы создали в ней, — продолжал Шаман. — Не знаю, насколько далеко простираются ее границы, но на орбите плотность уменьшается. Природа? Есть несколько гипотез: тахионное, лептонное образование... Вероятно — часть гравиполя. Я открыл его.

— Чушь! — Я сморщился. — Давно подозревали. Вернадский...

— Да, согласен, — перебил Шаман. — Не хватало малости. Интерфейс, друг мой. Как воспользоваться этим богатством? Я молчал.

Голос Шамана стал торжественным:

— Вадим Широ́в представляет компьютер нового поколения.

Он взмахнул руками. Теперь я заметил вживленные в пальцы Шамана имплантаты — стальные кружки с черными точечками.

— Средство коммуникации, — пояснил Шаман. — Нервные сигналы преобразуются в команды, передаваемые по лазерному лучу. Аналог клавиатуры. Правда, гораздо лучше.

Десять стрел метнулись от его кистей. А нас уже замкнул в себе мерцающий кокон, переливающийся всеми цветами радуги.

— Сфера голографического интерфейса, — сказал Шаман. — Единственная визуальная часть молекулярного компа.

Лучи врезались в изогнутую сияющую поверхность, начали рисовать неведомый узор.

— Нанотехнологии, парень. Молекула-процессор плавает где-то рядом. Как тебе нравится монитор? Не вирт, конечно... Хотя со временем я думаю обеспечить полный ментальный контакт.

— Он связан с Инфосферой? — спросил я.

— Да.

Кокон сменил окраску на ярко-огненную.

— Древнейшая, естественная Сеть, — сказал Шаман. Он был сейчас похож на паука, ткущего паутину. — Как солнце, как ветер. Но только на теперешнем этапе развития мы способны с ней взаимодействовать. Вот... одна из самых ранних записей. Файл «Сотворение мира».

Я не мог до конца в это поверить. Передо мной разворачивались пылающие панорамы, первозданные, залитые лавой территории. Еще даже не территории, а нечто аморфное...

Изображение сменилось.

Теперь я видел джунгли Юрского периода, буйство зелени, струи самого зверского тропического ливня, тяжелое, набрякшее небо и массивную тушу, пробирающуюся среди деревьев. Запахи... я чувствовал запахи! Приторные ароматы цветов, запахи гниения, невероятная чуждая смесь... Звуки... Шорохи, сливающиеся с монотонным шумом дождя, треск веток, гул падающей воды... жара. Я физически ощутил удушающую жару той далекой эпохи. Ливень промочил меня до нитки. Где кокон? Я же там! Там, по колено в бурой жиже, вслушиваюсь в пульс леса...

— А вот наше, родное. — Голос Шамана донесся откуда-то издалека. — Узнал?

Другая картина. Цифры. Я, абсолютно сухой, даже не вспотевший, стоял посреди глобуса, намалеванного двоичным кодом. Единички и нули струились, сменяя друг друга в сумасшедшем ритме.

— Битовые течения, — пояснил Широ́в. — Те, о которых я говорил.

Смена кадра.

Тесная комната, а в ней два человека, окруженные голографическим пузырем.

— А это мы!

Цифры продолжали свой бег, служа теперь фоном. Я смотрел на себя — растерянного и жалкого.

— Вот тебе альтернатива, Саня. Будущее человечества. Инфосфера вычеркнет кибероидов из нашей жизни. Пусть тусуются в умирающей структуре. Через пару десятков лет они отойдут в историю. Но некоторые, вероятно, приспособятся. «Крысы», я думаю, и промышленные. Их мы возьмем под контроль. А «сосков» не будет. Их место на параше.

Лучи растаяли, кокон погас.

— Перед нами вечность, Саня. Я вывожу основные принципы функционирования Среды, исследую ее строение. Работы — непочатый край. А перспективы... разжевывать не надо?

Я покачал головой.

— Революция, Марченко. — Шаман заметно волновался. — Глобальная, представляешь?

Я представляю. Ученые ломаются в Инфосферу; историки путешествуют в прошлое, физики доказывают свои теории... Скачок. Новая эра. Каждую секунду — открытие. Стопроцентная иллюзия присутствия — где вы, миры Чедвика? Разве что определить по свеженькому формату... «Собачники» больше не нужны. По крайней мере — сетевики. Отряды Костей Видоплясовых защищают подвалы, метро и канализацию от «крыс». А затем... пополняют ряды безработных. Отслужившие свое спартанцы...

— Пока, Вадим.

— Заглядывай.

— Обязательно.

— Помни про пятницу.

— Хорошо.

— Проводить?

— Нет, спасибо.

Лифт бережно везет меня вниз. Ну, дружок, приятно на помойке? Когда я пожимал руку Шамана, его имплантаты холодили мне ладонь. Я понимаю, всего лишь трамплин для прыжка, временное неудобство.

А «колеса» хорошие. Никакого отходняка. Где он их берет — уж не на японском ли пути, проложенном по краю Полесья?

1.2. (7.05.2164)

По утрам я обычно спрыгиваю с фургона и отправляюсь в марафонскую пробежку по близлежащим кварталам. Я почти не слушаю бормотание ди-джея Гвоздя в радионаушниках: «На втором месте нашего четвертого хит-парад...» В голове беспорядочно толпятся бестолковые утренние мысли. Я думаю о том, как сильно изменился Шурик после визита к своему корефану на Кедровую башню. Он теперь часами торчит в виртуалке, выискивая мифические «битовые течения». Клина поймал. Иногда мне кажется, что он до сих пор под «колесом»... Хрен его разберет. Вчера я сдал «скальп» того «соска», с «До», мне отвалили аж шесть сотен. Я попробовал вытащить Марчеллу в народ в клуб «Стрингер» на Холмах, там проводилась модная вечеринка с акцией «Экология: чистый мир», дилерами и прочими клевыми фишками. Все танцполы забиты, население отрывается, а Шурик засел в баре и потягивает молочный коктейль. Я к нему: «Сдурел, чувак? Вот, познакомься...» — толкаю ему двух баб. А он повернулся и — без слов — к эскалатору. Я его на улице догнал. «Ты чего?» А он: «Дурак ты, Костя. Да и я...» Настроение, гад, конкретно подпортил. В фургон я вернулся за полночь. Заглянул в кабину: светится дисплей, партнер в «маске» и с биосом в черепе. Я пожал плечами и отправился спать...

Проспект Мира достаточно оживлен (даже на рассвете), поэтому я сворачиваю на прилегающие улочки, в лабиринт старых, подлежащих сносу домов. Здесь тихо и даже растут тополя. Обшарпанные, разукрашенные граффити девятиэтажки с выбитыми кое-где стеклами заползали мне за спину со скоростью пять километров в час, лениво позевывая распахнутыми ртами подъездов. Мусорные баки за сетчатой оградой — привычные зрелища детства. Я словно погрузился в ностальгический сон. Хижины в век звездолетов...

Солнце еще не показалось в индустриальных изломах.

«Картриджи с реальностями от «СИМОТИ» — ваша собственная Вселенная! — вещал ди-джей. — Адрес официального дистрибьютора в Белополисе...»

«Теперь и в нашем Агломерате. Девушки-кибероиды на любой вкус в секс-шопах Минской и других зон. В их блоках

памяти все: от Камасутры до «Искусства групповой любви». После полуночи — скидки до десяти процентов. В ассортименте также мужские и гермафродитные особи, животные. Принимаются и спецзаказы...»

Я бегу. В ушах — ломаный треск бруклинских электронных щипков. Сквозь тему прорывается ди-джей: «Все отчетливее тенденция квазивосточных мотивов. На примере следующей композиции...»

«Соски» офигели, ясно. Ничего, «боец к бойцу — быть победному концу», как сказал бы «винчестер». Что нам теперь — вешаться? Я думаю — все замечательно. Уроды усложнились — значит, «скальпы» подорожают. Нам прибавь.

Пищит датчик присутствия, вмонтированный мне в кисть. Я задираю рукав спортивной куртки — на табло цвета розовой кожи отражаются биометрические данные, время, координаты места, где я нахожусь, и дистанция в метрах — до объекта кибербиотической активности, векторная стрелочка. Я бы мог в принципе вывести эту ботву на зрительный нерв, да и плеер-приемник заменить имплантатом... Не катит. Фишки вроде «телевизор-в-голове» меня не прикалывают. Так, простенькие модификации, ну и порт для биоса, само собой, — такие операции еще в детстве совершают...

Вектор указывает на мусорный бак. Я подавил первый порыв — броситься вперед. Спокойно, Костя, ты же без оружия. С голыми руками на медведя? Ладно, вызывай фургончик. Не успеет... Я замер в нерешительности.

В баке что-то зашевелилось.

Я отступил, принял боевую стойку. Запоздало сообразил, как это глупо. Против лома нет приема...

И другого лома нет.

Вектор сместился. Нечто невероятно быстрое тенью метнулось к ближайшему подъезду.

Станный гибрид. Я не о «крысе», о доме. Полуразрушенная пятиэтажка, треть которой словно ножом срезало — явно продукт пресс-поля, что используют для сноса старых развалюх. Дальше начинался обширный пустырь размером в несколько кварталов — стройплощадка для возведения очередной башни. Роботы-монтажники уже приступили к возведению каркасов — серебристые капельки, скользящие по титановой решетке.

Пульс учащенный. Повышенное содержание адреналина в крови.

Я привел в порядок дыхалку и вошел в подъезд. Осторожно. Вроде та хренотень летающая была. Я пригнулся.

Глаза медленно привыкали к темноте. Датчик заткнулся — в радиусе трехсот метров твари не наблюдалось. Упорхнула птишка... Стоп, вектор теперь голографический, направлен вверх.

Два марша.

Звоню в квартиру с бронированной дверью. Шаркающие шаги.

— Кто?

— Свои, дед. Департамент Безопасности.

— Леги?

Я подношу к глазу телекамеры ксиву.

— Чего не по форме?

— Нет у нас никакой формы. Антикибероидный отдел.

— А-а, «собачники»...

Щелкнул древний механический замок, дверь откатилась в стенной паз. Передо мной — тщедушный старичок в экзоскелете. Насекомое на подпорках. За его сутулыми плечиками открывался проход на кухню.

— Инструменты есть? — спрашиваю я.

— Какие?

— Любые.

— Отвертки, плоскогубцы...

— Не то. А может, дробовики где завалились?

— А зачем тебе? — Дед подозрительно сощурился.

— Надо.

— Нет у меня ни хрена.

Я молча отодвинул его и пошел на запах борща. Кухня, совмещенная с санузлом, — плод прогрессивной конструкторской мысли. Я вывернул на пол ящик с ложками-вилками и, порывшись, выудил из железной кучи разделочный топорик. Взвесил на ладони. Сгодится. Не кастрюлей же махать...

«В Бангкоке состоялся саммит, посвященный перспективам межзвездной торговли. В нем приняли участие лидеры крупнейших континентальных агломератов и монополий, а также представители джа и хийнесванцев. Обсуждались вопросы экспорта урановых руд и генетического материала взамен предос-

тавления Земле ряда технологических разработок. Римская церковь выступила категорически против контракта...»

Я прислушался к подъездной тишине. В соседней квартире шумно ссорились, где-то плакал ребенок... Сзади заскрежетала, закрываясь, дверь.

— Спокойных снов, дед, — сказал я.

Куда помчался наш дятлик? Явно на крышу, другого пути нет. Сплошное дежа-вю, «приключение по вторникам-2»...

«...На Марсе неизвестный вирус вызвал волну спонтанных мутаций. Порт-Арес, Каньон-Сити и многие другие крупные мегаполисы объявлены карантинной зоной. Космодромы временно закрыты. Портовые кластеры Деймоса и Фобоса перегружены, прием транспортных судов ведется двадцать четыре часа в сутки. Пассажирские маршруты изменены. Эта вынужденная мера обусловлена высоким коэффициентом...»

Я думаю о нашем столетии. Межзвездная торговля, Сеть, примочки разные... а на Полесье до сих пор сохранился «частный сектор» — хибарки из дерева, пластика и жести, огородики, калитки... Рядом промзона, свалки, радиация, а они живут, тырят из подземных кабелей электричество, гонят самогонку и нелегально подключаются к информационным каналам, рожают детей, умирают и взламывают банковские системы Ай-Пи-Аш. Век бомжей и силовых полей. Вы были на Коралловой башне? Бродили по Барбитурному Шляху?

Я достиг пятого этажа. Скобы, вмурованные в кирпич, квадратный люк, распахнутый в небо.

Я на крыше. Отсюда открывается чудесный вид на стройплощадку. Вектор указывает вниз. Так, пожарная лестница в наличии. Отсчитываю десять маршей — ступни касаются грунта. Точнее — каменной крошки, бывшей некогда зданием. Огибаю фасад — вот он, пострадавший торец «коробка», оскалился клетушками квартир, зигзагами подъездов, рванными проводами и трубами. Кое-где уже сушится мокрое белье, зеленеет рассада, торчат спутниковые антенны. Пузатый мужик жмурится на восходящее солнце и пьет пиво, развалясь в шезлонге, на третьем этаже. Где-то бормочет радиоприемник, урчит стиральная машина... словно гигантский рот откусил шматок термитника, и теперь его жители вяло латают образовавшуюся дыру...

Ниже. Стрелка уводит под землю, в черную пасть канализационного люка. Я заглядываю туда. Отвесный колодец, ско-

бы, журчание воды. Гранатку бы туда... Как там «винчестер» говорил? «Пропадешь, если без гранаты в бой пойдешь».

Ладно, лезу. Сжимаю «секиру».

Интересно, зачем «крысеныш» дал такого кругалы? Хотел меня замучить? Чтобы выдохся? А он врага в логовище заманит и — ап! Приятного аппетита, завтрак удался. Утка с яблоками. Через дымоход...

«...прогноз погоды. Нас ожидает ясный безоблачный денек со средней температурой по Агломерату плюс 19—22 градуса. В Брестской и Витебской зонах — легкий кислотный дождичек. Это была шутка, можно смеяться после слова «лопата». Но дожди все же пройдут — голографические с каскадом новых хитов в минских клубах «Реактор» и «Катарсис». Обеспечена полная релаксация. Приглашены модные ди-джеи...»

Я погрузил ноги в мутный поток, текущий к морю коллектора. Тускло мерцают осветительные панели, капает со сводчатого потолка. Железобетонная кишка закручивается куда-то вниз и направо. Я частично иду, частично скольжу.

«...а я напоминаю, что спонсор прогноза погоды...»

Прямо.

Что-то сорвалось с вогнутой поверхности, взмахнув крыльями. Летучая мышь? Дудки. Истошно вопит датчик присутствия, а тварь со свистом рассекает затхлый воздух. Журчание воды сливается с пронзительным клеткотом.

Я отправляю топорик по вектору. Как Чингачгук.

Метрах в десяти по курсу смачно хряснуло. «Крыса», булькнув, пошла на дно. Вот так, дружок, не потрапезничал сегодня.

Под водой в развороченной плоти и микросхемах еще пробегали искры.

Я наклонился, чтобы снять «скальп».

2.2. (7.05.2164)

Шеф прислал вызов на мобильник, когда наш фургон въезжал на шмоточный Заднепровский рынок. Взгляд здесь теряется в панике, плутая в бесконечных рядах палаток, заваленных пестрым тряпичным великолепием. Вьетнамцы, арабы и

турки галдят, наперебой предлагая товар. Я с тоской отвернулся от рубашки-хамелеона. Вызов есть вызов. Тем более срочный.

Костя вернулся с пробежки со «скальпом». Говорит, топом замочил. Возле стройки на Мира. Костя у нас талант. И на переплеты ему везет: Видоплясов из тех, кто пойдет за хлебом, а окажется на Юпитере или в реанимации. Про таких говорят: «Хотел как лучше, а получилось как обычно».

— Держи.

Я поймал процессор на лету.

— «Крыса»?

— Угу. Отлеталось животное.

Я повертел «скальп» в пальцах.

— Новая модификация. Старик Дарвин в гробу бы перевернулся. Обезьяны так быстро не продвигались.

Костя закрылся в ионной душевой. Его голос был глухим:

— Развелось гадов... Запустить бы какой вирус... да всех подчистую... Кстати, никто не пытался истребить «сосков» каким-нибудь «троянцем»?

Хороший вопрос. И глупый. Ведь, в сущности, вирус — та же самая информация. Ни «троянцем», ни «бомбой», ни «червяком» кибероид не брезгует. Жрет за милую душу. Зато от сервера, к которому подключился гад, останутся рожки да ножки.

— Мыло кончилось, Саня?

— Еще позавчера.

— Купить впадлу?

— Забыл, чем занимались?

Костя что-то буркнул.

Я наконец вырулил с Заднепровского, и за стеклом сверкнула гладь речной ленты. Я направил фургон к 46-й магистрали.

Рядом возник благоухающий Видоплясов.

— Куда едем?

— В центр.

— «Скальпы» сдавать, — обрадовался Костя.

— Общий сбор.

Молчим.

Вдоль трассы голографические рекламные щиты несут в народ светлый образ водки «Доброе утро». Везде изображены

одинаковые окна, за ними — голубые небеса и семицветная радуга. Это, разумеется, фон. И на переднем плане — бутылка с кристально-прозрачной жидкостью. Каждую секунду вспыхивает слоган: «Отходняк? Забудь про него».

Магистраль имела шесть наземных уровней и с полсотни вертикальных воздушных коридоров. Высоко над нами мчались турбореактивные челноки дальнобойщиков, граверные тачки, рубили лопастями жару вертолеты. Я задал бортовому компьютеру маршрут и откинулся на спинку кресла.

— Заточка у тебя отстойная, — любезно заметил Костя.

— Спасибо.

— Без обид, партнер. Отдыхать надо почаще. Чебурек нам нехило заплатил, «скальпы» еще на штуку потянут. Махнем на Балтику? Денька на три-четыре, а? Визу оформим через Штопора. Сезон отпусков, парень! Море, девочки, золотой песочек...

— Отстань! Напряга сейчас.

— Это у Департамента напряга. А мы — вольные художники. Бабки есть — зашибись, нет — ура, на мины.

Я не стал ему распрягать про будущее человечества и шизоидную беседу с Шаманом. Я сам не уверен — а был ли молекулярный компьютер? Вполне возможно, что Инфосфера — глюки сродни злобному холодильнику. Но что-то мне подсказывает: не время отдыхать. «Соски» мобилизуются — это реальность.

Штаб-квартира «Отдела по борьбе с кибернетическими аномалиями» разместилась в здании Союза литераторов (Минская зона). Я припарковался в хвосте километровой вереницы тачек и вырубил двигатель. Спросил Костю:

— Ты со мной?

— Я к кассе — улов сдавать.

В конференц-зале собрались почти все, кого я знал. Макс и Кристина, Митровские (отец и сын), Ведьмак и Ворон, одиночки вроде Бармаля, Ницшеанца или Франциска...

Я пристроился на стуле рядом с Ведьмаком — тощим, черноволосым, сатанинского вида парнем. Даже в жару он предпочитал носить черные обтягивающие шмотки. Мефистофель...

Гена Горовец с ником Толстый, мой начальник — могучего телосложения мужик с рельефной мускулатурой, кольцом в носу и зелеными волосами (дети часто называют его Крокодил Гена), — как раз проводил переключку.

— Марченко!

— Я.

— Где Видоплясов?

— «Скальпы» сдает.

— Орлы! — похвалил шеф, ковырнул в носу и продолжил: — Митровские...

Горовец внешне грубый и резкий, раньше служил на украинском флоте и насмотрелся там всякого. Под его командованием крейсер «Грыцько» превратил в дымящиеся развалины треть Стамбула, и Мраморное море кипело от взрывов. Горовец сидел на капитанском мостике и силой мысли через биоинтерфейс поднимал в воздух ракеты, торпедировал, бил лучами и полями, сканировал радаром, сонаром и эхолотом прошупывал окружающее... И все это делал один человек, заменивший собой целый экипаж. Конечно, на корабле были и другие — операторы-дублеры, но во время боя они отдыхали. В среде «собачников» про Толстого гуляет масса легенд, но толком о шефе ничего не известно. Как он попал в Белополис и Департамент — загадка. Для чего предназначены дополнительные слоты в его черепе и позвоночнике — тоже. У большинства людей имеется стандартный сетевой порт для биоса, у Горовца их — семнадцать. Почему он красится в зеленый цвет? Об этом и многом другом вы узнаете, заглянув в файл «Чудеса и тайны нашего Отдела»... А вот кольцо в носу, по слухам, символизировало принадлежность владельца к элитному подразделению украинских коммандос. Я думаю, это вполне вероятно: однажды Горовец прогуливался по набережной Свислочи и случайно забрел на территорию местной банды, владения которой помечались навороченными граффити. Но Горовец граффити читать не умел, авторитеты не уважал, а потому отправил троих нападавших в морг, а четвертого в реанимацию. Очевидцы потом утверждали, что «разборка» не заняла и сорока секунд, хотя урки и вооружились кастетами, цепями и вибротесами. А на Горовце даже царапин не осталось...

Справа от Толстого крутится шуплый Доцент из аналитического сектора. Сейчас он толкает речь:

— ...накаляется. Стычка с «соском» в гостинице «До» внешне безобидна...

Я насторожился. Про нас?

— ...только с ее терминалов велась хакерская атака на наш вычислительный центр. Успешная. Врагу удалось скачать файлы с данными практически на всех сотрудников. Мой прогноз: начнется волна индивидуального террора...

— Короче, — перебил его Горовец. — Объясняю более доступно. Кибероиды взялись за нас. Им известны наши подлинные имена, фамилии, адреса, что мы жрем на завтрак и с кем трахаемся по ночам. Все. Так что самое время менять привычки и покидать насиженные гнезда.

Пауза. Шеф дал нам переварить услышанное.

— Атака с «До»? — переспросил кто-то.

— Я не повторяюсь, — зло буркнул Горовец.

— Эй, Санек! — подмигнула мне Кристина. — Ты завалил уroda?

— Видоплясов.

— Поздно завалили, — встрял Горовец. — Раньше надо телиться.

Спасибо за хвалебное слово, папочка. Но спорить бесполезно — получишь с ноги. Я вздохнул.

— У Чебурека орудовала сильнейшая хакерская группа, — сказал Горовец. — «Железо» и софт у них почище наших. Да и мозги посветлее.

— «Сосок» с успехом заменит две такие группы, — сказал Доцент. — Он вел атаку сразу в трех направлениях.

— Трех? — удивился Ведьмак.

— Минимум. Кроме нашей, взломаны системы Академии Наук и Кедровой башни, что в Могилевской зоне.

Я вздрогнул. Уж не к компьютеру ли Шамана подбивались клинья?

— Чего они хотят? — спросил Бармалей.

— Мы пока не знаем. — Доцент беспомощно развел руками.

— Сделали запрос в Академию? — Это Макс.

— Да. Какие-то перспективные разработки, связанные с инфополем Земли.

Я ощутил, как по спине ползут мурашки. Инфосреда. ОНИ заинтересовались трудами Шамана. Меня озаарило понимание — пока интуитивное, неопределенное... Оно почти сразу ускользнуло, оставив лишь смутный отпечаток. И логическую связку «Шаман-Инфосфера — «соски». Сюда как-то стыковался и наш

Отдел — препятствие на пути к непостижимой цели, через которое надо перешагнуть.

— Мы с Костей займемся, — решительно заявил я.

— Вы? — удивился Горовец.

Я выложил все, что знал о Шамане, о его концепциях развития нашей цивилизации. О своем контакте с Инфосферой.

Горовец думал недолго.

— Хорошо, — согласился он. — Работайте. Широва взять под колпак. Если надо — выделяю людей. Попытаюсь выбить ордер на его задержание.

— Задержание?! — возмутился я. Здорово. Вадик со мной по-дружески поделился, а я его — в черный воронок.

— Сядь, — приказал Горовец.

Оказалось, что я стою.

— Сядь, Шурик. Я же не говорю «заключение». Задержание, придунок. Мы поселим его здесь, в штаб-квартире. Пусть творит — под контролем.

Я остыл. Возможно, Толстый и прав. Так будет лучше. Да и Вадик при подобном раскладе в относительной безопасности. В ближайшие дни «соски» не осмелятся штурмовать Центр.

— Завершаю базар, — сказал Горовец. — План такой. Все сваливают со своих хат. Быстро. Где вы тусуетесь — ваша проблема, но чтоб к следующему сбору приперлись все и по возможности не в гробах. Второе: прощупайте приполесские границы. Я имею в виду Институт Генетических Модификаций, думаю, ниточки туда ведут. Разведайте подступы. Третье: мы готовим штурм ИГМ. И последнее: ситуация нестандартная, так что с сегодняшнего дня, помимо гонораров за «скальпы», вольные наемники получают штатный оклад...

Его заглушили аплодисменты.

1.3. (7.05.2164)

Восемьсот евро — это круто.

Я сижу в фургоне, попиваю «Любаньское» и размышляю о вечном. Торчать на сходке Горовца мне в падлу — жара растащила, душой овладел вселенский пофигизм. Пора, пора в страну

золотых пляжей и баров а-ля «Веселые титьки». Только без вампиров и осиновых кольев...

Наконец явился Шурик.

— Давай в парк, — предложил я.

— Давай.

Парк Горького встретил нас гидропонной прохладой и обкуренными подростками, играющими в сокс. Мы уселись в тени каштана, скрещенного с баобабом.

— Задание — патрулировать окрестности Полесской зоны, — сообщил Шурик. — Модификаторы что-то замышляют.

— Если ты еще не заметил, — говорю я, — экономически выгоднее работать в тех районах, что поближе к центру, а не в заднице, воспетой Мавром и Колосом. Чиновники трясутся за свои банки данных, и «скальпы» ценятся дороже.

— Зато на Полесье ягоднее, — возразил Шурик. — И теперь нам будут платить как постоянным сотрудникам.

— Жареным запахло?

— Похоже на то.

Я с хрустом скомкал опустевшую банку и запустил в урну.

— Еще что-нибудь?

— Желательно нанести визит Шаману.

— Твой кореш с Кедровой? Что с ним?

— «Соски» щемят. Ломали его комп.

— На хрена?

— По дороге расскажу.

— Добро, — согласился я. Интуиция подсказывает, что вокруг сгущаются тучи. Заваривается каша, а я узнаю обо всем в последнюю очередь. Ну, Марченко...

Молчим. Душно, как перед дождем. Парит.

— В промзону опасно соваться, — говорю я.

— Ясный болт, что опасно. Будем дрейфовать по краю, запустим «жучков»... А в болото пусть сам Горовец лезет.

— Логично.

— Но сначала к Кедровой завернем.

Мы хлопнули по рукам.

...Шурик опять за штурвалом. Мчимся обратно по 46-й магистрали. Духота невыносимая, а кондиционер сломался...

— Ставлю на автопилот, — говорит Шурик. — Возьмешь на себя, если что.

— А ты?

— Початуюсь.

Мой «сетевик» натягивает «маску», вставляет биос и теряет всякую связь с действительностью. Я расслабляюсь. Маршрут задан, и кибернавигатор без проблем доставит нас в пункт назначения. Трасса функционирует в режиме «контроль-фильтрация»: через каждые пять километров пост, засекающий номер тачки, мгновенно сверяющий его с банком данных ДБЗ и решающий, куда направить клиента — в леговские охраняемые гаражи или по нужному ответвлению. Если кибернавигатор отключен, а машина опознана как находящаяся в розыске — за дело берутся парни на граверах-перехватчиках. Система...

Я вдруг обнаружил, что фургон летит не туда. Магистраль струилась теперь к западу от нас, а дисплей подавал тревожные сигналы.

Марченко сосредоточенно витает в своей нирване, а я набираю вопрос:

КУДА НАС ВЕДУТ?

Высветилось сообщение:

ДАННЫЙ УЧАСТОК ШОССЕ НЕПРИГОДЕН ДЛЯ
ЭКСПЛУАТАЦИИ, ВЕДУТСЯ РЕМОНТНЫЕ РАБОТЫ.

Я тихо выпадаю в осадок.

Шурик снимает «маску» и обалдело таращится на дисплей. А скорость стремительно возрастает — похоже, магистральные компьютеры всерьез решили нас угробить. По обочинам уже мелькают огненно-красные предупредительные голограммы, я вижу горы песка и щебня, стрелы кранов и приземистых асфальтоукладчиков, какие-то леса впереди...

— Беру управление на себя! — выкрикнул Шурик. Его пальцы набрали команду. И тотчас фургон начал тормозить. Мы замерли в ста шагах от пропасти. Дальше — опорные конструкции, пойма реки и рельсы подъездных путей для автокранов. Соседние полосы еще не отстроены, и мы парим над узким язычком асфальта шириной в три метра.

— Не развернуться, — констатировал Шурик.

— Задним ходом, — посоветовал я.

Обрыв каньона отползает — мы пятимся словно раки. И тут ожил кабаноподобный укладчик, спавший на самом краю. Заурчав, он двинулся к нам.

— Кибероид? — спросил я.

— Естественно, — буркнул Шурик.

— Пропадешь, если без гранаты в бой пойдешь, — сказал я, выбираясь на крышу. — Получай, скотина.

«Винчестер» не подвел — объятый пламенем супостат отправился на свидание с лозой и ежевикой. Через двадцать минут мы влились в привычное русло. Но засады продолжались. Очередной пост ошибочно идентифицировал нас как преступников. В пункте зонального досмотра доблестных «собачников» поджидала орда легов. Видеофон выплюнул инструкции: «Снизить скорость до нулевой, выйти из фургона, предъявить и-карты для сличения». Фургон остановился. Я вышел в него-степриимное пекло, ошетилившееся стволами.

— Руки на капот! — рявкнул лег с нашивками капитана.

Я подчинился.

В ходе дознания выплыла ксива (сначала Шурика, а затем и моя), и стражи порядка поняли, что лоханулись. Нас отпустили ближе к вечеру, когда город уже загорался первыми огнями. Реальность выворачивалась бредом — слишком целенаправленно происходили сбои в отлаженном механизме.

— Шаман не отвечает, — сказал Шурик.

— Совсем?

— Совсем. Его адрес исчез. Похоже, наш герой отключил компьютер от Сети.

— Здорово.

К Кедровой башне мы подъехали около девяти вечера. Ну и жилище себе выбрал Шаман-извращенец. Марченко проверил регистрационные файлы — Вадим Широ́в из комплекса не выселялся. Он по-прежнему обитал на 326-м этаже, в квартире 6.

— Пешком не дойти, — сказал я.

Плюнув на осторожность, мы воспользовались лифтом.

— Подожди здесь, — бросил Шурик у самой двери.

Я кивнул, поудобнее перехватив «винчестер».

2.3. (7.05.2164 — 8.05.2164)

Квартиру не узнать.

Все перевернуто вверх дном, пол усеян кубиками опто-кристаллов и компакт-дисками размером с ноготь. Я застиг Шамана за упаковыванием каких-то тряпок в пластиковый контейнер.

— Переезжаю, — сухо пояснил он.

Я присел на край подоконника.

— Почему?

— Долго объяснять, — отмахнулся Шаман. — Хочешь колесо?

— Нет.

— Зря. — Он продолжил свое занятие.

Я молча уставился на огни Белополиса.

— Хату оставляю тебе. Отдохнешь от фургона. В холодильнике достаточно жарчки. Можешь называть его Надей. — Шаман хмыкнул себе под нос. — Комп тоже твой. После полуночи в регистрационных файлах вместо Широва будет фигурировать Марченко. Не устраивает — любая другая фамилия.

— Спасибо.

— Кушай на здоровье. — Он не заметил в моем голосе сарказма.

Небеса расцвелись полупрозрачными рекламными шитами. Бегущая строка от созвездия к созвездию: ГЛОБТЕЛЕКОМ.

— Отгадай загадку, — нарушил молчание Шаман. — Вечно живой, любит детей. Кто такой?

— Фредди Крюгер.

— Ленин.

Он рассмеялся собственной шутке.

— Вадим, за дверью стоит мой напарник. Он вооружен.

— Допустим.

— Мой шеф, Горовец, пробивает ордер на твое задержание. Я приехал, чтобы тебя забрать.

Я глянул на него в упор. Широу наконец оторвался от контейнера.

— Мне плакать или смеяться, Саня?

— Ни то, ни другое. Это в целях твоей же безопасности.

— Моей безопасности? — Шаман усмехнулся. — Опоздали, ребята.

Я ощутил себя полным идиотом. Время ускользает, оно бежит — а меня сносит в прошлое.

— Сочувствую. — Шаман словно прочитал мои мысли. — Знакомое чувство. Мир неудержимо катился в анус.

— Сейчас ты выйдешь вместе со мной, — сказал я. — Спустишься на лифте, сядешь в фургон и...

— Нет, сценарий другой, — перебил Шаман. — Ровно в десять за мной придут. Леги в форме Ай-Пи-Аш, работающие на президента. Я поднимусь на лифте, сяду в коптер и умчусь в заоблачные дали.

— Какого хрена? — заорал я.

Шаман печально улыбнулся.

— Меня переводят.

— Куда? И кто?

— Академия. По прямому указу Совета Директоров. В распоряжение Института Генетических Модификаций. Доволен?

Я сел на груды постеров и смятых целлофановых оберток. Я не верил. Не верил и в тот момент, когда появились парни в штатском в количестве четырех человек и увели (мне казалось — навсегда) Вадима Широва. Он так и не забрал свои вещи — только миниатюрный кейс, набитый под завязку кристаллами и дисками. Не верил, когда обнаружил в коридоре харкающего кровью, избитого Костю. Когда звонил по мобильнику Горовцу и слушал его растерянный хриплый бас, объясняющий, что ордер ему не дают, а посылают в тридевятое царство, — тоже не верил. Словно шел по прямой дороге и вдруг провалился в яму, наполненную дерьмом.

Из нокаута меня вывел голос, доносящийся из скрытых в стене колонок:

Глупость темноты.

Светлячка словив, ранил

Руку о шипы.

Я узнал одно из хокку Басё. Затем понял, что со мной разговаривает запись — вчерашний Шаман.

— Привет, Саня! Если ты слушаешь меня, значит, события развиваются именно так, как я предполагал. Хочешь уз-

нать больше — не стесняйся, лезь в мою «железку». На диске «А» в каталоге «Мысли» содержится «Прощальный файл». Пароль — «старый друг». Просмотри на ночь — полезно для общего развития.

Динамики смолкли.

Костя матерился где-то в ванной, сплевывая кровь. Его трехэтажные обороты тонули в шуме бегущей воды. Закольцованное сообщение прозвучало еще три раза, потом я велел компьютеру заткнуться и пошел на кухню. Достал из «Нади» банку «Лидского» и, осушив наполовину, отправился в кабинет.

— Стормозил я, конечно, — жаловался из ванной Костя. — «Винт» предупредил меня индикатором — эти гады под завязку набиты армейскими имплантатами. Двигаются быстро — явная нейрокоррекция. Я не успеваю ствол поднять — а они уже рядом. Ну и получил по зубам...

Я надеваю костюм, натягиваю «маску» и сенсоры. Вставляю биос. И погружаюсь в недра диска «А». Серая масса мозга с ущельями извилин, а посреди нее — дверь. Каталог «Мысли». Тропический остров с кокосовыми пальмами, ветки которых колышутся на ветру, небесная синева и парус на горизонте — «Прощальный файл». Я вхожу в него через форточку — она зависла там, где должно быть солнце.

Комната, стены, пол и потолок которой — бегущие цифры. Двоичные потоки, сплетающиеся в узоры и ускользающие образы. Полное отсутствие окон и дверей. В центре на деревянном табурете сидит Шаман.

— Всего лишь моя аватара, Саня, — улыбается Шаман. — Я подготовил для тебя небольшую лекцию с гипертекстовыми ссылками. Боюсь, она займет всю ночь. Так что пожри и запасайся кофе. И не пори дурку, пока не прослушаешь до конца. Готов?

— Готов, — кивнул я.

Углы комнаты растянулись, рассосались — нас окутал шаровой интерфейс нанокomпьютера. Шаман по-прежнему был на табурете — только теперь в десяти сантиметрах над «полом».

— Это вчера, — сказал он. — Или позавчера. Под моим руководством расширенный штат специалистов завершил изучение Инфосферы. Мы определили ее природу, выявили за-

коны развития и структуру, классифицировали содержащиеся в ней массивы данных. Разложили все по полочкам. Хочешь поговорить с Наполеоном?

На окружающей нас пленке привычно мелькали картинки — калейдоскоп эпох. Штурм города, костер с ведьмой. Орды Тамерлана, пересекающие степь на своих иноходцах... Низенький полноватый мужик в военном мундире в разгар Бородинского сражения и на закате своей славы.

— Особый уровень — хранилище психоматриц или душ, — продолжал Шаман. — Не рай, не ад, не чистилище. Возможно — Нирвана или Валгалла. Короче, хранилище. Сайт мертвецов. — Он усмехнулся.

— Поэт, — буркнул я.

Изображение — безначальный полумрак и снующие светлячки. От этого зрелища повеяло чем-то замогильным.

— Все там будем, — сказал Шаман. Его пальцы-лучи выхватили из забвения одного светлячка, приблизили, развернули. Вблизи душа представляла собой облако с изменчивыми контурами. Побежали строчки пояснений, соткались схемы и карты психических ландшафтов, образные и ассоциативные ряды, столбцы параметров и видеоклипы воспоминаний.

— Нам попался Евклид. Мы можем прогуляться по темным закоулкам его подсознания, заглянуть в его детские страхи, пережить вместе с ним рождение и смерть, распутать его генетический ход, даже воспроизвести его в реальной вселенной. Стариком или семнадцатилетним юношей. Это бессмертие, чувак.

Я разучился удивляться. Просто молча кивнул.

— Инфосфера как губка, — говорил Шаман. — Она впитывает нас и то, что мы порождаем. И породившее нас — тоже там.

Аватара сделала паузу, чтобы я переварил сказанное. Типично шировская привычка.

— Это самые глубинные слои. Они еще не расшифрованы. Возможно, сама Инфосфера — искусственная формация, вписанная в природу настолько идеально, что стала ее частью. Имплантат космического масштаба. Но вот кто его «вживил» и зачем... Я не понимаю. Говорить о Боге глупо — он/она никак себя не проявляет.

За спиной Шамана возник образ Иисуса Христа. Его сменил Будда, Зевс-громовержец и новозеландский Радужный Змей.

— Инфосфера разделена на смысловые кластеры, взаимодействующие через шлюзы. Простейшие уровни — отражение истории, геологических эпох, эволюционных преобразований — хроника. Копия видимой, слышимой, осязаемой, обоняемой реальности. Сложнейшие содержат параметры пространства-времени, физические законы и черт знает что еще. Кластеры лежат в разных плоскостях. Есть и рабочая зона, непосредственно соприкасающаяся с миром. Через нее можно вводить свои данные и скачивать любую информацию, накопившуюся за миллионы-миллиарды лет.

Шаман растаял, а вместо него сформировались графики, чертежи, таблицы, ряды формул и уравнений, алгоритмы. Нажимая кнопку «вперед», я перемещался в этих математических дебрях.

— Упрощенные характеристики, — сказал Шаман, вновь вклиниваясь в изображение. — Если разобрался, можешь отдохнуть.

По правде, я разобрался лишь процентов на пятьдесят, но все равно сделал паузу и мысленно ударил по «эскейпу», словно в янтаре мир «Прощального файла» унесся в трубу.

Я опять в квартире на Кедровой башне. Снимаю виртуальные шмотки и разворачиваюсь в своем кресле. Костя скорчился в углу комнаты на старом надувном матрасе с подсевшим вибромассажером — такие нам, зеленым студентам, давали в общежитии колледжа программирования, и Шаман явно приволок его оттуда — на память.

— Час ночи, — сказал Костя.

— Знаю.

Пора сваливать. Долго быть в одном месте опасно.

— Знаю, — повторил я. — Но мы останемся здесь.

Костя вскрыл банку с тушенкой и теперь поглощал ее — пальцами, не затрудняя себя поисками вилки.

— У тебя, наверно, есть причина, — заметил Костя, слизывая жир с мизинца и кусая хлеб.

— Есть, — подтвердил я. — Широу оставил мне послание.

— Его нельзя скачать в память фургона?

Я пожал плечами.

— Пропадает около сорока минут. Спуск на лифте плюс взлом системы Кедровой. Комп фургона отключен.

— Это так срочно?

Интуиция подсказывала мне, что срочно. Почему-то все замыкается на пресловутую Инфосферу, и чем быстрее я просеку фишку, тем лучше. Поэтому я сказал «да» и побрел на кухню за чашкой саморазогревающегося кофе — глаза уже слипались.

— Звонил Горовец! — крикнул из кабинета Костя. — Требовал доложить обстановку. Я доложил. Он приказал уходить, а на рассвете начинать патрулирование.

— Управимся.

Я набрал на терминале код «глазуны» с ветчиной и оперативно поел, прихлебывая кофе.

Костя по-прежнему сидел в углу на матрасе.

— Проверь регистрационные файлы, — посоветовал он. — Ты порхаешь в Зазеркалье, а система безопасности просит инструкций от нового хозяина.

В реестрах башни я значился как Вальтер Скотт. Чудненько. Можно снова нырять.

...Аватара Шамана покорно ждет меня на своем табурете. «Пауза» разбивается на каскад осколков, и время ускоряет шаги.

— Мы думали, что нанокомпьютер идеально подходит для контакта со Средой, — продолжал Вадим. — Однако технологии позволяют нам напрямую подключить человеческий мозг к рабочей зоне. В черепную коробку вживляется биопорт, предоставляющий возможности безграничного доступа к Инфосфере. В то же время носитель биопорта как бы впускает Инфосферу в себя. Древняя память планеты — твоя личная память. Интерфейс элементарный — достаточно захотеть что-то вспомнить, и информация вливается в тебя. Собственный вирт. Бесконечные горизонты: телепатическая связь, психическое лечение на расстоянии, мысленные хронопутешествия, обучение без преподавателей, школ и университетов... Мы же работаем над проблемой обратной связи, перестраиваем механизмы и процессоры кибероидов...

— Вадик, кибероиды — враги, — прошептал я. — А Среда неразумна. Как младенец, чистый лист бумаги.

Но он меня не слышал.

— Каждый пользователь через биопорт сможет управлять кухней, пылесосом, заводом. Телепатически. Наступает эра ментального могущества — во всех смыслах. Видеть глазами

других, чувствовать их рецепторами — пожалуйста. Как насчет психосекса?

— Вадик, — перебил я, — почему «соски» интересуются твоим проектом?

— Страх, — пояснил Шаман. — Они боятся. Мы отбросим их в палеолит, дальше — в архей, и им не дано нас остановить.

Я «промотал» запись вперед (не люблю возвышенной лажи) и спросил:

— Тебя перевели?

— Да. Институт Генетических Модификаций смог создать экспериментальный прототип биопорта, и руководство Академии с ведома Президента решило, что продолжить исследования лучше в его стенах. Моя группа переселяется на Поле-сье.

— Значит, опытный образец биопорта уже существует?

— Да. Более того, шесть портов уже имплантированы шестью добровольцам. Через нанокomпьютеры мы изучаем их психоматрицы.

— Колупаетесь в их душах.

— Грубая формулировка, — обиделась аватара. — Но справедливая.

— Думаю, вы собираетесь запустить свои игрушки в производство?

— Само собой. Ближе к декабрю. Зимой все желающие обретут уникальную возможность...

Я послал его «эскейпом» в трубу.

Ночной Белополис встретил меня освежающей прохладой. Костя спал, хрипло посапывая. Табло внизу монитора показывало 2.35. Я растолкал напарника и сунул ему кофе. Щурясь на свет, Видоплясов покрыл меня матом.

— Спасибо, я тебя тоже люблю, — поддерживаю беседу. — А теперь собирайся — попрусь к полешукам.

— Так их перетак. — Костя поделился своим мнением о народе. — Приползем на рассвете, даже поспать некогда.

— Спи на здоровье. Я поведу фургон.

— Нажрался кофе, скотина, и меня спаиваешь!

«Винчестер» валялся в коридоре, настолько безлюдном, что великолепную Костину пушку никто не почесался спереть. Видоплясов устало взвалил своего спутника на плечо.

— Дело — дрянь, партнер, — сказал я.

— Загружай, мой четвероногий друг.

Я пропустил шпильку мимо ушей. Когда створки кабины распахнулись в подземный гараж, Костя знал все. С тех пор про отпуск и золотые пляжи Балтики он не заикался.

1.4. (8.05.2164 — 9.05.2164)

— Будет дождь, — констатировал Шурик, глядя на хмурое небо. Там уже кучковалась, набухала серебристая от неоновой подсветки мгла.

Я сфоткал это цифровым «акаем» и поместил в свой файл как наглядную иллюстрацию.

— Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы руки над одеялом, — заметил Шурик.

— Я в джунгли не полезу.

— Запустим «жучков».

— Нормалек.

Я потянулся к «бардачку», оборудованному под холодильник, и достал банку «Любаньского».

— Мне тоже, — попросил Шурик.

— На.

Пиво приятно булькнуло.

— Горовец еще думает штурмовать мутов? — поинтересовался я.

— Колеблется. Стягивает силы в наш район, а вечером устроит совещание. Будем чатоваться.

— Рисуем. Правительство на стороне ИГМ. Как бы самим не схлопотать по заправке.

Марченко сделал глоток.

— Есть шанс доказать свою правду. Мы предоставим Президенту столько «скальпов», что он их вовек не разгребет.

— А санкции?

— Мы их не получим. — Шурик снова глотнул. — Уверен. ИГМ занимается перспективными разработками.

Я потестировал свой «винчестер», разобрал и собрал его, в шутку навел на Шурика. Затем достал из контейнера с боеприпасами пустую гильзу 12-го калибра. Поразмыслив, кинул

на сооружение в духе «диван-кровать-стол-полка» — сейчас оно было столом. Из секции с инструментами я достал биокассету — ее микроскопические ячейки содержат квазизживые зародыши «жучков» или эмбрионы, развивающиеся до полной функциональности в течение сорока секунд после распыления (более того, делятся почкованием, образуя новые единицы) — и зарядил ее в гильзу.

— Это ползающие. — Шурик следил за моими манипуляциями в зеркало заднего вида. — Бери еще.

Я зарядил три гильзы — летающими, плавающими и бегающе-прыгающими «жучками». Вставил готовые патроны в обойму «винчестера» — они сами дослались в уже подогнанные под калибр стволы. Загорелся индикатор предохранения.

Фургон затормозил.

— Приехали, — сказал Шурик. — Ближайшая к объекту точка шоссе.

Я привычно выбрался через люк на крышу.

Полесье дыхнуло на меня ароматами помойки и болота. Из трещин древней автостреды пробивалась трава, дальше простирался пустырь, поросший бурьяном и лопухами. Дальше — затянута ряской речушка с переброшенными кое-где деревянными мостками, огороды, территории «частного сектора» — кривые грязные улочки, иногда покрытые щебнем, жестяные и пластиковые бараки, усеянные частоколом антенн, гаражи и загоны для скота. Еще дальше вздымалась стена леса. За моей спиной царил шмон мусорозавода, а впереди, окопавшись пустыней, угрюмо доживала свой век атомная электростанция.

— Объект за лесом, — напомнил Шурик из кабины.

— Сам знаю.

Я, почти не целясь, дал четыре залпа, не забыв установить дистанцию в четыре километра. Высоко над вражескими лабораториями просыплется следяще-транслирующий дождичек.

— Ажур, — сообщаю «боссу».

— У разведчика глаза спереди, по бокам и сзади, — комментирует «винчестер».

Я лезу обратно. Спрашиваю:

— Засек?

— Рано. Стадия распространения занимает только около часа.

Марченко возится с компом. По монитору ползут метрические данные.

— Хороший выброс, — похвалил Шурик. — Девяносто процентов уже сформировали аудиовидеодатчики. Идет почкование. Задаю вектор.

Его пальцы забегали по клавиатуре.

— Плодитесь и размножайтесь, — приговаривал Шурик. — Дети мои...

— Метнись за чипсами, — предложил я.

— Сам метнись. Торчишь без дела.

— В падлу.

— Мне тоже.

Я расстегнул комбинезон на груди. Жарко. Душно, как в парилке. Чертовы метеослужбы гоняют Дуньку-Кулакову...

Через двадцать минут Шурик сказал:

— Первые сигналы. Реактивные, однако, «жучки».

Вы спросите, как оператору уследить за тысячами передаваемых изображений и звуков? Компьютер сам выбирает главнейшие и выводит на экран в соответствии с заданной программой отбора. Ее писал сам Шурик, стараясь учесть большинство вероятных ситуаций — приоритетных сюжетов. При желании он мог просмотреть и «закадровые» ролики — если софт пропустит какую-либо важную мелочь. Материалы слежения записываются на жесткий диск.

Я вставил радионаушники, и по барабанным перепонкам ударили лондонские хардбрэйкеры. От ретроджаза и атмосферного неоджангла Джем-Степ-Фанки переходит к орбитал-дэнсу и классическому брэйкбиту с металлическим вокалом. «...Он играет в клубах Нордического Агломерата, Питера, Токио и Сиднея. В 63-м в студии «Диджитал-мастер» в Париже он записывает дебютный сетевой альбом «Трилениум-2», а спустя полгода по верхним строчкам чартов гремит сборник его сигналов, и это — успех. Слушаем...»

Шурик развернул на лобовом стекле восемь каналов: виды подступов к лабораториям и фасады административных корпусов, стоянка, пропускная...

«Наш герой не ограничивается чисто музыкальным звучанием и голографическими эффектами. В прошлом месяце «СИМОТИ» выпустила двенадцатичасовой картридж с его виртуальными клипами — «ДЖЭМ-СТЭП-ФАНКИ-ХИТС». Его

можно приобрести в любой точке Белополиса — это информация для фанатов...

Я уже собрался прикорнуть, но тут в плавную речь диджея вклинился посторонний звук — сигнал вызова на мобильнике.

— Ответь, — сказал Шурик.

Я поднес телефон к уху:

— Видоплясов слушает.

— Привет, «собачник», — раздалось с другого конца линии. — Познал?

«Узнал», — хотел поправить я, но сдержался. Еще бы. Гасан Рахматов — собственной персоной. Чего изволите.

— Да, — сказал я.

— Добро. Чего тротэсь тут?

Я мысленно перевел на человеческий язык. И, не задумываясь, соврал:

— Отдыхаем. Тихо, спокойно...

— Лапшу вэшай бабушке в кэдах, — перебили меня. — Мои пацаны ловят все ваши пэрэговоры.

Я решил перевести стрелки:

— Эй, Рахматов, при чем здесь мы? Все базары к Горовцу, под ним ходим.

Я хотел добавить: «Тебя, кавказская морда, вообще не касается, что мы тут делаем. Президенту подчиняемся, а не братве», но опять сдержался.

— Нэ суэтысь, — возразил Рахматов. — Твоего Горовца я не знаю. А тебя знаю. И твой номэр.

«Надо сменить», — подумал я. А вслух, довольно официально, заметил:

— Вы, Рахматов, вмешиваетесь в ход правительственной акции. Мне достаточно брякнуть легам...

— Тэбэ или мнэ, чувак?

— Не понял.

— Прэзидэнт запрэтыл акцыю. А тэпэр слухай суда: в вашэм дэлэ ест мой интэрэс. Грэбы ко мнэ. З Горовцом.

Гудок — связь прервали.

В полдень я выпрыгнул из фургона и сел в черный турбореактивный лимузин Чебурека. Весь путь до гостиницы я созерцал бритый затылок и квадратные плечи шофера. Вдобавок он обладал странным чувством юмора.

— Расскажи анекдот, — попросил шофер.

— Не умею.

— Тогда я. — Его голос смахивал на гудение генератора. — В приюте для детей-инвалидов праздник — Новый год. Под елкой подарки. Детишки набрасываются на них, разворачивают обертки, достают машинки, куклы...

Он сделал театральную паузу.

— Осталась последняя коробка. К ней ползет девочка без рук и без ног, извивается, подтягивается подбородком. Разрывает зубами обертку и радостно кричит: «Скакалочка, скакалочка!»

Ага, передо мной маньяк.

— А ты ел жареные уши с майонезом? — спросил шофер. — Объедаешь! С зеленью и приправой «Капитоша»!

Он причмокнул. Я увидел в зеркале его оскаленную небритую физиономию и содрогнулся.

— Да не бойсь, мужик. Они же клонированные. В ресторане «Франкенштейн», Брестская зона. Хочешь подкину адресок?

— Нет, спасибо.

— Ну и зря. Ты не обижайся, я люблю потолковать с клиентами. Один неразговорчивый попался — я его выбросил из тачки. Знаешь, во что превратится человек, если упадет с высоты в тысячу метров?

Я сглотнул.

— Шутка. — Он засмеялся. — Весело, правда? А вот еще...

Я узнал много историй: про девочку с прибитой к голове шапочкой, про голубого мертвеца и расчленителя-некрофила...

На подлете я звякнул Горовцу:

— Привет, шеф!

— Ты, Костя?

— Если не в падлу, подвали на японскую дорогу. Тебя ждет Рахматов.

— Чебурек?

— Он самый. Говорит, Президент наложил вето на нашу затею. Вроде помощь предлагает.

Молчание.

— Шеф?

— Хорошо. Сейчас буду.

Когда я отключился, шофер поглощал копченые пальчики.

— Приятного аппетита, — пожелал я.

...Гасан по-прежнему валяется на своем ковре. Только пьет не чай, а сакэ. Проститутки пустили по кругу косяк, и на нас им глубоко наплевать. Горовец неодобрительно косится на это зрелище.

— Базар такой, — говорит Рахматов. — У Института лаборатории. Могилевская братва хочет их купить. Администрация — не продават. После разборки оны будут добрые.

Позже мы узнали, что турецкие наркоторговцы задумали расширить границы влияния и частично перебрались в Белополис. И не замедлили прибрать к рукам Заднепровский рынок — теперь там снова продают насвай и анашу — прогресс налицо. Бароны обратили свои взоры на ИГМ — к его многофункциональным универсальным лабораториям, которые в равной мере способны производить пищевые добавки, кибероидов и радужные «колеса». Могучие умы подсчитали, что выгоднее выложить нехилые «бабки» Институту, чем в десять раз больше — таможенникам за непрерывно поступающие партии кислоты. Вполне логичное, рациональное решение. Только директор мутагенного гнезда заартачился — деньги его не интересовали. Ему хватало и без того.

Рахматов предложил сделку. Заднепровская братва подключается к штурму, хакерская группа «КОЛОБОК» работает в связке с нашими сетевиками. Слава и «скальпы» наши, оборудование, необходимое для производства кислоты, — их. Горовец согласился.

Шурик сидел перед калейдоскопом картинок, быстро сменяющих друг друга. Кабину заполняли звуки: стрекотание кузнечика, голоса, шорохи вентиляционных систем и лопастей приземляющихся вертолетов.

— Сегодня ночью, — сказал я.

— Чат?

— Не будет. Большинство высказалось «за». С нами идут урки Чебурека.

— Зачем?

Я объяснил.

Заверещал мобильник.

— Видоплясов слушает.

— Это Горовец. Ну что там у вас?

Я передал трубку Шурику.

— Пока ничего. — Партнер задумчиво почесал переносицу. — Вообще. Я переключаюсь с канала на канал, но везде спокойно. Некоторые «жучки» забрались внутрь — их отрезало какое-то мощное экранирующее поле.

— Окна?

— С затемнением. Слушай, Гена, видимой опасности нет. Тишина. Но я ей не доверяю. Сегодня прилетали грузовые челноки — их сразу запрятали в подземные ангары. Кибероидная активность на нуле.

— Охрана?

— Укрепленный периметр. Контрольно-следовая полоса, сетчатый забор под напряжением, лазерные пушки-бегунки. Радары.

— И все? Как насчет силовых барьеров?

— Их нет. По крайней мере «жучки» прошли беспрепятственно.

— Реагирование на биомассу?

— Птицы и насекомые пролетают в метре над забором — ничего.

— Отлично! Перекачай все на мой научный комп. Адрес не забыл?

— Нет. — Пальцы левой руки Шурика забегали по клавишам. — Еще что-нибудь?

— В квартале от вас серый приземистый пакгауз — это оружейный склад Департамента. Найдете?

— Найдем, Геша. Без проблем.

— Дуйте туда. Конец связи.

Горовец отключился.

— Я нырнул в Сеть, — сказал Шурик. — А ты води фургон до пересечения с Дзержинского.

— Старый пакгауз?

— Он самый.

Шурик наклонился, чтобы поднять биос.

Я врубил радионаушники.

«Зачем вам миры Чедвика? — вещал ди-джей. — Стопроцентный аналог — и даже лучше! — картриджи с реальностями от «СИМОТИ». Высочайшая степень интерактивности — вы управляете своим миром, как Бог. Для экстремалов — кар-

триджи с регулятором степеней контроля и обратной связи. Официальный дистрибьютор в Белополисе...»

Я пристегнул Шурика к креслу и завел двигатель. Интересно получается. Мы теперь бандиты? Вне закона? Когда Президент и Совет Директоров узнают — они прихлопнут Отдел как муху. От нас мокрого места не останется... Но если мы не начнем штурм — нас прихлопнут другие. «Соски» как-то используют Инфосферу, и если мы stormозим, эволюция прокатит человека, как прокатила динозавров...

Вот он — шлакоблочный прямоугольник, скрывающий сорок сантиметров брони и обширный арсенал. На подъезде блокпост. Никого. Я расценил это как приглашение и зарулил на стоянку — уже под завязку набитую тачками. Машины стояли очень плотно — едва не царапаясь бамперами. Я пристроился рядом с «тойотой» на воздушной подушке — аппаратом Митровских. Растолкал спящего партнера.

— Нас ждут, Саня.

Тяжелые створки дверей склада были распахнуты. Нас встретили Бармалей и Ницшеанец — вооруженные до зубов, со сканерами и анализаторами и-карт.

— Извините, ребята, — сказал Бармалей, обыскивая меня. — Предосторожность. Личный приказ Горовца.

Проверка заняла около минуты.

«Смысл?» — думаю я, вышагивая между рядами боевых машин. Действительно — для чего эта лажа? Кибероиды давно не подстраиваются под человека — им проще выжить в своем «естестве». Датчик при любом раскладе засечет нелюдя. Чего опасается Горовец? Ответ на поверхности — легов из Ай-Пи-Аш, псов Президента. А еще конкретнее — агентов-оперов, которые, по слухам, меняют лица как перчатки.

«Собачники» сбились в тесный кружок в ангаре, предназначенном для штурмовых граверов. С потолочных панелей лился тусклый свет. Я заметил, что наемники одеты в удобные прочные шмотки, кое-кто — в армейскую форму. Сам Горовец щеголял в бронежилете и металлизированных штанах-коммандос. Возле его ног стоял ящик с патронами, а к нему был прислонен «дракула» — шикарный ствол, пулемет, совмещенный с плазменным резаком, фактически ручная зенитка. Как раз под стать владельцу. Горовец покосился на нас и достал из нагрудного кармана мобильник.

— Бармалей, Ницшеанец, закрывайте ворота и марш ко мне!

Он бросил на меня и Шурика оценивающий взгляд. Затем гаркнул куда-то в полумрак за спиной:

— Ворон! Выдай Костику подствольный «Ж-7».

Напарник Ведьмака — седеющий здоровяк с цыганской бородой и в шляпе с широкими полями — выступил вперед и бросил мне цилиндр электромагнитного излучателя. Я поймал его и приставил к «винчестеру» — сработали магнитные захваты, и моя пушка пробила канал к новому элементу. Классная штука — расстраивает цепи любых киберсистем в радиусе ста шагов. Если успеешь прицелиться. Но в принципе если успел, то и разрывная справится с делом. В большинстве случаев...

Появились Бармалей и Ницшеанец.

— Так, — заключил Горовец. — Все в сборе.

Я присел на корточки и положил «винчестер», с которыми уже привык не расставаться, на холодный бетон.

— Сверим таймеры, — приказал Горовец. — Сейчас пятнадцать ноль-ноль.

У большинства присутствующих часы были выведены на зрительный нерв, так что настройка не вызвала видимых действий. Только я поднял кисть с живленным табло — там горело сакраментальное «15.00». Мимоходом отметил биометрические показания: пульс, давление в норме.

— Все знают, что делать?

«Собачники» дружно закивали.

— Отлично! На всякий случай повторю инструкции. — Горовец щелкнул тумблером у себя за ухом, и в воздухе замерцала карта. — Красные квадратики в центре — Институт Генетических Модификаций... Мы здесь. Задача — проникнуть на территорию объекта, выяснить, где находится гнездо «сосков», и уничтожить. Чем больше «скальпов» мы соберем, тем лучше. Все действия строго согласованы. Я сам выхожу на охоту.

Раздались жидкие аплодисменты.

— Спасибо! — Горовец скромно потупился. — Так, с задачей разобрались. Каждому в обязательном порядке иметь мобильник. У меня тут контейнер наручных браслетов — очень удобно и функционально. Теперь для тех, кто не в курсе: с нами идет могилевская братва. Сетевики работают в контакте

с «КОЛОБКОМ». Влезаете в компы ИГМ, выводите из строя что только можно (особенно — охранные модули) — короче, шухер по полной. Даете мне и ребятам сигнал, что путь открыт. Мы вламываемся и аккуратно проводим зачистку. Для моих бойцов начало операции в двадцать три ноль-ноль. Шмали не курить, никакой дряни не глотать, не бухать. Увижу расширенные зрачки, нетвердую походку — сразу вырубаю. — Для наглядности он поднял кулак. — Просекли?

Мы снова закивали.

— Так. — Горовец приблизился к карте. — Глазки сюда. Кристина и Макс — ваш отправной пункт на Прилепского, 6. Кто пойдет со мной?

Супруги Макс и Кристина обычно делили все поровну. Каждый по очереди выполнял роль «сетевика» и «уличника». Но я знал, что по виртуалу Макс шарит лучше жены, поэтому она чаще отправлялась за «скальпами».

— Я, — сказала Кристина.

— С тобой в связке Бармалей и Франциск. Двинетесь через мусорозавод. Обогнете свалки и через кладбище поездов — к объекту. Вопросы есть?

— На свалках много бомжей и мутов. Я имею право стрелять по живым мишеням?

— В случае крайней необходимости — да. Еще вопросы? — Горовец обвел нас взглядом. — Так. Митровские и Ницшеанец дуют с Кузнецкого переулка. С вами будут еще трое — телохранители Рахматова. У вас справа будет атомная электростанция, а слева — «частный сектор». И через лес — к внешнему периметру объекта. — Горовец водил пальцами по голограмме. — Дальше. Ворон, Дворжецкий, Кран и Володькин — высаживайтесь с вертоплотера...

Да, круто. Вот только как мы собираемся прорваться сквозь периметр? Атака на охранные модули — здорово, согласен. Но периметр — штука простая. Умные люди сознательно не подключали контролирующие его компы к Сети и тем самым обезопасили себя от хакерских взломов. Да и «железо» поставили самое древнее — его не достать ни с мобильного, ни со спутника. Только кабельное соединение. Скорее всего роль охранников отведена кибероидам. Да, веселенький расклад...

— Видоплясов. — Горовец посмотрел на меня. — Ты в квартале отсюда, на перекрестке с Лермонтова. Речка, огоро-

ды и «частный сектор». Потом лес. Дистанция на четыре кэмэ. С тобой пойдет Батон — это шофер Рахматова. Надежный чувак.

Ко мне в душу заползли смутные подозрения.

— Батон?

— Да. Это его погоняло. Так он объяснил.

Я подумал, что электричество в принципе можно отрубить. Через ту же Сеть. Если только у периметра не автономное питание. Датчики слежения? У них ведь сверхчувствительные мембраны, правда? Ультразвук плюс сетевой удар в секторе прорыва — и дело в шляпе.

— Ребята. — Горовец чуть не прослезился. — С нами Господь, Аллах, Будда, Кришна и другие. Не подведем братанов, а? По коням!

После такого напутствия воодушевленные «собачники» разбрелись, застегивая на запястьях браслеты связи и негромко перешептываясь. Стоянка возле пакгауза быстро опустела.

Я уселся в кресло водителя и завел двигатель.

— Костя, — мой партнер вдруг нарушил молчание, — есть просьба.

— Ну.

— Там у них Шаман... Вытащи его. Пожалуйста.

— Не знаю, Шурик. — Я пожал плечами. — Не обещаю. Будет крупная заваруха...

— Вытащи, — с нажимом повторил Марченко. — Договорились? Он сегодня умчал куда-то на гравере, вернется в полпервого ночи.

— Точно под штурм подгадал. Молодчина.

— Хватит прикалываться. Его сопровождают те придурки, что с тобой на Кедровой пообщались. Помнишь?

Я помнил. Костяшки пальцев на «баранке» побелели.

— Хорошо. Сколько их?

— Четверо. Я думаю, вы с Батоном справитесь.

— Поглядим.

Я вырулил в ту самую точку, откуда снялся около часа назад. Нас поджидал черный лимузин, а рядом возвышалась фигура любителя жареных ушей и приправы «Капитоша». Батон.

— Привет! — прогудел шофер-маньяк. На плечо он взвалил что-то вроде карманной базуки или противотанкового ружья. С таким калибром можно целую армию разметать.

Я пригласил его в фургон.

...Вечером небеса разродились. Оглушительной плетью хлестнул удар грома. И уже следом донесся его отголосок — словно далекий горный обвал или шум водопада. Нет, шум водопада — это уже дождь. Сверкнула молния.

Красиво написано. Я закончил набирать текст, заснял «акатом» очередную зигзагообразную вспышку и скачал фотку на свой файл. Сообразил гиперссылочку...

Время мы коротали как могли: играли в «города», пили пиво, спали, чатовались в Сети с лесбиянками из Польши. Батон рассказал нам свой коронный анекдот:

— Гуляет злой дяденька, видит — маленькая девочка играет в песочнице. Он ей выколол глазик. Девочка не обратила внимания. Он ей выколол второй глазик. Девочка взяла ведро и пошла. «Ты куда?» — спросил дяденька. «А мне папа сказал: когда стемнеет — идти домой».

Шурик нырнул в Сеть и оставил нас вдвоем.

Когда мой биометрический датчик показал 22.30, дождь заметно поутих. А еще через полчаса ожил braslet:

— Всем постам. Начало операции.

Мы с Батоном вывалились в ночь. Спустились по откосу, пересекли пустырь и по шаткому трухлявому мостику перебрались на тот берег. Как два танка, топча морковку и укроп, преодолели пространство огородов.

— Куда теперь? — пропыхтел Батон.

— Прямо.

Мы зашагали по гравийной дорожке мимо покосившихся хибар. Я надел инфракрасные очки, и окружающее предстало в зеленом цвете. Я задержался, чтобы сориентироваться на местности: дорожка петляла, изворачивалась змеиными кольцами, и лес, маячивший зубчатой стеной впереди, теперь оказался справа.

И в этот момент я увидел свору.

Разъяренные псы, не менее десятка особей, с лаем мчались на нас. Батон растерянно замер. Я дал предупреждающий залп поверх голов — трассирующими. Это их не остановило. Следующая очередь — по лапам. Свора перегруппировалась и... взлетела. Я увидел, как из покрытых шерстью боков выпростались кожистые крылья, под которыми угадывались очертания стальных плоскостей. Ага, «крысы». Я долбанул в самую гущу аэро-

динамичных дворняжек электромагнитным лучом — и не промахнулся. Ядро атакующих как подрезало — псы закувыркались, задергались, некоторые вписались с размаху в частокол слева, а некоторые пропахали мордами по гравию и затихли. Я едва успел пригнуться — уцелевшие враги со свистом пронеслись над головой. Их было трое. Чьи-то челюсти клацнули в сантиметре от моей шеи. Я уже понял, что с собаками эти существа не имеют ничего общего: то, что я принял вначале за шерсть, оказалось сенсорными волокнами, лапы были перепончатыми и многосуставчатыми, а морды напоминали лемуров, только с широкими хищными пастьми. Бредовище.

«Крысы» развернулись, и тут их накрыло огненным смерчем — Батон пальнул из своей «базуки». Попутно он в щепки разнес жестяной сарай и колодец. Я удивленно обернулся — Батон застыл, как изваяние из барельефа «Защитники Сталинграда». Ствол еще дымился.

Я достал из кармана нож-выкидуху — снять «скальпы».

— Оставь, — сказал Батон.

Я остолбенел.

— Да тут на штуку...

— Оставь, — повторил шофер-маньяк. — Никуда не денутся. На обратном пути заберешь.

Я вспомнил про ресторан «Франкенштейн» и не стал перечить.

Мы перелезли через ограду фермы, где клонировали свинину, обошли за километр вонючие корпуса, продрались через какие-то заросли, снова перелезли через ограду, миновали гидропонные оранжереи, детскую площадку, кладбище домашних животных — и выбрались к самой кромке леса.

Таймер показывал 23.27.

Лес представлял собой загадочное зрелище. Деревья — плоды радиации и извращенной, необузданной фантазии селекционеров. Гибрид осины с березой — это еще можно понять и простить, но черная смородина на соснах — уже перебор. Кроме того, ученые ИГМ в виде эксперимента скрестили отдельные виды кибероидов с растениями и высадили в той же многострадальной чаще. Гоголю или Сальвадору Дали тут бы понравилось, но я старался быстрее пройти мимо оплетенных проводами квазипапоротников и прочей фигни в стиле биомеханоидов Гигера.

Наконец полесские джунгли расступились, и путь преградил периметр. Я едва успел нырнуть обратно в кусты и утащить за собой Батона. В десяти метрах от нас проходила фосфоресцирующая контрольно-следовая полоса. Затем — сто метров запретной зоны, освещенной прожекторами, размещенными на укрепленных вышках, и мелкаячеистое пятиметровое ограждение. На самом верху забора было смонтировано нечто, напоминающее монорельс. Лажа полнейшая, позапрошлый век. Эпоха ГУЛАГов и Освенцимов. Но от деревни защита надежная.

23.41.

Заговорил браслет — Горовец устраивал переключку. Сектор прорыва наметили в трехстах шагах справа от нас. Гранатами погасили прожекторы, полили специальным составом контрольно-следовую полосу и нанесли два удара — ультразвуковой и световой — по датчикам слежения. В 23.46 сетевики сообщили, что охранные модули выведены из строя, а электричество накрылось по всей территории Института. В 23.48 Горовец послал команду добровольцев — резать лазерами забор. Команда действовала грамотно — рассредоточилась по одному и стала кромсать периметр сразу в пятнадцати местах. В 23.51 все были мертвы.

Выяснилось, что таинственный монорельс — это подъездной путь для боевого кибероида, метко стреляющего из плазмера и спаренного пулемета, причем пули, выпущенные из него, обладали смещенным центром тяжести.

Тогда Горовец выставил наиболее тяжеловооруженных бойцов и поручил им сбивать паразитов. Батон сразу же вынес целую секцию забора. К полуночи нам удалось взорвать шестерых «рельсовиков». После этого объединенные силы Заднепровского рынка и «Отдела по борьбе с кибернетическими аномалиями» с ревом ворвались на вражеский участок.

Корпуса лабораторий встретили нас гробовым спокойствием: никто не орал в мегафон, никто не выбегал с кулаками и пушками, никто не пытался стереть нас с лица земли. Горовец приказал штурмовать главный вход. Дверь вышиб опять тот же Батон из своей «базуки». В дымящийся проем были посланы Франциск и Ницшеанец.

Никто не вернулся.

В 00.17 Горовец получил сообщение от «КОЛОБКА» и сетевиков: «соски» предприняли ответную атаку, среди хакеров и сотрудников Отдела есть жертвы. Горовец послал группу захвата в административный корпус — за директором. Никто не вернулся.

В 00.23 я связался с шефом и попросил перевести меня и Батона на посадочную площадку.

— Зачем? — строго спросил Горовец.

— Там приземлится гравер с Шировым на борту.

— Добро.

Шеф отключился.

Гравер прилетел в 00.34. Я предупредил Батона о рукопашных способностях легов и попросил не применять больше «базуку». Уродов я скошил одиночными снайперскими выстрелами из «винчестера».

Шаман ждал нас, никуда не пытаясь удрать.

— Привет! — сказал я.

— Привет!

Глупее не придумаешь.

— Ты арестован.

Шаман усмехнулся:

— Дурак.

— Что?

— Дурак. Скажи своим людям — пусть уходят. Внутрь им не пролезть.

— Это еще почему?

— Силовое поле джа. Уничтожает любую биомассу, проникающую в здание. Не отключается.

Широв говорил быстро, отрывисто.

— А как заходят сотрудники Института?

— Никак. Их нет. Здесь больше нет людей.

— Кибероиды?

Он кивнул.

— А ты?

— Меня везли на ликвидацию.

— Ну конечно. Ты им выложил все на блюдечке и больше не нужен. Ты же человек, к тому же знаешь слишком много. «Ликвидация» — экологически чисто, бесследно. Толкнуть парня в силовое поле — и нету его. Но что-то не вписывается в конструкцию. Леги. А еще — Президент и Ай-Пи-Аш. Реаль-

ное правительство Белополиса — на стороне кибероидов, так получается? Садись в тачку, — сказал я Шаману. — Поговорить надо.

Гравер повел Батон.

2.4. (9.05.2164)

Я снял «карнавальную маску» и выдернул из черепа биос.

В жилой части фургона меня поджидала интересная троица: Костя, Батон и Вадик. Лица — мрачнее тучи. Дождь вовсю хлестал по корпусу, превращаясь в ливень. Я вытер пот со лба — холодный пот.

— Кранты, Шурик, — сказал Костя.

Шаман вдруг занервничал:

— Вы тут сами разбирайтесь, а мне пора. По Агломерату охота разворачивается — и чем скорее я доберусь до границы, тем лучше. И вам советую отваливать.

— Тебе с твоими заслугами лучше на орбиту податься, — зло посоветовал Костя. — А оттуда — на Луну или астероиды. Затусуйся на дно кратера — и чтоб ни слуху ни духу.

— Заткнись, Костя! — устало перебил я. — Пусть идет.

— Я тоже пойду, — буркнул Батон. — Перед Гасаном отчитаться.

Он повернулся к Вадиду:

— Подбросить на «До»?

— Спасибо, я сам. У меня гравер.

Они исчезли. В лобовом стекле кабины промелькнули огни лимузина, искаженные водяными разводами. Гроыхнуло.

Во мне еще живет потрясение от ментальной атаки «сосков». Третью хакерской группы Рахматова смяло, Макс, Ведьмак, Митровский-младший и Сэм не вернулись в реал. Остальные лечатся водкой и транквилизаторами. Надеюсь, это не зря.

— Провал, — сообщил Костя. — Полный.

Я устало опустился на коврик.

— Ну?!

Напарник дернулся от моего крика.

— Шли хорошо. — Костя нервно поглаживал один из стволов «винчестера». — На периметре потеряли пятнадцать человек. И вдвое больше — у корпусов...

И тут он сорвался:

— Понимаешь, там ничего нет! «Крысы», «соски» и силового джа! Они шныряют взад-вперед, а от наших даже пыли не остается — мгновенно раскладывает на молекулы! Ницшеанец, Бармалей, Крот, Ивашкевич — все мертвы!

Он заплакал.

Я впервые видел, как плачет «краповый берет» — молча, зло. Каменное выражение лица и ручейки из уголков глаз. Губа нижняя дергается. И ни звука. У меня не хватало сил даже на это.

Минут десять я его не трогал. Потом он сам заговорил:

— «Скальпов» — завались, Саня. «Крысы» на нас стеной перли. Как саранча. Горовец занял круговую оборону — отбились. А толку? Сквозь поле не пройти. Сигналы «жучков» оно тоже экранирует. Толстый приказал отступить. Заднепровские посадили своих на вертолеты — и тью-тью. А нам — обратно через лес, огороды и «частников». На мусорозаводе попали в засаду — по граверу лупанули тепловым лучом. Едва не зажарились. А из тех, кто возвращался пешком, никто не выжил... А знаешь, что самое страшное, Санек? Вот мы с тобой гадали, для чего «соскам» Инфосфера. А для чего им Сеть, а? Они там обитают, правильно? У них там ареал, цифровое пастбище. А Инфосфера — новая ипостась «паутины». Они туда переселяются, Шурик! ПЕРЕСЕЛЯЮТСЯ. Благодаря биопортам Инфосфера становится частью сознания, да? Зачем воевать с людьми, зачем нас уничтожать? Зачем? Знаешь, кто установил силовуху? Сотрудники Института. Вот...

Он вытащил из кармана устройство, похожее на пистолет.

— Что это? — спросил я.

— Имплантатор. Вместо пуль — биопорты. В обойме двадцать штук, я посчитал. А на территории ИГМ — ни души. Они все поперлись в город. С такими вот игрушками в руках. Кстати. На, послушай.

Он протянул мне радионаушник. Сквозь помехи звучала реклама:

«...Биопорты от Ай-Пи-Аш! Это круче вирта, круче миров Чедвика, круче картриджей с реальностями! Это — свежее ды-

хание! Вживляй и присоединяйся, наш выбор — высокое качество ощущений...»

Я выбросил наушники в окно.

«...течения... потоки... Вот как достать уродов. Вмазать де-стройсофтом по ключевым векторам...»

Если не поздно...

Ерунда. Хоть кого-то — достану.

Я принял решение.

— Надо ехать в Отдел, Костя. Через Кедровую.

— На хрена нам Кедровая?!

— Надо. У меня есть план. Высадишь меня, а сам дуй к Горовцу. На максимальной скорости. Понял?

— Да.

— Чудненько!

В кабине гудел ветер, изредка залетали холодные брызги. Я поднял стекла. Костя сел за руль. Фургон тронулся.

...Подлинное рабство. Хомо сапиенс — придаток более совершенного разума. Сами по себе, в невещественной Инфосфере ОНИ бессильны. А вот имея подвластные руки-ноги плюс манипуляторы модернизированных кибероидов... Со временем, безусловно, нужда в человеке отпадет — как в бессмысленном рудименте. Каждый индивид системы будет заменен многофункциональным механизмом, удобным в обращении. И тогда можно творить, изменять Вселенную как заблагорассудится.

А потом заработает теория Шамана. Биты соединяются в байты... «Соски» размножаются, заполняют собой ареал и преобразуются в НЕЧТО. Тот самый, долгожданный Искин. Очередной эволюционный виток завершится.

Если никто не помешает.

Структура, предназначенная для фиксации, сама преобразует окружающее. И эта структура обладает ЗНАНИЕМ, не доступным никому на Земле. Само пространство-время, континуум записывается на жесткие диски Инфосферы. Как медом соты, наполняются информацией кластеры. Даже сейчас. Каждую секунду. Это же власть, безграничная власть над реальностью, и «соски», бывшие сетевые паразиты, похоже, собираются переквалифицироваться в богов.

Фургон сильно трянуло. Странно — шоссе идеально гладкое.

— Останови, — попросил я Костю.

— Зачем?

— Надо.

Мы резко затормозили. Я открыл дверцу и шагнул на мокрое пласторезиновое покрытие. Отвесные струи, подсвеченные неонам витрин, хлестали по голове, щекам, плечам. Метрах в тридцати позади фургона я нагнулся, чтобы получше рассмотреть предмет, через который мы перелетели: черный скукоженный шар, похожий на футбольный мяч (по размерам) или колобок. Мертвый «колобок» — я усмехнулся пришедшей в голову ассоциации. Он отвалился от какого-нибудь утилиткабеля в каком-нибудь модном бутике и выполз на трассу умирать. Мне вдруг стало весело, как после просмотра детской мультяшки. «Колобок» выполз умирать... Да, смешно.

Я захлюпал обратно.

— Что там? — Костя раздраженно мусолил баранку. — Прокладку потерял?

— «Сосок», — объяснил я. — Труп.

— Труп? — уточнил Костя. — Снимай «скальп», партнер.

— Кому он теперь нужен? — Я ощутил на языке горечь. — Кому?

Костя не ответил.

— Двигай, — сказал я. — Медленно.

Фургон потащился по стреле трассы в нагромождение башен, салонов и «ночников». Я уныло шагал рядом.

— Залазь, — пожалел меня Костя. — Промокнешь.

— По фигу.

Вскоре я заметил еще одного «колобка» — прямо под плакатом водки «Доброе утро». Жалкий, совершенно не опасный трупик.

— Сдох! — радостно заорал Костя, высовываясь из кабины. — Все сдохли, твари! Все! Круто, а?

— Дурак, — сказал я. — Это как реинкарнация. Физическую оболочку отбросили и теперь прикалываются над нами оттуда.

Я ткнул пальцем в небо.

Костя потух.

Вода струилась по лицу, стекала за шиворот, когда я хлопывал дверцу, отрезая себя от непогоды.

— Мы пропустили момент, — сказал я.

— Какой?

— Не знаю. Но пропустили.

Костя обдумал мои слова.

— Шурик... Возможно, я не прав, но мне кажется, что мы с самого начала все пропускали. Так боксер-профессионал уделывает новичка-третьеразрядника. Мы сами себя выпустили на ринг и нехило лажанулись. А теперь?

Меня вдруг осенило:

— Зря мы отпустили Шамана.

Наши взгляды встретились.

— Зря, — согласился Костя.

На проспекте Мира в Могилевской зоне мы насчитали несколько сотен «колобков». «Озолотиться можно», — причитал Костя. «Давай рули», — подгонял я. Нормальные люди активировали бы кибернавигатор, но нам, неудавшимся спартамцам и легионерам в одном флаконе, хотелось иметь видимость контроля над ситуацией.

Костя высадил меня у Кедровой, помахал на прощание рукой и взял курс на Минск. Я побрел к сияющему квадрату вестибюля. С клубных уровней грохотала музыка — там разгоралось экстазийное пламя вечеринки-парти. Снуют дилеры, предлагая свой товар, танцует молодежь, крутятся голографические световороты. Безумство незнания...

На сей раз я не цацкался с лифтом — просто выбил панель терминала и перепрограммировал его на быстрый ход.

«...течения... потоки...»

Я взмыл со скоростью экспресса. Желудок потянулся к земле. Плохой из меня космонавт...

Стоп.

326-й этаж.

Я зашел по безлюдному коридору. Успеть бы...

Я понимал, что поздно. Но в душе кипела злость: пусть не всех, пусть последних, но достану...

Знакомая, почти уже родная квартира. Я придвинул к компу пластиковый ящик и уселся, положив руки на клавиатуру. Замер, внутренне подготавливая себя к битве. Вдох-выдох... Ныряй, сетевик.

Я достал из кармана кубик оптокристалла с дестрой-софтом и вложил в приемный паз рядом с дисководом. Вспыхнул

индикатор готовности. Я вставил биос в черепной разъем, надел сенсорные перчатки и «карнавальную маску».

Диск «А».

Каталог «МЫСЛИ».

«Прощальный файл».

Шаман на старой расшатанной табуретке в своей двоичной комнате.

— Всего лишь моя аватара, Саня...

— Я знаю. Послушай, Вадик, оставь свои лекции, ладно? Где лежат данные о битовых течениях? Твои исследования по «соскам», помнишь?

Аватар глубоко задумался. Хотя бы тебя не перемкнуло, дружок.

— Диск «С», — начал он.

Уже легче.

— Ну, смелее, — подбодрил я.

— «ВИРТУАЛЬНЫЙ СОЦИУМ»... «СЛЕПОЙ КОТ».

— Пароль?

— Догадайся сам.

— Не дашь?

— Нет.

Придуток.

Я выпрыгнул в буфер, переметнулся на диск «С» и дальше — по указанному маршруту. Там, в далекой нереальной реальности, пальцы нащупали кубик с «буравчиком» и скормили прожорливому приемнику. Здесь после часа ювелирной работы я взломал «СЛЕПОГО КОТА», пробрался через джунгли технической информации и нашел то, что искал, — сетевые координаты миллионов битовых течений. Я даже не подозревал, что их так много... Выделяю основные (их всего несколько сотен) и скачиваю в оперативную память. Так. Осторожненько пятимся назад, чтобы ненароком не зацепить стенки пробитого «буравчиком» тоннеля. Снова буфер. Я выхожу в Сеть и запускаю «поисковик». Двадцать минут ожидания — и объекты выявлены. Я завис в голубом ничто, передо мной — галерея картин. Каждая — квадрат метр на метр, а в нем цифровые потоки несутся к призрачной перспективе. Галерея изогнута дугой — я могу дотянуться до каждой картины... Но это всего лишь срезы, сечения. Биты вытекают из них, проходят сквозь меня и исчезают, теряются в дебрях утилиткабелей и спутниковых каналов. Я ощутил дуновение — скорее сознанием, чем

кожей, — по одной из двоичных рек ко мне неслась смерть. Та самая, что убила Макса и других ребят.

Но дестрой-софт уже загрузился — сила против силы, сминаящая, жестокая, запрещенная программа.

И в тот момент, когда смерть настигла меня, пальцы в сенсорных перчатках надавили «энтер», запуская акулу в тихие воды пастбищ.

Жрите, уроды...

1.5. (9.05.2164)

Дом литераторов напоминал склеп.

В конференц-зале тихо плакала Кристина. Не люблю я этого — когда бабы режут. Стоишь у нее за спиной, как дебил, словно сам виноват. Слов куча, но все какие-то глупые. Макс был классным «собачником» — мы иногда работали вместе на крупных облавах. И умер он как герой — хотя и бессмысленно. Ничего, спартанцы тоже гибли без смысла — внешне. А выбор у них был? Вряд ли. Как и у нас.

Я тронул ее за плечо.

Кристина вздрогнула и обернулась: низенькая, с короткой стрижкой, но мускулистая и довольно красивая девушка.

— Где Горовец? — спросил я.

— В компьютерном.

— Один?

Она кивнула.

— А другие?

— Больше никого нет.

— Совсем? — не поверил я.

— Совсем.

Похоже, крысы разбегаются. Не кибероидные, антисоциальные, а те, что сваливают обычно с тонущих кораблей. Наверное, правильно делают. Война окончена, и мы ее проиграли. Незачем приносить себя в жертву. Время собирать камни и время их разбрасывать. Доразбрасывались. Время сваливать.

На пороге «аналитического центра» я замер. Горовец сидел, развалившись в кресле-вертушке перед видеостеной. На квадратах мониторов город жонглировал огнями и рекламами,

плевался неоном. Изображение наплывало — я понял, что камера расположена на борту машины. Геликоптер? Прямо по курсу маячили черные точки. Целая эскадрилья.

— Штурмовые граверы, — пояснил Горовец. — Практически истребители узкого спектра действия. Я поднял их в воздух.

В голосе флотского украинского оператора звучала неподдельная гордость. Он словно помолодел, сбросил десяток лет. Это он, Горовец, вновь и вновь крушил Стамбул — свой личный Стамбул...

Я понимаю его. Люди не могут проникнуть в ИГМ. Зато ракеты могут.

— Гена, — начал я. — «Соски»...

— Что — «соски»? — Он развернулся лицом ко мне.

— Они переселяются. В Инфосферу.

— Глупости.

— Это правда.

— Их не будет через... шесть минут и восемнадцать секунд.

А потом вы проведете зачистку, и я уйду на пенсию.

Я покачал головой.

— Нас только трое, Гена. Ты, я, Кристина.

— Плевать. Новых наберу.

— Они переселяются, Гена! — заорал я. — Просекаешь? ИН-ФО-СФЕ-РА. Они почти все там! Уничтожение Института ничего не даст.

— Даст. — Горовец хищно оскалился. — Даст. Сейчас он вспыхнет — красотища будет, жаль, Купала не увидит — он бы споймал кайф.

Огни на экранах сместились вправо.

— Они разворачиваются, — сказал я.

— Это невозможно.

Я хмыкнул. Затем спросил:

— Кто владеет кодами доступа к бортовым компьютерам граверов?

— Я.

— Еще?

— Президент, естественно. У него все ключевые коды.

— Белополису конец, — пробормотал я. — По крайней мере — человеческому Белополису.

Горовец все-таки соизволил взглянуть на экраны. Изображение сдвинулось на 180 градусов. Граверы летели прямо на нас. И, вероятно, уже наводились ракеты.

— Это ведь тоже киберы, — печально улыбнулся я. — Недоразвитые чуть-чуть, зато легко управляемые.

— Невозможно, — повторил Горовец.

Я представил Дом литераторов в перекрестие прицела. И наконец-то сложились в общую картину отдельные мозаичные кусочки: Президент, Ай-Пи-Аш, леги, ИГМ, мы и ОНИ. Все состыковалось.

— Гена, повсюду распространяются биопорты. Через них «соски» манипулируют людьми. Население Белополиса инфицировано этой заразой. И он — тоже.

— Что — тоже?

— Да неужели не ясно? Президент — кукла. И с ним в команде — Совет Директоров Ай-Пи-Аш. Мы с тобой вне закона. Надо уходить.

— Куда?

— В Нордик, в Питер, куда угодно. Подальше отсюда. За границу.

— Эй, парни, о чем вы? — На пороге возникла Кристина.

— О том, что мы стоим здесь, как безбашенные космические отморозки, и ждем, когда здание разнесут в щепки.

Шеф резко выпрямился — словно ожившая скала. Я приготовился принять на голову мощнейшую подачу — после которой вряд ли оклемаюсь, — но ничего подобного не случилось. Горовец подхватил с пола невостребованного «дракулу» и принялся его неторопливо изучать. На экранах огни слипались от скорости.

А в глазах Горовца пылал Стамбул.

Фургон завелся с полоборота.

— Агатовая, — сказал шеф. — Там у меня вертолет.

Я повел машину вдоль Свислочи. Горовец в соседнем кресле почти не шевелился, лишь иногда бросая реплики, как лучше проехать. Кристина заснула в салоне.

1.6. (9.05.2164)

На площади Победы лазерные нити соткали экран метров пятидесяти в диагонали — там красовались наши рожи, а в бегущей строке команда:

— Зачем эта показуха? — фыркнула Кристина. — Гораздо проще — напрямую, через биопорт. Для нас?

— Конечно. — Горовец зло сплюнул. — Обложили, твари.

Агатовая башня тысячеэтажным монстром буравила небеса. Колоссальный жилой комплекс, уступчатые уровни бутиков, ларьков, баров, ресторанов и крытых зимних рынков... Некоторые десятилетиями не покидали этот мирок и с трудом представляли, что находится за его пределами. Опасаясь людных мест, мы начали длительное восхождение по внешним галереям. Здесь с наступлением весны закипела жизнь: повывезли из щелей уличные художники, цыгане, лоточники, торговцы мороженым, дешевыми корейскими шмотками, картриджами, дисками и оптокристаллами, насваем и разными хитроумными имплантатами, косметикой и лицами, голографическими татуировками, стволами и даже книгами — кучей оклеенных бумажных листов с буквами древних языков. К тому времени, когда распространилось эсперанто, их почти прекратили издавать... Чем выше мы поднимались, тем пустыннее становились галереи. На двухсотэтажном рубеже мы выдохлись. Тут уже вовсю ревел северный ветер, тот, что принес с собой дождь и грозу, а капли холодными клинками вонзались в кожу. Где-то за нашими спинами догорал Дом литераторов. Восточные уступы озарялись фиолетовыми вспышками. Сердце дико стучало, и подскочил адреналин, а на таймерах было 4.56. Утро. Из-за горизонта близится рассвет, но доживем ли мы до него?

— Надо рискнуть, — сказал Горовец.

Я думаю о Шурике. Если ты еще на Кедровой, напарник, я тебя вытащу. Только не уходи никуда, пожалуйста. Мы прилетим и заберем тебя. На войне своих бросать — последнее скотство.

— Надо рискнуть, — повторил Горовец. Он прокричал эти слова, перекрывая вой ветра и шум дождя. — Рванем к лифтам.

— Опасно, — возразила Кристина.

— Рискнем, — поддержал я шефа.

Ветер отрезал прозрачные заслоны. Кристина шла первой, мы — за ней. Коридор, по обе стороны которого — ряды квартир. «Винчестер» я сунул в кобуру, пристегнутую сзади к комбинезону. По карманам были рассованы гранаты, пачки банк-

нот (кредитку я не брал, вычислить беглеца по ней сможет и младенец), кубики с софтами — имущество Шурика. Зачем я их взял — без понятия. В крайнем случае загоню на черном рынке. Товар ходовой...

Из-за поворота нарисовался коротышка в идиотских брюках-клеш и жакете поверх рубашки в полосочку. Он мгновенно узнал нас. В серых невыразительных глазках мелькнул испуг, а затем... он полез за пушкой.

— Стоять! — рявкнул Горовец.

Коротышка соорудил дикую гримасу, заглядывая в дула трех стволов. В его вытянутых руках дрожал пистолет — тот самый имплантатор, что валяется где-то в салоне фургона. Копия.

— Дай сюда! — приказал Горовец.

Шизоид замотал головой.

И нажал на спуск.

Шквал огня снес бедолагу. Горовец удивленно потрогал ухо — из мочки сочилась кровь. Имплантат застрял в дверном косяке — желтая капсула с бритвенно-острыми усиками. Эти усики вдруг зашевелились, и биопорт буквально вгрызся в пластик, ввинчиваясь по часовой стрелке.

— В голову метил, ублюдок, — прорычал Горовец.

Мы оттащили тело к мусорной шахте и сбросили туда.

— Здесь рядом грузовые кабины, — сказала Кристина. — Вот указатели.

Горовец вырезал лазером дыру в стене (доступ был ограниченный, по пропускным чипам), и мы забрались на широкую, грубо сваренную платформу, подвешенную на сплетенных из мономолекулярных нитей тросах. Я лег спиной на жесткие стыки — передо мной распростерся туннель в бесконечность. Кристина выкорчевала коробку передач, переставила две клеммы, и платформа вдавилась мне в позвонки. Уровни Агатовой уплывали прочь... Я представил колоссальный муравейник Белополиса — неправильной формы звезду, изъеденную автострадами, источенную подземкой, утыканную башнями, пронизанную кабелями коммуникаций... Представил полумиллиардное население, снующее по норам и червоточинам техносферы. Без смысла. И это было будущее. То, в которое мы загнали сами себя и из которого нет выхода. А затем я представил другие Агломераты — Нордик, Токио, Лондон, Сингапур, Бейрут... Орбиталь-

ные поселения — Дзен-Трансо, Шива, Альфа... Инопланетные мегаполисы — Порт-Арес, Каньон-Сити, Венераполис, пересадочные станции... И повсюду расползается зараза. Незаметные агенты серыми тенями внедряются на орбиту, садятся на корабли и сеют, сеют зерна Инфосферы, раздвигают пределы ее влияния...

Я не знаю, что делать.

На крыше было холодно. Ветер швырял в лицо пригоршни влаги. Здесь царил мгла — туи обволакивали уступы и парапеты. Погодка...

Свод ангара разомкнулся, выпуская вертолет. Вертолет подключился к машине биосом — каждый взмах лопастей вихрил его кровь, гонял по жилам лейкоциты и адреналин...

— Кедровая башня, — сказал я.

Мы спикировали под облачный слой. Зарево рассвета уже полыхало над Белополисом — зарево чужого рассвета. Проблема детей и родителей... Мы создали поколение врагов — настолько непостижимых, что даже неясно, как с ними бороться.

Вертолет посадил аппарат на стилизованный под ветку нарост закусочный.

— Давайте живее. — Шеф заметно нервничал. — Туда и обратно. Где квартира?

— 326-й этаж, — ответил я.

— Жду сорок минут. Потом устраиваю грандиозный шум. Марш!

Мы с Кристиной по вырубленным в «коре» ступеням спустились в закусочную — там сутились усатые грузины, подавая на столы-пни гроздья шашлыков на стальных шампурах и румяные чебуреки. Микроволновки тут были замаскированы под глиняные очаги. Люди веселились, пили вино, танцевали лезгинку — симпатичная такая диаспорка.

Но тут в картину мироздания вписались мы. И полетели ножи и... стаи упреков... Нет, полетели не ножи, а шампуры — повара-горцы, оказывается, ловко метают орудия своего труда.

Пригибаясь, я заметил, как на ладони Кристины металлический цветок распускается полуметровыми лопастями и жирные железки с лязгом отскакивают от полупрозрачного круга — пропеллера в миниатюре. Изящным взмахом Кристина снесла

голову ближайшему противнику — волосатому детине в белом фартуке. Я поразился жесткости приема. Я привык видеть в жене Макса обычную девушку, слегка накачанную, но никак не безжалостную убийцу. А этот имплантат... Штуковина из Нордика. В Белополисе я подобного не встречал.

Мысли промчались в голове смерчем. А затем сработали рефлексy — не «собачника», а «крапового берета» и лега из Интерпола. Я вскочил на «пенек», расшвыряв тарелки и бокалы с сухим красным, попутно впечатывая ботинок в чью-то челюсть, и заорал благим матом:

— На пол! Всем лечь на пол, гондоны!

В доказательство своей правоты я пальнул в светильник-лилию из «винчестера». К моему удивлению, сработало — почти все повалились на ковры. Все, кроме толстого чувака, увлеченно хавающего сардельки с кетчупом, и его «дюймовочки» весом в полтонны.

— Тебя не касается? — Я смерил борова уничтожающим взглядом.

— Он глухонемой, — жалобно пискнула «дюймовочка».

— Правда? — Я поудобнее перехватил «винт». Боров умиротворенно чавкал сардельками — гастрономическая идиллия. — Ладно, извините.

«Дюймовочка» скорчила гримасу — наверное, улыбнулась.

Лопасты замедлили ход и втянулись в ладонь моей спутницы. Я присел на корточки, взял графин с вином и порядочно отхлебнул.

— Здорово! Хочешь попробовать, Кристи?

— Мы спешим.

— Да... конечно.

Башка толстяка выпала из прицела.

— Идем.

И тут глухонемой жиропас выстрелил. Капсула биопорта саданула мне в плечо, вынудив полуразвернуться. Импульсы побежали по нейропроводам и привели в действие спусковой механизм. Обойма разрывных привела в негодность стойку и видеостену с красным Марсом — он рассыпался искрящимися осколками. А грудь толстяка уже расцветилась алыми пятнами — Кристина открыла огонь из своего спаренного «макарова».

— Еще кто-нибудь?

Посетители закусочной боязливо вжимались в пол.

Мы вышли через проем, завешенный шторкой с кавказскими горами. Нам повезло — 338-й этаж.

— Спустимся по лестнице, — предложил я.

— Хорошо, — кивнула Кристина. — Как плечо?

— Ерунда. — Рука повисла безвольной плетью. — Бывало и хуже.

— Партизан весел тогда, когда под откосы летят поезда, — не к теме ляпнул «винчестер».

Пожарная лестница была вынесена в толщу «коры» и, соответственно, страдала узкостью и пылью (ей давно уже никто не пользовался). Вдобавок темень беспросветная — половина осветительных панелей перегорела, оставшиеся покрылись грязью и паутиной. По обе стороны — хитросплетения коммуникаций. Кристина, запустив руки в джунгли проводов и труб, подключилась к сетевому кабелю и вошла в локалку Кедровой. Круто. Значит, у тебя, подруга, еще и встроенный биоинтерфейс, и процессор, вывод на зрительный нерв... Кем же ты была раньше?

— Системы слежения его засекли, — сказала Кристина. — Он в квартире. Уже много часов.

На площадке с наклеванной распылителем цифрой «326» я остановился. Мутило. Красное, что ли, вставило?

— Хреново? — поинтересовалась спутница.

— Фигня. — Я отмахнулся.

Кристина крутнула невидимый маховик и распахнула аварийный люк. Мы вывалились в коридор. Люк автоматически захлопнулся.

— Куда?

— Прямо. — Я повел ее извилистым коридором, смахивающим на лаз, проделанный жуком-короедом. Извращение...

— Надо бы вытащить имплантат, — забеспокоилась вдруг Кристина. Ее голос доносился как сквозь вату.

Я промолчал.

Дверь квартиры Шамана просканировала нас и отказалась пропустить. Я попробовал еще раз — без Кристины, — получилось. В мозгах шумел прибор. В набегающих приливных вол-

нах чудились голоса: песни, смех, чей-то настойчивый повелительный шепот.

Я увидел Марченко. Партнер скрючился под тумбочкой с компьютером, застыв в позе эмбриона. Биос торчал из затылочного разъема, на лице «маска», пальцы в сенсорных перчатках прижаты к вискам. Рот в немом крике. Запекшаяся струйка крови. Он был мертв.

— Нет...

Я нагнулся, сорвал «маску» — он, Шурик.

Копм разбился от удара прикладом. Сначала я разгромил жидкокристаллический дисплей, затем системный блок и клавиатуру. Оборвал паутину проводов, тянувшихся к телу моего друга, взвалил его на плечо и, пошатываясь, побрел к выходу.

Кристина ждала, прислонившись к стене. Я аккуратно положил Шурика на пол.

— Вызывай «скорую».

— Сдурел? Нас повяжут.

— Ему плохо. — Я проглотил вставший в горле ком.

— Ему уже никак, Костя. Он мертв.

— Проверь.

Кристина послушно склонилась, стала нащупывать пульс.

— Сердце не бьется, Костя. Да он и не дышит.

— Не дышит?.. — тупо повторил я.

Туман в голове вдруг развернулся в объемную картину: круги на воде (это круги посвящения, подсказали мне), божественный свет и шепот, перерастающий в громоподобный рев:

— Убей!

Я не могу противиться. Эта команда — часть меня, она строится по нервам, пульсирует в мозгу...

— Убей!

Я начал медленно поднимать «винчестер» — напротив стоял объект — девушка с широко раскрытыми глазами. Я ощутил себя клеткой организма, молекулой, песчинкой чего-то большого, доброго, заботливого и непостижимого.

— Убей!

Я послал импульс спусковому механизму.

Но девушка успела раньше. Локоть врезался в мою челюсть. Мир померк, погрузился в странный водоворот...

1.7. (10.05.2164)

Я очнулся в реанимации. Воздух стерильной чистоты, мягкое ультрафиолетовое сияние, музыка для релаксации (шум прибора, крики чаек), кафель, хром, зеркала...

Я в пижаме, на кушетке. Дверь открывается, и входит Кристина. Горовец и мужик в белом халате. Врач.

Я выпрямился. В районе четвертого позвонка мое движение отозвалось болью.

— Не напрягайся, — посоветовал Горовец.

— Пусть. — Врач бодренько приблизился к кушетке и ткнул меня кулаком в плечо. — Как самочувствие?

— Нормально. — Я заметил, что рана почти затянулась — в том месте пижамы съехала, и виднелись рубцы. Догадываюсь: заживляющий гель. — Где мы?

— Подпольная клиника, — объяснил Горовец. — Доктора Кларка.

— Доктор Кларк — это я. — Мужик расплылся в благодушной улыбке. — По каталогам из Нордика монтируем и имплантируем любые железки. Вчера пришлось удалить из тебя вот эту штуку.

Он разжал кулак и протянул мне знакомую капсулу.

— Кларк — мой друг, — ввернулся Горовец.

— Сложнейшая операция, — продолжал доктор. — Хреновина проделала под твоей кожей лаз и подключилась к позвоночнику. Еще пара часов, и наступила бы фаза полного слияния. Тогда пришлось бы заменять спинной мозг, вызывать нейрохирурга... Тебе повезло, парень.

Я кивнул.

— Спасибо, док.

— Ты меня чуть не замочил, — упрекнула Кристина.

Я вспомнил. И потрогал щеку. Кларк правильно истолковал мой жест:

— Ты напичкан обезболивающим.

Боль действительно ощущалась только в позвонке.

— Давно я здесь?

— Сутки, — ответил Горовец.

— Сутки... — Я потрогал подбородок — щетина. — А Шурик?

Горовец нахмурился.

— Его нет.

Вчерашний день возвращался кусками, эпизодами.

— Кристина твою задницу на себе вытаскивала, — с гордостью сообщил шеф. — Как на войне.

— Где «винт»?

— Забрали, не волнуйся.

— Где шмотки?

— Реактивный мальчик. — Кларк довольно ухмыльнулся. — Комбинезон, ботинки, нижнее белье — в секторе химобработки. Содержимое карманов — в камере хранения.

Я встал, хрустнув суставами. Потянулся. Перед глазами вновь поплыли круги — я вытянул руку и ухватился за край кушетки, чтобы не упасть.

— Адаптация займет около восьми часов, — сказал доктор. — На, держи.

Я поймал пластиковую коробочку с горошинами таблеток.

— Нейростимулятор.

— Наркотик?

— Безопасная доза, — обиделся доктор.

— Сколько тут?

— Две пачки. По шесть. Прием три раза в день. Свободен.

Он проводил меня в комнату с ящиками-секциями. Под номером 18 хранились мои вещи. Я скинул пижаму, хлопнул по кнопке со значком стиральной машины, и хламида провалилась под пол — на дезинфекцию. Оделся. Пересчитал деньги, кубики с софтами и разложил добро по карманам. Бережно взял «винчестер», с умилением погладил каждый из четырех стволов и сунул оружие в кобуру. Сгрел яйцеобразные гранаты на липучках и прицепил их к поясу. Зашелкнул на запястье браслет-мобильник. И шагнул в проем диагностического бокса. Проем затянулся герметической полимерной пленкой. Меня просканировали, просветили, сняли показания биометрического имплантата — и выплюнули в смежное помещение.

Всплыли обрывки сна: я в точно таком боксе, но абсолютно голый и в состоянии невесомости. Словно в утробе матери. Вспышка. Смена кадра. Я в операционной. С потолка опускается кибероид и колет меня инъектором. Я почему-то его не боюсь и даже не пытаюсь убить...

Я опять в реале.

Хотя, по правде, никогда его и не покидал.

Похоже, меня вытолкнуло в гостиную: мягкая мебель, видеообои с бразильской сельвой... и развалившиеся в креслах: Горовец, Кристина и Кларк.

— Садись. — Кларк указал на пухлый диванчик.

— Я постою.

— Как хочешь. — В руке доктора появилась коробка дистанционного пульта. — Итак, вы желаете сделать пластическую операцию?

— Не совсем; — возразил Горовец.

— Коррекция?

— Нет. — В разговор вступила Кристина. — Временные маски. Квазиживой полимер. Вы оказываете подобные услуги?

— Да. — Кларк на секунду задумался. — Оказываем. Но вы должны знать, что маска — симбионт человека, организм с определенным жизненным циклом. Как правило — от нескольких минут до нескольких лет. Чем больше возраст, тем выше цена.

— Это не опасно? — спросила Кристина.

— Нет. Но когда цикл завершается, маска умирает. Она течет, расползается. Малопривлекательное зрелище.

Кларк нажал клавишу на пульте. В воздухе сформировались лица — наши лица. Они постепенно приобрели объем, цвет и четкость. Стали головами, вращающимися вокруг собственной оси.

— У меня обширный каталог, — сказал он. — Можно изменить пигментацию. Монголоидный тип. — Движение пульта. Рядом с нашими рожами возник черноволосый китаец. — 408-я модель. Женский вариант. Лот 356.

Из призрачных нитей соткалась китаянка.

— Негроидный. Лот 561. Также богатый выбор подтипов: метисы, мулаты...

— Мне нравится, — сказал Горовец. — Хочу быть негром.

— Придется все тело перекрашивать в черный.

— Я куплю перчатки.

— Оригинальное решение, — похвалил Кларк. — Ваш выбор?

— Лот 561.

— Чудесно. Представитель одного из племен Нигерии. С такой внешностью лучше всего закосить под колдуна. У меня и шмотки припасены. Термин действия?

— Неделя. Думаю, достаточно.

Голографическая маска наплыла на лицо Горовца. Совместилась. Теперь это был другой человек.

— Она питается теплом вашей кожи, — сказал Кларк. — Вполне достаточно для ее обмена веществ.

Из подпольной клиники вывалилась отмороженная компания: здоровенный африканский колдун в разноцветной хламиде до пят, с посохом из баобаба в руке, украшенном страусиными перьями, и бубном с колокольчиком — в другой, с ожерельем из зубов орангутанга на шее и толстой сумкой на ремне (где он хранил волшебные амулеты и «дракулу» с запасными рожками), девушка-китаянка и австралийский абориген с бумерангом и «винчестером». Мы вышли из потайной двери на станции метро «Купаловская». И сели в монорельс до Могилевской зоны. Поезд начал разгон.

— Куда теперь? — спросил я.

— Мне нужен комп, — сказала Кристина. — Теперь нас нет. Надо сделать новые идентификационные карты и стереть наши файлы в ДБЗ.

— Ты собираешься взламывать Департамент Безопасности? — не поверил я.

— Его филиал в Белополисе.

— Дура! Тебя вычислят, как два пальца...

— Я — бывший спецвир Ай-Пи-Аш, — перебила Кристина. — Специалист по виртуальной реальности, хакер в законе. И бывший агент самого Департамента. Приходилось ломать системы шестого-седьмого уровня секретности.

— А сколько же их всего?

— Семь.

Я заткнулся.

— Возле Быховского рынка есть точка, — продолжала Кристина. — Магазин картриджей и ди-ви-ди-дисков. А в подвале — бар с платными портал-кабинками. Можно снять и целую комнату. Зависнем на денек-другой.

— Это возле ресторана «Франкенштейн»? — поинтересовался Горовец.

— Нет, «Франк» в Брестской зоне.

— Жаль. — Наш колдун облизнулся. — Вкусно готовят. Бухой был, не помню, как добираться.

Я вспомнил про жареные уши с майонезом и чуть не блеванул.

На станции «Могилев Северный» мы вышли в девять вечера. Поднялись до наземных горизонталей, тормознули такси и без проблем домчались до указанного Кристиной магазинчика. Было еще светло, но город уже укутывался неоновым и электричеством.

— Здесь, — сказала Кристина.

Мы остановились перед одноэтажным зданием, на вывеске которого значилось:

КАРТРИДЖИ
ДИСКИ
ОПТОКРЕСТЫ

Чуть ниже висело объявление: «Апгрейдинг старых носителей. Оцифровка. Художественное оформление сайтов».

Мое внимание привлекла витрина: сотни желтых, красных, зеленых прямоугольников. «Марсианский Конфликт», «Чечня», «Мегапорт Каллисто», «Лучшие клипы этого года», «ДЖЭМ-СТЭП-ФАНКИ-ХИТС», «Рай зоофила» и т.д. К стеклу был приклеен плакат: худенький подросток с косичками-дреддами жонглирует мячиками-мирами. Фон: синее море, сквозь которое просвечивают звезды и галактики. Под его ногами — россыпи картриджей и слоган: «Наш ответ Чедвику — реальности от «СИМОТИ».

Мы обошли здание и увидели ступеньки, ведущие вниз, открытые бронированные двери и скучающего вышибалу.

— Привет, Женя! — поздоровалась Кристина. — Пропустить?

Кивнув, верзила извлек из кармана разодранных джинсов круглую печать и по очереди «проштамповал» ладонь каждого из нас. С Горовцом получилась заминочка.

— Ладно. — «Цербер» махнул рукой. — Если спросят — ты циркач. Клоун. Добазарились?

Шеф заскрежетал зубами. Я пихнул его локтем: не возбуждай, Геша, не порти малину...

— Здесь тусуются любители вирта, — сказала Кристина, перешагивая через подростка в луже блевотины. — Кабель с

портами вмонтирован в стену. Тебе выдают дешевую деку — нечто вроде плеера, только для мозгов, — и ты подключаешься — ловишь кайф. Картриджи хозяин покупает наверху, их названия в каталоге-таблоиде. Плюс обширный выбор наркоты.

Коридор казался бесконечным. По обе стороны валялись тела — в основном мальчишки и девчонки, малолетки, иногда бородатые, заросшие мужики, реже — муты из радиоактивных пригородов, облепленные проводами и шлангами с зажатыми в кулаках коробочками-деками... В воздухе витал стойкий запах какой-то дряни. Я не мог определить — какой.

— Шмаль, — констатировал Горовец.

Большинство клиентов лежали лицами вверх. Глаза стеклянные, погруженные в себя. Да, внутри человека — целая вселенная...

— Домашние системы не такие, — заметил я.

— Верно. — Кристина свернула за угол — там нас поджидали очередные ступеньки и пары едкой, приторно сладкой гадости. — Все вписано в дизайн. В квартирах дека обычно под полом. Сдвигаешь паркет или плиточную секцию и — вперед, в неведомые страны...

Мы наконец-то достигли зала. Хотя топор вешай — кондиционеры давно сдохли. Притон... Но здесь уже поприличней — порты в столиках, фанаты цивилизованно сидят, пристегнутые к креслам. Некоторые догадались врубить затемнение, окружив себя цилиндром черноты.

— Есть и кабинки, — сообщила Кристина. — Для завсегдаев.

— Я рад за них, — буркнул Горовец.

Те посетители, что были в здравом уме и трезвой памяти, дружно пялились на нас. Я чувствовал — Горовца это раздражает.

Кристина подошла к стойке.

Бармен — невзрачный мужчина с искусственными волосами соломенного цвета — приветливо улыбнулся, обнажив два ряда акульих зубов. Нет, по размеру они были вполне человеческие, но форма...

— Привет, Игорь!

— Я тебя знаю? — удивился бармен, настороженно косясь на Кристину и взбивая коктейль.

— Лицо — нет, — сказала Кристина. — Голос помнишь?

— Вряд ли.

За его спиной шевелилась фрактальная заставка таблоида. Панель управления была выведена на зеркальную поверхность стойки. На специальных полочках, окаймлявших экран, зеленели, краснели и желтели батареи картриджей. Деки, вероятно, хранились в особых нишах.

— Тебе нужна дека? — любезно осведомился Игорь. — Десятка в час. Никаких «запишите на мой счет» — с кардерами я не имею дел. Выбор реальностей по таблоиду. У меня есть любая дрянь — в том числе и новые турецкие «колеса». Свободных столиков нет.

Он повернулся к очередному клиенту — муту с телескопической шеей, утратив к Кристине всякий интерес.

И тогда на сцене заблистал Горовец.

— Эй! — окликнул он бармена. — Знаешь, что у меня в сумочке?

— И не догадываюсь. — Ловким движением Игорь отправил бокал заказчику. — Тамтам?

Горовец сунул руку в «котомку», и через секунду бокал брызнул стеклом и оранжевой жидкостью, так и не доскользя до цели. Спустя мгновение (которое никто не уловил) донесся звук выстрела. И тут же взорвалась одна из полок с картриджами. Для большинства присутствующих три этих момента слились воедино, я же ужудрился воспринять их по отдельности — как киноплёнка, которую прокрутили покадрово.

Игорь дернулся. Затем медленно оглянулся, чтобы оценить произведенные «колдуном» разрушения.

— Две с половиной штуки. — Его башка работала словно компьютер.

— Не отвлекайся, — посоветовал Горовец.

— Хватит, Геша. — В голосе Кристины прорезалась сталь. — Не пугай бедняжку.

Я вдруг засомневался, кто же из нас лидер.

— Ладно, ладно. — Игорь стал нервно жестикулировать. — Не буяньте. Чего вам?

— Игорь, — ласково шепнула Кристина. — Расслабься! Забыл, кто тебя пристроил в эту кормушку?

— Кристи?

— Тс-с.

Я прекратил чесать затылок (рука так и тянулась к «винчестеру») и незаметно приблизился к шефу — вдруг еще что-нибудь выкинет? Но Толстый больше не дергался.

— Так бы сразу, — обиделся Игорь. — А то за пушку...

— Мы по делу, — перебила Кристина.

— Налить?

— Нет.

— А мне пива, — сказал я.

— Водки, — попросил Горовец. — Сто пятьдесят.

— Какой?

— А что есть?

— «Доброе утро».

— Название зловещее. А-а, давай.

Игорь отмерил дозу. Затем подвинул мне кружку с пенной шапкой:

— «Балтика». «Тройка».

— Сойдет. — Я отхлебнул.

Горовец опрокинул свою порцию. Без закуски. Занюхал рукавом балахона. Ударил в бубен и успокоился.

— За счет заведения, — хмыкнул бармен.

— Ты это... извини, — вдруг растрогался шеф. — Мы возместим...

Игорь отмахнулся.

— Забудь. Мелочи...

— У нас проблемы, Игорек, — сказала Кристина. — Надо поговорить. В «каморке».

Таблоид разомкнулся вместе с целой секцией стены, пропуская нас в тесную комнату, обклеенную постерами и заваленную всяким барахлом: упаковками из-под саморазогревающейся жарчки, пустыми бутылками, кабелями, мотками проволоки, платами... Из мебели — кресло, шезлонг, холодильник и две колонки по тридцать ватт. Я поискал глазами что-нибудь вроде пульта или усилителя — ничего похожего не наблюдалось. Пол устлали многочисленные открытки, плакаты, листовки оппозиции.

— Ты слышал о биопортах? — спросила Кристина.

— Конечно. — Игорь уселся на колонку. — Инфосфера — сенсационное открытие белорусских ученых. Гигантский шаг в области сетевой и развлекательной индустрии. «СИМОТИ» и Чедвик разорятся.

Кристина достала имплантатор. Пока она рассказывала, бармен недоверчиво хмурился, теребил бородку, но не перебивал. Я допил свое пиво и поставил кружку на холодильник.

— Мы хотим улететь, — закончила Кристина. — Скоро весь Агломерат будет наводнен подключенными зомби.

— Факт, — вздохнул Горовец.

— Для этого нужны и-карты. Мне и моим друзьям. Билеты по ним я закажу сама.

— Не вопрос. — Игорь хрустнул суставами пальцев. — Проще простого. Завтра вечером ты их получишь. Все?

— Нет. — Кристина покачала головой. — Легко не отделаешься. Я должна убрать все данные о «собачниках». Стереть. Я не справлюсь без мощной «железки» с доступом к Сети. И без софтов.

— У меня есть кубики Марченко, — вспомнил я.

— Отлично! Пригодится.

Игорь наклонился вперед.

— Короче. Чего ты хочешь?

— Пusti меня в Болерную. Я залягу там на пару дней.

— Нельзя, — возразил Игорь. — Это сквот. Территория «отстойников».

— Помойников, — передразнила Кристина. — С ними можно договориться?

— Я бы не стал пробовать.

— Пропусти, — настаивала Кристина. — Больше ничего. Через два дня я звякну на твой мобильник. Ты нас выпустишь. Отдашь и-карты. Сказка завершится хэппи-эндом.

Бармен колебался.

— Ну?!

Горовец кашлянул.

— Желаю успеха. — Игорь расшвырял ногой бумажный хлам — под ним оказался люк. Из рифленой крышки выскочил маховик. Игорь крутнул его и сдвинул крышку в сторону — та заскрежетала по бетонному полу, поднимая тучи пыли. Под нами открылась узкая, выложенная кирпичом шахта, утыканная ржавыми скобами. Пахнуло канализацией.

— Глубоко, — заметил Горовец.

Основание шахты терялось во мгле.

Первым полез Горовец. За ним — Кристина. Я замыкал цепочку. Игорь, послав воздушный поцелуй, задвинул крышку на место.

— Где мы? — спросил я.

В абсолютной темноте приходилось шарить ботинком по скользкой изогнутой стене, выискивая скобы.

— Забытый Белополис. — Голос Кристины был глухим. — Не то бункер, не то заброшенная ветка метро. Диггеры говорят, что отсюда проложены туннели к берегу Днепра. «Отстойники» называют свои владения Болерной.

— Кто такие «отстойники»?

— Неформалы. Нелегалы. Те, у кого нет документов, имен, фамилий. Вроде отшельников. У них свой мир.

— Секта?

— Сквот. У них есть «железо». Они чистят банки и корпорации. Часто пользуются чужими кредитками. Все необходимое заказывают по пневмопочте. Кое-что для них достают диггеры. За плату, разумеется.

— И чем же они платят?

— У них есть парники. Там выращивают коноплю.

— Ясно...

Колодец кончился. Как обрезало. По вмурованной в его основание лестнице мы спустились на огороженную металлическую площадку, прилепившуюся неизвестно к чему. Я спрыгнул на нее последним.

Нас окружало подземное коммуникационное царство. У меня возникло ощущение, что я попал в пищевод: трубы, кабели, трапы подобно кишкам вертикально уходили вниз. Это смахивало на каньон, только замкнутый, ограниченный. С неба (нет, потолка) на длинных проводах свисали гроздья ламп, они тянулись к перспективе — туда, где скрещивались линии городских артерий. Но света не хватало, он таял во мгле — той, что застилала дно. И где рождался новый звук — шелест лопастей коптера.

— Оружие на пол! Руки поднять! — рявкнули в мегафон.

Эхо повторило команду несколько раз.

Мы подчинились.

Машина зависла в метре над площадкой — изящная пластиковая стрекоза. Она словно была повсюду — шелест гулял по гулкому пространству Болерной...

1.8. (10.05. — 12.05.2164)

Наш «люкс» пристроился к толстому утилиткабелю — три метра в объёме. Деревянный сарайчик в стиле «ласточкино гнездо» местные обитатели приклеили к изоляции какой-то гадостью — кажется, быстросхватывающей смолой. Напротив высилась ирреальная конструкция, внутри которой двигалась платформа лифта. Туда был перекинут веревочный мост. Раз в день я ходил за «покупками», которые Кристина заказывала в сетевых маркетах: перебирался на «вышку», со скрипом возносился на один уровень и по водопроводной «кишке» шагал к секции пневмопочты, забирал жрачку с пивом и — назад тем же манером.

Сквот принял нас. Мы заплатили нехилую пошлину — и нам вручили пропускные жетоны — старинные серебряные монеты.

Кристина пропадала в Сети часами. Когда выныривала — отчитывалась о своих подвигах.

Яркое воспоминание: мы сидим и пьем пиво. Горовец уныло звякает бубном.

— Я взломала сервер в Кашмире. Атаки веду оттуда. — Кристи разделась до нижнего белья. Очень жарко, вблизи проходит теплотрасса. Выглядит девчонка соблазнительно — я даже позавидовал Максу, хотя глупо завидовать мертвым. — У Марченко крутые софты. Он их сам писал?

— Без понятия. — Я хлебнул «Любаньского». — Вроде купал где-то.

— Послушайте, — взмолился Горовец. — Как насчет плана, а? Что дальше? Ну выгорит с Департаментом. А потом?

— Я заказала три билета на орбиту. Дзен-Трансо расширяется — им нужны рабочие. Легко затеряться. Корабль стартует с гомельского космодрома.

— Я не про то.

— А-а... — Кристина задумалась. — Есть вариант. Сильнейшая хакерская группа на планете. «Куль мертвой коровы-2». Они знают об Инфосфере. И готовы сражаться. На Дзен-Трансо нас будет встречать их человек. Его ник — Пеленгатор.

Я много думал в те дни. Часто вспоминал Шурика. Люк на границе сквота «отстойников» — это нож. Он отрезал меня

прошлого от меня настоящего. Отрезал мир Белополиса. Я ведь в принципе мог остаться, жить здесь, в пещерном оазисе, найти себе бабу, нарожать детей и мечтать на старости, что полчища внуков, вооружившись, выйдут наружу и разберутся с захватчиками. Или превратятся в морлоков — как у того писателя, Уэлса. Но не сразу — минуют тысячи лет. Или кибероиды сами заявятся — потравить «тараканов».

Нет, драться надо сейчас.

Нам.

Кто на что учился... Судьба, Костя.

Вот я лежу на грубо оструганных досках. Храпит Горовец. Наверху уже давно ночь. Кристина в «карнавальной маске», пальцы в сенсорных перчатках слабо шевелятся. Она ТАМ.

Я хотел бы заглянуть в миры Чедвика. Хотел бы жить как человек — в квартире, с удобствами, с модным домашним виртом. Даже без него — плевать. Но чтобы никто не лез с биопортами, чтобы лифты не падали, когда за тобой смыкаются створки кабины, чтобы не носить постоянно пушку и не бояться каждого встречного.

Знаете, в детстве у любого человека свои страхи. Мой кошмар без наворотов. В нем нет пауков, гигантских пиявок, чудовищ и вампиров. Там даже не катается кровавый велосипед и не бродит Фредди. Я попадаю в город, а там все — соседи, прохожие, друзья, родственники, понимаю — ВСЕ, — охотятся за мной. Враг вездесущ. Некуда бежать...

Я полечу. На орбиту, на Марс, к звездам — куда угодно. А если потребуется — опущусь на Землю. В город врагов. Главное — «винт» в кобуре. И друзья. Я не имею права убежать — Шурик не убегал.

Горовец дернулся. Перевернулся на бок. В сумраке мерцает полотнище плазменного дисплея.

Где-то шелестит коптер.

Где-то течет вода.

Струится информация.

Вчера.

С каждой секундой Инфосфера распространяется. И человеческое «вчера» отступает. Надеюсь, не навсегда.

Мне приснился сон.

С обеих сторон — скалы. Ущелье. Я вижу себя — в тунике, в бронзовом шлеме, с коротким мечом в руке. Закат отражается в доспехах. Со мной еще триста воинов — лица напряжены, в руках копья. Лучшие бойцы Спарты. От них не останется ничего, кроме надписи на камне.

А издалека, с моря, уже накатывает волна агрессоров.

Их стрелы заслоняют солнце.

Май—август 2001

Анна Богданец

ПЛАНЕТА КАМЕННЫХ ДРАКОНОВ

(Рассказ из цикла)

Шаттл опустился на убогий, даже незабетонированный аэродром, как подбитая курица, запрыгал по ухабам и кочкам и затих возле плоских административных зданий, подняв облако оранжевой пыли. Эта мельчайшая пыль проникала здесь повсюду, забивала глаза, нос, кожные поры, выводила из рабочего состояния аппаратуру и делала практически невозможной жизнь в долинах планеты Надежда Непокорных.

Я, принц Раимчик бен Лазарус ибн Иегуди, выделяющийся среди первопоселенцев гордой осанкой, пронизательным усмешливым взглядом и, пожалуй, более опрятной, чем принято на дальних трассах, одеждой, смешавшись с толпой пионеров, сошел по шаткому скрипучему трапу на почву нового мира. И погрузился в шелковистую терракотовую пыль почти по щиколотки.

Представители местных властей выстроились вдоль края летного поля. Примерно каждый второй держал в руках небольшой яркий плакатик, нарисованный едва ли не от руки, с названием поселения и списком специалистов, в которых оно нуждалось. Дублируя информацию, они еще и выкрикивали на разные голоса краткий курс истории, экономики и географии своего поселка. Постепенно вокруг них образовывались

кучки желающих начать новую жизнь на малоосвоенных территориях Конфедерации.

По большому счету мне было все равно. Для решения моих целей и задач, которые поставила передо мной Верховная Администрация Конфедерации с согласия отца моего, короля маленькой, но очень просвещенной монархии Зирин, Иегуди бен Исмаил ибн Иса, подходило любое начало. Как агент отдела Чрезвычайно Критических Ситуаций я наделен самыми широкими полномочиями...

Я огляделся вокруг и уверенно зашагал к девушке, глубоким контральто выкрикивающей нараспев: «Форт Бастард! Форт Бастард! Сельское хозяйство! Животноводство! Фермеры! Биологи! И химики!»

Я подивился чудному названию и усмехнулся про себя. Но девушка даже в своем варварском наряде, состоявшем из широкой пестрой юбки, кожаных штанов, грубых сапог на высоких каблуках со втулкой для прикручивающихся шпор и блузки, завязанной узлом на голое тело, была на диво хороша.

Копна ее медно-красных волос, перехваченных кожаной ленточкой, вилась мелкими колечками вдоль лица. Высокие упругие груди выпирали из выреза рубахи. Правильные и подвижные черты лица выдавали натуру свободную, открытую и гордую. Небольшая ладная фигурка выказывала ловкость и силу. Я мысленно поаплодировал местным евреикам.

Засучив рукава и подоткнув юбку, туземка сноровисто помогала обширной семье переселенцев погрузить немалый багаж в полугрузовой автобус и разместиться на узлах и контейнерах поудобней.

Хоть все СМИ призывали новопоселенцев брать с собой груза поменьше, гарантируя всем по прибытии на место необходимый набор стандартных удобств, — эти явно были не из доверчивых простачков. Грузовичок уже был забит под завязку, а на оранжевой земле оставалась еще порядочная куча разного домашнего скарба. С ангельской улыбкой наша сопровождающая обратилась к почтенной матроне килограммов этак на сто тридцать, которая по-хозяйски перебирала бабушкины баулы и дедушкины кофейнички:

— Может, лучше все это оставить здесь?

— Зачем? — хмуро буркнула груда сала и ветчины.

— Администрация Космопорта сама направит это на утилизацию. Нет смысла тащить с собой такое количество ненужных вещей.

— То есть как это? — На свинячем рыльце мелькнуло нечто вроде удивления. — Бросить здесь столько добра?! Чтобы это потом кому-то досталось? Просто взять и так вот бросить? Думаете, если мы прибыли издалека, то порядков не знаем?! Закон на нашей стороне!

— Очень хорошо. — Лицо туземки оставалось совершенно невозмутимым.

Очевидно, местные власти отлично разбирались в том, кого посылать на вербовку: ни тени неудовольствия, раздражения или возмущения.

— Тогда ваши вещи поедут вторым рейсом. Первым мы отправим людей — они вымотаны перелетом.

А улов у сего ловца человеков был хорош: несколько здоровых парней, две семьи с ребятишками и женщинами, способными рожать, и одинокий холостяк, то есть я.

— А кто все это будет караулить? Есть здесь полиция?

— На Надежде Непокорных нет штатной полиции, — сно-ва очень вежливо пояснила рыжая девица. Терпение явно было одной из добродетелей пионеров данного мира. — Преступность здесь крайне низка. Но командный центр Космопорта может понаблюдать за вашим имуществом.

— Вот еще! — хрюкнула астронавтка. — Знаю я эти ваши железяки — то плата полетела, то микросхема барахлит! А вещички-то потом тю-тю! Из-за этих перелетов и так уже кучу добра растеряли! Я сама здесь останусь и за всем присмотрю. А вы давайте, чтоб недолго там! Ночи у вас здесь как? Не слишком холодные?

— О нет, — улыбнулась девушка. — Ночи здесь вполне комфортные.

Девица нравилась мне все больше. И я напористо, некоторым бы показалось, что и нагловато, направился к кабине и занял место рядом с шофером. Красотка одним махом запрыгнула на высокое сиденье. На губах ее блуждала полуулыбка человека, которому не дали от души рассмеяться. С той же улыбкой, приятно оттенявшей ямочки на щеках и родинку над верхней губкой слева, она искоса взглянула на меня:

— Благородный господин, может быть, уступит место в кабине одной из дам?

— Благородного господина укачивает в наземном транспорте, — с такой же преисполненной кротости и доброты улыбкой отвечал я. — А дамам будет несравнимо удобнее в обществе своих детей и мужей...

— Ну, как хотите, — не стала дальше спорить с нахалом девушка.

Очаровательная головка чуть наклонилась к плечу, крепкая ручка уверенно врубила зажигание и передернула передачу, стройная ножка в сапоге грубой кожи твердо надавила на газ, и мы покатили покорять неизведанные пространства...

Космопорт располагался в глубокой долине, совершенно справедливо именуемой Морем Пыли. Одна Таннит-многогрудая ведает (да не кончится молоко во всех восьми ее грудях во веки веков), почему первопоселенцы выбрали для первой остановки именно это неудобное во всех отношениях место. Сейчас же население предпочитало жить поближе к предгорьям, где климат был не такой сухой и с гор постоянно дул ветерок, не позволяющий скапливаться пыли.

Мы ехали по широкой оранжевой низине, постепенно повышающейся в направлении розовеющих на горизонте гор. Кое-где долину начинали перемежать невысокие сглаженные терракотовые холмы и овраги.

В этом мире теплого оранжевого светила Глэтч преобладали красные, охристые, кирпичные тона и все их оттенки. От пронзительно-канареечных (в заросших местной травой ложбинках) до густо-винных и пурпурных (в тени плоских продольных увалов). Как ни странно, эти цвета не раздражали и не резали глаз, а пейзаж не казался пугающим или зловещим. Невидимая глазу пыль сглаживала и поглощала все яркие лучи. И мы словно плыли в бокале дорогого вина.

Планета напоминала мне Ёс, на которой мне приходилось бывать до времени Большого Бума. И, оглядываясь вокруг, я вспоминал охряные скалы Марокко, багровеющие на закате. Или полупустыни Аризоны с их марсианскими видами. Судя по всему, планетарным техникам пришлось поработать здесь совсем немного...

— Меня зовут Раимчик бен Лазарус, — без долгих околичностей представился я.

Простота этикета — также одно из достоинств новых миров. Я путешествовал под своим настоящим именем. Вряд ли кто-либо здесь слышал о королевстве Зирин, об Отделе Чрезвычайно критических ситуаций или обо мне...

— Я Амелинда рен Бассет, то есть из семьи Мелиссы, То-биаса и Джестера Бассетов.

— Как это?

Перед перелетом Клара (мой корабль и спутница жизни) наводила справки и информировала меня, что на Надежде Непокорных существуют разные формы браков, и коллективные в том числе. Что обусловлено недостатком женщин. Но одно дело — знать об этом, а другое — сидеть вот так, запросто, и болтать с отпрыском такого семейства.

— У меня два отца, а у мамы два мужа. Было три, но папа Клаус умер...

— Сколько же в вашей семье детей?

— Двадцать один! Мама часто рождает близнецов, поэтому многие хотят на ней жениться. И на моих сестрах тоже!

О чадолубие и многоплодие! Мне вспомнились дни благоденствия патриархов времен Массума-ах-Раби. Меня так и подмывало спросить, как же обстоят дела на брачном фронте у самой Амелинды, но ответ напрашивался сам собой. Она еще не замужем — назвала фамилию родительской семьи. Но либо это чистая случайность, либо вопрос нескольких дней. В новых мирах девушки созревают рано...

— А кто вы по профессии?

— У меня много профессий, — отвечал я, и это было действительно так. — Я могу работать биологом, генетиком или биохимиком, к примеру.

— О! — воскликнула Амелинда. — Нам очень нужны и те, и другие, и третьи! Неквалифицированных специалистов у нас хватает. А вот образованных... редко сюда заносит. Хотя мы предоставляем все условия — не хуже, чем в научных центрах! Да! Община готова нести любые расходы, потому что старейшины осознают значение перспектив!..

Несмотря на важность излагаемых для меня пропагандистских моментов, Амелинда внимательно следила за дорогой, покрытой пластиком лишь в один слой, и мягко объезжала ухабы и выбоины. Водителем она оказалась отменным — аккуратным и обстоятельным. Впрочем, как и рассказчиком. И

мы несколько часов скрашивали друг другу путь, надеюсь, не без взаимного удовольствия, разговорами о погоде, о природе, о нравах, обычаях и забавных особенностях данного мира.

В общем-то и до приезда я знал немало. О преимущественно аграрной ориентации Надежды, о населенности ее выходцами из южных горных областей планеты Гордячка, где процветали межклановые войны и культ кровной мести. Мужчины, улетая на новую родину, поклялись не брать в руки оружия. И, насколько мне известно, истово выполняли эту клятву — преступность на Надежде была одной из самых низких в этом секторе Галактики.

Кроме того, я узнал, что предчувствия меня не обманули и Амелинда обручена с прекрасным парнем из соседнего форта Сент-Яго (всего 50 миль севернее). Он отличный геолог и химик, у него своя лаборатория. И он живет довольно обеспеченно, выполняя заказы от нескольких фортов. Но Амели пока не хочется бросать своих лошадей, разведением которых она всерьез увлечена, а Тимоти не представляет жизни без своих гор и рудных жил.

— Я бы хотел поближе познакомиться с вашим... э-э-э... другом! Для меня он — большая удача, если я буду разворачивать здесь лабораторию. Я хотел бы поближе узнать человека, который знает не понаслышке, как я, местные условия...

— Ничего нет проще, благородный господин! — просто отвечала Амелинда. — Он жить без меня не может, и мы видимся каждую неделю. Думаю, вы подружитесь — он тоже очень образованный!

— Может быть, на первых порах я поработаю как его помощник? Как вы думаете — это будет рационально?

— Но Форту Бастард тоже нужны специалисты! — Амелинда дернула руль вправо. — И вы уже дали обещание, согласившись ехать к нам!

Ого, как у них здесь все, оказывается, строго! И киска умеет не только ласково мурлыкать, но и показывать коготки.

— Боюсь, меня неправильно поняли, — как можно убедительнее промямлил я. — Я не отказываюсь от своих обязательств в отношении Форта Бастард. Просто мне хотелось бы работать как можно интенсивней и использовать все ранее накопленные знания и опыт.

— Ну, пусть будет так, — согласилась Амелинда. — Но работать вы все равно будете у нас!

— Кроме того, это поможет мне избегать разного рода опасностей...

— Благородный господин чего-то боится? Надежда Непокорных одна из самых безопасных планет, освоенных человеком. Ничего опасней моей рассерженной мамы здесь нет. Но господин может ее и не сердить...

— Не может быть, чтобы местные флора и фауна...

Амелинда резко перебила меня:

— Сохранившиеся после работы планетарных техников флора и фауна никак не реагируют на присутствие человека. Мы не вмешиваемся в экологию планеты, а встраиваемся в нее. Мы абсолютно нейтральны в отношении друг друга. И стерильны.

Признаться, как ученый я не очень верю агитационным демаршам.

— А как же Каменные Драконы? — Я несколько обострил ситуацию, сознательно идя на небольшое столкновение.

— Ах, и вы уже слышали об этом. — Носик Амели недовольно сморщился. — Вот из-за таких вот сказок и снижается поток поселенцев на Надежду Непокорных! Их уже транслируют по ближней связи?

— И по дальней тоже. Как предупреждение туристам и переселенцам. А сами вы с ними сталкивались?

Лгать открыто Амелинда не привыкла. На ее лице отразилась внутренняя борьба, и она сказала мне полуправду:

— Сама я не видела ни одного. И рада верить в то, что это просто легенды. У каждого мира должны быть легенды. И у самого нового тоже, правда? Без мифов люди не укореняются в новой почве...

Я бы тоже с радостью поверил в то, что это бабушкины сказки. Но бабушкины сказки не уничтожают человеческие поселения. Подчистую.

— Что же это за злосчастный Форт Вирджинс?

— Ох, до чего же вы любопытный! И откуда это вы все про нас знаете?

— Но я же все-таки биолог. И оригинальные формы жизни меня очень интересуют. — Это тоже была почти правда.

— Форт Вирджинс засыпало каменными глыбами величинной с дом за неделю до вашего приезда. Никто из поселенцев не спасся. Точных сведений о том, что произошло, у нас нет. Связь оборвалась в самом начале... предположительно из-за грозы... или лавины...

— Хубал всемогущий! Какое несчастье! — Надеюсь, мои слова прозвучали не слишком фальшиво.

Собственно говоря, это и было целью моего путешествия. Неклассифицируемое происшествие с человеческими жертвами, пусть даже и в отдаленном поселении, послужило причиной активации агента по Чрезвычайно Критическим Ситуациям. То есть меня. Администрация Конфедерации не имела точных сведений о масштабах бедствия, поэтому не рискнула вмешиваться в происходящее официально.

Для таких случаев у нее всегда была наготове пачка туалетных салфеток — агентов спецназначения. При выдаче пособий и поощрений Администрация Конфедерации проявляла завидную скромность и сдержанность. Но когда что-то угрожало благополучию правящих Больших Домов, события разворачивались мгновенно. А опыт истории подсказывал, что опасность кроется не во дворцовых заговорах метрополий, а приходит исподволь, с периферии, начинаясь с маленьких незначительных волнений.

Как и во всех экстренных случаях, я и теперь получил приглашение «попутешествовать», минуя обширный бюрократический аппарат и без всякой пластиковой волокиты.

Я достаточно свободен во времени и средствах. Титул Младшего сына Большого Дома Ицхрави делал весьма проблематичной перспективу обретения мною короны Зирина. И в отличие от моих старших братьев Исмаила, Джабраила и Даниила, помогавших отцу в управлении нашим хлопотливым королевством (да увидят они воочию Таннит при жизни своей), я был больше предоставлен самому себе. Я мог заниматься своим образованием и выбирать любую карьеру, не роняющую достоинства Дома Ицхрави. Связи и средства, предоставленные поначалу отцом, открывали передо мной множество дверей и возможностей. Со временем я преумножил богатства нашего Дома. И хотя официально все имущество числилось принадлежащим моему отцу, да превратят Таннит и Хубал его дни в года, я мог жить в свое удовольствие и ради своих интересов.

Я специализировался на квазиморфной биологической активности: не стандартных, скажем так, формах жизни и связанных с этим явлениях. Как внештатный сотрудник Администрации я привлекался для решения разного рода деликатных проблем. Моя относительная свобода позволяла мне выбирать случаи более или менее близкие моим интересам. А независимость в денежных и служебных вопросах помогала судить о некоторых вещах непредвзято и без всякой политики.

Вот и теперь эти Каменные Драконы, объявившиеся невесте откуда в патриархальном сельскохозяйственном миреке, крайне заинтересовали меня сочетанием некоторых несочетаемых в их описании черт.

Из отчетов, поступающих в Центр Биологических Исследований со всех концов Ойкумены, компьютеры отсеивали нужную информацию и сортировали ее по отделам и специалистам. В наш отдел поступала информация о формах жизни, опасных для человека и его хозяйства. Зачастую нашу деятельность представляют себе как непрерывную цепь побед над устрашающими монстрами и смертельными вирусами. Естественно, в нашей практике бывают и такие случаи. Но чаще всего — это обычная рутинная работа по улаживанию всяческих недоразумений между видами живых существ, требующих скорее навыков квазибиолога, ксенопсихолога и дипломата.

Получив первое сообщение о Каменных Драконах, мой шеф перечитал его несколько раз и заявил, что это невозможно и в докладную записку вкралась ошибка. Но мне вся стилистика поведения КД казалась странно, неуловимо знакомой. И после недолгих размышлений я изъявил желание лично перепроверить информацию.

В отчете же говорилось, что Каменные Драконы состоят из несвязанных между собой каменных глыб величиной от нескольких сантиметров до нескольких метров. Передвигаются они по воздуху, питаются человеческим мясом и желают поработить мирную планету Надежда Непокорных, расположенную где-то на краю освоенных земель.

Меня снабдили необходимыми карточками золотистого полупрозрачного пластика, верная и надежная моя Клара всегда была «под парами», и я отбыл, как всегда, на неопределенное время и с неопределенными полномочиями «разобраться во всем на месте». На ближайшей к Надежде планетке, кото-

рая называлась, кстати, *Возможность*, я пересел на грузо-пассажирский лайнер и смешался с толпой переселенцев, коммивояжеров, чиновников и ремесленников. Клара следовала за мной на некотором отдалении, ворча себе под нос нечто о горе-конспираторах. Через встроенный в сосцевидный отрезок черепа микрофон я отчетливо слышал ее воркотню.

Сейчас чудесная моя помощница и подруга парила на стационарной орбите на высоте восьмисот миль от поверхности Надежды, надежно экранированная от квазарных радаров обнаружения.

Форт Бастард поразил меня контрастом между патриархальными устоями в этике и морали, простотой обращения жителей и уровнем предоставляемого комфорта. Пусть говорят бывалые искатели приключений, что их уже ничем удивить невозможно. Я же никак не устану удивляться парадоксам новых миров. На Надежде Непокорных общинный уклад жизнедеятельности и управление в виде Совета общины весьма гармонично сочетались с самыми новейшими достижениями технической мысли.

Так, мне сразу же, как и всем остальным, был предоставлен отдельный молодой, только что отпочковавшийся от Материнского кластера Дом, работающий от Внутреннего Источника Энергии (то есть практически вечно). На квазарный коллапс или временную аномалию он не был рассчитан. Но при желании владельца мог стать меньше или больше, разделиться на комнаты, отрастить другую мебель и утварь, закопаться в землю или переплыть реку. Прекрасное жилище для новых земель! Мы, жители обширных метрополий, намного более консервативны в своих вкусах и взглядах.

На другой день, решив, что я уже достаточно выпался и отдохнул, член Совета общины Гарольд Джон Байрон-младший связался со мной по холофону и возник посреди моей гостиной в полный рост, как живой.

— Если вы не возражаете, достопочтенный, я бы мог показать вам вашу лабораторию, — прогнусавил он, не вынимая изо рта длиннющей вонючей трубки (местный табак еще составлял желать лучшего). — Да и поспрошать вас кое о чем желательно...

— О чем, например? — Я вежливо поклонился крепкому старику.

— А вдруг вам чего-либо не того покажется в нашей глухомани? — неопределенно покрутил головой Джон Байрон. — Так, может, чего раздобыть бы не мешало... В других фортах или, скажем, на Дальней Канберре...

Почтенный патриарх с белой бородой, какой я не видал, пожалуй, уже лет пятнадцать, бодро сопровождал меня по небольшому, тысячи на две населения, Форту к куполообразной постройке, отдельно стоящей на небольшом возвышении. Несмотря на довольно ранний час, жители попадались нам навстречу редко. Джон Байрон охотно пояснил, что они все на полях, или на пастбищах, или на летних дойках — повыше в горах.

— Работать мы начинаем рано, — многозначительно произнес достойный старец.

За легкой беседой мы незаметно подошли к месту моей будущей работы. Джон Гарольд приложил свою могучую длань к именному замку входной двери, та разскалась в стороны — и я замер на месте с открытым ртом.

Приборы и реактивы в идеальном порядке выстроились на рабочих столах и полках. Компьютерная сеть высокой мощности, судя по подведенным оптическим кабелям, только и ждала вводной информации. Рефрижераторы и центрифуги, нейтрон-нейтринный анализатор и (Хубал Валаахам!) моя мечта, которую я до сих пор не мог позволить себе из-за дороговизны, — временной ускоритель! При нашем появлении приветственно загудела невидимая вентиляция, указуя причину стерильной чистоты.

— Во славу Таннит! Кто же оснащал вам лабораторию?

— Да был тут у нас один умелец из местных. — Джон не спеша опять раскурил свою трубочку. Мое изумление явно пришлось ему по вкусу. — Жаль только женился вот в другой форт.

— Но средства?! Это же все огромные затраты!

— А коли не пить да не воевать, много денежек экономится... — Гарольд с хитрецей прищурил один глаз и покосился на меня. — А тут вот у нас, — он открыл одну из анабиотических камер, — мышки искусственные для опытов. И мушки есть. Оно, конечно, подешевле, чем натуральные, и органов кой-каких у них нехватка. Но Пол говорил, что для генетики вполне подходяще. Но если что не так, мы и *облизьян* выпи-

шем, макак там всяких... Кошек, да собак, да коров, да лоша-док, слава тебе Йаху, у нас пока и своих хватает...

— Прекрасно, прекрасно! У меня просто руки чешутся приступить к работе. Для начала я разберусь, чем занимался Пол, что он считал первоочередными задачами для Форта Бастард, выслушаю мнения старейшин и начну... В таком месте с таким оборудованием будет просто грех плохо работать.

— Это вы правильно вот сказали, мистер Раимчик! — с чувством поддержал меня Джон. — Давайте-ка перекодирую я двери на вашу ручку — и пойду своим коровкам хвосты-то покручу!..

Уже спускаясь к поселку, бодрый патриарх обернулся и на ходу помахал мне рукой:

— Только как жениться задумаете, вы уж кого-нибудь из наших красоток выбирайте! А то сильно нам Ученого в поселке не хватает!..

Клянусь доходами моей семьи, если бы мне понадобился горох именно Бренделя, я чувствую, у меня бы он появился не позднее чем через неделю... Вот тебе и занюханые окраины Хаос знает чего! Как же часто я забываю, что информационный поток распространяется все более равномерно.

Меня так и подмывало опробовать портативный ускоритель времени немедленно. Но я поборол свой азарт и принялся терпеливо разбирать архивные записи и лабораторные журналы, доставшиеся мне по наследству. Интересный был парень, надо заметить... Обязательно свяжусь с ним при случае и переговорю лично.

Когда я с помощью Клары ознакомился с набранной базой данных, отчетами и результатами экспериментов — дух у меня захватило. Я отсоединил компьютерные вводы, подключаемые непосредственно к центральной нервной системе через носовые проходы (на мой взгляд, куда более эстетично, нежели дырки за ушами), и они, тихо зашипев, скрылись в своих гнездах. Я же какое-то время просто сидел, раскачиваясь на лабораторном стуле.

Работы тут хватило бы на несколько исследовательских институтов. Поле деятельности было практически безграничным. Проявить себя как ученого можно было бы сразу в нескольких областях прикладной и фундаментальной науки. Одна разработка новых видов растений и животных, приспособлен-

ных к условиям данного мира, чего стоила! Или реадaptация старых. Или мутации местной флоры и фауны и ее взаимодействие с геномом человека, например... То и дело в моей голове мелькала мысль, что года за два с такими средствами и на таком оборудовании можно сделать работу на шнобелевскую премию...

Через два дня я приступил к своим обязанностям Ученого Форта Бастард, предварительно ознакомив со своими программными взглядами членов Совета общины. Они, попрыгивая длинными трубками, кивали мне головами, соглашаясь почти со всеми пунктами моего плана работы. За их внешней простотой скрывалась природная сметливость и живость ума, а иногда и хорошее образование. Вопросы они мне задавали по существу и ответов требовали таких же. В конце концов мы разошлись по рабочим местам, вполне довольные друг другом. Я заверил их, что лаборатория будет открыта для них всегда. Они же — что любые мои разумные требования будут удовлетворены в максимально короткие сроки.

Работа моя закипела. Вскоре ко мне присоединился смысленный мальчуган по имени Марк. Родители явно прочили его в университет метрополии и поэтому не слишком ворчали на то, что Марк днюет и ночует в лаборатории, разумеется, управившись с отцом на ферме.

Однажды Марк дернул меня за рукав, отвлекая от нейтроскопа, и сказал, улыбаясь во все свои молодые тридцать два зуба: — Тим приехал! — и показал рукою на дверь.

Большого от него добиваться было бесполезно — такая уж разговорчивая натура. Поэтому, оттирая руки от кедрового масла для заливки препаратов, я вышел из лаборатории. На полянке перед ней стоял разноцветный и легкий, как бабочка, вертолет. Рыжий вихрастый парень с курносом носом и хваткими руками легко спрыгнул на землю и направился в мою сторону. На нем был рабочий комбинезон, аккуратный и чистый, и расстегнутая у ворота светлая рубаша. Он крепко тряхнул мою руку:

— Тимоти Шин, геолог и геохимик. Друг Амелинды Бассет.

— Давно хотел познакомиться! — неподдельно обрадовался я. — Амелинда о вас говорила, да и не только она... Многие отзываются о вас как о патриоте и знатоке Надежды Непокорных.

— Это совершенно верно! — рубанул рукой воздух Тим. — Люблю эти места. И где уж я только не был! Но лучше места нет во Вселенной. А уж работать здесь — одно удовольствие: никто не мешает, над душой не стоит. Надеюсь, и вам здесь понравится, мистер Раимчик. Простор для любой деятельности здесь широчайший.

— Да, признаться, я и мечтать не смел о том, что найду здесь! Я просто в восторге!

— Да уж, да уж, на науку старички не скупятся. И кстати, Амелинда как-то говорила мне... Словом, если вы не прочь, я могу показать вам здешние окрестности. Мы можем утрясти расписания и выделить дня два, когда нет такой спешной работы...

— О, прекрасно! Замечательно! Я как раз запустил в работу парочку экспериментов, но даже с ускорителем времени надо ждать неделю...

— А если не секрет, над чем вы работаете сейчас?

— Какой же секрет? Хотелось бы улучшить крепость копыт местного скота. Фермеры жалуются, что на каменистых выпасах часты трещины и переломы. Потом посмотрю, что можно сделать с корневой системой злаковых. Хотелось бы, чтобы они сами добирались до глубинных источников воды. А для души на досуге — неплохо было бы получить табачок получше... А то местный, сами понимаете, далеко не фонтан.

— Превосходная программа на первое время! Особенно поддерживаю в отношении табачка. А то местное сено курить невозможно. Но я не сорву вам ничего, если вытащу вас из лаборатории дня на два?

— Да о чем вы говорите? Оборудование фантастическое, счетная система — просто мечта. А в случае чего — Марк за всем присмотрит и свяжется со мной.

Марк стоял на пороге и мял в руках грязную тряпку, не решаясь вступить в наш диалог.

— Ну, если здесь Марк, — Тим широко улыбнулся зардевшемуся и польщенному мальчишке, — я совершенно спокоен. Все будет в полном ажуре.

Мы договорились утрясти все сиюминутные дела и через несколько дней выбраться в горы. Старейшины отнеслись к моей затее одобрительно — лишь бы это не сказывалось на скорости и качестве моей работы.

Тим понравился мне сразу. Контакт с ним был не только приятен, но и полезен. Он превосходно владел своим маленьким вертолетом, который перышком кидало в местных воздушных потоках. Кроме того, он был влюблен в свою работу, в свою планету и умел все доходчиво объяснять и показывать.

Мы сделали парочку кругов над ближними выпасами и желтыми полями. Тим прочитал мне краткую лекцию о проблемах местного животноводства, которая в двух словах сводилась к тому, что в силу меньшей тяжести скотина вырастает здесь крупнее. А минеральный состав почв и, соответственно, трав здесь несколько иной. Поэтому из-за нарушения кальциевого обмена и возникает ломкость костей и невынашиваемость беременности.

Но коньком его была геохимия, в которой я разбирался, как в стоматологии гаргозианских моллюсков. И даже моей подготовки хватило понять, как повезло Надежде, что она заполучила такого энтузиаста своего дела. Как я понял, сила тяжести на планете относительно невелика, а эрозия, особенно ветровая, довольно сильна. Поэтому насыщенные металлами руды залегают близко к поверхности и нуждались для своей разработки в меньших инвестициях, чем на других мирах.

Я кивал головой, восхищался кусками породы, которые то и дело подносили к моему носу, отчаянно мерз на горных вершинах и плато и задавал идиотские вопросы:

— А почему бы вам не начать экспортировать руды прямо сейчас?

Эти вопросы заводили Тима, и он отвечал на них странно и воодушевленно, как человек истово верующий в свое дело и в перспективы Надежды:

— Мы не желали бы превращаться в просто сырьевой придаток метрополии. Нам лучше сейчас немного подождать да поднакопить денег. Тогда Надежда обзаведется собственной промышленностью и будет вывозить уже готовую продукцию, а не руду.

Он излагал проекты преобразования Надежды, подсчитывал, сколько будет стоить мобильный поликомбинат. Я же понимал, что, несмотря на инерцию ортодоксов, у Тима немало сторонников. Да, если они объединят усилия и финансы нескольких фортгов, создадут единый Совет...

В общем, хотя я безбожно промерз (существо я довольно теплолюбивое) и проголодался, время прошло прекрасно. Тим

явно старался мне понравиться и привлечь на свою сторону. У него это здорово выходило. Я увидел будущее этого мира, и будущее уверенно обнадеживающее. Если бы не одно обстоятельство. Однако заговорить о нем я решился только на второй день наших совместных экспедиций:

— А далеко ли отсюда Форт Вирджинс?

— А, вы уже слышали, — огорченно протянул Тим. — Для нас тут все недалеко. Хотите взглянуть?

Небольшая ложбина между двумя невысокими горками была завалена каменными глыбами почти вровень с краями. Некоторые глыбы имели срезы и сколы, относительно свежие, со следами незначительной эрозии.

— Откуда они могли бы здесь взяться? — вслух подумал я.

— Судя по анализам — вон с того хребта. Биг Грегоориано. Такое впечатление, что их сорвало оттуда и принесло каким-то торнадо. Хотя откуда в этих местах торнадо? Да еще такой силы...

— Садиться здесь безопасно?

— Если приборы не врут — все в пределах естественной нормы. Хотя черт его знает... Боязно как-то — сатанинское место.

— Ну, мы же исследователи, Тим. Опустись где-нибудь с краю...

Мы присели на ровный скальный выступ, словно на берег каменного озера.

— Форт Вирджинс был одним из самых милых местечек на Надежде Непокорных, — вздохнув, пожал плечами Тим. — Речка... Зеленая долинка... Сады кругом... Люди здесь занимались садоводством и виноградарством. Тем, кто не особо чтит старые принципы, славное поставляли вино. — Он причмокнул губами. — Райский уголок!

Я запрыгал с одной глыбины на другую, здорово подражая немного выпившему горному козлу, то и дело рискуя переломать себе ноги. Тим прилежно следовал за мной, не забегая, впрочем, вперед. Я внимательно вглядывался в разнокалиберные камни и, остановившись возле одного, провел пальцем по ровной, слишком ровной, почти полированной поверхности.

— И что думает по этому поводу господин геолог? — вполоборота спросил я своего спутника.

Тим склонился над сколом с лупой, вставленной в глаз, и отбойным молотком. Затем выпрямился и протянул вторую лупу мне:

— Не хотите ли взглянуть сами?

— Ставлю десять знаков на то, что структура гомогенная...

— Ставлю свой вертолет против бидона молока, что здесь поработала квазарная пушка...

— Клянусь родинкой твоей невесты, что в Форте Вирджинс не было таких...

— Не было... Да и зачем она им? И мы бы об этом знали...

— Давай-ка еще поищем, Тим.

— А что бы вам хотелось найти, господин натуралист?

— Пока понятия не имею, господин геолог. Что-либо необычное, выбивающееся из общей картины... Обычно мне везет на такие штучки. — Еще бы — с датчиками-то Клары, нервная система которой составляла единое целое с мсей.

Мы еще какое-то время прыгали по уступам и впадчам, словно Нимруд и Хумбаба, охотники пред Хубалом. Как вдруг внезапно Тим окликнул меня. Ай да Тим! Углядел-таки! Он держал в руках ребристую полусферу — осколок стандартного Источника Внутренней Энергии. Впрочем, не совсем стандартного, некоторые детали в нем настораживали, но это покажут будущие анализы.

— Похоже, вынесло взрывом на поверхность из какого-нибудь дома или мини-мастерской, сэр... — задумчиво вертя в руках находку, произнес Тим.

— Оглядишь, Тим, — возразил я. — Ты уверен, что при взрыве местность выглядела бы именно так?

— Не думаю, — пожал плечами Тим.

— А сколько отсюда до погребенных домов?

— Метров пятьсот по вертикали...

— И какая шайтанская сила могла вынести его на поверхность?

— Ну, тогда я вообще ничего не понимаю. Что же здесь происходило, чтоб разорвались внутренние связи в Источнике? И не осталось следов ни радиации, ни гравитационных возмущений, ни временных аномалий?

— Тим, я пока что и сам лишь задаю вопросы. Слишком много неувязок в этом деле.

— Что же, вы предполагаете, все это может означать?

— Это может означать, что странные дела творятся на Биг Грегориано...

— Давайте слетаем туда и как следует все разузнаем. — Заглушая недавние страхи, в Тиме заговорил инстинкт охотника и исследователя.

— Рановато, Тим. Мы пока не готовы...

Все замеры в районе Биг Грегориано были в относительной норме для местности повышенной вулканической и тектонической активности. Никаких выбросов промтоходов или «энергетических следов».

Но анализы показали, что, как я и предполагал, ИВЭ, найденный на могиле несчастного Форта Вирджинс, не был произведен в Конфедерации. Откуда же он взялся? Ведь, чтобы произвести и запустить хотя бы один ИВЭ, необходим доступ к неограниченным запасам энергии, сравнимым с энергией вулкана или квазарного преобразователя.

Однако горы надежно экранировали от нас все свои тайны.

Неверующие люди обычно суеверны и склонны веровать во всякие чудеса. Но, будучи человеком верующим и просвещенным, повидавшим немало чудес, я был почти уверен, что в этой чертовой истории не обошлось без человека.

Какой-то хитрый и умный гад затаился под Биг Грегориано. И я пока был бессилен его достать. Где же он покажет свой лисий хвост?

Долго ждать нам не пришлось...

В недобрый полдень, явно еще не управившись с отцом по хозяйству, в лабораторию, встрепанный и запыхавшийся, ворвался мой верный оруженосец. Он задыхался от бега и волнения и мог лишь тянуть меня за рукав, тыча пальцем в небо:

— Сатана, мистер, сатана! Он прилетел по наши души!

Я, усмехаясь, вытер руки и поднял глаза вверх...

— Снимай! — рявкнул я в следующее мгновение, обращаясь к Кларе, чем поверг в еще больший шок бедного Марка.

Пушистыми бабочками голокамеры запорхали вокруг моей головы, отслеживая направление моего взгляда. Я страшно боялся упустить что-либо из увиденного, и временами казалось, что голова моя поворачивается на триста шестьдесят градусов.

В небе над обогревшем мое сердце Фортом кружилось Нечто, одновременно напоминающее дракона из древних сказок, динозавра и полуразварившуюся курицу. Чудище состояло из камней разного размера (от трех метров в поперечнике до едва видимых глазу) и разной степени обработки. Камни не были между собой связаны и скреплены — между ними виднелись свободные просветы. И в то же время махина двигалась вся в определенном рваном ритме и гротескном порядке.

Взмахивая пародией на укороченные передние лапки, вертя чем-то, напоминающим голову, и вращая толстеньким коротким хвостом, монстр барражировал пространство над поселком, время от времени взрывая через невидимый глазу звукоусилитель:

— Люди Форты Бастард! Я, ваш верховный правитель, позволяю вам регулярно поставлять мне продукты питания и сельского хозяйства. Кроме того, вы отдадите мне в услужение Амелинду рен Бассет. Даю вам три дня на обдумывание и послушание. За неподчинение приказам вы будете неотвратимо наказаны, как глупые жители Форты Вирджинс. За хорошее поведение — неизменно вознаграждены.

Монстр кружил над поселением около часа, затем развернулся, взял курс на Биг Грегориано и затерялся в лабиринте ущелий.

Все выглядело как в идиотском сказочном триллере: драконы, красавицы, дань и отмщение. Мне не хотелось верить в происходящее — уж слишком дурен был сценарий. Еще меньше мне хотелось быть Героем, спасающим принцесс и побеждающим злых колдунов.

Но серия мобильных голограмм над моим лабораторным столом и лицо Тима, на котором так живо проявлялся весь спектр человеческих чувств — от удручающей тоски до готовой немедленно взорваться ярости, — убеждали меня в реальности события.

У Тима в Сент-Яго было примерно то же самое. Прилетел Каменный Дракон, объявил себя верховным правителем и потребовал дань. Различия были в том, что он запросил руды и металлы и остался совершенно равнодушен к тамошним девицам. Тим усиленно снимал его с воздуха. Когда же он попробовал последовать за ним к горам, чудище обернулось и рявкнуло:

— Не смей преследовать меня, глупый человечиска!

При этом он оторвал левой лапой порядочный кусок от правой и запустил кучей камней в легкий вертолет. Залп основательно потрянул Тима, и он не решился больше следовать за чудовищем.

По ближней связи мы пообщались с другими поселениями Надежды Непокорных. Там никто не видел никаких драконов. Но все выражали нам поддержку и желание помочь. Скорей всего после злосчастного Форта Вирджинс мы находились ближе всех к источнику опасности. Экспансия началась здесь.

Мы с Тимом (и с Кларой, конечно, о чем Тим пока не знал) остаток дня и всю ночь рассматривали полученные изображения, запершись у меня в лаборатории. Мы гадали, анализировали, строили предположения, просчитывали самые фантастические варианты. Под утро Тим провел руками по лицу, словно стирая следы усталости и бессонной ночи:

— Ничего ни с чем не вяжется. Это просто-напросто невозможно. Кто-то сошел с ума: то ли мать-природа, то ли мы все скопом. Этого не может быть. И еще девушка... Зачем ему девушка? Он же каменный.

Тим тактично обошел то обстоятельство, что Амели фактически была его невестой.

— М-да, — хмыкнул я. — Дежа-вю. Сдается мне, что где-то и когда-то я это уже видел.

Тим без всякой цели, лениво щелкая пультом, переключал изображения. Внезапно он подскочил и увеличил одно из них:

— А это что, раван?

За эту бессонную ночь мы как будто побратались, и он с полным правом мог обращаться ко мне как к старшему брату — раван.

— Вот здесь, мелькнуло между головой и шеей...

— Но мы уже решили, что, вероятно, здесь находится ИВЭ и центры управления...

— Ты не понял. — Тим лихорадочно отыскивал следующее нужное ему изображение. — Вот здесь ракурс подходящий. Мы все время смотрим на дракона. А может, дело не совсем в нем. Или даже совсем не в нем. Вот. Что это за птичка? Вот здесь, здесь и здесь. Она все время повторяет траекторию полета монстра, хотя и держится на расстоянии.

— Ты гений, Тим! Только посмотри — вот тут птичка несколько опережает движение объекта...

— Значит, это он за ней повторяет?

— Похоже на то...

— Хм, думается, что тогда им кто-то управляет... через выносной управляющий центр...

— Следовательно, это дерьмо летающее не автономно?!

— Оно управляется на расстоянии и имеет уязвимые места...

— Шейное сочленение. Возможно, поясничное... И птичка управления!

— Да, но стоит нам вывести из строя ИВЭ или выносной управляющий центр, как...

— ...как вся эта куча летающего говна свалится нам же на головы. Хитро придумано, ничего не скажешь! Поражение поражающих, уши сатаны!

— Но если их встретить на подходе?!

— В нескольких милях от поселка?! И расстрелять чем-нибудь подходящим? Да, было бы самое то. Но как уговорить наших стариков взяться за оружие? Не все, но некоторые скорее умрут, чем расстанутся со своими вековыми принципами...

— Это, похоже, уже мои проблемы. Дело в том, знаешь ли, что у меня в роду было несколько публичных политиков.

— Так, так, так... Ну а при чем же здесь Амели? Что за сказки о красавице и Драконе? Пришельцы хотят наших женщин? Вау! Что за пошлятина?!

— Ты прав в одном, Тим. Сколько это ни обыгрывалось в дурной фантастике, но, насколько мне известно, в Галактике никто не хочет наших женщин, кроме... кроме, о шайтан!

— Сатана! — рявкнул Тим.

И мы синхронно рванули к видеофону, чтобы связаться с Амели. Во всей Галактике никто не хочет наших женщин, кроме наших же мужчин. Наша физиология чужда большинству разумных существ. А способность спариваться чуть ли не ежедневно, мягко говоря, шокирует большинство из братьев по разуму...

Амели еще не встала с постели, хотя, похоже, также не спала всю ночь. Вид у нее был одновременно и решительный, и виноватый, словно бы она навлекла несчастье на поселение.

— О Тим! — Ее умоляющий взгляд устремился на жениха. — Я бы никогда не согласилась, будь на то только моя воля. Какой

он мерзкий — бр-р-р! Но как же поселок? Как же ты?! Как же я?! Я думала всю ночь и наконец...

— Послушай, Амели, — довольно бесцеремонно перебил ее Тим. — Тут мистер Раимчик хотел тебя спросить. Извини, я понимаю, как это важно для тебя, но времени у нас в обрез...

— Послушай, дорогая Амели! — Я вложил в обращение столько теплоты, что без всяких калориферов мог бы обогреть полпоселка. — Лично ты не виновата в случившемся — это дело либо рока, либо случая, верь во что пожелаешь. Но ты можешь нам существенно помочь. Только ты. Ради всех пророков величайших вспомни, пожалуйста, в последние месяцы, или два, или три... а может быть, полгода тому назад... никто из пассажиров не показался тебе странным? Никто не оказывал тебе *особого* внимания? Может, были какие-нибудь не совсем приличные предложения?

— Я никому не даю никакого повода! — вспыхнула как порох Амелинда.

— Мы и не сомневаемся в этом... Но мало ли какому психу понравится красавица дальних земель!

Амелинда машинально поправила растрепавшиеся волосы и заметно смягчилась. Она задумалась ненадолго, покусывая губки.

— Так, вроде был один такой. — Она выразительно пощелкала себя пальцем по виску. — Судя по всему, в детстве неудачно с лошади упал. Приехал со мной, с моей партией наемников, в Форт. Жил в поселке дня три-четыре. Капризничал, аки дитя неразумное, по любому поводу. Все требовал, чтобы я с ним находилась все время. Да у меня ведь и своя работа есть. Лошади-то не люди — потерпеть не попросишь. А уж когда он стал требовать, чтобы я и вовсе с ним в горы подалась на вечное место жительства, я быстро все точки над *i* расставила и послала его прямо в... горы или куда подальше. Тим, я не рассказывала тебе ничего, потому что ничего серьезного за этим не было...

— Конечно, Амели, — кротко согласился я. — Но как же его звали?

— Пол... кажется, Пол Розен... Розенблюм, Розенхаунд... Не помню. У нас здесь не редкость чудные имена, ну это уж совсем чудное было.

— Это можно уточнить по прилетным документам, — тихо прокомментировал Тимоти.

— А как он выглядел? — не унимался я.

— Отвратительно! — весьма детально описала пришельца Амели.

— И все же... На кого он был похож?

Клара внимательно слушала Амели и сверяла все данные со своей картотекой и картотекой Галаксис-полисьон. Пола Розенблюма в ней не было.

— Он был похож на ошипанного стервятника. — Амели передернула плечами. — Или на только что вынутого из кипятка червяка — бледный весь, как покойник. Молодой, а уже лысина пробивается. Морда вся в веснушках, да только не веселые они, а злые какие-то. Высокий, сутулый, плечи узенькие. Лапки холодные, лягушачьи. Как-то раз он ко мне прикоснулся — я прямо вздрогнула вся. В общем, фигурка та еще, как у старой городской бабы (интуит, пометила в своих архивах Клара, ваготоник, скорее всего из развитого урбанистического мира). Лицо как вареная картошка. Вот здесь и здесь, — Амели прикоснулась к ямкам за ушами, — дырочки такие маленькие. Металлические. Кажется, все мозги наружу видно (особые приметы: компьютерные вводы для подключения в сеть — пометила Клара). Нос кривой и будто принюхивается к чему постоянно. А глазки маленькие, как буравчики, и не верят никому.

Амелинда и впрямь нарисовала омерзительную картинку. Впрочем, она мало отличалась от действительности. Клара выдала нам над лабораторным столом изображение молодого человека, действительно сутулого и бледного, словно в жизни не видевшего прямого солнечного света, с ехидным и презрительным выражением бесформенного лица и с неоднократно оперированными слабыми глазками.

— Он это! Он! Гадина такая! — завопила Амели, едва увидев портрет. — Сатана лысый!

Я так и чувствовал в этом психопатическом фейерверке событий нечто неуловимо знакомое. Так меломан в какофонии звуков узнает почерк знакомого музыканта. Ну конечно же, Айвэн. Айвэн Розенцвейг. Остается только удивляться, что я не догадался об этом раньше. Это после его Огненных Котов и Резиновых Танкеток, на которые я убил по полгода своей

прекрасной жизни. Ведь все, что производил на свет Айвэн, походило только на самого Айвэна, вернее, на его больную, изуродованную душу.

Волею судеб, сводивших нас неоднократно, я хорошо знал биографию Айвэна. В свое время он наделал немало хлопот Конфедерации. Возможно, в данный момент меня ввела в заблуждение твердая уверенность в том, что этот гениот (гений и идиот одновременно), отчасти благодаря и моим усилиям, сидит глубоко под землей в закрытых лабораториях, трудясь в них во славу Конфедерации.

Клара полезла в картотеку. Так и есть. Сбежал полгода назад. Гений, что и говорить. Гений, абсолютно без совести и без чести, которого родной отец — правитель на Адмирэрри-8 — вынужден был держать в строгой изоляции. Даже непринужденные нравы варварской провинции не выдерживали грубо отклоняющихся предпочтений Айвэна, сочетающего разум и половые органы могучего мужчины с принципами и душой двухлетнего агрессора и садиста.

И вот он всплыл здесь. И встретил Амелинду. Возжелал ее и для обладания ею решил поработить и замучить целую планету. В этом весь Айвэн. Причем, если бы меня не оказалось здесь так вовремя, он имел бы все возможности через два года закрыть планету, превратив ее в одно свое большое рабовладельческое имение.

От подобных перспектив я впал в легкий транс. Из глубокой задумчивости меня вывел верный Марк, возникший передо мной, словно вестник богов, и развеявший мрак преисподней:

— Там... эта... Старейшины просят вас обоих пожаловать на совет.

Пора вскрывать карты. Не все, конечно.

На совете я был просто великолепен. Я был столь же убедителен и непоколебим, как в тот момент, когда стоял перед лицом отца своего (да превратит Таннит каждую каплю воды в его ароматном горле в нектар) и уговаривал его отпустить меня учиться в университет Натуаля. Попирая все принципы логики, я аргументировал к личностям. Я аргументировал к толпе, к эмоциям и страстям. Я отступил от собственных принципов вооруженного нейтралитета и активного невмешательства. Я

проповедовал справедливую войну и пропагандировал активную защиту.

Большинство граждан Форты, стоя вокруг нас, выражали мне полную солидарность вскриками и сжатыми кулаками. Старейшины молчали. На их непроницаемых лицах не выражалось ничего. Некоторые женщины, стоящие в отдалении кружком, начали плакать. Гул мужских голосов становился все громче.

Я обрисовал почтенному собранию зловещий образ Айвэна, классического параноика. Я доказал как дважды два, что такой тип не остановится ни перед чем, и напоминал трагическую судьбу несчастного Форты Вирджинс. Я вещал, что принципы — это опоры, а не вериги, и силен тот человек, который умеет соизмерять свои принципы с обстоятельствами и приспособлять их к необходимости.

Никакого ответа.

Но тут вперед выступила Амели. Вдохновленная моей пламенной речью, я надеюсь. Волосы ее развевались, голосок звенел, крепко сжатые руки прижимались к груди. Она была прекрасна, как воительница Анату.

— Я не пожалею себя! — выкрикнула она прямо в седые бороды. — Я сдамся поработителю без сожаления! Ради своей матери и ее детей. Ради их спокойствия. Но стыдно будет вам, мужчины, если никто из вас даже не попытается защитить свою дочь и сестру! Если никто не пойдет сражаться со злобным демоном, чтобы победить или умереть, как муж, а не ягненок, я останусь с отвратительным чудищем с радостью. Оттого, что мне не пришлось жить среди чудовищ еще более отвратительных!

— Я пойду с тобой, Амелинда реним Бассет! — шагнул вперед Тим. — Я не знаю, что там решат в Форте Сент-Яго, а если они не каплуны, они одобряют меня. Но я иду с тобой.

— И я! — сожалея лишь о том, что меня опередили, вышел вперед и я.

Старейшины молча встали и удалились в Дом Совета. Если верить моим ощущениям, сидели они там часа три, не меньше. Я успел устать, как от тяжелого физического труда, и проголодаться. За это время еще несколько холостяков из самых отчаянных решили нас поддержать вне зависимости от исхода совета. Остальные колебались, ожидая слова старейшин и призывая на их головы мудрость Йаху.

Наконец старики один за другим торжественно вышли на небольшую площадь. Один из них, Рассел Гамильтон, подошел к тревожно ожидающим людям поближе. Как заправский оратор где-нибудь в метрополии, Рассел воздел руки к небу, выдержал многозначительную паузу и, обводя всех по очереди горящим взглядом, заговорил:

— Мы призываем вас, дети и внуки наши, жители мирного Форта Бастард, только к одному! Следуйте истинным заветам! Будьте верны им в сердце своем!

«Ну все, — вихрем пронеслось у меня в голове. — Против этого мне не выстоять. Жаль, если придется вызывать регулярные войска... пятьдесят лет карантина... после тотальной стерилизации... и это минимум, на что можно рассчитывать. А хорошенький ведь был мирок». Разумеется, все это я лишь подумал, не рискуя даже прошептать — ни к чему простым гражданам ведать дурно пахнувшие тайны большой политики.

— Пусть каждый из вас прислушается к глубинам сердца своего, ибо только там скрывается истинная мудрость. Ибо только там мы можем искать и находить для себя! Спросите каждый свою совесть, и она обязательно скажет вам, как поступать. Мы же порешили, что как бы ни сделал тот либо другой добрый человек, на нем не будет лежать греха нарушения заветов и непочтения к старшим.

«Слава тебе, Таннит многогрудая! — снова закружилось у меня в голове. — Не такие же они идиоты, чтобы покорно подставлять выи под ярмо... Кровь. Кровь воинов и героев возьмет свое... Как всегда...»

— Ибо сказано в книгах кади: «Кто же убьет, защищаясь, на пороге дома своего, — продолжал гроыхать, словно пророк войны Искандер, Гамильтон Рассел, — или по неразумию, или по наговору пролитая кровь не ляжет на убившего». И будет убийца невинен, ибо не по его желанию свершился грех!..

Толпа загудела одобрительно и облегченно.

— Я не пойду сражаться! — возвысил голос до патетического хрипа Рассел. — На глазах моих убили моего отца. И мой старший брат исполнил месть крови. И его убили, повинувшись тем же законам. И всех других моих братьев. Я был мал, чтобы взять отцовский длинный клинок. Но я взял малый и готов был идти и умереть, но не опозорить честь клана. Тут мать

моя упала на колени предо мной, завывая, как раненая сука, и совала под мой нож моих маленьких сестер. «Убей сначала их, — сказала она. — Так или иначе, но все мы после твоей смерти умрем с голоду!» Я повесил малый клинок и сломал большой. Мой отказ от войны — цена крови всей моей семьи по мужской линии. И я не дам ее снова!.. Но вы решайте каждый для себя — будет с вас в сражении прок или нет. Я слишком стар и немощен. И потому лучше буду призывать милость Йаху на ваши головы и громы Элайи в ваши руки.

— Но не увлекайтесь кознями сатаны! — воздел вверх свою клюку Абатун Кром. — Ибо вынуть меч войны из ножен легко, но вложить его обратно трудно. Вкус мести сладок, но похмелье с него — горькое.

— Думайте, мирные граждане мирного мира! — выступил вперед Джезус Эбром О'Райли. — Чем вы будете защищаться и как. Времени у нас не так много, а оружия нет совсем. Кто поведет вас в бой? Кто дарует вам упокоение в бою и радость в победе?

— Так! Так! Верно говорят! Пусть будет так! — выкрикивали мужчины, потрясая трубками, словно боевыми копьями, и женщины кидались им на шею с поцелуями.

Теперь наступала моя очередь. Я вскинул руки (раз уж здесь это так им нравилось) и выступил из толпы.

— Господа! Свободные жители свободного мира! Моя родина не здесь. Но я успел полюбить Надежду Непокорных и готов отдать жизнь за ее честь и свободу. Однако я не хочу умирать просто так и дешево продать свою кровь. К Хубалу на пир я хочу привести и парочку своих врагов. И Тимоти Шин согласен со мной в этом. Мы прикидывали на досуге так и этак, и у нас созрел план. Если вас он не устроит — что ж, быть посему. Если же вы согласитесь с нами, нам будет что предложить на закуску этим летающим кучам навоза, кроме собственных душ.

Толпа снова зашумела. На этот раз слово взял мужчина средних лет, почтенный второй муж мэмми Мултрок Эби Мултрок.

— Я скажу за всех, кто пойдет с вами, мистер Раимчик. Пусть вы и не приняли нашу веру — это дело лично каждого. И на совести у того, кто оговаривает вас, его злые слова. Меня это не касается. Вы хорошо работаете и готовы вместе с нами

защищать наших жен и детей. Я ничего не держал в руках до сей поры, кроме мирных инструментов — топора да лопаты. Самое боевое мое оружие — конская плетъ. Вы же из того мира, где война не запрещена. Ведите нас, и мы пойдем за вами и будем слушаться во всем, как своего командира.

— Однако времени у нас маловато, — поддержал его Глейн Рэндовалл. — С топором и лопатой на это чудище я не кинусь. Так давайте же делать что-нибудь!

— Руки чешутся навалить им как следует! — крикнул отец Марка Джэбб Уинстворт.

Через два часа я был на поверхности нескольких рядом лежающих рудных жил в окружении компьютеров, компьютерных манипуляторов и умелых техников из двух фортов. Оборудование и чертежи отрастила и спустила нам по точечному лучу Клара. Переучивать отличных специалистов мне практически не пришлось. Общую идею они уловили сразу, а чертежи и кинетические модели читали, что называется, с листа (с голоизображений) на раз. Все-таки у этих мужчин война была в крови.

Через пять часов мы собрали первые линии. Через семь с нашего конвейера под открытым небом сошли первые геликоптеры и пара квазарных пушек.

Оба поселка пришли в движение: скотину гнали подальше в долину, автоматика строила подземные убежища и сеть коммуникаций, дома зарывались глубоко в землю. Мужчины под землей осваивали оружие, заодно пробивая и новые ходы в породе. Женщины готовили запасы продуктов, медикаментов и расходных материалов на первое время...

Через три дня Амелинда сидела на высоком холме в миле к северу от Форта Бастард на груде аккуратно упакованных сельскохозяйственных продуктов. Ее бледное личико с решительно сдвинутыми бровями было обращено в сторону Биг Грегориано.

Появление дракона строго засекли только голокамеры. Он надвигался со стороны заходящего солнца, вздрагивая и подпрыгивая в воздухе, словно гроздь плохо связанных воздушных шаров.

— Я здесь! Я здесь! — Амели выпрямилась в полный рост и замахала руками. — Лети сюда! Мешок навоза... — прибавила она вполголоса.

Дракон грубо притормозил в воздухе, уловил источник сигнала, повернул переднюю часть «туловища» вместе с «головой» и взял направление на Амелинду.

— Все готовы? — спросил я в переговорник. — Клара? Тим? Амели? Сент-Яго? Форт Бастард?

— Да, сэ! — отвечали мне по-военному. — Да! Да! Да!

— Стрелять только по моей команде! Все действия согласно плану «Алеф»! Бить только по птичке наведения или между головой и шеей! Товсь!.. Пли!

Клара с орбиты корригировала огонь пушек и ружей. Все выстрелы поразили цель. Каменные глыбы, лишенные подерживающего поля, рухнули вниз. ИВЭ взорвался в воздухе с ослепительной вспышкой света.

Едва началась пальба, Амели пушинкой слетела к подножию холма и нырнула в заранее подготовленное убежище. Как только с неба перестал сыпаться каменный дождь, мы с Тимом со всех ног бросились к холму. Он к своей девушке, я — к останкам разбитой нечисти.

Прыгая с камня на камень, я подобрался к месту падения «головы». Монстр еще был жив, если можно называть живым изначально мертвое. Он вращал поврежденными окулярами и хрипел в разговорное устройство:

— Отступники и предатели! Вы обманули меня, своего верховного правителя! Вы убили моего слугу! Вы жестоко заплатите за свои преступления!

Я наклонился над рассыпавшейся тущей и отыскал взглядом то, что мне было так необходимо.

— Во имя Йаху! — За моей спиной Тим отступил назад и позеленел.

Там, в углублении затылочного камня, кровавым сгустком атели передние управляющие центры. Живые. Из искусственной, но плоти и крови.

— Клара? — тихо позвал я. — Готова?

— Готова взять управление на себя... — дала подтверждение Клара.

Громадные «пальцы» чудовища тем временем мгновенно собрались из мелких камешков в единое целое и, царапая камень, на котором я стоял, попытались добраться до моих ног и дернуть меня вниз. Но тут вмешалась Клара, перехватила управление, и пальцы сами потянулись к затылочной кости,

выцарапали оттуда живой сочащийся сгусток и аккуратно положили в мой заботливо подставленный портативный термостат. Со стороны это выглядело так, будто Каменный Дракон вручает свои мозги победителю. То же самое мы проделали и с задними управляющими центрами.

Моя работа не всегда привлекательно смотрится со стороны. Судя по тому, как дружно опорожняли свои желудки под холмом Тим и Амели. Я протянул им фляжку с водой. Они по очереди умылись, помогая друг другу.

Потом Амели оглянулась вокруг и необычайно громко (должно быть, ее все-таки оглушило ударной волной) спросила:

— Так мы победили?

— Победили! — так же громко ответил я. — Ты очень сильная и храбрая девушка, Амели!

Амелинда рухнула мне на плечо и горько зарыдала.

— Я так перепугалась! Я так испугалась! Я так боялась! — только и твердила она.

Как говорится в книге Пророка Величайшего Массума ах'Ра-ви (Восхваления Таннит, гл. 16, с-на XIII): «Кто уверует в единого бога, тот позабудет остальных». Так и я, почитая богов мудрости и войны, не забываю жертвовать богиням любви и красоты.

...В горячий полдень Надежды Непокорных я вышел на порог своей лаборатории, где вторые сутки напролет препарировал и изучал мозги Каменного Дракона. Напротив входа, не решаясь напрямую побеспокоить меня, собрались представители советов обоих Фортов — Сент-Яго и Бастард. Они с волнением, но без подобострастия обратили ко мне свои взоры.

— Чего нам ждать теперь? — спросил один из них, Чей Хоа Ли.

Я поглядел в кумачово пламенеющее небо и ответил так же коротко и правдиво:

— Нашествия.

Я не имел права на ложь.

— Айвэн все еще думает, что мы легкая добыча. Он не оставит своих планов так просто. А теперь еще задето и его большое самолюбие. Судя по гениальной простоте его разработок, штамповать своих Каменных Драконов он может сотнями, пока не потухнут вулканы Биг Грегориано.

— Что же нам теперь делать?

— Укрываться и обороняться. Возможно, это не самая приятная новость для вас, но именем Конфедерации, пославшей меня сюда, я вызвал подкрепление. Из войск Свободных Миров ближе всего к нам Имперский Флот Идзубарру. Они не воители, но защитить нас сумеют. Беда только, что прибыть они смогут не ранее, чем через неделю. А за эту неделю Айвэн может нанести нам значительный ущерб.

Двоюродные тетки и сестры Клары уже спешили к ней на помощь.

— За неделю он может засеять камнями все наши пастбища и поля!

— А что станет с нашими загонами и мастерскими?

— Мы уже потеряли двоих, из них одного ребенка!

— Скотина перепугана и не желает доиться!

Среди этих воплей обывателей раздался наконец голос разумного человека:

— Ты прирожденный управитель воинов, могущественный сэр! Придумай же что-нибудь, чтоб нам продержаться хотя бы эту неделю испытаний.

Ах, что я мог придумать, кроме уже придуманного тысячи лет назад: на нас нападают, мы защищаемся. Все, что я смог сделать для этих людей, — это еще более укрепить оборону и наделать еще больше оружия.

К вечеру второго преисполненного напряжения дня небо потемнело от летающих каменных груд. словно жирные пережаренные куры наплывали они на притихший поселок, в котором почти совсем не осталось домов, не зарывшихся глубоко в землю, и рассыпались каменным градом. Каждая градина в среднем была полметра в диаметре, а некоторые — величиною с человека.

Наши вертолеты и ракетницы встречали их прицельным огнем. От квазарных разрядов воздух пронзительно пах озонном. Благодаря Кларе ни один наш выстрел не был сделан зря. Но их было слишком много. А полоумный Айвэн за это время установил на них пушки и ракетницы.

Масштабы бедствия переходили в катастрофические.

Я умолил Тима, храбро сражавшегося на своем вертолете в первых рядах обороны, отвлечься от боевых действий,

вручил ему один из своих личных нейтрализаторов энергопотока и упросил блокировать и доставить ко мне одну из птичек наведения.

Через несколько часов Тим ввалился в лабораторию, временно превращенную в командный пункт. Отдуваясь и размазывая грязь и пот на своем черном, прокопченном порошке и излучениями лице, он протянул мне квадратную коробочку:

— Увертливая, сучка!

Амели держала коробочку прямо перед собой и выкрикивала в нее, почти скандируя, слова нашей капитуляции.

Я не знаю, почему эти славные люди доверяли мне еще после такого сокрушительного разгрома. Они не выражали своего сочувствия прямо, опасаясь задеть мою гордость и честь, но, полностью полагаясь на меня, оказывали мне всяческую помощь и выражали одобрение. Я не мог не оценить этой сдержанной и величавой поддержки, когда ты полностью спокоен за свои тылы, и про себя поклялся не допустить стерилизации и карантина на Надежде Непокорных, чего бы мне это ни стоило.

— Мы сдаемся! Верховный правитель! Прекрати бомбардировку! Мы сдаемся! Говорит Амелинда Бассет! Я выйду к тебе!

Она прокричала несложный текст несколько раз, прежде чем из звуковоспроизводящего устройства, которое для меня подобрали ранее, не раздался хриплый низкий (почти бас) удаленный голос:

— Не ори мне в ухо, женщина! Выходи из укрытия и сдавайся!

— Я ранена! У меня сломана нога! Я не могу ходить одна!

— Пусть кто-то из сестер тебя сопровождает!

«У меня маленькие сестры», — одними губами подсказал я Амели, напряженно вслушиваясь в их иррациональный диалог.

— У меня маленькие сестры, — исправно повторила Амели.

Риск был невелик. Айвэн людьми никогда особо не интересовался и в родственных отношениях разбирался слабо.

— Хм, — буркнул Айвэн. — Ну, какая-нибудь еще баба из поселка.

«Они все страшно боятся и не пойдут со мной» — Амели, морщась, повторила. Женщины поселка сражались наравне с мужчинами, заменяя раненых и убитых на поле боя.

Айвэн страшно обрадовался, словно ему подарили нового боевого робота.

— Ну что, как я вас наказал, крестьяне? В другой раз неповадно будет связываться с настоящим полководцем! — Да, пожалуй, заскок по поводу собственных военных талантов был самый крутой у Айвэна.

«Ты самый крутой в нашем секторе Галактики!» — от таких слов самому противно становилось, а глаза Амели возмущенно вспыхнули. Но она, в упор уставясь на меня, повторила их слово в слово. В другой бы раз... но сейчас я принял к розовому завитку девичьего ушка и шептал туда слова, самые подходящие для общения с антисоциальными психопатами.

— Ага! — завопил на том конце Айвэн. — Ты тоже меня боишься! Боишься. Ведь скажи! Я очень страшный! У-у-у!

Амели подтвердила запрос, и я видел, чего ей это стоило. Но на карте стояла жизнь поселка, и нам было не до личных эмоций.

— Но не для тебя, милая детка! Ты очень подходящий экземпляр для моих наследственных экспериментов. И Айвэн умет награждать тех, кто угодил ему. Да, ты еще узнаешь. А сейчас давай вылезай. Я уже высылаю за тобой транспортную машину.

— Можно со мной будет мой брат? — как можно умильней проворковала Амели. — Он тоже ранен и напуган.

— Он сильно напуган?

— Он просто наделал в штаны! — повторила за мной Амелинда, саркастически улыбаясь.

— Ну ладно, — милостиво согласился Айвэн. — Пусть этот деревенский увалень подержит тебя за лапку, киска. Но не задерживайтесь там сильно. Я очень соскучился! — Мерзкое карканье неслось из динамика, словно похоронный марш.

— Йаху всемогущий! Разве на этом можно ездить? — прошептала Амели побелевшими губами.

А это была храбрая и ловкая девушка, не раз объезжавшая норовистых лошадок. Но при виде брякающей и завывающей груды камней, быстро приближающейся к нам, у меня у самого заныли кости.

Мы стояли одни на вершине плоского холма, открытые всем ветрам. Но знали, что весь поселок из своих укрытий с

мерцающей надеждой смотрит на нас. Совет воинов принял решение не сдаваться и драться до последнего ребенка, способного держать в руках лазерное ружье (боги вендетты и коморры спустились сюда со своих полузабытых небес). И я знал, к чему это приведет, если не остановить кровопролитие...

Одна нога Амели была шинирована и перевязана окровавленными бинтами. Она с трудом держалась прямо, наваливаясь на меня всем своим небольшим весом. Мое лицо было замотано до самых глаз кровавым тряпьем, правая рука висела на перевязи. Картинка была та еще. Даже на Айвэна мы должны были произвести впечатление разгрома Штатов под Андоррой.

Кое-как, вскрикивая и постанывая, мы взгромоздились на один из летучих булжников, явно намеревающийся похоронить нас под собой, крепко обхватили друг друга и отправились в самое безумное и дискомфортное из всех моих путешествий.

Я нежно-нежно поглаживал Амели по волосам и спрашивал одними глазами: «Ты все помнишь, о сияющий камень из головы жабы, драгоценней которого нет?» И она молча сжимала мою ладонь и кивала в ответ: «Да, брат моего мужа. Да, наш бриллиантовый попугай, я все сделаю как надо».

Я не должен был рисковать девушкой. По законам боевика я должен был отправиться один в логово драконов и устроить там офигительный погром. Но что хорошо в кино, иногда не проходит в реальности... И Амели была сейчас нашей приманкой и нашим единственным шансом из тысячи.

Мы опустились в жерло молчащего вулкана и долго летели вдоль одной из титанических расщелин-провалов, пока наконец наш вездеход не грохнулся на брюхо, бренча и воя, возле узкого замаскированного входа в пещеру. Здесь начинался монорельс, и нас ожидала механическая тележка. Мы долго ехали по тускло освещенному коридору, и я не мог не восхититься промышленно-техническим гением Айвэна, в столь короткие сроки оборудовавшего столь грандиозное убежище. Практически без средств и материалов.

Коридор закончился огромным округлым залом, вероятно, представлявшим собой естественную полость в глубине горы, слегка доработанную квазарным кайлом. Вполне в стиле техноарт, хотя, откровенно признаться, я не поклонник дан-

ного направления в искусстве. Очертания зала терялись в темноте. Айвэн, выросший в подземельях своего отца на Адмирэри, не выносил прямого солнечного света.

— Аха-ха-ха! — раздался сверху деланно веселый смех. — Вот и ты наконец-то, моя дорогая! — Айвэн легко пробежал вниз по железной лесенке. — Ах, какое несчастье! Ты ранена! — Он взял Амели за руки, потянул к себе и вдруг чрезвычайно ловко что есть силы пнул ее по поврежденной ноге.

Амели завопила и упала, Айвэн наклонился к ней, внимательно вглядываясь в ее глаза:

— Кажется, в этот момент ты должна потерять сознание, крошка. Если у тебя там, конечно, перелом, а не лазерный пистолет, как видно на моих гамма-камерах.

Потом эта жаба, раскусившая нас в две секунды, оставила Амели барахтаться в ненужных теперь бинтах и подошла ко мне. До этого он меня демонстративно не замечал.

— А это еще кто тут такой пытается выйти на связь со своим кораблем на стационарной орбите? — Он рванул тряпки с моего обожженного лица.

Несмотря на действие анестетиков и анальгетиков, на мои глаза навернулись слезы, я застонал, но не закричал, лишая Айвена заслуженного удовольствия.

— Ага! — продолжал ломать комедию Айвэн. — Неужто это сам принц Раимчик? Как приятно встретить старых знакомых в столь отдаленных мирах! Вас наверняка замучила совесть за то, что вы сделали однажды с бедненьким Айвэном Розеном, и вы приехали навестить меня! Какое счастье! Вы не представляете, как долго я мечтал о нашей встрече! Наконец-то мы сможем с глазу на глаз обсудить те мелкие неприятности, что вы доставили мне когда-то!

Наш план честно пал смертью храбрых первым в этом бою. Мы отползли поближе друг к другу, я сжал руку Амели и привалился к стене. Ожоги на лице болели и саднили невыносимо. Один глаз совсем затек и ничего не видел, второй смотрел сквозь красноватую пелену.

Айвэн довольный, словно стервятник перед тушей слона-потама, прохаживался перед нами.

— Система! — крикнул он куда-то вверх. — Держать обоих военнопленных под усиленным наблюдением! При действиях без моего указания — немедленно нейтрализовать обоих. Ну

что, гнусный недоумок, — обращение было адресовано мне, — теперь ты убедился, что Айвэна не проведешь?! Ты привык держать меня за полного идиота, но Айвэн — обучающаяся система. И самопрограммирующаяся!! — неожиданно тонким голосом взвизгнул он.

Он походил немного перед нами — он всегда думал на ходу, даже в камере полтора на полтора метра.

— Вы решили посмеяться над Айвэном? Теперь Айвэн будет смеяться. Он будет хохотать. Неужели вы своими хиленькими мозгами не могли понять, что на этот раз я предусмотрю все, вплоть до эмоциональных реакций. Я просчитаю каждый ваш шаг. Ваше оружие заблокировано на подлетах к горам. Ваша связь перекрыта. Сопровождающие вас летательные аппараты (не знаю, как вы их называете) дерутся сейчас с моими дракончиками.

Я заметил, как напряглась Амели, и сам стиснул зубы, чтобы не застонать, думая о десятках невинных жертв, по моей вине угодивших в жуткую ловушку.

— Но мне было интересно посмотреть, — продолжал Айвэн, любясь нашим замешательством и растерянностью, — кто же управляет всем этим и настраивает моих крестьян против меня? И вы сами полезли в расставленную ловушку. А я ведь ни одной секунды не верил вам!

По законам жанра теперь был выход Амели. Она обернулась ко мне, еще сильнее сжала мне руку и, глядя мне прямо в глаза, звонко проговорила:

— Отважный принц! Перед лицом нашей смерти я хочу открыть тебе свою тайну. Знай же, что я влюбилась в тебя с первого взгляда. Потому что никого не видела в своей жизни отважнее и прекраснее. Я буду любить тебя до кремации и после. А эта бледная крыса вызывает у меня только тошноту. Я говорила ему разные прелестные слова только потому, что ты велел мне, о биение моего сердца!

Заплывшие глаза мои, насколько это было возможно, поползли из орбит. Я открыл рот, намереваясь что-либо сказать о чудовищном недоразумении, и снова закрыл. Как человек, обладающий выраженным эстетическим вкусом, я не мог не ценить прелестей Амелинды. Возможно, и она глубоко уважала меня как ценное приобретение для поселка. Но в наших отношениях не было и намек на любовь и близость. И не

могло быть, поскольку любовь и брак на Надежде Непокорных, как и во многих отдаленных мирах, возможны только на основании евгенического анализа и с одобрения Совета общины. Это необходимо для выживания населения дальних земель в условиях импринтинга.

Но если она желала вывести Айвэна из и без того неустойчивого равновесия — ей это удалось вполне. «Я подумала, — поясняла мне впоследствии Амели, — что так он убьет нас быстрее». Предположения ее в некоторой мере оправдались.

Айвэн подпрыгнул на месте и уставился на нас во все свои пороссячи глазки. Когда же он перехватил взгляд Амели, устремленный на меня, полный, как ему показалось, страстной любви и преданности, он заметался по залу, будто у него прихватило живот после столь любимых Непокорными бобов в остром соусе. Да не даст мне солгать Таннит Покровительница Лжецов, но на глазах его в этот момент вроде бы выступили слезы. В несколько прыжков Айвэн взлетел по лесенке и набрал на пульте управления несколько команд.

— Система! — продублировал он их голосом, наверняка специально для нас. — Через десять минут приступить к полной нейтрализации военнопленных. К самой ужасной и долгой нейтрализации! Начать с девицы — она предательница. А мужчина пусть помучается, глядя на нее!..

Мы с Амелиндой вжались в стенку. Мерзкие механизмы, лязгая и скрежеща, стали наползать на нас со всех сторон. Айвэн сбежал со своего возвышения и подскочил к нам, не собираясь ничего упускать из леденящего душу действия. К его несчастью, мы не дали ему насладиться полностью — ни единой секунды слабость душевная не отражалась на наших лицах. Уже не надеясь ни на что, я собрал последние силы и твердо заговорил с нашим мучителем.

— Да, ты все предусмотрел, Айвэн! — Я старался изо всех сил, чтобы голос мой не дрогнул в конце.

— Что, дошло до тебя наконец, выкидывай жабы, с кем ты имеешь дело?! Да, я — ГЕНИЙ!!! И не вам, куски слизи, сексуально озабоченные пищевые автоматы, мешаться у меня под ногами. Но ваше искреннее раскаяние не смягчает наказания. Слишком поздно. Приговор уже приведен в исполнение.

— Да, возможно, ты гений, — послушно повторил я. — Но все предусмотреть не по силам даже тебе. Ты же не видишь одной простой вещи...

Механизмы, клацая мерзкими приспособлениями, неотвратно приближались, я что есть сил отводил от них глаза.

— Какой? — Подергивая носом, словно голодный кролик, Айвэн приблизился ко мне.

Он всегда был до чертиков любопытен — прирожденный ученый и экспериментатор.

— Система! — крикнул он вверх на всякий случай. — Держи его под прицелом! Дернется — разнеси ему башку! — И наклонился ко мне.

— А вот какой!..

Я поманил его пальцем и, глядя глубоко в близорукие глазки, со всей дури врезал ему ногой в горном ботинке по яйцам. Айвэн никогда не был сторонником простых решений. Он всегда стремился все максимально усложнить и перестраховаться на десять раз. Великолепный шахматист, он просчитывал ситуацию на десять ходов вперед. Он планировал все. Победить его логикой было невозможно. Это было его и сильной, и слабой стороной. То, что не укладывалось в логические схемы и выходило за рамки двумерной логики: импровизация, творчество, альтруизм, любовь, наконец, повергали его в недоумение и замешательство.

Заорганизованность и, если можно так выразиться, затехнизованность подвели Айвэна в этот раз, он слишком понадеялся на свои механизмы и компьютеры. Решение пришло само, складываясь из безвыходности ситуации, непреодолимой ненависти и желания в последний раз побаловать себя вкусным и нестандартным положением вещей. Моя легкая непринужденная импровизация вогнала моего давнего недруга в глубокий шок.

Хватая воздух ртом и выпучив белесые глазки, Айвэн упаковкой органических удобрений повалился на меня. Система молчала и не предпринимала ничего — очевидно, она не могла различить хозяина и нападающего. Я крепко, как самое дорогое существо на свете, обхватил теряющего сознание Айвэна и с горячим чувством прижал к себе. Затем стремительно обернулся к Амели:

— Ну же, быстрее! Обними меня сзади!

Амели с превеликой страстью и готовностью выполнила мою просьбу, несколько двусмысленную и нескромную в других обстоятельствах.

Прикрываясь Айвэном, как живым щитом, мы рванули к пульта управления. Громоздкая нескладная туша на руках и слипающиеся саднящие веки сильно затрудняли мне передвижение. Амели как могла страховала и направляла меня сзади. Наконец мы кое-как добрались до простенького в своей гениальности командного устройства (за права на него еще долго будут биться несколько Сверхимперий), скромно пристроившегося на круглой площадке, возвышающейся над залом.

Рукой в металлической шине, скрывающей парализованный бесполезный лазер, я принялся крушить всё подряд: мониторы, клавиатуру, вводы и соединения, не дожидаясь, пока опомнится Айвэн или его шайтанская система. Корпус лазера был отлит из прочного и легкого титанового сплава (какой все же малый шаг отделяет мирные орудия труда от оружия!), что весьма пригодились мне теперь на ниве разрушения.

Амели металась рядом, рискуя попасть под разряд или провод под напряжением, также ломая и разрывая все, до чего не успел добраться я.

— Чего это ты бушуешь? — внезапно раздался у меня в голове ворчливый голос Клары.

Она была старше меня на добрые сотни полторы лет и поэтому иногда вела себя со мной, как престарелая тетушка с ветрогоном-племянником.

Но сейчас я был готов простить ей все. Ибо голос ее раздавался подобно голосу хозяйки восьмого неба перед супругом своим.

— Да так, Клара, — ликуя в душе оттого, что наконец-то наладилась связь с внешним миром, сказал я, не прекращая между тем начатого занятия. — Вставил на место пару вывихнутых тахионных блоков.

— Ну-ну, — пробурчала Клара. — Только чего уж твое высочество само-то надрывается? Для этого взводы зачистки имеются.

— Да люблю, знаешь ли, на досуге поразвлечься сам, — выворачивая из пола опорную стойку, отвечал я.

— Кстати, — перешла на абсолютно серьезный тон Клара. — Отлично тебя слышу теперь, душемот ты мой. Сколько я из-за тебя натерпелась. Особенно последние два с половиной часа.

Неужели не прошло и трех часов?

— Имперские войска в зоне интенсивной передачи, — официально доложила моя спутница жизни. — Можно начинать войсковую операцию.

— Засеки мои координаты, — четко начал отдавать приказания и я.

— Команда выполнена.

— Вышли по изотопному следу — первое: медицинский антиграв для нас с Амели. Второе: противошоковый ожоговый набор. И третье: конвойную команду для Айвэна Розенцвейга, официально задержанного мною как представителем отдела чрезвычайных ситуаций администрации Конфедерации.

Наш разговор транслировался по широкой связи, и поэтому мое заявление можно было считать официальным.

— Команда выполняется, — отозвалась Клара, обожающая строить из себя образцовый корабль. Особенно на глазах многочисленных родственников.

Но звуки ее родного и знакомого голоса доносились до меня как сладчайшая музыка. Я уселся прямо на пол и привалился к стене. Голова раскалывалась и кружилась (сказывалась недавняя контузия), обожженная кожа облезала и пульсировала тысячью игл, каменный осколок в руке, казалось, распух до размеров кожаного мяча и надрывно ныл где-то рядом с надкостницей.

— Амели! — тихо позвал я сочившимися сукровицей потрескавшимися губами.

Девушка, тревожно заглядывая мне в лицо, опустилась рядом на колени.

— Сейчас за нами приедут. — Я тихонько провел рукой по ее роскошным волосам, только успокаивая и ободряя. — Все будет хорошо. А пока свяжи-ка своего обожаемого женишка!..

— Ты не представляешь, с каким удовольствием! — хищно блеснула зубами Амели, накручивая на руку тонкий провод.

И в мгновение ока Айвэн был стянут классическим приемом скотоводов для строптивых бычков: руки через ноги, петля через шею. Так что при любом неосторожном движении провод впивался в глотку, и связанный рисковал удушить сам себя. Наш недавний противник лежал на боку у стенки и злобно косил на нас близоруким глазом. Амели крепкой ножкой перевернула его на другой бок и принялась осторожно и нежно покрывать мои ожоги и ссадины новым слоем противоожоговых мазей из поясной аптечки...

* * *

Плохо помню, как меня доставили в поселок.

Некоторый промежуток времени выпал у меня из памяти. Говорят, семь дней я парил на воздушной подушке в чистом аргоне, и доктор Влад не допустил бы ко мне родную мать — до того он был помешан на стерильности при открытом ведении лучевых и ожоговых травм.

Когда же доктор наконец разрешил мне свидания, первыми в моем медбоксе появились Тимоти и Амели. Они вошли, держась за руки и влюбленно глядя друг на друга. Несмотря на то что я был прикрыт только собственной скромностью, свидание прошло весело и непринужденно. Амели вдела руку в специальный нарукавник, уходящий в мою газовую камеру, и нежно погладила первую кожу у меня на кистях. Я расплылся в улыбке и отчаянно закивал им головой с торчащими во все стороны трубочками. Говорить я не мог, потому что дышал через аппарат.

— О драгоценнейший принц Раимчик! — своим хрустальным голоском заговорила Амели. — Поздравьте нас! Мы наконец-то решили пожениться! Мы все обдумали, и вот... — Она обернулась к Тиму.

— Да! — откашлялся Тим. — Но мы хотим сказать, что если бы не вы... если бы не эти печальные события, мы бы никогда не узнали, насколько дороги друг другу, и, может быть, долго еще тянули...

Я изо всех сил затряс подбородком, рискуя потерять пару трубочек, всячески выражая свое полное одобрение.

— Амелинда пока не намерена брать второго мужа. И мать ее в этом поддерживает. — Смущенно и гордо Тим покосился на невесту.

— Но если бы я когда и надумала, ваше высочество, — вмешалась Амели, — то на свое сватовство вы бы не получили отказа. Как многие другие, — немного подумав, добавила она.

Я закатил глаза, показывая, что понимаю и высоко ценю оказанную мне честь. Жестами и мимикой я попытался отразить свое желание сделать им какой-либо подарок на свадьбу. Когда же они поняли, Тим сказал:

— Вы можете сделать нам прекрасный подарок.

— О, — восторженно стиснула руки Амели. — Наилучший из всех подарков. Большого нам и не нужно.

Я в ответ прижал руки к груди, демонстрируя, что лаван (младший побратим) и его жена могут просить у меня чего их душа пожелает.

— Ваш генетический материал, — преданно заглядывая мне в лицо, произнес Тим.

Я слегка оторопел.

Право, такие предложения сыплются на меня не каждый день.

— Да, — подтвердила Амели слова жениха, — я не буду отказываться от предложения по продлению вашего рода.

— Ведь ваши линии — большая редкость в этом коническом секторе, — пояснил Тим, видя ярко выраженное недоумение на моем лице. — Надежда нуждается в наследственном разнообразии. А здесь намечается интереснейшая комбинация.

— Ваш ребенок вырастет принцем Надежды Непокорных, — ласково погладила мою руку Амели. — Мы будем любить его от всех глубин наших сердец...

— Мы уже его любим, — поправил невесту Тим.

Здесь я слегка прослезился от неожиданно нахлынувших на меня чувств и широко раскинул руки, словно пытаюсь обнять их обоих, ставших частью моей жизни, частью моего сердца, частью души.

— Подумайте, достопочтенный принц, — сказала на прощание Амели. — Это очень важное решение в вашей и нашей жизни. Если вы не будете против, то мы совершим все необходимые тайные формальности и дадим друг другу взаимные обязательства. В интересах будущего ребенка, как вы сами понимаете...

Я дал свое согласие при условии, что сам подготовлю необходимый материал для экспертизы и прослежу за его контейнеризацией.

У меня было достаточно времени в запасе.

Перед отлетом на тайном совете общины я наделил Амелинду всеми правами младшей жены принца дома Ицхрави, родившей сына царственной особе. Все необходимые подтверждения я получил из канцелярии отца моего (да правит он вечно, познавая только радости и удовольствия в безграничной любви подданных) в Зиринае.

Посещая столицу королевства нашего Ургабб, крупные города и населенные пункты, Амелинда, именуемая в докумен-

тах бени Лазарусса ганим Хаимчик (я настоял на этом имени для будущего ребенка), может свободно навещать отведенные мне дворцы, загородные дома, сады, бассейны и бани. Она будет пользоваться теми же почестями и привилегиями, что и остальные младшие жены. Она будет иметь отдельные апартаменты, необходимый штат слуг и питание с королевского стола. У нее будет свое место в храме Таннит, на праздниках и развлечениях. Двое глашатаев будут следовать перед ее паланкином, а специальные животные и рабы пробовать ее пищу и напитки.

Она пожизненно будет пользоваться поддержкой дома Ицхрави и обращаться за ней может в любое время в случае любых затруднений материального, морального, физического и физиологического толка, независимо от того, в моем присутствии подано прошение либо нет. Ей назначается пожизненная пенсия, она становится совладелицей нескольких фирм и предприятий, и на ее имя открывается счет в одном из банков Зирина с королевским кредитом. Все это перечислено и заверено в соответствующих пунктах и параграфах.

В случае моей смерти моими прямыми наследниками первой степени объявляются дети, признанные мною и генетической экспертизой моими, а также матери этих детей. Затем следуют родственники, свойственники и побратимы, в зависимости от степени родства и близости ко мне. Все имущество мое делится в согласии с завещанием, которое хранится у главного кади Ургабба, славного своей честностью и неподкупностью. Амелинда и Хаимчик, соответственно, получают свою долю.

Тимоти Шин обозначался в документах как мой младший побратим, воспитатель моего сына и домоправитель дома Амелинды бени Лазарусса ганим Хаимчик в мое отсутствие. Он как высокопоставленный вельможа тоже будет пользоваться особыми правами и привилегиями во владениях отца моего. А после моей смерти получит определенную долю наследства, хотя и не очень большую.

Тим хотел отказаться от всего, твердя, что он и сам вполне может обеспечить Амелинду и всех ребятишек. Но я настоял на этом пункте, объяснив, что тогда положение Тимоти в доме у моей жены становится не совсем ясным. И в интересах ребенка закрепить за Шином определенный статус.

В случае смерти Амелинды все ее права наследования переходят к будущему принцу Хаимчику ибн Раимчик. Его воспитателем будет числиться Тим.

В случае смерти Тима обязательства по воспитанию ребенка беру на себя я либо же дом Ицхрави.

В случае смерти принца Хаимчика наш брачный контракт с Амелиндой расторгается, если она не пожелает произвести на свет еще одного моего сына.

Будущий принц Хаимчик объявляется моим законным младшим сыном и наследником моего титула и имущества в соответствии с очередностью и старшинством среди детей мужского пола. На его имя открывается счет в банке Урабба, он становится совладельцем некоторых фирм и предприятий, входит в директорат нескольких банков, зачисляется в гвардию Зирина в звании, равном званию сержанта, и получает положенные почести и привилегии во владениях отца моего, своего деда. Для него резервируется место в любом учебном заведении любого сектора обитаемого мира по желанию его родителей и воспитателей... И так далее, и тому подобное.

Старейшины подробнейшим образом обсудили права наследования Амелинды и нашего будущего сына и настояли на том, чтобы в случае печального исхода часть имущества отходила бы общинам. Мне было все равно, а Амели и Тим как послушные дети общества с удовольствием пошли ему навстречу.

Я привожу здесь всю эту юридическую казуистику не для того, чтобы запутать кого бы то ни было, а лишь с целью подчеркнуть, что я обошелся с Амели и Тимом наиболее честным образом. И они, со своей стороны, ни сейчас, ни в дальнейшем не давали мне повода для упреков и разочарования.

На летное поле космодрома провожать меня приехали все члены совета Фортов Бастард и Сент-Яго. Это была величайшая честь, которую оказывают не каждому представителю официальных властей Конфедерации. Почтение Непокорных надо заслужить. И хотя я не уверен, что совершил все подвиги, которые мне приписывают, но расстраивать милых моему сердцу людей не стал.

Я еще раз торжественно подтвердил старейшинам обещание подыскать Форту Бастард (а может, и не ему одному)

приличного разностороннего Ученого. Думаю, при моих связях и умении уговаривать людей это будет нетрудно.

За день до проводи́н мне в торжественной обстановке вручили официальные подарки от двух Фортов (своеобразная плата за услуги). Их содержательная сторона и количество обсуждались нами заранее в течение нескольких дней. Мне величаво преподнесли 333 Источника Внутренней Энергий, 333 капельки вечности и документы на портативный ускоритель времени, который ввиду сложностей упаковки и транспортировки был доставлен на Клару заранее.

Я полагаю, все остались довольны.

Глядя, как в посадочный модуль загружают контейнер с телом Айвэна, находящегося в глубоком анабиозе, Амелинда (а они с Тимоти стояли ко мне ближе всех) спросила:

— Теперь его посадят в тюрьму?

— Вряд ли, — нехотя пожал плечами я.

Я не имею права на ложь. Но умолчать кое о чем иногда вполне уместно.

— Скорее поместят в больницу, — не совсем уверенно произнес Тим.

Тоже сомнительный вариант. Что пользы Конфедерации от довольного и счастливого Айвэна, выращивающего цветочки и детей и нежно любимого своими женами? Кто же тогда будет делать сумасшедшие открытия и изобретения? Конфедерации просто необходим Айвэн злой, недовольный, обиженный, строящий коварные замыслы и планы. Вероятней всего остаток своих дней он проведет в закрытых лабораториях дома Ицхрави, владеющего отныне Айвэном и всеми продуктами его жизнедеятельности по праву ловца, и будет трудиться там во славу Конфедерации до конца своих дней, которые мы постараемся продлить до максимума. А я уж позабочусь о том, чтобы он чувствовал себя как можно более несчастным и обиженным.

Модуль протянул свой хобот ко мне.

— Ну, давайте прощаться!

Я пожал руки всем членам совета и крепко обнял Амели и Тима. Амели звучно поцеловала меня в губы. Тим тряхнул мою руку и протянул мне осколок камня на цепочке, вставленный в простую титановую оправу.

— Тот самый? Из моей руки?! — восхищенно и обескураженно спросил я.

Тим молча кивнул. Он не мог говорить из-за душивших его чувств. Я повесил драгоценный амулет на грудь и шагнул в разверстую пасть модуля.

Да, скорее всего у нас будет чудесный ребенок. Ведь я не зря отбирал для него свои лучшие качества. И лучшие качества Айвэна. Его ускоренная мозговая химия, но без недоразвития гиппокампа, в сочетании с моими адаптательностью и чувствительностью да еще с повышенной социализацией Амелинды!.. Комбинация, что и говорить, многообещающая.

Но, но, но... Цыплят, как говорится, по осени считают. Я, разумеется, не пущу дело на самотек. И буду негласно за всем наблюдать со стороны. Ребенок получит достойное воспитание и образование. А там... будем посмотреть.

Я долго сидел в командной рубке, пристально разглядывая уменьшающуюся проекцию Надежды Непокорных. Слезы блестили у меня на глазах.

Клара, все понимающая и все прощающая, ни о чем меня не расспрашивала, с тихой грустью ожидая окончания шторма в моем сердце...

Александр Бачило

ПЕСОПАРК

Из цикла «Академонгородок»

*Спасибо тебе, выходит, Слизняк: дурак ты был,
даже имени настоящего твоего никто не помнит,
а умным людям показал, куда ступать нельзя...*

А. Стругацкий, Б. Стругацкий.
«Пикник на обочине»

*А что в спине поламывало — теперь в ноги
перешло, ноги такие слабые стали. Эх, к печечке бы!*

А. Солженицын. «Один день Ивана Денисовича»

Как сообщается на сайте ежедневного издания
«NEW.RU», сегодня в 8.12 на станции метро
«Речной вокзал» какой-то мужчина прыгнул
на пути и скрылся. Задержать его не удалось.

Что, бляха, страшно? Это вам не огурцы в погребе тырить!
Отставить ныть! За мной бегом марш!

Топочут сзади молодые, не отстают. Конечно, натерпелись
страху в тоннеле. Идти тут можно разве что нюхом, да на ощупь,

ну и, бывает, заходят. Кто в незнакомую дыру нос засунет, да там и оставит вместе с головой, кого и в знакомом месте так саданет поперек шеи — не разберешь, где мозги, а где сопли. Сколько ж вокруг нашего брата, добытчика, лежит — и целиком, и по частям, и по стенке размазанного, — страшно подумать! Вот жаль, что темно тут, как у крота в заднице, — поучительная была бы картина для моих молокососов. Сразу бы поняли, откуда у этого тоннеля такое чудное название: пирог с повидлом.

Ну да ничего, вон последняя развилка, а там и выход на поверхность. Стой, братва, раз, два! Пообнюхаться надо. Прислушаться. Заткнись, Куцый, не скули! Сам виноват. Команда ясная была: вперед без последнего. Кто последний — тому крышка. Это тебе еще повезло, считай. Ничего, побегаешь и облезый... А вы чего пыхтите, как паровозы? Собздели, когда Кушего обварило? То-то! Слушать надо командира, а не молитвы шептать! Я вам здесь и Бог, и Сатана, и все угодники! Потому что через эту чертову нору я уже три раза лазил и каждый раз назад возвращался с добычей. Понятно? Пока не научитесь сами добычу таскать, будете меня слушать, я как-никак кило мозгов на этом деле съел.

Ну, вроде все спокойно... Выходим, благословясь. Неба тут не видно, не пяльтесь. Травы высоченные. Да оно и лучше, на хрена нам то небо? Теперь быстро — прямо на восток. Вот где самая работа начнется! Там я из вас, обалдуев, настоящих бойцов сделаю. Если успею...

До чего же легко бежать по зеленым этим коридорам! Видно, немало разного волокни этим путем, вон как разгладили — ни ямки, ни камешка! Бежишь, будто по коврику, и нога совсем не болит... Ох, а ведь и в самом деле! Что же нога-то? Ладно, это потом. Не болит, и хорошо. Может, она и не болела никогда, просто приснилось что-то. Вперед, вперед! Вон уже и дымком потянуло, значит, близко. У здешних трав стебли толстые, медом сочатся, а пахнут так, что чуть с ног не валят, но горькой этой гари им не заглушить. Тот, кто ее хоть раз нюхал, уже ни с чем не спутает...

А гарь-то свежая. Видно, наши совсем недавно как раз в этих местах прошли... Прошли, да не вернулись. Значит, смотри в оба! А ну, все ко мне!

Молодые нагнали, обступили. Водят носами, ждут команды. Спокойно, ребята. Торопиться некуда. Скоро только кошки... тьфу! Не ко времени припомнились... Чувствуете запа-

шок? Распробуйте как следует... Пахнет каленым да паленым. Значит — добычей и солдатской шкурой. Вот что с торопливыми-то бывает! Нашли бойцы добычу, да унести не смогли. Она сама их унесла.

Вон, поодаль, в траве что-то темнеет. Ну так и есть — лежит боец, остывает потихоньку, совсем будто спящий, только морда обгорела до черноты. А шагах в пяти от него торчит из земли, сверкает белыми жилками на солнышке — она, добыча! Молодые увидели — аж попискивают от счастья. Так бы и вцепились в нее всей командой, но ждут пока, понимают — без приказа нельзя. Стоп, салаги. Приказа не будет. Что-то тут не так. Отчего добыча из земли торчит? Выросла так или закопал кто? Не помню я такого чуда, чтоб добыча в земле росла, как морковь. А ведь памяти во мне ой-ей-ей сколько накопилось и своей, и покойницкой, и еще черт знает чьей.

Ну, стало быть, так. Пузан и Вонючка, слушай мою команду. Подтащить сюда этого покойника. Да осторожно! Не топтаться там. Выполняйте. Остальным — укрыться.

По правде говоря, можно было Пузана и одного послать. Он таких покойников троих притащит и не вспотеет. Только больно уж туп, как бы не залез куда не надо. Вот пусть Вонючка за ним и приглядит. Он трус, значит, смысленый. Да нет, не должно там ничего случиться, беду я всегда чую... Вон уже и волокут.

Ну и здоров же ты, Пузан! Молодец. Клади его сюда. Не на спину, угрёбок! Что мне, брюхо покойнику чесать, что ли? Черепушкой кверху клади! Вот так. Ну? Никто раньше не вскрывал? Показываю один раз! Аккуратно, по кругу... Вот он, как орешек! Сейчас все узнаем... М-м! Дымком попахивает, ну да это не беда. Даже еще лучше, пожалуй... Куций, подходи теперь ты, тебе больше всех поумнеть надо. Да не вороти рыло-то свое облезлое, а то по второму разу облуплю! Вонючка, ты тоже попробуй. А тебе, Пузан, не надо, ты и так слишком умный для своих размеров. Добро только переводить... Ну, что скажете? Доходит помаленьку? Вот и до меня доходит. Никак нам эту добычу не взять, братва. И наперед надо запомнить: из земли добычу не отрывай — убьет. Я прямо как вижу: откапываю ее, шкурку зубами срываю — и тут вспышка. А дальше — темень. Спасибо тебе, покойник, научил. Отдыхай, боец...

* * *

Когда просыпаешься утром от птичьего пения, то жизни своей не помнишь. Ей-богу, как отрезает! Особенно если проснулся в тепле и на мягком, если снизу не хлюпает, сверху не капает и не воняет как-нибудь особенно противно. Просыпаясь от жаркого солнечного зайчика на щеке, и кажется, что вот сейчас мать придет в школу будить. Молока даст, яичницу поставит на стол... Тут главное — глаза не раскрывать, зажмуриться и лежать до последнего. Стоит только увидеть небо через дырявую жесь, что висит косо и ненадежно над самым носом, и кусок толя на двух кривых жердинах вместо стены, а вместо занавески на окне — колючий сухостой перед лазом в хибару, и сразу все вспоминаешь. Весь свой беспросветный сороковник и особенно последние три зимы — самые лютые. Тут же привычно начинает саднить покалеченная нога. И нутро горит огнем, будто уксус пил вчера весь день, а не жиденький портвешок за тридцать рублей. Проснулся, поздравляю!

Опять проснулся. А была ведь надежда, что уж в этот раз скрутило окончательно. Кажется, никогда еще не было так хреново, как этой ночью. Сердце то колотилось вытященной рыбехой, то совсем отказывалось биться. Да замри ты, замри уже, плакал всю ночь, скрючившись в своем шалашике. Не уговорил.

Значит, опять надо выползать под небо и соображать опохмелку.

Где-то рядом захрустели бодылья сухостоя, зашелестел сильный голос: «Суки! Проститутки! Твари! Довели страну...» Это Нинка тронулась на промысел. Проковыляла мимо, волоча мешок по земле и шаркая драными туфлями, в которых и зиму всю протаскалась, дурында. Красу свою девичью забыть не может. Надеется, что ли, завлечь этими туфлями кого-нибудь, кроме такого же конченого ханурика, как сама?

— Живой? — проскрипела Нинка, не останавливаясь.

Я не стал отвечать, но на всякий случай пошебуршал тряпьем. Черт ее знает, эту Нинку. Решит, что окочурился, да еще, чего доброго, толь оторвет. Гоняйся за ней потом на одной-то ноге...

Солнышко, однако, пригрело совсем по-летнему. Наверное, уж за полдень. Пожалуй, пора и мне выползать. Инвалида ноги кормят! Эх вы, ножки-ручки мои, позвоночки калеч-

ные! Что ж так ломит-то вас с утра, а особенно — под вечер? Кажется, будто вот повернешься сейчас неловко — и треснет тулово поперек и развалится на куски! Ох-хо-хо! Однако делать нечего, побряхтел, побряхтел — поднялся-таки, смотри ты! Выбрался на свет божий — хорошо, тепло! Прямо лето! И думать неохота, что скоро опять искать пристанища на холода, всю зиму трубу обнимать где-нибудь в подвале да хавку скудную с крысами делить... Эх, в котельную бы пристроиться, как в прошлом году! Да теперь уж не возьмут — слишком пооборвался, засинячил совсем...

Ишь ты, чего вспомнилось! Котельная! Про будущее свое забеспокоился! Вот ведь что делается с человеком на трезвую-то голову! Надо бы поскорей поправить это дело, да нечем, гадство. Ни копейки за душой, и Нинка уж далеко вперед ушла. Всю чебурашку по главной аллее соберет, разве ж угонишься за ней? Постой же, кобылища, я тебя с другой стороны обожму. Лесопарк у нас, слава Богу, пять километров на чetyре — всегда найдется место подвигу!

На пруды пойти... В такую-то погоду наверняка народ ночью на берегу бухал, а значит, и тара кой-какая должна остаться. Сказано — сделано. Собрал свои мешки и двинул было бодро, только чувствую — хреново дело. Нога совсем отнялась, вроде не чувствует ничего, а наступать больно. Пока это я таким манером до прудов доковыляю! Да найду ли еще там чего? И до ларька оттуда не рукой подать — груженому-то... Не дай Бог еще Нинку встретишь. Она, паскуда, ведь и отнять может, у нее это просто... Короче, куда ни кинь — кругом блин. А деваться некуда. Выпить-то надо! Не век же тоской маяться...

Ладно, иду себе, а вернее сказать, шкандыбаю помаленьку, потому как не ходьба это, а горе одно — пыхтишь, пыхтишь, а все будто на том же месте. Сколько я так упирался, не скажу — не знаю. Может, полчаса, а может, и час. У меня это бывает — голова вроде кемарит, а ноги все идут. Потом очухаешься, а ты уже черт-те где и устал как собака. Вот и в этот раз — будто шнур из розетки выдернули, а потом опять воткнули — ничего не помню, только сердце колотится, в ушах звон, и нога как из расплавленного свинца — ни поднять, ни наступить. Зато вот он — берег пруда, а вон и компания подходящая — девки еще туда-сюда, а пацаны — совсем косые, за траву хватаются, чтоб с

земли не снесло. Если они, не сходя с места, до такого счастья дошли — сколько же у них тут тары должно было освободиться! Только б не побили, сволочи. Что за привычка у молодежи — бутылки бить? Никакой культуры!

А посудушка-то — вон она, сложена кучкой у догоревшего костерка, поблескивает на солнышке. Бутылок шесть, как не больше, одной только белой головки! А там еще, в траве, темным таким переливом — пивных чебурашек штуки три. Нет, больше! Я хоть и подслеповат стал, а пустую бутылку сердцем вижу. Только вот рядом, чуть не в костре головой, лежит-храпит туша — здоровенный парняга — и одной рукой прямо так всю мою тару и облапил! Не дай бог проснется не вовремя — ведь убьет спросонья!

И точно. Как чуяло сердце! Я еще и полпути до костерка не проковылял, вижу — зашевелилась туша, голову от земли оторвала и одним глазом прямо в меня — зырк! А глаз-то похмельный, злой, морда мятая, к щеке бычок прилип. Ох, не в настроении человек — сразу видно! Но подхожу ближе, куда деваться?

— Извините, что побеспокоил вас, — завожу издали обычную песню, — приятного отдыха!

Парняга руками в землю уперся, кряхтя, оттолкнул ее от себя и сел.

— Тебе чего, дед?

Это он мне. Уж не знаю отчего, но с этой весны все меня только дедом зовут. Вроде и бороденка-то толком не растет, а все им дед! Ну да мне это без разницы...

— У вас бутылочки не освободились? — спрашиваю. — Можно их дедушка заберет? Вот спасибо вам большое! Помогли инвалиду войны...

А сам наддаю, что есть силы, и мешок на ходу разворачиваю. Главное — успеть, пока он клювом шелкает, рассовать бутылки по котомкам — и ходу!

Да куда уж там. Ногу так и рвет на части, будто кто ее зубами хватает, а до бутылочек-то еще ой-ей-ей как далеко!

Парняга хоть и во хмелю, а смекнул, чем душа моя терзается. Глаз у него стал веселый, задорный — хуже некуда. Берет он бутылку из кучи и мало не на середину пруда ее — бульк! У меня и вторая нога отнялась. Что ж это за люди, Господи?!

А туша посмеивается себе:

— Медленно телепaeшьcя, дед! Сколько успеешь собрать — твои!

И вторую бутылку туда же — бульк!

— Смотри, — говорит, — мало осталось. Провошкаeшьcя — нырять придется!

И бросает третью. А дружки его ржут впокатуху — аж девок забыли лапaть.

— Жми, дед! — кричат. — Работай костылями!

Я жму, ножку приволакиваю, мешком размахиваю, пот вытираю, чтоб смешнее было. Не потому что совсем дурак — понимаю, конечно, торопись не торопись, а он всю кучу в пруд перекидает. Но это те шесть бутылок, что из-под водки. А пивных-то он в траве не видит! Спинай к ним сидит! Вот на них-то, на последнюю мою надежду, я и нацелился.

Да не тут-то было. Только парняга мой размахнулся, чтобы последнюю беленькую в пруд закинуть, как его сзади кто-то за руку — хват! Будто из-под земли вырос здоровенный мужик в драном плаще, волосня буйная, с проседью, борода не чесана.

— Спасибо, — говорит, — эту мыть не надо.

И кладет бутылку себе в авоську. А она, авоська-то, уж полна! Вся моя чебурашка пивная там лежит, горлышко к горлышку — ничего в траве не осталось! Да когда ж он успел?! Откуда взялся?! Постой-ка... Да это не Стылый ли сам? С нами Крестная Сила! Куда ж меня нелегкая несет?! Бежать отсюда!

Я про бутылки и думать забыл, скорее назад, назад — да к лесу. Только с моей походкой шибко-то не разбежишься. Ползу как могу, забираю левее, где кусты поближе, а сам одним глазом — на Стылого. Ох, страшен! Глазами вскользь чиркнет — будто ножом полоснет! У нас в лесопарке про него такое рассказывают, что лучше и не вспоминать, особенно к ночи. Я хоть давненько с ним и не встречался, а сразу признал — он! И по людям видно. Вся пьяная компания разом будто протрезвела — сидят, притихли. Ждут, пока Стылый тару пересчитает.

— Маловато, — вдруг говорит он парняге. — Доставай остальные!

И тот, как на удава на него глядя, встает и без единого слова — бултых в пруд! В ботинках, во всем... Только круги по воде.

— Ну а вы чего расселись? — говорит Стылый остальной компании. — Помогайте!

Меня аж передернуло, когда они в воду лезли — и парни, и девки, не раздеваясь, с шальными глазами... А погода-то не май месяц, заморозки по ночам, вода — лед! Но они, похоже, и не заметили. Забрались, взбаламутя весь пруд, по самую шею и — бульк, бульк, бульк — скрылись.

Дальше я не стал смотреть — кинулся в кусты и прочь, прочь от того места! Так вдруг жутко стало, прямо жить не хочется! Забери меня, Господи, с этой земли! Не понимаю я ее и боюсь! И нет мне утешения, и облегчения нет... и денег ни копейки... и ни одной бутылки до сих пор не нашел... и... О! А это что такое?

Смотрю — на прогалинке лесной — пенек, а на пеньке — пузырек! Сама по себе бутылочка — дрянь, а не тара. Импортного производства — нигде такую не принимают. Но это когда пустая. А та, что на пеньке стоит, наполовину полная! Кто-то пил — не допил, на полбутылке сморило. Значит, хорошая вещь, забористая! На этикетке что-то такое знакомое написано, когда-то я все эти английские буквы знал, да выветрились... Ну и хрен с ними, не буквы мне сейчас нужны, а обороты!

Я не стал и стаканчик пластиковый подбирать, хотя их вокруг полно валялось, а прямо так, со ствола, ливанул в глотку и глотал, глотал, пока воздуху хватило. Наконец оторвался, выдохнул — и тут только обдало духом, вкусом, градусом — сразу всем. Самогон! Да хороший, зараза, до пяток проникает! А написано что-то типа «Скот Вхиску». Надо же, и буквы вспомнил! Вот что значит человек опохмеленный! Он уже и звучит гордо!

На душе сразу потеплело, и страх прошел. И жгучее горе, которое везде за мной ходит — худенький мальчик с забинтованными руками, — вроде отступило, легло до поры на больничную койку... Отдохни, сына, пока папка пьяный. Веселый теперь папка! Ни хрена стеклотары не собрал, зато какую опохмелку надыбал! А на хрен она и нужна была, стеклотара, как не на опохмелку? Верно? Значит, налаживается жизнь! Вот только еще разок присосаться как следует...

Я запрокинул голову и выцедил всю оставшуюся вхиску. Ноги уже подгибались. Перед глазами поплыло. Сейчас пове-

дет меня в сторону, крутанет, мягко ударит землей — и посплю. Не врубиться бы только в пенек башкой...

Ну хватит отдыхать! Бегом — марш! Теперь-то поняли, чего ищем? Объяснять не надо? Правильно, Куцый! Лазейку заветную. Я-то вот не знал про нее, а покойник, выходит, знал. И вы теперь знаете. Туда и пойдем. Вонючка, вперед! Пузан — за ним! Дистанция — двадцать шагов. Пегий! Булыга! Скачок! Куцый — замыкающим. Чтоб обваренной задницы никому не показывал. Теперь небось не отстанешь!

Трава тут пожиже, вон и небо проглянуло. И дырявые башни стали видны, что на небо ведут. Но это легко сказать — ведут. Никто по ним на небо не забирался. Хотя добычи там — немерено висит, простым глазом видно — от башни к башне сверкающие нитки тянутся. Не достать.

Да, места знакомые. Только знакомство это недоброе. На земле тут добычи мало, зато опасностей — хоть отбавляй. Помню, ташили мы как-то вдвоем с Колобком длиннющий кусок. То есть это он ташил — здоровяк был, не хуже Пузана, а я, по инструкции, сзади помогал, заносил, чтоб не цеплялось. Вот через такую точно проплешину как раз и волокли. Может, через эту самую. И вдруг — рев, грохот, откуда ни возьмись выкатывается огромная, до неба, гора — и прямо на нас. Рычит, жаром дышит, трясется так, что всю землю крупной дрожью бьет. Я прямо обмер. Колобок со своим концом добычи уже в траве скрылся, а я-то на самой проплешине торчу, как хвост из задницы. Бежать, спастись — поздно. Да и добычу бросать нельзя. Бросишь — тебе свои же потом глотку перегрызут. Тот же и Колобок. Ну, в общем, чую — кранты. Упал я на землю, где стоял, обнял добычушку свою покрепче и глаза закрыл — будь что будет.

А грохот все ближе. Вот уже кажется, над самой головой ревет. Не выдержал я, открыл один глаз, смотрю — несется на меня здоровенный кругляк. Я и охнуть не успел, а он уж здесь. Да не по мне, а как раз по траве, по тому концу добычи, — и прокатился! Меня подбросило так, что зубы шелкнули, чуть душу не вытряхнуло. И только я обратно на землю шлепнулся, как второй кругляк по тому же месту — хрясь!

Дальше какое-то время я себя не помню. Видно, валялся кверху лапками. А как очнулся, сразу за добычу — где? Здесь.

Не отбросило ее, на кругляк не намотало, а вот конца не видно — в землю вдавило. А что же Колобок? Неужто бросил?! Неужто убежал?! Ну, держись тогда, сыроед!

И тут я его увидел. Вернее, то место, где он лежал, в добычу вцепясь, точь-в-точь как я. Не бросил-таки! Настоящий боец. Лесной охотник — не размазня подвальная. Отдыхай теперь, Колобок, ты свое отслужил. А нам, как говорится, остается память. Она будет жить во многих поколениях бойцов, начиная с меня. Тем более что и вскрывать ничего не надо — вот она, вся наружу вылезла. Выдавило ее из Колобка, как из тюбика, — бери и глотай.

Управился я с Колобковым наследством, взялся за добычу и дальше потащил. Тяжело было, но справился. А как же! На то мы и добытчики. И вскорости после того случая стал я командиром. Помогли Колобковы-то ухватки! Только во сне иногда вижу, как на меня кругляк катится...

Однако не дожидаться бы и в самом деле такого счастья. Место открытое, мы тут как помидоры на блюде — дави кому не лень! А ну наддай, похоронная команда! Не растягиваться! Вонючка, драть тебя вдоль хребта! Спишь на ходу!

Припустили так, что трава свистит, к земле гнется. Хорошо идем, ходко. А вон и верхушки пустых холмов показались. Там, под ними, добыча и обретается, там у нее гнездо. Давно я мечтал лазейку под те холмы разведать, да не знал, с какого боку к ним подступиться. Пока сегодняшней покойник не надоумил. Вот и Вонючка сам, без команды, стал влево забирать. Чует, стало быть, покойническую памятку!

...Что за гадость такую я с утра засадил? Проснулся уж в темноте, посреди леса, зазябший, мокрый, ни рукой, ни ногой не шевельнуть. Часа два еще лежал, скулил, пока кое-как хоть на бок перевернулся. С непривычки это у меня, что ли? Давно такой крепости ничего в рот не брал, с тех пор как мы с Веркой-уборщицей из мебельного цеха ведро денатурата вынесли. Ну ладно, коленки отказали, это бывает у меня. Но почему мокрый-то с ног до головы? Дождь, что ли, был? Все-таки жизнь полна удивительных загадок, как говорил Жюль Верн...

У-у, все! Жюль Верна вспомнил, значит, срочно пора опохмеляться. А то и до Сартра дойдет. Ох! Ну чего я?! Решено же раз и навсегда: старой жизни не вспоминать! Никаких жюль-

сартров! Не было этого! Сейчас бы пива недопитого найти, хоть полбутылки... Да где уж. Такое счастье два раза подряд не выпадает. А потому лежи дальше на мокрой земле, соображай, где бы граммульку перехватить...

Ох, ешкин кот! А не суббота ли у нас сегодня? Как же это я забыл? Сколько уж лет не помнил всяких этих суббот — понедельников, да чисел ихних дурацких, а последним летом пришлось опять выучить. Потому как по субботам и воскресеньям Казбек вытяжку делает и деньги платит. Тоже, конечно, смерть, вытяжки эти — вся спина вон в шишках. Но зато деньги живые и сразу. Уколотся — и хоть сейчас в магазин. Ну, не сразу, конечно, а как ходить опять сможешь. Некоторые после того укола по три дня отлеживаются. Ну а мы привычные, все равно подыхать... Да, надо идти. Наверняка ведь сегодня суббота. Ну по крайности воскресенье... А если и вторник, деваться некуда, хоть счастья попытаться!

И поднялся-таки, и пошел. Это уж совсем трупом надо быть, чтобы за опохмелкой не пойти. Как дорогу нашел, в лесу да в темноте, одному Богу известно. Да нет, и ему вряд ли — давно он от нашего брата отвернулся. И поплутал я порядочно, спохмелья на больной-то ноге, однако вышел в конце концов к самой решетке — вот он, Ветеринарный институт. Тут уж недалеко и будка Казбекова, прямо за забором, и вход отдельный. Смотрю — а там уж толпа перед дверью. Все наши толкуются, и Нинка тут. А я-то еще на Бога обижался, дурик! Милостив Бог наш! Суббота!

Подхожу, встаю рядом со всеми. Крайнего тут не спрашивай: все равно кто поздоровее да понахрапистей — раньше пролезет. А попробуй пошуми — огребешь на пельмени. Не свои побьют, так Казбек на шум выглянет с обрезком кабеля в мохнатой своей ручище. Как оттянет этим обрезком по морде — живо умолкнешь. Понимать надо — дело тут тихое, секретное. Не положено, поди, в Ветеринарном институте, да еще в сарае, из людей вытяжку делать. Подведем Казбека и сами без копейки останемся. Потому тихо стоим, степенно так переговариваемся...

— Миром-то, — говорю, — темные силы правят, это понимать надо. И царствие их грядет. А наступит оно, когда последний неверующий в них уверует...

— Все сказал? — Нинка спрашивает.

— Ну... почти.

— Вот и умолкни, пока в ухо не схлопотал, проповедник запойный!

Пожалуйста, молчу. Пусть и другие поговорят, мне не жалко. Зачем же сразу в ухо?

— Что ж Горюхи-то не видно? — говорят. — Всегда первая прибежала. Загнулась, надо думать?

— Зачем? Живая. В метро пристроилась, отъедается.

— Это за какие такие сокровища ее в метровые взяли? Кухтель по пять тыщ с места берет!

— Очень просто. Ногу отняли ей по весне. Кухтель таких без очереди ставит, от них выходу-то втрое больше, чем от вас, симулянтов!

Да, думаю себе. Не те ноги кормят, что носят, а те, что гулять ушли. Пойти, что ли, и мне в больничку? Пускай хромую оттяпают, может, Кухтель в метровые возьмет? Милое дело там — сиди целый день в тепле, деньги считай, пивком поправляйся. И уснешь, так не замерзнешь. Ни ментов не боишься, ни конкурентов. Если кто и сунется, его Кухтелевы мордovorоты так наладят — без костылей убежит! Да, счастье тому, кого Кухтель в метровые возьмет!.. А ну как не возьмет? Ногу-то назад не приставишь. А на одной зиму бедовать — ой как несладко!

— Что метровые! — смеется Костян, бывший кидала наперсточный с проломленным черепом. — Разве это заработки? Цветмет надо сдавать! Вот золотая работа, кто умеет!

— Сдавать-то не штука, — говорит дед Усольцев (Поди такой же, как и я, дед). — Да где его брать-то, цветмет? Гвоздя ржавого не найдешь бесплатно.

— Довели страну! — сейчас же встречается Нинка. — Дерьмократы!

— А мы с корешем моим Федюней, — хитро шуруется Костян, — позапрошлым летом весь Сузунский район обстригли под бобрик!

— Парикмахерами, что ли? — не понимает дед Усольцев.

— Ага, махерами! Как увидишь где провода на столбах, так и обрезай, махер!

Смеется Костян, и народ вокруг похохатывает. Дед Усольцев головой качает: ловко придумано! А Костян еще пуще хвастается:

— Жили как в сказке, что ты! День кемаришь, ночь бухаешь, под утро — на охоту идешь.

Дед ехидный интересуется:

— Что ж ты такое теплое дело — и бросил?

Костяну что сказать? Только рукой махнуть.

— Нипочем бы не бросил! Да Федюне моему кирдык пришел.

— Поймали?

— Почему поймали... Током убило. — Костян уж не смеется. — Он, парчушка пьяная, полез на столб. За один провод рукой ухватился, а другой плоскогубцами кусает. А провод-то под фазой! Я снизу кричу: «Ты чего, дурило, делаешь?! Дзёбнет же!» А он уж и не отвечает. Вцепился руками в провода, а голова-то, смотрю, повисла, и язык вывалился. Ну я и пошел... Эх, Федюня! В округе сел пятнадцать без света сидели, а нас поймать не могли!

Народ гомонит одобрительно на такой Костянин рассказ, а Нинка и тут свои три копейки вставить норовит.

— Хватился! — орет. — Пятнадцать сел! Давно уж вся область без света сидит, а он за проводами собрался! Это тебе не при советской власти — никто их по новой вешать не станет. Вот довели страну — украсть нечего!

Ну начинается! Наших, запойных, хлебом не корми — дай про политику поспорить. Уж кажется, двумя ногами в могиле стоит и телевизора-то лет пять не видел, а все его выборы волнуют, американцы да евреи разные!

Как начали все про политику гомонить, я сразу бочком, бочком, спиной по стеночке — поближе к двери. А тут как раз и Казбек из будки выглядывает.

— Заходите, — говорит, — еще пятеро.

И мы с какой-то бабешкой чумазой первыми — юрк в дверь. Ну прямо прет мне счастье сегодня. Как с самого утра солнышком пригрело, так и ласкает! Вхиску нашел больше полбутылки, день угадал правильно, а теперь еще и без очереди влез! А, да! Еще от Стылого вовремя спрятался. Житуха!

— На лавку садитесь! — командует Казбек.

Помещеньице-то — ни встать, ни лечь. Коридорчик узенький да кабинка, где Казбек спины колет. Проходная бывшая, что ли... В коридорчике лавка вдоль стены. Еле-еле пять человек втискиваются. Вот и сели мы пятеро. Смотрю — и Костян тут! Он хоть и потрепаться горазд, а своего не упустит!

— Ну и вот, — говорю, пока время есть, — темным силам лучше добровольно покориться и служить. Потому как окончательная победа все равно за ними будет...

— Рубаху снимать, что ли? — бабешка перебивает.

Из новеньких, видно.

— погоди ты, успеешь растелешиться! — рыгочет Костян. — Вот, бабы! Одно на уме — перед мужиками заголяться!

— Да век бы вас, жеребей, не видать!

Огрызается, гляди ты, хоть и беззубая!

— А ну тихо! — Казбек вдоль ряда с кабелюкой своей прохаживается. — Молчать-лять! Сычас ынструктаж будит!

— Опя-ять... — тихий вздох.

— Кто сказал?!

Взметнулся Казбек и дубину свою поднял. Все молчат, хоть голос точно Костянов был, я-то не ошибусь.

У Казбека глаз черный, так и сверлит в душу. Да мы сверленные уж, не зыркай! Походил туда-сюда и в кабинку:

— Давай, отец!

Из кабинки — где только прятался там! — выступает степенно старичок. Просто старичок, без названия. Старичка этого все, кто Казбекову вытяжку посещает, знают хорошо, но ни имени его, ни фамилии никогда не слышали. Старичок — и все. Блаженный он какой-то, несет вечно непонятное, вроде как я про темные силы. Но у меня-то — служение, а он так просто, по скудоумию. Для чего Казбеку такой старичок, неизвестно. А спрашивать — себе дороже, Казбек вопросов не любит. Да и не для того мы сюда ходим, чтобы вопросы спрашивать. Сказано инструктаж — сиди, слушай.

Старичок, из кабинки выйдя, поправляет поясок на лохмотьях и затягивает козлетоном:

— Добыча наша велика и тяжела. Вкуса кислого, запаха невкусного, но желанней ее нет на свете!..

И мы, как молитву, тянем за ним сто раз повторенные слова:

«...Велика и тяжела. Вкуса кислого, запаха невкусного...»

Плешь они мне проели, эти слова, в шкуру впитались, в печенку, как паразиты, вгрызлись, а понять я их не могу. Повторяю за стариком, как попка:

«...Лежит она, свив тело кольцами, в шкуре мягкая, без шкуры твердая. Если же протянется во всю длину, может убить

в одно мгновение. Другая добыча, короткая да толстая, весьма потаенна и тяжела безмерно. Сидит всем выводком в древесном дупле без древа...»

Черт знает, что оно такое... Древесное без древа... масляное без масла. Иначе как молитвой у нас эту галиматью не зовут. Однако что же, наше дело маленькое. Велят повторять — повторяешь:

«...И найдя добычу, что свернулась кольцами, самому сильному бойцу схватить ее за хвост и тянуть. А когда тяжело пойдет в потяг, второму бойцу ухватить возле колец и тянуть за первым, а там и следующему... И так хватать и тащить, зубов не жалея, и бойцов прибавлять, пока вся добыча не потянется...»

Все-таки старичок этот — псих. Чего тащить? Кого хватать? Сроду Казбек такелажными работами не промышлял и никого в грузчики не нанимал. Сейчас уколут, заплатят, и вали куда хочешь, не надо ничего зубами тянуть. Да и какие у нас зубы? Смех один.

Но старичок твердит, старается да приглядывает за каждым, чтобы честно повторяли. В этот раз еще кое-что прибавил в конце. Про пустые какие-то холмы, про тайный лаз, который кто-то охраняет, а кто, я так и не понял. Повторяем мы хором и эти слова, и старичок наконец отвязывается от нас. Снова входит Казбек — уже в перчатках и со шприцом.

— Ну, давай по одному, — командует хмуро...

Господь-вседержитель! Мать Пресвятая Богородица! До чего же больно! Видишь ли Ты? Знаешь ли мою муку? Позвонки мне раздвигает Казбек железными пальцами и втыкает меж ними иглу. А потом! Будто сразу все нутро, от башки до задницы, втягивает в свой шприц и вырывает из тела вместе с иглой. За что мучаешь?! За что терзаешь?! Душу мою высасываешь! Жизнь мою прошлую и будущую всю вытягиваешь из меня, а ее и так уж осталось во мне с гулькин хрен...

...Отлежался я немного на полу, слезы, сопли утер, как мог, и опять-таки сам, без помощи, на ноги поднимаюсь. Живуч все-таки человек. Без рук, без ног, без хребтины — все будет ползать по земле!

Ну и я ползу. Хоть и согнутый в три погибели, зато с деньгами в кулаке. И теперь мне уж не так страшно жить. Теперь мы горю своему поможем, только бы до ларька добрести...

Выползаю из Казбековой будки, а эти все про то же донят — где бы чего украсть, чтоб в утиль сдать. Вот паскуды! Человек, может, полжизни прожил за это время, седых волос вдвое прибавил, а они про свой цветмет доспорить не успели!

— А я говорю, не найдешь ржавого гвоздя! — кипятится дед Усольцев. — А найдешь, так с тебя за него рублей пятнадцать слупят!

— Почему не найдешь? — спорит одноглазый какой-то опойка. — Вон на подстанции целый склад медяшки разной. Кабеля, шины, контакты запасные — ящиками лежат! Да и в работе там, поди, не одна тонна. Только под током все, не возьмешь.

— А все равно воруют. — Костян голос подает.

Он и тут раньше всех успел, растянулся на травке — отлеживается после укола.

— Четвертого начальника охраны меняют на подстанции, — рассказывает, — и без толку. С горя уж собак завели на территории.

— Денег некуда девать! — злобится Нинка. — Волкодавов еще за народный счет кормить!

— Не, — говорит Костян, — у них там не волкодавы. А маленькие такие, как их? Тильеры, что ли. Они и стерегут...

Вот он, пустой холм. Какой уж там холм! Гора! И ни отлогости, ни покатости, чтоб наверх забраться. Будто выперло его из земли прямо таким — каменно-гладким. Не пророешь его и снизу не подкопаешься. Однако ж нашелся хитрый нос и на этот утес. Проковырял лазеечку! Вот мы через нее сейчас холмик-то изнутри и выпотрошим, чтобы не зря Пустым назывался. Но — не торопясь. Спешить некуда, да и мало ли что? А ну, Вонючка, слетай-ка до угла, посмотри, что там и как...

Самое дурацкое в пустых холмах — это углы. Пока до самого угла не дойдешь, хрен узнаешь, что там за ним. Вонючке одному идти туда никак неохота, трусит парень, но деваться некуда — бежит куда велено. Без разведки тоже нельзя, понимать должен... Вот добрался, приник к земле, заглядывает за угол... И смотрит. Долго-долго. Ну? Хоть бы знак какой подал, придурок, есть там что или нет? Лежит подлец, отдыхает! Только ножкой сучит, будто почесывается. Ну, я тебе почешусь! Ползи назад, тварь болотная!

Я уж давай звать его потихоньку, а что прикажешь делать?

Ни в какую. Да драть твою в лоб с такими бойцами! Пузан! Тащи его сюда, разведчика хренова!

Покатился Пузан вдоль стенки, а я по сторонам поглядываю. И чем дальше поглядываю, тем гаже мне делается, прямо до озноба в брюхе. Голо кругом — ни травиночки, ни кустика. Топчемся тут, под стенкой, как пойманные. Позиция — хуже некуда! Линять надо отсюда как можно скорее, а этот гад Вонючка загорать вздумал!

Вот добегают до него Пузан и, к земле даже не припадая, становится рядом. Тоже хорош вояка. Наградил Бог отрядом! Ну давай, тащи его сюда, чего стоишь?!

Нет, и этот не шевелится. Как встал, так и заклинило.

Стоп. А вот это уже неспроста. Что-то там, за углом, есть. Да такое, что лучше бы его не было. Влипли, кажется.

Поворачиваюсь к своим.

— Отходим, быстро!

И вдруг вижу, как глаза у них делаются большие и страшные. Потому страшные, что в них даже не испуг, нет! Жалость. Самих себя жалко. Отпрыгались.

Я не стал и смотреть, что они там такое увидели. Рванул мимо них назад — туда, откуда пришли.

— Врассыпную, сволочи! Чего застыли?!

Нет, не топочут позади. Стоят. Ну, значит, такая их судьба. Теперь каждый сам за себя. Поддаю еще. Главное — до зеленки добраться, а там разберемся, что за новая напасть. И только подумал про травы высокие, безопасные, как услышал позади — бух!

Тяжелое что-то ударило в землю, отскочило и снова — бух! Ближе.

Значит, за мной.

Огромное, сильное, злое прыжками несется позади, и каждый прыжок все страшнее бьет в землю, вышибает ее из-под ног, не дает бежать. Бух!.. Бух!! Догоняет!

Резко рву в сторону. По прямой не уйти, до зеленки еще далеко, кругом все та же плешь. Куда? За угол, больше никак. Вокруг пустого холма, а там видно будет. Может, получится где-нибудь незаметно убраться в кусты.

Сзади слышится визг — короткий, задушенный, и сразу поверх — голодное ворчание. Достоялись, придурки! Кто-то их уже жрет!

Но это там, у дальнего угла. А за мной-то что гонится?! Прямо в спину дышит! Значит, не одно? Много их? Куда же я бегу, дурак?! А вдруг там, впереди, — тоже?..

Поздно. Вот он, угол. Я проскакиваю его с разбегу и сразу останавливаюсь. И стою. Торчу, как кусок добычи из земли. Как Пузан и Вонючка — ни взад, ни вперед. Все, отбегался.

Братья-бойцы! Если кому доведется моей памятью хлебнуть... хотя вряд ли от меня чего останется. Но если вдруг все-таки! Хорошенько разглядите то, что я сейчас перед собой вижу. То, что меня сейчас схватит зубами поперек хребта и разжует в кашу. Вот так она выглядит, смерть... Бойтесь ее! И не лезьте в пустые холмы за добы... бы... больно!!!

Ненавижу, кто пьет без понятия! Есть такие. Дай ему ящик водки и бутылку пива, так он не успокоится, пока не выжрет и водку, и пиво, и еще тормозухи добавит. Нет, я не так. Норму свою знаю. После бутылки водки я через пять минут рогами в землю буду дрыхнуть — это уж закон природы. Можно, конечно, в эти пять минут засадить и последнюю бутылку пива, но кайфа уже не почувешь, пока не проснешься. А как проснешься, так сразу поймешь, что это за кайф: намешав водки с пивом, проснуться поутру без капли на опохмел. До этой весны только так и приходилось — все, что есть, разом, давясь, заглотишь, чтоб врагу не досталось, и валишься, где подкосит. Натё, берите меня тепленького! Способ, конечно, безотказный. У кого ничего нет, у того и украсть нечего. Только два неудобства — не знаешь, где проснешься, и точно знаешь, что опохмелиться будет нечем. Из-за этого и от выпивки половина удовольствия пропадает. Лакаешь как свинья — правильно люди говорят! Только ошибаются они. Я человек разумный, с понятием, хоть и пьющий. Если бы у меня было, куда спрятать, я бы обязательно на утро оставлял! Так что не врете, суки, чего не знаете! Я, может, специально для этого и хибару по весне построил, чтобы было где запас сохранить. Нашел кусок жести да кусок толя в гаражах спер, веток в лесопарке наломал, надрал сухостоя вместо соломы и такие хоромы зашалашил на пустыре, любо-дорого! Прямо Ленин в Разливе.

Конечно, если бы кто узнал про утреннюю мою заначку, так разметали бы и солому, и толь, и жесьть, а случись, так и

плиты бетонные. Люди ж — звери, когда у них жажда. А жажда у них всегда. Потому похмеляюсь я с оглядкой, тайком. Это во-первых. А во вторых... Че-то забыл. С чего я начал-то?.. Да и хрен с ним. Все равно такое редко бывает, чтобы хватило денег и вечером погулять, и утром полечиться. Никогда почти не хватает.

Но в этот раз хватило. Спасибо Казбеку — платит за вытяжки по-царски, хоть и разогнуться потом два дня не можешь. Да нам и не надо! Крыша над головой есть — вот она, над самым носом висит, на ветру качается. Бутылка «Балтики», девятого номера, крепкого, как брага, протекла с утра по измученным жилочкам и успокоила. Для чего же разгибаться? Лежи, отдыхай! Снаружи солнышко жесть прогревает — тепло так, что и спину отпустило, и ногу. Туман в голове, дрема...

Вдруг слышу — вроде как хнычет кто-то. Горько так всхлипывает. Да не дитё и не баба какая-нибудь, а взрослый мужик, по голосу судя. Оно, конечно, тоже не в диковину. Мало ли всякой рвани тут, на пустыре, ночует. И у каждого горе свое или болячка. От той же вытяжки иной раз не то что всхлипнешь — белугой заревешь!

Ладно, думаю, похнычешь — перестанешь. Лежу себе. Только чувствую — не на шутку человек разошелся. Прямо в три ручья обливается! Аж жалко стало. Жалко, что ни черта мне отсюда не видно. Тихонько толь отодвигаю — один хрен, не разглядеть. А он заливается!

— Э! — голос подаю. — Певец! Ты че, в натуре, вшей хорошишь?

Слышу — притих, затаился.

Нет уж, братуха, ты у меня тут не затаивайся. Мне такие соседи даром не нужны. Еще откинёт копыта, нюхай потом его...

— Не хочешь разговаривать, так проходи своей дорогой! Чего застрял-то?

Молчит, только шмыгает. Придется все-таки посмотреть, что за зверь...

Выползаю на свет божий из уютного гнезда. В спине, понятно, опять сверло проворачивает, ногу по-живому дерет. А, чтоб те сдохнуть, плаксивому! Вырвал-таки из тепла! Вон захныкал опять. А всей беды-то поди — жена заначку отняла...

Обхожу кругом шалашика своего прямо так, на четвереньках, будто пес вокруг будки, только что не на цепи. Вижу —

точно, как раз там, где я и думал — в бурьянной канавке позади хибары, — лежит он, дрын с коленками, длинный, худой, плечми трясет да ногой в ботинке рваном по глине елозит. Нет, думаю, ни женой, ни заначкой тут и не пахнет. Такая же пьянь подзаборная, как и я, даже еще горше. Штаны вон обремканы по самую задницу, ноги голые торчат. Да и сверху намотано что-то, больше из дыр, чем из тряпья. Такого-то доходягу даже я могу шугануть!

— Ну, чего развылся тут? — шумлю. — Заткнись!

Дрожит весь, блестит испуганно глазом из-под косм. И хочет рот закрыть, да через губенки стиснутые снова:

— Ыыы...

— Молчи, мать твою! Задавлю, глиста сопливая!

— Не мо... гу, — икает, — это рефлекс-торное...

Ну так бы и съездил по самой гнусавке!

— Еще раз это слово услышу от тебя — не обижайся. Перешибу пополам!

— Не на-до, — всхлипывает, — я не бу-ду.

— С чего воешь-то? С голодухи, что ли?

Головой крутит.

— Ломает, поди, тебя, торчка? Или с недопою блажишь?

Опять не угадал.

— Тыфу ты! — Зло меня берет. — И сытый, и вдетый, и еще недоволен! Живи да радуйся!

Нет, не радуется, только слезы кулаком размазывает.

— Дом у тебя есть? — спрашиваю. — Угол какой-нибудь, шалаш?

Кивает неуверенно.

— Вот и дуй домой!

Опять ревет в три ручья.

— Боюсь! Там — он...

— Что, — говорю, — зелененькие заходить стали? С рожками? Это в нашем деле бывает. Ничего, привыкнешь. Как в следующий раз черти появятся...

— Да какие там черти, Сергей Павлович! — вдруг говорит он. — Ко мне Стылый приходил!

Я и сел.

Сижу, перед глазами бурьян плывет, рожа эта чумазая разъезжается, а в ушах звенит: «Сер-гей Пав-ло-вич...»

— Что с вами?! — Рожа кричит, глаза выпучила.

— Ты меня... как... — И договорить не могу, перехватило дух.

— Вы разве не узнали меня? Миша, помните? Диплом у вас делал! А потом — лаборантом...

Дип-лом... Ла-бо-ран-том... Будто в колодце от стен отдается. Знакомый звон, да не знаю, про что... и вдруг страшно, шепотом, в самое ухо: «Стылый!»

Сразу вспомнилось: вытяжной шкаф в углу, смешанный запах формалина и эссенции, ввевшийся в руки, в мебель, в стены лаборатории... Ла-бо-ра-то-ри-и... И человек на стуле передо мной. Бледное, мерцающее в полутьме лицо, будто повисшее над столом отдельно от темного силуэта. Стылый. Мертвые глаза упираются в меня. Черные губы шевелятся беззвучно... Что же он говорил? Что-то страшное и восхитительное... И соблазнительное — крайне... Надо же, забыл. А ведь тогда это казалось самым важным на свете.

«А что взамен? — спросил я. — Душу потребуете отдать?»

Я еще не верил, но мне уже очень хотелось поверить. В конце концов, чем черт не шутит?

Но он не шутил.

«Отдать можно то, чем владеешь. Разве ты владеешь своей душой? Разве кто-нибудь из вас — владеет?»

Странно, я совсем не помню его голоса. Только слова. Нет, не слова — мысли. Кажется, он вообще ничего не говорил. Мысли текли из мертвых глаз.

«Если бы души ваши принадлежали вам, вы не знали бы ни страстей, ни обид, ни тайных пороков. Разве сын твой страдал бы так, если бы мог распоряжаться своей душой?»

Сын. Исколотые руки. Разбитое окно. Осколки стекла под ногами. Врачи... Нет, санитары. Колят в спину. Укол... Прикол, пап, правда?..

— Сергей Павлович! Вы слышите?!

— Что?

Бурьян. Дрын с коленками. Сухостой.

— А, Миша... Извини, задумался...

— Теперь вспомнили?

Не дай Бог такое вспомнить...

— Ты, парень, брось это. Не помню я ничего и тебе не советую. Иди себе... Чего расселся?

Завозился он, подтянул костыли свои, встает.

— Куда же я пойду?

— А мое какое дело? Домой иди!

Находился, смотрит мимо меня, в чисто поле. Да чего уж там чистого! Свалка — она и в Африке не клумба. Слева, метров двести, опушка лесопарка. Справа, метров сто пятьдесят, гаражи, а за ними — девятиэтажки торчат. Посередине — мы. А кто мы — кузова битые от «запоров» да «москвичат», брошенные там-сям по всему полю, да обломки плит бетонных, да кучи кирпича, тряпья, наплывы гудронные — все, что валили сюда, чтоб далеко не возить. Да бомжи по землянкам — вот и все здешнее население... Не на что тут смотреть.

— Домой мне нельзя. — Миша вздыхает. — Опять Стылый придет...

— А меня не касается!

— К вам ведь тоже приходил...

— Кто тебе сказал?

— Сын ваш...

— Не было у меня сына никогда! Обознался ты, паренек.

— Но как же...

— А так же! Страшно тебе — пойди да напейся. И нечего к людям приставать! Деньги есть?

Крутит опять башкой бестолковой.

— Что ж ты, — говорю, — всякую дрянь вспоминаешь, а об деле забыл?! Задарма поить тебя никто не будет. Зарабатывать надо!

Уставился, глазами сверлит. Тоже сердитый. Вроде Казбека... Кстати! А не воскресенье ли сегодня у нас?..

— Ну-ка помоги подняться. — Кряхчу, распрямляюсь кое-как. — Заработать хочешь?

— Смотря чем.

— Ну, ты, паря, сказанул! Какая разница чем?! Кто ж нынче на это смотрит? Хоть щенками, хоть младенцами, хоть собственной шкурой — лишь бы деньги!

Стоит, задумался.

— Вот на это он вас и ловит...

— А ты за меня не болей, — говорю. — За себя порадей! Поправиться-то небось хочешь с утра? Или ты, может, не пьешь?

Вздыхает.

— Пью.

— Вот и ладно. Сведу я тебя сейчас к одному человеку, он тебе живо все воспоминания обратно в одно место вгонит. Но с деньгами будешь...

* * *

«Пирог с повидлом» прошли, можно сказать, на одном вдохе. Провалы все старые, давно известные, тоннель почти не изменился с тех пор, как его проходил отряд Бодрого. В общем, повезло. Бывает, за добычей отправляясь, пророешь новый ход, а назад идешь — он уж завален, или зубы вставлены, или еще что похуже. Одного-двух бойцов и недосчитаешься, а то и весь отряд на повидло пойдет. И добыча, с таким страхом собранная, зароется навсегда, вместе с ребятами...

А в этот раз — прямо благодать! В одном месте, правда, пришлось плыть, но совсем чуть-чуть. Воды, слава Богу, никто не нахлебался, а то ведь она и отравленная бывает...

Перед выходом на поверхность, как положено, память предков почтили, самих их помянули — и рванули. И не подвели мертвяки — предки наши! Идем по памяти, как по карте: триста длинных — высокими травами, да полста коротких — через пустырь, против солнца, — вот тебе и дырявая башня. Если чуть левее пройти, выйдешь к пустым холмам. Только никто теперь к ним не ходит, там смерть поселилась. Из дозорного отряда, что сунулся туда однажды, вернулся только один — без добычи и без ноги. Дотянул только до лаза в Пирог, там его и рубануло пополам. Хорошо — сразу нашли! А когда вскрыли да распробовали — мама родная! Не приведи Господь даже издали такое увидеть, чего этот парнишка у пустых холмов насмотрелся! Это вам не мертвые зубы, как в тоннеле, а живые звери, громадные, быстрые, хитрые. Отряд окружили раньше, чем их могли заметить, кинулись разом. И пойманных сразу не жрали, шею перекусят — и за следующим...

Так что дорога в пустые холмы надолго теперь закрыта. Если не навсегда. Молиться надо, чтобы и здесь, у дырявой башни, эти твари не появились. Пока — тьфу-тьфу — никто не видел. Так ведь и добычи тут, под башней, не достать. Висит, дразнится на такой высоте, что дух захватывает. Попробуй сними ее оттуда! Навернешься — костей не соберешь. А не навернешься, так все равно толку мало. Слишком крепко за башню держится — ни оторвать, ни откусить. Разве что...

Был однажды случай. Шел здешними местами отряд добычиков. Вел его толковый командир Востряк, мир праху его. Пустил он, как положено, бойцов цепью, ну и сам идет — поглядывает. Вдруг видит — торчит из травы ха-ароший хвост

добычи! Востряк недолго думая хватить его и потащил. Кряхтит, упирается — что-то тяжело идет, не то в траве где-то путается, не то (упаси Бог, конечно) и вовсе привязан. А помочь, посмотреть да распутать некому, все уже вперед ушли... Все, да не все! Слышит — по соседству кто-то хрустит, тоже через травы ломится. И выходит на прогалину его же отряда боец Ребяха. Сам в мыле, уши в паутине, а в зубах — хвост добычи болтается!

Востряк так решил: пускай Ребяха оба хвоста берет и тянет дальше — парень рослый, загривок толще задницы, хотя и задница дай Бог. А он, Востряк, будет, значит, сзади смотреть, чтоб добыча не цеплялась. Ну, решил, подозвал Ребяху поближе и добычу ему протягивает. И пошли чудеса!

Только Ребяха за этот второй хвост ухватился, как его и не стало! Ребяхи-то! Вот так стоял боец — и бах! — кучка золы. Добыча на землю упала, да одна на другую, крест-накрест. И тогда уж долбануло по-настоящему. Будто посреди ночи вдруг солнце вспыхнуло, день наступил, и сразу опять темно. Хвосты разбросало, лежат, потрескивают, горячие, как из огня, и на концах красновато светятся. А между ними валяется еще кусок добычи, совсем короткий и тоже горячий. Сообразил тогда Востряк, в чем тут дело: подрались две добычи между собой, одна другой хвост и откусила. Все как в жизни. А что Ребяха пропал, так никто ему не виноват. Двое дерутся, третий между ними не суйся.

С той поры нашлась управа и на привязанную добычу. Страви их две друг с другом — одна другую и порвет. Тот кусок короткий Востряк сдавать не стал, придумал его с собой на дело брать. Поначалу смеялись над ним — на охоту дичь понес! — а как начал его отряд добычу за добычей таскать, так и примолкли. А когда Востряка в тоннеле зубами звездануло, устроили парню пышное вскрытие, и память его поделили между командирами. Вот это судьба! Смело можно сказать — не зря боец жизнь прожил!

Небольшой кусок добычи теперь каждый отряд с собой носит, и в нашем такой есть, раздоркой называется. Брось его сразу на две добычи — они тут же и подерутся, будут искрами плевать, пока хоть одна, да не порвется. Только вот заволочь раздорку на дырявую башню непросто будет. Ребята мы, конечно, натасканные, специально отобранные, но как гля-

нешь на этакую высоту — ох, мохотно! Ни один отряд еще с башни добычу не рвал... А мы вот возьмем и сорвем! И за это нас перед следующим походом в спину колоть не будут! Это ли не счастье? Да ради такой благодати не только на башню — на Луну залезть попытаешься! Как у нас в клетках говорят: попытка — не пытка. Пытка — укол...

Народу у Казбековой будки в этот раз еще больше собралось. Целая толпа перетаптывается. Стоят, языки чешут да под ноги плюют. Курить-то Казбек перед уколом не велит, сам лично каждого обнюхивает, вот и мучаются, которые курящие. Всю землю вокруг заплевали.

Пристроил я Мишу возле забора.

— Смотри не зевай, — говорю тихонько, — как готовая партия выйдет — сразу давьсь, продвигайся к двери.

— А куда это мы пришли? — шепчет.

— Тебе какая разница? Топчись знай да на дверь поглядывай!

Стоим. Жарко, солнце припекает. Народ, видно, совсем дуреет на припеке — кто во что горазд врут, лишь бы не молчать. Попробовал я было опять про темные силы, дескать, уверуйте, убогие, и наступит новое царство, — нет, не слушают. Ну и хрен с ними!

— Вчера, ни в жизнь не поверите... — Костян рассказывает (он уж здесь! Вот с кого уколы, как с гуся вода!), — иду, значит, мимо подстанции. Вдруг в траве — ш-ш! — шуршит. Думал, змея! Тонкая, блестящая, извивается — ну вылитая гадюка!

— Вот сволочи! — Нинка перхает тихо, не в голосе, видно, после вчерашнего. — Разведут всяку дрянь в аквариумах, а потом на улицу выкидуют! Нормальному человеку на землю не прилечь...

Костян кепкой на нее машет.

— Да не то! Я как поглядел, а в ней метров двадцать! В змее-то! Тогда сообразил, что это кабель силовой!

— Кому про что, а вшивому про баню! — ржут в толпе. — Костяну везде цветмет мерещится!

— Тыфу ты, в самом деле! — Нинка злится. — Вот удивил! Ну, тащит кто-то кабель, а тебе и завидно?

— Да никто не тащит! — Костян в ответ. — Говорю же — сам ползет! Там трава еле-еле по колено. И он по ней зигзагами, зигзагами! А вокруг — никого. Я тогда за ним. Интересно же! До самого забора шел. Во-он там он — нырк на институтскую территорию! И в подвал утонулся.

— Так, может, это змея и была? — спрашивает кто-то этак, с подыюбочкой. — Чего кабелю в ветеринарном институте делать?

А из толпы:

— На Казбековы уколы приходил!

Хохочут.

— Да что я, кабель от змеи не отличу?! — упирается Костян. — Чуть за хвост его не ухватил! Нормальный кабель, Шэ-ВэВэПэ — два на ноль семьдесят пять! Мне ли не знать!

— Это в голове у тебя два по ноль семьдесят пять! — изгаляется. — Да в каждом глазу по три семерки!

Плюнул Костян.

— Говорил же — не поверите!

— А вот сейчас Казбек выйдет — мы у него спросим!

И тут мне в руку будто зубами кто впился. Я аж подпрыгнул. А это Миша, мать его, всеми своими черными когтями ухватил меня за локоть и тянет.

— Не надо меня к Казбеку! — пищит. — Пожалуйста, не надо! Я от него весной только убежал!

И в слезы! Все смотрят на него, как на психа, да и я, признаюсь, ни черта не понимаю.

— Да ты пусти руку-то! — говорю. — Смотри, до крови разодрал, дурак блаженный! Чего опять испугался? Казбек сроду никого силком не держит. Хочешь заработать — заходи, нагибайся. Не хочешь — вали на все четыре!

— Он меня ищет! Увидит — убьет! Уйдем, пожалуйста!

— Белочка у пацана, — Костян говорит, — дело известное. Меня с метилового так же вот колбасит...

— Да на кой хрящ ты ему сдался?! — ору на Мишу. — Перегрелся, что ли? Ты его видел вообще, Казбека? Хоть раз?

— Я у него при виварии работал, — хлюпает, — за крысами ухаживал, эпидуральную пункцию делал...

Ишь какое слово вспомнил, оборванец! Видно, и впрямь чего-то было. Вот тебе и Казбек! Выходит, не одни мы у него подопытные звери. Есть и помельче. Только чудно это —

спинномозговая пункция у крысы. Сколько я Казбека помню, никогда он наукой не интересовался. Да и какая ему наука, бандюгану? Всю жизнь в институте шоферил, потом в коммерцию подался, с ларьков копейку сшибал, ранен был в разборках, по больничкам отлеживался. Спинномозговой жидкостью тоже, видно, для бизнеса начал промышлять. Кому-то, стало быть, нужен он, горький наш бульон...

— А крысы-то ему зачем? — спрашиваю. — Бомжей, что ли, мало?

Смотрю, вокруг нас с Мишей народ уже собирается. Ох, перемолчать бы лучше эту тему, не дай Бог, до Казбека дойдет! Да поздно, сам же спросил.

— Он в журнале прочитал, — рассказывает Миша, — если крысу чему-нибудь научить, например, по лабиринту ходить, а потом ее мозг скормить другим крысам, то все они лабиринт с первой попытки проходят, не хуже крысы-донора...

Народ-то не понял, что за доноры-шмоноры, а Костян враз ушучил.

— Вот это толково! — ржет. — А мы, дураки, по восемь лет в школе парились! Куда проще — тюкнул училку по темечку, мозги ее с горошком навернул — и ду ю спик англиш!

Миша все не заткнется никак.

— А если донор — человек, — говорит, — то крысы начинают надписи понимать. Только мозг человеческий достать трудно, приходится жидкость брать — тоже помогает...

Тут меня вдруг трясти начало, я даже испугался, думал — в припадок бросит. Оказалось — в хохот. Стою и ржу вместе с Костяном, как дурак. Да дурак и есть! Это что же выходит? Вот для каких научных изысканий мы свои спины под иглу подставляем! Жизнь отдаем по миллиграмму! А многие уже и отдали — закопали их после тех уколов. Смешно, блин!

— Но ты-то, Миша! — хохочу, рукавом утираюсь. — Ты-то! Биофак закончил! Не мог объяснить ему, что все это ерунда на постном масле?! Самому-то не смешно было — крыс мозгами кормить?

Смотрит Миша на всю нашу развеселую компанию, а сам и не улыбнется. Какое там! Глаза дикие, пуганные, лицо иссохшее, как у старика. И говорит, будто во сне:

— Стылый тоже сильно смеялся...

Тут смех потух, как окурок притоптанный. Тишина. Только Мишин голосок:

— ...Когда Казбек ему рассказал, он прямо до слез хохотал... а потом и говорит: «Хорошо. Пусть так и будет». И стало так.

Смурняга сорвался. Он шел первым, и хорошо шел, обогнал остальных так, что его еле видно было. Мы еще карабкались по толстой башенной ноге, а Смурняга уже маячил почти на середине. Он бы и больше от нас оторвался, да приходилось ему тянуть за собой хвост раздорки и напарника своего Клюкву, который вроде как помогал ему. На самом деле Клюква только за конец раздорки держался. Он бы рад помогать, да разве за Смурнягой угонишься? Смурняга всегда в первых ходил, готовился с душой, не халявил. А уж как он мечтал до большой добычи первым добраться! Прямо из шкуры лез. И на дырявую башню так же шел — не напоказ, смотрите, дескать, каков я боец, и даже не за командирством, хоть командирство светило ему стопудово за этот поход, а так, будто жить не мог без той добычи наверху. И то сказать, сколько уж она, добыча-то, над нами висит, душу выматывает, длинная да блестящая, а мы все грязные хвосты по земле собираем. Вот и кинулся Смурняга на башню, как в атаку...

А тут — дождь...

Надо было ему остановиться, пересидеть, да он уж не мог — видно, шибко чесалось то место, которым боец должен опасность чувствовать. Летел вперед, с раздоркой в зубах, с перекладины на перекладину, а они то прямо, то вкось, то близко, а то и далеко. Ну и поскользнулся на мокром откосе, только ноги в воздухе мелькнули. Клюква мог бы подстраховать, да сам развился — привык, что его Смурняга чуть не на себе вверх тащит. Стоит у самого края и даже не видит, что напарник падает, за воздух хватается. Я аж зажмурился. Вот сейчас Смурняга его сдернет, и оба — в землю, всмятку, а главное — раздорку уронят, сволочи! Это опять за ней слезай и наверх волоки! Не управимся дотемна... Эх, Смурняга! Вот тебе и супервоин...

Но напрасно я Смурнягу ругал. Он хоть и падал, а успел сообразить что к чему и, пролетая мимо Клюквы, раздорку выпустил! Последней надежды на страховку себя лишил! Да, братцы, это солдат! Другой бы с испугу намертво в нее вцепился и все дело загубил. А он и не вскрикнул даже, молча

мимо нас пролетел, мне даже показалось, что я глаза его увидел... Прощай, боец! Спасибо тебе...

Ну да стоять тут долго нечего, не вниз смотреть надо, а вверх. Клюкве в напарники послали Чекрыжа. Остальные за ним — вперед марш. Сыро, скользко, но лезем, поднимаемся потихоньку. Дождь кончился, как раз когда Клюкву нагнали. По откосам еще текло, но идти стало легче. Чекрыж ухватился за хвост раздорки, Клюкву погнали первым, да он и сам заспешил, боялся, что, раздорку отобрав, отправят его следом за Смурнягой. По совести, надо было бы так и сделать — не будет зевать в другой раз, да главное-то дело еще впереди, неизвестно, как там пойдет и сколько бойцов придется положить. Потому — каждый на счету.

На высоте с непривычки ох как страшно. Ветер воеет, башня под ногами ходит ходуном, то ли вправду раскачивается, то ли в башке такое кружение — не поймешь. Да тут и понимать нечего. Без страха дела не сделаешь. Не того бойся, что ветром сдует, а того, что без добычи вернешься. Ветер, он нам только на пользу — мокрые перекладки суши. К самой добыче подобрался уже совсем посуху. И как дошли, так о высоте и вовсе забыли.

Вот она, большая добыча. Четыре хвоста к нашей башне привязаны и тянутся от нее в туман — к другой, отсюда не видной почти. Хвосты толщины такой, что хоть гуляй по ним, как по тропке. Но мы сюда не гулять пришли. Вот только теперь самое трудное и начинается. Кто не знает слов молитвы на добычу: «Велика и тяжела. Вкуса кислого, запаха не-вкусного... Лежит, свив тело кольцами, если же протянется во всю длину, может убить в одно мгновение»? А почему убить? Чем? Как? Никому не известно. И наша теперь задача — смерть эту обмануть. Да только попробуй ее обмани! Сколько жизней она прежде заберет? Никто не скажет.

Первым пошел Клюква — как виноватый и тем подвигом обязанный вину свою искупить. По длинной перекладине переполз он на блестящую гроздь, вроде грибных шляпок, нанизанных на один сучок. Только грибы те твердые, как камень, прозрачные, как ледышки, и такие же гладкие. Соскользнуть с них — раз плюнуть, а внизу пропасть. Грозди эти на башне растут, как на дереве, а уж к ним добыча привязана.

В зубах у Клюквы хвост раздорки, чтобы ткнуть им в добычу как следует и посмотреть, что будет. Если подерутся две

добычи, начнут белым огнем полыхать, искрами сыпать, глядишь — большой хвост и оборвется. А что с тыкальщиком будет, про то заранее сказать нельзя. На земле бывали случаи, что и живой оставался. Редко, правда. Гораздо важней, чтоб раздорка в драке, не дай Бог, вниз не свалилась. Для того другой конец ее держат двое бойцов — страховщики. Вроде все по уму подготовили. Можно пробовать. Полез Клюква вперед, до самой добычи, и, с духом собравшись, как ткнет в нее раздоркой!

Ни искорки не выскочило с добычи, и Клюква цел, а вот Чекрыж с Намоем, что хвост раздорки держали, вдруг факелами пыхнули и рассыпались! Полетела раздорка вниз, да Клюква в этот раз уж не зевал, удержал, обратно к башне притащил. И на радостях, что жив остался, решил еще раз попробовать. Велел он второй конец раздорки никому не держать, а зацепить прямо за башню, самим же подальше отойти и не отсвечивать. Раскомандовался, одним словом, что твой командир! Но никто с ним не спорил — если боец решил со смертью в чехарду сыграть, значит, задумка какая-то у него есть. Сделали все, как сказал: загнули хвост раздорки крючком и за перекладину зацепили. И правда, так надежнее — уж не упадет! Отползли, ждем поодаль. Клюква со своего конца раздорку поудобнее перехватил и опять к добыче полез. Ну, Господи, благослови... Вот взобрался на гроздь, через одну пластину перемахнул, через вторую, третью... Последняя осталась. И тут длинная синяя искра сорвалась с добычи и ударила прямо в раздорку. Зазвенела, рассыпалась гроздь. Заплясало нестерпимо белое пламя на том месте, где только что виден был Клюква, а потом толстенный хвост добычи вдруг лопнул, и огненный его обрубок канул в темную пропасть под башней...

— Мало несут! — Казбек зло бросил шприц.

В ближних клетках поднялись испуганные мордочки.

— Не то, что надо, берут! Почему так?

Старичок пожевал беззубыми деснами и, ничего не ответив, снова зачерпнул ложкой из миски.

— Плохая твоя инструкция! — Казбек повернулся прямо к нему. — Зачем кормлю тебя?

— Так ведь это... попробуй им объясни, чего тебе надо... — Старичок вздохнул.

— Зачем объяснять?! — вспыхнул Казбек. — Пальцем покажи — вот это и вот это неси, да?

Старичок беззлобно рассмеялся:

— Кому показать? Крысам? Им оно без надобности. Они каждый день такое видят...

— Видят — зачем не несут?!

— Кабы знать...

Старичок отломил краюху хлеба и, тяжело поднявшись из-за стола, двинулся вдоль ряда клеток, кроша помаленьку. В клетках завозились.

— ...Отсоединить, поди, не могут. Не умеют ток отключить. Может, травят их там, может, ловят. У крысы ж не спросишь...

— Алкашей своих конченных учи! За что я им деньги плачу?!

Старичок задумчиво покопался в бороде, выбирая крошки.

— Бонжа учить бесполезно, — сказал он веско. — Бонж и так — либо электрик, либо механик бывший, а то и вовсе ученый какой-нибудь...

— Но-но! — прикрикнул Казбек. — Ты про ученых — молчи! Ты про нас ничего понимать не можешь!

— Да я разве про вас? — Старик махнул рукой. — Что вы! И в мыслях не было! — Искося блеснул голубым ребячьим глазом. — По ученой-то части вам, конечно, виднее. А мне, дурню, откуда знать, как оно там выходит? Объясняю вроде бонжам, да разговариваю-то с крысами! А крысам об непонятном — только слова на ветер бросать, не поймут.

— Значит, бомжи твои тупые, хуже баранов! — ругался Казбек. — Грязь, а не люди! Других надо!

— Люди все одинаковые, — сказал вдруг кто-то за спиной Казбека.

Шприцы и пробирки полетели на пол — Казбек, поворачиваясь, задел стол.

— Кто тут?!

В темном углу вивария тускло мигнули два желтых огонька.

— Сты... Стылый? — Казбек покашлял, прогоняя внезапную сиплость. — Ты чего здесь?

Из темноты надвинулась совсем уж угольно-черная фигура. На самом деле Стылый по-прежнему сидел на вертящемся лабораторном стуле, опершись подбородком о высокую спинку, но теперь, будто по собственному желанию, стал различим в полумраке.

— Проведать зашел, — пророкотал не улыбочивый голос. — За науку поболтать... с глазу на глаз.

Казбек поспешно кивнул.

— Понял тебя, уважаемый!

Он обернулся к старичку:

— Иди, отец, принеси нам...

И замолк. Никакого старичка у стола не было. Он исчез неизвестно когда, не шаркнув развалившимися ботами, не скрипнув рассохшейся дверью вивария, и это было необъяснимо. Казбек даже наклонился чуть-чуть, чтобы заглянуть под стол.

— Не отвлекайся, — толкнул его голос Стылого. — У меня мало времени. Рассказывай.

— Что там рассказывать... — буркнул Казбек, неуютно передернув плечами. — Объяснять очень трудно. Слова надо специальные. Научные, эти, как их...

— Термины, — подсказал гость.

— Да. В общем, я тут исследования делаю... И еще эксперименты.

— С этими? — Стылый встал и прошелся мимо притихших клеток.

— Экспериментальный материал, — гордо сказал Казбек.

Стылый с костяным треском провел пальцем по прутьям клетки. Крысы в панике метнулись из одного угла в другой.

— Хороший материал, — усмехнулся гость. — Кормленный. А где остальной?

— Какой — остальной? — не понял Казбек.

— Люди.

Стылый смотрел в упор, и от этого взгляда Казбек почему-то чувствовал себя виноватым.

— Да разве это люди... — замялся он.

— Ты брось, брось! — Гость погрозил пальцем. — Плохих людей не бывает.

— Ха! Не бывает! — Казбек горько рассмеялся. — Бараны, честное слово! Учишь их, учишь — ничего не понимают!

— Это все от жадности...

— Правильно! И я так думаю! — Казбек радостно закивал.

— От твоей, — остановил его гость.

— Ара, зачем так говоришь?! Мало я денег им раздал, конченным?!

— Что деньги! — Стылый глядел сурово. — Они жизнь свою тебе отдают! А ты ее — крысам...

— А что, неправильно? — Казбек беспокойно вглядывался в лицо гостя. — Ты же сам сказал: «Пусть так и будет»!

— Правильно, все правильно. — Стылый отшвырнул ногой рассыпавшиеся инструменты и присел на край стола. — Но, забирая одну жизнь, дай взамен другую...

Казбек надолго задумался.

— погоди, уважаемый... Ты что предлагаешь? От крыс брать — и обратно людям колоть?! На кой черт это надо?!

— А ты попробуй. Вреда не будет.

— Как не будет?! Думаешь, им не больно?!

— Ишь ты, — гость сверкнул глазами, — жалостливый... Ничего, потерпят. Больнее, чем теперь, все равно уж некуда...

— А мне какая от этого польза? — упорствовал Казбек. — Расходы одни!

Стылый, выбросив указательный палец, как лезвие складного ножа, ткнул в сторону клеток.

— А ты разве не хочешь узнать, что с ними происходит по ту сторону?

— По ту сторону — чего?

— Пирога с повидлом...

Когда я сообразил, куда он нас завел, меня чуть родимчик не хватил. Плетюне шепчу:

— Нет, ты понял?!

А он, простодырый, только ушами хлопает:

— А чего? А где?

— Смотри, — говорю, — куда нас твой умник тащит!

— Какой умник? — Плетюня тупит.

— Следопут ваш хваленый! Он же прямиком в пустые холмы ведет!

— Да ну тебя! — Плетюня и морду отворотил. — Как чего брякнешь, так противно слушать!

— Разговорчики в строю! — Командир сзади кусается. — Не растягиваться! Шире шаг!

Ему лишь бы покомандовать. Шире да шире. Порвут пополам, так шире некуда будет. Докомандуешься...

Сам, поди, и не знает, куда идем. А я в этом деле кое-что соображаю. Дырявая башня справа осталась — там, где большая

гарь. Гарь мы крутом обошли, чтобы на голое место не выходить. А теперь Следопут опять резко влево взял. Значит, пустые холмы прямо перед нами. Просто к ним с этой стороны еще никто не подходил. Да и с других-то сторон всего пару раз совались, и никогда это добром не кончалось. Сколько легенд про здешние места рассказывают — одна другой страшнее! Да что легенды! Тому, кто памяти покойницей отдал, и легенды не нужны! Они такое про пустые холмы знают, что их сюда и раздоркой не загонишь! А этот прет напролом, и все ему поровну. Характер такой дурацкий — никого не слушает, никому не верит, командиров в грош не ставит, вечно с ними цапается. Может, это оттого, что спину ему колют чаще, чем нам, не только перед походом, но и после. От такой жизни сам себя возненавидишь, не то что командира. Командиры, они тоже разные попадают. Иной бывает тупой, как баран, если не хуже. Спроси его, кто такие бараны, — умрет, не вспомнит. А гонору — вагон. Нынешний наш отрядный, по кличке Утюг, тоже поначалу хвост на Следопута задирал. Но как в пирог с повидлом залезли, тот ему быстро показал, кто здесь главный. Три крысоловки обошел и отряд провел без единой потери. В четвертую, уж видно, специально щепку сунул, чтоб не думали, что каждый тут может ходить взад-вперед. Как хрюснули зубы об зубы — щепка пополам, командир залег, мы чуть в бега не ударили, аж духом скверным от кого-то потянуло. А Следопут посмеивается.

— Что, — говорит, — обделались? Не дрищите, они больше не укусят!

И дальше пошел.

Нет, моя бы воля была, я бы с таким водилой шагу на территорию не ступил! Он хоть ловушки все знает, да заведет в конце концов куда-нибудь похуже крысоловки...

— О! А чего это там? — Плетюня меня в бок толкает.

Вижу — впереди поднимается над травой остроконечная макушка. Чуть подальше — вторая. Ну так я и знал! Пустые холмы! Чтоб мне самому пусто было, если не они!

Тут и до командира, Утюга нашего, начало доходить.

— Так, — говорит, — это у нас что? — А сам нагоняет быстро Следопута. — Это же вон что! Как оно... запаматовал...

— Склады.

От Следопута разговора доброго не дожدهшься. Буркнул одно слово, и дальше.

— Ну, правильно... Погоди. Что еще за... — Командир скачками за ним. — Я слова-то этого не знаю! Нет такого места на территории!

— Почему нет? — Следопут ему, так лениво. — Вот оно. Только у вас по-другому называется.

— У кого это — у нас?!

— У крыс. Вы по глупости склады зовете пустыми холмами.

Тут весь отряд как по команде встал. Замерли, дышать боимся. Кое-как Утюг насмелился и просипел:

— Ты издеваешься, что ли?! Куда завел, гад?!

— Пока никуда, — посмеивается. — Но лучше бы нам куда-нибудь зайти, на месте не стоять. А то неровен час...

Бойцы давай занимать круговую, молятся потихоньку, кто как умеет.

— Ты, сволочь, на съедение нас сюда заманил! — Отрядный ревет. — У меня приказ совсем другой был!

Но Следопуту на его приказы чихать с дырявой башни.

— Приказ у всех один, — говорит. — Добычу принести. Хочешь домой пустым вернуться — уходи.

По ушам видно — многие прислушиваются, хоть зуб на зуб ни у кого не попадает от страха, по себе могу сказать. Он тогда громче, чтоб все слышали:

— Сейчас у собак обед. Кто не собирается на полдник оставаться — за мной бегом марш!

И потрусил себе дальше. Вроде ни одного слова понятного не сказал, а пробрало. Рванули мы за ним все как один. И Утюг бежит, подгоняет еще:

— Не растягиваться!

Кто такие эти собаки, что за обед у них и что за полдник — не знаю. Да, может, оно и к лучшему. Бежим себе. Пустые холмы впереди все выше и выше поднимаются. То есть не холмы, а, выходит, склады. И совсем даже, может оказаться, не пустые. Самый ближний — ох здоровенный, на четыре угла, с отвесными стенами — ну точь-в-точь такой, как про них врут...

Бежим прямо на стену. Вся она белая, только кусок серый, чем-то он не такой, как остальная стена.

— Соображаешь, Плетюня? — толкаю на ходу балбеса, напарника своего.

— Чего? — пыхтит, булками работает, толстомясый.

— В стене-то!

— Ну? Чего в стене?
— Чего-чего! Корм ты кошачий! Не видишь — дверь!
— Какая такая дверь?
— Эх, обалдуй! Сколько колешься — дверей не знаешь!
— Да ну тебя! — Плетюня отмахивается. — Потом поговорим!

Да чего уж тут говорить, когда и так все понятно. Следопут прямо к двери нас и вывел. Неужто открыть собирается?! Вот это был бы номер! Никому из бойцов самому открыть дверь не удавалось, штука эта особенная, хитрая. То она — стена стеной, а то вдруг раз — и лаз. Неподатливая уму вещь!

Но Следопут, он не из нашей шкуры сшит. Ему, поди, и дверь не в диковинку. Подошел, понюхал, когтем колупнул...

— А ну, навались! — говорит.

Ну, мы и уперлись всем отрядом, иные просто в стену, но этих Следопут обругал, переставил к двери, дал команду. Надавили дружно. Следопут сзади стоит, сам не толкает. Потом вдруг — скок Плетюне на спину, а оттуда — еще выше, до блестящей какой-то ерундовины, что из двери торчит. Я даже подумал, может, добыча такая? Чего он в нее вцепился, как в родную? И тут мы все повалились, потому что дверь-то поехала! Только что ни щелки не было, и вдруг — готовый лаз, прямо туда — в склад. А оттуда кисленьким так и тянет — добыча промасленная лежит, нас дожидается!

Ай да Следопут! Вот это голова! Таковую бы голову — да на всех поделить, хоть по кусочку каждому бойцу отведать!

Ломанулись мы в щель — прямо давку устроили, и впереди всех — Утюг. Следопут на землю соскочил, предупреждает:

— Эй, полегче там! Под ноги смотреть, рты не разевать! Тут ведь тоже зубы встречаются...

Какие там зубы! Мы как на склад влетели, так прямо растерялись. Глаза в разные стороны, честное слово! Вот это добыча! Без конца и без края. Взрослая кольцами свернулась плотно, и кольца лежат — до потолка. Молодая — короткими хвостами, тонкой пластиной, крючком, всякой загогулиной — на полстены куча! Самая жирная, в мягкой шкуре, на толстые бревна намотана, и тоже — несметно. А помимо того, еще какая-то особая, упрятанная в бумагу, в дерево, в жеваную труху, но по кислому духу все равно ясно — она, добыча! Кругом — добыча!

Эх, как пошли мы нагружаться да обматываться! Тут уж нас Следопут не учи! Длинную тянем, на нее короткие цепляем, так чтоб только еле-еле волоочь. Да поперек еще — плоских с дырками, а на них уж — каких попало, внасыпуху.

— Хватит! — Следопут орет. — Пора возвращаться! Завтра опять придем!

Ну, смешной! Завтра! Завтра еще будем живы или нет, а добыча — вот она, сегодня! И пока мы ее с места сдвинуть можем — будем нагружать! Вот как не сможем, тогда ладно. Один, последний, хвостик скинем. Хотя вряд ли...

Уж Следопут и уговаривал, и дрался, и на командира кричал — ничего сделать не мог. То-то, брат! Это тебе не двери открывать. Нет такой силы, что бойца от добычи оторвет!

Наконец тронулись, медленно, но со всей красотой. Ползет куча, а нас из-под нее почти и не видно. Дверь пришлось настезь распахнуть, и то еле протиснулись. Наконец выползли на голое место. Через травы ломиться — нечего и думать, двинули проплешинами в сторону большой гари, к дырявой башне. А чего стесняться? Мы тут хозяева теперь! Добычи сколько хотим, столько и волокем. Гарь, и та — наших ребят работа, Смурняга с Клюквой ее устроили, когда с дырявой башни добычу рвали. Да куда ни глянь — везде все теперь наше!..

Вот тут-то он и появился. Вымахнул на пригорок прямо перед нами — будто из моего же сна выскочил, из старой покойницкой памяти, — в общем, сразу я его узнал. Ловкий, глаза озорные, а сам при этом — огромный, аж тошно, и зубы такие, что тоска. И сразу понятно, что бежать бесполезно. Все, отбегались.

— Дождались, сволочи! — Следопут хрипит. — Бросай все — и врассыпную!

Глупый он все-таки, хоть и колотый. Ну сколько можно объяснять, что бойцы добычу не бросают? А если который и бросит, так недолго после того проживет. Свои же и прикончат. Не для того мы такую муку перед походом принимаем, чтобы взять и все бросить. Наоборот, вцепись в нее всеми зубами и когтями — может, и не оторвут...

Только зверь отрывать никого и не стал. Подскочил к командиру да голову ему и скусил. Напрочь! Только хрустнуло. И сразу — дальше. Утюг еще лапами загребает, а этот уже

возле следующего бойца. Хвать поперек загривка — готов! Следующая — Плетюнина задница из-под кучи торчит, а там и до меня очередь дойдет. Я уж и глаза закрыл, готовлюсь.

И вдруг — что такое? Слышу опять Следопутов голос, но уже совсем с другой стороны. Да неужто он бросил-таки добычу?! Не может того быть! У меня даже глаз сам собою раскрылся. Вижу, и точно, Следопут от нашей кучи черт-те где. Но не удирает, а, наоборот, забежал к чудищу сзади и кричит, шипит, плюется! На себя отвлекает. Зверь поначалу только фыркнул — погоди, мол, и до тебя очередь дойдет, — но на Следопута не бросился. Зачем, когда вот они, Плетюнины окорока, прямо у него под носом? Да неправильно он рассчитал. Только хотел окорочка отведать, как Следопут подбежал сзади и за его собственный окорочок — цап! Визгу такого я отродясь не слышал. Рванулось чудище, чуть всю добычу нам не разметало, крутанулось на месте — и за Следопутом. Да тот, не будь дурак, давно уже удирает, без выдумок, без зигзагов, а держит прямиком на клетку. Ага. Вылитая клетка стоит посреди поля, совсем как дома у нас, только здоровенная и без верха. А внутри у нее — ну почти как в пустом холме — добыча на добыче! Но не кучей, не как попало, а вся друг с другом сцеплена, скреплена, хвосты от нее тянутся во все стороны, на ветру посвисывают.

Следопут, видно, давно в этой клетке дыру углядел,किनулся прямо к ней, юрк — и внутри! Зверь на прутья налетел, но не пробил — сам чуть не убился. Зарычал свирепо, давай землю под прутьями рыть.

Мы стоим, смотрим. А что делать? Далеко с добычей не уйдешь, да и носильщиков меньше стало. Слава Богу, зверь на нас — никакого внимания, роет, только камни летят. Следопуту тоже деваться некуда. Сидит в клетке, ждет. Ну и дождался.

Зверь даром что здоровый, а порыл-порыл, втиснулся под прутья и, глядим, голова уж в клетке! Уперся, рванулся — и весь там! Беда Следопуту! Сам себя в крысоловку загнал. Тут бы ему надо по клетке побегать, зверя закружить да в ту же дыру и выскочить, а он, бедолага, с испугу сплеховал, полез чего-то наверх, прямо по добыче, с ветки на ветку, со ступеньки на ступеньку. Да разве от такого убежишь! Следопут со ступеньки на ступеньку прыгает, а зверь — сразу через три. Добро еще, понапутано там из добычных пластин, крючков да

хвостов — прямо заросли. Нам отсюда как следует не разоб-
раться, но видно, что несподручно здоровенному чудищу по эта-
кой путанице Следопута гнать. Однако и не отстает.

Следопут со страху уж на самые хвосты забрался, думал,
там его зверю не достать, да просчитался. В три прыжка влете-
ло чудище на самый верх и, по хвостам шагая, — прямо к
нему, теснит в самый угол. Тут уж нам очень хорошо все вид-
но — забрались высоко, как напоказ. Жметя боец к решетке,
на нас оглядывается. Ну и мы смотрим. Без командира оста-
лись, сейчас и проводника прикончат...

Зверь, кажется, и не спешит, выбирает, как половчее его
ухватить. Пасть разинул, зубищи наружу выставил и — шажок
за шажком — все ближе...

А что дальше произошло, я вам и не скажу — не разглядел.
Следопут метнулся, будто от отчаяния, да, оказалось, неспро-
ста. Ухватил он какую-то блестящую загогулину вроде той, что
на двери, и — дерг! А от нее — искры! Как загудело в клетке,
хвосты разом дрогнули, зашелестели меж собой, и не знаю
отчего, но зверь вдруг твякнул жалобно, заскулил, задержался,
как в спину уколотый, а потом голоса у него совсем не стало.
Так молча и околел.

Мы из-под кучи своей повылазили, глазам поверить не
можем: добыча убила своего же сторожа! А Следопута — глав-
ного на свете вора — пощадила! Это как же понимать? Выхо-
дит, и впрямь мы здесь законные хозяева? Раз добыча сама в
руки просится и не зверюге охранному помогает, а нашему
бойцу-добытчику? Вон он, из клетки выбирается, гордый, как
сто отрядных командиров. К нам идет ленивой походочкой, и
морда сонная, будто все ему нипочем и раз плюнуть.

Окружили мы его, в бока пихаем, молодец, дескать, этакое
страшилище уконтрапунил!

— Ладно, чего там! — Следопут отмахивается. — Пошли
скорей отсюда, пока другие не вернулись...

— Нет, погоди, — Плетюня ему в ответ, — тут одно ма-
ленькое дельце осталось...

Все обступили Следопута еще плотнее, слушают, что Пле-
тюня говорить будет. Смотри-ка ты! Увалень-увалень, а тут
разговорился что твой командир!

— Это, — говорит, — хорошо, Следопут, что ты зверя по-
бедил. А что в пустые холмы нас привел, так просто замеча-
тельно. Мы этого теперь никогда не забудем.

— Ну? — Следопут ничего не понимает, смотрит на каждого по очереди.

Не догадался еще, хоть и умный.

— А вот то, что ты добычу бросил, — Плетюня неторопливо объясняет, — это очень плохо.

Дошло наконец до Следопута, заметался.

— Да вы что, ребята?! Вот же она, добыча! Целехонька! Я же спас ее! И вас всех от собаки спас! Разве непонятно?!

Плетюня ко мне поворачивается.

— Чего он раскричался?

— Уговаривает простить.

— Как это так — простить? — Плетюня удивляется.

— Ну, подумайте! — Следопут втолковывает, мечется от одного к другому. — Ну, напрягите мозги свои мышинные! Если бы я за добычу, как все, держался, что с нами было бы?! Кто бы добычу домой потащил, если бы всех вас тут передавили, как кур? Кто?!

— Ты, Следопут, не мудри! — Плетюня спокойно отвечает. — Мы тебе про одно, а ты нам про кур! Закон простой — добычу не бросать. А там уж как Бог даст...

Он оглядел отряд.

— Что решим, братцы? Мне одному вскрывать или кто поможет?

Ну, я и помог...

Плохо спать стал. Всю ночь ворочаюсь. И выпивка не помогает, только хуже от нее. Тошнит, а не забирает, и во рту горечь. То ли уж специально такую гонят, чтоб и последнюю радость у нашего брата отнять? Глотнул да срубился — вот и все счастье бомжево. Нет, мешает оно кому-то! Не спи, калечный, мучайся, каждую секундочку этой жизни сволочной разжуй да проглоть! Намаешься так за ночь, под утро только прикемаришь чуть-чуть — тут другая беда. Сны наваливаются. И всегда одни и те же. Куда-то ползу я через подземные ходы, через травы высоченные, пробираюсь под железными конструкциями, каких сроду не видано было, и носом, на нюх, ищу ее — добычу.

Чертов старичок! Все уши своей добычей прожужжал, снится она уже! Но началось это не так давно, с тех пор, как Казбек стал по два укола засандаливать. Рвет из спины свою вытяжку, а потом через ту же иглу что-то обратно закачивает.

Возможное ли дело — такую муку пережить? Вот и не выдерживает человек — с ума сходит. Если бы я один такой был, так сомневался бы еще насчет уколов. А то ведь всех наших колбасит, как порченных! Злые стали, наглые. Нинка Костяну зубами в горло вцепилась, чуть до смерти не загрызла — еле отняли. Это что же такое с людьми делается?!

...И опять верчусь, не могу пятый угол найти. На спине совсем спать разучился, тянет все время клубком свернуться и ноги к носу подтянуть. Да тут еще зуд этот! Раньше, бывало, заведется по летнему времени какая-нибудь живность в волосьях, чешется помаленьку до холодов, а зимой ей другая на смену приходит — еще спокойней. А теперь не так. Крупно зудит, без отдыха. И больше всего — в руках и в ногах, в самых пальцах. Я поначалу струхнул, думал, не гангрена ли после тех заморозков, а теперь понял, в чем дело. Когти у меня растут. Да такие прут твердые, неломкие, острые и с загибом. Подобрал этой весной ботинки в лесопарке — почти новые, крепкие, думал, износу не будет. Куда там! Вдрызг! И во все дыры когти торчат. Да разве в одних когтях дело? Я вон вчера сунулся в гастроном, чего-то все ларьки закрыты были, так мент у дверей аж позеленел, как меня увидел, и ни слова не говоря — за кобуру. Видно, совсем я засинячил, на человека стал не похож. Ну и хрен с ним! В гастроном больше не хожу. Не то чтобы я мента боялся, нет. Вовсе даже наоборот. Достань он тогда пистолет, вряд ли успел бы выстрелить.

Вот это меня больше всего и пугает. С каких это пор я опасным стал?! Может, с голодухи такая злость? Что-то уж больно несытные времена пришли. Возле столовской помойки что ни день — драки. Хотя вываливают вроде и не меньше, чем раньше. Много ли той еды нашему брату надо было? Поклевал корочку, чтоб не пить без закуски, — и ладно. Не зря ж говорят: алкаш спиртом сыт и спиртом сс...т. А тут — с холодами, что ли? — какая-то прямо прожорливость напала. Ешь, ешь — и все мало...

Ох, заботы, заботы! Никак не уснуть от них... Лежишь, глазами лупаешь. Вдалеке собака прошла. Не слышу, не чую, а знаю, что прошла. Тоже вот, недавно у меня такая особенность появилась. От бессонницы, наверное...

А жалко, что убежала собачка... Неплохо было бы заморить червячка. В последнее время совсем мало бродячих псов

стало, всех поели. А раньше чего-то брезговали или боялись их — голов по пятнадцать — двадцать стаи ходили и кормились же чем-то! Да и то рассудить, лесопарк — не тайга. Здесь кафушка, там — ларек, жарят, варят, дым коромыслом, обедков — вагон. Отчего теперь голодаем — ума не приложу!

Заботы, заботы! Охо-хо... Сейчас бы засадить стакан, как в бывалое-то время, и отплыть до утра во тьму сиреневую...

И вдруг — мороз по спине! Я аж вскрикнул и сам себе рот зажал. Понимаю — рядом кто-то есть. Вот тут, за жестью моей ржавой, стоит и прямо сквозь нее на меня смотрит. И видит! Как же я шагов не услышал?! Запаха не почуял, при нынешнем-то моем чутье?! Кто ж там такой? Может, тот самый пес, что стороной прошел недавно? Да не подобраться ко мне простому псу! А если он не простой? Господи, чего ж ему надо возле ямы моей? Лежу, никого не трогаю... Может, заорать? Ругнуться на него матерно? Набираю воздух побольше и... нет, не могу. Страшно! Это ж кому расскажи — не поверят: бомжу по ночам страшно! Чего бояться-то, верно? Все равно подыхать! А вот поди ж ты! Подыхать не боюсь. Боюсь идти. А идти придется, потому что он ждет...

Завозился я, завертелся и медленно, ногами вперед, из хибары полез. Почему ногами? Мудрено объяснить... Ну не могу я башку высунуть и посмотреть, кто пришел! Хоть ты убей меня — не могу! И на месте сидеть нельзя, я ж чую — он ждет! Пячусь раком ни жив ни мертв и глаза закрыл. Делайте со мной что хотите! Сдаюсь!

Вылез целиком — ничего. Глаза по одному размежил осторожно, влево-вправо зырк! Никого. Мать Пресвятая Богородица! Неужто померещилось?! Огляделся, прислушался — все спокойно. Вдалеке дискотека бухает, будто сваю в землю забивает, а над пустырем звезды низенько висят... Надо же! Сколько лет уж не замечал никаких звезд, а тут разглядел! Какие же яркие сегодня! Особенно вон те две, над самым горизонтом...

Мигнули две звездочки голодно — и прямо ко мне. Смотрю — проступает в темноте остроухая голова, разевает пасть, а в пасти — кровавый отсвет, будто клык блеснул. Я попятился, запнулся, чуть не упал, но тут наваждение развеялось. Вижу — никакой волчьей головы, человек как человек, только воротник поднял и край воротника из-за головы торчит,

как ухо. Пасть кровавая не сверкает — папироску он курит, огонек то ярче горит, то притухает малость. И нисколько он ко мне не приближается — на пригорке сидит, в двух шагах от хибары. Просто раньше я его не замечал. Пока он сам не захотел заметным стать. А такое умеет на всем свете только один человек.

— Стылый, ты? — спрашиваю.

Огонек папироски наливается жаром.

— Холода идут, — слышится голос. — Звезды-то как разгорелись! К заморозкам, не иначе...

— Зачем я тебе опять понадобился?!

— Почему именно ты? Вы мне все надобны...

— Да с меня-то какая польза?! Видишь — подыхаю!

Огонек улетел в траву, но лицо Стылого так и маячит в багровом отсвете.

— А ты хитер, — усмехается. — Вот как затеял договорчик обойти! Дескать, кто алкашу бездомному поверит? Мели, чего хочешь! Вреда не будет.

— О чем это ты? Не пойму...

— О чем! О нашем договоре. Где твои блестящие статьи? Где наша, в соавторстве написанная, теория многомерной общности? Почему я должен торчать на этой свалке? Я хочу на международный конгресс!

И тут я улыбаюсь всем шербатым своим отверстием. На конгресс ему! Обойдесся. Бутылки вон собирай, дьявол хренов...

Стылый смотрит на меня с нехорошим прищуром.

— Сообразил, значит? Ну как же, смысленный... Правильно. Сила моя — в вере. И пока в меня верят только пара обормотцев да старушка на скамейке, никак мне не разгуляться...

Разоткровенничался наконец. Видали мы твою откровенность!

— Что-то больно мудреное говоришь. — руками развожу. — Прости, не понять мне. Пропил все понятие...

— Ну да, ну да. — кивает. — Совсем, значит, простой стал, как три рубля. Формулы забыл, работы свои забыл, читать-писать разучился...

— И не говори! — слезу утираю. — Был человек — и нету...

— Ах, ах! — головой качает. — Что ж я, неразумный, наделал! Какого ценного работника упустил! Доктора наук! Да если

бы он только статейку тиснул: «Миром правит Стылый Дьявол», все бы сейчас же в меня уверовали, и силы мои утысячились бы! Так?

Пожимаю плечами.

— Тебе видней.

— Ну еще бы не так! Доктору-то каждый поверит! А деваться ему некуда, потому что сынок его любимый жив и обратно на иглу не садится лишь при одном условии...

— Я свою часть договора выполняю!

— Об чем разговор! Конечно, выполняешь! На каждом углу трындишь о темных силах!.. И меньше всего хочешь, чтобы тебе поверили!

— Такого пункта в договоре нет!

Достал он меня уже своими подначками. Добро бы этот разговор у нас был первый. Каждый раз одно и то же! Да, я обманул его. Кинул, как теперь говорят. Я сумел стать ненужным, совершенно бесполезным для него, не нарушая договора. У него нет формального повода мстить мне и моему сыну. И он не мстит. Видно, и впрямь дьявол не всесилен, пока в него не верит подавляющее большинство людей. Он заманивает нас поодиночке, чтобы мы заманивали других. Но я не хочу быть вербовщиком Стылого, я знаю, чем это кончится. И я нашел способ. Впрочем, его многие нашли — те, кто неожиданно бросил науку, литературу, всякие там кисти, ноты, просто любимое дело и спился, скололся, торопливо прикончил сам себя, чтобы не служить вот этому, сидящему на кочке. Миша, например. Земля ему пухом...

— Объегорили, — вздыхает Стылый. — Из-за вас, алкашей, и я должен по помойкам шататься...

Глаза его вдруг снова разгораются желтыми звездами.

— Только смотрите, убогие, как бы вам самих себя не перехитрить! Вы все думаете, что можете распоряжаться собой. Захотел — продал душу, захотел — пропил. Наивные! Так никогда не бывает!

— А как бывает?

Очень он мне надоел. Выпить бы чего-нибудь... Я представил, как присасываюсь к пахучему горлышку семьдесят второго портвешка... и меня тяжело вырвало прямо на драные мои ботинки. Дожил, блин!

— Вот так и бывает, — кивнул Стылый. — Пьет человек, пьет, а потом раз — и перестает... быть человеком. И что это за

новый зверь такой, о чем думает, кто у него хозяин — пойдй узнай...

Меня передернуло. Не так от страха, как от холода. На что-то намекает, гад, а на что — не пойму... Отвязался бы уже, что ли, пустил душу на покаяние...

— Сегодня мы беседуем в последний раз, — вдруг сказал он и, заметив мою тревогу, добавил: — Не беспокойся, договор остается в силе. А про темные силы можешь больше не врать...

Я смотрю на него во все глаза. Что он еще задумал?

Стылый наклоняется ко мне, говорит, понизив голос:

— На прощание хочу открыть тебе маленький секрет: не бомжи и не доктора наук заставляют людей поверить в Дьявола. Это может сделать только один-единственный специалист. Страх.

— Чей страх?

— Не важно чей. Любой человек, когда ему страшно, принадлежит не себе, а мне. Когда страшно всем — мне принадлежит мир.

Больше я терпеть не мог. Замерз так, что злость взяла.

— Извиняюсь, конечно, Стылый, но тут ты просчитался. Ни черта мы уже не боимся! За всех людей говорить не стану, а наших, лесопарковских, ничем тебе не пронять! Сам не видишь, что ли? Чуть что не по нам — сразу зубами в глотку...

Он вдруг расхохотался.

— Ишь ты, племя какое завелось от сырости! Черта не боятся! Видно, и правда обвели меня вокруг пальца! Что им горе да беда, да злые холода... — Он обвел взглядом черные холмики пустыря. — М-да... Пора ваш палаточный городок убирать отсюда... Холода-то нешуточные идут...

Гляди-ка ты — беспокоится. Прямо — отец родной!

— Так ведь теплые места все заняты, — говорю. — Нам, больным да чахоточным, в котельную бы надо, по крайности — в теплотрассу.

— А ты разве больным себя чувствуешь?

И тут я вдруг понимаю, что несколько дней уже в груди не свербит, озноба нет и даже про ногу свою калечную как-то забыл.

— Да нет вроде, сейчас-то ничего...

— А будет еще лучше! — Стылый рукой машет. — Котельная вам теперь не нужна. Любая нора сойдет, а нор таких в городе — навалом! Да вот хотя бы метро взять...

Ха! Нечисть, нечисть, а дурак!

— В метро, — говорю, — к вашему сведению, мафия. На каждой станции пацаны крышуют. Только сунься бомж без патента — костей не соберет!

— Да тебе станции и не нужны, — толкует. — В тоннелях куда уютнее. И свету меньше. Считай — готовая нора!

— Нора — это хорошо. Да главное ведь — кормежка.

Но Стылого, видно, так просто не собьешь.

— Уж где-где, а в метро-то жратвы — хоть отбавляй! — говорит. — Полные поезда!

Встал и пошел...

Добыча велика и тяжела... Это верно. Полдня ташу, все больше в зубах — аж шея болит. Запаха, впрочем, вполне обыкновенного. Да и на вкус вроде ничего. Жаль, распробовать толком некогда, потому как за мной, кажется, идут. Чувствую, что так, да иначе и быть не может — наверняка кто-то видел, как я добычу рвал, как в траву ее потащил... Догонят — отберут, а она ведь моя, законная. Значит, надо успеть залезть в нору. Нора — это дом, да не такой дом, как клетка — туда десять шагов да обратно десять. Нора — свобода! Куда захотел, туда и двинул. В любое время. Вся добыча — твоя, никому отдавать не надо. Житуха! Только бы успеть...

Конечно, не я один такой умный, скоро все наши по норам попрячутся от прежней-то жизни, ну да это не страшно. Места всем хватит! Жратвы бы только хватило, чтобы друг с другом не драться постоянно. Тогда — что же? Я и дружить готов, особенно с гладкой какой-нибудь бабешкой. Снюхаемся, поди...

Что это там? Ага! Холм с трубой! Ну все, считай, добрались. Где-то здесь должен быть лаз в мою новую нору. Юркнуть туда, и привет семье! Ну, еще чуть-чуть! Да не цепляйся ты! Без зубов можно остаться с тяжелой такой добычей... Ага, вот он и лаз.

Ого! А вон и погоня! Ишь как шпарят — прямо по полю, фарами во все стороны стреляют. Опоздали, псы драные! Я, считай, дома и в полной от вас безопасности. Ни за какие бабки менты за мной в нору не полезут, жить-то не надоело им, правильно?

Стоп. Что такое? Решетка. Вот не было печали! И машина фырчит совсем близко, светом по холму елозит. А ну как угля-

дят? Стрелять начнут, гады!.. Сейчас-сейчас, надо припомнить... Да! По углам решетки такие штучки круглые с прорезью — их надо крутить, пока решетка не отвалится... Рано радуется, паскуды! Я с вами еще посчитаюсь за все, что недоедено, недопито! Встретимся, когда потемнее будет...

Ну, вот и готово. Теперь быстро — добычу пропихнуть. Эх, Нинка, Нинка! Тоща ты была при жизни, а теперь вот еле-еле в норуходишь. Как же я тебя дальше потащу? Пожалуй, там, поглубже, надо будет шкурку с нее содрать. Ни к чему добыче все эти трусы-платья... А туфелька-то одна до сих пор на ноге держится! Да, Нина, пофасонила ты в этих туфельках от школьной своей юности, через ларьки да котельные, через лесопарк — до самой моей норы. Ну и хватит. Дальше без них пойдешь, вот только перехвачусь поудобнее, а то всю шейку твою сухошаваю изгрыз, головенка скоро отвалится...

Ботинки-то и самому пора скинуть, зачем они мне там? Да и штаны тоже — хвосту расти мешают. Ну, вперед, Нина, добыча ты моя! Чуешь, дух-то какой здесь? Теплый, уютный — живи да радуйся! Прямо жалко, что ты не дожила...

Только вот грохочет чего-то впереди. Ах, ну да, это же этот, как его?.. Поезд! Тьфу, все слова перезабыл! Да они мне больше и не понадобятся... Вон еще решетка. Ну-ка, глянем... Э! Да там людей полно! На платформе стоят, куда заглядывают, морды кормленные у всех. Твари... Подобраться тихонько, ухватить одного с краю — и назад... Хоть Стылый и говорил, что еды здесь полные поезда, а запас никогда не помешает. Вот обживусь, с соседями познакомлюсь, плодиться, глядишь, начнем... Наберу хорошую стаю, тогда и до поездов очередь дойдет. Погодите, сволочи сытые, натерпитесь вы у меня страху! Посмотрим тогда, кому принадлежит этот мир!

Владимир Аренев
ХИЖИНА ДЯДЮШКИ ЭМА

*Я старался делать все, что мог,
Не просил судьбу ни разу: «Высвободи!»
И скажу на самой смертной исповеди,
Если есть на свете детский бог:
«Все я, боже, получил сполна.
Где, в которой расписаться ведомости?
Об одном прошу: спаси от ненависти.
Мне не причитается она».*

А. Галич. «Кадыш»

Глава первая
САНТАКЛАУСЫ

— Бэтмены уже побывали здесь, — заявил Гарри Шалун. — И выковырнули всех, кого смогли. Нечего ловить.

Он презрительно сплюнул себе под ноги и поправил ритуальную бороду из ваты. Борода была новая, от прежней она выгодно отличалась и белизной, и пышностью. Старая, честно говоря, давно уже напоминала косу Плешивого Бо, так что

многие сантаклаусы начали перешептываться и посмеиваться над Шалуном, а Тугодум Лью даже вякнул что-то насчет переизбрания президента. Конечно, Тугодуму кто-то подсказал, сам он до такого не доручил бы. Но тенденция, как говорит Миль-Раб, заставляла задуматься.

Короче, новая борода, которую они нашли во время последней ходки в Л'Анж, была как нельзя кстати. Тогда же сантаклаусы набрали много других полезных вещей, так что племя оказалось обеспечено и едой, и оружием на несколько месяцев вперед. Но вот рабов не хватало, поэтому Шалун решил вести сантаклаусов в новый набег. Заодно, думал он, покажу им, кто здесь президент, всем этим Тайсонам и Джексонам. Будут знать!

И вот на тебе: льдосейф, где уже успели пожить бэтмены! Не иначе кто-то из соперников наложил на Гарри проклятие Великого Облома. Надо будет по возвращении в Ньярк сходить к Шаманке, чтоб сняла. А пока...

— Нечего ловить, — повторил Гарри, глядя на раскуроченные двери, разбросанные по коридору, словно гигантские карты. «И — ни одного туза, порази Фэбээр проклятых бэтменов!»

— Гониво, — процедил Чирь Безносый. — Гляньте, вон проходы нетронутые.

— Так с пустышками, наверно. Потому и не тронутые, — вздохнул Тугодум, но чей-то острый локоть припечатал его от души. — Хотя, конечно... — протянул Лью. — Оно по-всякому может быть.

— Ну чё, поглядим, — как бы неохотно протянул Джексон. — Но ежели кто не хочет или лень кому, так пусть тут подождет, верно, ребя?

«Надо было сразу догадаться, чья это затея», — рассердился на себя Шалун. Джексон Приблуда давно уже подкладывал бомбы под власть Гарри, но тому пока удавалось обезвреживать их. Жаль, не прогнал Приблуду сразу, когда он еще не сколотил себе команду из таких, как Чирь.

А теперь ведь запросто и не выгонишь.

— Пойдем пошарим, — как бы безразлично пожал плечами Шалун. — Какая-никакая, а забава.

Он первым свернул в один из проходов, где несколько дверей по-прежнему были заперты. Зеркальные металличе-

кие поверхности поблескивали, чуть тронутые инеем, хотя кое-где уже начали подтаивать; влажные струйки стекали вниз — и казалось, будто двери плачут. Гарри пропустил парочку дверей для тех, кто шел следом, наконец остановился напротив одной, с табличкой «g-p 45870». Направил на дверные петли огнеплюй и до упора вдавил спусковой крючок.

Работенка предстояла жаркая и скорее всего пустая. У бэтменов, говорят, есть раб, который умеет читать *предсмертные* письма. Вот эти подонки нашли, наверное, где-то список здешних замороженных и узнали, кого имеет смысл выковыривать, а кому жить пару часов или кто немощный настолько, что лучше не тратиться. Они «пустышки» оставили, а ты теперь раскурочивай их, жги батареи огнеплюев!..

С оглушительным грохотом дверь «g-p 45870» рухнула наружу. Гарри вошел в узкую камеру и нажал нужные кнопки, чтобы тело, лежавшее здесь в ванне, начало оттаивать. Слышно было, как падают в коридоре другие двери, кто-то уже ругался, увидев, что нашел либо слишком увечного, либо слишком старого раба. Шалуну вроде попался крепкий. Он разглядывал бородатое морщинистое лицо, пока магия Хники возвращала раба к жизни.

— Что у тебя? — заглянул в проем Тревор Колеснутый.

— Неясно еще.

— А у меня — старье, я даже разморозку не запускал. И у многих такая ж беда. А вон Джексону подфартило: жилистый дядька попался, видно сразу, что из выносливых. Этот долго протянет.

Гарри только сплюнул себе под ноги. Что тут говорить! Надо было гнать Приблуду, надо было!..

— Гля, твой вроде оживает.

Шалун хмыкнул и потянулся за хлыстом:

— Ожива-ает. Ща мы...

Отмороженный раб начал, как обычно, с глаз в сливу величиной и дурацкого лепета.

— Кто вы такие? Где я? Где врачи? Меня же нужно срочно оперировать, разве вам не сказали?

— Ты раб, — процедил Гарри. — Это главное, что тебе нужно запомнить. А теперь — чё ты там про операцию мямлил?

— Я лег в криованну, потому что в мое время не было технологий... понимаете, я болен, врачи сказали, что в будущем наверняка изобретут, нужно только время... потом — изобретут... то есть что я говорю, уже, а не потом! Раз вы меня разморозили...

— А если не изобретут? Долго протянешь?

— Как не изобретут? — Кадык у бородатого забежал туда-сюда суетливой мышью. — Но мне обещали... мне же жить — не недели даже, дни!

— Тухляк, — сочувственно, но в то же время со скрытым удовольствием подытожил Тревор. — И тебе тухляк попался.

Озlobясь, Гарри чиркнул хлыстом по бормотавшему несущую отморожку.

И еще.

И еще!

— Не расстраивайся так, Шалун. С кем не бывает, — почти искренне посетовал Джексон. За спиной у него два раба пристраивали новенького на носилки и пихали в рот живительные пилюли. — Давай я тебе своего подарю. Мне повезло — всего-то. А раб хороший, пригодится. Я скажу, мои тебе отволокут его.

Гарри раздумывал, как же ответить, чтоб покруче и пожестче, а Джексон, подлюга, уже ушел.

— Вызови ты его на Игрищах, а? — предложил Тревор Колеснутый.

— Там видно будет, — буркнул Гарри, поправляя ритуальную бороду. — Тебя как зовут, раб?

— Он без сознания, — сказал Донал-Раб. — Такое случается...

— Сам знаю, что случается! — замахнулся на него хлыстом Шалун. — Отнеси и передай его Миль-Рабу, вели, чтоб доставил в мой белдом. А мы еще тут пошарим, а, Тревор?

— Нет здесь больше ничего. — Джексон, оказывается, никуда не уходил, а просто стоял по ту сторону дверного проема, в коридоре. — Ребята все разгребли — сплошь пустышки или тухляки. Пора возвращаться.

— Возвращаемся! — громко, чтобы все слышали,скомандовал Гарри. Хотя, конечно, кое-кто слышал и то, что первым про возвращение заговорил Джексон. — А этот, — указал он на раба, — будет Безум-Рабом. Раз он без сознания...

И Шалун захохотал над собственной шуткой — пусть и было ему, Фэбээр — свидетель, совсем не до смеха.

Рабы

Ночь — время рабов. Когда небо отсвечивает тусклым багрянцем, когда кусни-беспредельники шныряют по улицам, сшибаясь друг с другом в яростных схватках за обладание самкой, когда твой хозяин спит, нажравшись просроченных консервов и напившись протухшей колой, — тогда твой час, раб.

Миль потянулся и через прутья достал откатившуюся к клеткам крышечку. «Поздравляем! Вы выиграли поездку в...» Часть надписи расплылась бурым пятном — не прочитать.

Миль отложил свою добычу в дальний закуток загона, где под отошедшей кафельной плиткой хранил разный хлам. Скорее всего не понадобится — но вдруг?..

— Приходит в себя, — шепнула Джесси.

Он подошел к лежавшему на ворохе одеял новичку и заглянул в испуганные глаза.

— Добро пожаловать в наше светлое будущее.

— Где я? Я умер, да? — Хриплый смешок. Голос звучит немного невнятно, как обычно и случается у «свежедобытых». — Всегда представлял себе ад по-другому.

— Ну уж какой есть, приятель, — развел руками Миль. — Только насчет «умер» ошибаешься. Ты живой, а теперь еще и размороженный. И ты — раб, как и все мы.

— Какой раб?

— Обыкновенный.

— Чей?!

— Вон, видишь.

Новичок проследил за его рукой.

— Но это же дети. Подростки, вырядившиеся в Санта-Клаусов!

— Схватываешь саму суть, — ухмыльнулся Миль. — Они так себя и зовут: племя сантаклаусов. А есть еще бэтмены, джедаи, рекламмы, хакеры, попкорны, микки-маусы...

— Что за бред? Вы шутите, да? Это сон? Я лег в криованну, чтобы... увидеть, как будут жить мои внуки...

— А я здесь — от института, в качестве эксперимента... Как в тюрьме, ей-богу! «А ты за что сидишь?» — Миль обвел рукой все пространство: уходящие в полумрак ряды клеток, в проходах между ними спящих мальчишек. — Только это не бред — это ад. Мы все возроптали на судьбу, которая у нас была, и решили переспать со временем. А нас, считайте, наказали за это. Те, кто неизлечимо заболел, но мог прожить еще год, два, десять лет, однако решил вместо этого отправиться в будущее, — они теперь умирают сразу при пробуждении или немного позже, от издевательств, побоев, в клешнях беспредельников. И уж тем более получили по заслугам мы — те, кто хотел попасть в будущее из любопытства или жадности. Вот оно, наше будущее. Нравится?

— Нет. — Новичок закашлялся и попытался привстать.

С помощью Джесси Миль усадил его и велел:

— Пытайся заново научиться управлять телом. Если не сумеешь за два-три дня — тебе крышка. Если сможешь — проживешь чуть дольше. И благодари Бога или в кого ты там веришь, что попал именно к сантаклаусам. Эти не самые жестокие. Бэтмены, например, сбрасывают негодных рабов с небоскребов.

— Но... что случилось? Когда я ложился в ванну, в мире... нет, спокойно-то не было, но и ничего подобного... никто и помыслить не мог! Что с правительством? А полиция?

— Забудь о правительстве. О полиции — тоже забудь. Джесси тебе сейчас даст бульону, пить будешь медленно, глотками. Катай его во рту, чтоб слюна выделилась пообильнее и в желудке заурчало. Потом глотай. ...А что случилось — никто не знает. Ясно только, что взрослые после этого «чего-то» не уцелели, одни пацаны и девчонки, не старше десяти—двенадцати лет. Нас-то они уже потом догадались из ванн вытаскивать.

— А почему вы — рабы?

— Мы — рабы, — поправил новичка Миль. — Так уж нам подвезло. Ребятишки играют по своим правилам. Знаешь, откуда они взялись по их же представлениям? Одних сотворил

могучий Бэтмен, других — Хакер, третьих — Попкорн. И так далее. Культ тотемов на новый лад, вот что мы имеем. А есть еще великий грозный бог Фэбээр и прочие такие же непостижимые небожители. Вот один из них, которого, кстати, Дицина зовут (ничего не напоминает?), — он взял да создал для малых сих рабов. В подмогу, так сказать. Устроил целые, понимаешь, хранилища тел — только размораживай да пользуйся! Вот они размораживают и пользуются.

— Но вы же взрослые люди! Вы умнее, образованнее. Сильнее!

— А ты — сильнее? — хмыкнул Миль. — Да когда человека вытягивают из ванны, с ним можно делать что угодно! И даже потом — слишком ли ты подоказываешь этим ребятишкам свою правоту под прицелом огнеплюя? Я уже не говорю о том, что в льдосейфы ложились отнюдь не боксеры со спецназовцами, а совсем наоборот.

— Хорошо, сразу после ванны не стоит. Ну а как-то сговориться между собой...

— Бунт устроить, да? Пытались, и не раз. Думаешь, нам в радость подчиняться каким-то соплякам, агрессивным, безжалостным и попросту тупым?

— Ты не прав, Миль, — сказала Джесси.

— Я — прав. — Каждый раз они играли с ней этот диалог, и каждый раз Миль искренне начинал верить в то, о чем говорил. — Ты же сама видела, что Гарри учинил с тем человеком!

— И что насчет бунта? — напомнил новичок. Похоже, он немного очухался. То ли сработали те пилюли, которыми обычно пичкают размороженных, то ли просто крепкий парень попался. «Хотя, — поправил себя Миль, — этому лет под сорок будет — не тянет на «парня». Как-то уж так получилось, что все мы, проснувшиеся в этом аду, староваты для таких приключений».

— Насчет бунта? — переспросил он. — А ты браслетики видел? Ошейник? — Миль показал те, что были у него на руках и на шее, потом коснулся запястий новичка. — Может, ты не чувствуешь еще, но у тебя — такие же.

— Пластмасса?

— Сверху. А внутри — металлический корпус, начиненный электроникой. Пока мы там у себя спали, они здесь изобрели новый вид развлечений. Вместо виртуальных шлемов и

перчаток эти вот штуковины. Мы здесь ограничены в передвижениях, но кое-что удалось выяснить. Раньше, видать, браслеты и ошейники использовали во время киносеансов и тому подобных развлекательных мероприятий. Там был целый комплект таких висюлек, но наши «хозяева» решили, что хватит и этих. С несложного пульта на носителя транслируются ощущения разной силы и в самом широком диапазоне: от экстаза до невыносимой боли. Принцип кнута и пряника в усовершенствованном варианте. Можешь поверить, ребятаки принимают и то, и другое безо всяких угрызений совести.

— Что, на каждого свой пульт?

— В принципе да, но есть возможность несколько ошейников подключить к одному транслятору. Так что старайся не злить хозяина, а то достанется всем нам.

Джесси посмотрела на него с укоризной:

— Перестань. Дай человеку прийти в себя.

— А что я, по-твоему, делаю? — Этот разговор повторялся всякий раз, когда им приходилось выхаживать очередного размороженного. Они играли свои роли, раз за разом играли роли, которые им до смерти осточертели! Но по-другому — нельзя. Во-первых, нет времени подавать новичку информацию по капле, как бульон. Во-вторых, от обилия новостей и их беспробудности многие впадают в такую апатию, что становятся словно растения. А это — верная смерть. Не сегодня-завтра Шалун захочет проверить, на что годится его новый раб.

Вот и приходится таким способом заставлять новичка приходить в себя.

— Переверни-ка его, — велел Миль Джесси. — Мы тебе, любезный, массажик сейчас сделаем, чтобы мышцы почувствовал и кровь хоть немного разогрелась. В этих ваннах, конечно, во время разморозки в человека автоматически впрыскивается прорва разных веществ, иначе при оживлении ты б не то что говорить — веками бы двинуть не мог. А все равно, когда первая волна откатывает, люди в кисель превращаются. И мы им еще тут добавляем «последними новостями». Учти, здесь не лазарет, времени на восстановление дают всего ничего. Не оправдаешь надежд — в расход; мальчишки у нас суровые. Это девицы из Ньярка, говорят, помилосерднее. Но они к себе только женщин берут, и то не всех, так что это Джесси есть на

что надеяться, а нам с тобой, уважаемый, фортуна таких карт не сдаст. Да и до Ньярка — далековато.

— Они же не из одной только жестокости, — покачала головой Джесси.

— Не из одной, — согласился Миль. — Можно даже сказать, из самой что ни на есть жизненной необходимости. Как справедливо заметила моя коллега, они же дети. Таскать огнестрельное им еще удастся, а вот остальные вещи — нет. Для того в основном мы и нужны. Тут ведь, любезный, жизнь далеко не сахар.

— Это я уже понял.

— Ни хрена ты не понял, — почти ласково сообщил ему Миль. — Думаешь, попал в дурацкую версию какой-нибудь SF-книжонки про постъядерное будущее, где только-то и разницы, что ребятня захватила власть? Не надейся, всё во много раз круче. Пацаны ведут себя так, потому что хотят выжить. Только не подумай, что я их оправдываю. Но когда через город проходит миграция саблезубых крыс или когда с небес падает инфляция...

— Что падает?

— Инфляция. Типа манны небесной, только если манну жрать можно было, то эта погань сама жрет любую органику, которая ей попадется. Вообще все, до чего дотронется; хорошо хоть, ползать оно не умеет. А как сожрет, так вздуться начинает. Надуется — лопнет, споры разбрызгает вокруг. Те подсохнут — подожрут остатки матушки и давай в небо подыматься. Ветер поймает, полетят в другие места харч добывать.

— Как же вы спасаетесь?

— По-разному. Огнем и мечом, как говорится. Племена кочуют, устраивают разборки между собой, сражаются с тварями, добывают пропитание и рабов. А рабы стараются выжить — те, само-собой, кому удастся стать рабом. Джесси, помассируй-ка ему ягодицы, не стесняйся, ему сейчас не до того. Давай-давай, скоро ночи пшик настанет, а Гарри вчера очень зол был. Лучше бы нам подготовиться и ждать... разного.

— Кажется, заснул, — шепнула Джесси.

— Ну и ладушки. Здоровый крепкий сон — как раз то, что ему сейчас нужно. Не столько даже телу, как мозгам, чтоб крыша набекрень не съехала от переизбытка впечатлений... Думаешь, выживет?

— Увидим, — отозвалась Джесси, пожимая плечами. Ей было не привыкать к смертям вроде бы уже оживших и восстановивших силы рабов, Фэбээр свидетель!

К тому же с некоторых пор она не сомневалась: им, умершим, там лучше, чем здесь, — где бы это «там» ни было.

Глава вторая

САНТАКЛАУСЫ

— Пора сваливать, — сказал Чирь Безносый. — Вчера Джордж-Плешь видел следы зубов на телеграфном столбе. А сегодня с утра ушел в тот район за консервами — и до сих пор не вернулся. Бородой чую...

— Где ж она, твоя борода? — прервал его Гарри. После похода к льдосейфам прошло два дня — и каждый из них был гаже предыдущего. В племени что-то намечалось, что-то очень и очень паскудное. Подлянка в том, что Гарри не мог точно засечь, в чем дело. Ну... вроде шепотки какие-то за спиной, которые смолкают, когда он входит в комнату; взгляды чё-то чересчур уж наглые; приказы исполняются с этакой вызывающей ленцой... Тут еще и Плешь, безмозглая его башка, запропал! А ведь он из тех, кто всегда поддерживал Шалуна.

Теперь вот Чирь вдобавок воздух портит...

— Все твои предчувствия — с твою же бороду, — подытожил Гарри, и ребята захохотали. Обошлось вроде, переиграл расклад в свою пользу.

Это сегодня — а завтра что?

И насчет Плеши, если задуматься, Чирь прав. Джордж говорил вчера про те следы зубов — очень, уверял, похожи на отметины самцов саблезубок, которые они оставляют, когда территорию метят. Коли так, делать надо ноги из этих краев, и как можно резвее. Потому что эти самцы — разведчики, они меты ставят для тех, кто за ними придет, для всей стаи.

...Но уж больно шикарное место попало в этот раз сантаклаусам — когда еще такое надыбаешь? Миль-Раб его ин-

тернатом называет, говорит, здесь раньше учились. А в клетках, мол, зверей держали, для потехи.

Что потеха — точно! Долго бы он саблезубку в такой клетке продержал, а? Хотя складно врет, слушать его кайфово, если припадок нудягу не хватит; когда начинает совсем завираться и беситься, тогда сразу на пультике кнопку жми да приказывай другим рабам, чтоб обратно в клетку тащили.

Миль-Раб — не саблезубка, ему такие прутья не по зубам; проверено.

...Сегодня они какие-то притихшие, рабы. Может, тоже чуют опасность?

Переглядываются, пальцами в воздухе стригут (думают, Гарри не видит! — а Гарри всё видит!). Один вон, который Джексону принадлежит, вообще в угол клетки забился, глазами вращает испуганно.

И сантаклаусам их настроение вроде передалось. Даже когда Гарри Чиря обломал, смеялись они как-то невесело, словно сами себя обдурить этим смехом пытались. А закончилось трепалово — разбрелись кто куда, из окна выглядывают во двор, огнеплюи чистят, трое в картишки перекинуться наладились, да чё-то вяло, без азарту. Режутся, как рабы, что повинность отбывают.

Эхма, скучно сегодня! Надо б поразвлечься и сантаклаусов развеселить. Заодно бы неплохо нового раба, Приблудой подаренного, проверить на пригодность. Два дня вылеживался — хватит. Если окажется, что хилый попался, так Гарри только порадует. Скажет при всех Джексону: мол, хороший у тебя подарочек был, только, жаль, из тухляков.

— Ну-ка, — сказал он. — Безум-Раб — на выход!

И клетку открыл, одной рукой на всякий случай огнеплюю придерживая. Старые-то рабы умные, а новье иногда норовит хозяину в глотку вцепиться или там пультик от ошейников отобрать. Конечно, когда вокруг столько сантаклаусов, ничего бы у Безум-Раба и не вышло, но Шалуна только не хватает еще, чтоб его какой-нибудь тощяга (Джексоном подаренный!) с ног сбил.

Хотя стоило Гарри заглянуть в глаза Безум-Рабу, и стало ясно, что новенький кидаться не станет. В курсе уже про пультик и про то, чего в таких случаях бывает.

А все ж с огнеплюем спокойней как-то.

— Выходи, выходи! Эй, ребя, в гонки разомнемся?

Они вяло зашевелились, заоглядывались.

— Да можно... — протянул кто-то, вздыхая.

— На третьей скорости, — небрежно проронил Гарри. — Доставайте колеса, ребя. Миль-Раб, — повернулся он к клетке, — объясни новую, в чем прикол.

Те зашептались, а сантаклаусы уже потянулись на площадку. Здесь же, во дворе «рабятника», как раз была подходящая: ровная, в меру большая.

Гарри проверил свою гоночную машинку: включил, прислушался к жужжанию моторчика... нет, кажется, батарейки еще не сдохли, это хорошо. По нынешним временам новые фиг достанешь, а без колес — какая развлекуха? У дюраселей же выменивать — себе дороже встанет.

— Ну, объяснил?

Миль-Раб кивнул. Безум-Раб несмело оглянулся на него, потом вышел на середину площадки — сутулый, подслеповато моргающий. Гарри с легкой досадой подумал, что особо-то позабавляться и не выйдет: этот дохляга недолго продержится. Если один долл добудет — и то хорошо.

Машинки уже выстроились с двух сторон площадки; нетерпеливый Тугодум Лью заранее включил мотор и просаживает батарейки, остальные ждут сигнала.

Гарри поправил бороду и махнул рукой: мол, давай! Сам он тоже поставил свою гоночку вместе со всеми и долл поцепил на шестке вроде флажка. Теперь задачка Безум-Раба — надергать как можно больше «зеленых», а машинки-то на месте стоять не будут. А сантаклаусам — им не только уворачиваться (но и атаковать, иначе трусом прослывешь!) надо, каждый ведь норовит опрокинуть машинку своего противника. Вон Приблуда, гляди, так и целится в гоночку Шалуна!..

Некоторое время над площадкой раздавалось грозное, надсадное гудение моторов. Безум-Раб, как Гарри и ожидал, оказался тем еще растяпой. Он вообще не пытался сорвать доллы с шестков, а всё больше уворачивался от машинок! Одно слово — Безум!

Гарри, в свою очередь, был целиком увлечен ведением машинки — в самой гуще «тучи», но так, чтобы не получить удар в бок от Джексона или его дружков. Забава выходила та еще, сантаклаусы вмиг позабыли о своих дурных предчувствиях и

кислом настроении. А когда Безум-Раб неожиданно ловким движением сорвал долл с машинки Шалуна...

В общем, неудивительно, что скоро даже дозорные сбежались поглазеть на гонки. Если б не Миль-Раб...

Гарри услышал крик: «Саблезубки!» — но принял за чье-то ругательство. Какие, блин, саблезубки, если ребята стоят на страже?!

А вот такие: голодные, яростные, прыгающие отовсюду! Спасайся кто может!

— Огнеплюю хватай!

Ага, только где они? А эти твари уже туточки, да крупные какие, некоторые Шалуну по пояс! Чешуя на них переливается, махонькие глазки злобно блестят, по клыкам уже стекает чья-то кровь. Так всегда бывает, это их обычный маневр: прыгать, кусать, отскакивать и снова кусать. И так до тех пор, пока жертва не обессилеет от боли и потери крови.

Топча машинки, Гарри побежал к своему огнеплюю, который оставил прислоненным у стены. Знал, что почти наверняка не успеет, а все-таки побежал. А что еще прикажете делать?! Не ждать же, пока эти твари сожрут тебя!

Он уже был в двух шагах от огнеплюя, когда одна саблезубка прыгнула навстречу. Шалун машинально швырнул в нее первое, что попало под руку, и только потом сообразил, что это был пульт управления ошейниками! Чтоб ты террористы подорвали, вот же облажался!

Тем более саблезубка на пульт и внимания не обратила, только головой мотнула, уворачиваясь. Пластиковый корпус заскользил по полу и ткнулся прямо в ноги Брюс-Рабу.

Всё! Кранты! Этот — крепкий орешек, его не запугать. Если еще догадается, как снять ошейники...

— Освобождай! — завопил позади Безум-Раб. — Давай освобождай нас, чего ждешь!

Ну погоди, тухляк, дай только уцелеть! Я тебе покажу «освобождай»!

Саблезубка наконец прыгнула. Но еще в воздухе в нее врезался Брюс-Раб, повалил, вцепился в чешуйчатое горло голыми руками. Они катались по полу, она — истошно визжа, он — молча, только выступали под грубой кожей напряженные мышцы.

Гарри спешно подобрал пульт и подхватил огнеплую. Огляделся: кое-кто из сантаклаусов тоже успел к оружию и теперь вовсю поливал пламенем мерзких тварей. Жаль, некоторым не так повезло, но о них Шалун подумает потом, а сейчас...

— Устроим им пустынную бурю! — завопил он, направляя струю огня в Брюс-Раба и саблезубку. — Давай, ребя!

Потеха вышла что надо — лучше, чем с гонками! Святой Дисней был бы доволен!

Рабы

— Не шевелись. Полежи спокойно.

Детский голос хнычет:

— ...болит!

— Потерпи. Скоро пройдет. А станешь вертеться — еще хуже будет.

— ...больно!

— Тише, тише. Давай-ка я расскажу тебе сказку.

— А что такое «сказка»?

Рабы лежат чуть поодаль: в бывшем зале ожидания места хватает для всех. Непонятно, как он уцелел, и непонятно, почему другие «племена» не устроили здесь свое убежище — с белдомом президента, с загонами для рабов и прочим. Может, потому что слишком уж велик зал, слова здесь разносятся далеко, звучат гулко... как в старом доме, из которого все съехали.

— Они не знают, что такое «сказка», — прошептал Безум. — Господи!..

— Лежи, не дергайся. — Миль мягко опустил руку ему на плечо и кивнул Джесси: мол, продолжай. Неясно, видела ли она его кивок в полумраке, но это и не важно. Джесси знает, что делает.

— Сказка — это такая история. Которой взаправду не было, но которая...

— Глупо. Если не было — тогда зачем врать? — спросил Норм. Голос его казался тусклым... мертвым.

Миль очень надеялся, что мальчика удастся выходить, хотя после укусов саблезубок выживает один из десяти. Хорошо хоть, дети позволили рабам ухаживать за Нормом, а Джесси на позапрошлом переходе наткнулась на аптеку, в которой и обнаружила нужные лекарства. Джесси — она легла в криованну позже, чем прочие, и к тому же была когда-то врачом-педиатром. Только сама вот детей иметь не могла. Потому и отправилась в «заморозку» — надеялась дожидаться отмена закона о клонировании.

Дождалась.

— Зачем? Так интереснее. Ну слушай. Давным-давно в одной далекой стране жил-был маленький мальчик. Родителей у него не было, только старая бабушка.

— Эй! Что такое «родители»? И что такое «бабушка»?

— Как они могут не помнить этого? — изумленно прошептал Безум. Сейчас он позабыл и про собственную боль, и про то, что вытворял с ним утром Гарри Шалун. — Как они могут не помнить?!

— Могут, — скупно проронил Миль.

Безум замолчал. Думал? Или заново переживал сегодняшнее утро?

...Со дня нападения саблезубок прошла неделя, в течение которой сантаклаусы находились в непрерывном движении. Саблезубки, конечно же, следовали за племенем по пятам и лишь выжидали подходящего момента. Это у них обычная тактика: жертвы после атаки, как правило, не долго протягивают, обессилевают, и тогда-то твари берут свое. Сантаклаусы за неделю лишились двоих, погибших от ран... Вполне возможно, что Норми станет третьим.

А Безум — четвертым.

...Гарри, разумеется, не забыл его выкрика «Освобождай!». Просто не торопился с местью — да и некогда было, всю неделю племя уносило ноги от саблезубок: рабы волокли кладь и раненых, сантаклаусы — огнеплюи, готовые в любой момент отразить очередное нападение. Правда, твари так и не атаковали; убедившись, что с племенем легко не разделаться, они ушли. Вовремя — еще сутки, и сантаклаусов можно было бы перерезать, как слепых котят: все выдохлись настолько, что даже не оказали бы сопротивления.

И тогда-то Шалун припомнил Безуму всё.

Кое-кто (Миль — в числе прочих) удивлялся потом, что Безум выжил и не сошел с ума. Гарри умеет вытворять с помощью пультика многое, очень многое — и сегодня он был в ударе. Одни его «розгалики» чего стоили!..

Впрочем, Шалун не убил Безума сознательно: сейчас, когда племя в таком тяжелом положении, это невыгодно, да и жизнь иногда мучительнее, чем смерть, — что Гарри уже усвоил. Безум — тоже усвоил наверняка.

Глядя на его блестящие во тьме глаза, Миль попытался понять, что же удерживает новичка от смерти или от сумасшествия. Неужели одна только ненависть?

И о чем он размышляет, глядя в потолок? Вспоминает то, что увидел за эту неделю, — новый, «дивный» мир? Пожалуй, ничего нового: стереофильмы, посвященные возможным катастрофам будущего, не раз демонстрировали подобное. Да и не так уж всё разорено, как могло быть. Более того, в двадцати случаях из ста разорения причинены стихией, в остальных — детьми во время игр или сражений за территорию, за продуктовый склад, за криованны...

Миль не стал рассказывать об этом Безуму, новичка и так сильно впечатлило то, что он узнал о новых временах.

— Значит, они забывают.

— Что?

— Говорю, они со временем забывают о детстве, — прошептал Безум из темноты. — Про родителей, про сказки... но ведь не все они из сиротских приютов, так?

— Так, — нехотя признал Миль. Хотя... рано или поздно новичок все равно догадался бы.

— Сколько им лет, Миль?

— Не знаю.

— Перестань! Может, ты не знаешь возраста каждого, но ты понял, о чем я спрашиваю, верно?

— Да, — сказал он после долгой паузы. — Ты прав. Они живут... намного дольше, чем должны были бы. И они... не взрослеют. Ни здесь, — Миль постучал себя по лбу, — ни физически. Ни один не достиг половой зрелости. Они — дети. Вечные дети. Адамы и Евы до грехопадения, если хочешь. Они не вкушали от дерева Добра и Зла.

— А вот от дерева Вечной Жизни, похоже, вкусили.

— Да, и это меня пугает. У них не было своего Змея, который бы проклял их временем и старением. Иногда я думаю, всё началось именно с нас — с тех, кто лег в криованны. Именно тогда что-то сдвинулось в мире. — Казалось, Миль говорит не для Безума — для самого себя. — Что-то очень важное надломилось, выгнило из середины. Наша страна не успела стать для этих детишек Змеем. И в результате, как видишь, мы оказались в рабских ошейниках... в полуразвалившейся хижине дядюшки Сэма!

— Они не дети, Миль!

— Что, прости?

— Они не дети! Посмотри правде в глаза, вы все — посмотрите! Это совершенно другие существа, в них не осталось ничего от детей... даже от людей почти ничего не осталось.

— Ты ошибаешься. Просто ты привык к другим детям — а я вырос в бедной семье и помню своих приятелей по улице. Не слишком-то они отличались от нынешних; разве только жили не так долго.

— Хочешь стать для этих змеем-искусителем? Или искупителем-мессией: на крест, но все чужие грехи унести с собой? — Безум усмехнулся, прорезав темноту кривой улыбкой. — Боясь, ни черта у тебя не получится.

— Посмотрим... А чего бы хотел ты?

— Справедливости, — прошептал Безум уголком окровавленного рта. Едва подсохшая рана вновь открылась, но он не замечал этого, рассеянно вытер рукой черную струйку и повторил: — Справедливости! И — начать всё сначала. Но без этих... чудовищ.

Безум закрыл глаза. Он представлял себе, как восстановит правильный порядок, как вернет всё на свои места.

О да, этот их Святой Дисней будет доволен, вполне!

Глава третья

САНТАКЛАУСЫ

Ньярк с последнего раза ничуть не изменился. Разве что исчезли некоторые небоскребы — наверное, бенладды пострадали. Эти твари, насколько знал Гарри (сам-то он ни одного не видел), обычно приходили откуда-то из-под земли и за не-

делю-другую превращали в пыль даже бетон; особенно же охочи были до стекла. Их амерзонки так и ловят, на стекло. Санта-клаусы, пока шли по Ньярку, уже несколько раз видели эти ловушки, но все оказались пустыми...

И еще, конечно, в городе было чересчур много других племен. Шалуна доводилось навещать сюда не только во время Лимбийских Игрищ — в такие дни Ньярк казался мирным и уютным местечком... нынче же он напоминал логовище расстроженных вампатов. Оно, конечно, распоследний дурень знает, что в Ньярке, тем паче во время Игрищ, применять оружие запрещено, да и вообще в открытую наезжать на другие племена нельзя. Но тот же таки распоследний дурень в курсе, что, кроме прямых наездов, существует много способов испортить жизнь своим будущим конкурентам.

Конечно, амерзонки строго следят за порядком и соблюдением Демституции. Весь Ньярк — ихняя территория, и хоть амерзонок меньше, чем всех племен, вместе взятых, в этом-то и загвоздка. Племена никогда не будут «вместе» — и поэтому амерзонки управляют с Ньярком и диктуют свои условия.

По правде сказать, Шалуна, как и многих других президентов, такой расклад вполне устраивал. Ньярк — слишком уж большая территория; конечно, богатая, но и опасная. Его удерживать — то еще свербилово для головы. Опять же, кому доверить судейство Игрищ? Своим таким же? — вдруг смухлюют?! А амерзонкам смысла мухлевать нет: они в Игрищах не участвуют, за Приз не борются. Им главное, чтоб порядок был. К каждому племени приставляют по три-четыре мобилизованные девчонки, причем Гарри так и не удалось разузнать, как именно они между собой мобилиятся (тем более — на этикие-то расстояния!). Миль-Раб бормотал про «тилипатию» какую-то, но толком ничего не разъяснил, а амерзонки, ясное дело, помалкивают.

Они и теперь идут молча, две рядом с Гарри, две — позади сантаклаусов. Патрулируют. Наблюдают. Если вдруг что — сразу доложат своей предводительнице. И меры примут — мало не покажется!

«Ну и пусть», — думает Шалун. Нарушать Демституцию он не собирается и сантаклаусам велел, чтоб вели себя как полагается. Потом, если выпадет случай, пару-тройку веселостей кой-кому из конкурентов они устроят, но сперва...

Сперва — навестить Шаманку. Снять заклятие Великого Облома, спросить о будущем, посоветоваться.

Улица выводит их на лысый взгорок, свободный от домов. Отсюда виден залив, весь в белых пятнах от чаек; из воды по-прежнему выглядывает венец Рогатой Богини и ее рука с порцией мороженого. Если верить легендам, только Президент всея Земли сможет заполучить это мороженое; Гарри, конечно, на такие байки не ведется. Мороженое-то не настоящее, а из бетона или камня, — а если б даже превратилось в настоящее, сколько ж дней надо будет его есть?! Бред! Сказочки!

До дворца Шаманки отсюда рукой подать. Позади недовольно ворчит Приблуда. На всем пути к Ньярку он вел себя тише воды ниже травы — то ли выжидал подходящего случая, то ли в самом деле подзавял. Дорога на Игрища была долгой — и потрудней, чем в прошлые разы: с одной стороны, хватало стычек с опасными тварями, с другой — случилось несколько «горячих» встреч с чужими племенами. От бэтменов вообще едва сбежали, хорошо хоть, оказались в пределах территории амерзонок, где «вечный мир» и «конфликты запрещены», — тем и спаслись.

Теперь, когда стало поспокойней, Шалун снова принялся подкладывать под Гарри бомбы. Поселили их по решению амерзонок в «Х'тоне» — Шалун бухтит, мол, несправедливо! Других, мол, на лучших этажах или поближе к месту Игрищ, а тут!.. Пошли к Шаманке — опять недоволен: на кой, мол, таскаться к этой рабыне?! разве она чего толкового скажет?!

Само собой, шепчет он это украдкой, чтоб не услышали амерзонки, но свои-то, конечно, разбирают его треп. И поневоле задумываются: может, Приблуда в чем-то прав?

Ну, насчет «Х'тона», конечно, никогда не угадаешь. В нем амерзонки селят почти все главные племена; это уж которых поплоче — в других местах. А этажи — ну что этажи? Кого-то выше, кого-то ниже — совсем еще ни о чем это не говорит!

Шаманка... здесь другое. Кто видел — понимает, кто не видел... увидят.

Потому как пришли уже.

...Дворец Шаманки был громадным и чудным, с каменными зверюгами вдоль лестницы, массивными дверьми и гулками коридорами. Стены блестели небитым стеклом, что застав-

ляло Гарри всякий раз вертеть по сторонам головой и сожалеть об огнеплюях, оставленных у входа по требованию амерзонок. В конце концов, ему не очень-то хотелось столкнуться нос к носу с бандой голодных бенладдов, и даже мысль о том, что дворец простоял целехоньким не один сезон, слабо утешала. По правде-то сказать — не утешала вовсе!

Так вот, о стеклах вдоль стен. За блестящей, отражающей фигуры сантаклаусов поверхностью хранилось множество разновсяких штукювин. Некоторые казались никчемушными и бессмысленными, некоторые напоминали огнеплюю или другие вполне толковые вещицы, а некоторые... Ох, воля б Шалуна — прошелся бы он по ним пламенной струей! Было в них что-то такое, что заставляло Гарри содрогаться, пробирало до костей, вызывало в памяти какие-то образы, слова, лица... За несколько своих походов к Шаманке Гарри уже накрепко запомнил, где именно лежат те вещи, и теперь, проходя мимо них, ускорял шаг и старался смотреть прямо перед собой.

Помогало, по правде сказать, не очень. Память, как желудок, когда съешь чего-нибудь несвежего, сама начинала урчать и бурлить, голова наливалась тяжестью... Если бы не необходимость посоветоваться с Шаманкой...

«Нет, — подумал вдруг Гарри. — Эти штукювины... они зовут меня, притягивают».

Он бросил взгляд направо, где, по ту сторону стекла, обычно сидел неуклюжий плюшевый медвежонок. Чем-то он был похож на саблезубок, но не из-за этого сердце Гарри колотилось как бешеное всякий раз, когда он смотрел на медвежонка.

Сегодня за стеклом было пусто.

Шалун вздрогнул, моргнул, но не остановился ни на миг: не мог он себе такое позволить. Медвежонок и медвежонок; ну, был, ну — пропал. Не до того сейчас.

...Шаманка ждала их в огромном зале, где гулкое эхо на множество голосов повторяло любой самый тихий звук. Зал был круглый, огражденный невысокими барьерчиками, за которыми царили, отделенные друг от друга стенами, дикий лес, морской берег и какой-то невзаправдашний кусок города. И лес, и берег, и город были ненастоящие, Гарри понял это еще со второго или третьего посещения Шаманки; но казались они живыми, и даже твари или люди, их населявшие, выглядели очень натуральненько. Некоторые — еще и страшно.

Шаманка сидела на высоком троне посреди зала, спиной к городу и лицом к берегу и лесу. Время от времени каждый из трех пейзажей освещался чуть более ярко («всходило солнце») и тогда оттуда раздавались звуки волн, или крики диких тварей, или шум металла и вопли отчаек. Потом всё смолкало и гасло — и уже другой фрагмент зальной стены оживал, — и так постоянно.

Сейчас бушевало море, и тени метались по залу, как встревоженные выдрели. Шаманка, окруженная почетной гвардией амерзонок, восседала над этим беспорядком и ни капельки не обращала на него внимания. Наверное, уже привыкла.

Она даже ухитрилась расслышать сквозь громоухание прибоя шаги сантаклаусов. Повернув к вошедшим свою темнокожую, совершенно лысую голову, Шаманка проронила:

— Ты привел все племя, Гарри.

— Да, — подтвердил он, торопливо поправляя ритуальную бороду. Другие ничего не заметили за черными стеклами ее очков, а сам Шалун давно знал, что Шаманка слепая, но уже не удивлялся ее способностям.

Несколько ударов сердца он смотрел в эти темные стекла и видел там свое искривленное отражение. Потом не выдержал и отвел глаза.

— Я пришел за советом... — громко и по возможности с достоинством произнес Шалун.

И хотя Шаманка, судя по размерам и голосу, была рабыней, тихо добавил:

— ...госпожа.

Рабы

— Кто она такая? — шепотом спросил Безум.

Рабы стояли позади сантаклаусов, возле диорамы, изображавшей тропический лес. Некоторые из них внимательно прислушивались к тихому разговору Шалуна и Шаманки, но большинство переговаривались между собой или изумленно глазели по сторонам. Многие оказались здесь впервые и не могли поверить, что посреди всеобщего хаоса и безумия этот музей уце-

лел и даже подключен к какой-то — тоже уцелевшей! — электростанции.

— Объясни ему, Миль, — попросила Джесси.

— В ваши времена еще не существовало Острова Женщин? — спросил он у Безума.

— Прости, о чем ты?

— То есть не существовало. А ведь он оказался вполне логичным следствием всеобщей феминизации. Едва ли не впервые за сотни веков женщины снова создали общество, которое было ориентировано в первую очередь на их интересы, устроено так, как хотелось им.

— Матриархат?

— Не совсем в том смысле, который мы привыкли вкладывать в это слово. Хотя формально — да, именно он. В ваше время, насколько я понимаю, организации феминисток существовали как всего лишь одни из общественных групп, они еще не пытались захватить власть в некоторых странах, не закупали оружие, чтобы диктовать свои условия сильным мира сего... Потом одна из таких богатеньких «королев» купила себе небольшой островок в Тихом океане и устроила там свое государство, более того, заставила другие страны официально признать его.

— Это и есть Шаманка?

— Ну что ты, дружище! Нет, конечно, не она. Та давным-давно умерла, а вот ее Остров Женщин оказался поживучей... К ним относились по-разному: кто-то считал очередной блажью богатеньких сумасбродок, кто-то — вызовом замшелой морали, кто-то единственным спасением западной цивилизации... Но вот когда сторонницы Острова захватили власть в одном из наших южных штатов... о да, многие тотчас пересмотрели свое к ним отношение! И мало кто в те годы понимал, что мир изменился слишком кардинально — и к прошлому возврата нет.

— Ты говоришь о страшных вещах!

— Большинство мужчин, живших в те времена, заявили бы, что я почти ничего толком не рассказал! Да что там, многие запаниковали, когда убедились в серьезности намерений «островитянок». Но так или иначе, общее решение, которое бы хоть немного устраивало обе стороны, нашли. Его даже

начали претворять в жизнь, когда я отправился в свою криованну. Поэтому-то я не слишком боялся, что проснусь в мире амазонок.

— Но все-таки кто она?

— Она одна из потомков и последовательниц «островитянок». Мы не очень-то много о ней знаем. Ее, как и всех нас, разморозили — но ей повезло, ее разморозило племя девочек, которых она быстро взяла в оборот. Скажу тебе вот что, если ты еще сам не догадался: здесь, в Ньярке, мир устроен совсем по-другому. И те племена, которые кочуют по территории бывших Штатов, по сути, пляшут под дудку этой вот дамы в черных очках.

— И она не помогла вам освободиться?!

— Тише, дружище, не нужно так кричать. Конечно, не помогла. Ты невнимательно слушал меня — теперь и прежде. Дети не выживут без нас, Ньярк всех не прокормит — нам все равно пришлось бы вести кочевой образ жизни, лавируя между волнами миграций саблезубок и сезонами инфляционных атак. И в этих кочевьях мы делали бы то, что делаем сейчас: переносили бы тяжести и выполняли самую грубую работу, и именно дети прикрывали бы нас с оружием в руках. Разница в том, что на нас не было бы ошейников, а у них — возможности приказывать нам.

Безум сплюнул и презрительно посмотрел на своего собеседника.

— О да, небольшая и несущественная разница, так потвоему?

Миль оттолкнул его подальше от Шаманки, прижал к ограде диорамы и, ухватив за воротник, как следует встряхнул:

— Да ты полный болван, дружище! — Слова прозвучали тихо и почти по-приятельски. Казалось, Миль растолковывает, в чем соль анекдота, который Безум не понял с первого раза. — Вспомни, во что обошлась нам дорога до Ньярка! Вспомни, сколько раз мы вскрывали льдосейфы и заменяли погибших во время пути взрослых-рабов на других таких же! Вспомнил?! А теперь добавь к этому вот что: ни один из нас, переспавших со временем, не может иметь детей. Читай по губам: ни один! Догадываешься, к чему я клоню? Нет? Ну так посчитай на пальцах: вот мы, взрослые, берем власть в свои руки, детишки привыкают к этому, привыкают, что мы о них

заботимся, что мы все знаем, за все в ответе. Что нужно слушаться взрослых, ага? А взрослые, которых нужно слушаться, которым надлежит принимать решение, будут умирать — от болячек, с которыми вылезли из своих криованн, от инфляции и кусней-беспредельников... Представил? Сегодняшний состав взрослых оказался удачным, есть среди них инициативные, волевые, умеющие пораскинуть мозгами, а завтра эти закончились, человечек за человечком, а на смену им разморозили новых — высоколобых очкариков, которые из лабораторий не вылазили, инвалидов всяческих, которые не выдержат и одного перехода, наконец, просто тупых придурков, не способных ни на что. И тогда чем все закончится? Ты подумай, подумай, я тебя не тороплю. У нас с тобой времени, конечно, не так много, как у детишек, — но есть еще чуток. — Миль вздохнул и похлопал Безума по плечу. — Ладно, извини. По лицу вижу, что ты начал-таки соображать, молодец. Вот и покумекай как-нибудь перед сном о том, много ли у нас вариантов в такой ситуации.

— Но у этих, — Безум кивнул на сантаклаусов, — у них же тоже с детьми, как я понимаю, пока не очень. Тогда ради чего все ваши громкие слова, отвága и самопожертвование?

Миль снова вздохнул и покачал головой. Он собирался было что-то ответить, но потом передумал и только махнул рукой: мол, ни к чему это...

Да Безум и не расслышал бы уже: «море» выключилось, зажегся «лес», и тотчас на сотни голосов завопили безумные мартышки, застрекотали цикады, проревел невидимый хищник...

Повинуясь приказу Шаманки, Гарри потянулся к своему рту и, расшатав, выломал зуб. Поклонившись, Шалун вручил его ей и что-то проговорил.

— Да, — тихо произнесла Джесси, став поближе к Безуму. — Молочные зубы у них меняются примерно раз в два сезона: старые выпадают, а взамен вырастают новые.

— И вы еще говорите о том, что это «нормальные дети»?! — Безум фыркнул, заглушив даже вопль особо голосистой мартышки, после чего отвернулся и стал разглядывать диораму. Поэтому и не заметил, что сантаклаусы все до единого вышли в какой-то из боковых коридоров. Племя, как и везде в Ньярке, сопровождало несколько амерзенок.

— Подойдите ко мне, — велела Шаманка — и лишь с запозданием, когда Джесси дернула его за рукав, Безум догадался, что эти слова были обращены к рабам. Вслед за прочими он приблизился к трону слепой женщины, чья шея и руки были свободны от ошейника и браслетов рабыни.

— Ну что, Миль, — спросила чернокожая, — ты еще не устал надеяться?

— Устал, — спокойно ответил тот. — Очень устал. Но разве у нас есть выбор, госпожа?

Шаманка

— Теперь, Гарри, я поговорю с вашими рабами, — сказала она. Маленький влажный кусочек кости царапал кожу ладони, но Шаманка не разжимала кулак до тех пор, пока последнее из сантаклаусов не покинули зал.

Потом она переложила зуб Шалуна в один из своих многочисленных карманов и некоторое время сидела молча, слушая, как ревет в лесной чаще невидимый хищник. Приводила в порядок мысли и еще раз прокручивала в памяти разговор с президентом сантаклаусов. Был ли взволнованным его голос? И по той ли причине, о которой она думает?..

На которую надеется.

Мартышки и цикады безуспешно пытались перекричать друг друга, но Шаманке это не мешало.

«Не поторопилась ли я? Выждать столько лет, чтобы теперь испортить все... или наконец добиться успеха». Потом, разумеется, ее девочки проверят зуб в лаборатории, но она и так понимала: ничего не изменилось, не в этом дело, не в зубах, пора признаться самой себе, что ответ кроется в другом, в другом...

Это хорошо, что Гарри привел с собой рабов.

«...только бы Миль был с ними», — но она уже расслышала знакомые интонации; итак, старый упрямец пережил еще один сезон.

И, судя по тону, сейчас был чем-то весьма расстроен.

Ну да, его всегдашняя головная боль, эти новички, которых Милью приходится вводить в курс дела и приучать к мыслям о рабстве! Он по-прежнему в каждом видит сперва воспитателя, а уж потом — человека, пекущегося о собственных насущных интересах, как-то: засыпать и просыпаться без боли в суставах, не подчиняться сумасбродным детишкам, не бояться, что завтрашний день будет последним и жизнь придется отдать не за любимую жену или сына, а за собственных мучителей...

Жизнь так и не научила его главному, он так и не понял...

Но довольно брюзжания! И Шаманка выпрямилась на троне, велев рабам подойти поближе.

— Ну что, Миль, ты еще не устал надеяться?

Ответ потряс ее до глубины души.

— Устал, — просто сказал Миль. — Очень устал. Но разве у нас есть выбор, госпожа?

«Я предлагала его тебе, давным-давно», — подумала она, но сказать это сейчас не посмела. Конечно, он был мужчиной, однако не самым тупым и зашоренным. Он не принял тогда ее идею о преобразовании племен не из-за упрямства, он искренне верил в свою правоту и в то, что Шаманка ошибается.

— Есть ли какие-то изменения?

— Нет, госпожа. Все по-прежнему. Не растут ни физически, ни психологически. И гибнут, с каждым переходом.

— Рабы?

— Нетронутых льдосейфов становится меньше и меньше, а люди в них, как правило, отягощены такими заболеваниями, которые... Словом, скоро так или иначе, а придется что-то менять. Через три-четыре сезона каждый переход будет стоить племени слишком больших потерь. Я имел в виду — невосполнимых потерь, госпожа. А что творится с другими?

— Примерно то же самое, Миль.

«И мои «куколки», — подумала она, — тоже удерживают Ньярк на пределе своих возможностей. Слишком большая территория, мы каждый раз очищаем ее от мутировавших тварей, но проходит время, и они являются снова, еще более живучие. Мы должны объединиться».

— Мы должны объединиться, Миль.

— Под чьей рукой?

— Для тебя это по-прежнему имеет какое-то значение? Даже теперь?

— Но ведь в твоём обществе для них нет места, — вмешалась вдруг Джесси.

О да, отважная Джесси, достойная представительница «мужниных жен»! Джесси, которая понаслышке знает о Нефтяной блокаде, о «днях правильного порядка», о патрулирующих небо «женской зоны» самолетах! Разумеется, она согласна возродить старый «мир для мужчин», где ей всегда будет обеспечен теплый, уютный уголок. Всякий другой миропорядок для нее в принципе неприемлем и неестественен.

Шаманка улыбнулась краешком рта:

— Разве в твоём обществе найдется место для моих «куколок», а? Или, может, такое место отыщется для меня? Хватит, Миль! Этот наш разговор ни к чему не приведет, как не приводили все предыдущие. — И когда эхо последних слов отгремело под сводами зала, она вдруг велела: — Ну-ка представь мне своего новичка, с которым ты так спорил.

«Безум, — думала она, слушая сиплый, с трещинкой, голос. — Значит, Безум. Ну что же, Гарри сам подготовил мне нужного раба».

— Скажи, — обратилась она к новичку, — по-твоему, что нужно сделать, чтобы превратить в бабочку то, что стало куколкой, но позабыло о гусенице?

— Это что, такие загадки, да?

— Да, — спокойно ответила она. — Итак?

— Взломать кокон.

— Хорошо, — сказала Шаманка. «Неправильно, но... хорошо». — Готовься. На Игрищах тебе придется попотеть.

— Я только этим и занимаюсь с той поры, как вылез из криованны!

— Тем лучше... И не забывай про свой ответ на мою загадку, раб.

— Да, госпожа! — с издевкой ответил он.

Она довольно засмеялась.

Гарри Шалун

После рабов Шаманке вновь зачем-то понадобился Гарри. Всех прочих сантаклаусов она отослала к выходу, а его позвала к себе.

— Так вы поможете снять заклятие Великого Облома? — спросил он, дуря от собственной наглости и зачем-то теребя бороду.

— Ты сам сделаешь это, — заявила Шаманка. — На Игрищах в самой тяжелой ситуации ты поручишь все рабу, которому доверяешь меньше всего. И тем самым снимешь заклятие с племени.

— Но, госпожа!..

— Именно так, ты не ослышался. А теперь, если у тебя больше нет вопросов...

В этот момент в лесу наступила ночь и ожил город. Выглядел он, по правде-то сказать, ненатурально: чистенькие улицы без единой баррикады, целые небоскребы, люди, которые сидели с довольными улыбочками прямо в куснях-беспредельниках... На рабах нет ни ошейников, ни браслетов, многие идут, держась за руку с воинами племен, но воины эти тоже ненастоящие какие-то: без огнеплюев, в легкой одежонке, каждый сам по себе... точнее, каждый вместе с рабом.

Словом, подделка, да еще и неудачная.

Но услышав рычание кусней у себя за спиной, Шаманка вдруг обернулась и посмотрела в правый угол живой картины. Гарри забыл, что она и видеть-то не может, он тоже посмотрел туда.

И чуть не закричал от изумления.

У одного из шедших рядом с рабами воинов было... его лицо! И лица тех рабов, что рядом... их Гарри разглядеть не удалось, но...

В общем, он выбежал из зала, будто наткнулся на рой шмельдриков. Успокоился только какое-то время спустя, когда неслышно подошедшая амерзонка коснулась его плеча и жестом велела идти за ней к выходу.

Лишь тогда Гарри сообразил, что так и не попрощался с Шаманкой.

Глава четвертая

САНТАКЛАУСЫ

Что-то было не так. Они победили во всех важных турнирах (и во множестве пустяковых), они выбрались в финал — а все-таки что-то было не так!

Гарри не спалось, он вертелся с боку на бок, сопел, зарывался пальцами в лежавшую рядом ритуальную бороду, он вспоминал о триумфе побед и завистливых взглядах противников, но в голове, как крик обезумевшей отчаянки, билась одна и та же мысль: что-то не так! забыл о чем-то!

«Пустобредни это всё, — думал он. — Завтра последний день Игриш. Бэтмены, конечно, сильное племя, и рабы у них тоже не из худших, но мы их сделаем, точно! После Брюс-Раба Клод-Раб самый сильный, с ним никто не сравнится. Мы их сделаем».

Наверное, эта маета — из-за зуба; Шаманка всегда для колдовства просила у него зубы, но вот сегодня ранка болит сильнее, чем обычно. Раз уж все равно не спалось, Гарри поднялся с кровати и подошел к высокому, на всю стену, зеркалу, чтобы поглядеть, кровоточит ли десна.

Была ночь, но в «Х'тоне» ночь ли, день — мало что значит. Здесь всегда властвовал сумрак, и приходилось пробираться по коридорам и лестницам с облайтками в руках. («Когда-нибудь, — ворчал Миль-Раб, — эти светляки-переростки, которыми вы заполняете бутылки из-под колы, вырвутся на волю и учинят то еще светопреставление!» Как обычно в таких случаях, его не слушали: слишком много заумных слов и никакого смысла.)

Несколько облайток сонно светились на подоконниках и тумбочках возле кроватей. Гарри взял одну и хотел было помахать, чтобы разгорелась поярче, но замер. В зеркале он видел отражение выхода в коридор (и сам коридор, конечно) — и сейчас заметил, как по травяной дорожке неслышно проскользнула очень даже знакомая тень.

Приблуда Джексон.

Интересно, с чего это ему не спится? Зубы вроде накануне себе не рвал...

Сунув облайтку за пояс, Гарри поспешно ткнул в пару кнопок на пультике. Рабы спали в соседней комнате, запертые, само собой. Но к тому времени, когда он открыл дверь, двое из них, Клод-Раб и Миль-Раб, уже проснулись, получив через ошейники соответствующий приказ.

— За мной! — приказал им Гарри. — И тихо чтоб!

Еще он разбудил Тревора Колеснутого и объяснил всем троим что к чему.

— А теперь — посмотрим-ка, куда это нацелился наш Приблуда!

Коридорный ковер очень даже удачно скрадывал шаги не только Джексона, но и его преследователей. Они нарочно держались на приличном расстоянии от Приблуды: тот время от времени вертел головой по сторонам и вообще вел себя крайне осторожно. То есть подозрительно!

Пройдя весь этаж, Джексон очутился на лестнице. Перегнувшись через перила, он долго вглядывался в полумрак, как будто мог там что-то разглядеть. Наконец кивнул и заспешил вниз по ступенькам.

— Здесь осторожней, — скомандовал Гарри. Лестничные пролеты не были покрыты коврами, и эхо здесь гуляло будь здоров!

Они выждали, пока Приблуда спустится хотя бы на пару этажей, и лишь тогда последовали за ним.

Снизу донеслись чьи-то приглушенные голоса; Шалун знаком велел своим остановиться и вслушался.

— Ну? — спросил кто-то с интонациями, показавшимися Гарри очень знакомыми. — Узнал?

— А то! — В голосе Приблуды впервые послышалась угодливость.

— Так не тяни, рассказывай!

— Раскопать-то не просто было. Номер накарябан у них изнутри, фиг разглядишь.

— Не тяни! — повторно рывкнул собеседник.

И тут-то Гарри пожалел, что все огнеплюи они оставили на входе в «Х'тон», подчинившись обязательному правилу амерзонок. Он узнал, узнал этот голос!

— Бэтмены!

— Ты о чем? — не понял Колеснутый.

— Там, внизу, бэтмены. И этот... этот... он им помогает.

— Нужно остановить Приблуду, — решительно шепнул Миль-Раб.

— Нет, подождем. — Гарри сам собирался отдать точно такой приказ, но теперь не мог, должен был показать, кто здесь президент. Ничего, так даже лучше. Больше узнает о двурушничестве Джексона.

А тот, пока они спорили, успел что-то задиктовать президенту бэтменов, какие-то цифры. Теперь Большой Летун уточнял:

— Значит, просто вводишь, и всё?

— Ну, я не уверен... Пусть Умнец разбирается.

— Нет больше Умнца, — отрезал Летун. — За два дня до Ньярка была у нас встреча с бигмаками... сожрали парня, а многих так кетчупом забрызгали — двое потом еще от ожогов поумирали, Тилли и Джо Двузубый... Ладно, Джексон, как-нибудь без Умнца разберемся. Ты — молодец. Теперь мы их точно сделаем!

— Посмотрим еще, кто кого сделает! — грозно выкрикнул Шалун, съезжая по лестничным перилам. За ним, перепрыгивая через ступеньки, мчались рабы и Тревор. — А ну, Приблуда, давай колись, перед кем ты здесь хвостом виляешь! А, это наши старые знакомые, крылачьё-дурачьё! Надеетесь с его помощью выиграть завтрашний финал? И не надейтесь, ничего у вас...

Гарри осекся: он наконец сообразил, что Большой Летун слушает его с легкой ухмылочкой и не очень-то внимательно, а сам в это время нажимает на кнопки своего пульта. Вызывает на подмогу рабов?

Вряд ли: рабы никогда в разборках между племенами не участвуют, это железно, никакие ошейники не помогают их переубедить. Гарри и своих-то взял больше для уверенности и для какой тяжелой работки, если придется, — а знал бы, как получится, больше бы сантаклаусов разбудил.

А все-таки о чем там трепался Приблуда? Какой это «номер» и изнутри чего, интересно, он был «накарябан»?

— Ошейники, Гарри, ошейники!

Да Шалун уже и сам догадался, только ни он, ни кричавший Миль-Раб сделать ничего не успевали. Большой Летун набрал код.

Улыбнулся своей гадкой ухмылочкой.

Подмигнул Приблуде.

И нажал на кнопку.

Кажется, Клод-Раб даже ничего не почувствовал. Просто вот только что была у него голова, а теперь — одни кровавые ключья во все стороны летят. И воняет паленым мясом, как обычно, когда огнеплюи долго работали на полную мощность.

— Ты!.. — Гарри подавился собственным криком, он только и мог, что накинуться на предателя Джексона и колошматить его кулаками — по лицу, по плечам, не целясь, только стараясь ударить посильнее, чтоб понял, гад, что наделал!..

Их растащили; судя по обалдевшему взгляду Приблуды, тот и сам не ожидал, что его двурушничество обернется такой бедой. Но какая разница, ожидал, не ожидал!

— Ты проданся! — вопил Гарри. — Проданся им, проданся, поверил им, а теперь из-за тебя...

— Он не проданся, — спокойно возразил Большой Летун.

— ...мы проиграем! — Гарри осекся и икнул от удивления. — Ч-что?

— Ну скажи ему, Джексон.

Приблуда захохотал, будто свихнутый:

— Никому я не продавался, бородач! Слышишь! Никто из вас не знал, никто! Вы даже догадаться не могли, тупицы! Никто не знал, а я — бэтмен! Понял?! Бэтмен, вот так-то!

— Ну ладно, — сказал Большой Летун. — Похохмили и хватит. Завтра решающий день, нам нужно выспаться. Пойдем, Джексон. А эти... пусть сами думают, выходить им завтра на арену или лучше свалить до утра, чтоб лишний раз не позориться. Привет!

Гарри хотел наброситься на них и если не огнеплюем, то кулаками превратить этих двух подонков в куски кровоточащего мяса, да, именно так, в куски, в кровоточащие!..

На лестнице действительно гуляло хорошее эхо — и звук от пощечины прозвучал как выстрел.

— Повторить? — тихо спросил Миль-Раб.

— Н-нет, — мотнул головой Гарри. — Нет, хватит. Спасибо. Ну... — Он посмотрел на безголовое тело Клод-Раба. — И что теперь?

— Америкенки позаботятся о нем, — сказал Миль-Раб. — А у нас сейчас есть дела поважнее, пойдем.

Только тогда Шалун заметил, что на шум давным-давно сбежались настоящие хозяйки и «Х'тона», и вообще всего Ньярка. Они стояли вдоль стен, огнеплюи в их руках пока еще смотрели дулами вниз, но если бы Гарри попытался, например, вырвать оружие у одной из них...

— И не думай, — прошептал Миль-Раб. — Потом, по-другому поживаемся.

— Устами раба глаголет истина, — невесело хмыкнул Тревор. — Оставь, Гарри, нам есть чем заняться до завтра.

— Что, собирать вещички? И сдать, да?!

— Клод-Раб был лучшим, но не единственным. — Миль-Раб будто рассуждал вслух. — Есть другие, не такие хорошие, но вполне способные потягаться с бэтменовскими. Хотя, конечно, решать президенту...

«Ну да, — подумал Шалун, немного приходя в себя, — президенту, кому же еще». Только беда в том, что «не такие хорошие» — это еще слабо сказано. Предыдущие соревнования многих вывели из строя: покалечили или временно сделали неспособными участвовать в дальнейших. Вон тот же Миль-Раб слегка прихрамывает на левую ногу — куда ему завтра, на какую арену?! Он и двух минут не продержится...

А кто продержится?

Он спросил об этом вслух, вроде как у Тревора, хотя знал, что Миль-Раб слушает и обязательно тоже что-нибудь да посоветует.

— И не знаю даже, — протянул Колеснутый. — Попали мы крепко, это да. Из толковых-то почти все, ты прав, сошли с дистанции.

— Почти, — пробормотал Миль-Раб, опять-таки делая вид, что беседует сам с собой. — Почти, да не все. Донал и Безум...

— Это смешно! — угрюмо покачал головой Тревор. — Ни один, ни другой Клод-Рабу и в подметки не годятся!

— Не годились, — поправил его Шалун. — А разве у нас есть из чего выбирать? Пусть лучше так, чем втихаря драпать из Ньярка. Согласен?

— Согласен...

Остальные сантаклаусы, когда сообразили что к чему, тоже согласились. Правда, не могли прийти к соглашению в другом: кого все-таки выставлять, Донала или Безума. Донал-Раб

вообще-то принадлежал предателю Приблуде, но зато был сильнее Безум-Раба.

— Уймись! — не вытерпел наконец Гарри. — Давайте-ка все на боковую, нечего головы ерундой забивать. Завтра решим.

Но перед сном он велел снять со всех рабов ошейники: «Кто знает, у кого еще Приблуда коды срисовал? А если чего — и браслетов хватит, чтоб успокоить особо бойких».

Утром проснулись рано и первым делом принялись решать, кого же из рабов выпустить на арену. Голоса разделились, и тогда Миль-Раб предложил: бросьте жребий, пусть Однорукий Бандит даст знак, кому представлять племя. Согласились, подбросили крышечку от колы: упадет дном вверх — идти Донал-Рабу, дном вниз — Безум-Рабу.

Оба претендента стояли рядом и напряженно следили взглядами за падавшим кругляшом.

И вот тогда-то Гарри вдруг вспомнил.

Он отпихнул Миль-Раба, перехватил крышечку в воздухе и вручил ее Безуму:

— Ты пойдешь!

— «Вы выиграли поездку в...» — пробормотал тот, вертя в руках бесполезный кругляш; Гарри так и не понял, к чему.

И это, надо сказать, его сильно задело. Безум-Раб всегда был чересчур своевольным, слишком дерзким!..

— Учти, — сказал ему Шалун, — если что — розгаликов тебе не миновать, я как президент гарантирую.

Тот лишь ухмыльнулся в ответ.

Безум

«Ты, главное, не отвлекайся, — напутствовал Миль перед боем. — На трибунах будут кричать, бросать в вас рваные баксы, скандировать всякую чушь — тебе должно быть побоку всё это. Только кусни. Отвлечешься — считай, труп».

Но пока еще ничего не началось, пока вы с бэтменовским рабом еще только стоите на постаменте и ждете сигнала, можно поотвлекаться. Тем более есть на что.

Это действительно бывший стадион, только в одном месте кольцо трибун разломано, борта арены кое-как залатаны (да нет, поправляешь себя с досадой, не кое-как, а надежно, не сбежать), по ту сторону пролома — берег и торчащая из воды рука с факелом. Как сказал бы Миль, весьма символично.

К черту руку.

Смотрим дальше; первый ряд трибун — рабы. Все одинаково худощавы, жилисты, кожа у всех дряблая, как у старых мороженных кур, в глазах — лихорадочная жалость к тем, кто оказался на арене. Это они зря. Таким, как они, жалеть других — все равно что голодному пытаться накормить еще более голодных.

Хотя бэтменовского игрока могут и пожалеть. Ты не дашь ему сегодня ни полшанса, пусть там что — ни полшанса! Или ты, или он. Рабы-жалостники этого не понимают, зато очень хорошо понимают их хозяева.

«Дети»? Пусть Миль сколько угодно треплется про свое детство, но, если он не дурак (а он — не дурак!), должен сообщать, что разница есть. Кто не верит — пусть посмотрит на этих «новых адамов» отсюда, с арены.

Трибуны строго разделены на секторы, по племенам. Джедаи, попкорны, дюрасели, кингконги, сантаклаусы... Десятки племен, и у каждого — свой шест с флагом или столб с изображением «прашура». Тотемы, самые натуральные. Возле тотемов сидят «президенты» и их ближайшее окружение; вообще иерархия, что у твоих рыцарей Круглого Стола, только и разницы: здесь чем ближе к центру, тем почетней.

Они, эти, остро воспринимают такую иерархичность и готовы бороться за нее любыми способами. Для них каждый день и каждый миг — букет возможностей возвыситься или пасть, и вся жизнь их проходит на ступенях, на лестнице власти. Длина ритуальных бород или пестрота нашивки на рукаве — вот предел их мечтаний, выжить во время перехода от города к городу — вот их сиюминутная цель; их представления о смысле жизни причудливы и нелепы, а слова «доброта» и «любовь» — для этих лишь набор ничего не значащих звуков.

Племена сидят на трибунах без галдежа и суеты, они похожи на статуи из музея восковых фигур — статуи неудачные, поскольку скульпторы не сумели отобразить на их лицах сколько-нибудь человеческих эмоций; как говорили когда-то дав-

но, «не вложили в них душу». Бездушные, эти способны умереть, но не состариться.

Ты скользишь по ним взглядом: при всей внешней пестроты эти одинаковы до ужаса, до мурашек по коже. И вдруг запинаешься, вздрагиваешь, произвольно сглатываешь и кашляешь.

На одной из трибун в окружении своих девочек-воительниц сидит чернокожая Шаманка. Та, кто на самом деле управляет всем, что здесь творится. Ты улыбаешься, скалишься в ухмылке и салютуешь ей: «Мое почтение, госпожа! Я удивлю тебя сегодня...» — и добавляешь несколько слов, которые когда-то давно считались оскорбительными.

Жаль, не услышит.

— В первый раз? — вдруг спрашивает под боком раб-соперник.

— Что?

— Говорю, впервые на Игрищах, да?

— Впервые, — легко соглашаешься ты. Пусть расслабится, уверует в собственную победу. К тому же ты ведь не врешь: тебя, как и большинство других рабов, всегда оставляли в «Х'тоне», под присмотром двух-трех сантаклаусов. Ты еще тогда досадовал, что не попадешь на соревнования. Вот попал. — Слушай, а многим удастся... ну, справиться с этими куснями?

— Почти никому, — снисходительно хмыкает соперник. — Есть, правда, способы... но я ж тебе не расскажу, сам понимаю. Не на медаль играем.

— Понимаю. — Тебе и не нужно. Миль знает о «способах» и поделился кое-какими секретами. А кое-что за месяцы, проведенные с сантаклаусами, ты и сам хорошо усвоил.

Например: «главное — неожиданность».

Ты сталкиваешь его за удар сердца до сигнала, за два удара сердца до того, как он сам столкнул бы тебя. Повезло; скалишься ему в лицо и сразу — нет времени! — переводишь взгляд на распахнувшиеся створы ворот. Оттуда выкатываются беспредельники; твой соперник уже понял это, учуял затылком своим бритым — и рванул к другой платформе. Успет. А жаль.

Ладно, развлечение затягивается, да ты и не рассчитывал на быстрое завершение.

Смотришь, как лихорадочно карабкается твой соперник на ближайшую платформу. Да уж, «бэтмен»! — только без крыльев.

Самый проворный кусень краем широкой своей морды высекает искры из постамента, на котором угнездился везунчик. Остальные, выкатившись, замерли полукругом и только неслышно рычат моторами: принимают.

...Когда Миль объяснил, с кем тебе предстоит иметь дело, ты сперва не поверил. «Какие джипы, ты что?! За столько времени они должны были бы в металлолом...»

«За сколько за столько?» — поддел Миль. И объяснил потом, что за время твоего отмокания в криованне человечество ушло далеко вперед — семимильными шагами навстречу собственной гибели. А уж авто со встроенным искусственным интеллектом — вообще такая, понимаешь, обычная на этом пути штука, ей в свое время никто и удивляться особенно не стал. О таких чудесах, брат, еще писатели-фантасты в двадцатом веке писывали — а вот теперь, пожалуйста, сбилось. Пользуйся.

Ладно, возражал ты, интеллект интеллектом, но как они от ржавчины и повреждений не сколёсились?

А просто, пожимал плечами Миль. Сколёситься не сколёсилось: научились самостоятельно заправляться от бензоколонок, отыскивали и другие способы подпитки. Завели бактерий-симбионтов, ведут стадный образ жизни, кое-кто подозревает: даже размножаться ухитряются, хотя, конечно, ни о каком внутриутробном развитии, ты ж понимаешь, речи не идет. По-другому у них; как точно — не знаю.

В общем, не сколёсилось. А вот шарики за ролики у них того... Или думаешь, ИскИны их изначально были настроены на стадный образ жизни? То-то; шли годы, бесхозные авто, наблюдая за какими-нибудь бизонами, сделали выводы по аналогии. Кто знает, что творилось и творится в их провонявших бензином мозгах...

Но тебе, поучал Миль, и не нужно это знать. Для тебя главное — выжить!

Любой ценой.

Платформы не спасут, платформы только продлевают удовольствие от представления. На них долго не отсидишься: у кусней-беспредельников зрительные рецепторы устроены так,

что реагируют на силуэт гуманоида, превышающий определенные размеры. И обнаружив такого, эти металлические твари будут атаковать до тех пор, пока не уничтожат жертву. («А ловят их, — делился побасенкой Миль, — одеваясь в специальные костюмы, похожие на большие жестяные коробки. И заманивают, я уж не знаю чем. Если выживешь — спросишь у Шаманки или ее девчат. Одно скажу: нюх у кусней ни к черту не годится, реагируют в основном на картинку да еще на вибрацию, в каком-то особом диапазоне. Ты уж извини, я раньше в эти тонкости не вникал».)

Падаешь на живот, прижимаешься к шербатому камню платформы: вдруг не заметят, примут за причудливый вырост на этой самой платформе?..

Кусни, числом три, атакуют пока что твоего соперника: колотят металлическими рамами об основание пьедестала, на который тот забрался, пускают едкие клубы дыма из выхлопных труб, по-рачьи кладают капотами — будто мутировавшими клешнями. Из-под капотов тянутся какие-то крючочки, зажимы, трубки с металлическими заострениями на конце.

Бэтменский раб тоже сообразил, что удержаться будет проще, если лечь на платформу. Он распластался на ней, смешно выставив задницу и локти, — мастер маскировки, профи мимики! Он верит в свой шанс, верит искренне. Ты не менее искренне радуешься его вере: чем дольше продержится он, тем больше надежды у тебя. А если еще выведет из строя одного-двух беспредельников...

Но они и сами не зевают. Эти их крючочки-трубочки совсем, оказывается, не киношно-устрашающие, есть у них другое назначение, практическое. Вычислив, где примерно находится «гуманоид, превышающий определенные размеры», беспредельники выстреливают крючочками в его сторону, а потом втягивают их обратно под капот. Скрежет металла по камню пробирает до костей.

Первые попытки кусней успехом не увенчались, но каждый раз они запускают крючки всё ближе к цели. Ты с досадой глядишь на соперника и думаешь, что теперь бы ему самая пора перейти к активным действиям, если не хочет сдохнуть ни за понюшку табаку. Неужели он не понимает, что отлеживаться дальше без толку?! Болван!

...Но ты не кричишь ему, не подсказываешь. Миль, конечно, утверждал, что со слухом у этих тварей не сложилось, — ну а вдруг все-таки ошибался?

Да и не нужно — бэтменовский раб сам сообразил что к чему. Вон вскочил, стряхнул с себя крючки, метнулся вспугнутым зайцем прочь с платформы. Но не к другой такой же и не к барьеру (всё равно не преодолеть!), нет, он, как и ты, хорошо усвоил еще одно правило.

«Лучшая защита — нападение!»

Внешне кусни похожи на привычные тебе джипы: машина о четырех колесах, сиденья, дверцы... разве что вместо руля панель с клавишами и рычагами. И главное — у беспредельников нет ни крыши, ни тентов.

Этим бэтменовский раб и воспользовался: запрыгнул сверху в одного из кусней, по-паучьи перебирая руками-ногами, залез на водительское сиденье, где панель и рычаги с клавишами...

Дальше-то что?

Все три механические твари несколько мгновений стоят неподвижно, только тарахтят моторами. Ты лениво размышляешь, как кусни могут между собой общаться: если, например, у них есть встроенные радиоприемники...

Раб тем временем отчаянно сражается с рычагами и клавишами «оседланного» беспредельника. Кажется, впустую — никаких видимых результатов. Кусни по-прежнему тарахтят моторами, едкий сизый дым щиплет тебе глаза и мешает видеть. Ты, стараясь двигаться как можно плавнее и медленнее, тянешься рукой, чтобы протереть их...

И пропускаешь то мгновение, когда два беспредельника бросаются на третьего, «оседланного» твоим конкурентом.

В клубах поднятой пыли, в дыму мало что видно — воспринимаешь случившееся больше на слух: заходящиеся в кашле моторы, гулкие скрежещущие удары металла о металл... чей-то приглушенный вскрик — не с трибун, нет, трибуны-то как раз молчат...

Всё, спекся твой соперничек. Вон валяется разломанным манекеном. Рядом — два беспредельника, «поцеловавшиеся» друг с другом. Метили явно в оседланного: увидели фигуру «гуманоида подходящих размеров» и атаковали, но

третий шестеренками в мозгах своих электронных пошевелил и дотумкал что к чему. Успел в самый последний момент сдать назад, только правое крыло ему задело, а сами теперь выбыли из игры. Ну, хоть так, всё ж легче с одним, а не с тремя.

Легче ли?

Ты, по правде сказать, тоже рассчитывал какой-нибудь этакый трюк повернуть со стравливанием кусней между собой, а единственного оставшегося — с кем стравливать?

Или, может, отлежишься, не заметит?

...Уже заметил, развернулся «мордой» в твою сторону.

Финита, раб Безум, твой выход.

Ты спрыгиваешь на горячий песок арены и бежишь что есть духу к двум «издохшим» кусням. Пар из их взломанных капотов навевает мысли о кусневых душах, отлетающих в свой механический рай. Всегда так: неподходящие мысли в неподходящее время.

Успеваешь запрыгнуть в одного из беспредельников; тот, что остался жив, цепляет краем крыла «дохлого», но вовремя разворачивается. Ну да, дважды на одну и ту же уловку не покупается.

Ладно. Ты и не рассчитывал.

Он делает широкий круг и подъезжает к корпусу мертвого собрата с другой стороны, уже разевая пасть капота и шевеля захватами: крючки, стальные конусы, тонкое ланцетоподобное острие... Своего не упустит!

«Хрен те, кусень, я не твой!» — бормочешь, выжидая, пока он подкатится поближе. Всё нутро переворачивается от страха, но внешне ты спокоен и неподвижен.

Подъезжает. Широкая, вся в царапинах и мелких пробоинах «морда» напоминает броню бывавшего в переделках допотопного танка. В распахнутом капоте что-то влажно блестит, похожее на громадный язык. Змеятся во все стороны проводки-захваты.

«Рано», — мысленно шепчешь себе.

Еще рано.

Вот, сейчас!

Хватаешь за два или три выпущенных беспредельником «щупальца» и быстро, пока он не втянул, обматываешь вокруг

железного поручня за спинкой сиденья «дохлого» кусня. Потом завязываешь узлом.

И едва успеваешь вцепиться за само сиденье, чтобы не выпасть! Пленный беспредельник резко сдает назад, волооча за собой «дохлого» собрата. Перепуганно и хаотично он выпускает из-под капота еще горсть захватов, и ты, хищно оскалась, снова привязываешь их к «дохляку».

Беспредельник пятится, насадно ревя мотором, и тащит за собой корпус другого джипа, причем колеса последнего мешают, ведь ты привязал кусня мордой к левой дверце. Теперь — или оборвет «щупальца», или так и будет волочить за собой этот металлолом, пока не выдохнется. Только тебе надеяться на последнее без толку: как знать, сколько он способен выжить без подпитки извне?

Лихорадочно осматриваешь арену — сам еще не знаешь, в поисках чего.

...отвалившаяся, покореженная дверца от третьего беспредельника? Пожалуй, подойдет.

Преодолев собственный страх, выпрыгиваешь наружу, черпая песок дырявыми носками ботинок, спешишь к цели. Позади неистовствует плененный беспредельник.

Пыль, жара, вонь от выпавших внутренностей бэтменовского раба и смрад бензина. Могильная тишина на трибунах.

На бегу задираешь голову и смотришь в бесстрастные лица этих.

«Я научу вас...» Не успеваешь додумать, спотыкаешься, падаешь на четвереньки. Сбившееся дыхание трепыхается в горле рыбой, выброшенной на берег.

Позади — резкое банг! банг!! банг!!!

И яростный вой мотора, когда освободившийся кусень отъезжает подальше от «дохляка» и разворачивается — в твою сторону!

«Интересно, а было ему больно, когда обрывал себе «щупальца»?»

Встаешь, поднимаешь и держишь наперевес оторванную дверцу. Давид и Голиаф: шанс всего один, мальчик.

А руки, мать их, дрожат!

Ну, скотина, распахни свой капот пошире!

Н-на!..

Он хватает дверцу на лету, как верный пес — палку, брошенную хозяином, — и спешит к тебе. Видимо, чтобы вернуть.

...даже не пытаешься убежать. Сил нет.

Оседаешь на раскаленный песок.

Смотришь, как надвигается, скрежеща рессорами, груда металла.

Проезжает совсем рядом, острым краем подножки чиркает тебя по плечу, отбрасывает вбок. Боли не чувствуешь.

«Сейчас развернется... Сейчас...»

Не разворачивается.

Поворачиваешься сам, ощерясь, будто загнанная в угол крыса.

«...сдох-таки! — Из-под вздыбленного капота валит белый обжигающий пар. — Все-таки сдох! Все-таки...»

Трибуны молчат. Потом Шаманка делает какой-то знак (тебе отсюда плохо видно), на арену выбегают амерзонки, много амерзонок; они молча и деловито набрасывают на кусней тросы с крюками («Зажимы! — смеешься ты. — У них тоже есть зажимы!...»), а набросив, уволакивают «дохлых» беспредельников обратно в стадионное чрево. То же проделывают и с рабом бэтменов: его изуродованное тело укладывают на носилки и уносят прочь. Остаешься ты и арена, песок которой, кажется, ввелся в твою кожу на всю жизнь.

Голос — громовой, механический, бесстрастно-торжественный — заявляет, что «победило племя сантаклаусов!!!». И можно, мол, забирать приз, символ власти Президента всея Земли. Вон стоит на платформе, у раба за спиной. У тебя то есть.

Ты из ленивого интереса оборачиваешься поглядеть — и не веришь своим глазам. На упомянутой платформе — чемоданчик: обычный такой, ничем не примечательный. Если бы только не надпись, идущая по кругу около каждой из двух защелок. Ну и еще флаг на крышке нарисован знакомый.

Усталости как не бывало! В груди разгорается всё сильнее яростный пламень, в памяти будто кто-то прокручивает события последних месяцев: тяжелые переходы, отношение к тебе как к вещи, обещание Шалуна в случае чего

«угостить розгаликами». Беспросветность, которую не переломить.

И теперь маленький мерзавец напыщенно шагает по ступеням трибун вниз, за тем, что «по праву принадлежит» ему! Ага, как же, сейчас!

— Я вам всем... все-ем!.. я покажу!..

Чемоданчик уже в твоих руках, в твоих руках — власть над этими сосунками, зверенышами, демонятами в человеческом обличье! Непослушными пальцами отжимаешь защелки, откидываешь крышку...

«Что за?!..»

Под ней лежит какой-то кусок шерсти, ты сперва думаешь, что Шаманка засунула сюда живую кошку или кролика, потом понимаешь: всего лишь игрушка. Плюшевый, так его, медвежонок! Раздраженно отшвыриваешь в сторону, и — вот она, гладкая панель с несколькими переключателями, всё просто, всё, Господи, так просто, чтобы даже самый глупый из возможных президентов смог в случае чего совершить необходимые манипуляции.

Выдвигаешь складной прут антенны.

Синхронно проворачиваешь по часовой стрелке две ручки, жмешь на кнопки в центре их. Бегло сверяешься со скупыми инструкциями, написанными здесь же, на панели.

Легким щелчком ногтя откидываешь вверх прозрачный колпак над красной кнопкой размером с пятицентовик («In God we trust», о да!).

Этот мир, этот безумный мир давно пора как следует вычистить, Миль! Извини, старина, но твои змеевы уловки не помогли — придется вмешаться мне. Если поблизости есть какая-нибудь освинцованная криованна типа «Ковчег», тебе лучше купить себе место в ней. Привет, карапузики! Свидимся на Араратовых склонах — в лучшей, так ее, жизни!

Жмешь.

Пауза.

Конечно, а чего ты ожидал? За столько лет всё давным-давно пришло в негодность, ты мог бы догадаться...

По ту сторону пролома в трибунах рука с факелом, что торчит из воды, вздрагивает. «Пламя» откидывается вбок, как

крышка сундука, — и обрушивается в воды залива, подняв громадную волну.

Тишина.

Ожидание.

«Сейчас!..»

Ты улыбаешься, но, кажется, не понимаешь этого.

Сейчас!

«...розгалики, говоришь?»

Ты переводишь взгляд на Шалуна...

Шаманка

— Включает, госпожа.

— А что Гарри?

— Бежит и кричит что-то угрожающее. Кажется, сквернословит. Жмет на пульт, но ничего не получается.

«Еще бы, — подумала Шаманка. — Еще бы, он ведь сам снял с Безума браслеты перед боем: подстраховывался».

— А теперь?

Впрочем, «куколка» могла и не отвечать: сегодня Шаманка будто обрела давным-давно утраченный дар видеть. И для этого ей не нужны были глаза.

«Включаешь и запускаешь ракеты, веря, что таким образом взломаешь кокон, — мысленно обращалась она к тому рабу с надтреснутым голосом, к рабу со смешным именем Безум, к человеку, которому надлежало стать той самой пусковой кнопкой в ее планах. — Ты думаешь, что, взломав кокон, перечеркнув всё развившееся в нем, тем самым вложишь в руки Господа белый, новый лист. Ошибаешься. Этот лист уже никогда не будет девственно белым. А коконы... всего лишь нужно вернуть их в прежнее состояние. Бабочками им не стать — еще рано, и в этом ошибка Миля и его единомышленников. Нужно, чтобы куколки сперва опять превратились в гусениц».

Маленький мальчик бежал по арене, прямо по спекшимся лужам крови и бензина.

Бежал.

Ее последняя, нелепая надежда. Чудом было уже то, что одна из «куколок» отыскала в архивах его фотографию и нашла фотографии его родителей — а этому предшествовали долгие, казалось, безрезультатные поиски. И Шаманка могла лишь направлять их, но не принимать участие. «Куколки» делали портреты каждого из множества приходивших в Ньярк — и потом искали в электронных базах данных среди миллиардов детских фотографий похожие лица. Кое-кто из них находил там самих себя, Шаманке было известно об этих случаях, но всегда ее «куколки» воспринимали такие находки как совпадения. А подталкивать их к нужным выводам она не могла: проще было манипулировать кем-нибудь из бродячих племен, чем рисковать «куколками».

Гарри оказался случайным козырем, по недосмотру Судьбы попавшим в ее руки. Или — хотелось думать ей — с благословения Судьбы.

Она долго решалась. И наконец поставила на сегодняшний день всё.

Нажала на свою кнопку...

«Теперь поглядим на результат.

Я знаю, Миль, что мир, каким он может стать после сегодняшнего дня, вряд ли окажется благорасположен ко мне и моим «куколкам». К тебе и прочим рабам — тоже. Мир, Миль, это палимпсест, а не школьная доска (вопреки представлениям Безума). Тем больше я уважаю его: он знает, что вряд ли останется жив, и все-таки жмет на кнопку.

Я тоже жму — но я еще надеюсь...»

Она вздрогнула, когда «куколка» прямо в ухо зашептала ей своими теплыми губками о том, что случилось с рукой Рогатой Богини.

Чемоданчик проверяли, он ни разу до этого не срабатывал. Он был абсолютно безвреден!

Ей почему-то вспомнился отец: «Никогда не играй с пис-толетом, даже если он не заряжен. Никогда!»

«Дура, какая же я!..»

— Госпожа! — вскрикнула, не сдержавшись, «куколка». И добавила, забывшись: — Вы бы только видели!..

Безум

Пустота, зияющая из факела ожиданием скорой гибели, заставляет тебя отвести глаза. Мгновения растянулись в века, словно во всем мире отменили само понятие времени.

Чтобы не вглядываться до одури в эту черноту, смотришь на Гарри. Звереныш еще не сообразил, нет, ему только предстоит понять.

...что это он там делает?!

Выкрикивая свои смешные угрозы, он бежал к тебе, чтобы отнять чемоданчик, символ своей абсолютной власти, — и вдруг остановился. Он тупо глядит на что-то у себя под ногами, потом наклоняется и поднимает с песка плюшевый комок. Ты замороженно тарашись на нелепую фигурку: ритуальная борода съехала набок, выражение лица растерянное; он держит медвежонка перед собой на вытянутых руках, как змею или кусливую собачку.

А потом робко улыбается и гладит его по пыльной голове.

Чтобы только не смотреть на то, что кажется тебе невозможным, ты суетливо переводишь взгляд на трибуны. Бесстрастные лица невинных убийц искажены: кто-то по-детски завистливо тарашится на Гарри, кто-то вдруг начинает всхлипывать...

А ты...

Ты вдруг натыкаешься взглядом на черное дуло факельного основания в руке, торчащей из воды, — и падаешь на колени. В левое впивается камень, боль входит в тело раскаленной проволокой — плевать! Ты никогда не был набожным, но теперь, здесь, на этой проклятой, благословенной арене ты молишься истовее, чем тысяча монахов-затворников, ты готов на что угодно, лишь бы отменить нажатие кнопки.

«Пожалуйста! — заклинаешь ты Бога, Судьбу, приведенные тобою в движение механизмы. — Пожалуйста! Не надо! Пожалуйста!»

Ты так и замираешь в своей молитве — мотылек, прищипленный булавкой осознания на разделочной доске свершенного.

Волна, вызванная падением каменного «пламени», наконец-то добирается до берега и ударяет в него, распадаясь на мириады соленых капель.

...последним из всех, кто находится сейчас на стадионе, ты понимаешь, что ракеты не вылетят, — и причины, по которым это случилось, для тебя уже не важны. Ты шепчешь: «Благодарю Тебя, Господи!» — и улыбаешься безумной улыбкой счастливого отца, услышавшего, что у него родилась двойня.

Ты еще не знаешь, что месяц спустя на месте очередного выпавшего молочного зуба у Гарри вырастет первый постоянный. Что примерно тогда же в Вашингтоне, в Белдоме вся Земли, Президент Гарри объявит об окончательной отмене рабства.

Всё это потом.

Потом.

...а завтра тебя, разумеется, ждут розгиалики.

Киев, июнь 2002 — март 2003

КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА

Ян Разливинский
МИШЕНЬ ВБЛИЗИ, ИЛИ ЛЕГЕНДА
О НЕПРАВИЛЬНОЙ КНИГЕ

1. О КОМ?

Его имя вошло в историю.

Он был любим и обильно издаваем вначале, обруган и забыт впоследствии.

Его книги так плотно вбили в определенную ячейку, что иного места для них уже и нет. Потому любой критик, даже не читая, может, если потребуется, смело вставлять название самой знаменитой его книги в свой перечень.

Печально знаменитой книги.

В определенный перечень не самых лучших творений XX века.

Это Николай Шпанов.

Это — «Первый удар».

М. Дудин в свое время «одарил» нашего героя такой эпиграммой:

Писатель Николай Шпанов
Трофейных обожал штанов
И длинных сочинял романов
Для пополнения карманов.

В трехтомной «Истории русской советской литературы» Шпанову уделено пять строчек — ровно столько, чтобы попечать за «Первый удар».

А стоило Шпанову угодить в биобиблиографический словарь «Русские писатели. XX век», как критик Никита Елисеев тут же оскорбился за российскую словесность. О ком посмели написать?! Ведь «Варлам Шаламов в одном из своих писем признавался, что любому из московских писателей он готов подать руку, но только не Шпанову»!..

Почему? Потому как, по словам одного из нынешних критиков, «Ник. Шпанов на квазиисторической основе писал толстенные романы, многие и ныне помнят если не романы, то их запазушный объем — «Поджигатели», «Заговорщики». Романы эти издавались тиражами, от которых у авторов, подобных мне, просто слюнки текут. Эти тома можно было видеть в любом доме. КПСС литературным путем оправдывала заключение сталинско-гитлеровского пакта...»

И оценку такую поддерживали (и поддерживают) многие. «Лично никого не расстреливал и даже доносов, возможно, не писал талантливый по-своему беллетрист Н. Шпанов — но такая литература, как его «Поджигатели», была нужна в эпоху массовых доносов и расстрелов...» — писал Михаил Чулаки в статье «Выбор лиц и выбор стиля». А скажем, газета «Алфавит» к юбилею Шпанова так напомнила своим читателям о «Первом ударе»: «Написанный по заказу Главного политуправления РККА, растиражированный и розданный всем армейским командирам выше младшего лейтенанта, этот роман-прогноз описывал мгновенную бескровную победу Красной Армии над врагом. Описывал в духе тогдашней военной недогматологии: сперва небо застилают тучи тяжелых бомбардировщиков, затем на тщательно пробомбленную территорию врага вливаются лавины конников, в арьергарде которых чадят и чихают танковые соединения; через пару недель враг капитулирует, а потери РККА пересчитываются на пальцах одной руки...»

«Печально известный», «шапкозакидательный», «ура-патриотический», «поделка на потребу режима», «продукт лживой пропаганды»... Его книги ругали советские критики, его поносят критики постсоветского строя.

Только безрукий не кинул камень в сторону «Первого удара» и его автора.

Лишь не так давно в одном из обзоров Н. Шпанов был упомянут в ряду имен, «без которых невозможно теперь представить советскую довоенную фантастическую и приключенческую литературу». Да еще Кир Булычев, отдавая дань детским впечатлениям, отозвался о Шпанове с достаточной теплотой — не как критик, а как читатель: «Шпанов как фантаст, на мой взгляд, превосходил всех массолитовских писателей». Но и уважаемый Всеволод Можейко не избежал ошибок (скажем, почему-то определив год издания «Первого удара» 40-м, хотя вышла книга годом раньше) и трактовки, обычной для определения роли Шпанова в советской литературе: «Он удивил нашу Родину, создав великолепную липу — боевой непобедимый роман, радость Сталина, «Первый удар»... Он достаточно убедительно и боевито доказал, что мы закидаем шапками любого агрессора, разгромим его малыми силами и только на его территории. Так учил товарищ Сталин.

Без потерь, без убитых и раненых мы громим агрессора, закидываем его бомбами и шапками, после чего переносим войну на его территорию, сровниваем с землей его города, ожидая, что благодарный капиталистический народ восстанет и скинет иго капитализма».

Собственно, именно такая трактовка бытовала на протяжении шестидесяти с лишним лет и, как видим, дожила до наших дней. О том, насколько она верна (и верна ли вообще), мы поговорим позже. Интересно вот что: хотя «Первый удар» давно стал библиографической редкостью, при желании его все же можно найти (не в бумажном варианте, так в электронном). Однако почему-то до сих пор никто из критиков не удосужился взглянуть на столь излюбленную мишень вблизи. Или смотрели, но видели лишь черно-белые кольца, куда стрелять? Даже Всеволод Ревич, критик проницательный и мудрый, не ушел в оценке «Первого удара» дальше эпитетов «легковесный» и «позорный», а в разборе самого текста — дальше поверхностного пересказа, подобного тому, что дал Кир Булычев.

...Может быть, хотя бы сейчас взглянем на книгу непредвзято и попробуем разобраться, что же она собой представляет?

Но для начала — несколько слов о самом писателе.

2. МЕЖ ДВУХ СТИХИЙ

«Судьбы писателей не одинаковы. Одним удается с первого раза написать произведения, открывающие перед ними двери литературного Олимпа, другие по несколько десятков лет умудряются оставаться в рядах скромных середняков, не проникающих дальше олимпийской прихожей. Но от этого литератору не становится менее дорого то, что он сделал на протяжении своего литературного пути», — так писал Николай Шпанов, очевидно, занося и себя в ряды «середнячков». Если так, автор лукавил: ко времени появления сих строк он вниманием обделен никак не был. За плечами оставались почти вся жизнь физическая и жизнь литературная, и обе были полны таких крутых зигзагов, которые заставляют усомниться в словах того же Дудина о том, что наш герой был всего лишь сочинителем-строчкогоним, облаканным властью бесталанным графоманом.

Рамки жизни писателя ограничились 1896 — 1961 годами. Рамки творчества — 1925 годом вначале, и 1960-м — в конце, когда вышел последний романа «Ураган». Книги не пережили автора, и переизданий даже самых популярных повестей и романов не последовало.

Хотя написано было немало, Шпанов не готовил себя к писательской карьере. Приход его в литературу был одновременно и случаен, и предопределен.

Выросший в далеком Никольске-Уссурийском, Николай Шпанов поступил учиться на кораблестроительный факультет Петербургского политехнического института. В разгар Первой мировой молодой человек успел окончить воздухоплавательную школу и стать летчиком-наблюдателем. С того времени два океана — водный и небесный — объединились в его судьбе. И если морская тема стала частью лишь литературной работы писателя, то с небом Н.Н. Шпанова связали не только будущие книги, но и 25 лет службы в Военно-Воздушном Флоте СССР.

За свою жизнь Шпанову довелось немало поездить по стране, он побывал в Японии и Китае. Детали этих путешествий, темы, подсказанные странствиями, нашли отражение во многих повестях, рассказах и романах. А ведь вполне возможно, что, не вмешаясь в жизнь Шпанова одна-единственная слу-

чайность, он остался бы в нашей памяти малоизвестным воздухоплавателем — или бы совсем бесследно канул в Лету. Но...

«В один весенний день 1925 года — да простит мне читатель этот трафарет, на моем столе позвонил телефон.

В трубке я узнал голос главного инспектора Гражданской авиации Владимира Михайловича Вишнева.

— Вы живы? — спросил он.

— Пока да.

— И здоровы?

— Кажется...

— Странно, — удивленно проговорил Вишнев, — а у меня на столе лежит молния из Усть-Сысольска. Там поймали почтового голубя с голубеграммой: воздухоплаватели Канишев и Шпанов совершили посадку в тайге и просят помощи. Не знаю, стоит ли снаряжать спасательную экспедицию на тот свет? Ведь за истекшие полгода волки, наверно, обглодали их кости.

Мы оба рассмеялись. Речь шла о голубеграмме, отправленной Канишевым и мною полгода назад из таежных дебрей Коми.

Мы поговорили с Вишневым о «надежности» голубиной почты и на том расстались. Но в тот же день мне позвонил редактор «Всемирного следопыта» Владимир Алексеевич Попов. Он любил «открывать» писателей и умел подхватывать все, что интересно читателю. Из случайного разговора с Вишневым Попов узнал о голубеграмме. Теперь он просил меня описать свое таежное приключение для читателей «Следопыта».

Так летчика Шпанова «втокнули» в литературу.

Вслед за «Полетом в лесные дебри» там же, во «Всемирном следопыте», появился первый «фантастический авиарассказ» «Таинственный взрыв». Впрочем, первые годы Шпанов был известен больше как активный очеркист, хроникер событий, чем писатель-приключенец или фантаст: скажем, первой книгой стал именно сборник очерков «Во льды за «Италией», написанный в 1928 г. после путешествия на ледоколе «Красин».

А первый свой фантастический роман «Земля недоступности» Шпанов опубликовал лишь в 1930 г. (отдельное издание 1932 г.). Позже он не раз обращался к жанру фантастики: далее последовали тот самый «Первый удар» и еще несколь-

ко повестей, опубликованных в годы войны и затем вошедших в переработанном виде в роман «Война невидимок». Но — и это следует сразу же подчеркнуть — для Шпанова фантастика всегда оставалась лишь частью большой работы в жанре военно-патриотической и приключенческой литературы (его Нил Кручинин какое-то время был такой же знаковой фигурой, как и знаменитый майор Пронин другого ныне забытого писателя Овалова). Поэтому фантазия Шпанова никогда не поднималась выше 14 тысяч метров над землей, а временные рамки ограничивались или настоящим, или самым ближайшим будущим. Еще уже был круг тем. Фантастические элементы, которые он использовал в своих произведениях, не идут ни в какое сравнение даже с идеями таких апологетов «ближнего прицела», как Немцов или Охотников. Объясняется это легко: технические идеи у Шпанова — не краеугольный камень произведения, как, скажем, у Сапарина, а лишь тот камешек, который, будучи брошенным, порождает лавину. В «Земле недоступности» — это поход подводной лодки к Северному полюсу, в «Войне невидимок» — открытие эффекта невидимости, который также используют на море для маскировки военных судов. Что же касается «Первого удара», то там фантастические элементы вообще настолько переплетены с реальностью, что человек, читающий книгу сейчас, не поймет, где же правда, а где выдумка (если не брать в расчет фантастичность событий, разумеется), — хотя фантастика присутствует и там (об этом тоже чуть позже).

Те, кто предаст Шпанова анафеме, показывают его благополучным «карманным» писателем партии. Но судьба «сочинителя запазушных романов» на самом деле не была безоблачной. В 1944 г. нарком Госбезопасности СССР В.Н. Меркулов в информации секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову, сообщая о настроениях в писательской среде, приводил среди прочих высказываний и слова нашего героя: «Мы живем среди лжи, притворства и самого гнусного приспособленчества. Литературой управляют кретины, и за каждую свою строчку приходится драться с пеной на губах». Не странно ли слышать столь горькую оценку из уст обласканного и прикормленного «карманного писаки»? А то, что уже на следующий год после триумфального шествия «Первого удара» книга была изъята из обращения, — это тоже свидетельство благосклонности? По-

лезная и востребованная в году 1939-м, в 1940-м она стала вдруг вредна: Молотов подписал знаменитый пакт, и два новых друга — СССР и Германия — не имели права драть друг другу чубы даже на страницах книг.

Может быть, именно с этого факта мы и начнем рассказ о загадках книги Шпанова?

3. ЗАГАДКА ЛИТЕРАТУРНАЯ

О том, что книга была изъята в 1940-м, я — простите невежество — узнал, лишь когда стал собирать материалы для этой статьи. А прежде полагал, что книга, столь сильно ударившая по обороноспособности страны, непрерывно издавалась вплоть до лета 1941-го, до первых сокрушительных боев. И только после того как «наши» в сей же секунд не погнали «ненаших» прочь, стала она ругаемой и поносимой. В моем представлении по-другому и быть-то не могло. Издали книгу, подняли автора на щит, а когда вышло не по писаному — начали пинать и приговаривать: «Что же ты, сволочь, насочинял такого? Мы-то тебе верили, а ты...»

А ведь, получается, верить-то разрешили совсем недолго: *год всего*. А после этого *верить запретили*. Из пропагандистской обоймы извлекли и выбросили. Нет, даже не выбросили, а старательно затоптали, *изъяли*. То есть: разослали по библиотекам длинные списки, согласно которым разжигались костры из «неправильных» книг — не чета знаменитым германским, но тоже яркие, а среди прочих неугодных ясным пламенем горел и «Первый удар». Наверное, тепла дал немало — ибо (это надо признать) и за один год успело выйти шесть изданий, в том числе и массовыми тиражами.

Но если горел и был запрещен, то объясните мне, глупому: какое вредное воздействие на умы солдат и командиров могла произвести книга, которую запретили? О которой сказали, что она — неправильная и служить образцом нам не вправе? Как могли эти командиры потом, когда бить их стал нелитературный, а настоящий фашист, говорить, что вот, дескать, поддались книжной пропаганде?

Можно ли съесть яичницу, а спустя месяц, заболев животом, вдруг объявить, что это яйца были несвежими?

В обычной жизни — нельзя. В литературной жизни, оказывается, можно.

То там, то здесь читаешь, что-де били поколение, воспитанное на ура-патриотическом «Первом ударе». Это — уже явная подтасовка фактов. Не было поколения, не успело вырасти, *не могло успеть*. Войну начинало поколение, воспитанное на книгах Гайдара, а отнюдь не Шпанова: вот истинный факт, который критики обходят стороной. Обходят и продолжают доказывать, будто одна книжка за год смогла то, что не удалось шпионам, диверсантам и вредителям за двадцать с лишним лет: ослабить нашу армию от рядового до генерала настолько, что она не смогла, когда потребовалось, достойно встретить врага.

То есть, скажем, устав строевой службы, многолетне вдалбливаемый в головы бойцов, отчего-то не смог приучить их к поголовной дисциплине — хотя каждая строка устава подкрепляется системой поощрений и наказаний: кто служил, тот это прекрасно знает. А вот какой-то «Первый удар», не директивный документ, а беллетристика, книжка, по оценке все тех же критиков пустая, никчемная однодневка, — вдруг отчего-то смогла.

Как это ей удалось?

Для меня — загадка.

Может, отгадка кроется в художественной силе повести?

Отнюдь.

Можно, конечно, поспорить с В. Ревичем, написавшим, что в художественном отношении «Первый удар» — полный ноль, но не буду. Потому что, даже говоря осторожно, повесть действительно *не блещет*. Впрочем, напомним: перед нами не литератор от Бога, а просто человек, которого обстоятельства втолкнули в литературу (а в ней и сейчас проживает столько случайных личностей, что впору издавать справочник «О заблудившихся в литературе»). Поэтому в его творчестве много вещей абсолютно беспомощных и даже суперпопулярные когда-то детективы о Ниле Кручинине написаны вяло и казенно. Вот вам зачин самой первой повести цикла: «*Нил Платонович Кручинин и Грачик (он же Сурен Тигранович Грачян) приехали в этот город, освобожденный Советской армией от гитлеровских*

захватчиков, через несколько месяцев по ликвидации в нем последних очагов сопротивления. То был один из промышленных центров страны, служивший оккупантам базой снабжения нацистской армии» («В новогоднюю ночь», 1955 г.). На Гоголя не похоже, с Булгаковым не спутаешь. А далее — все в том же духе: штамп на штампе, серым по серому, а ведь это написано после тридцати лет литературной деятельности! Как видим, художественные удачи у Шпанова редки, как оазисы в пустыне, и «Первый удар» — не исключение. В начале повести Шпанов набросал несколько живых интересных характеров, сразу же окунув читателя в атмосферу горячих споров о будущем военной авиации. Мы увидели, что перед нами не пешки, не простые исполнители, а личности, думающие люди, *профессионалы*. Если бы этот настрой получил развитие дальше, Шпанову, возможно, удалось бы написать нечто, предвосхищающее, скажем, гранинскую книгу «Иду на грозу» — пусть не по силе таланта, но по одинаковой живости и энергичности образов, по отношению героев к жизни и делу. Но... прочитано совсем немного, а официоз уже вкрадчиво, будто дым, заползает на страницы, в сюжет, и личности становятся годны лишь на то, чтобы отдавать и получать приказы. Шпанов полностью переключается на фабулу.

Теперь сюжет тащит за собой героев, но и фабула повести проста и незамысловата: все действие сосредоточено на рейде советской воздушной эскадры в тыл врага и отражении удара фашистов по одному из прифронтовых городов. Ни особых событий, ни интересных приключений. Даже шпионов — верных друзей приключенцев тех лет — в книге нет.

Так, может, сама идея показать будущую войну была новаторской и обеспечила Шпанову короткую славу первопроходца? Нет, и здесь он ничего нового не сказал.

Вспомните, что я уже говорил: фантастические идеи этого автора не блистали оригинальностью. Он писал лишь о том, о чем было разрешено писать и о чем писали *многие другие*.

В конце XIX века живописали морские сражения будущего, в первой половине века XX пальму первенства перехватила авиация, конец XX перенес театр военных действий еще выше — в космос. У каждого времени были свои литературные игры. Уверен, замысли Шпанов свою повесть в начале двадцатых, в ней главенствовали бы не самолеты (хотя и аэропланы, разу-

меется, были бы), а «лучи смерти» — неизменный атрибут фантастики тех лет. Но... Но он написал роман в тридцатые, когда на коне была авиация и когда вся литература дышала воздухом будущей войны.

Тут нужно подчеркнуть, что победоносная война над врагом конкретным или условным — логическое продолжение идей и сюжетов, бытовавших в фантастике первого десятилетия советской власти. Тогда на почве всеобщей политической эйфории выросли многие десятки произведений, в которых пелся гимн близкой мировой Революции. Выработалось даже стойкое литературное клише: делается открытие, в результате применения которого свергается ненавистный капиталистический строй. (И не только на Земле. Толстой вон до Марса добрался...) Этим клише пользовались и забытые ныне графоманы, и те, что заслуженно стали классиками советской литературы: Вс. Иванов, В. Шкловский, Б. Лавренев, В. Катаев, И. Эренбург.

Позже, когда волна революционных настроений спала, а на смену им и в политике, и в жизни пришли более локальные задачи, изменилась и тематика произведений. От глобальной революции — просто к победной войне, оставляя торжество мирового пролетариата за границами повествования. На смену одному клише пришло другое: коварный враг посягает на СССР, но могучая Красная Армия одним мощным ударом сметает оного.

И в рамках уже этого клише тоже был написан не один десяток рассказов и повестей. Как мог быть Шпанов первым, если еще в 1928 г. вышло первое издание романа С. Беляева «Истребитель 17-У» на тему воздушной войны будущего, а тремя годами раньше С. Буданцев опубликовал свою повесть «Эскадрилья Всемирной Коммуны». Мало этого — вот другие примеры: в 1930 г. появился рассказ А. Быкова с характерным и незамысловатым названием «Грядущая война», а в 1932 г. — рассказы Л. Владимирова «Война» и Л. Лайцена «Гибель британского средиземного флота». Чуть позже — еще одна повесть о грядущей воздушной войне, на этот раз небесталанного С. Диковского, «Подсудимые, встаньте!». Наконец, в 1936 г. (когда был опубликован только лишь первый фрагмент шпановской повести), появилась пьеса В. Киршона «Большой день» — вещь, по многим параметрам совпадающая с

«Первым ударом», но еще более одиозная в трактовке будущих событий, совсем уже лубочная, не театральная, а ярмарочная: советский пропагандистский балаган. Тем не менее в начале 1937 года это была пьеса номер один. Она шла в 68 городах страны, намного опережая по количеству постановок революционную «Любовь Яровую» и буржуазного «Отелло».

То есть первым Шпанов не был.

Да и после появления «Первого удара» тема будущей войны активно разрабатывалась — повесть не стала финальным аккордом ура-патриотической симфонии. Более того, накал предвоенной истерии лишь нарастал. Критик Л. Ровинский, рецензируя роман «На Востоке» (в нем Красная Армия громила японских милитаристов), призывал советских авторов писать побольше книг о будущей войне, ставя в пример японских литераторов, заваливших прилавки Страны восходящего солнца подобными романами. И призыв был услышан. Можно привести такие характерные примеры, как рассказ «Воздушная операция будущей войны» А. Шейдермана и В. Наумова, «Бой над океаном» и другие рассказы из цикла «Эпизоды будущей войны» П. Десницкого, «Мужчина держит испытание» и прочие рассказы В. Курочкина. Пролистав подшивку «Нового мира» за 1939 год (где увидела свет повесть Шпанова), я не нашел ни одного номера, где бы не говорилось об армии и войне — в прошлом, настоящем или будущем. Если перефразировать известную фразу Ломоносова о химии, «военная пропаганда широко простерла руки свои»... И не было никого, кто бы не оказался под рукой ее. Скажем, дань урапатриотизму отдали и кинематографисты, причем такие видные, как Я. Протазанов, А. Ромм, И. Пырьев, создавшие, если следовать принятой в среде критиков классификации, «печально знаменитые» фильмы. Но вопреки словам Штирлица о том, что запоминается обычно последняя фраза, запомнили не предшественников и не последователей, а Шпанова.

Тогда, может быть, дело в ином? В масштабности, так сказать, полотна, в объемах повести, тираже, наконец?

Особой масштабности в «Первом ударе» читатель не обнаружит: речь идет об одном дне войны, об одной воздушной операции. Объемом повесть тоже не вышла. Хотя и иронизировал Дудин над толстыми романами Шпанова, «Первый удар» был в их ряду как Суок рядом с тремя толстяками — немногим

больше ста страниц. П. Павленко, скажем, сумел раздуть свой «На Востоке» до более чем четырехсот страниц. Вот где объемы-то!

Ну а тираж? Да, он действительно был велик — все-таки шесть изданий кряду. Но разве тиражом можно объяснить все? Роман Павленко выдержал за три года около пятнадцати отдельных изданий только на русском. Труды великого «младоземельца» печатались десятки раз миллионными тиражами, но на кого они оказали влияние и кто помнит о них?

Пусть простят меня читатели за пространные суждения. Они подтверждают то, что «Первый удар» не являлся чем-то из ряда вон выходящим ни в литературе, ни в общественной жизни, а жизнь самой книги была столь коротка, что говорить о ее сокрушительном влиянии на настрой целого народа просто нелепо.

То есть по-прежнему непонятно, за что книга заслужила столь яростную нелюбовь.

Так, может, причина станет яснее, если мы обратимся непосредственно к критике и разберемся, *за что ругали?*

4. В ЧЕМ ОБВИНЯЮТ?

Ну, в чем, это понятно. Шапкозакидайство, пропагандистская агитка, лживая книжка.

На следующий год после Победы В. Сапарин, чуть позже ставший одним из ведущих фантастов 1950—1960 годов, опубликовал рассказ «Чудесный вибратор» (другое название «Присшествие в доме № 5»). Так вот в нем в качестве возможного применения фантастического изобретения предлагалось военное — и тут же следовало повествование о том, как аппараты, использующие принцип направленной вибрации, истребляют целую армаду вражеских самолетов. С нашей стороны при этом не пострадал ни один солдат и тем более мирный житель (вражеские самолеты взрываются на пустыре, охватывающем кольцом город). Чем не пример шапкозакидательства? Ни крови, ни грязи. Нажал на кнопку и следы, чтобы сотни трупов вместе с обломками падали на специально отведенное место!

Шпанов в «Первом ударе» обошелся без чудесных аппаратов. Там все достаточно реально — и его «война будущего» не бескровна. Вот несет тяжелые потери группа бомбардировщиков, вот гибнет самолет-разведчик, вот идет на таран один из героев книги Сафар... Шпанов любит точность даже в фантастике, числительные встречаются чуть ли не на каждой странице, и потому мы можем даже подсчитать, сколько примерно наших самолетов погибло в описываемом рейде. Оказывается, не менее ста, то есть каждый седьмой (точнее не скажешь, потому что Шпанов, говоря о наших потерях, все же не всегда приводит цифры). Неужели мало? Шпанов не описывает боев по всему фронту, а они были, *их никто не отменял*, значит, и потери были (и, кстати, не везде бои протекали легко — об этом Шпанов хотя и вскользь, но упоминает — потому что понимает, что иначе быть не могло).

Да, в повести нет описаний, даже отдаленно напоминающих июньский Апокалипсис 1941-го, но и летчики наши не похожи на джедаев. А то, что методично побивают врага, так ведь не только потому, что литературные герои, но и потому, что списаны с НАШИХ, советских. Ведь и в реальности были отважны и умелы, ведь *«при равных арифметических данных самолет с пилотом-коммунистом в несколько раз сильнее, чем самолет с пилотом-фашистом...»*. Это я уже не Шпанова цитирую, это журналист Д. Заславский в своей статье «О крепких нервах и верной политике» (1938 г.) высказывает отнюдь не личное мнение — так считали все. И не только потому, что это директива товарища Сталина: считать наших летчиков лучшими. История реальной войны знает немало примеров, точь-в-точь повторяющих эпизоды повести.

«Летчик наклонил «арочку» (Ар-2) и увидел, как короткие и тупоносые истребители И-16 смело нападали на большую группу фашистских двухмоторных бомбардировщиков Ю-88. Один фашист беспорядочно падал.

— Девять «ишачков» против тридцати! Так их...

Под ударами советских истребителей строй вражеских бомбардировщиков распался: часть их повернула обратно, другая упорно летела в Гродно. В стороне от дороги, по которой следовали наши войска, на зеленом фоне леса возникали серые кружочки — это фашистские самолеты освобождались от бомб, сбрасывая их куда попало».

Это, господа критики, не шпановская выдумка, это взятый почти наугад фрагмент из воспоминаний П. Цупко «Пикировщики» — книги, может, в чем-то и субъективной, как субъективны любые мемуары, но основанной на реальных фактах. И таких фактов — десятки, сотни. В июне 1943-го старлей Горовец в одиночку атаковал двадцать «юнкеров»! Он сбил девять (девять!) самолетов, причем одного — протаранив. Оставшиеся сбросили бомбы куда попало и бежали... Почему в жизни таким случаям есть место, а отраженные в повести, они вызвали яростное неприятие? При этом критики — мое глубокое убеждение — сами ни на йоту не понимают, *в чем обвиняют Шпанова*. Вы только загляните в суть претензий.

МАЛО НАШЕЙ КРОВИ ПРОЛИЛ. НАДО БЫЛО БОЛЬШЕ.

То есть если бы на страницах книги кровь лилась, как в реальной войне, если бы так же, как в реальности, танковые колонны проутюжили нашу землю до Москвы — то это была бы **ХОРОШАЯ** книга. И тогда благодаря ей наш народ одним махом бы порвал фашистского захватчика на фашистский же крест...

Несусветная глупость! Так и хочется воскликнуть: господа критики и критики-товарищи! Да вы что, о чем вы? Вы что, всерьез ожидали, что примерный **СОВЕТСКИЙ** писатель в **ПАТРИОТИЧЕСКОМ** романе прольет море крови **СОВЕТСКИХ ПАТРИОТОВ**, вступивших в бой с врагом?

Ну не мог Шпанов написать иной книги. И никто другой не мог бы. Можете ли вы представить М. Шолохова, А. Платонова или М. Булгакова (величин разновеликих, но тем не менее **ПЕРВЫХ**), написавших роман, в котором бы СССР потерпел поражение или же понес неизмеримые потери? Этого представить невозможно. Даже при всем *разном* отношении к советскому строю никто из них не позволил бы себе столь «упадническую» вещь. Критика — да, сатира — да, но во всем, что касалось будущей войны, иного варианта, чем у Шпанова, быть не могло. Писать о том, что будем биты, и биты сильно, значит оскорблять защитников Родины, весь народ, саму Родину. Топтать Родину непозволительно. Даже не потому, что нельзя, а потому, что *мерзко*. Это — с одной стороны. А с другой — *не было еще самой войны*, о которой можно было бы сказать ту правду, которую требовали послевоенные критики. Еще не настало время Бондарева и Быкова, Васильева и Гроссмана, Бак-

ланова и Солженицына — тех, кто имел и силу, и талант сказать о войне — но о войне *прошедшей*, а не будущей. Да и легко ли им писалось даже в послесталинское время? Мало ли вещей легло в стол до бог знает каких времен?

А Шпанов писать «в стол» не умел. Не было в нем фрондерства, не видел он себя в противостоянии с властью даже после того, как власть эта его била. Он всю жизнь придерживался той прямой, которую прочерчивала партия, был писателем *прикладным*. Примитивно? Быть может. Но мне корни этой однолинейности видятся не столько в ограниченности мышления Шпанова-писателя, сколько в военной карьере Шпанова-человека, приучившей беспрекословно выполнять команды вышестоящего. Есть установка писать о социалистическом строительстве — будут очерки! Есть указание показать, что станет с врагом, если тот посягнет на нашу Родину, — вот вам повесть! И при этом и очерки, и повесть будут написаны «как надо».

А что касаясь влияния книг на будущие события, так ведь, господа хорошие, так и Ефремова обвинить можно в том, что по его вине... коммунизм не наступил. Дескать, показывал светлое будущее, звал туда, и вот мы, понимаешь, пришли, а кругом грязь, разложение и продажность. Ату Ефремова?

А заодно заклеим Савченко, зароем Сапарина, поставим крест на Казанцеве! Ату их! Каленым железом выжжем все, что Стругацкие написали в начале шестидесятых. Вычеркнем «Плеск звездных морей» Войскунского и Лукодянова, «Вечный ветер» Жемайтиса, «Гианэю» Мартынова... Очистим ряды! Как там у футуристов: «сбросим с парохода современности»? Сбросим! Правда, сбрасывать придется если не всех, то почти всех. Глупо... А связывать исход огромной войны с содержанием фантастической книжки, вышедшей несколькими годами раньше, — не глупо?

Так что беспочвенны обвинения, если разобраться всерьез, если взглянуть на мишень поближе.

Здесь, собственно, можно было поставить точку. Но не все так просто с «Первым ударом». Все-таки было в нем что-то, что выделяло его из длинного списка книг, что тайно принуждало кидаться и топтать. Противники могут назвать ворох причин, но, я уверен, никто из них не осмелится предположить,

что у Шпанова, кроме социального заказа и кроме чисто конъюнктурных, могли быть и иные, более веские доводы написать *именно такую* повесть и на *самом деле* считать, что война будет быстрой и малокровной.

5. ПОПАДАНИЯ

Я снова перелистываю «Первый удар». Названия населенных пунктов, детали сражений, количество самолетов... Передо мной словно бы и не повесть, а беллетризованный отчет о реальном походе! К чему такая точность в ура-патриотической книжке? Кажется, чего проще: сажай сталинских соколов на чудо-самолеты и вперед, на врага, да чтоб и в хвост его, и в гриву!.. Успевай лишь подвиги придумывать!..

Те, кто представляет Шпанова бездумным писакой, высасывающим свои опусы из пальца, заблуждаются сами и вводят в заблуждение других. Шпанов, военный по роду занятий, и в литературе оставался человеком в мундире — то есть отвечающим за свои слова. Поэтому он так точен в деталях: скрупулезно описывает фантастический бомбардировщик СБД, а путь эскадры советских самолетов можно легко проследить по карте, от пункта к пункту, из боя в бой, так что ничего фантастического и сверхъестественного в сюжете нет. Более того, при необходимости — Шпанов это вряд ли знал — реальная эскадра проделала бы аналогичный маршрут, не потеряв *ни одного* самолета. С одной оговоркой: если бы состояла из бомбардировщиков ТБ-7, которые начали разрабатывать тогда, когда писатель взялся за «Первый удар». Потолок ТБ-7 достигал 11 километров, дальность полета — 3 тыс. км, а бомбовая нагрузка — 4 тонны. Выдуманные Шпановым СБД имели почти такую же дальность полета (3,5 тыс. км), а вот бомбовую нагрузку лишь в 1250 кг. Правда, расчетный потолок СБД был гораздо выше, чем у реального бомбардировщика, — 14 км. Но эта разница на самом деле не имела никакого значения: и имевшегося запаса хватило на то, чтобы осенью 1941 года В. Молотов невидимым для немецких наблюдателей пролетел над всей Европой в Англию и обратно. А еще раньше, в

августе, десять ТБ-7 совершили глубокий рейд на Берлин. Потери в этом рейде составили три самолета. Но что это были за потери? Один из-за нехватки горючего сел по ту сторону фронта, и его экипаж пробрался к своим без потерь в численном составе. Второй отклонился от маршрута и случайно напоролся на финские зенитки. И, наконец, третий был сбит... нашими же летчиками, принявшими ТБ-7 за немецкий самолет... Уверен, если бы этот полет был организован технически более тщательно, он завершился бы без единой потери с нашей стороны.

Августовский рейд ТБ-7 в миниатюре повторил сюжетную линию «Первого удара»: враг напал — и незамедлительно получил удар в самое свое сердце. Но на этом переключка повести и реальности не ограничивается: совпадения следуют одно за другим.

...Среди удивительных предвидений событий, разбросанных по фантастическим книгам, немало «мин». В отличие от явных и понятных каждому технических идей (писали о ракетах — появились ракеты) «мины» многие годы могли оставаться невидимыми и вдруг в один из дней «взрывались»! Так было с романом В. Никольского «Через тысячу лет» (издан в 1927 г.), в котором точно назван год взрыва атомной бомбы — 1945-й. Так было со Свифтом, «открывшим» в «Путешествиях Гулливера» спутники Марса. А вот другой, уже малоизвестный пример. Американцы Ф. Нибел и Ч. Бейли в романе «Семь дней в мае», переведенном у нас в 1964 году, несколько раз упоминали, что в середине 70-х США и СССР будут противостоять друг другу в Иране. В реальности иранского конфликта не было, но была война в соседнем Афганистане. Учитывая небольшой разброс и в географии (соседние страны), и во времени (несколько лет), можно сказать, что попадание почти точное. А если приплюсовать сюда то, что в романе среди прочего говорится о запрещении в 1974 году нейтронной бомбы, то попадание еще и двойное.

У Шпанова таких попаданий намного больше. При всей скудости изобразительных средств он верно смоделировал события и точно воспроизвел ситуации.

«Горел аэродром. Языки пламени пожирала ангары, авиамоторные мастерские, складские помещения, жилые корпуса. На месте самолетных стоянок полыхали костры. Костров было мно-

го — это догорали на земле разбитые самолеты базировавшейся здесь 11-й смешанной авиадивизии 3-й армии. Зеленое летное поле, взлетно-посадочная полоса, рулежные дорожки — все пестрело пятнами больших и малых воронок...

Офицеры бросались к машинам, невзирая на разрывы бомб и пулеметный огонь штурмовиков. Они вытаскивали самолеты из горящих ангаров. Истребители совершали разбег по изрытому воронками полю навстречу непроглядной стене дымовой завесы и непрерывным блескам разрывов. Многие тут же опрокидывались в воронках, другие подлетали, вскинутые разрывом бомб, и падали грудой горящих обломков. Сквозь муть дымовой завесы там и сям были видны пылающие истребители, пораженные зажигательными пулями. И все-таки некоторым офицерам удалось взлететь. С мужеством слепого отчаяния и злобы, не соблюдая уже никакого плана, вне строя, они вступали в одиночный бой с советскими самолетами. Но эта храбрость послужила лишь во вред их собственной обороне. Их разрозненные усилия не могли быть серьезным препятствием работе советских самолетов и только заставили прекратить огонь их же собственную зенитную артиллерию и пулеметы».

Любой, прочитавший текст, скажет, что это — о первых днях или даже часах войны. И будет прав. Но: первый абзац взят из уже цитировавшихся воспоминаний П. Цупко «Пикировщики» (М., ИПЛ, 1978 г., стр. 19), а второй — из повести Шпанова. Разница лишь в том, что у Цупко горит наш аэродром, а у Шпанова — немецкий. В остальном — никаких различий в описании.

А вот еще одна цитата из повести:

«По плану внезапного нападения на Советский Союз общая задача германских воздушных сил сводилась к нанесению ошеломляющего удара на трех направлениях: Смоленском, Минском и Киевском. Операцию на севере, против Ленинграда, пришлось задержать вследствие неполной готовности флота. Операция на южном направлении (Одесса) была отложена из-за необходимости сосредоточения максимальных сил на главных фронтах». В любом учебнике новой истории найдется карта плана «Барбаросса» с указанием направлений основных ударов немецко-фашистских войск. Сравните эти направления и текст приведенного абзаца. Попадание полное.

А вот пример иного рода — психологически точное описание ситуации. В повести на дирижабле, бомбящем один из городов, немецкий офицер безжалостно убивает механика и сбрасывает его за борт — балласт! Генерал-майор авиации П. Стефановский, описывая рейд ТБ-7 на Берлин, вспоминает: *«Напряженность некоторых товарищей достигла критического предела. В районе Штеттина штурман, открыв люк, пытался покинуть самолет на парашюте. Командир приказал застрелить труса* (выделено мной. — Я.Р.)». Меняются адреса, меняется антураж, но поведение людей неизменно — и оно верно схвачено Шпановым. Если кто-то считает, что этот пример притянут за уши, что ж, вот иной: *«Бомбы всё... нет больше бомб... Но есть еще комсомольская птичка и в ней лейтенанты Миша и Гиго. Бери их, Родина, бери, партия, своих сынов!» Дробя и ломая стальное плетение ферм, самолет врезался в гущу готовившихся к вылету истребителей». Так Шпанов описывает таран. В этом случае даже нет нужды приводить цитату из мемуаров: и без того понятно, что писатель предвосхитил подвиг Гастелло и десятков других советских летчиков. Про негативную роль книги говорят все. Но никто не задумался о ее позитивной роли в победе над врагом, о том, что она настраивала людей на подвиг и готовила к подвигу!..*

А точность датировки — разве мимо этого пройдешь? В реальности война началась 22 июня, а у Шпанова — 18 августа. И хотя год не называется, сама практика того времени писать о войне *как о событии самого ближайшего будущего* заставляет делать выводы, что Шпанов описал начало сороковых годов, а никак не более далекое будущее.

Наконец — чтобы не утомлять вас продолжением списка совпадений — еще одна последняя цитата.

«С рассветом... регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря и в течение первой половины дня сдерживались ими. Со второй половины дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войск Красной Армии. После ожесточенных боев противник был отбит с большими потерями. Только в Гродненском и Крыстынопольском направлениях противнику удалось достичь незначительных тактических успехов и занять местечки Кальвария, Стоянув и Цехановец, первые два в 15 км и последнее в 10 км от границы. Авиация противника атаковала ряд наших

аэродромов и населенных пунктов, но повсюду встречала решительный отпор наших истребителей и зенитной артиллерии, наносивших большие потери противнику. Нами сбито 65 самолетов противника. В 18 час. 20 мин., после тщательной высотной разведки, донесшей свои наблюдения с расстояния свыше двухсот километров из тыла противника, вылетели первые соединения тяжелой советской авиации, предназначенные для бомбардирования транспортных магистралей и узлов прифронтовой полосы, занятой немецкими войсками, — Тарнополя, Львова, Ровно, Сарн и Ковеля».

Попробуйте определить теперь, где строки из повести, а где — из реальной сводки Главного командования Красной Армии за 22 июня 1941 г., опубликованной в «Правде»? На этот раз я усложнил задачу, убрав абзацы*. И сделал это еще и потому, чтобы вы увидели, насколько схожи, насколько слитно смотрятся выдуманный текст и официальный документ. Прочтя сводку (а не повесть Шпанова), любой советский человек мог бы решить, что в ближайшие часы враг будет действительно отброшен от границ, а потом...

О том, что было бы потом, поговорим чуть позже. А пока разберемся, откуда в легковесной книжонке столько попадающих в цель, откуда такая точность?

6. КАК ПИСАЛ ШПАНОВ?

В уже упоминавшемся материале о Шпанове Кир Булычев предположил, что повесть писалась быстро, так сказать, на злобу дня. На самом деле утверждение о том, что Шпанов второпях состряпал повесть на заказ, — еще один миф о «Первом ударе». То что на злобу — да, согласен. Но ни о какой быстроте не может быть и речи: отрывки из повести были опубликованы в 1936 году, а полностью она появилась лишь в 1939 году — довольно большой срок для создания «халтурки». Куда Шпанову до нынешних звезд фантастики, выпекающих по пять-шесть романов в год!

* Текст из повести начинается со слов: «В 18 часов...».

А между тем, внимательно прочтя «Первый удар», любой человек убедится, что ни о какой спешке речи быть не может. Можно иронизировать над величиной литературного таланта автора, но обвинить его в поверхностности — несправедливо. Кропотливость проявляется не в разработке сюжета или работе над словом, а в конструировании ситуации. И здесь таланту Шпанова можно лишь позавидовать. Ведь, работая над повестью, Шпанов мог использовать лишь *официальные источники информации* — и он их действительно активно использовал. Вот характерный пример. Отмечая 20-летие изгнания немецких войск с Украины, газета «Красная звезда» писала в передовице: *«В тот же миг, когда фашисты посмеют нас тронуть, Красная Армия перейдет границы вражеской страны... Наша оборона — это наступление. Красная Армия ни единого часа не останется на рубежах, она не станет топтаться на месте, а стальной лавиной ринется на территорию поджигателей войны... Импералистический зверь будет сокрушен в своем логове, и сокрушен так, что уже больше подняться не сможет»*. Эти слова писатель подхватил и практически дословно привел в повести, вложив в уста одного из героев: *«Мы с вами, товарищи, живем у самой границы, но это не пугает нас. Мы знаем: в тот же миг, когда фашисты посмеют нас тронуть, Красная Армия перейдет границы вражеской страны. Наша война будет самой справедливой из всех войн, какие знает человечество. Наша оборона — наступление. Красная Армия ни единого часа не останется на рубежах, она не станет топтаться на месте, а стальной лавиной ринется на территорию поджигателей войны. С того момента, как враг попытается нарушить наши границы, для нас перестанут существовать границы его страны»*.

Это — пример прямого копирования фактов действительности и экстраполяции их в близкое будущее. Однако грош цена была бы повести, если б Шпанов ограничился лишь этим. Но нет, он сумел даже на основе неполных и искаженных идеологией материалов создать *реалистическую картину грядущих событий*, выступая не только как описатель, но и как аналитик. К примеру, командующий ВВС Прибалтийского округа генерал Г.П. Кравченко заявляет: *«Я не верю тем данным, которые мы имеем в печати и которые*

говорят о большом количестве потерь самолетов на аэродромах. Это, безусловно, неправильно. Неправильно, когда пишут, что французы на своих аэродромах теряли по 500—1000 самолетов. Я основываюсь на своем опыте. Во время действий на Халхин-Голе для разгрома одного только аэродрома мне пришлось вылетать несколько раз в составе полка. Я вылетал, имея 50—60 самолетов в то время, как на этом аэродроме имелось всего 17—18 самолетов». Это было сказано в конце 1940 года, когда книжка, в которой воздушными ударами начисто громились вражеские аэродромы, уже стала опальной. Но прав оказался не генерал, а литератор — и это подтвердилось очень скоро. Точность прогноза не случайна: не забывают, за плечами писателя было около двадцати лет службы в авиации. В отличие от генерала Кравченко Шпанов не принимал участия в боях, но, исходя из своего летного опыта и опыта своих товарищей, смог правдоподобно воспроизвести на бумаге сражения будущей войны.

По этой же причине он смог точно представить тенденции развития авиации — в том числе и бомбардировочной. Оттого так точны технические характеристики СБД и оттого этот фантастический бомбардировщик так напоминает реальный ТБ-7.

С такой же точностью Шпанов подходит и к оценке некоторых событий. Меня, скажем, при чтении «Первого удара» покорило то, что нападение на СССР фашисты совершают в альянсе с Польшей. Зная, как в реальности героически сражалась польская армия, я даже не предполагал, что может идти речь о каком-то сговоре. Вот тут-то товарищ Шпанов дал маху, думал я — и оправдывал его промах только тем, что для описания нападения на нас непременно требовалось соблюсти одно условие: *чтобы границы воюющих стран соприкасались*. В 1939 году этого не было, вот и возникла версия о польско-немецком сговоре. Так думал я — и ошибался. *«Польское правительство, отвергая советскую помощь, рассчитывало вступить в сговор с гитлеровской Германией и принять участие в войне против СССР, предоставив свою территорию для прохода германских войск»*. Это — «Всемирная история» (т. IX, М., 1962 г.). То, что Шпанов в конце 1930-х годов не мог знать наверняка, было им предугадано и подтверждено спустя десятилетия.

Да и его рассказ о положении дел в Европе тоже не выдуман из пальца — он родился только после тщательного анализа современных событий.

Шпанов не пацифист — семь десятков лет назад это слово воспринималось как оскорбительное клеймо, — однако в повести мы находим цитату (действительную или мнимую, я не знаю) из выступления некоего французского исследователя: *«Военные авторитеты современности оценивают эффективность оружия в будущей войне втрое против оружия эпохи войны 1914 — 1918 гг. — иными словами, в результате предстоящей войны мы будем иметь примерно полтора ста миллионов жертв...»* Шпанов тут же торопится сообщить, что паникерские настроения ни к чему, ибо грядущая война будет иной, чем Первая мировая, но... Слово не воробей. Устами западного автора Шпанов сумел сказать, что мир могут ждать великие потрясения и великое горе, — и оказался прав! Причем прав даже в численном прогнозе по поводу будущих потерь: общее количество погибших во Второй мировой войне оценивается примерно в 50 миллионов человек («Всемирная история», том X, М., «Мысль», 1965 г.), но ныне эти данные оспариваются в сторону значительного увеличения...

Еще одна «странный» цитата из «Первого удара», «взятая» из французской газеты: *«Современная борьба... не признает никаких ограничений со стороны договоров и параграфов, как не признает и никаких моральных указаний»*. Двусмысленная, если посмотреть на нее с высоты будущего, ибо в равной степени относится и к политике СССР: скажем, за неделю до войны было обнародовано заявление ТАСС о том, что Германия неуклонно соблюдает условия пакта о ненападении. А немецкие войска уже выходили на свои позиции к границе, а с запада СССР тоже перебрасывались дивизия за дивизией. Шпанов был прав: современная борьба не признает никаких ограничений... Американцы в Ираке позволяют себе выпускать ракеты по жилым домам, убивая мирных жителей, но тут же протестуют по поводу показа иракским телевидением американских пленных солдат — это-де нарушение Женевской конвенции. Какая уж тут мораль!..

Но вернемся к вопросу точности в анализе грядущих событий. Вот как они развивались в повести и в реальности.

Шпанов: Германский десант захватывает португальский Золотой Берег. Франция теряет Мадагаскар.

Реальность: Передел территории начался с Европы: захват Австрии, Чехословакии.

Шпанов: В середине августа Британия и Германия заключают соглашение о переделе колоний.

Реальность: в июле-августе 1938 г. проходят секретные британско-германские переговоры («Первый удар» уже пишется, но о переговорах Шпанов знать не мог).

Шпанов: Германия требует Савойю и Ниццу, ставит вопрос о лотарингской руде. Лотарингия объявляется (пока что в прессе) исконно германской территорией.

Реальность: в ноябре 1938 г. Италия объявляет о своих притязаниях на Ниццу, Тунис, Корсику.

Шпанов: Итальянцы объявляют, что Суэцкий канал должен принадлежать им.

Реальность: Италия требует участия в управлении Суэцким каналом. Осенью 1940 г. итальянские войска, находящиеся в Северной Африке, пытались завладеть территорией канала, но были оттеснены.

Шпанов: Франция остается один на один со своими проблемами.

Реальность: Англия, выступившая на стороне Франции, впоследствии вывела свои войска с ее территории и, более того, опасаясь, что вишистское правительство не сумеет соблюсти нейтралитет и выступит на стороне Германии, атаковала французский флот у берегов Африки.

Шпанов: Агрессия против Франции начинается в полдень 16 августа с потопления двух пароходов в устье Темзы, а чуть позже — еще одного парохода в Сицилийском проливе.

Реальность: 3 сентября 1939 г. германская подводная лодка потопила английское пассажирское судно «Атения».

Разумеется, Шпанов не мог предугадать всех деталей будущих событий. Он, к примеру, не мог знать, что через считанные месяцы после выхода повести Красная Армия начнет «освободительный поход», который существенно отодвинет границы СССР на Запад. Но тем не менее, повторяюсь еще раз, правильно угаданных событий чрезвычайно много.

А теперь перейдем к еще одному очень существенному моменту истории с «Первым ударом». Моменту, который, вполне возможно, оказался для книги роковым. Между тем ни один из современных критиков не удосужился обратить на него внимание.

В 1930—1950-е годы разрешалось мечтать лишь о заведомо (пусть не сразу, но все равно обязательно, в процессе сталинского преобразования страны) исполнимом: подземном экспрессе до Дальнего Востока («Глубинный путь» Н. Трублиани), цельнометаллическом дирижабле («Воздушный корабль» А. Беляева), подземоходах («Победители недр» Г. Адамова) и прочем в том же духе. Даже такая, казалось бы, невероятно, как коренное климатическое преобразование Арктики («Изгнание владыки» того же Г. Адамова), — на самом деле вовсе не беспочвенное фантазирование, а продолжение господствующей идеи о том, что не нужно ждать милостей от природы. Ведь согласитесь, явись на свет соответствующий партийный документ — тотчас бы пошли на Север и колонны зеков, и колонны комсомольцев, пошли, никуда бы не делись. И строили бы железные дороги, и возводили плотины, и ломали вековой климат, ибо нет на свете никого сильнее человека, а сильнее человека, вдохновленного словом Вождя, — и подавно. А о том, что такое возможно не гипотетически, свидетельствуют затерявшиеся в заполярной тундре остатки никогда не использовавшихся железнодорожных магистралей — ржавый монумент несостоявшемуся перекрою природы.

Поэтому и в повести Николая Шпанова *мы имеем дело не с ошибочным взглядом на будущую войну, а с описанием событий, которые могли бы иметь место в ближайшем будущем*, — как и положено добропорядочному фантастическому произведению тех лет (что и подтверждается точностью шпановских прогнозов).

То есть получается *все строго научно?*

То есть — да.

7. О КАКОЙ ВОЙНЕ НАПИСАЛ ШПАНОВ?

...В тех нескольких строчках, коих удостоился Шпанов в трехтомной «Истории русской советской литературы», мелькнула странная оговорка: автор, дескать, полагал, что война продлится *всего две недели*.

Это — начало шестидесятых. Спустя сорок лет неизвестный автор, помянув Шпанова на страницах «Алфавита» (цитату я привел в начале статьи), исходя из непонятных соображений, вновь повторяет слово в слово давнюю фразу: «...через *пару недель* враг капитулирует».

Я перелистал книжку вдоль и поперек.

РЕЧЬ В НЕЙ ИДЕТ ТОЛЬКО О ПЕРВОМ ДНЕ ВОЙНЫ. НИКАКИХ СРОКОВ продолжительности будущей войны НЕ УКАЗАНО.

Может, пишущие о двух неделях располагали каким-то иным вариантом повести? Но такового нет, а в первопубликации фрагментов (1936 г.) тоже имелся вполне недвусмысленный подзаголовок: «Отрывки из повести «**Двенадцать часов войны**» (выделено мной. — Я.Р.).

Все.

Создается впечатление, что пишущие о Шпанове знают о книге нечто такое, что не знал и сам автор. Может, в этом «нечто» и заключена причина, по которой впала в немилость книжка?..

В. Ревич в статье «Перекресток утопий», а затем и в одноименной книге прошелся насчет «Первого удара»: как у Шпанова все просто и легко! Только, недоумевал критик, непонятно тогда, зачем в повести *описана мобилизация* — враг-то уже фактически разбит. Это недоумение простительно: В. Ревич смотрел на книгу с точки зрения литературоведа, а не историка. Для нас же упоминание в повести о мобилизации принципиально важно: оно вновь указывает на то, сколь верно Шпанов описал будущие события.

Потому что, по мнению Шпанова, разгром Германии не означал окончание войны. Он скорее ознаменовывал ее начало.

В директивных документах мая-июня 1941 года говорилось: «*Не исключена возможность, что СССР будет вынужден в*

силу сложившейся обстановки **взять на себя инициативу наступательных боевых действий**» (выделено мной. — Я.Р.). Война готовилась, и это должна была быть война народная, ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ. Ибо несколькими годами раньше (в 1937 г.) Сталин объявил: *«Война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу у противника. Буржуазия может не сомневаться, что многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям, которые затеяли преступную войну против отечества рабочего класса всех стран. И пусть не пеняют на нас господа буржуа, если они на другой день после такой войны недосчитаются некоторых близких им правительств»*. В «Первом ударе» так оно и было: советские летчики бомбят немецкие города, а немцы тут же поднимают восстание... против фашизма. Чуть, заметил кто-то из критиков. Заметил уже в наше время, словно в реальности советские самолеты и артиллерия не били по немецким городам и словно после этого советских солдат на руинах не встречали со слезами радости те, кому фашистский режим был ненавистен. Так что даже такие, казалось бы, одиозные фрагменты повести, как вооруженное восстание немецкого пролетариата, — отнюдь не преувеличение и уж тем более не чушь.

А теперь обратите еще раз внимание на высказывание Сталина. Он говорит не об одной стране, он пророчествует о многих странах «в Европе и Азии». Где опять-таки пролетариату поможет СССР.

Как?

Так же, как помогли в Западной Украине и Белоруссии, Молдавии, Прибалтике.

Мы уже говорили о совпадениях. Среди советских писателей не было нострадамусов, но само время заставляло их делать правильные прогнозы.

Пустой консервную жестянку
воды для друга зачерпнем
и запасной его портянкой
больную ногу обернем.
Под Кенигсбергом на рассвете
мы будем ранены вдвоем,
отбудем месяц в лазарете,
и выживем, и в бой пойдём...

Это Константин Симонов, еще один разрешенный талант советской эпохи. Его стихотворение «Однополчане» ничем не примечательно — обычные фронтовые стихи, каких за пять лет написаны тысячи. Только вот написаны они... за три года до 1941-го. С кем, по мнению Симонова, мы могли воевать под Кенигсбергом, это понятно — с фашистами. Истина, не требующая доказательств. Но прочтите еще раз две последние строчки, а прочитав, ответьте: если речь идет о молниеносной малокровной войне (а про иную тогда и не говорили), то *где должна проходить линия фронта через месяц после боев под Кенигсбергом?* То, что не в Германии, это точно.

Можно посмеяться над амбициями Жириновского, мечтавшего омыть сапоги в Индийском океане. Но не в фантазии, а в самой что ни на есть суровой реальности к концу 1941 года советский солдат вполне мог зачерпнуть «пустой консервную жестянку» воды из Ла-Манша... А маршал Жуков мог телеграфировать в Кремль о завершении операции «Гроза».

Про то, что Сталин готовился к агрессии против Европы, писали много, и повторять, скажем, версию Виктора Суворова я не собираюсь — не та задача. Я хочу обратить внимание лишь на то, как точно сюжет книги Шпанова повторяет секретный (секретный!) сталинский план войны в Европе, чье название копирует фамилию одного из главных героев повести — «Гроза».

Для начала войны нужно не так уж и много: скажем, провокация на границе и тут же, вместе с объявлением войны, — массированный налет на приграничные территории. Не исключая такого развития событий, доктор Й. Геббельс писал в дневнике: *«Восточная Пруссия так насыщена войсками, что русские своими превентивными авиационными налетами могли бы причинить нам тяжелейший урон»* (запись от 14 июня 1941 г., как раз в этот день ТАСС заявляет, что Германия соблюдает пакт...). Да, если бы в эти дни такой налет состоялся, спустя пару лет повесть Шпанова была бы переиздана как документальная...

Потом, когда танковые клинья вломились бы в Польшу (начальник генерального штаба Ф. Гальдер: группировка советских войск *«вполне допускает быстрый переход в наступле-*

ние, которое было бы для нас крайне неприятным» — дневниковая запись от 7 апреля 1941 г.), дальняя авиация практически безнаказанно нанесла бы свои удары по любым объектам в Германии. Безнаказанно? А что же немецкие ПВО? *«Истребители не выходили навстречу СБД. Их не хватало у германского командования. Оно не могло оборонять авиацией всю территорию империи».* Эти слова Шпанова ныне подтверждаются документально — накануне вторжения в СССР на территории Германии в составе ПВО имелось всего около трехсот самолетов, ВВС были рассредоточены на фронтах.

Согласно концепции, господствующей в нашей армии, в будущей войне наступление могло вестись непрерывно 15—20 и более суток. Это же положение закреплялось и в плане «Гроза»: на 30-й день операции фронт должен был выйти на линию Остроленка — р. Нарев — Лович — Лодзь — Крейцбург — Оппельн — Оломоуц. В реальности во время «освободительного» похода в Польшу Красная Армия не достигла этих рубежей, и сам поход занял всего *девять неполных дней*. Кстати, потери нашей армии при этом составили (по официальным данным) чуть больше семисот человек убитыми и около двух тысяч ранеными — цифры словно бы взяты из «шапкозакидательной» повести, настолько они малы. Ну а далее? Далее — вся Европа, теми же темпами.

Для этого, конечно, нужно было иметь огромное численное превосходство как в живой силе, так и в технике. Но оно имелось! При скрытой мобилизации Красная Армия, располагавшая тогда 303 дивизиями, могла иметь в полной боевой готовности 172 уже на 2—4-е сутки после приказа, еще 60 — на 4—5-е сутки, остальные — на 6—10-е сутки мобилизации. Для войны с Германией выделялось 247 дивизий, или 81,5% от общей численности армии: 6 млн. человек, 62 тыс. орудий и минометов, 14,2 тыс. танков и 9,9 тыс. самолетов (впрочем, и без этого плана советское военное руководство располагало на западных рубежах накануне войны 3,5 тыс. самолетов, что создавало почти двукратное превосходство над силами Люфтваффе). Эти силы и должны были пройти от Бреста на востоке до Бреста на западе.

Вот для чего в повести Шпанова объявлялась мобилизация.

Нападение Гитлера смешало карты Сталину, но несколькими годами спустя наши генералы все же продемонстрировали правильность своих предвоенных расчетов, когда в ходе Ясско-Кишиневской и Висло-Одерской операций танки проходили до 75 километров в день! *“Наш батальон проорвался к аэродрому настолько стремительно, что они не успели поднять в воздух самолеты, и наши танки неслись по аэродрому, ломая плоскости, круша «мессершмиты» и «юнкерсы»”,* — вспоминала офицер связи И. Левченко об одном из боев в Венгрии. Точно так же, с ходу, наши части захватывали немецкий аэродром и в финальных главах «Первого удара».

Мог ли Шпанов, работая над повестью, основываться на закрытых источниках? Ведь не зря же все хулители в голос говорят о «заказанности» книги. Не думаю, что литератор не первой величины мог быть допущен к секретным документам. Возможно — и то с большой натяжкой, — что какие-то намеки писатель мог получить от друзей-авиаторов, но существование даже этого информационного канала кажется мне чересчур гипотетичным.

Получается, что *автор, основываясь лишь на официальных источниках и собственном опыте, сумел разработать свой вариант начала войны в Европе, который с точностью совпал с планом советских стратегов «Гроза».* Может быть, в этом в большей степени заключается истинная причина той опалы, которая постигла «Первый удар» на долгие годы (и именно отсюда растут ноги у странных оговорок о двух неделях): военные не могли допустить, что даже в виде беллетристической фантазии их тщательно разработанный план был обнародован *накануне его воплощения в реальности.* Для этого и была уничтожена книга, для этого и спустили с цепи критиков — ату! А позже эстафету стрельбы по проверенной мишени переняли и критики нового, уже постсталинского времени. Ведь нет ничего прочнее старых заблуждений.

...В 1936 году Ворошилов объявил: *«Теперь, когда наши силы удесятились, мы вовсе и не ставим вопрос, победим ли мы врага или нет. Победим безусловно. Сейчас не в этом уже дело. Сейчас вопрос ставится так: какой ценой, какими усилиями, какими жертвами мы победим? Я лично думаю — так*

думает т. Сталин, так думает т. Орджоникидзе, так думает весь наш ЦК и правительство, — что мы должны победить врага, если он осмелится на нас напасть, малой кровью, с затратой минимальных средств».

В том, что вышло не так, нет вины Шпанова. Пора снять избитую мишень и спрятать ее в запасник.

Написал эту строчку и усмехнулся: в запасник — это как, до поры?

Дмитрий Володихин, Игорь Черный

НЕЗРИМЫЙ БОЙ

Фантастический детектив в русской
литературе XX века

В традиции англо-саксонской фантастики немало авторов, получивших известность международного уровня, писали фантастические детективы. Так, например, Айзек Азимов отдал дань этому жанру в дилогии «Стальные пещеры» — «Обнаженное солнце» (1954—1956). Собственно, она является естественным продолжением классической азимовской «роботиады»: в роли следователей-напарников здесь выступают человек и робот. Космические детективы есть также, например, у Джека Вэнса. Широко известен чисто детективный роман Мюррея Лейнстера «Убийство США» (1946) и не менее того — роман Мака Рейнольдса «Секретный агент на пять заданий» (1969). Ярko выражены элементы детектива в романах Роберта Асприна о Корпорации М.И.Ф. (1980-е гг.).

Не столь давно Рэндалл Гарретт и — чуть позднее — Глен Кук вывели на широкую литературную сцену жанр «магического детектива», написав циклы романов о сыщиках, расследующих преступления, которые были совершены при помощи чародейства. Это нововведение вызвало вал подражаний (в том числе и в России). Исключительную популярность за рубежом

получили рассказы Гарретта о приключениях детектива лорда д'Арси. У нас более известен Кук.

Наконец, Станислав Лем написал два романа с очевидными «родимыми пятнами» детектива — «Расследование» (1959) и «Насморк» (1976). В обоих случаях криминальные мотивы (следствие по делу о серийных убийствах) послужили поводом для разговора на философские темы. В «Расследовании» — о границах познаваемости мира, а в «Насморке» — о потенциальных угрозах бытового и технического прогресса для человека. Аналогично детективной составляющей воспользовался и Ларри Нивен, создавший цикл произведений об использовании в целях трансплантации органов, изъятых из тела преступников. В качестве яркого примера можно назвать его роман «Девушка из лоскутков» (1980).

Однако в целом приходится констатировать: при колоссальной мощи боевикового сектора в фантастической литературе и значительной развитости другого смежного жанра — шпионского романа с фантастическим антуражем, классический детектив для мировой фантастики — нечастый гость. В галактике фантастической литературы на дюжину боевиков приходится, наверное, всего один детективный роман, если не меньше. Довольно редко фантастика и детектив гармонично сливаются, еще того реже из этого слияния рождаются действительно известные тексты. Введение фантастами в ткань повествования элементов детектива, вообще перенос криминального антуража на фантастический мир — прием широко распространенный. Однако детективное расследование в цельном, «цветущем» виде — от преступления до ареста преступника — слишком самодостаточный способ построения литературного произведения, чтобы не сталкиваться с другим самодостаточным способом — введением фантастического элемента. Наладить сотрудничество в данном случае по определению крайне трудно. С названной проблемой, естественно, столкнулись и отечественные фантасты.

КОРНИ

Детективный элемент, сопряженный с разгадкой какой-либо загадки, тайны (убийства, исчезновения, похищения), практически изначально был присущ отечественной фантастике. Вспомним хотя бы повесть Фаддея Булгарина «Предок

и потомки» (1829), где полиция арестовывает неизвестного бродягу, который после проведенного следствия оказывается стольником царя Алексея Михайловича, проведенным почти полтора столетия в состоянии анабиоза. Налицо многие признаки криминально-полицейского жанра: неизвестный, следствие, очные ставки. Однако основное содержание повести — сатирическое. Автор, сталкивая предка и потомков, сопоставляет «век нынешний и век минувший» далеко не в пользу первого. Имеются «криминальные» мотивы и в других произведениях Булгарина: романе «Записки Чухина», повести «Похождения Митрофанушки в Луне», а также в сочинениях его современников: романе Михаила Загоскина «Искуситель», сборнике Осипа Сенковского «Фантастические путешествия Барона Брамбеуса».

КРАСНЫЕ ПИНКЕРТОНЫ

Но говорить о появлении в русской фантастике такой ее разновидности, как фантастический детектив, можно применительно лишь к XX веку. До того была всего лишь предыстория. Что вызвало к жизни этот тип фантастики? Возможно, отчасти это было связано с криминализацией общества, спровоцированной гражданской войной. Сыграло свою роль и начавшееся великое противостояние двух систем, когда новорожденная Страна Советов оказалась в капиталистическом окружении. Но факт остается фактом. В 20-е годы XX века появляется целый ряд фантастических сочинений, в которых интрига строилась по законам детективного жанра.

«Долина смерти» В. Гончарова, «Трест Д.Е.» И. Эренбурга, «Республика Итль» Б. Лавренева, «Остров Эрендорф» и «Повелитель железа» В. Катаева, «Месс-Менд» и «Лори Лен, металлост» М. Шагинян, «Иприт» В. Иванова и В. Шкловского, «Борьба в эфире» А. Беляева — вот тот далеко неполный ряд романов, вышедших в 1920-х годах и получивших в науке условное наименование «красного Пинкертона». С одной стороны, им были присущи газетно-рубленный стиль, сенсацион-

ный сюжет, нарочитая приближенность к поэтике кинематографа. С другой — ориентация на лубочные брошюры, массово выходившие до революции и посвященные головоломным приключениям сыщиков Ната Пинкертона, Ника Картера, Ивана Путилина. Вряд ли стоит воспринимать эти книги слишком серьезно. То была своего рода литературная игра, когда маститые литераторы надевали карнавальные маски наподобие Джима Доллара и разыгрывали «капустник», потешаясь над незатейливыми вкусами почтенной публики. Конечно, они вынуждены были учитывать и те глубокие изменения, которые произошли в читательской среде, когда тысячи образованных людей с хорошо развитым литературным вкусом сгорели в огне «той единственной, гражданской».

С легкой руки названных выше писателей в фантастике на долгие-долгие годы утвердилось практически одна разновидность детектива — шпионский роман. Схема его сводилась к одному: некий отечественный ученый (изобретатель, деятель искусства) делает важное открытие (создает какой-то аппарат или шедевр), за которым начинают охотиться подлые шпионы-диверсанты. Доблестные сотрудники компетентных советских органов вовремя вмешиваются и предотвращают утечку драгоценного материала на Запад. Была и зеркальная схема, в центре которой находился зарубежный творец, попадающий в цепкие объятия капиталистических спецслужб, мечтающих использовать его детище в грязных целях. Подобные книги могли иметь двоякий финал: либо творческая личность погибала (чаще всего), либо переходила на сторону Добра (т.е. СССР и КПСС).

Вспомним классические примеры произведений, созданных в довоенное время по этим схемам. Та же «Голова профессора Доуэля» А. Беляева. Разве же не типичный уголовно-криминальный сюжет да еще с добрым налетом триллера? Пропадают люди, в том числе и известный ученый. Полиция и сын покойного ведут параллельное расследование, в результате которого обнаруживают жуткую правду. Или «Гиперболоид инженера Гарина» А. Толстого. Тут вообще круговерть из советских милиционеров, французских сыщиков, эмигрантов-террористов, похищенных ученых и миллионеров. А знаменитые романы Г. Адамова «Тайна двух океанов» и А. Казанцева

«Пылающий остров», С. Беляева «Радио-мозг», Ю. Долгушина «Генератор чудес»? Это уже настоящие шпионские детективы с легким налетом фантастики. Фантастика, как уже говорилось, нередко становится неотъемлемым элементом настоящего шпионского романа. Достаточно посмотреть на всемирно известный цикл книг Яна Флеминга о Джеймсе Бонде. Ну чем не фантастика?

Ситуация с предвоенной советской фантастикой понятна. СССР находился на пороге самой страшной в истории человечества войны. Да еще и гениальные умозаключения «отца народов» об обострении классовой борьбы по мере продвижения к коммунизму. Шпионов искали там и тут. К сожалению, практически не изменилась ситуация и в послевоенные годы. Страна снова оказалась в состоянии войны. На сей раз «холодной». Происки капиталистических акул, направленные на экономическое и политическое уничтожение «первого в мире государства рабочих и крестьян», усилились. Полчища новых и новых рыцарей плаща и кинжала устремились в наше многострадальное отечество. Конечно же, фантасты тут же ударили на сполох. Романы и повести «Энергия подвластна нам» В. Иванова, «Патент АВ» Л. Лагина, «Судьба открытия» Н. Лукина, «Защита 240» А. Меерова, «Сокровище Черного моря» А. Студитского, «Разведчики зеленой страны» и «Черный смерч» Н. Тушкана, «История одной сенсации» и «Накануне катастрофы» Н. Томана носили ярко выраженный памфлетный характер. Главным здесь являлись головоломные приключения, поиски шпионов и обличение поджигателей войны.

БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА

«Оттепель» 1960-х годов внесла серьезные и необратимые изменения в духовную жизнь нашего общества. Деятели культуры перестали изображать мир посредством двуцветной палитры. Кроме черного и белого (хорошего и плохого), обнаружилась еще масса цветов и оттенков. Мучительные копания в себе, поиски смысла жизни и идеала, выяснение законов общества и общежития — вот что было на переднем плане для

творцов, в том числе и тех, кто лелеял ниву фантастики. Удельный вес приключенческой фантастики с детективным сюжетом в 60—70-е годы XX века значительно уменьшается. Зато в качественном отношении она становится намного художественнее и разнообразнее в стилевом и жанровом отношении.

Например, в это время появляются зачатки детективного фантастического боевика, столь распространенного в последнее десятилетие. К произведениям такого плана можно отнести цикл Д. Биленкина о психологе Польшове (повести «Десант на Меркурий», «Космический бог», «Конец закона»), а также цикл Г. Прашкевича «Записки промышленного шпиона» (повести «Шпион в Юрском периоде», «Шпион против компьютера», «Итака — закрытый город», «Шпион против алхимиков»). Явно под впечатлением англоязычных романов Яна Флеминга создает свою «бондиану» В. Аксенов: озорную дилогию для детей «Мой дедушка — памятник» и «Сундучок, в котором что-то стучит», а также в соавторстве с О. Горчаковым и Г. Поженяном (под общим псевдонимом Гривадий Горпожакс) пишется роман «Джин Грин — неприкасаемый». Сюда же отчасти примыкают и пародийные, высмеивающие расхожие штампы детективной литературы рассказы и повести И. Варшавского «Новое о Шерлоке Холмсе», «Ограбление произойдет в полночь», «Инспектор отдела полезных ископаемых».

Гораздо же более интересными представляются попытки создания в 60—70-е годы философского фантастического детектива. В этом ряду стоят романы А. Громовой и Р. Нудельмана «В Институте времени идет расследование», В. Савченко «Открытие себя», М. Емцева и Е. Парнова «Море Дирака» и, конечно же, знаменитая повесть А. и Б. Стругацких «Отель «У погибшего альпиниста»». Первые три книги в принципе продолжают традиции «шпионско-диверсанта» романа, подводя определенную черту под развитием этой жанровой разновидности. Действие каждого из этих произведений так или иначе связано с работой какого-то научно-исследовательского заведения, изучающего важные проблемы и сталкивающегося с противодействием враждебных сил. Однако детективная интрига служит лишь структурным элементом сюжета, а не базовой основой для идейно-тематического

пространства и поэтики романов. Авторы гораздо более интересуют морально-нравственные и философские проблемы, решаемые их героями. Насколько этично то, над чем бьются ученые умы. Можно ли предавать широкой огласке результаты тех или иных экспериментов.

Повесть «Отель «У погибшего альпиниста»» (1970) обрела большую известность благодаря имени ее авторов, стоявшем в конце 1960-х, когда она писалась, необыкновенно высоко на небосклоне нашей фантастики. Но сами А. и Б. Стругацкие не были ею довольны — судя по воспоминаниям Б. Стругацкого. Они замыслили повесть в качестве творческого эксперимента, попытки сделать «добротную, проходную, сугубо развлекательную повестуху» и в то же время очередную «отходную детективному жанру». Но, видимо, простая развлекательность в ту пору была уже не по душе Стругацким. Получился компромисс. С одной стороны, все формальные признаки детектива налицо: криминальная загадка, ведущий расследование офицер полиции Глебски, brutальные гангстеры... С другой стороны, в последних главах появляется этическая проблема с большой буквы, и она буквально съедает детектив. Неглупый и достаточно храбрый современный человек (тот же Глебски) сталкивается с пришельцами, «система», т.е. в данном случае тяга в любом случае подчиняться писаному закону, ставит перед ним своего рода психологический барьер. Чтобы помочь пришельцам, спасти их, нужно нарушить закон, перепрыгнуть барьер. Тут заложен своего рода невысказанный тест на готовность человечества к контакту... Глебски не решается пренебречь законом, пришельцы гибнут, тест не сдан... Детективная канва фактически подчинена этическому конфликту, она играет роль декораций, фона.

Схожим путем пошел Э. Геворкян в повести «Правила игры без правил» (1983). Автор честно удержал остроту полицейского расследования до самого конца. Не менее сложная этическая проблема с головой накрывает главного героя, но читатель при этом до последних страниц чувствует себя погруженным и в атмосферу детектива (чуть ли не боевика), и в атмосферу НФ.

ПО ЗАКОНАМ РЫНКА

Резкие и качественные изменения произошли с фантастическим детективом в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века. По сути, изменилась вся наша жизнь, а вместе с ней, естественно, и русская фантастика. Избавленные от идеологических догм и штампов, с одной стороны, и вынужденные подстраиваться под безжалостные законы рынка — с другой, писатели-фантасты осваивают новые горизонты и пласты. Практически исчезает бытовавшая прежде форма шпионского романа. Зато взамен появляются такие разновидности детективного жанра, как исторический, юмористический, сказочный, философский, «магический», научно-фантастический (связанный прежде всего с виртуально-компьютерной тематикой и космосом), политический фантастический детектив. И это только весьма общая внутрижанровая типология. Порою бывает достаточно трудно отнести какое-либо произведение к какому-то определенному типу. Интересно отметить, что все перечисленные нами разновидности тяготеют к классической детективной форме. В них есть преступление и преступник, а также сыщик, расследующий криминальную тайну. Боевик, криминальный роман (в котором главным действующим лицом является благородный или подлый преступник) становится самостоятельной разновидностью фантастической литературы и сам по себе заслуживает особого разговора. Мы же ограничимся перечисленными формами классического романа «тайн и загадок».

Признанным мастером исторического детектива является Андрей Валентинов. К произведениям интересующего нас плана относятся такие его романы, как «Серый коршун», «Овернский клирик», «Дезертир». Герои этих книг, живущие либо в Древней Греции, либо в средневековой Европе, либо в XVIII веке, раскрывают какие-то загадки истории или частные преступления. В этом валентиновская криптоистория во многом напоминает распространенный сейчас жанр ретродетектива. С той лишь разницей, что антураж романов харьковского автора гораздо более фантастичен. Тонкое знание истории, точное воспроизведение местного колорита, соединенное с напряженной

и яркой интригой, — вот основные свойства фантастических детективов Валентинова.

На пороге нового тысячелетия получили широкую популярность историко-альтернативные детективы Хольма ван Зайчика. В них авантюрная начинка играет на равных с социальной и этической составляющими. Главными для читателя становятся не столько антикриминальные действия двух следователей — главных героев сериала, сколько их мировоззрение, нравственные запреты, гармония их душ.

Сказочно-юмористические детективы пишет Андрей Белянин. Его перу принадлежит цикл романов о детективном агентстве, действующем во времена царя Гороха: «Тайный сыск царя Гороха», «Заговор Черной мессы», «Летучий корабль». Главным героем здесь является обычный парень, участковый милиционер Никита Ивашов, случайно перенесенный в царство славного Гороха. Ему помогают «эксперт-криминалист» Баба Яга и дюжий парень с замашками милицейского старшины Дмитрий Лобов. И вот эта троица в меру своих сил и возможностей сражается со всевозможной нечистью, пытающейся погубить землю Русскую.

На грани иронического и философского жанров написан роман Далии Трускиновской «Аметистовый блин». В его центре группка комичных, чуток придурковатых героев, гонящихся за таинственным артефактом, способным исполнять наиболее потаенные человеческие желания. Трускиновская с грустной иронией анализирует тип нового героя времени, туриста-качка, не способного ни на романтические порывы, ни на контакт с Чудом, Неведомым. Герой решительно захлопывает приоткрывшуюся было ему дверь в параллельный мир, не будучи в состоянии найти для Неведомого место в традиционной шкале человеческих ценностей.

В жанре магического детектива наиболее заметными произведениями отечественных фантастов являются циклы Макса Фрая о мире Ехо, Александра Зорича «Свод Равновесия» и роман М. и С. Дяченко «Магам можно все».

«Магический детектив» — жанр, давно освоенный англо-американской фантастикой. Собственно, его появление было логическим развитием фэнтези: если может существовать магия, ее обязательно начнут использовать во вредоносных целях, а потому вполне естественно появление магов-защитников, ма-

гов-стражей, магов-полицейских. Или даже профессиональных групп подобного рода — частных агентств, государственных контор. На российской почве лучше всего получился вариант «магической госбезопасности». Видимо, крепки писатели традициями...

Мощнейшая многофункциональная организация под названием Свод Равновесия фигурирует в сериале Александра Зорича, посвященном миру Сармонтазары. Здесь магия мешается с большой политикой. Быт рыцарей-офицеров-магов показан с добротной профилировкой, в подробностях. И это правдоподобие привело Зорича к необходимости наспиговать Свод Равновесия теми же проблемами, что и настоящие спецслужбы. Той же внутренней грызней, той же борьбой честолюбий, тем же бюрократизмом.

Другой вариант «магической госбезопасности» можно найти в названном сериале Макса Фрая. Тайный Сыск королевской столицы Ехо значительно «мягче» Свода Равновесия. Это организация, скорее напоминающая магический орден со своим магистром и его учениками-помощниками. И одновременно это очень интеллектуальное место, компания умных шутников. Господа Тайные Сыщики занимаются исключительно серьезными делами, правда, выполнены все повествования об их расследованиях иронично, так что с самого начала читателю нечего бояться и не за что тревожиться: все кончится хорошо... Собственно, основная разница между миром Фрая и миром Зорича: в первом случае игра ведется серьезно, с потерями и поражениями, а во втором все — милая бутафория, романтический приют магических артефактов, мантий и кулинарной магии.

Герой романа Дяченко «Магам можно все», двадцатипятилетний наследственный маг Хорт зи Табор, становится обладателем заклинания Кары, дающего возможность наказать кого угодно и «из внестепенного мага стать великим». Новоявленный сыщик принимает к производству дело, связанное с тем, что кто-то изымает у людей их сущностные, характерологические качества. Весь дальнейший ход расследования превращается в напряженный поединок, решение задачи со многими неизвестными. Есть несколько подозреваемых, несколько рабочих гипотез, отработка каждой из которых заводит следствие в тупик. И неожиданный финал, в котором раскрытие преступления отнюдь не приносит сыщику удовлетворение.

НА ПИРУ НЕПОБЕДИМОЙ ТВАРИ

Значительное место в современном русском фантастическом детективе занимает пласт научно-фантастических романов, как правило, написанных в философском плане. Сюда можно отнести книги А. Громова «Год лемминга», «Крылья черепахи», В. Бурцева «Охота на НЛО», М. Тырина «Последняя тайна осени», в какой-то степени его же «Дети ржавчины» и «Тварь непобедимая», ряд романов С. Лукьяненко. И, разумеется, колоссальную популярность получили произведения Кира Булычева, несущие явный детективный элемент. Это, во-первых, значительный процент сериала о непоседливой Алисе, девочке из будущего, и, во-вторых, романы о Галактической полиции и ее тайном суперагенте Коре Орват.

Для примера можно взять роман В. Бурцева «Охота на НЛО». В нем автор попытался создать отечественный аналог «Ангара-18». Оказывается, еще в сентябре 1940 г. в воздушное пространство Эстонии вторгся неопознанный летающий объект. Его, конечно же, сбили, умертвив ни в чем не повинных инопланетян, и тут же начали изучать. Спустя 60 лет отголоски правды доходят до нескольких заинтересованных и совсем незаинтересованных лиц. Начинается следствие, поводом для которого послужила гибель бывшего сотрудника КГБ. В книге два героя и, соответственно, две сюжетные линии. Одна связана с российским капитаном милиции Сергеем Слесаревым, а вторая — со следователем отдела служебных расследований эстонской Полиции Безопасности Хейти Карутаром. Вероятно, роман Бурцева — один из редких сейчас случаев возрождения шпионского романа.

В 90-х годах большим успехом и у фантастов, и у их читателей пользовался политический детектив с легкой добавкой фантастического элемента. Как минимум две книги подобного рода завоевали значительную популярность: романы «Вариант «И» В. Михайлова (1998) и «На чужом пиру» В. Рыбакова (1999). В обоих случаях произошло примерно то же, что и в повести Стругацких «Отель «У погибшего альпиниста». Детектив оказался на задворках повествования. У Михайлова намечены шпионские страсти, слежка, защита VIP-персоны

от ожидающегося нападения и т.п. У Рыбакова также вроде бы дань уважения детективу отдана: частное лицо связывается с офицером соответствующего ведомства и совместно с оным ведомством пытается противодействовать «утечке мозгов» в США, сопровождающейся летальными исходами для мозгов не согласившихся... Тайные операции в тексте имеют место быть, мотив расследования тоже присутствует. Но над как-бы-детективным сюжетом и здесь, и там абсолютно преобладают авторские рассуждения о судьбах России, путях ее развития в ближайшем будущем и о роли, назначенной историей для интеллигенции. Разница по отношению к «Отелю...» одна: если у Стругацких концовка текста ощутимо съезжала в сторону научной фантастики, то у Михайлова и Рыбакова сама фантастика отступает на второй план, становится такой же декорацией, как и детектив. Фантастическое допущение в первом случае ограничивается переносом действия в XXI век, притом не очень далеко от наших дней. Во втором — некоторыми парапсихологическими способностями, дарованными главному герою. В общем, негусто. Это, разумеется, не лишает романов их художественных достоинств; совершенно справедливо они были высоко оценены читателем. Дело в другом. Политический детектив еще в советское время выработал формы, до крайности сближающие его с фантастикой, например, использование выдуманных стран (та же Нагония в романе «Пресс-центр уполномочен заявить» Ю. Семенова). Намеренное соединение НФ и политического детектива позволяет автору оставлять лишь тончайшую фантодетективную кисею, не вызывая у публики раздражения... Возможно, здесь заложен перспективный путь развития для особого жанра. Отчасти к нему тяготеет «Гравилет «Цесаревич» того же В. Рыбакова.

Однако то, что получается у мастеров, неподвластно перу автора из «среднего звена». В произведениях, не относящихся к творчеству мэтров, соединение детектива и фантастики чаще всего оборачивается художественной ахинеей. Законы жанров толкаются друг с другом, не желая уступать дорогу. Наверное, требуется весьма высокий уровень мастерства, чтобы с успе-

хом ставить такого рода эксперименты. Впрочем, динамичный детективный жанр настолько привлекателен, что многие именитые фантасты «поменяли ремесло», взявшись за создание детективных романов. В их числе Андрей Измайлов, Борис Руденко, Геннадий Прашкевич.

Фантастика и детектив напоминают двух странников, бредущих по дорогам, которые иногда сближаются почти до полного слияния, но в конечном итоге приходят в разные города.

Дмитрий Байкалов, Андрей Синицын

ОСОБЫЙ ДОЗОР

**ИСТИННАЯ ПРАВДА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО, ПОВЕДАННАЯ АВТОРАМИ
ПАПЕ МУМИ-ТРОЛЛЯ**

И да послужат мои непритязательные заметки уроком и утешением всем муми-троллям... Но за исключением отдельных преувеличений и небольших ошибок, которые наверняка только усилят местный колорит и живость изложения, жизнеописание мое будет вполне соответствовать действительности.

Туве Янссон. «Мемуары папы Муми-тролля»

Вступление

Собрались мы как-то с целью проинтервьюировать самого известного в Европе автора мемуаров, написанных, кроме всего прочего, в жанре фантастики...

Глава первая, в которой рассказывается, как мы задумались о поисках настоящей сказки в дебрях прагматизма

В последнее время мемуары фантастов, с легкой руки журнала «Если», вошли в моду. Популярность рассказов этих заслуженных и уважаемых в околофантастической — и не только — среде людей о времени и о себе превзошла самые смелые ожидания. Борис Стругацкий, Владимир Михайлов, Владислав Крапивин, Кир Булычев, Геннадий Прашкевич, Белла Ключева — список, согласитесь, впечатляющий. Однако внутренний голос подсказывал нам, что в картине НФ-мироздания XX века все же чего-то не хватает. Небольшого штришка, завершающего мазка. Долгие бессонные ночи, бесчисленные консультации, финальный мозговой штурм в конечном итоге привели к результату.

Мы сделали это. Мы поняли, без чьих откровений невозможно понять тех глубинных основ, из которых вырастает мировосприятие настоящего любителя фантастики. Истина, которая, конечно же, была рядом, но к которой мы добирались долгими окольными тропами, гласила: «Мемуары папы Муми-тролля».

XXI век отличается от своего предшественника сугубой прагматичностью. Романтика осталась в прошлом. Мы перестали делать большие хорошие глупости, не лазим в окна к любимым женщинам, а посылаем им SMS-ки, поскольку так удобнее. Нам же подобная ситуация оказалась только на руку. Для того чтобы попасть в Муми-долину, не пришлось пользоваться ни стимулирующими жидкостями, ни, тем более, волшебным эликсиром. Все было до отвращения буднично.

В финском посольстве к цели поездки — Еврокон (в 2003 году проведение этой общеевропейской конференции по вопросам фантастики было доверено старой столице нашего северного соседа — городу Турку) — отнеслись с подозрением. А вот к интервью с Муми-папой — гораздо благосклоннее. Во всяком случае, шенгенские визы мы получили незамедлительно. Дальше: вечером — Ленинградский вокзал, утром — Хельсинки, откуда двухэтажный дом на колесах — язык не поворачивается назвать это чудо технической мысли электричкой — за пару часов доставил нас на место. Там довольно легко нам удалось

избежать участи Буриданова осла, благодаря все тому же здоровому прагматизму. Страна Муми-троллей находится в шестнадцати километрах от Турку, тогда как городской университет, где проходил Еврокон, — всего в двух кварталах от отеля, в котором мы остановились.

Глава вторая, в которой повествуется о Евроконе-2003

Итак, Еврокон. Нам давно уже хотелось рассказать о зарубежных конвентах, их особенностях и отличии от отечественных, но все как-то не было повода. И вот наконец он предоставился.

В это трудно поверить, но практически любой западный конвент со стороны больше всего напоминает... Зиланткон. То же разноцветье маскарадных костюмов, то же демонстративное пренебрежение к личному комфорту, а иногда и к личной гигиене. Девяносто процентов участников являются приверженцами, так сказать, внешних атрибутов фантастики. В повседневной жизни это маникюрши и заправщики на бензоколонках, в лучшем случае — мелкие клерки. Целый год они готовятся: копят деньги на поездку, шьют костюмы — чтобы на несколько дней вырваться из повседневной рутины. Литература, как правило, эту публику мало интересует. Комиксы, кино, телесериалы, компьютерные игры — вот их стезя. В стенах университета города Турку можно было встретить Дарта Вейдера и Гэндальфа, клингонов и вулканцев. Но чаще всех попадались на глаза шныряющие туда-сюда сестрички Сейлор Мун, почему-то таскающие друг друга за ошейники на серебряных цепочках. Именно для этой категории участников в программу конвента включаются мероприятия типа The Frodo Horror Show или, скажем, Anime Karaoke.

Однако рядом с этим паноптикумом существует и иная, можно сказать, разумная жизнь. Проходит она в так называемой «зеленой» или VIP-зоне. В нее не допускаются эльфы и джедаи, там находятся лишь те, кто профессионально работает в жанре. Хотелось бы отметить, что, кроме почетных гостей (в 2003 году это были известный писатель Майкл Суэнвик и

директор студии Lucasfilm по связям с фэнами(!) Стивен Сэн-свит), каждый из обитателей «зеленой» зоны *обязан отработать* свое в ней пребывание: художник — организуй выставку, критик — прочитай лекцию, литагент — поделись опытом. Именно на таких мероприятиях да еще на пресс-конференциях почетных гостей происходит пересечение двух миров: тусовочного внешнего и делового внутреннего. К слову, именно в VIP-зоне царит та атмосфера, к которой мы привыкли на Росконе или Интерпрессконе: непринужденное общение всех со всеми рядом с недорогим баром.

Голосование же на Евроконе — это особый случай. Право выбора предоставляется и не всем участникам конференции, и не представителям «зеленой зоны», и даже не почетным гостям: по два решающих голоса получают делегации официально зарегистрированных на Евроконе стран. Номинация же в категориях от «фэнзин года» до «фантаст года» формируется, исходя из предложений тех же делегаций.

Мы честно подготовили свой список, поставив во главе обладателя призов «Золотой Роскон», «Интерпресскон» и «Бронзовая улитка» за 2003 год Сергея Лукьяненко, и честно проголосовали за своих. После чего сразу же поспешили восвояси — голос Муми-долины настойчиво звал нас. Уже в автобусе на Наантали, где, собственно, и находится страна Муми-троллей, мы внимательно ознакомились с полным номинационным списком и пришли к выводу, что в этом году российские перспективы совсем не плохи: более чем в половине стран-участниц Еврокона книги С. Лукьяненко были либо переведены, либо продавались на языке оригинала. Однако мысли наши были уже далеко. Нас ждала главная цель визита в Финляндию — папа Муми-тролля.

Глава третья, в которой мы наконец находим Муми-папу

Щебечут птицы и искрятся морские волны под солнцем Наантали. Издалека доносится звук губной гармошки. Мы, приобретя супербраслеты (опять никакого волшебства), дающие право посещения страны Муми-троллей в течение целого

дня, идем по понтонному мосту на Муми-остров. В кассе нам сообщили, что искомый нами автор мемуаров работает Муми-папой ежедневно с 10 до 18 часов и что стоимость интервью входит в стоимость супербраслета.

Папа Муми-тролля стоял на пороге своего Синего дома, который он когда-то, в другой жизни, начертил на песке. Его окружали одинаково светловолосые скандинавские дети. Чуть поодаль стоял американский мальчик в звездно-полосатой майке, яростно прижимающий к груди резинового Микки-Мауса. Муми-папа заметил нас издали и помахал кончиком хвоста. Когда мы подошли поближе, он сказал:

— Я знаю: вы — русские.

— Вам кассирша сказала?

— Нет, на вашей бутылке написано: «Русская водка».

— Это сувенир. Из России — с любовью.

— Отлично. — Муми-папа повеселел и передал сувенир возникшей ниоткуда Муми-маме. — А я знаю многих русских, — продолжил он, — Александр III, Ленин, Илья Лагутенко, Сергей Лукьяненко...

Признаться, мы опешили:

— ?..

— Парень, которого я назвал последним, час назад стал лучшим фантастом в Европе.

— Полезная вещь — радио, — процитировали мы.

— Я радио не слушаю, у меня свои методы, — среагировал Муми-папа, старательно пряча новенький мобильник «Nokia». — Я всегда думал, что звание лучшего в Европе принадлежит мне. Старею... Вы его, случайно, не знаете? А то бы рассказали мне о нем.

— Вообще-то мы хотели прямо противоположного: взять у вас интервью.

— Потом, все потом. Мне не терпится узнать подробности жизни моего знаменитого коллеги.

Мы подумали: «А почему бы и нет?»

И начали рассказ.

Глава четвертая, в которой мы рассказываем Муми-папе о детстве и юности новоявленного лучшего фантаста Европы

«Сергей Васильевич Лукьяненко родился 11 апреля 1968 года в казахском городке Каратау, чье название переводится как Черные Горы, в семье потомственных врачей. Отец Сергея — известный в республике психиатр, мама — нарколог. Когда Сергею было пять лет, семья переехала в Джамбул. Примерно тогда же мальчик научился читать. Первой прочитанной книгой стала, конечно же, книга фантастическая — подsunутый старшим братом зеленый томик «Незнайка на Луне». Вскоре будущий писатель пошел в первый класс местной школы «с математическим уклоном», которую благополучно и окончил через десять лет. Дальнейшая дорога, естественно, вела в медицину, и в 1985 году Сергей поступил в Алма-Атинский Государственный медицинский институт (АГМИ). К тому моменту он уже был настоящим фанатом фантастики, читал все подряд. Но с новыми книжками было тяжело, и однажды на первом курсе на почве бескнижия захотелось написать что-то самому. Чтобы самому же потом и прочитать. В дальнейшем фантаст Сергей Лукьяненко всегда поступал и поступает так — писать надо то, что потом самому будет интересно прочитать. А тогда было написано несколько коротких рассказов, которые молодой человек радостно начал рассылать по редакциям. Это возымело успех — в 1988 году недавно созданный журнал «Заря», выходявший параллельно на русском и казахском языках, напечатал в разных номерах три рассказа «Нарушение», «Чужая боль» и «Спираль времени». А в конце 1988 года пришел и всесоюзный успех — миниатюру «За лесом, где подлый враг» напечатал «Уральский следопыт». Легендарный редактор «Уральского следопыта» Виталий Иванович Бугров, выловивший рассказ из огромного самотека, стал «крестным отцом» молодого автора. Бугров прислал Сергею приглашение на литературный семинар «Аэлиты-89», а затем и выбил командировку от журнала на всесоюзный семинар в латвийских Дубултах.

Первое крупное произведение Сергей написал на втором курсе — толстая синяя тетрадь вместила в себя три повести «Прости мне свою боль», «Танцы на снегу»* и «Не беги — гололед...», объединенные в роман «Холодное пламя». Роман так и не был опубликован, однако в межпланетных приключениях капитана службы безопасности Земного Содружества Стора Ивина можно увидеть ростки сюжетов многих будущих книг писателя.

Глава пятая, повествующая о первых творческих успехах нашего героя

Много писателей, как на Западе, так и у нас, вышло из фэндома. Сергей не исключение — уже на третьем курсе он основал клуб любителей фантастики «Альфа Пегаса»; начиная с 1989 года активно путешествовал по конвентам и литсеминарам, а на переломе восьмидесятых — девяностых вместе с Аланом Кубатиевым даже основал настоящий журнал фантастики, первоначально носивший название «Чудеса и диковины», но впоследствии переименованный в «Миры». В начале девяностых, отучившись год в интернатуре по специальности врач-психиатр, Сергей сделал окончательный выбор в пользу литературной стези: кроме журнала, работал в газете «Алма-Атинская правда», затем в журнале для девочек «Мальвина», а с 1994 года окончательно ушел «на вольные хлеба». Убедить родителей, что он может идти не по пути медицинской династии, помог гонорар за повесть «Тринадцатый город», напечатанную в одном из сборников ВТО МПФ**, который студент-медик как-то привез домой в Джамбул, — размер гонорара на тот момент превосходил годовую зарплату врача.

В том, что человек, знающий и любящий фантастику, принимается ее писать, есть масса положительных моментов.

* Это название так понравилось Сергею, что много лет спустя он неоднократно пытался его использовать: в рабочем варианте так назывался роман «Геном», а в 2001 г. наконец вышел оригинальный роман, носящий то же название. Никакого отношения к сюжету повести эти романы не имеют. — *Примеч. авторов.*

** Семинары Всесоюзного творческого объединения молодых писателей-фантастов Сергей посещал с 1990 года. По результатам этих семинаров было издано около сотни сборников.

Фантастика — литература идей, и зачастую авторы, приходящие в фантастику «со стороны», не понимают, что их идеи и сюжеты банальны и неоднократно отработаны. Но в чрезмерной начитанности есть и минусы — молодой поневоле начинает подражать своим кумирам. Свой неповторимый стиль, если есть талант, вырабатывается с опытом. В ранних произведениях Лукьяненко сильно ощущается влияние прочитанного. Со страниц его ранних рассказов и повестей на нас с прищуром глядят Хайнлайн и Саймак, Гамильтон и Шекли, а особенно Стругацкие и Крапивин.

Сбросить невольные оковы Сергей смог в 1992 году, когда от подражательства перешел к ниспровержению, к полемике с корифеями. Повесть «Рыцари Сорока Островов», начатая как пародия на книжки Крапивина, выросла в жесткое противостояние крапивинской этике и принесла Лукьяненко всероссийское признание и премию «Старт» за лучшую дебютную книгу*. Детская жестокость а-ля Голдинг на фоне романтического антуража эпатировала читателя, ощущающего себя благодаря мастерству автора на месте героев книги. Повесть подверглась критике со стороны таких мэтров, как Владислав Крапивин и Кир Булычев, отмечавших при всех литературных достоинствах текста нереалистичность поведения подростков в предложенной автором ситуации и чрезмерное количество насилия на страницах книги. Однако читатели, уже чувствовавшие приближение новой, жестокой эпохи, приняли повесть «на ура».

Глава шестая, в которой Муми-папа узнает о многогранности таланта своего русского коллеги

Одна из любимых забав Лукьяненко-писателя — экспериментировать с жанрами, меняя их как перчатки. Он писал и космооперу (трилогия «Лорд с планеты Земля», «Танцы на снегу»**), и жесткий футуристический боевик («Линия Грез»,

* Формально премия была вручена за вышедшую в Красноярске в том же 1992 году, но чуть раньше, книгу «Атомный сон».

** Кстати, существовал и неизданный фэнтезийный вариант первой части трилогии «Принцесса стоит смерти».

«Императоры Иллюзий»), и детскую юмористическую фантастику (трилогия «Остров Русь»), и фэнтези («Мальчик и Тьма»), и мистический реализм («Осенние визиты»), и альтернативную историю («Искатели небес»), и виртуальную реальность («Лабиринт отражений»), и детективную пародию на киберпанк и космооперу («Геном»), и городскую фэнтези («Ночной Дозор»), и т.д. Особенно многогранность таланта автора проявилась в середине девяностых, когда почти одновременно были написаны такие разные по духу и стилю произведения, как «Линия Грез» и «Осенние визиты». В дилогии «Линия Грез» и «Императоры иллюзий» (позже к двум романам добавилась небольшая повесть «Тени снов») используется мир и антураж компьютерной игры «Master of Orion», однако совершенно самостоятельный сюжет не дает поводов называть, как пытаются сделать некоторые «критики», эти произведения новеллизациями. Приключения телохранителя Кея Дача и его юных спутников Артура и Томми в обществе, где бессмертие можно купить за деньги, вроде бы и напоминают обычный квест, однако по сути являются богоискательством. И финал, в котором Кей приходит к Богу, но видит перед собой лишь пустыню, придает дилогии философский оттенок.

В «Осенних визитах» — на наш взгляд, одной из лучших вещей Лукьяненко — тоже хватает приключений и философии. Но «приключения тела» не вытесняют «приключений духа», а противостояние мистических сил, определяющих вектор развития человечества, сведенное к противостоянию отдельных людей в современной Москве, также напоминает квест, но квест этический. Апробативная этика многочисленных героев романа, как двойников, так и «оригиналов», невероятно жестока — уж во всяком случае, не идет никакой речи о «слезинке ребенка», и средства одержали полную и окончательную победу над целью. Вечный вопрос мировой литературы — «Что есть добро, и чем оно, собственно, отличается от зла?» — перемешался с чисто российским «Что делать?» и библейским «Камо грядеши?». В многочисленных смысловых и этических слоях барахтаются, пытаясь выплыть, герои романа, неожиданно оказавшиеся заложниками Будущего. Изначально роман был на одну главу длиннее, но Лукьяненко сознательно убрал эпилог — и читателям до конца не ясно, был ли пра-

вилен выбор одного из персонажей, писателя Ярослава Зарова (прототипом которого многие склонны считать самого Сергея).

Писатель Заров в романе приезжает из родной Алма-Аты в Москву, и это оказалось пророческим — «Осенние визиты» писались Сергеем Лукьяненко в Алма-Ате, а когда книга вышла, он уже перебрался жить в Москву и получил российское гражданство. Казахстан нечувствительно потерял одного из самых известных своих писателей.

Глава седьмая, рассказывающая о том, как можно завоевать популярность в Сети

В 1995 году начался роман Сергея Лукьяненко с компьютерными сетями. Этот роман, продолжающийся до сих пор, многое изменил в судьбе фантаста. Ибо создатель произведения, получившего статус культового, по сути, начинает новый виток своего литературного существования.

Сеть и фантастика — понятия родственные изначально: именно фантастика предсказала, а возможно, и предопределила возникновение компьютеров и компьютерных сетей. Тем более что множество сетевиков и любителей фантастики достаточно сильно коррелируют друг с другом. У нас фантастика всегда считалась литературой для технической интеллигенции, на Западе же — это серьезный элемент в современной молодежной культуре. Кроме того, виртуальность уже настолько плотно проникла в научную фантастику, что возникли отдельные поджанры — вроде того же «киберпанка».

Лукьяненко ворвался в Сеть стремительно и громко. Первое же его появление в сети ФИДО ознаменовалось гигантской провокацией. В одной из выложенных на всеобщее обозрение статей Сергей «признался», что все его творчество направленно на то, чтобы воспитать в читателях ненависть к Чужим, дабы человечество в будущем могло достойно противостоять инопланетной агрессии. Сеть прореагировала шумно и неадекватно — Лукьяненко обвиняли во всех смертных грехах, от ксенофобии до пропаганды нацизма. А Сергей, взирая

на поднятую им бурю, тихо посмеивался — провокация удалась. И до сих пор он регулярно появляется в сетях, устраивает провокации, розыгрыши, общается с читателями — поклонниками и врагами. Ибо нет писателя с бóльшим, чем у Сергея, количеством сетевых фанатов или врагов. Культовый статус, а также открытость для общения, готовность в любой момент дать едкий, иногда издевательский отпор сетевым хамам приводят к тому, что Лукьяненко как личность и как писатель постоянно обсуждаем в Сети.

И не случайно в 1996 году он стал первым в русском Интернете писателем, имеющим официальную страницу. И уже в следующем году появилась книга, мгновенно завоевавшая сердца многих и ставшая культовой в среде сетевиков — «Лабиринт отражений». Изначально файл не предполагалось выкладывать в Интернет. Но по нелепой случайности он попал на текстовый компакт-диск и оттуда разлетелся по всей Сети.

Чем объяснить такую популярность романа? Скорее всего близостью к жизни, знакомым антуражем и реалистичным отображением мечтаний большинства компьютерщиков. Любой, кому хоть раз в жизни случалось сесть за компьютер на часок, а оторваться через десять, может ощутить себя на месте героев «Лабиринта». Плюс к тому — это роман-предупреждение о том, к чему может привести неограниченная свобода действий.

Роман был закончен, и сиквела не планировалось. Хотя поклонники постоянно наседали и требовали продолжения истории дайвера Леонида. Был даже создан сайт, войдя на который, любой желающий мог дописать несколько строк к своеобразному буриме о произошедших после окончания романа событиях. Но автор не сдавался — для него тема закрыта. Идея второго романа родилась неожиданно, а толчком к желанию его написать послужило нечаянно заключенное в интернет-переписке пари. Так родились «Фальшивые зеркала».

Продолжение сильно удивило многих поклонников первой части. На замену легкой и стремительной атмосфере, царившей в «Лабиринте», пришло грустное, *осеннее* настроение. Изменился герой, изменился Диптаун. Мир Глубины стал жестким и реалистичным. Но к любимым персонажам первой книги добавляются новые — выписанные ярко и жизненно (еще бы, ведь у них и прототипы имеются). Несмотря на то

что литературно вторая часть выглядит значительно сильнее первой — культовой ей стать было суждено лишь в комплекте с первой. Позже добавилась третья часть — экспериментальная повесть «Прозрачные витражи» писалась совсем по-сетевому. Каждая только что написанная глава выкладывалась на некоем сайте, и его посетителям предлагалось большинством голосов выбрать вариант развития сюжета следующей главы.

Глава восьмая, в которой Муми-папа узнает об особенностях национального соавторства и удивляется популярности городской мистики

Сергей Лукьяненко — чемпион России среди фантастов по количеству соавторов. В соавторстве он писал трижды (и, по слухам, собирается как-нибудь продолжить это непорочное занятие с новым соавтором). Первым соавтором Сергея стал томич Юлий Буркин, волею судьбы заброшенный работать в Алма-Ату. Юлий изначально хотел написать детский роман «ужасов» и обратился за помощью к Сергею, по праву считая, что прописывать персонажей-детей Лукьяненко умеет лучше него. В процессе обсуждения «ужастик» превратился в приключенческую юмористическую повесть о путешествиях во времени двух мальчиков, прототипами которых стали дети Буркина. В результате родилась очень веселая трилогия «Сегодня, мама», «Остров Русь» и «Царь, царевич, король, королевич».

Второй раз соавтором Сергея стал Ник Перумов. Концовка их совместного романа «Не время для драконов» явно подразумевает продолжение, однако в ближайшее время авторы не планируют вновь объединить усилия.

С Владимиром Васильевым Сергей пытался вместе писать еще на одном из семинаров ВТО, но настоящее соавторство случилось после выхода книги Лукьяненко «Ночной Дозор». Противостояние Темных и Светлых магических сил на улицах Москвы Сергей описал со стороны Светлых. Идея написать роман со стороны Темных принадлежала Васильеву и реали-

зовалась в виде совместного «Дневного Дозора». Как и первая книга, «Дневной Дозор» состоит из трех повестей: первую писал Лукьяненко, вторую — Васильев, третья писалась вдвоем. После этого тему Темной стороны Лукьяненко отдал «на откуп» Васильеву, у которого недавно вышел сольный роман «Лик Черной Пальмиры», повествующий о киевском Дневном Дозоре. Сам же Сергей написал «Сумеречный Дозор»...

«Сумеречный Дозор» построен по той же схеме, что и предыдущие книги сериала, потихоньку превращающегося в небольшой эпос. Три повести — и их вроде бы независимые сюжеты в результате складываются в единую и цельную сюжетную картину. По-прежнему Антон и Светлана — главные герои цикла — решают непростую задачу: чем же Свет, в конце концов, отличается от Тьмы. Ведь методы, которыми Дозоры ведут непрекращающуюся войну друг с другом, войну даже не «холодную», а «чуть подогретую», весьма похожи. И иногда во имя общих целей Дозоры могут даже объединяться. И не только друг с другом, а даже с Инквизицией, малозаметной в предыдущих книгах, но в «Сумеречном Дозоре» играющей немаловажную роль в развитии сюжета.

Опять, как и во многих других произведениях Лукьяненко, проблема цели и средств выходит на первый план. Как, впрочем, и проблема свободы выбора. Кроме того, еще одной сквозной темой «Сумеречного Дозора» стала психология Иных — легко ли им быть чужаками на планете людей. Порой желание «стать как все» может трансформироваться в желание сделать всех похожими на себя. Что мы и наблюдаем в трагической истории вампира Кости, второстепенного персонажа первых романов сериала, превратившегося в третьей части в одного из главных героев.

Продолжится ли история Дозоров или Сергей потеряет интерес к этой идее и отдаст ее на откуп другим авторам, стремящимся поучаствовать в создании нового эпоса и поместить в созданную Лукьяненко картину мира своих героев (а такие авторы уже есть, недаром в издательстве АСТ появилась серия «Ночной Дозор»), — неизвестно. Однако факт, что после выхода на экраны телесериала «Ночной Дозор» режиссера Тимура Бекмамбетова интерес читателей к романам цикла значительно возрастет, сомнению не подлежит.

Глава девятая, в которой повествуется о новой любимой игрушке отечественных фантастов

В России жанр «альтернативной истории» достаточно молод. И это вполне объяснимо. Трудно было укладывать исторические фантазии в прокрустово ложе соцреализма. Тем более что неизбежно пришлось бы опровергать часть постулатов другого «изма» — исторического материализма, в частности, учения о роли личности в истории. А ведь заметим, что один из основоположников жанра Михаил Первухин (1870—1928) был именно россиянином. Пусть и эмигрантом. И хотя его романы «Вторая жизнь Наполеона» (1917) и «Пугачев-победитель» (1924) были в Совдепии запрещены, именно Первухина стоит назвать отцом нашей «альтернативки». Когда же грянула «эпоха перестройки и перестрелки» и стало возможным писать и читать все, жанр почти мгновенно вознесся на вершины популярности. Изголодавшийся читатель жаждал ответов на сослагательные вопросы, на это вечное человеческое «если бы да кабы, то что бы сейчас было?», а истосковавшиеся по свободе писатели радостно принялись кормить народ вариациями на тему. Варианты ответов на подобные вопросы могли бы предложить профессиональные историки, но они, как правило, не опускались до «псевдонаучных» измышлений. Отдаться пришлось фантастам. Ибо в современном обществе уже наступил период, когда читателю не столько нужны поставленные вопросы (чем постоянно злоупотребляла и злоупотребляет отечественная литература), а хотя бы некоторое количество ответов. В том числе и на вопросы сослагательного наклонения.

И несть числа таким вопросам. Да и вопрос задать не так уж сложно. А вот насколько убедительным получится ответ, зависит исключительно от литературного мастерства и исторической эрудиции автора.

Сергей Лукьяненко, со свойственной ему жаждой к литературному эксперименту, также не смог обойти этот жанр стороной. И создал дилогию «Искатели небес», доказав, что может спокойно и достойно работать в любом новом для себя жанре. «Альтернативку» можно сравнить с вином. Кроме того,

что вино может различаться по составу, вкусу и качеству, оно еще имеет время выдержки. Так и произведение в жанре «альтернативной истории» может быть молодым, ординарным, марочным или коллекционным. Все зависит от того, насколько далеко во времени отстоит от нас историческая развилка, породившая сюжет. Чем раньше случается поворот, тем более «выдержанным» оказывается роман, тем больше мир его отличается от того, что мы видим вокруг, тем страньше и страньше он нам кажется.

Дилогию «Холодные берега»/«Близится утро» (название которой иронично сокращается до аббревиатуры ХБ/БУ) можно смело причислить к когорте «коллекционных». Развилка здесь происходит чуть более двух тысяч лет назад, совсем незадолго до событий, определивших весь ход дальнейшей мировой истории. Причем происшествие, породившее развилку, случается даже не в нашей реальности, а в том мире, что описывается в самом популярном литературном произведении всех времен — «Библии». Так что скорее всего дилогия написана даже не собственно в жанре «альтернативной истории», но в необычном поджанре «альтернативной религии». Попытки ответить на вопрос «Если бы на Земле вместо христианства возникло что-то другое?» предпринимались в мировой литературе не раз, поэтому Лукьяненко добавляет к происхождению мира дилогии еще парочку «если». Первое: «А если в результате произошедших событий людям дано было некое Слово?» (несмотря на явно трансцендентную, даже магическую природу Слова, рука не поднимается написать, что мир «Искателя небес» фэнтезийный). Еще одно «если» пришло со школьных уроков физики: «Что станет с миром, в котором мало железа, а сталь встречается реже, чем медь и золото?» Таковы три источника, три составные части мира, в котором начинается восхождение главного героя, вора Ильмара, к Истине. И именно это восхождение, поиск Небес, стало главной темой романа. Ведь насколько бы не был «вкусен» мир дилогии, Лукьяненко неоднократно (и скорее всего умышленно) подчеркивает некую искусственность этого мира. Аллюзии и пересечения с реальностью, персонажи, весьма напоминающие аналогов из нашей действительности, — все это напоминает литературную игру.

Собственно, Ильмар-вор не совсем вор. Подобных героев довольно много в мировой литературе, а особенно в фантастике. Симпатичный авантюрист, «благородный жулик», в нужную минуту поступающий крайне этично, всегда был любим читателем. Однако, несмотря на множество чисто «квестовых» дорожных приключений, вполне типичных для героев такого рода, здесь Ильмару уготована еще одна непростая роль. Искать. Бога. Небо. Истину. Или себя?

«Искатель небес» для Лукьяненко весьма необычное произведение. Во-первых, дилогия, особенно вторая книга, писалась довольно долго. Что большинству современных писателей несвойственно — сказывается давление рынка. Во-вторых, Сергей здесь явно экспериментирует со стилем. Манера изложения, порядок слов в предложениях весьма нетипичны и сильно отличают дилогию от других произведений автора. Когда еще писалась первая часть, Лукьяненко поставил небольшой опыт — раздавал друзьям начальные главы романа, утверждая, что это проза некоего молодого автора. Друзья хвалили, и почти никто сразу не догадался, чьему перу действительно принадлежит написанное.

Глава десятая, в которой мы рассуждаем о темах и тенденциях

Несмотря на то что, как говорилось выше, Лукьяненко любит играть с жанрами и всегда сложно предугадать, о чем же будет его следующий роман, можно все же выделить три основные темы в его творчестве: тема чуда, тема свободы и история будущего.

Несколько раз краеугольным камнем произведений Лукьяненко становилась картина нашего общества, современного или в недалеком будущем, изменившегося в результате неожиданного «чуда» — будь то нечто мистическое, или неожиданное научное достижение, или визит пришельцев. В «Лабиринте отражений» фактором, изменившим человечество, стало изобретение дип-программы, позволяющей погрузиться в виртуальность даже с самого примитивного компьютера.

В дилогии «Звезды — холодные игрушки» и «Звездная тень» группа нищих ученых из МГУ изобретает джамп — возможность на обычной современной космической технике перемещаться сразу на несколько парсеков. И все государства начинают работать на космическую промышленность, земляне становятся просто космическими извозчиками... В «Спектре» Земля изменилась в результате прилета инопланетян-ключников, расставивших по всей планете Врата в другие миры и потребовавших сделать доступ к Вратам полностью свободным. Единственной платой за проход на другие планеты становится интересная и нетривиальная история, которую требуется рассказать ключнику. Наше общество довольно своеобразно реагирует на неожиданно свалившуюся с неба свободу перемещения.

Тема свободы также неоднократно поднималась автором. Свободы выбора. Свободы личности. Свободы общества. Последствий такой свободы. В «Звездной тени» мы видим общество, где идеи свободы доведены до абсолютизма. Причем совершенно естественным образом. Сотни тысяч планет, и каждый может выбрать планету по себе. Воевать за правых и неправых. Убивать. Умирать. Творить. Фермерствовать. Летать. Создавать теплый семейный мирок. При этом оставаясь практически бессмертным. Нужна ли нам такая свобода? В «Лабиринте отражений» свобода совсем другая, но тоже почти абсолютная. Виртуальность позволяет стать кем угодно и делать что угодно. Готовы ли мы к такой свободе? Видимо, нет. Недаром могущественные маги из Дозоров сильно ограничены в свободе применения своего могущества, а роддеры из «веллесбергского» цикла рассказов хоть и свободны, но в чем-то ущербны. Хотя живут в очень симпатичном и добром мире нашего будущего.

Хотя миры будущего у Лукьяненко весьма разнятся. Здесь и Империя, противостоящая Чужим из «Линии Грез»; и могущественные земляне, скакнувшие в прошлое и расставившие на планетах храмы Сеятелей, дабы в будущем получить союзников-людей в иных мирах, а себе оставить нетронутый рай, в котором спокойно существуют те же роддеры; и мир «Танцев на снегу», тоже имперский, впоследствии трансформировав-

шийся в мир «Генома», где преобладают генетически измененные люди-спецы... Лукьяненко любит создавать, «строить» в своих книгах интересные миры, и большинство из них получаются «вкусными».

Глава двенадцатая, в которой подводятся некоторые промежуточные итоги

Но популярность Лукьяненко заслужил не только миростроительством. Каждая его вещь — многослойна, рассчитана на разные аудитории. Его книги могут читать и дети, находящие занимательный сюжет и героев-ровесников, и люди постарше, увлеченные этическими уравнениями, предлагаемыми к решению почти на каждой странице, эстеты же могут получить удовольствие от емкого, метафоричного языка. Лукьяненко прекрасно умеет одной фразой создать настроение, постоянно расставляет в тексте «якоря», затягивающие, не дающие ослабевать вниманию читателя. При всем этом писатель прогрессирует, постоянно идет на эксперименты с формой, содержанием, жанром. В том же «Спектре», гастрономическо-философской космоопере, притчи, рассказываемые главным героем за право пройти Вратами, стоят издания отдельной книгой. Этот роман еще раз доказывает, что Лукьяненко не остановился, не собирается почивать на лаврах. Коих у него уже много: Сергей становился лауреатом практически всех существующих сейчас литературных премий в области фантастики. Премий, вручаемых как профессионалами («Странник», «Аэли-та»), фэнами («Интерпресскон», «Роскон»), так и читателями («Сигма-Ф», «Русская фантастика»). И вот наконец — «Еврокон» и статус лучшего писателя Европы. Пусть большинство премий субъективны, но когда их так много (а их уже около 20!), это о чем-то и говорит! Когда человек, искренне любящий настоящую фантастику, еще и умеет ее хорошо писать — тогда и возникает феномен по имени Лукьяненко».

На этой высокой ноте мы и «покалили сrostень», закончив наш рассказ.

Глава последняя, в которой не говорится ни о чем

«Да, как интересно человек живет. А я... Синий дом... С 10 до 18... — Муми-папа повернулся в сторону гостиной. — Мать, ты носи сюда сувенир и из погреба чего-нибудь». Муми-мама немного для порядка поворчала, но вовремя вспомнила свои же слова о том, что хорошее настроение полезно для желудка, и организовала прекрасную муми-закуску. И мы посидели немного, а потом еще немного. И Муми-папа рассказал нам сначала о том, как все было на самом деле, а потом о том, о чем не знала даже Туве Янссон.

Через некоторое время Муми-мама увела Муми-папу отдыхать. А мы со Сниффом и Снусмумриком остались на веранде пить чай с оладьями и брусничным джемом и смотреть на звезды. Неожиданно из темноты вышел давешний американский мальчик. Достав из рюкзака бутылку кетчупа, он начал с аппетитом поедать с ним оставшиеся оладьи. Насытившись, он быстро уснул, прислонившись к Снусмумрику и приобняв Сниффа. И снились ему американские солдаты: как там они, в Ираке?

Отечественная фантастика и фантастиковедение за 2001 г.

Москва, 2002

Список составили Д. Байкалов, Д. Володихин, О. Колесников, А. Синицын на основе библиографии, подготовленной В. Борисовым (г. Абакан).

Романы

1. Абрамов Артем, Абрамов Сергей. Убей страх (Марафонец). — М.: АСТ, 2001.
2. Абрамов Артем, Абрамов Сергей. Чаша ярости: Мой престол — Небо. — М.: АСТ, 2001.
3. Авраменко Олег. Звезды в ладонях. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
4. Авраменко Олег. Протекторат. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
5. Аксенов Василий. Кесарево свечение. — М.: Изографус; ЭКСМО-Пресс, 2001.
6. Алексеев Сергей. Волчья хватка. — СПб.: Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
7. Алиханов Сергей. Оленька, живчик и туз // Континент (М.). — 2001.
8. Андреев А. Искатели странного. — М.: АСТ, 2001.

9. Андреев Алексей. Путь к перевалу. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
10. Антонов Антон. Пепел наших костров. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
11. Антонов Антон. Планета № 6. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
12. Арчер Вадим. Чистый огонь. — М.: Центрполиграф, 2001.
13. Афанасьев Анатолий. Гражданин тьмы // Подвиг (М.). — 2001.
14. Ахманов Михаил. Солдат удачи. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
15. Бабкин Михаил. Слимп. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
16. Бабкин Михаил. Слимпер. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
17. Баринов Дмитрий. Ардагаст и Братство Тьмы. — М.: Центрполиграф, 2001.
18. Баринов Дмитрий. Путь к золотым дарам. — М.: Центрполиграф, 2001.
19. Барон Алексей. Те, кто старше нас. — М.: АСТ, 2001.
20. Бачило Александр. Незаменимый вор. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
21. Белицкий Виталий. Космические масштабы Варфоломея Степановича: Апокалипсич. эпопея. Кн. 1. Пленник обстоятельств. — М.: Лабиринт, 2001.
22. Белозеров Антон. Империя Повелителей. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
23. Белозеров Антон. Ступени пирамиды. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
24. Белозеров Антон. Тотальное вторжение. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
25. Белянин Андрей. Сестренка из Преисподней. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
26. Бенедиктов Кирилл. Завешание ночи. — М.: Центрполиграф, 2001.
27. Березин Федор. Встречный катаклизм. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
28. Березин Федор. Огромный черный корабль. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
29. Березин Федор. Пепел. — М.: АСТ, 2001.
30. Бессонов Алексей. Змеи Эскулапа. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

31. Бояндин Константин. Смутные тени судьбы // Бояндин Константин. Смутные тени судьбы. — СПб.: Северо-Запад Пресс; М.: АСТ, 2001.
32. Брайдер Юрий, Чадович Николай. Гражданин Преисподней. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
33. Брайдер Юрий, Чадович Николай. Жизнь Кости Жмуркина, или Гений злонравной любви. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
34. Браславский Дмитрий. Паутина Лайгаша. — М.: АСТ, 2001.
35. Буркин Юлий. Звездный табор, серебряный клинок. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
36. Бурцев Виктор. Алмазный дождь. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
37. Бурцев Виктор. Зеркало Иблиса. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
38. Бушков Александр. Сварог. Нечаянный король. — Красноярск: Бонус; М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
39. Быков Дмитрий. Оправдание // Новый мир (М.). — 2001. — № 3 // М.: ВАГРИУС, 2001.
40. Валентинов Андрей. Диомед, сын Тидея: Кн. 2. Вернусь не я. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
41. Валентинов Андрей. Ола. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
42. Валентинов Андрей. Флегетон. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
43. Ван Зайчик Хольм. Дело лис-оборотней. — СПб.: Азбука-классика, 2001.
44. Ван Зайчик Хольм. Дело независимых дервишей. — СПб.: Азбука, 2001.
45. Ван Зайчик Хольм. Дело о полку Игорева. — СПб.: Азбука, 2001.
46. Вартанов Степан. Муравейник // Вартанов Степан. Путь в тысячу ли. — М.: АСТ, 2001.
47. Виногоров В. Вольному воля. — М.: АСТ, 2001.
48. Володихин Дмитрий. Полдень сегодняшней ночи: Роман, повесть. — М.: АиФ-принт, 2001.
49. Воронин Андрей. Пророк. — Минск: Современ. литератор, 2001.
50. Воронова Арина. Дети Брагги. — М.: АСТ, 2001.
51. Герасимов Сергей. День рождения монстра. — М.: АСТ, 2001.
52. Герасимов Сергей. Логика прыжка через смерть. — М.: АСТ, 2001.
53. Гетманский Игорь. Звездный наследник. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

54. Гладилин Анатолий. Большой беговой день // Гладилин Анатолий. Большой беговой день; ФССР. — М.: ВАГРИУС, 2001.
55. Гладилин Анатолий. ФССР // Гладилин Анатолий. Большой беговой день; ФССР. — М.: ВАГРИУС, 2001.
56. Головачев Василий. Криптозой. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
57. Головачев Василий. Одиночка. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
58. Громов Александр. Крылья черепахи. — М.: АСТ, 2001.
59. Громов Александр. 1000 и 1 день. — М.: АСТ, 2001.
60. Гуляковский Евгений. Звездный мост. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
61. Гусев Владимир. Сладкая парочка. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
62. Дашков Андрей. Глаз урагана. — М.: АСТ, 2001.
63. Дашков Андрей. Двери паранойи. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2001.
64. Дашков Андрей. Собиратель костей. — М.: АСТ, 2001.
65. Дашков Андрей. Утраченный свет // Дашков Андрей. Утраченный свет; Пропуск. — М.: АСТ, 2001.
66. Дегтярев М. Карлики. — М.: АСТ, 2001.
67. Дес В.О. Из рая в рай. — Ниж. Новгород, 2001.
68. Дивов Олег. Саботажник. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
69. Дихнов Александр. Шпага Гроссмейстера. — М.: Махаон, 2001.
70. Добряков Владимир, Калачев Александр. Хроноагент. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
71. Долгова Елена. Сфера Маальфаса. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
72. Долинго Борис. Круглые грани Земли. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
73. Долинго Борис. Мир Терпа. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
74. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Долина Совесть. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
75. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Магам можно всё. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
76. Евтушенко Алексей. Под колесами — звезды. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
77. Елизаров Михаил. Ногти. — М.: Ad Marginem, 2001.
78. Елисеева Ольга. Хельви — королева Монсальвата. — М.: АиФ-принт, 2001.

79. Зайцев Сергей. Неистребимый. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
80. Звягинцев Василий. Время игры. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
81. Зелендинов Александр. Равновесие. — М.: АСТ, 2001.
82. Злотников Роман. Виват Император! — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
83. Злотников Роман. И пришел многоликий... — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
84. Зорич Александр. Боевая машина любви. — М.: Центрполиграф, 2001.
85. Зорич Александр. Дилогия Карл, герцог [Карл, герцог. Первый меч Бургундии]. — М.: Центрполиграф, 2001.
86. Зорич Александр. Светлое время ночи. — М.: Центрполиграф, 2001.
87. Зорич. Консул содружества. — М.: Центрполиграф, 2001.
88. Иванов Борис. Абсолютная гарантия. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
89. Иванов Борис. Агент Тартара. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
90. Иванов Сергей. Кентавр на распутье. — М.: АСТ, 2001.
91. Иванов Сергей. Тесен мир. — М.: АСТ, 2001.
92. Иванова Юлия. Лунные часы: Сказка для взрослых. — М.: Издатель Н.Е.Чернышова, 2001.
93. Игнатов Константин. Крещение киберударом. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
94. Игнатова Наталья. Змея в тени орла. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
95. Игнатова Наталья. Последнее небо. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
96. Игнатова Наталья. Чужая война. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
97. Калугин Алексей. Снежная слепота. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
98. Калугин Алексей. Игра в реальность. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
99. Камша Вера. Несравненное право. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
100. Камша Вера. Темная звезда. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
101. Карелин Антон. Дорога камней: Хроники Опустошенных Земель. — М.: АСТ, 2001.

102. Карелин Сергей. Хроники Шандала. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
103. Карпов Геннадий. Выявление паразмата. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
104. Кликин Михаил. Три легенды. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2001.
105. Клугер Д., Рыбалка А. Тысяча лет в долг. — М.: Армада-Пресс, 2001.
106. Козлов Р. Остров Буян. — М.: Деловой экспресс, 2001.
107. Колина Ярослава. Сокровища атамана, или Заговоренный клад // Мы (М.). — 2001. — № 4, 5, 6.
108. Колосов Дмитрий. Конец охоты. — М.: Центрполиграф, 2001.
109. Колосов Дмитрий. Крысиный волк // Колосов Дмитрий. Крысиный волк. — М.: Центрполиграф, 2001.
110. Колосов Дмитрий. Несущий Смерть // Колосов Дмитрий. Крысиный волк. — М.: Центрполиграф, 2001.
111. Колосов Дмитрий. Скифские саги. — М.: Центрполиграф, 2001.
112. Колосов Дмитрий. То самое копьё // Колосов Дмитрий. То самое копьё. — М.: Центрполиграф, 2001.
113. Колупаев Виктор. Сократ сибирских Афин // День и ночь (Красноярск). — 2001. — № 7 — 8.
114. Корнилова Наталья. Ведьмино наследство. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
115. Королёв Анатолий. Человек-язык. — М.: Текст, 2001.
116. Костин Сергей. Счастливчик. — М.: АСТ, 2001.
117. Костин Сергей. Чокнутый. — М.: АСТ, 2001.
118. Кошкин Алексей. Люди и те, кто против них. — Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2001.
119. Крапивин Владислав. Давно закончилась осада // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2001. — № 4 — 7 // Давно закончилась осада. — М.: Центрполиграф, 2001.
120. Крылов Борис. Цвет невидимки. — М.: АСТ, 2001.
121. Кужелев Виктор. То, что скрыто // Приключения, фантастика (М.). — 2001. — № 3, 4.
122. Курицын Вячеслав. Матадор на Луне. — СПб.: Издат. дом Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
123. Ладыгин М.Б. Древние кельтские сказания о Великом чародее Мерлине... — М.: НОУ Полярная звезда, 2001.
124. Ливадный Андрей. Дабог. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

125. Ливадный Андрей. Третья раса. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
126. Ливадный Андрей. Туманность Ориона. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
127. Липскеров Дмитрий. Родичи. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
128. Липскеров Дмитрий. Сорок лет Чанчжоз. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
129. Литвинова Анна, Литвинов Сергей. Звезды падают вверх. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
130. Локхард Джордж. Восход Черного Солнца. — М.: Центрполиграф, 2001.
131. Лютый Александр. Рабин Гут. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
132. Мазин Александр. Белый клинок. — М.: Терра, 2001.
133. Малинин Евгений. Проклятие Аримана: Маг. — М.: АСТ, 2001.
134. Малинин Евгений. Проклятие Аримана: Магистр. — М.: АСТ, 2001.
135. Малинин Евгений. Проклятие Аримана: Разделенный мир. — М.: АСТ, 2001.
136. Мамаев Сергей. Близнецы. В 2 т. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
137. Мамлеев Юрий. Блуждающее время. — СПб.: Лимбус Пресс, 2001.
138. Маркеев Олег. Оружие возмездия. — М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
139. Маркеев Олег. Черная луна. — М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
140. Март Михаил. Двуликое зеркало. — М.: РИПОЛ КЛАС-СИК, 2001.
141. Марышев В. Полет валькирий.
142. Мзареулов Константин. Экстремальные услуги. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
143. Миронов Арсений. Двенадцатая дочь // Миронов Арсений. Древнерусская игра. Двенадцатая дочь. — М.: АСТ, 2001.
144. Миронов Арсений. Древнерусская игра // Миронов Арсений. Древнерусская игра. Двенадцатая дочь. — М.: АСТ, 2001.
145. Молитвин Павел. Закон звезд // Молитвин Павел. Закон звезд. — М.: Центрполиграф, 2001.
146. Молитвин Павел. Мир Волкодава: Ветер удачи. — СПб.: Азбука, 2001.
147. Молитвин Павел. Поход за надеждой // Молитвин Павел. Закон звезд. — М.: Центрполиграф, 2001.
148. Морозов Сергей. Великий полдень. — М.: Астрель; АСТ, 2001.

149. Москвина Марина. Гений безответной любви // Дружба народов (М.). — 2001. — № 3.
150. Мошков Кирилл. Особый специалист: Три возраста легионера Таука. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
151. Никитин Юрий. Передышка в Барбусе (Мрак-2). — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
152. Никитин Юрий. Человек с топором. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
153. Олди Генри Лайон. Богадельня. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
154. Олди Генри Лайон. Одиссей, сын Лаэрта: Кн. 2. Человек космоса. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
155. Олшеври-младший Б. Вампиры замка Карди. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2001.
156. Орлов Алекс. Грабители. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
157. Орлов Алекс. Ловушка для змей. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
158. Орлов Алекс. Представитель. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
159. Орлов Алекс. Судья Шерман. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
160. Орлов Антон. Мир-ловушка. — М.: Центрполиграф, 2001.
161. Орлов Владимир. Бубновый валет. — М.: АСТ; Олимп, 2001.
162. Орловский Гай Юлий. Ричард Длинные Руки — воин Господа. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
163. Орловский Гай Юлий. Ричард Длинные Руки. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
164. Островская Марина. Восковая кукла. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
165. Панов Вадим. Войны начинают неудачники. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
166. Панов Вадим. Командор войны. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
167. Папсуев Роман. Правитель мертв. — М.: НОУ Полярная звезда, 2001.
168. Первушин Антон. Трилогия Пираты XXI века [Операция Испаньола. Операция Копье. Операция Снегопад.]. — СПб.: Издат. дом Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
169. Перемолотов Владимир. Внешний враг. — М.: Центрполиграф, 2001.
170. Перумов Ник. Одиночество мага. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

171. Плеханов Андрей. Инквизитор. — М.: Центрполиграф, 2001.
172. Подгорных Сергей. Тутанканара — тот, кого остановить невозможно. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
173. Подольский Наль. Книга Легиона // Октябрь (М.). — 2001. — № 7.
174. Попов Михаил. Мальчик и девочка. — Ниж. Новгород, 2001.
175. Прошкин Евгений. Механика вечности. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
176. Прошкин Евгений. Слой. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
177. Радов Егор. Я // Радов Е. Я / Или ад: Романы. — М.: Ad Marginem, 2001.
178. Радов Егор. Или ад // Радов Е. Я / Или ад: Романы. — М.: Ad Marginem, 2001.
179. Раткевич Элеонора. Меч без рукояти. — М.: АСТ, 2001.
180. Раткевич Элеонора. Рукоять меча. — М.: АСТ, 2001.
181. Резепкин Олег. Зеркало. — М.: Книга и бизнес, 2001.
182. Романецкий Николай. Везунчик. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
183. Романова Галина. Странствия Властимира. — М.: Центрполиграф, 2001.
184. Романова Галина. Чужие цепи. — М.: Центрполиграф, 2001.
185. Романовский А. Волчье сердце. — М.: АСТ, 2001.
186. Сашнева Александра. Наркоза не будет. — М.: АиФ-принт, 2001.
187. Свержин Владимир. Трехглавый орел. — М.: АСТ, 2001.
188. Семенова Мария, Разумовский Феликс. Кудеяр: Аленький цветочек. — СПб.: Азбука; М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
189. Серебряков Владимир, Уланов Андрей. Из Америки — с любовью. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
190. Симонова Мария, Кравцов Дмитрий. Одержимые бессмертием. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
191. Симонова Мария, Кравцов Дмитрий. Похитители бессмертия. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
192. Симонова Мария. Воины тьмы. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
193. Синицын Олег. Магма. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
194. Синявская Светлана. Ожерелье Сатаны. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
195. Синякин Сергей. Вокруг света с киллером за спиной: Роман-сказ для новых русских // Синякин Сергей. Вокруг света с киллерами за спиной. — М.: АСТ, 2001.

196. Синякин Сергей. Реинкарнатор // Синякин Сергей. Вокруг света с киллерами за спиной. — М.: АСТ, 2001.
197. Скирюк Дмитрий. Драконовы сны. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2001.
198. Скирюк Дмитрий. Кровь земли. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2001.
199. Скобелев Эдуард. Прыжок дьявола. — Минск: Харвест, 2001.
200. Соковня Ирина. Коварное зеркало. — М.: Астрель; АСТ, 2001.
201. Солодов Роман. Солдат Сатаны: Бытовая фантазмагория. — М.: Издат. дом Новый век, 2001.
202. Стальнов Илья. Демоны космоса // Стальнов Илья. Демоны космоса; Рассказы. — М.: Geleos, 2001.
203. Старостенко Геннадий. Тайна острова Монерон. — М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
204. Стрельников Андрей. Данайский дар. — М.: Астрель; АСТ, 2001.
205. Стрельников Андрей. Назад в СССР. — М.: Астрель; АСТ, 2001.
206. Стрельников Андрей. Райский сад. — М.: Астрель; АСТ, 2001.
207. Сунгоркин В. Солдат Федерации. — М.: АСТ, 2001.
208. Сухомизская Светлана. Дьявольский коктейль. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
209. Терехова-Фомина Лариса. Пещера Боком-по-Натёкам. — Норильск: Апекс, 2001.
210. Тин А. Дарители вихрей.
211. Титов Павел. Дети преисподней. — М.: Центрполиграф, 2001.
212. Трапезников Александр. Механический рай. — М.: Gelcos, 2001.
213. Трускиновская Далия. Нереал. — М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
214. Тырин Михаил. Тварь непобедимая. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
215. Угрюмова Виктория, Угрюмов Олег. Голубая кровь. — СПб.: Азбука, 2001.
216. Угрюмова Виктория, Угрюмов Олег. Дракон Третьего Рейха. — СПб.: Азбука, 2001.
217. Угрюмова Виктория, Угрюмов Олег. Змеи, драконы и родственники. — СПб.: Азбука, 2001.
218. Фигль-Мигль. Тартар, Лтд // Нева (СПб.). — 2001. — № 5.

219. Фрумкин Сергей. Новый король Галактики. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
220. Фрумкин Сергей. Улей. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
221. Харлов Сергей. Миссия Мабуса. — М.: Армада-Пресс, 2001.
222. Челябин Сергей. Ключ от Дерева // Челябин С. Ключи Коростеля. Ключ от Дерева. — М.: АСТ, 2001.
223. Челябин Сергей. Ключи Коростеля // Челябин С. Ключи Коростеля. Ключ от дерева. — М.: АСТ, 2001.
224. Шабельник Р. Рип Винклер. — М.: АСТ, 2001.
225. Шаганов Андрей. Вчера был конец света. — М.: Армада-Пресс, 2001.
226. Шаганов Андрей. Звездный рыцарь. — М.: Армада-Пресс, 2001.
227. Шаганов Андрей. Одинокие странники. — М.: Армада-Пресс, 2001.
228. Шалыгин Вячеслав. Взгляд сквозь Солнце. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
229. Шалыгин Вячеслав. Падение Галактики. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
230. Шатилов Валентин. Магнолия. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
231. Шелудченко Сергей. Копье судьбы. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
232. Шубин Д. Пять дней мимикрии. — М.: АСТ, 2001.
233. Щеглов Сергей. Разводящий Апокалипсиса. — М.: АСТ, 2001.
234. Щербаков Андрей. ДМБ 2010. — М.: Мануфактура, 2001.
235. Юзефович Леонид. Князь ветра. — М.: ВАГРИУС, 2001.
236. Юрьев Сергей. Нашествие с севера. — М.: Центрполиграф, 2001.
237. Юрьев Сергей. Хрустальная колыбель. — М.: Центрполиграф, 2001.
238. Якименко Константин. Проклятие пятого уровня. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
239. Витковский Евгений. Земля Святого Витта. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001.
240. Трускиновская Далия. Жалобный маг // Далия Трускиновская. Жалобный маг. — М.: ОЛМА-Пресс, 2001.

Повести, рассказы

1. S. S. Rat Ales. Большое угощение // Порог (Кировоград). — 2001. — № 3.
2. Айзенберг Александр. Меровинг // Порог (Кировоград). — 2001. — № 8.
3. Алексеев Александр. Прощание славянки // Ступени Оракула (М.). — 2001. — № 5.
4. Алексис Андрей. Агентура // Порог (Кировоград). — 2001. — № 8.
5. Аливердиев Абутраб. Колдун // Порог (Кировоград). — 2001. — № 5.
6. Аливердиев Алихан. Инспектор из горгаза // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 8.
7. Алмистов Александр. Когда дельфины плачут... // Порог (Кировоград). — 2001. — № 9.
8. Амнуэль Павел. Литературная вселенная Шекета // Мир Искателя (М.). — 2001. — № 4.
9. Амнуэль Павел. На всех парусах // Мир Искателя (М.). — 2001. — № 2.
10. Амнуэль Павел. По делам его... // Если (М.). — 2001. — № 9.
11. Андреев Анатолий. Все дороги // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 12.
12. Аникин Константин. Концерт: Фантазмагория // Урал (Екатеринбург). — 2001. — № 3.
13. Анисимов Андрей. Аномалия // Юный техник (М.). — 2001. — № 9-12.
14. Ануров Денис. Фараон, который пошутить любил // Юный техник (М.). — 2001. — № 1.
15. А-Сан-Ри. Берег с банановыми деревьями // Порог (Кировоград). — 2001. — № 3.
16. Астров Владимир. Девушка с Луны // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 7.
17. Астров-Зацарицынский Юрий. Ананке // Порог (Кировоград). — 2001. — № 7.
18. Астров-Чубенко Вячеслав. Дерьмовочка // Порог (Кировоград). — 2001. — № 5.
19. Астров-Чубенко Вячеслав. Последние пять минут // Порог (Кировоград). — 2001. — № 11.

20. Афанасьев Роман. Котёнок // Фантаст (М.). — 2001. — 22 авг. (№ 4).
21. Ашкинази Леонид. Мы им не интересны // Энергия (М.). — 2001. — № 7.
22. Баклайм Сиано. Талисман // Порог (Кировоград). — 2001. — № 7.
23. Балашов Владимир. Мистификаторы // Абакан литературный. — 2001. — № 3.
24. Балув Денис. Опоздавшие // Если (М.). — 2001. — № 2.
25. Баргель Антон. Паромщик // Фантаст (М.). — 2001. — 25 апр. (№ 3).
26. Бархатов Юрий. Подобно дафниям // Наши в городе. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
27. Басов Николай. Абсолютная война // Басов Николай. Абсолютная война. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
28. Басов Николай. Оковы чести // Басов Николай. Абсолютная война. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
29. Бачило Александр. Ни в сказке сказать // Фантаст (М.). — 2001. — 25 апр. (№ 3).
30. Безродный Иван. Просто хакер // Наша фантастика. Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 2001.
31. Белов Юрий. Извергнутый // Наша фантастика. Вып. 3. — М.: Центрполиграф, 2001.
32. Белянин Андрей. Казак и ведьма // Наша фантастика. Вып. 3. — М.: Центрполиграф, 2001.
33. Белянин Андрей. Как черт с казаком в шахматы играл // Наша фантастика. Вып. 3. — М.: Центрполиграф, 2001.
34. Белянин Андрей. Царевна // Наша фантастика. Вып. 3. — М.: Центрполиграф, 2001.
35. Бенедиктов Кирилл. Храм мертвых богов // Наша фантастика. Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 2001.
36. Березин Федор. Тяжелые объятия глубины // Порог (Кировоград). — 2001. — № 2.
37. Берендеев Кирилл. Orbi in sibi // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 10.
38. Берендеев Кирилл. Друг мой... // Порог (Кировоград). — 2001. — № 9.
39. Берендеев Кирилл. Искупление // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 11.
40. Берендеев Кирилл. Ностальгия // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 3.

41. Берендеев Кирилл. Рукопись молодого человека // Химия и жизнь — XXI век (М.). — 2001. — № 1.
42. Бессонов Алексей. Сказка страсти // Наша фантастика. Вып. 3. — М.: Центрполиграф, 2001.
43. Битюцкий Сергей. Евангелие от Сергия. — Ростов-на-Дону: РБ Абзац, 2001.
44. Блаkitная Наталья. О вечной любви // Порог (Кировоград). — 2001. — № 2.
45. Блинчик Евгения. Просьба троянца // Порог (Кировоград). — 2001. — № 5.
46. Блинчик Евгения. И боги ошибаются // Порог (Кировоград). — 2001. — № 1.
47. Бобров Александр. Властелин // Наша фантастика. Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 2001.
48. Бобров Александр. Древнейший вирус // Наша фантастика. Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 2001.
49. Богданец Анна. Корабли Идзубарру // Ю. Буркин. Звездный табор, серебряный клинок. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
50. Боженко Дмитрий. Путь перед рассветом // Порог (Кировоград). — 2001. — № 4.
51. Бондарев Борис. Бегущая по облакам // Лит. Россия (М.). — 2001. — 26 окт. (№ 43).
52. Бор Алекс. Разорванные паруса // Фангаст (М.). — 2001. — 25 апр. (№ 3).
53. Бор Алекс. Эффект присутствия // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 11.
54. Бор Александр. Хулиган // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 5.
55. Бояндин Константин. ...И никаких вопросов! // Бояндин Константин. Смутные тени судьбы. — СПб.: Северо-Запад Пресс; М.: АСТ, 2001.
56. Бояндин Константин. Безвозмездный дар // Бояндин Константин. Смутные тени судьбы. — СПб.: Северо-Запад Пресс; М.: АСТ, 2001.
57. Бояндин Константин. Все в полном порядке // Бояндин Константин. Смутные тени судьбы. — СПб.: Северо-Запад Пресс; М.: АСТ, 2001.
58. Бояндин Константин. Немного о героях // Бояндин Константин. Смутные тени судьбы. — СПб.: Северо-Запад Пресс; М.: АСТ, 2001.

59. Бояндин Константин. Пари // Бояндин Константин. Смутные тени судьбы. — СПб.: Северо-Запад Пресс; М.: АСТ, 2001.

60. Бояндин Константин. Привилегия хозяина // Бояндин Константин. Смутные тени судьбы. — СПб.: Северо-Запад Пресс; М.: АСТ, 2001.

61. Бояндин Константин. Привкус древности // Бояндин Константин. Смутные тени судьбы. — СПб.: Северо-Запад Пресс; М.: АСТ, 2001.

62. Бояндин Константин. Чистильщики // Бояндин Константин. Смутные тени судьбы. — СПб.: Северо-Запад Пресс; М.: АСТ, 2001.

63. Буйда Юрий. Степа Марат // Новый мир (М.). — 2001. — № 4.

64. Булычев Кир. Ваня + Даша = Любовь // Если (М.). — 2001. — № 12.

65. Булычев Кир. Жизнь за трицератопса // Если (М.). — 2001. — № 3.

66. Булычев Кир. Космография ревности // Искатель (М.). — 2001. — № 7.

67. Булычев Кир. Цена крокодила // Искатель (М.). — 2001. — № 1.

68. Булычев Кир. Шестидесят вторая серия // Булычев Кир. Гусяр-2000. — М.: АСТ, 2001.

69. Булычев Кир. Шкурка времени // Булычев Кир. Гусяр-2000. — М.: АСТ, 2001.

70. Буторин Андрей. Мать космонавта // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 9.

71. Быков Дмитрий. Перестановка: Подражание братьям Стругацким // ФАС (М.). — 2001. — № 6.

72. Былинский Владислав. Вербовщик хай-класса // Порог (Кировоград). — 2001. — № 6.

73. Былинский Владислав. Француз и Дао // Порог (Кировоград). — 2001. — № 3.

74. Валерьев Игорь. Технологическая ошибка // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 4.

75. Вартанов Степан. Вечеринка без ограничений // Вартанов Степан. Путь в тысячу ли. — М.: АСТ, 2001.

76. Вартанов Степан. Два прыжка через пропасть // Вартанов Степан. Путь в тысячу ли. — М.: АСТ, 2001.

77. Вартанов Степан. Дружеский визит // Вартанов Степан. Путь в тысячу ли. — М.: АСТ, 2001.

78. Вартанов Степан. Курьер: (Жук в муравейнике наносит ответный удар) // Вартанов Степан. Путь в тысячу ли. — М.: АСТ, 2001.
79. Вартанов Степан. Одаренные дети // Вартанов Степан. Путь в тысячу ли. — М.: АСТ, 2001.
80. Вартанов Степан. Первопроходцы // Вартанов Степан. Путь в тысячу ли. — М.: АСТ, 2001.
81. Вартанов Степан. Подходящее оружие // Вартанов Степан. Путь в тысячу ли. — М.: АСТ, 2001.
82. Вартанов Степан. Путь в тысячу ли // Варганов Степан. Путь в тысячу ли. — М.: АСТ, 2001.
83. Васильев Владимир. Вопрос цены // Фантастика 2001. — М.: АСТ, 2001.
84. Васильев Владимир. Хозяева Поднебесья // Васильев В. Три шага на Данкартен. — М.: АСТ, 2001.
85. Великосельский Геннадий. Комета Кузькина // День и ночь (Красноярск). — 2001. — № 7 — 8.
86. Веллер Михаил. Белый ослик // Октябрь (М.). — 2001. — № 4.
87. Веллер Михаил. Записки лейтенанта Беспятых: Час ноль: Глава, примкнувшая к роману // Новая газета (М.). — 2001. — 18 — 21 янв. (№ 3).
88. Веллер Михаил. Трибунал // Огонек (М.). — 2001. — № 24.
89. Вересова Юлия. Встречный огонь // Наша фантастика. Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 2001.
90. Вересова Юлия. Ежедневник // Наша фантастика. Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 2001.
91. Веров Ярослав. Вторжение-2 // Порог (Кировоград). — 2001. — № 7 — 8.
92. Веров Ярослав. Вторжение-3 // Порог (Кировоград). — 2001. — № 9.
93. Веров Ярослав. Вторжение-4 // Порог (Кировоград). — 2001. — № 9.
94. Веров Ярослав. Метаморфозы // Порог (Кировоград). — 2001. — № 11.
95. Веров Ярослав. Путь на Восток // Порог (Кировоград). — 2001. — № 5.
96. Веров Ярослав. Степная ромашка // Порог (Кировоград). — 2001. — № 2.
97. Волков Владимир. В одном из тысяч миров // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 6.

98. Володарский Леонид. Горшок, который обжигал бог // Ступени Оракула (М.). — 2001. — № 10.
99. Володихин Дмитрий. Гвардеец герцога Ируканского // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 12.
100. Володихин Дмитрий. Мятёжное семя // Сакральная фантастика: 3. Ч.1. — М.: Мануфактура, 2001.
101. Володихин Дмитрий. Ринг // Сакральная фантастика: 2. — М.: Мануфактура, 2001.
102. Володихин Дмитрий. Сэр Забияка в Волшебной стране: Очень древняя повесть в четырнадцати героических сказаниях // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 9 // Порог (Кировоград). — 2001. — № 9.
103. Володихин Дмитрий. Тут, на глубине // Наша фантастика. Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 2001.
104. Вчорек Шимун. Три мертвых бога // Фантаст (М.). — 2001. — 25 апр. (№ 3).
105. Гаврилов Дмитрий. Великий и Ужасный // Порог (Кировоград). — 2001. — № 6.
106. Гаврилов Дмитрий. Господин случая // Фантаст (М.). — 2001. — 15 марта (№ 2).
107. Гаврилов Дмитрий. Завещание прошлому // Фантаст (М.). — 2001. — 25 апр. (№ 3) // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 4.
108. Гаврилов Дмитрий. Прощай, Ваня! // Тайная сила (М.). — 2001. — № 10.
109. Гаврилов Дмитрий. Прощание с Оле // Фантаст (М.). — 2001. — 9 февр. (№ 1) // Порог (Кировоград). — 2001. — № 9.
110. Гаврилов Дмитрий. Я только учусь... // Фантаст (М.). — 2001. — 22 авг. (№ 4).
111. Гай Наталия. Сказы // Мы (М.). — 2001. — № 1.
112. Геворкян Эдуард. Возвращение мытаря // Если (М.). — 2001. — № 6.
113. Герасимов Сергей. Country of well // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 7.
114. Герасимов Сергей. Бесплатный вальс во дворце привидений // Порог (Кировоград). — 2001. — № 6.
115. Герасимов Сергей. Небесное тяготение // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 4.
116. Герасимов Сергей. Шизофрения // Порог (Кировоград). — 2001. — № 1.

117. Геращенко Андрей. Голубая кнопка // Строкин Валерий, Геращенко А. Сквозь паутину тьмы. — Минск: Славянский путь, 2001.

118. Геращенко Андрей. Опыт профессора Протопопова // Строкин Валерий, Геращенко А. Сквозь паутину тьмы. — Минск: Славянский путь, 2001.

119. Геращенко Андрей. Паутина Циолковского // Строкин Валерий, Геращенко А. Сквозь паутину тьмы. — Минск: Славянский путь, 2001.

120. Геращенко Андрей. Свадьба оборотней // Строкин Валерий, Геращенко А. Сквозь паутину тьмы. — Минск: Славянский путь, 2001.

121. Геращенко Андрей. Тени из преисподней // Строкин В., Геращенко А. Планета теней. — Минск: Славянский путь, 2001.

122. Геращенко Андрей. Трамвай на тот свет // Строкин Валерий, Геращенко А. Сквозь паутину тьмы. — Минск: Славянский путь, 2001.

123. Гетманский Игорь. Все хорошо, что хорошо кончается // Гетманский Игорь. Звездный наследник. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

124. Гиршович Леонид. Без стыда и без совести // Гиршович Леонид. Замкнутые миры доктора Прайса. — М.: Новое лит. обозрение, 2001.

125. Гиршович Леонид. Цвишен ям унд штерн: Быт и нравы гомосексуалистов Атлантиды // Гиршович Леонид. Замкнутые миры доктора Прайса. — М.: Новое лит. обозрение, 2001.

126. Глагольев Игорь. По ту сторону вопля // Порог (Кировоград). — 2001. — № 11.

127. Головачев Василий. Выход глубинника // Искатель (М.). — 2001. — № 6.

128. Головачев Василий. Дезактивация джинна // Искатель (М.). — 2001. — № 10.

129. Головачев Василий. Край света // Искатель (М.). — 2001. — № 1.

130. Гор Геннадий. Муж // Нева (СПб.). — 2001. — № 1.

131. Горнов Николай. Пароход идет в кранты // Если (М.). — 2001. — № 8.

132. Гравицкий Алексей. Вещи // Порог (Кировоград). — 2001. — № 6.

133. Гравицкий Алексей. Жаба голубых кровей // Фантаст (М.). — 2001. — 25 апр. (№ 3).

134. Гравицкий Алексей. Карлсоны // Фантаст (М.). — 2001. — 9 февр. (№ 1).
135. Гравицкий Алексей. Не плюй в колодец // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 9 // Фантаст (М.). — 2001. — 22 авг. (№ 4).
136. Гравицкий Алексей. Сказка про избавителя // Фантаст (М.). — 2001. — 15 марта (№ 2).
137. Грачев Вячеслав, Кочетков Александр. Исцеление супермага, или Покушение века // Наши в городе. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
138. Григоров Сергей. Следователь // Приключения, фантастика (М.). — 2001. — № 1.
139. Громов Александр. Глина Господа Бога // Фантастика 2001. — М.: АСТ, 2001.
140. Громов Александр. Дарю тебе звезду // Если (М.). — 2001. — № 5 // Громов Александр. Крылья черепахи. — М.: АСТ, 2001.
141. Громов Александр. Погоня за хвостом // Если (М.). — 2001. — № 11.
142. Громов Дмитрий. Точка опоры // Фантастика 2001. — М.: АСТ, 2001.
143. Гугнин Владимир. История Древнего Египта // Химия и жизнь — XXI век (М.). — 2001. — № 5.
144. Гуданец Николай. Чудо для других // Наши в городе. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
145. Гусев Владимир. Записки сервера // Искатель (М.). — 2001. — № 8.
146. Гусев Владимир. Стратегическая игра // Мир Искателя (М.). — 2001. — № 1.
147. Дашков Андрей. Игры шестидесятилетних // Дашков Андрей. Мечты сбываются. — М.: АСТ, 2001.
148. Дашков Андрей. Месть инвалида // Дашков Андрей. Мечты сбываются. — М.: АСТ, 2001.
149. Дашков Андрей. Мечты сбываются // Дашков Андрей. Мечты сбываются. — М.: АСТ, 2001.
150. Дашков Андрей. Плата за проезд // Порог (Кировоград). — 2001. — № 3 // Дашков Андрей. Мечты сбываются. — М.: АСТ, 2001.
151. Дашков Андрей. Последнее кино // Дашков Андрей. Мечты сбываются. — М.: АСТ, 2001.
152. Дашков Андрей. Презумпция виновности // Дашков Андрей. Глаз урагана. — М.: АСТ, 2001.

153. Дашков Андрей. Пропуск // Наша фантастика. Вып. 3. — М.: Центрполиграф, 2001 // Дашков Андрей. Утраченный свет; Пропуск. — М.: АСТ, 2001.
154. Дашков Андрей. Свалка // Дашков Андрей. Мечты сбываются. — М.: АСТ, 2001.
155. Дёгтев Вячеслав. Русская душа // Чудеса и приключения (М.). — 2001. — № 6.
156. Дементьева Галина. Ночь // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 7.
157. Деяк Игорь. На самом деле возможно все // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 5.
158. Дивов Олег. Предатель // Если (М.). — 2001. — № 2 // Дивов Олег. Саботажник. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
159. Дорофеев Сергей. Когда на Земле были люди // Фантаст (М.). — 2001. — 22 авг. (№ 4).
160. Дорофеев Сергей. Обыкновенная любовь // Фантаст (М.). — 2001. — 15 марта (№ 2).
161. Дорофеев Сергей. Тахион // Фантаст (М.). — 2001. — 25 апр. (№ 3).
162. Дорофеев Сергей. Узник замка Сан-Леон // Порог (Кировоград). — 2001. — № 6.
163. Дубинянская Яна. Вариация жизни // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 4.
164. Дубинянская Яна. Казнь // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 7.
165. Дубинянская Яна. Мой папа — идеальный семьянин // Порог (Кировоград). — 2001. — № 11.
166. Дубровин Александр. Похмелье // Абакан литературный. — 2001. — № 1.
167. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Баскетбол // Радуга. — 2001. — № 9-10.
168. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Кон // Если (М.). — 2001. — № 6.
169. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Хозяин колодцев // Если (М.). — 2001. — № 10.
170. Евтушенко Алексей. Бег петуха // Евтушенко Алексей. Под колесами — звезды. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
171. Евтушенко Алексей. Спаситель мира // Евтушенко Алексей. Под колесами — звезды. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
172. Евтушенко Алексей. Умелец // Евтушенко Алексей. Под колесами — звезды. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

173. Евтушенко Алексей. Челобитная // Евтушенко Алексей. Под колесами — звезды. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
174. Елисеева О. Сокол на запястье // Сакральная фантастика: 2. — М.: Мануфактура, 2001.
175. Елисеева Ольга. Дерианур — море света // Сакральная фантастика: 3. Ч. 2. — М.: Мануфактура, 2001.
176. Ершов Юрий. Галактический заговор // Юный техник (М.). — 2001. — № 4, 5, 6.
177. Еськов Кирилл. Дежа вю // Если (М.). — 2001. — № 7.
178. Железнов Свенельд. Волшебные камни // Фантаст (М.). — 2001. — 22 авг. (№ 4).
179. Железнов Свенельд. Когда дракон истекает кровью // Фантаст (М.). — 2001. — 15 марта (№ 2).
180. Жилинский Александр. Ты веришь? // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 11.
181. Задорожный А., Блинецов Д. Благородная работа // Задорожный А., Блинецов Д. Золото под ногами. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
182. Задорожный А., Блинецов Д. Золото под ногами // Задорожный А., Блинецов Д. Золото под ногами. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
183. Задорожный А., Блинецов Д. Опасное предприятие // Задорожный А., Блинецов Д. Золото под ногами. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
184. Захаров Дмитрий. Париж // День и ночь (Красноярск). — 2001. — № 7 — 8.
185. Зевайкин Александр. Гость и гости // Странник (Саранск). — 2001. — № 3.
186. Зевайкин Александр. Искушение среднего колдуна // Странник (Саранск). — 2001. — № 3.
187. Зевайкин Александр. Сборщик кидатей // Странник (Саранск). — 2001. — № 3.
188. Зорич Александр. Корабль стрекоз // Наша фантастика. Вып. 3. — М.: Центрполиграф, 2001 // Зорич Александр. Первый меч Бургундии. — М.: Центрполиграф, 2001.
189. Зузлев Виктор. Колонист // Порог (Кировоград). — 2001. — № 11.
190. Иваницкас Гинтас. И прочь гони все мои сны... // Наша фантастика. Вып. 3. — М.: Центрполиграф, 2001.
191. Иванов Борис. Золото Эльфов // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 1.

192. Иванов Всеволод. Генералиссимус // Дружба народов (М.). — 2001. — № 3.
193. Иванов Евгений. Тьма // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 4.
194. Игнатова Наталья, Кукаркина Василина. Сказка о любви: Сентиментальный боевик // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2001. — № 1, 2.
195. Измайлов Андрей. Билет на Луну // Наши в городе. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
196. Ильин Владимир. Бэдж // Ильин Владимир. Сны замедленного действия. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
197. Ильин Владимир. Возвращение Рэнсра // Ильин Владимир. Сны замедленного действия. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
198. Ильин Владимир. Слишком умная собака // Ильин Владимир. Сны замедленного действия. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
199. Ильин Владимир. Сны замедленного действия // Ильин Владимир. Сны замедленного действия. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
200. Ильин Владимир. Тысяча и одна смерть // Ильин Владимир. Сны замедленного действия. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
201. Иртенина Н. Синий ангел // Сакральная фантастика: 2. — М.: Мануфактура, 2001.
202. Итторр Кайл. Алхимик // Порог (Кировоград). — 2001. — № 5.
203. Ищук Инна. Клон // Лит. Россия (М.). — 2001. — 6 июля (№ 27).
204. Каганов Леонид. Космическая джинса // Водка (М.) — 2001. — № 11 — 12.
205. Казаков Дмитрий. Башня // Фантаст (М.). — 2001. — 22 авг. (№ 4).
206. Казаков Дмитрий. Вечный странник // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 4.
207. Казаков Дмитрий. Заклинатель // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 11.
208. Казаков Дмитрий. Ненависть // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 7.
209. Казменко Сергей. Галактическая валюта // Наша фантастика. Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 2001.
210. Казменко Сергей. Сделай себе собеседника // Наша фантастика. Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 2001.
211. Каленюк Евгений. Истина в вине // Порог (Кировоград). — 2001. — № 11.

212. Каленюк Евгений. Повесть о Трумэне // Порог (Кировоград). — 2001. — № 7.
213. Калугин Алексей. Большая литература // Порог (Кировоград). — 2001. — № 10.
214. Калугин Алексей. Крылья над миром // Порог (Кировоград). — 2001. — № 7.
215. Калугин Алексей. Не переставая удивляться // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 9. // Порог (Кировоград). — 2001. — № 9.
216. Калугин Алексей. Синдром Лазаря // Наша фантастика. Вып. 3. — М.: Центрполиграф, 2001.
217. Калугин Денис. Звездный домовой // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 7.
218. Кангин Артур. Троллейбус № 13 // Домашнее чтение (М.). — 2001. — Янв. (№ 1).
219. Караев Николай. Как старфайтеры в ночи // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 11.
220. Карпов Геннадий. Афродита Супярийская // Карпов Геннадий. Выявление паразмата. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
221. Карпов Геннадий. Жуткая сказка // Карпов Геннадий. Выявление паразмата. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
222. Карпов Геннадий. Как мне быть? // Карпов Геннадий. Выявление паразмата. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
223. Кириллов Сергей. Азарт // Энергия (М.). — 2001. — № 4.
224. Кириллов Сергей. Давай сыграем вместе // Энергия (М.). — 2001. — № 10.
225. Кириллов Сергей. Курильщик // Энергия (М.). — 2001. — № 4.
226. Киселев Андрей. Подросток // Порог (Кировоград). — 2001. — № 9.
227. Киселев Андрей. Эпицентр // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 7.
228. Кликин Михаил. Песня сфинкса // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 4.
229. Кликин Михаил. Это твоё небо, малыш // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 4.
230. Клугер Даниэль. Лебединая песня // наших быт. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
231. Колосов Дмитрий. Всадники Апокалипсиса // Колосов Дмитрий. То самое копьё. — М.: Центрполиграф, 2001.
232. Колосов Дмитрий. Червячок // Наша фантастика. Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 2001.

233. Комаров Виктор. Неудачник // Если (М.). — 2001. — № 9.
234. Кононов Николай. Гений Евгении // Знамя (М.). — 2001. — № 4.
235. Кононов Николай. Как мне жаль: Дневник // Знамя (М.). — 2001. — № 4.
236. Кононов Николай. Микеша // Знамя (М.). — 2001. — № 4.
237. Копылова Полина. VIRAGO // Сакральная фантастика: 3. Ч. 2. — М.: Мануфактура, 2001.
238. Корепанов Алексей. ...И сладок сон воспоминаний // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 9.
239. Корепанов Алексей. Игры на песке // Наша фантастика. Вып. 3. — М.: Центрполиграф, 2001.
240. Корепанов Алексей. Не поверят // Порог (Кировоград). — 2001. — № 1.
241. Корепанов Алексей. Наваждение // Порог (Кировоград). — 2001. — № 6.
242. Корепанов Алексей. Озеро юности // Порог (Кировоград). — 2001. — № 4.
243. Корепанов Алексей. Отражение // Фантаст (М.). — 2001. — 22 авг. (№ 4).
244. Корепанов Алексей. По заповедям // Фантаст (М.). — 2001. — 15 марта (№ 2).
245. Корепанов Алексей. Следы // Фантаст (М.). — 2001. — 25 апр. (№ 3).
246. Корепанов Алексей. Труба восьмого ангела // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 11.
247. Корнилаев Павел. Созданные для рая // Абакан литературный. — 2001. — № 2,3
248. Корнилова Наталья. Душа в рассрочку // Корнилова Наталья. Душа в рассрочку. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
249. Корнилова Наталья. Черная фата // Корнилова Наталья. Душа в рассрочку. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
250. Коростелев Дмитрий. Испытатель // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 11.
251. Котенко Олег. Повесть о глупости // Порог (Кировоград). — 2001. — №№ 5 — 6.
252. Котина Елена. Ничья // Химия и жизнь — XXI век (М.). — 2001. — № 4.
253. Котов Владимир. Потеря // Наши в городе. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

254. Кочетков Александр. Воочию // Наши в городе. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
255. Кочетков Александр. Голос народа // Наших быют. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
256. Кочетков Александр. Каменная баба // Наших быют. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
257. Кочетков Александр. Потусторонний // Наши в городе. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
258. Кошелева Екатерина. Убить дракона // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 3.
259. Кошка Черная. Королева Купола // Порог (Кировоград). — 2001. — № 9.
260. Кругликов Алексей. Мара // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2001. — № 3.
261. Кругликов Алексей. Прощай, Танюша // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2001. — № 3.
262. Крупеникова Ирина. Еретик // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 6.
263. Крылов Александр. Оддор // Искатель (М.). — 2001. — № 8.
264. Крыштелев Владимир. Вторжение // Наша фантастика. Вып. 3. — М.: Центрполиграф, 2001.
265. Кубатиев Алан. Вы летите, как хотите!.. // Если (М.). — 2001. — № 10.
266. Кудрявцев Александр. Возмездие // Порог (Кировоград). — 2001. — № 5.
267. Кудрявцев Леонид. Контролёр памяти // Кудрявцев Леонид. Претендент. — М.: АСТ, 2001.
268. Кудрявцев Леонид. Претендент // Кудрявцев Леонид. Претендент. — М.: АСТ, 2001.
269. Кузьменко Павел. Б // Наших быют. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
270. Кулагин Олег. Дип-склероз // Дип-склероз. — М.: АСТ, 2001.
271. Кулагин Олег. Легенда физтеха // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 8.
272. Кулагин Олег. Мой папа — склеротик // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 2 // Порог (Кировоград). — 2001. — № 5.
273. Кулагин Олег. Мудрецы и слуги // Порог (Кировоград). — 2001. — № 8.
274. Куприянов Вячеслав. Мертвая петля // Москва. — 2001. — № 7.

275. Куприянов Вячеслав. Четверо // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 10.
276. Куприянов Сергей. Плечи Парфии // Если (М.). — 2001. — № 1.
277. Купцов Василий. Великое кощунство // Наша фантастика. Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 2001.
278. Купцов Василий. Доказательства должны быть вещественны // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 11 // Фантаст (М.). — 2001. — 9 февр. (№ 1) // Порог (Кировоград). — 2001. — № 11.
279. Купцов Василий. Закрой рот, Джинн, — кишки протрудишь... // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 1.
280. Купцов Василий. Угадай-ка! // Порог (Кировоград). — 2001. — № 4.
281. Купцов Василий. Угадайка, или Рассказики — числом семь // Фантаст (М.). — 2001.
282. Купцов Василий. Ужас движущихся лестниц // Порог (Кировоград) — 2001. — № 2 // Наша фантастика. Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 2001.
283. Купцов Василий. Шестисотый Мерседес // Порог (Кировоград). — 2001. — № 8 // Фантаст (М.). — 2001. — 15 марта (№ 2).
284. Лайк Александр. Милость богини // Порог (Кировоград). — 2001. — № 11.
285. Ларин Виктор. Особые рекомендации // Юный техник (М.). — 2001. — № 3.
286. Лебедев Алексей, Афанасьев Роман. Тетра // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 5.
287. Лебедев Алексей. Ветроград // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 10 // Фантаст (М.). — 2001. — 22 авг. (№ 4).
288. Лебедев Алексей. Один в лодке // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 7.
289. Лебедев Алексей. Пирующий на закате // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 4.
290. Лебедев Алексей. Транс // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 1.
291. Лебедев Алексей. Флейта Азатота // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 5 // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 10.
292. Лебедева Ольга. Клиника Шварца // Порог (Кировоград). — 2001. — № 4.

293. Леженда Валдис. Туннель // Порог (Кировоград). — 2001. — № 2.
294. Ливадный Андрей. Вынужденная посадка // Ливадный Андрей. Туманность Ориона. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
295. Ливадный Андрей. Город мертвых // Ливадный Андрей. Дабог. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
296. Ливадный Андрей. Повторная колонизация // Ливадный Андрей. Третья раса. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
297. Ливадный Андрей. Посол // Ливадный Андрей. Туманность Ориона. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
298. Литовченко Тимур. Исповедь туриста // Порог (Кировоград). — 2001. — № 11.
299. Логинов Святослав. Большая дорога // Если (М.). — 2001. — № 10.
300. Логинов Святослав. Единая пядь // Логинов Святослав. Мёд жизни. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
301. Логинов Святослав. Землепашец // Фантастика 2001. — М.: АСТ, 2001 // Логинов Святослав. Железный век. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
302. Логинов Святослав. Змейко // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 1 // Логинов Святослав. Мёд жизни. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
303. Логинов Святослав. К вопросу о природе вампиров // Логинов Святослав. Мёд жизни. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
304. Логинов Святослав. Книжник // Логинов Святослав. Мёд жизни. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
305. Логинов Святослав. Мемурашки // Логинов Святослав. Мёд жизни. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
306. Логинов Святослав. Фазовый переход // Логинов Святослав. Мёд жизни. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
307. Логинов Святослав. Фундамент // Логинов Святослав. Железный век. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
308. Локхард Джордж. The Dragonslayer // Порог (Кировоград). — 2001. — № 4.
309. Локхард Джордж. Симфония тьмы // Наша фантастика. Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 2001.
310. Лукин Евгений. За железной дверью // Фантастика 2001. — М.: АСТ, 2001.
311. Лукин Евгений. И гром не грянул // Если (М.). — 2001. — № 11.

312. Лукин Евгений. Ну ты и спросил! // Лит. газета (М.). — 2001. — 22 — 28 авг. (№ 34).
313. Лукин Евгений. Памятка интуристу // Фантаст (М.). — 2001. — 9 февр. (№ 1).
314. Лукин Евгений. Песнь о Вещем Олеге // Фантаст (М.). — 2001. — 15 марта (№ 2).
315. Лукин Евгений. Труженики Зазеркалья // Если (М.). — 2001. — № 6.
316. Лукина Любовь, Лукин Евгений. Заклятие // Если (М.). — 2001. — № 2.
317. Лукина Любовь, Лукин Евгений. Рыцарь Хрустальной Чаши // Фантаст (М.). — 2001. — 25 апр. (№ 3).
318. Лукина Любовь, Лукин Евгений. Сила действия равна... // Фантаст (М.). — 2001. — 22 авг. (№ 4).
319. Лукьяненко Сергей. Ахауля ляляпта // Водка (М.) — 2001. — № 7.
320. Лукьяненко Сергей. От судьбы... // Если (М.). — 2001. — № 6.
321. Лукьяненко Сергей. Переговорщики // Фантастика 2001. — М.: АСТ, 2001.
322. Лукьяненко Сергей. Прозрачные витражи // Фантастика 2001. — М.: АСТ, 2001.
323. Лучко Вячеслав. Только три ночи // Приключения, фантастика (М.). — 2001. — № 1.
324. Ляшова Людмила. Ассистентка факира // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 3.
325. Мазова Н. Янтарное имя // Сакральная фантастика: 2. — М.: Мануфактура, 2001.
326. Мазова Наталья. Золотая герань // Сакральная фантастика: 3. Ч. 1. — М.: Мануфактура, 2001.
327. Макеев Сергей. Удивительные путешествия по России барона фон Мюнхгаузена // Пионер (М.). — 2001. — № 9.
328. Максимов Евгений. Городок // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 9.
329. Максимов Евгений. Стражники Кристама // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 5.
330. Малышева Галина. Гранат от Гадеса // Порог (Кировоград). — 2001. — № 3.
331. Малышева Галина. Меч не игрушка // Порог (Кировоград). — 2001. — № 1.
332. Мамлеев Юрий. Полет // Моск. комсомолец. — 2001. — 13 окт. (№ 229).

333. Маринина Александра. Ну, ребята, вы попали! // Маринина Александра. Комедии. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
334. Маркелова Наталья. Последний эльф // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 8.
335. Марков Николай. Alluäudellina electrica // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 6.
336. Марышев Владимир. Основатель // Порог (Кировоград). — 2001. — № 5.
337. Марышев Владимир. Неделя перед вечностью // Ончыко (Йошкар-Ола). — 2001. — № 2.
338. Марышев Владимир. О, эти русские! // Энергия (М.). — 2001. — № 5.
339. Марышев Владимир. Совершенный пустяк // Юный техник (М.). — 2001. — № 8.
340. Марьин Олег. Один день на даче // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 8.
341. Марьин Олег. Пасечник // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 10 // Сакральная фантастика: 3. Ч. 2. — М.: Мануфактура, 2001.
342. Марьин Олег. Пивной день // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 6 // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 4.
343. Марьин Олег. Последний бой старого и матерого галактического рейнджера-истребителя Сидорова Евгения Олеговича // Фантаст (М.). — 2001. — 25 апр. (№ 3).
344. Марьин Олег. Уже осень // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 1.
345. Марьин Олег. Я родился // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 11.
346. Маслов Александр. Великий удар // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 7.
347. Маслов Александр. Под созвездием Гончих Псов // Фантаст (М.). — 2001. — 25 апр. (№ 3).
348. Матвеева Анна. Младенец // Октябрь (М.). — 2000. — № 12.
349. Матвеева Татьяна. Deep Dawn // Дип-склероз. — М.: АСТ, 2001.
350. Матях Анатолий. Мидас четвертого разряда // Химия и жизнь — XXI век (М.). — 2001. — № 10.
351. Матях Анатолий. Я не желаю зла // Порог (Кировоград). — 2001. — № 6.

352. Меклина Маргарита. Сражение при Петербурге // Порог (Кировоград). — 2001. — № 2.
353. Мельник Геннадий. Коматоз // Порог (Кировоград). — 2001. — № 11.
354. Мельников Виктор. Зеленый крест // Наш современник (М.). — 2001. — № 3.
355. Мзареулов Константин. Высший стимул // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 4.
356. Мзареулов Константин. Третье лицо Сатаны // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 3.
357. Мидянин Виталий. Он где-то был // Наша фантастика. Вып. 3. — М.: Центрполиграф, 2001.
358. Мидянин Виталий. Похмельный коктейль // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 6.
359. Мидянин Виталий. Сердцебык // Наша фантастика. Вып. 3. — М.: Центрполиграф, 2001.
360. Мирот Сергей. Такая работа // Знамя (М.). — 2001. — № 7.
361. Могилевцев Дмитрий. Кошмары среднего возраста // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 10.
362. Могилевцев Дмитрий. Первый и последний подвиг Конана // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 8.
363. Могилевцев Дмитрий. Трава // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 5.
364. Мокин Александр. Бывает... // Порог (Кировоград). — 2001. — № 8.
365. Мокин Александр. Галактика приветствует тебя, клиент! // Энергия (М.). — 2001. — № 7.
366. Мокин Александр. Далеко-далеко // Энергия (М.). — 2001. — № 3.
367. Мокин Александр. Найденыш // Энергия (М.). — 2001. — № 2.
368. Мокин Александр. Не надо играть со временем! // Порог (Кировоград). — 2001. — № 6.
369. Мокин Александр. Рыбалка на Танзаре // Энергия (М.). — 2001. — № 6.
370. Мокин Александр. Формула ИИ // Энергия (М.). — 2001. — № 9.
371. Морозов Андрей. Звездные боины // Порог (Кировоград). — 2001. — № 7.
372. Морочко Вячеслав. Явление народу: Немыслимые истории. — М.: Э.РА, 2001.

373. Моторный Максим. 31 февраля // Порог (Кировоград). — 2001. — № 1.
374. Моторный Максим. Извините, вы ошиблись номером // Порог (Кировоград). — 2001. — № 11.
375. Моторный Максим. Исповедь в коде ASCII // Порог (Кировоград). — 2001. — № 5.
376. Навроцкая Елена. Крылья // Порог (Кировоград). — 2001. — № 6.
377. Некрасова Наталья. Повесть о последнем кранки // Сакральная фантастика: 3. Ч. 1. — М.: Мануфактура, 2001.
378. Нестеров Ростислав. Загадка // Искатель (М.). — 2001. — № 8.
379. Нестеров Юрий. SETIвик // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 5.
380. Нестерюк Стас. Туннель // Странник (Саранск). — 2001. — № 2.
381. Никитин Юрий. Летучий Голландец // Фантаст (М.). — 2001. — 25 апр. (№ 3).
382. Никитин Юрий. Последний день отпуска // Наша фантастика. Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 2001 // Фантаст (М.). — 2001. — 9 февр. (№ 1).
383. Никитин Юрий. Снова зубы настежь // Фантаст (М.). — 2001. — 15 марта (№ 2).
384. Нихто Я. Когда светит луна // Порог (Кировоград). — 2001. — № 3.
385. Новак Илья. Атмосфера. Сила воздуха, слабость огня // Порог (Кировоград). — 2001. — № 1.
386. Новак Илья. Полдень — Полночь // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 8.
387. Новак Илья. Полночь — полдень (Бродяги разрушают город) // Порог (Кировоград). — 2001. — № 9. — Продолжение следует.
388. Овчинников Олег. Боль // Если (М.). — 2001. — № 9.
389. Овчинников Олег. Доказательство // Если (М.). — 2001. — № 3.
390. Овчинников Олег. Путь к сердцу мужчины: (Из воспоминаний космодесантника) // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 4.
391. Овчинников Олег. Утро мертвых живцов (Танатофобия) // Фантаст (М.). — 2001. — 25 апр. (№ 3) // Порог (Кировоград). — 2001. — № 4.

392. Овчинников Олег. Ушелец // Порог (Кировоград). — 2001. — № 1.
393. Олди Генри Лайон. Ничей дом // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 3.
394. Олди Генри Лайон. Пророк // Фантаст (М.). — 2001. — 15 марта (№ 2).
395. Олди Генри Лайон. Пять минут займы // Фантаст (М.). — 2001. — 22 авг. (№ 4).
396. Олди Генри Лайон. Скидка на талант // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 1.
397. Олди Генри Лайон. Чужой среди своих: Космическая оперетта-буфф // Порог (Кировоград). — 2001. — № 2 — 3. // Олди Генри Лайон. Чужой среди своих. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
398. Олейников Алексей. Мариам танцует // Порог (Кировоград). — 2001. — № 8.
399. Орлова Василина. Голос тонкой тишины // Дружба народов (М.). — № 1.
400. О'Сполох. В белом // Фантаст (М.). — 2001. — 15 марта (№ 2).
401. О'Сполох. Дом продается // Фантаст (М.). — 2001. — 22 авг. (№ 4).
402. О'Сполох. Теория смеха // Фантаст (М.). — 2001. — 9 февр. (№ 1).
403. О'Сполох. Хозяин // Фантаст (М.). — 2001. — 25 апр. (№ 3).
404. Панченко Григорий. Перемена знака // Наша фантастика. Вып. 3. — М.: Центрполиграф, 2001.
405. Паутов Владимир. Лесная история // Чудеса и приключения (М.). — 2001. — № 5.
406. Пентегов Дмитрий. Позорный Контакт // Лит. Россия (М.). — 2001. — 14 дек. (№ 50).
407. Первушин Антон. Кукольных дел мастера // Наша фантастика. Вып. 3. — М.: Центрполиграф, 2001.
408. Петров Андрей. Бесноватый // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 7.
409. Петров Андрей. Легенда // Фантаст (М.). — 2001. — 22 авг. (№ 4).
410. Петров Владислав. Покинутые и Шакал // наших бьют. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
411. Пичугов Олег. Созвездие с'Ада // Порог (Кировоград). — 2001. — № 9.

412. Плахотникова Елена. Дом с плющом // Порог (Кировоград). — 2001. — № 7.
413. Плахотникова Елена. С добрым утром! // Порог (Кировоград). — 2001. — № 4.
414. Плеханов Андрей. 3-D Action в натуре // Если (М.). — 2001. — № 7.
415. Плешаков Константин. Ведьма // Дружба народов (М.). — 2001. — № 5.
416. Подистов Андрей. Наваждение // Порог (Кировоград). — 2001. — № 9.
417. Подистова Лариса. Козни Лукавого // Порог (Кировоград). — 2001. — № 4.
418. Подколотный Игорь, Стрельченко Сергей. Исполнение желаний // Наука и жизнь (М.). — 2001. — № 1.
419. Покровский Владимир. Георгес или одеятнадцативековивание // Покровский Владимир. Георгес или одеятнадцативековивание. — Липецк: Крот, 2001.
420. Покровский Владимир. Планета, где все можно // Покровский Владимир. Георгес или одеятнадцативековивание. — Липецк: Крот, 2001.
421. Покровский Владимир. Скажите Раз // Покровский Владимир. Георгес или одеятнадцативековивание. — Липецк: Крот, 2001.
422. Поляшенко Дмитрий. Вадик et Universum // Порог (Кировоград). — 2001. — № 11.
423. Потапов В.В. За железной стеной // Приключения, фантастика (М.). — 2001. — № 1.
424. Прозоров Виталий. Красное и серое // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 1.
425. Прохоров Артем. Отражение фальшивых сердец // Дипсклероз. — М.: АСТ, 2001.
426. Пугачев Максим. Падшие Ангелы // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 4.
427. Пузий Владимир. ...На приезжих гладиаторов // Порог (Кировоград). — 2001. — № 4.
428. Пузий Владимир. Немой учитель // Порог (Кировоград). — 2001. — № 11.
429. Пузий Владимир. Почтальон в Волшебной Долине // Химия и жизнь — XXI век (М.). — 2001. — № 7 — 8.
430. Пузий Владимир. Разговор перед обедом // Порог (Кировоград). — 2001. — № 7.

431. Пьецух Вячеслав. Бог в городе // Новый мир (М.). — 2001. — № 3 // Пьецух Вячеслав. Заколдованная страна. — М.: Центрполиграф, 2001.
432. Пьецух Вячеслав. Город Глупов в последние десять лет // Пьецух Вячеслав. Заколдованная страна. — М.: Центрполиграф, 2001.
433. Пятаев Глеб. Паспорт гражданина // Фантаст (М.). — 2001. — 9 февр. (№ 1).
434. Рагузин Павел. Сквозь жизни // Порог (Кировоград). — 2001. — № 9.
435. Радутный Радий. Зверь, который живет в тебе // Наша фантастика. Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 2001.
436. Рассанова Татьяна. Жизнь привидений после реституции // Ступени Оракула (М.). — 2001. — № 1.
437. Рачков А. Женечка // Приключения, фантастика (М.). — 2001. — № 4.
438. Резанова Наталья. Аргентум // Если (М.). — 2001. — № 3.
439. Резанова Наталья. Жертва // Наша фантастика. Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 2001.
440. Риверс Диана. Экспериментатор // Хакасия (Абакан). — 2001. — 5 янв. (№ 5)
441. Риверс Диана. Это не Витипаска? // Хакасия (Абакан). — 2001. — 12 апр. (№ 68).
442. Романецкий Николай. Ночь будет певучей и нежной // Романецкий Николай. Везунчик. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
443. Романецкий Николай. Сквозняк в незакрытых дверях // Романецкий Николай. Везунчик. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
444. Романецкий Николай. Счастливая невеста // Романецкий Николай. Везунчик. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
445. Рощина Ирина. Черная дыра // Абакан литературный. — 2001. — № 1.
446. Руденко Борис. Светлый праздник Распятия // Химия и жизнь — XXI век (М.). — 2001. — № 2 // Руденко Борис. Логово змея. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
447. Рудинский Владимир. Казак Пугачёва // Чудеса и приключения (М.). — 2001. — № 4.
448. Рузанкина Наталья. Девочка и Слово // Странник (Саранск). — 2001. — № 2.
449. Саба Санди. Кто тебя выдумал, Звездная страна?.. // Странник (Саранск). — 2001. — № 1.
450. Сабуров Юрий. Рыцарь славного образа // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 6.

451. Савина Екатерина. Лагуна вечной любви // Савина Екатерина. Пикник в преисподней. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
452. Савина Екатерина. Пикник в преисподней // Савина Екатерина. Пикник в преисподней. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
453. Саломатов Андрей. В будущем году я стану лучше // Если (М.). — 2001. — № 9.
454. Сашнева Александра. Сотворение мира // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 9 // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 6.
455. Силаев Александр. Мальчик Влад // Наших быют. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
456. Силаев Александр. Народ // Наших быют. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
457. Силаев Александр. Приглашение в рай // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 9.
458. Синицин Олег. Батилиман // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 5.
459. Сиянская Светлана. День черной луны // Сиянская С. Обрученная с Люцифером. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
460. Сиянская Светлана. Обрученная с Люцифером // Сиянская С. Обрученная с Люцифером. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
461. Сиякин Сергей. Век креста // Порог (Кировоград). — 2001. — № 9.
462. Сиякин Сергей. Кавказский пленник // Порог (Кировоград). — 2001. — № 8.
463. Сиякин Сергей. Шпион божьей милостью, или Евангелие от ФСБ: Повесть с маленькими преувеличениями // Фантастика 2001. — М.: АСТ, 2001.
464. Ситников Константин. Internet-кафе Затонувший Titanic // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 3.
465. Ситников Константин. Крольчиха // Порог (Кировоград). — 2001. — № 8.
466. Ситников Константин. Открытие профессора Ямвлиха // Химия и жизнь — XXI век (М.). — 2001. — № 6.
467. Ситников Константин. Прорыв к морю // Химия и жизнь — XXI век (М.). — 2001. — № 9.
468. Ситников Константин. Формула профессора Ямвлиха // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 6.
469. Ситников Константин. Формула профессора Ямвлиха // Порог (Кировоград). — 2001. — № 5.

470. Скаландис Ант, Сидоров Сергей. Гомоснугус // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 7.
471. Скаландис Ант, Сидоров Сергей. Роковые яйца-2 // Техника — молодежи. — 2001. — № 1.
472. Скаландис Ант. Добежать до булочной // Наших быют. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
473. Скаландис Ант. Наладчик // Наши в городе. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
474. Скафиди Дмитрий. Мыслеформы // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 5.
475. Скафиди Дмитрий. Мыслеформы // Порог (Кировоград). — 2001. — № 7.
476. Скирюк Дмитрий, Смирнов Виталий. Крылья Родины // Порог (Кировоград). — 2001. — № 3.
477. Скирюк Дмитрий. Иван-дурилка // Наша фантастика. Вып. 3. — М.: Центрполиграф, 2001.
478. Скирюк Дмитрий. Имя // Порог (Кировоград). — 2001. — № 8.
479. Скитский Максим. ТРИада: Сон в летнюю ночь // Наших быют. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
480. Слюсарев Валерий. Неиспользованная возможность // Тайная сила (М.). — 2001. — № 11.
481. Слюсарев Валерий. Этого не может быть // Не может быть (М.). — 2001. — № 7.
482. Слюсарь Виталий. Возвращение // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 5.
483. Слюсарь Виталий. Колесо // Порог (Кировоград). — 2001. — № 3.
484. Слюсарь Виталий. Реальность // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 4.
485. Слюсарь Виталий. Сказка // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 4.
486. Смирнов Алексей. Сквозное дело // Компьютерра (М.). — 2001. — № 25, 26, 27, 28.
487. Смирнов Алексей. Ядерный Вий // Фантом (М.). — 2001. — № 1.
488. Смирнов Борис. Клинок в руке судьбы // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 6.
489. Смирнов Евгений. Контрольный полет // Лит. Россия (М.). — 2001. — 9 нояб. (№ 45).
490. Сокол Игорь. Печать прошлого // Порог (Кировоград). — 2001. — № 3.

491. Сорокин Александр. Давным-давно, в далеком мраморном городе // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 3.

492. Стальнов Илья. Зона особой реальности // Сокол (М.). — 2001. — № 1.

493. Стальнов Илья. Не трожьте памятник // Стальнов Илья. Демоны космоса; Рассказы. — М.: Geleos, 2001.

494. Стальнов Илья. Палачи из телевизора // Стальнов Илья. Демоны космоса; Рассказы. — М.: Geleos, 2001.

495. Стальнов Илья. Подзаправка // Стальнов Илья. Демоны космоса; Рассказы. — М.: Geleos, 2001.

496. Стальнов Илья. Странная всячина // Стальнов Илья. Демоны космоса; Рассказы. — М.: Geleos, 2001.

497. Стальнов Илья. Эксперименты. Эксперименты... // Стальнов Илья. Демоны космоса; Рассказы. — М.: Geleos, 2001.

498. Становкина Лариса. Киборг и человек // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 3.

499. Столпер Юрий. Звезды и полосы // Наша фантастика. Вып. 3. — М.: Центрполиграф, 2001.

500. Столяров Андрей. Как это делается // Если (М.). — 2001. — № 6.

501. Строкин Валерий. Баловень судьбы // Строкин В., Геращенко А. Планета теней. — Минск: Славянский путь, 2001.

502. Строкин Валерий. Да будет свет! // Строкин Валерий, Геращенко А. Сквозь паутину тьмы. — Минск: Славянский путь, 2001.

503. Строкин Валерий. Загадка для сфинкса // Строкин Валерий, Геращенко А. Сквозь паутину тьмы. — Минск: Славянский путь, 2001.

504. Строкин Валерий. Сага о голубой планете // Строкин В., Геращенко А. Планета теней. — Минск: Славянский путь, 2001.

505. Строкин Валерий. Там, где есть тьма, там есть свет // Строкин Валерий, Геращенко А. Сквозь паутину тьмы. — Минск: Славянский путь, 2001.

506. Сухомизская Светлана. Король пик // Сухомизская Светлана. Ночь оборотня. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

507. Сухомизская Светлана. Лавка песочных часов // Сухомизская Светлана. Ночь оборотня. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

508. Сухомизская Светлана. Ночь оборотня // Сухомизская Светлана. Ночь оборотня. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

509. Сухомизская Светлана. Собаки // Сухомизская Светлана. Ночь оборотня. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

510. Сыров Сергей. Предметы созерцания // Порог (Кировоград). — 2001. — № 9.

511. Сыров Сергей. Сказка о том, как хипье сначала само собой вывелось, а потом волшебным образом снова появилось // Порог (Кировоград). — 2001. — № 5.

512. Сыров Сергей. Тексты // Порог (Кировоград). — 2001. — № 7.

513. Тарабанов Дмитрий. Холод бестелесного дождя // Порог (Кировоград). — 2001. — № 6.

514. Таранцев Евгений. Дева и единорог // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 8.

515. Тимонов Максим. Мое имя — Человек // Порог (Кировоград). — 2001. — № 7.

516. Тимонов Максим. Ученик // Порог (Кировоград). — 2001. — № 3.

517. Торопов Евгений. В мире хищных зверей // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 9.

518. Торопов Евгений. Мародеры // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 5.

519. Торопов Евгений. Одно из тысячи приключений командора ЮЮЮ // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 4.

520. Торопов Евгений. Сказка с Дикого Востока // Порог (Кировоград). — 2001. — № 1.

521. Точильникова Наталья. Сон // Порог (Кировоград). — 2001. — № 3.

522. Точильникова Наталья. Избранник // Порог (Кировоград). — 2001. — № 6.

523. Точильникова Наталья. Исповедь // Наша фантастика. Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 2001.

524. Трускиновская Далия. Вот это по-нашему! // Если (М.). — 2001. — № 3.

525. Трускиновская Далия. Кладоискатели // Если (М.). — 2001. — № 10.

526. Трускиновская Далия. По-нашему, по-купечески! // Наши в городе. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

527. Тулин Олег. Буря чудес // Юный техник (М.). — 2001. — № 2.

528. Тулин Олег. Счет за электричество // Юный техник (М.). — 2001. — № 7.

529. Тург Николай. Скажи, кто ты // Порог (Кировоград). — 2001. — № 11.

530. Туроверов Юрий. Легенда // Порог (Кировоград). — 2001. — № 6.
531. Турчанинова Наталья, Бычкова Елена. Снежный тигр // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 7.
532. Тутов Александр. Диверсия // Энергия (М.). — 2001. — № 11.
533. Тутов Александр. Змей // Энергия (М.). — 2001. — № 5.
534. Тутов Александр. Проклятие королевской семьи // Энергия (М.). — 2001. — № 8.
535. Тырин Михаил. Заговор обреченных // Тырин Михаил. Истукан. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
536. Тырин Михаил. Малые возможности // Тырин Михаил. Истукан. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
537. Тырин Михаил. Отпусти зверя // Тырин Михаил. Истукан. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
538. Тырин Михаил. Пустоземские камни // Тырин Михаил. Истукан. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
539. Тырин Михаил. Что останется нам? // Наши в городе. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
540. Угрюмова Виктория. Дом там, где ты // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 4.
541. Фарб Антон. Время зверя // Порог (Кировоград). — 2001. — № 4.
542. Федоров Игорь. Месть // Если (М.). — 2001. — № 12.
543. Федотов Дмитрий. Найти родник // Федотов Дмитрий. Этот мир придуман не мной. — М.: ТЦ Сфера, 2001.
544. Федотов Дмитрий. По шучьему велению // Федотов Дмитрий. Этот мир придуман не мной. — М.: ТЦ Сфера, 2001.
545. Федотов Дмитрий. Повторный вылет // Федотов Дмитрий. Этот мир придуман не мной. — М.: ТЦ Сфера, 2001.
546. Федотов Дмитрий. Серый сентябрь // Федотов Дмитрий. Этот мир придуман не мной. — М.: ТЦ Сфера, 2001.
547. Федотов Дмитрий. Шаг навстречу // Федотов Дмитрий. Этот мир придуман не мной. — М.: ТЦ Сфера, 2001.
548. Фокин Борис. Сумеречное кафе // Наша фантастика. Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 2001.
549. Фридлянд Антон. Запах шахмат. — М.: АСТ, 2001. — 208 с. — (Независимая лит. премия Дебют).
550. Хаецкая Елена. Бертран из Лангедока // Сакральная фантастика: 3. Ч.1. — М.: Мануфактура, 2001.

551. Хаецкая Елена. Добрые люди и злой пес // Если (М.). — 2001. — № 3.
552. Хаецкая Елена. Повесть о дальней любви // Сакральная фантастика: 2. — М.: Мануфактура, 2001.
553. Харитонов Евгений. Обыкновенный оборотень // Наши в городе. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
554. Хворостин Денис. Без ангела-хранителя // Юный техник (М.). — 2001. — № 1.
555. Хиллмэн Кэтрин. Жертва // Порог (Кировоград). — 2001. — № 7.
556. Хиллмэн Кэтрин. Цена бессмертия // Порог (Кировоград). — 2001. — № 2.
557. Хлумов Владимир. Восьмое дело Максимова // Наши в городе. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
558. Хлумов Владимир. Мезозойская история // Наши в городе. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
559. Циркан Валерий. Мир Равновесия // Приключения, фантастика (М.). — 2001. — № 3.
560. Черняков Юрий. Узбекский баран // Знамя (М.). — 2001. — № 6.
561. Чешко Федор. Естествознание в мире ангелов // Наша фантастика. Вып. 3. — М.: Центрполиграф, 2001.
562. Чешко Федор. Колосок // Порог (Кировоград). — 2001. — № 11.
563. Чешко Федор. Четыре Уха и Блестящий Дурак // Порог (Кировоград). — 2001. — № 1.
564. Чистухин Дмитрий. Обрывки // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 9.
565. Чистухин Дмитрий. Пришествие // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 10.
566. Чуруксаева Анна. Огонек // Взгляд (Абакан). — 2001. — 15 февр. (№ 23). — (Жизнь — это песня!)
567. Шалыгин Вячеслав. Погоня за удачей // Шалыгин Вячеслав. Взгляд сквозь Солнце. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
568. Шведов Алексей. Методы вербовки и контроля сознания в деструктивных структурах // Порог (Кировоград). — 2001. — № 7.
569. Шведов Алексей. Одиннадцать вольт для Феникс // Фантом (М.). — 2001. — № 1.

570. Шевченко Дмитрий. Недобор // Фантаст (М.). — 2001. — 25 апр. (№ 3).
571. Шимановский Юрий. Лазурный // Порог (Кировоград). — 2001. — № 9.
572. Штылвелд Веле. Исповедь допотопного ангела // Порог (Кировоград). — 2001. — № 5.
573. Щербак-Жуков Андрей. Случайные образы // Наша улица (М.). — 2001. — № 2.
574. Щербак-Жуков Андрей. Новое назначение // Летопись интеллектуального зодчества (М.). — 2001. — № 3.
575. Щупов Андрей. Великие экспериментаторы // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 9.
576. Щупов Андрей. Дети хлебных времен // Если (М.). — 2001. — № 11.
577. Щупов Андрей. Над бездной // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 4.
578. Щупов Андрей. Очередь // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 1 // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2001. — № 6.
579. Юдаков Сергей. В конце тоннеля // Тайная сила (М.). — 2001. — № 9.
580. Юдаков Сергей. Охота // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 3.
581. Юдаков Сергей. Потеря // Фантаст (М.). — 2001. — 22 авг. (№ 4).
582. Языкова-Ярич Ирина. Дорогой страха // Природа и человек (Свет) (М.). — 2001. — № 8.
583. Якименко Константин. Прыжок // Порог (Кировоград). — 2001. — № 7.
584. Якимчук Николай. Хемингуэй, Сэлинджер, Беккет — три товарища: [Пьеса]. — СПб.: Красный матрос, 2001.
585. Яковенко Роман. Бестолковый словарь и прочее // Порог (Кировоград). — 2001. — № 9.
586. Янковский Дмитрий. Лучший спасатель // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 7.
587. Янълун. Интернет // Порог (Кировоград). — 2001. — № 7 // Энергия (М.). — 2001. — № 5.
588. Григорьев Сергей. Калейдоскоп. — М.: АСТ, 2001.
589. Лукин Евгений. Хранители // Евгений Лукин. Щелк! — М.: АСТ, 2001.
590. Михайлов Владимир. Триала куранта // Если, № 6, 2001.

Критика, литературоведение, история фантастики

1. Арбитман Роман. Общество мертвых фантастов // Время новостей (М.). — 2001. — 18 апр. (№ 69)
2. Байкалов Дмитрий, Синицын Андрей. Истина где-то рядом? (Опыт экзистенциального анализа российских конов) // Если (М.). — 2001. — № 2.
3. Байкалов Дмитрий, Синицын Андрей. Континент // Фантастика 2001. — М.: АСТ, 2001.
4. Байкалов Дмитрий. Люди живых миров // Крапивин В. Лето кончится не скоро. — М.: Центрполиграф, 2001.
5. Белега Елена. Иван Ефремов: Путь по грани // Новый Акрополь (М.). — 2001. — № 2.
6. Белоцицкий Александр. Science fiction has died — long live Fiction! Le fantastique scientifique est morte — vive la fantastique! Научная фантастика умерла — да здравствует фантастика! // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 2.
7. Бережной Сергей. Генри Каттнер и Кэтрин Мур: история одной любви // Питерbook плюс (СПб.). — 2001. — № 5.
8. Бережной Сергей. Несколько главных слов: Что-то вроде апологии // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2001. — № 7.
9. Березин Владимир. Сайнс fiction // Октябрь (М.). — 2001. — № 7.
10. Березин Владимир. Утопия // Октябрь (М.). — 2001. — № 5.
11. Березин Владимир. Фэнтези // Октябрь (М.). — 2001. — № 6.
12. Беркли А. Боевые машины / Пер. с галактического и публикация И. Пинка // Техника — молодежи (М.). — 2001. — № 10.
13. Бондаренко Владимир. Имперский авангард // Завтра (М.). — 2001. — 28 июня (№ 26).
14. Бор Алекс. О творчестве Андрея Белянина // Фантаст (М.). — 2001. — 25 апр. (№ 3).
15. Бор Алекс. Чьи грехи?: (Полемические заметки по поводу) // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 1.
16. Брилева Ольга. Сиквел: Игра на чужом поле // Фантаст (М.). — 2001. — 15 марта (№ 2).
17. Валентинов Андрей. Союз нерушимый фантастов свободных? // Порог (Кировоград). — 2001. — № 5.
18. Виноградова Ольга. Что им надо в другом мире: Фэнтези в подростковом чтении // Библиотека в школе: Прил. к газ. Первое сентября (М.). — 2001. — 16 — 31 мая (№ 10).

19. Владимирский Василий. За прекрасных дам!: Женщины в петербургской фантастике // Питерbook плюс (СПб.). — 2001. — № 3.
20. Володихин Дмитрий. Геймерский роман // Если (М.). — 2001. — № 7.
21. Володихин Дмитрий. Забытый дом и шумный перекресток // Если (М.). — 2001. — № 9.
22. Володихин Дмитрий. Неоампир: Имперская идея в российской фантастике стала продаваемой // Ex libris НГ (М.). — 2001. — 8 мая (№ 16).
23. Володихин Дмитрий. Синдром дискеты // Если (М.). — 2001. — № 1.
24. Гаврилов Дмитрий. Еще раз о русских эльфах // Фантаст (М.). — 2001. — 9 февр. (№ 1).
25. Гаков Вл. Блуждающий в облаках // Если (М.). — 2001. — № 4.
26. Гаков Вл. Куда клонят фантасты? // Если (М.). — 2001. — № 12.
27. Гаков Вл. Создатели жанра // Если (М.). — 2001. — № 6.
28. Гаков Вл. Фантастическая игра // Если (М.). — 2001. — № 7.
29. Геворкян Эдуард. Нравнодушное достоинство // Если (М.). — 2001. — № 3.
30. Гончаров В., Мазова М. Что такое осень // Империя — следлай сам. — М.: Мануфактура, 2001.
31. Гончаров Владислав. Рождение игры // Если (М.). — 2001. — № 2.
32. Гравицкий Алексей. О серии Княжеский пир // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 8.
33. Евгений Балакирев. О толкинизме // Порог (Кировоград). — 2001. — № 3.
34. Елисеева Ольга. Между истерикой и рукоделием: (Основные тенденции развития женской фантастики в России на рубеже веков) // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 7.
35. Еськов Кирилл. Наш ответ Фукуяме (Конец истории? — Не дождетесь!..) // Фантастика 2001. — М.: АСТ, 2001.
36. Казакевич Григорий. И.А. Ефремов: Космос, разум, красота // Земля и Вселенная (М.). — 2001. — № 3.
37. Каплан Виталий. Заглянем за стенку // Новый мир (М.). — 2001. — № 9.
38. Коврова Анна. Земной круг: (Фэнтезийная Ойкумена) // Звездная дорога (Красногорск). — 2001. — № 11.

39. Крапивин Владислав. След ребячьих сандалий // Если (М.). — 2001. — № 1, 2, 3.
40. Миронов Игорь. Смех ради смеха // Лит. Россия (М.). — 2001. — 30 нояб. (№ 48).
41. Мурашова Елена, Федотов Дмитрий. В фантазиях и в реальности: Современная фантастика: На чем она стоит и куда идет // Лит. Россия (М.). — 2001. — 28 сент. (№ 39).
42. Никольский Сергей. Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова: Поэтика скрытых мотивов. — М.: Индрик, 2001.
43. Новак Илья. «Фантастика не есть проза!» — сказал Тиктакшик // Порог (Кировоград). — 2001. — № 4.
44. Панченко Григорий. Горизонты оружия // Наша фантастика. Вып. 2 — 3. — М.: Центрполиграф, 2001.
45. Романецкий Ник. Арьергардные бои фантастического реализма // Книжное обозрение (М.). — 2001. — 16 июля (№ 29 — 30).
46. Рыбаков Вячеслав. То, чего не было — не забывается... // Октябрь (М.). — 2001. — № 11.
47. Синицын Андрей. Эффект синей папки // Если (М.). — 2001. — № 11.
48. Скаландис Ант. Фантастика — китч, а не искусство // Порог (Кировоград). — 2001. — № 4.
49. Станкович Владимир, Волков Владимир. Полумесяц над Европой // Фантаст (М.). — 2001. — 15 марта (№ 2).
50. Харитонов Евгений. Вы, школы Лёвшина птенцы // Если (М.). — 2001. — № 5.
51. Харитонов Евгений. Грустный взгляд веселого человека // Если (М.). — 2001. — № 9.
52. Харитонов Евгений. Мастер провокаций // Если (М.). — 2001. — № 2.
53. Харитонов Евгений. Наука о фантастическом. — М.: Мануфактура, 2001.
54. Харитонов Евгений. Русское поле утопий // Если (М.). — 2001. — № 6, 7, 8.
55. Харитонов Евгений. Счастье, разум и сила... // Если (М.). — 2001. — № 10.
56. Хомяков Анатолий. Выверт идеи // Лит. Россия (М.). — 2001. — 9 нояб. (№ 45).
57. Черный Игорь. Mater et magistra // Фантастика 2001. — М.: АСТ, 2001.
58. Шмалько Андрей. Кто такие фантасты // Химия и жизнь — XXI век (М.). — 2001. — № 7 — 8.

59. Балабуха Андрей. Пророк золотого века, или Делатель королей // в кн.: Джон Кэмпбелл. Лунный ад. — М.: АСТ, 2001.
60. Берсжной Сергей. Тайна Абрахама Меррита // Питерbook, № 8, 2001.
61. Канис В. Критическая масса // Питерbook, № 9, 2001.
62. Переслегин Сергей. Странные взрослые // в кн.: Иван Ефремов. Туманность Андромеды. Час Быка. — М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 2001.
63. Тюрин Александр. Киберпанк как последнее оружие цивилизации // Питерbook, № 7, 2001.

Детская фантастика

(Премия «Алиса»)

1. Акулов Василий. Исполнитель желаний. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
2. Акулов Василий. Как стать невидимкой. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
3. Акулов Василий. Новые Бермуды. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
4. Акулов Василий. Поймай свое отражение. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
5. Акулов Василий. Серебристая метка. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
6. Алексютина Наталья. Призрак Мотылькова // Учительская газета (М.). — 2001. — № 13 — 21.
7. Артамонова Елена. Духи Зазеркалья. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
8. Артамонова Елена. Механические монстры. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
9. Артамонова Елена. Мой друг — вампир. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
10. Булычев Кир. Алиса на живой планете. — М.: Мир Искателя, 2001.
11. Булычев Кир. Вампир Полумракс. — М.: Армада-Пресс; Дрофа, 2001.
12. Булычев Кир. Динозавр. — М.: Армада-Пресс; Дрофа, 2001.

13. Булычев Кир. Звездный пес // Пионерская правда (М.). — 2001. — № 3 — 29.
14. Вийра Юрий. Заколдованный мальчик // Пионерская правда (М.). — 2001. — 25 мая (№ 20).
15. Влодавец Леонид. Клад под могильной плитой. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
16. Влодавец Леонид. Черная книга времен. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
17. Волознев Игорь. Скелеты вышли на охоту. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
18. Емец Дмитрий. Гроб на колесиках. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
19. Емец Дмитрий. Охотники за привидениями. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.
20. Емец Дмитрий. Пленники лазерного диска. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
21. Емец Дмитрий. Юный граф Дракула. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
22. Захаров Роман. Магический жезл. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
23. Захаров Роман. Последний вздох дракона. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
24. Захаров Роман. Талисманы Лучистых магов. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
25. Зимина Ирина. Черная Душа. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
26. Иванов Альберт. Волшебный кувшин Хомы и Суслика. — М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
27. Иванов Альберт. Всемирные следопыты Хома и Суслик. — М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
28. Иванов Альберт. Золотая лихорадка Хомы и Суслика. — М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
29. Иванов Альберт. Опасные странствия Хомы и Суслика. — М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
30. Иванов Антон, Устинова Анна. Проклятие старых могил. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
31. Каришнев-Лубоцкий М. Чародей из Гнэльфбурга. — М.: Оникс 21 век, 2001.
32. Коршунов Игорь. Полет дракона: Сказоч. трилогия. — М.: Армада; Изд-во Альфа-книга, 2001.

33. Крапивин Владислав. Мальчик девочку искал... // Урал (Екатеринбург). — 2001. — № 1 — 3 // Восьмая звезда. — М.: Центрполиграф, 2001.
34. Крюкова Тамара. Гений поневоле. — М.: Аквилегия-М; Калининград: Янтарный сказ, 2001.
35. Крюкова Тамара. Ловушка для героя. — М.: Аквилегия-М; Калининград: Янтарный сказ, 2001.
36. Кузнецов Ю. Возвращение Арахны. — Ярославль: Ньюанс, 2001.
37. Лосев Анатолий. Дверь в неведомое // Лосев А. Дверь в неведомое. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
38. Лосев Анатолий. Остров черных магов // Лосев А. Дверь в неведомое. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
39. Лосев Анатолий. Оранжевый туман // Лосев А. Оранжевый туман. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
40. Лосев Анатолий. Возвращение Попрыгунчика // Лосев А. Оранжевый туман. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
41. Лосев Анатолий. Пройдоха из чужого мира. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
42. Лосев Анатолий. Экскурсия во тьму. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
43. Лукьяненко Сергей. Танцы на снегу. — М.: АСТ, 2001.
44. Макаревич Галина. Звезды... Звезды. Звезды! // Библиотека в школе: Прил. к газ. Первое сентября (М.). — 2001. — 1 — 15 янв. (№ 1).
45. Науменко Г. Духи черного леса. — М.: Астрель; АСТ, 2001.
46. Перова Ирина. Рыцари Короны. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
47. Подольский Илья. Ожившая головоломка. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
48. Пономарёва Т. Укротитель макарон: Сказки. — М.: Дрофа, 2001.
49. Преображенский Александр. Голоса трех миров. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
50. Райтер Мартин. Клинки чужого мира. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
51. Роньшин Валерий. Кладбище кукол. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
52. Сухинов Сергей. Магия против оборотня. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
53. Сухинов Сергей. Подземелье оборотня. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
54. Ткач Елена. Царевна Волхова. — М.: Астрель; АСТ, 2001.

-
55. Трушкин Андрей. Ботан из параллельного мира. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
56. Трушкин Андрей. Паранормальная семейка. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
57. Чапаева Елена. Монстр с алмазными глазами. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
58. Янышев Ренат. Каникулы юной ведьмы. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

Содержание

РАССКАЗЫ

Владимир Антонов. СКУЧНАЯ ЖИЗНЬ	7
Леонид Каганов. МАММА СОННИМ	11
Юрий Бурносов. ВСЁ ЗОЛОТИСТОЕ	54
Сергей Чекмаев. ВЫСШАЯ МЕРА	79
Николай Караев. ЗАБЫТЫЕ ДУШИ, ЖЕЛЕЗНЫЕ СНЫ	96
Сергей Герасимов. ДВЕ НОВЕЛЛЫ О КОРАБЛЕ И ЧЕЛОВЕКЕ	105
Дмитрий Казаков. ЖИВОЕ И МЕРТВОЕ	122
Ян Разливинский. УЛЛА!	133
Олег Овчинников. ПРОБЛЕМЫ С ЭТИМ... КРАСНЫМ... КОТОРЫЙ ВО РТУ!	143
Игорь Ревва. ПОРТРЕТ	160
Алексей Корепанов. НОВЫХ СООБЩЕНИЙ НЕТ	168
Владимир Рогач. ДОМОВАЯ КНИГА	173
Андрей Дашков. ИНСТИНКТ ЖЕРТВЫ	179
Наталья Егорова. ЛИЛЯ	190
Галина Полынская. ЧУЖОЕ СЕРДЦЕ	201
Сергей Лукьяненко. МЫ НЕ РАБЫ	210
Сергей Лукьяненко. ДЕВОЧКА С КИТАЙСКИМИ ЗАЖИГАЛКАМИ	223
Сергей Лукьяненко. ГАДЖЕТ	233
Василий Головачев. ОШИБКА В РАСЧЕТАХ	242

ПОВЕСТИ

Анастасия Шилова. НЕМНОГО ХОЛОДА	285
Андрей Павлухин. ОНИ	333
Анна Богданец. ПЛАНЕТА КАМЕННЫХ ДРАКОНОВ ..	429
Александр Бачило. ЛЕСОПАРК	475
Владимир Аренев. ХИЖИНА ДЯДЮШКИ СЭМА	522

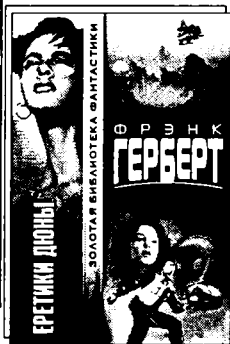
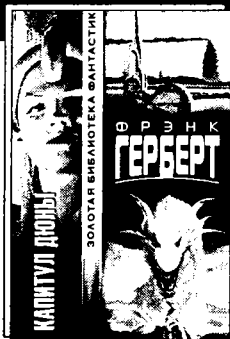
КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА

Ян Разливинский. МИШЕНЬ ВБЛИЗИ, ИЛИ ЛЕГЕНДА О НЕПРАВИЛЬНОЙ КНИГЕ	571
Дмитрий Володихин, Игорь Черный. НЕЗРИМЫЙ БОЙ	602
Дмитрий Байкалов, Андрей Сеницын. ОСОБЫЙ ДОЗОР... ..	615

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФАНТАСТИКА

И ФАНТАСТИКОВЕДЕНИЕ ЗА 2001 г.	634
-------------------------------------	-----

ДЮНА

В серии

«Золотая библиотека фантастики»

опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

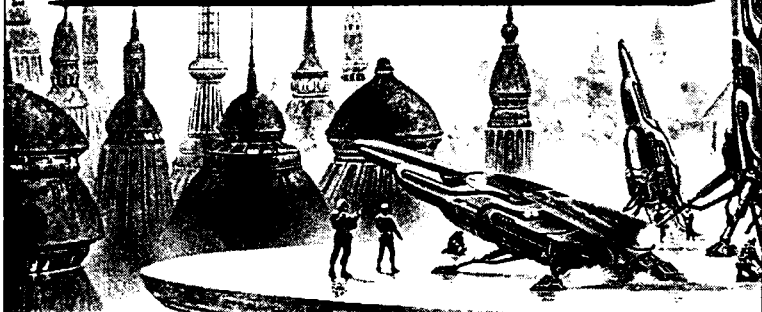
«Дюна», «Мессия Дюны», «Дети Дюны»

«Бог-Император Дюны», «Еретики Дюны»

«Капитул Дюны».

Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Квином Андерсоном создал трилогию «Прелюдия к Дюне»: «Дом Атрейдезов», «Дом Харконненов», «Дом Коррино». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

**Читайте в 2004 году в серии «Золотая библиотека фантастики»
первый роман новой трилогии — «БАТТЕРИАНСКИЙ ДЖИХАД»!**

**По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»**

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:**

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10,
тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1,
Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Фантастика 2003. Выпуск 2

Сборник

Художественный редактор О.Н. Адашкина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Технический редактор О.В. Панкрашина

Компьютерная верстка: А.В. Массарский

Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»

115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 5-17-021385-9

9 785170 213856

Перед вами очередной выпуск альманаха «Фантастика».

Сборник, произведения которого представляют собой ВСЕ направления жанра.

Мастера С. Лукьяненко и В. Головачев. Лидер «новой волны» отечественной научной фантастики Л. Каганов. Новые таланты — и признанные писатели.

Фантастика ироническая — и серьезная, научная — и ненаучная абсолютно!

А также — блестящие критические статьи и библиография всей отечественной фантастики за 2001 год.